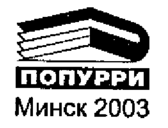
Зигмунд ФРЕЙД

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ



Минск 2003

УДК 612.821.7
ББК 88.6
Ф86

Оформление *М. В. Драко*

Фрейд З.
Ф86 Толкование сновидений / З. Фрейд: Пер. с нем.— Мн.: ООО «Попурри», 2003.— 576 с.
ISBN 985-483-089-6.

Фундаментальная работа Зигмунда Фрейда даёт представление о методе и технике психоанализа, предвосхитивших многие положения современной теории сновидений.

Содержатся конкретные примеры анализа сновидений и описания характерных для них психических процессов. Изложены основные сведения о психоаналитической трактовке символики сновидений.

Для психотерапевтов, психологов, социологов и всех интересующихся проблемами психоанализа и тайнами сновидений.

УДК 612.821.7
ББК 88.6

ISBN 985-483-089-6

I

Данте да Майяно — к стихотворцам

Не откажи, премудрый, сделай милость,
на этот сон вниманье обрати.
Узнай, что мне красавица приснилась —
та, что у сердца в пребольшой чести.
С густым венком в руках она явилась,
желая в дар венок преподнести,
и вдруг на мне рубашка очутилась
с ее плеча — я убежден почти.
Тут я пришел в такое состоянье,
что начал даму страстно обнимать,
ей в удовольствие — по всем приметам.
Я целовал ее. Храню молчанье
о прочем, как поклялся ей. И мать
покойная моя была при этом.

II

Данте Алигьери — к Данте да Майяно

Передо мной достойный ум явив,
Способны вы постичь виденье сами,
но, как могу, откликнусь на призыв,
изложенный изящными словами.
В подарке знак любви предположив
к прекраснейшей и благородной даме,
любви, чей не всегда исход счастлив,
надеюсь я — сойдусь во мненьях с вами.
Рубашка дамы означать должна,
как я считаю, как считаем оба,
что вас в ответ возлюбит и она.
А то, что эта странная особа
с покойницей была, а не одна,
должно бы означать любовь до гроба.

Данте Алигьери
«Малые произведения»

ПРЕДИСЛОВИЕ

К изучению сновидений Фрейд приступил в начале 90-х годов прошлого века. В 1895 г. он внезапно «открыл» для себя основное положение теории сновидений (сновидение — осуществленное желание). Произошло это в небольшом венском ресторанчике. Фрейд шутил, что над столиком, за которым он сидел в тот вечер (точная дата — 24 июля 1895 г.), стоит повесить небольшую мемориальную доску. В каждой шутке — доля шутки, остальное — правда. Фрейд действительно ценил свое открытие чрезвычайно высоко.

Он считал, что книга «Толкование сновидений» была рубежом в его творчестве. В истории психоанализа теория сновидений «занимает особое место, знаменуя собою поворотный пункт; благодаря ей психоанализ сделал шаг от психотерапевтического метода к глубинной психологии. С тех пор теория сновидений является самым характерным и самым своеобразным в этой молодой науке, не имеющим аналогов в наших прочих учениях участком целины, отвоеванным у суеверий и мистики»*. Так Фрейд оценивал место теории сновидений в общем комплексе психоаналитических теорий.

Впервые «Толкование сновидений» было опубликовано в 1900 г. Предисловия З. Фрейда к первым шести изданиям книги позволяют проследить путь развития и распространения психоанализа. Для нас важно, что к моменту первого издания разработка теории сновидений была практически завершена. В последующем Фрейд внес ряд поправок и уточнений. Начиная с четвертого издания, Фрейду в работе помогает один из его ближайших учеников — Отто Ранк, который дополняет список литературы, составляет примечания, а также прилагает к шестой главе книги Фрейда две собственные статьи. Однако все эти уточнения и дополнения не принципиальны. К проблеме сновидений Фрейд возвращается неоднократно, но в большинстве случаев это упрощенное, популярное изложение его взглядов: третья лекция в «Пяти лекциях об истории психоанализа» (в 1989 г. они опубликованы под названием «О психоанализе», ранее включались в «Хрестоматию по истории зарубежной психологии»), небольшая работа «О сновидении» («Психология сна») и, наконец, пятая — пятнадцатая лекции во «Введении в психоанализ».

В последние годы жизни З. Фрейд вновь возвращается к проблеме сновидений, что отражено в третьем разделе «Лекций», который никогда не был прочитан аудитории: автор был слишком стар и болен. Одна из его лекций — «Пересмотр теории сновидений» — дает немного дополнительных сведений о теории сновидений, однако позволяет судить о том, *что именно* Фрейд считал главным в своей теории, а что — второстепенным. Содержание второй лекции — «Сновидение и оккультизм» — достаточно далеко от собственно проблемы сновидений, зато мы можем ознакомиться с мнением Фрейда по поводу астрологии, пророчеств, гаданий — всего того, что входит в моду в наши дни. И здесь Фрейд верен себе! Он не столько критикует эти феномены (хотя, безусловно, не верит в них), сколько пытается проанализировать те психологические закономерности, которые лежат в основе оккультизма.

Главными особенностями «Толкования сновидений» являются последовательность и обстоятельность изложения, насыщенность конкретными примерами. Книгу следует читать внимательно, «от корки до корки», иначе «прервется мысль связующая нить» и знакомство с книгой не прибавит ничего к той информации, которую читатель уже почерпнул из других, популярных, источников. Более того, мы можем получить искаженное, поверхностное впечатление о теории сновидений (Фрейд в конце жизни имел все основания жаловаться на то, что

* Фрейд З. Введение в психоанализ, — М.: Наука, 1989, — С. 301.

его теория стала популярной, но осталась непонятой). Подробное, детализированное изложение как бы воспроизводит процесс психоаналитического исследования. Мы знакомимся не только с теоретическими обобщениями, но в большей степени — с материалом, послужившим источником для обобщений. В этом плане «Толкование» не имеет аналогов

ВВЕДЕНИЕ

Делая попытку толкования сновидений, я не переступаю, на мой взгляд, замкнутого круга невропатологических интересов. Сновидение в психологическом анализе служит первым звеном в ряду психических феноменов, из которых дальнейшие — истерические фобии, навязчивые мысли и бредовые идеи должны интересовать врача по практическим соображениям. На такое практическое значение сновидение — как мы увидим — претендовать не может. Но тем значительнее его теоретическая ценность в качестве парадигмы[1]. Кто не умеет объяснить себе возникновение сновидений, тот напрасно будет стараться понять различного рода фобии, навязчивые мысли, бредовые идеи с той целью, чтобы оказать на них терапевтическое воздействие.

Эта тесная взаимозависимость, которой обязана своею важностью разбираемая тема, является, однако, причиною и недостатков предлагаемой работы. Проблемы, имеющиеся в нашем изложении в столь обильном количестве, соответствуют стольким же точкам соприкосновения, в которых проблема образования сновидений входит в более общие проблемы психопатологии, которые не освещаются тут и которым будут посвящены дальнейшие исследования, поскольку позволят время и силы.

Своеобразие материала, с которым приходилось оперировать для толкования сновидений, чрезвычайно затрудняло мою работу. Из изложения само собою будет ясно, почему все сновидения, описанные в литературе или собранные от неизвестных лиц, совершенно не пригодны для моих целей. У меня был только выбор между собственными сновидениями и сновидениями моих пациентов, пользующихся психоаналитическим лечением. Использование последних затруднялось тем, что

эти сновидения осложнялись привхождением невротических элементов. С сообщением же собственных была неразрывно связана необходимость раскрывать перед чужим взором больше интимных подробностей моей личной жизни, чем мне бы хотелось и чем вообще должен открывать их автор, — не поэт, а естествоиспытатель. Это было неприятно, но неизбежно. И я примирился с этим, лишь бы не отказываться вообще от аргументации своих психологических выводов. Я не мог, конечно, противостоять искушению при помощи различного рода сокращений и пропусков скрывать наиболее интимные подробности; но это всегда служило во вред данному примеру как доказательному аргументу. Я могу надеяться только, что читатели моей книги поймут мое затруднительное положение и будут ко мне снисходительны, и далее, что все лица, которые так или иначе затрагиваются в этих сновидениях, не откажутся предоставить, по крайней мере, этой сфере полную свободу мысли.

Предисловие ко второму изданию

Тем, что со дня выхода моей книги еще не прошло десяти лет, уже появилась потребность во втором ее издании, я обязан отнюдь не интересу специалистов, к которым обращался я во введении. Мои коллеги-психиатры не дали себе труда разделаться с тем первоначальным недоумением, которое должно было вызвать в них мое новое понимание сновидений, а философы, привыкшие смотреть на проблему сновидения как на добавление к вопросам сознания, не поняли, что именно отсюда можно извлечь кое-что, ведущее к коренному преобразованию всех наших психологических теорий. Отношение научной критики могло только подтвердить мое ожидание, что участью моей книги будет упорное замалчивание ее; первое издание моей книги не могло целиком быть разобрано и той небольшой кучкой смелых сторонников, которые следуют за мной по пути врачебного применения психоанализа и которые по моему примеру толкуют сновидения, чтобы использовать это затем при лечении невротиков. В виду этого я считаю себя обязанным

выразить благодарность тем широким кругам интеллигентных и любознательных лиц, сочувствие которых и вызвало потребность спустя девять лет снова взяться за мой нелегкий и во многих отношениях капитальный труд.

С удовлетворением я могу сказать, что исправлять и изменять мне пришлось очень немногое. Я включил только кое-где новый материал, прибавил несколько замечаний, вытекавших из моих продолжительных наблюдений, и местами кое-что переработал. Все существенное же о сновидении и его толковании, а также вытекающие из последнего общие психологические принципы остались без изменения. Все это, по крайней мере субъективно, выдержало испытание времени. Кто знаком с моими другими работами (об этиологии и механизме психоневрозов), тот знает, что я никогда не выдавал неготового и неполного за полное и готовое и всегда старался изменять свои утверждения, когда они переставали соответствовать моим убеждениям. В области же толкования сновидений я остался на своей первоначальной точке зрения. За долгие годы своей работы над проблемой неврозов я неоднократно колебался и менял свои взгляды; только в своем «Толковании сновидений» я всегда находил твердую точку опоры. И многочисленные мои научные противники обнаруживают большую чуткость, избегая столкновения со мной в области проблемы сновидения.

Материал моей книги, эти в большинстве своем уже обесцененные давностью сновидения, на примере которых я объясняю принципы толкования сновидений, также оказались при пересмотре не нуждающимися в какой-либо переработке. Для меня лично эта книга имеет еще другое субъективное значение, которое я сумел понять лишь по ее окончании. Она оказалась отрывком моего самоанализа — реакцией на смерть моего отца, на крупнейшее событие и тягчайшую утрату в жизни человека. Поняв это, я счел невозможным уничтожить черты этого воздействия. Для читателя же совершенно безразлично, на каком материале он учится оценивать и толковать сновидения.

Там, где необходимое замечание не укладывалось в логическую связь с прежним изложением, я заключал его в квадратные скобки*.

Берхтесгаден, лето 1908 г.

Предисловие к третьему изданию

В то время как между первым и вторым изданием этой книги прошло девять лет, потребность в третьем издании ощутилась немного более чем через год. Я мог бы радоваться этой перемене. Но если прежде пренебрежение моим трудом со стороны его читателей я не считал доказательством его негодности, то теперь пробудившийся к нему интерес не доказывает еще его положительных качеств.

Прогресс научной мысли не оставил в стороне и «Толкования сновидений». Когда в 1899 г. я писал эту книгу, «сексуальной теории» еще не было, а анализ сложных форм психоневрозов только еще зарождался. Толкование сновидений должно было стать вспомогательным средством для осуществления анализа неврозов. Углубившееся изучение последних само в свою очередь стало оказывать влияние на толкование сновидений. Учение о последнем пошло по пути, который недостаточно определенно был выражен в первом издании этой книги. Благодаря собственному опыту и работам В. Штекеля и других я научился правильнее оценивать объем и значение символики в сновидении (или, вернее, в бессознательном мышлении). И таким образом в течение этих лет скопилось многое, требовавшее особого внимания к себе. Я попытался использовать все это, прибегши к помощи примечаний и многочисленных вставок в тексте. Если добавления эти угрожают местами переступить рамки изложения или если не везде удалось поднять первоначальный текст до уровня наших нынешних взглядов, то к этим недостаткам своей книги я прошу снисхождения; они являются лишь следствиями и результатами быстрого темпа развития нашего знания. Я решаюсь, кроме того, сказать заранее, по каким другим путям отклонятся последующие издания «Толкования сновидений», — если окажется в них потребность. Они должны будут приблизиться более к богатому материалу поэзии, мифа, языка и народного быта, с другой же стороны, они коснутся более подробно, чем теперь, отношений сновидения к неврозам и психическим расстройствам.

Отто Ранк[2] оказал мне весьма ценные услуги при подборе материала и сам выполнил корректуру печатных листов, и я выражаю ему и многим другим глубокую благодарность за их указания.

Вена, весна 1911 г.

Предисловие к четвертому изданию

Год тому назад (в 1913 г.) д-р А. А. Брилл[3] в Нью-Йорке перевел настоящую книгу на английский язык. (The Interpretation of dreams. G. Aleen & CY., London, 1913 г.).

Д-р Отто Ранк на этот раз не только выполнил корректуру, но и обогатил текст двумя самостоятельными статьями. (Прибавление к гл. VI.)

Вена, июнь 1914 г.

Предисловие к пятому изданию

Интерес к «Толкованию сновидений» не прекратился и во время мировой войны, и еще до окончания ее ощущалась необходимость в новом издании. В течение войны не было возможности уследить за всей литературой, начиная с 1914 г., поскольку имеется иностранная литература, она вообще не была доступна ни мне, ни д-ру *Ранку*.

Венгерский перевод «Толкования сновидений», выполненный д-ром *Голлосом* и д-ром *Ференци*[4] выйдет в свет в недалеком будущем. В моих «*Лекциях по введению в психоанализ*», изданных в 1916 — 1917 г., средняя часть, обнимающая одиннадцать лекций, посвящена изложению сновидения; я стремился к тому, чтобы

* При последующих изданиях скобки были опущены.

изложение это было более элементарным и имел в виду указать на более тесную связь его с учением о неврозах. В общем оно имеет характер извлечения из «Толкования сновидений», хотя отдельные места изложены более подробно.

Я не мог решиться на основательную переработку настоящей книги соответственно современному уровню наших психоаналитических взглядов и уничтожить этим самым ее историческое своеобразие. Я все же думаю, что в течение почти 20-летнего существования она выполнила свою задачу.

Будапешт — Штейнбрух, июль 1918 г.

Предисловие к шестому изданию

Вследствие трудностей, связанных в настоящее время с книгопечатанием, настоящее новое издание появилось в свет гораздо позже того срока, когда уже ощутилась потребность в нем; в силу тех же обстоятельств оно является — впервые — неизмененным оттиском с предыдущего издания. Лишь литературный указатель в конца книги был дополнен и продолжен д-ром О. Ранком.

Мое предположение, что настоящая книга в течение своего почти двадцатилетнего существования выполнила свою задачу, не получило, таким образом, подтверждения. Я мог бы сказать скорее, что ей предстоит выполнить новую задачу. Если прежде речь шла о том, чтобы выяснить сущность сновидения, то теперь столь же важно преодолеть то упорное непонимание, с которым были встречены эти объяснения.

Вена, апрель 1921 г.

I. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ВОПРОСУ О СНОВИДЕНИЯХ (ДО 1900 г.)*

В дальнейшем изложении я постараюсь привести доказательства того, что существует психологическая техника, которая позволяет толковать сновидения, и что при применении этого метода любое сновидение оказывается осмысленным психическим феноменом, который может быть в соответствующем месте включен в душевную деятельность бодрствования. Я попытаюсь далее выяснить те процессы, которые обусловливают странность и непонятность сновидения, и вывести на основании их заключение относительно природы психических сил, из сотрудничества или соперничества которых образуется сновидение. Но на этом пункте изложение мое и закончится, так как далее проблема сновидения переходит в более обширную проблему, разрешение которой нуждается в другом материале.

Своему изложению я предпосылаю обзор работ других авторов, а также и современного положения проблемы сновидения в науке; делаю я это потому, что в дальнейшем буду иметь мало поводов возвращаться к этому. Научное понимание сновидения, несмотря на тысячелетние попытки, ушло вперед очень мало. В этом так единодушны все авторы, что излишне выслушивать по этому поводу их отдельные голоса. В сочинениях, список которых я прилагаю в конце своей книги, имеется много ценных замечаний и интересного материала для нашей темы, но там нет ничего или почти ничего, что касалось бы самой сущности сновидения и разрешало бы его тайну. Еще меньше перешло, понятно, в понимание интеллигентных читателей-неспециалистов.

* До первого издания этой книги в 1900 г.

Вопрос о том, как понималось сновидение в первобытные времена человечества у первобытных народов и какое влияние на образование их воззрений на мир и на душу следует приписать ему, представляет огромный интерес; поэтому я с большим сожалением исключаю его из обработки в этом сочинении. Я ссылаюсь на известные сочинения сэра *Дж. Леббока, Г. Спенсера, Э. Б.Тайлора* и др. и присовокупляю лишь, что значение этих проблем и спекуляций может стать нам понятно только после того, как мы разрешим стоящую перед нами задачу «толкования сновидений»[5].

Отзвук первобытного понимания сновидений лежит, очевидно, в основе оценки сновидения у народов классической древности*. Они предполагали, что сновидения стоят в связи с миром сверхчеловеческих существ, в которые они верили, и приносят откровения со стороны богов и демонов. Они думали далее, что сновидения имеют важное значение для сновидящего, возвещая ему обыкновенно будущее. Ввиду чрезвычайного разнообразия в содержании и во впечатлении, производимом сновидениями, было, конечно, трудно придерживаться одного понимания, и поэтому необходимо было произвести различные подразделения и группировки сновидений согласно их ценности и достоверности. У отдельных философов древности суждение о сновидении зависело, разумеется, от той позиции, которую они были готовы занять по отношению к *искусству предсказывать* вообще.

В обеих работах Аристотеля[6], обсуждающих сновидение, оно уже стало объектом психологии. Мы слышим, что сновидение — это не послание Божие, что оно имеет не божественное происхождение, а дьявольское, так как природа скорее демонична, чем божественна. Сновидение вовсе не возникает из сверхъестественного откровения, а является результатом законов человеческого духа, родственного, конечно, божеству. Сновидение определяется как душевная деятельность спящего, покуда он спит.

* Нижеследующее — согласно тщательному изложению Büschenschütz'a.

Аристотелю знакомы некоторые из характерных черт жизни сновидения; он знает, например, что сновидение превращает мелкие раздражения, наступающие во время сна, в крупные («кажется, будто идешь через огонь и горишь, когда на самом деле происходит лишь незначительное согревание той или другой части тела») и выводит отсюда заключение, что сновидение может обнаружить перед врачом первые, незаметные признаки начинающегося изменения в теле*.

Древние до *Аристотеля* считали сновидение, как известно, не продуктом грезящей души, а внушением со стороны божества: мы уже видим у них оба противоположных направления, имеющиеся налицо во всех исследованиях сна и сновидения. Они отличают истинные и ценные сновидения, ниспосланные спящему для предостережения или для предсказания будущего, от тщеславных, обманчивых и ничтожных, целью которых было смутить спящего или ввергнуть его в гибель.

Группе (Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, с. 390) приводит следующее подразделение сновидений по *Макробиусу* и *Артемидору*: «Сновидения подразделяют на два класса. Один класс обусловлен лишь настоящим (или прошедшим), но не имеет никакого значения для будущего; он включает (ένυπια), insomnia, которые непосредственно воспроизводят данное представление или противоположное ему представление, например, голод или утоление его, и (φαντασματα), которые фантастически преувеличивают данное представление, как, например, кошмары (ночное удушье). Наоборот, другой класс определяет будущее, к нему относятся: 1) прямое пророчество, получаемое в сновидении (χρηματίομό, oraculum); 2) предсказание предстоящего события (ὅραμα, visio); 3) символическое, нуждающееся в разъяснении сновидения (ὄνειροζ, somnium). Эта теория существовала в течение многих веков».

Различная оценка сновидений определяла и задачу их «толкования». От сновидений, в общем, ждали важ-

* Об отношении сновидения к болезням пишет греческий врач *Гиппократ* в одной из глав своего знаменитого сочинения.

ных открытий, но не все сновидения могли быть непосредственно поняты, было неясно, предвещает ли данное непонятное сновидение что-либо важное. Этим и был дан толчок стремлению «расшифровать» сновидение, заменить непонятное содержание сновидения понятным, проникнуть в его «скрытый» смысл, исполненный значения. Величайшим авторитетом в толковании сновидений считался в древности *Артемидор* из *Далтиса*, подробное сочинение которого должно вознаградить нас за утерянные сочинения того же содержания*.

Это донаучное понимание сновидений вполне гармонировало с общим мировоззрением древних, которое проецировало в качестве реальности во внешний мир только то, что имело реальность в душевной жизни. Это касалось и содержания сновидений (вернее, тех впечатлений, которые оставались от сновидений на утро, воспоминаний о сновидении). В этих воспоминаниях сновидение как бы противостоит обыденному содержанию психики, привносится как нечто чуждое, происходящее как бы из иного мира. Было бы ошибочно, однако, полагать, что учение о сверхъестественном происхождении сновидения не имеет сторонников и в настоящее время; не говоря уже обо всех поэтических и мистических писателях, которые изо всех сил стараются наполнять каким-нибудь содержанием остатки столь обширной в прежнее время сферы сверхъестественного, покуда они не завоевываются естественнонаучным исследованием, — очень часто встречаются чрезвычайно развитые, далекие от всяких подозрений люди, которые пытаются обосновать свою религиозную веру в существование и во вмешательство сверхчеловеческих духовных

* О дальнейших судьбах толкования сновидений в средние века см. у *Ципгена* и в специальных исследованиях *М. Ферстера*, *Готтгарда* и др. О толковании сновидений у евреев пишут *Альмоли*, *Амрам*, *Левингер*, а также недавно *Лауэр*, принявший во внимание психоаналитическую точку зрения. Сведения о толковании сновидений у арабов сообщают *Дрексль*, *Ф. Шварц* и миссионер *Тфинкдйи*, у японцев — *Миура* и *Ивайа*, у китайцев — *Секер*, у индусов — *Негелейн*.

сил именно необъяснимостью явлений сна (Гаффнер). Понимание сновидений некоторыми философскими системами, например, шеллингианцами, представляет собой очевидный отзвук твердого убеждения древних в божественном происхождении сновидений. Обсуждение способности сновидения «прорицать», предсказывать будущее, все еще не закончено. Хотя каждый человек, придерживающийся научного мировоззрения, склонен отрицать пророческую силу сновидения, но попытки психологического истолкования недостаточны, чтобы осилить накопленный фактический материал.

Писать историю научного изучения проблемы сновидения тем более трудно, что в этом изучении, как ни ценно оно в некоторых своих частях, нельзя заметить прогресса в определенном направлении. Дело никогда не доходило до возведения фундамента из прочно обоснованных результатов, на котором последующий исследователь мог бы продолжить свою постройку. Каждый новый автор принимается за изучение проблемы сызнова. Если бы я стал рассматривать авторов в хронологическом порядке и про каждого из них сообщать, какого он был воззрения на проблему сновидения, — мне пришлось бы, наверное, отказаться от составления общего наглядного обзора современного состояния проблемы сновидения. Я предпочел поэтому связать изложение с сущностью разбираемых вопросов, а не с авторами и постараюсь при обсуждении каждой проблемы указывать, какой материал имеется в литературе для ее разрешения.

Так как, однако, мне не удалось осилить всю чрезвычайно разбросанную и разностороннюю литературу, то я прошу читателей удовлетвориться сознанием, что я не упустил ни одного существенного факта, ни одной значительной точки зрения.

До недавнего времени большинство авторов считало необходимым рассматривать сон и сновидение вместе, а обычно присоединяли сюда еще и изучение аналогичных состояний, соприкасающихся с психопатологией, и сноподобных явлений (каковы, например, галлюцинации, видения и т.п.). В противоположность этому и в

более поздних работах обнаруживается стремление суживать по возможности тему и исследовать какой-нибудь один только вопрос из области сновидений. В этой перемене я вижу выражение того взгляда, что в таких темных вещах понимания можно достичь лишь целым рядом детальных исследований. Я и предлагаю здесь не что иное, как такое детальное исследование специально психологического характера. У меня нет оснований заняться проблемою сна, так как это уж почти чисто физиологическая проблема, хотя и в характеристике сна должно быть налицо изменение условий функционирования душевного аппарата. Я опускаю поэтому и литературу по вопросу о сне.

Научный интерес к проблеме сновидения сводится к следующим отдельным вопросам, отчасти скрещивающимися друг с другом.

а) *Отношение сновидения к бодрствованию.* Наивное суждение пробуждающегося человека предполагает, что сновидение, если и не происходит из другого мира, то во всяком случае переносит его самого в тот чуждый мир. Старый физиолог *Бурдах*[7], которому мы обязаны добросовестным и остроумным описанием явлений сновидений, выразил это убеждение в довольно часто цитируемом положении (с. 474): «...жизнь дня с ее треволнениями и переживаниями, с радостями и горестями никогда не воспроизводится в сновидении; последнее стремится скорее вырвать нас из этой жизни. Даже когда вся наша душа преисполнена одной мыслью, когда острая боль разрывает наше сердце или когда какая-либо цель поглощает целиком наш разум, — даже тогда сновидение оживляет нечто совершенно своеобразное, или же берет для своих комбинаций только отдельные элементы действительности, или же, наконец, входит в тон нашего настроения и символизирует действительность». *И. Г. Фихте*[8] (1, 541) говорит в этом же самом смысле прямо о *дополняющих сновидениях* и называет их одним из тайных благодеяний самоисцеляющей природы духа. В аналогичном смысле высказывается и *Л. Штрюмпель* в своем справедливо прославившемся исследовании природы и возникновения сновидении (с. 16): «Кто грезит, тот уносится из мира бодрственного сознания...»; (с. 17): «В сновидении совершенно исчезает память строго упорядоченного содержания бодрственного сознания и его нормальных функций...»; (с. 19): «Почти полное отделение души в сновидении от осмысленного содержания и течения бодрственного состояния...».

Подавляющее большинство авторов придерживаются, однако, противоположного мнения относительно взаимоотношения сновидения и бодрствования. Так, *Гаффнер* считает (с. 19): «Прежде всего сновидение служит продолжением бодрственного состояния. Наши сновидения стоят всегда в связи с представлениями, имевшими место незадолго до того в сознании. Такое наблюдение найдет всегда нить, которой сновидение связано с переживаниями предшествующего дня». *Вейгандт* (с. 6) прямо противоречит вышеупомянутому утверждению *Бурдаха*: «Очень часто, по-видимому, в огромном большинстве сновидений можно наблюдать, что они возвращают нас в повседневную жизнь, а вовсе не вырывают из нее». *Мори* (с. 56) говорит в своей лаконической формуле: «Мы видим во сне то, что мы видели, говорили, желали или делали наяву». Иессен в своей «Психологии», появившейся в 1855 г., высказывается более подробно (с. 530): «Более или менее содержание сна всегда определяется индивидуальностью, возрастом, полом, общественным положением, умственным развитием, привычным образом жизни и фактами предшествующей жизни».

Наиболее определенно высказывается по этому вопросу философ *И. Г. Е.* Маасс (Über die Leidenschaften, 1805); «Опыт подтверждает наше утверждение, что мы чаще всего видим в сновидении то, на что направлены наши самые горячие и страстные желания. Из этого видно, что наши страстные желания должны оказывать влияние на появление наших сновидений. Честолюбивый человек видит в сновидении достигнутые (может быть, лишь в его воображении) или предстоящие лавры в то время, как сновидения влюбленного заполнены предметом его сладких надежд... Все чувственные желания или отвращения, дремлющие в сердце, — если они при-

водятся в возбуждение на каком-либо основании — могут оказать влияние в том смысле, что из связанных с ними представлений возникает сновидение или что эти представления примешиваются к уже существующему сновидению». (Сообщено *Винтерштейном* в «Zbl. für Psychoanalyse»).

Древние никогда не представляли себе иначе взаимозависимости сновидения и жизни. Я цитирую по *Радешноку* (стр. 139): «Когда Ксеркс перед походом на греков не послушался добрых советов, а последовал воздействию постоянных сновидений, старый толкователь снов, перс *Агтабан*, сказал ему очень метко, что сновидения в большинстве случаев содержат то, о чем думает человек в бодрственном состоянии».

В поэме *Лукреция* «О природе вещей» есть одно место (IV, V, 962):

Если кто-нибудь занят каким-либо делом прилежно,
Иль отдавалися мы чему-нибудь долгое время,
И увлекало наш ум постоянно занятие это,
То и во сне представляется нам, что мы делаем то же:
Стряпчий тяжбы ведет, составляет условия сделок,
Военачальник идет на войну и в сраженья вступает,
Кормчий в вечной борьбе пребывает с морскими ветрами,
Я продолжаю свой труд...

(Перевод Ф. Петровского).

Цицерон (De Divinatione II) говорит то же, что потом *Мори*: «В большинстве случаев в душах проходят следы тех вещей, о которых мы размышляли, либо делали их в состоянии бодрствования».

Противоречие обоих воззрений относительно взаимоотношений сновидения и бодрствования, по-видимому, действительно неразрывно. Здесь уместно вспомнить о *Ф. В. Гильдебрандте* (1875), который полагает, что своеобразные особенности сновидения вообще нельзя описать иначе, как посредством «целого ряда контрастов», которые переходят часто в противоречия» (с. 8). «*Первый* из этих контрастов образует, с одной стороны, *полная отделенность, или замкнутость*, сновидения от действительной, реальной жизни и, с другой стороны,

постоянное *соприкосновение* их друг с другом, постоянная их взаимозависимость. Сновидение есть нечто строго отделенное от действительности, пережитой в бодрственном состоянии, так сказать, герметически замкнутое бытие, отрезанное от действительной жизни непроходимой пропастью. Оно отрывает нас от действительности, убивает в нас нормальное воспоминание о ней, переносит нас в другой мир, в другую среду, не имевшую решительно ничего общего с действительностью...» *Гильдебрандт* говорит далее, что во сне все бытие наше словно исчезает за «невидимой дверью». Во сне едешь, например, на остров св. Елены и привозишь живущему там Наполеону превосходный, дорогой мозельвейн. Экс-император встречает очень любезно. Чувствуешь положительно жалость, когда пробуждение разрушает интересную иллюзию. Но начинаешь сравнивать сновидение с действительностью. Виноторговцем ты никогда не был и быть не хотел. Морского путешествия не совершал и во всяком случае никогда не отправился бы на св. Елену. К Наполеону вообще не питаешь никакой симпатии, а скорее врожденную патриотическую ненависть. И вдобавок тебя не было еще на свете, когда на острове умер Наполеон. Думать о какой-либо личной привязанности нет никаких оснований. Все сновидение представляется в виде какого-то чуждого феномена, проявившегося между двумя вполне подходящими друг другу и составляющими один продолжение другого периодами (бодрственной) жизни.

«А все же, — продолжает *Гильдебрандт*, — «мнимое *противоречие* вполне правдиво и правильно. На мой взгляд, эта замкнутость и обособленность идет рука об руку с наитеснейшей связью и общностью. Мы можем сказать даже: что бы ни представляло собою сновидение, оно берет свой материал из действительности и из душевной жизни, разыгрывающейся на фоне этой действительности...

Что бы оно ни делало с ним, оно никогда не отделится от реального мира и его самые комичные и странные формы должны будут всегда черпать свой материал из того, что либо стояло перед нашими глазами в действи-

тельной жизни или же уже заняло так или иначе место в нашем бодрственном мышлении, короче говоря, из того, что мы переживали внешне или внутренне».

б) *Материал сновидения. Память в сновидении.* То, что весь материал, образующий содержание сновидения, так или иначе происходит от реальных переживаний и в сновидении лишь воспроизводится, *вспоминается*, это, по крайней мере, должно быть признано бесспорнейшим фактом. Но было бы ошибочно полагать, что такая взаимозависимость содержания сновидения с бодрственным состоянием без всякого труда может быть констатирована поверхностным исследованием. Ее приходится отыскивать очень долго, и в целом ряде случаев она остается вообще скрытой. Причина этого заключается в целом ряде особенностей, которые обнаруживает память в сновидении и которые, хотя и всегда отмечались, однако не нашли еще себе удовлетворительного объяснения. Между тем безусловно стоит труда подробнее остановиться на них.

Прежде всего бросается в глаза то, что в содержании сновидения имеется материал, за которым по пробуждении человек отрицает принадлежность к своему кругу знаний и переживаний. Он вспоминает, что это снилось ему, но не помнит, что когда-либо пережил это. Он остается затем в неизвестности, из какого источника черпало сновидение; им овладевает искушение уверовать в самостоятельную творческую способность сновидения; но неожиданно, спустя долгое время, новое переживание переносит мнимо утерянное воспоминание на более раннее переживание и находит тем самым источник сновидения. Приходится сознаваться тогда, что в сновидении человек знал и вспомнил нечто, чего не помнил в бодрственном состоянии*.

Особенно характерный пример такого рода рассказывает *Дельбеф* из собственного опыта. Ему приснился двор его дома, покрытый снегом; под снегом он нашел двух

* *Вашид* утверждает также, что неоднократно было замечено, что в сновидении человек говорит свободнее и лучше на иностранном языке, чем в бодрственном состоянии.

полузамерзших ящериц. Любя животных, он поднял их, согрел и отнес их в нору возле стены. Туда же положил несколько листьев папоротника, который они, как он знал, очень любили. Во сне он знал название растения: Asplenium ruta muralis. Сновидение продолжалось и, к удивлению *Дельбефа*, показало ему двух новых зверьков, растянувшихся на остатках папоротника. Он поднял глаза на дорогу, увидел пятую, шестую ящерицу, и скоро вся дорога была усеяна ящерицами, которые направлялись все в ту же нору возле стены.

Действительные познания *Дельбефа* включали в себя очень мало латинских ботанических терминов: asplenium он совсем не знал. Но, к превеликому своему удивлению, убедился, что действительно имеется такой папоротник. Его настоящее название: Asplenium ruta muraria, — сновидение несколько исказило его. О случайном совпадении думать было трудно, и для *Дельбефа* так и осталось загадочным, откуда он во сне взял этот термин.

Приснилось ему все это в 1862 году; шестнадцать лет спустя философ, будучи в гостях у одного своего друга, увидел у него небольшой альбом с засушенными цветами, какие продают в Швейцарии туристам. В нем пробуждается вдруг воспоминание, он открывает альбом, находит в нем asplenium и в подписи под цветком узнает свой собственный почерк. Все стало сразу понятным. Сестра его друга в 1800 г. — за два года до сновидения с ящерицами — посетила во время своего свадебного путешествия *Дельбефа*. У нее был с собой купленный для брата гербарий, и *Дельбеф* из любезности подписал под диктовку специалиста-ботаника латинское название под каждым растением.

Случайность, раскрывшая тайну сновидения, дала *Дельбефу возможность* найти объяснение и другой части этого же сновидения. Однажды, в 1877 г., в руки к нему попал старый том иллюстрированного журнала, в котором он увидел картинку, изображавшую шествие ящериц, виденное им во сне в 1862 г. Журнал относился к 1861 г. и *Дельбеф* вспомнил, что он был в то время подписчиком этого журнала.

То, что сновидение имеет в своем распоряжения воспоминания, недоступные бодрствованию, представляет собою настолько замечательный и в теоретическом отношении настолько важный факт, что я хотел бы подчеркнуть его сообщением еще и других «гипермнестических» сновидений. *Мори* сообщает, что у него некоторое время вертелось на языке слово *Муссидан*. Он знал, что это — название французского города, но подробностей об этом городе не знал никаких. Однажды ночью ему приснился разговор с каким-то человеком, который сказал ему, что он из **Муссидана**. И на вопрос, где этот город, ответил: «*Муссидан* — окружной город в *департаменте Дордонь*». Проснувшись, *Мори* не придал никакого значения справке, полученной во сне. Учебник географии показал ему, однако, что она была совершенно справедлива. Этот случай доказывает превосходство познаний сновидения, но не выясняет забытого источника их.

Иессен (с. 55) сообщает аналогичное сновидение из более ранней эпохи: «Сюда относится, между прочим, сновидение старшего *Скалигера* (*Геннингс*, с. 300), который написал оду в честь знаменитых мужей в Вероне, и которому явился во сне человек, назвавшийся *Бруниолусом* и пожаловавшийся на то, что он был позабыт. Хотя *Скалигер* и не помнил, чтобы когда-нибудь слышал о нем, он все же включил его в свою оду, и лишь впоследствии его сын в Вероне узнал, что некогда в ней прославился известный критик *Бруниолус*».

Маркиз д'Эрвей де Денис (*по Вашиду*, с. 232) сообщает гипермнестическое сновидение, отличающееся особым своеобразием, которое состоит в том, что следующее за ним сновидение осуществляет идентификацию воспоминания, не распознанного раньше: «Я видел однажды во сне женщину с золотистыми волосами, болтавшую с моей сестрой в то время, как она показывала ей вышивание. В сновидении она представлялась мне очень знакомой, и мне казалось даже, что я неоднократно видел ее. После пробуждения я еще живо видел это лицо, но абсолютно не мог узнать его. Затем я опять уснул; сновидение повторилось. В этом новом сновидении я заговариваю с блондинкой и спрашиваю ее, не

имел ли я уже чести встречать ее где-либо. Разумеется, отвечает дама, вспомните морские купанья в Парнике. Тотчас я опять просыпаюсь и с достоверностью вспоминаю теперь все подробности, с которыми было связано это прелестное лицо в сновидении».

Тот же автор (у *Вашида*, с. 233) сообщает:

Один знакомый музыкант слышал однажды в сновидении мелодию, которая показалась ему совершенно новой. Лишь много лет спустя он нашел эту самую мелодию в одном старом сборнике музыкальных пьесок, но он все еще не мог вспомнить, чтобы он когда-нибудь держал этот сборник пьесок в руках.

В своем, к сожалению, недоступном для меня труде (Proceedings of the Society for psychical research) Миер приводит целую коллекцию таких гипермнестических сновидений. На мой взгляд, каждый, интересующийся сновидениями, должен будет признать самым заурядным явлением, что сновидение дает доказательство познаний и воспоминаний, которыми, по-видимому, не обладает субъект в бодрственном состоянии. В психоаналитических работах с невротиками, о которых я сообщу ниже, я почти каждый день имею случай разъяснять пациентам на основании их сновидений, что они превосходно знают различного рода цитаты, циничные выражения и т.п., и что они пользуются ими во сне, хотя в бодрственном состоянии они ими забываются. Я приведу здесь еще один невинный случай гипермнезии в сновидении, так как мне удалось чрезвычайно легко найти источники, из которых проистекают познания, проявившиеся в сновидении.

Пациенту снилось, что он, будучи в кофейне, потребовал себе «контужувки». Рассказав мне об этом, он заявил, что не знает, что означает это слово. Я ответил, что контужувка — польская водка: он не придумал название во сне, оно известно уже давно по плакатам и объявлениям. Сначала пациент мне не поверил. Но несколько дней спустя, после того как он увидел свой сон, он заметил название на плакатах, висевших на улице, по которой он, по крайней мере, два раза в день проходил уже несколько месяцев.

На собственных сновидениях я убедился, насколько исследование происхождения отдельных элементов сновидения зависит от всевозможных случайностей. Так, в течение нескольких лет перед изданием этой книги меня преследовало изображение чрезвычайно простой колокольни, которую, как мне казалось, я никогда в действительности не видел. Однажды, проезжая по железной дороге, на маленькой станции между Зальцбургом и Рейхенгаллем я увидел деревенскую колокольню и тотчас же узнал ее. Это было во второй половине 90-х годов, а в первый раз я проезжал тут в 1886 г. В последующие годы, когда я уже занялся изучением сновидений, одна довольно странная картина не давала мне буквально покоя. Я видел во сне, всегда налево от себя, темное помещение, в котором красовалось несколько причудливых каменных фигур. Проблеск воспоминания, в котором я был, однако, не совсем уверен, говорил мне, что это вход в винный погребок. Мне, однако, не удалось разъяснить, ни что означает это сновидение, ни откуда оно проистекает. В 1907 г. я случайно приехал в Падую, в которой, к моему великому сожалению, не бывал с 1895 г. Мое первое посещение прекрасного университетского города было неудачным: мне не удалось повидать фресок *Джиотто в Мадонна дель'Арена*; отправившись туда, я по дороге узнал, что церковь в этот день заперта, и повернул обратно. Посетив Падую во второй раз, двенадцать лет спустя, я решил вознаградить себя за потерянное, и первым делом отправился в церковь. На улице, ведшей туда, по левой стороне, по всей вероятности, на том месте, где в 1895 г. я повернул обратно, я увидел помещение, которое столь часто видел во сне, с теми же самыми каменными фигурами. Это в действительности был вход в маленький ресторан.

Одним из источников, из которых сновидение черпает материал для репродукции, отчасти таким, который не вспоминается и не используется в бодрственном состоянии, служат детские годы. Я приведу лишь некоторых авторов, заметивших и утверждавших это:

Гильдебрандт (с. 23): «Несомненно то, что сновидение иногда с изумительной репродуцирующей силой воспроизводит перед нами отдельные и даже забытые факты прошлого».

Штрюмпель (с. 40): «Еще более странно, когда замечаешь, как сновидение черпает в полной неприкосновенности, в первоначальной свежести образы отдельных лиц, вещей и местностей из глубочайших наслоений, отложенных временем на ранних переживаниях юности. Это ограничивает не только впечатлениями, вызвавшими при своем возникновении живое сознание или связанными с высокими психическими ценностями и возвращающимися впоследствии в сновидении в качестве воспоминания, которому радуется пробудившееся сознание. Глубина памяти в сновидении обнимает собою также и те образы, вещи, лица, местности и переживания раннего периода, которые либо вызвали лишь незначительное сознание, либо не обладали никакой психической ценностью, либо же утратили как то, так и другое. Поэтому как в сновидении, так и по пробуждении они представляются совершенно новыми и незнакомыми — до тех пор пока не открывается их раннее происхождение».

Фолькельт (с. 119): «Особенно замечателен тот факт, что во сне наиболее часто воспроизводятся воспоминания детства и юности. То, о чем мы давно уже больше не думаем, то, что для нас давно уже потеряло всякую ценность, — обо всем этом сновидение неминуемо напоминает нам».

Господство сновидения над материалом детства дает повод к возникновению интересных гипермнестических сновидений, из которых я опять-таки приведу несколько примеров.

Мори рассказывает (с. 92), что он часто ездил ребенком из своего родного города *Мо* в соседний *Трильпор*, где его отец заведовал постройкой моста. Однажды ночью сновидение переносит его в *Трильпор* и заставляет играть на улицах города. К нему приближается человек в какой-то форме. *Мори* спрашивает, как его зовут; он называет себя: его зовут С., он сторож моста. По пробуждении *Мори*, сомневающийся в истинности воспроиз-

ведения, спрашивает старую служанку, жившую у них в доме с самого детства, не помнит ли она человека, носившего такую фамилию. Конечно, гласит ее ответ, это был сторож моста, который в свое время строил его отец.

Такой же доказательный пример истинности воспроизводимого в сновидении воспоминания детства дает *Мори* со слов некоего Ф., проводившего детство в *Монбризоне*. Человек этот, спустя двадцать пять лет после отъезда оттуда, решил вновь посетить родину и старых друзей своей семьи, которых он до сих пор не видал. Ночью накануне своего отъезда ему приснилось, что он достиг цели путешествия и неподалеку от *Монбризона* встретил незнакомого ему с виду человека, сказавшего ему, что он — Т., друг его отца. Спящий помнил, что действительно знал ребенком человека с такой фамилией, но давно уже не мог припомнить его внешности. Прибыв несколько дней спустя в *Монбризон*, он действительно находит местность, виденную им во сне и встречает человека, в котором узнает Т. Человек этот значительно старше на вид, чем Ф. видел его во сне.

Я могу здесь привести еще одно собственное сновидение, в котором впечатление, всплывшее в памяти, было замещено известным отношением. Я увидел во сне лицо, от которого во сне же узнал, что он врач в моем родном местечке. Лица его я хорошенько не разглядел, но оно смешалось с представлением об одном из моих гимназических учителей, с которым я и теперь еще иногда встречаюсь. Какое отношение связывало обоих этих лиц, я не мог себе объяснить и после того, как я проснулся. Осведомившись, однако, у своей матери о враче первых лет моего детства, я узнал, что он слеп на один глаз, — между тем так же слеп и гимназический учитель, личность которого слилась с личностью врача. Прошло тридцать восемь лет с тех пор, как я не видел этого врача, и, насколько мне помнится, никогда не думал о нем, хотя шрам на шее до сих пор мог бы напомнить мне о его медицинской помощи.

Кажется, будто создается противовес чрезвычайной роли воспоминаний детства в сновидениях, так как многие авторы утверждают, что в большинстве сновидений можно найти элементы самого недавнего периода. *Роберт* (с. 46) говорит даже: «В общем нормальное сновидение обхватывает собою лишь впечатления последних дней». Мы увидим, однако, что построенная *Робертом* теория сновидения настоятельно требует такого отодвигания позднейших и выдвигания ранних впечатлений. Факт же, утверждаемый *Робертом*, действительно справедлив, как мне кажется на основании моих собственных наблюдений. Американец *Нельсон* полагает, что сновидения наиболее часто используют впечатления предпоследнего или третьего дня, как будто впечатления последнего дня недостаточно еще притуплены.

Некоторые авторы, не сомневающиеся в тесной связи содержания сновидения с бодрственной жизнью, обратили внимание на то, что впечатления, интенсивно владеющие бодрственным мышлением, лишь в том случае воспроизводятся в сновидении, когда мышление дня до некоторой степени успело отодвинуть их на задний план. Так, например, близкий умерший снится не в первое время после его смерти, когда еще скорбь по нем наполняет существо, оставшееся в живых (*Делаж*). Между тем одна из последних наблюдательниц, мисс *Галлам*, собрала примеры и противоположного свойства и стоит в этом отношении на точке зрения психологической индивидуальности.

Третьей и наиболее непонятной особенностью памяти в сновидении является выбор воспроизводимого материала: сновидение использует не как в бодрственном состоянии лишь наиболее выдающееся, а наоборот, также и самое безразличное и ничтожное. Я цитирую по этому поводу тех авторов, которые наиболее резко подчеркнули свое удивление по этому поводу.

Гильдебрандт (с. 11): «Самое удивительное то, что сновидение обычно заимствует свои элементы не из крупных и существенных факторов, не из важных и побудительных интересов прошедшего дня, а из второстепенных явлений, так сказать, из ничтожных обломков недавнего пережитого или же, наоборот, далекого прошлого. Потрясающий случай смерти в нашей семье, под

впечатлением которого мы засыпаем, как бы погашается в нашей памяти, пока первый момент бодрствования не возвращает его в наше сознание с удвоенною силою. Напротив того, бородавка на лбу встреченного нами незнакомца, о котором мы забыли, тотчас же, как только прошли мимо него, — играет в нашем сновидении наиболее видную роль...»

Штрюмпель (с. 39): «...такие случаи, когда разложение сновидения дает составные части, которые хотя и не происходят из переживаний последнего и предпоследнего дня, однако так незначительны и так малоценны для бодрственного сознания, что они забываются почти тотчас же после их восприятия. Такого рода переживаниями являются случайно слышанные фразы, бегло замеченные поступки, мимолетные восприятия вещей или лиц, небольшие отрывки из прочитанного и т.п.».

Гавелок Эллис (1899, с. 727): «Глубокие эмоции нашей жизни в состоянии бодрствования, вопросы и проблемы, которые мы решали, используя нашу волю и психическую энергию, это не то, что обычно наполняет наше сознание в состоянии сна. Что касается непосредственно предшествовавших событий, то во сне появляются мелкие, случайные и забытые впечатления каждодневной жизни. То, что во время бодрствования мы переживаем наиболее интенсивно, то во время сна спрятано наиболее глубоко».

Бинц (с. 45) пользуется этими особенностями памяти в сновидении для того, чтобы высказать неудовлетворение выставляемым им же самим объяснением сновидения: «Естественное сновидение предъявляет к нам аналогичные вопросы. Почему воспроизводит оно не всегда впечатления последнего дня, почему мы без всякой очевидной причины погружаемся в далекое, почти забытое прошлое? Почему в сновидении сознание воспринимает столь часто впечатления **безразличных** воспоминаний, в то время как мозговые клетки, несущие в себе наиболее раздражимые следы пережитого, по большей части немы?»

Легко понятно, почему странная склонность памяти в сновидении к безразличному и поэтому незаметному

должна вести к тому, чтобы вообще исказить зависимость сновидения от бодрственной жизни, и, по крайней мере, в каждом отдельном случае следы этой связи. Благодаря этому было возможно, что мисс *Уайтон Калькинс* при статистической обработке ее собственных (и ее сотрудника) сновидений насчитала все же 11 %, в которых нельзя было проследить отношения их к бодрственной жизни. *Гильдебрандт* безусловно прав в своем убеждении, что все сновидения разъяснились бы нам в своей генетической связи, если бы мы каждый раз тратили достаточно времени на исследование их происхождения. Он называет это, правда, «чрезвычайно трудной и неблагодарной работой. Ведь в большинстве случаев пришлось бы выискивать в самых отдаленных уголках памяти всевозможные, совершенно ничтожные в психическом отношении вещи, а также извлекать наружу всякого рода безразличные моменты давно прошедшего времени, по всей вероятности, забытые в то же мгновение». Я должен, однако, с сожалением отметить, что остроумный автор уклонился здесь от правильно избранного пути, — путь этот несомненно привел бы его к самому центру проблемы толкования сновидений.

Работа памяти в сновидении безусловно чрезвычайно существенна для всякой теории памяти вообще. Она показывает, что «ничто из того, что раз было нашим духовным состоянием, не может совершенно погибнуть» (*Шольц*, с. 84). Или, как выражается Дельбеф, «Всякое впечатление, даже самое незначительное, оставляет неизменный след, который может вновь проявиться бесконечное число раз», — вывод, к которому приводят также и многие другие патологические явления душевной жизни. Следует не упускать из виду этой чрезвычайной работоспособности памяти в сновидении, чтобы понять противоречие, которое неминуемо должны выставить другие теории сновидения, если они попытаются истолковывать абсурдность сновидений частичным забыванием дневных восприятий и впечатлений.

Можно даже высказать и ту мысль, что сновидения сводятся вообще попросту к воспоминанию, и видеть в сновидении проявление не успокаивающейся и ночью

репродуцирующей деятельности, которая служит себе самоцелью. Сюда относится утверждение Пильца, согласно которому наблюдается определенное взаимоотношение между временем сна и содержанием сновидений: в глубоком сне ночью репродуцируются впечатления последнего времени, к утру же более ранние. Такое воззрение опровергается, однако, уже тем, как сновидение обращается с материалом воспоминания. *Штрюмпель* вполне справедливо обращает внимание на то, что повторения переживаний не проявляются в сновидении. Сновидение, правда, делает попытку к тому, но нет последующего звена: оно проявляется в измененном виде или же на его месте мы наблюдаем совершенно новое. Сновидение дает лишь отрывки репродукции. Это безусловно справедливо настолько, что позволяет сделать теоретический вывод. Бывают, правда, исключения, когда сновидение повторяет переживания настолько же полно, насколько способна на это наша память в бодрственном состоянии*. Дельбеф рассказывает про одного своего университетского коллегу, что он во сне пережил со всеми деталями опасное путешествие, во время которого каким-то чудом спасся от гибели. Мисс Калькинс сообщает о двух сновидениях, представляющих собою точную репродукцию дневных переживаний, и я сам буду иметь впоследствии повод сообщить пример неизменной репродукции в сновидении детского переживания.

в) *Раздражения сновидений и источники сновидений.* Что следует разуметь под источниками сновидений, можно разъяснить ссылкою на народную поговорку: сон от желудка. За этой народной мудростью скрывается теория, видящая в сновидении следствие беспокойного сна. Человеку ничего бы не снилось, если бы сон его был безмятежен, и сновидение есть реакция на такое постороннее вмешательство.

* На основании позднейших наблюдений можно добавить, что нередко мелкие и незначительные занятия повторяются в сновидении, как например: укладка сундука, стряпня в кухне и т.п. При таких сновидениях спящий подчеркивает характер не воспоминания, а действительности: «я все это делал днем».

Исследование побудительных причин сновидений занимает наиболее видное место в научных трудах. Само собой разумеется, что проблема стала доступной для разрешения лишь с тех пор, когда сновидение сделалось объектом биологического исследования. Древние, в глазах которых сновидение было божественного происхождения, не старались находить для него побудительного источника; по воле божественной или демонической силы проистекало сновидение, из знания ее или намерения — его содержание. В науке же с первых шагов поднялся вопрос, всегда ли одинаковы побудительные причины сновидения или же они могут быть разнообразны, а вместе с тем относится ли причинное толкование сновидений к области психологии или, наоборот, физиологии. Большинство авторов полагает, по-видимому, что расстройство сна, иначе говоря, источники сновидения, могут быть чрезвычайно разнообразны, и что физиологическое раздражение наряду с душевными волнениями может играть роль возбудителя сновидений. В предпочтении того или иного источника сновидения, в установлении иерархии их в зависимости от их значения для возникновения сновидений взгляды чрезвычайно расходятся.

В общем источники сновидений можно разбить на четыре группы, которыми пользуются и для классификации самих сновидений.

1. *Внешнее (объективное) чувственное раздражение.*
2. *Внутреннее (субъективное) чувственное раздражение.*
3. *Внутреннее (органическое) физическое раздражение*[9].
4. *Чисто психические источники раздражений.*

1. *Внешние чувственные раздражения.*

Младший *Штрюмпель*, сын философа, исследования которого о сновидениях служили уже нам неоднократно руководством к проблеме сновидения, сообщил, как известно, наблюдение над одним пациентом, страдавшим общей анестезией телесных покровов и параличом некоторых высших органов чувств. Когда у этого субъекта блокировали немногие оставшиеся ему органы чувств,

он впадал в сон[10]. Когда мы засыпаем, мы все стремимся достичь ситуации, аналогичной эксперименту *Штрюмпеля*. Мы закрываем важнейшие органы чувств, глаза, и стараемся устранить и от других всякое раздражение или хотя бы всякое изменение действующих на них раздражений. Мы засыпаем, хотя наше намерение никогда в полной мере не осуществляется. Мы не можем ни совершенно устранить раздражения от наших органов чувств, ни уничтожить возбудимость этих органов. То, что нас во всякое время может разбудить более или менее сильное раздражение, доказывает то, «что душа и во сне остается в непрерывной связи с внешним миром». Чувственные раздражения, действующие на нас во время сна, могут чрезвычайно легко стать источниками сновидений.

Из этих раздражений имеется целый ряд совершенно неизбежных, которые приносит с собою сон или принужден их допустить, вплоть до тех случайных раздражений, которые предназначены для окончания сна. В наши глаза может проникнуть более сильный свет, мы можем услышать шум, слизистая оболочка нашего носа может возбудиться каким-либо запахом. Мы можем во сне непроизвольным движением обнажить некоторые части тела и таким образом испытать ощущение холода или соприкосновение с каким-либо другим предметом. Нас может ужалить муха, или же что-нибудь может раздражить сразу несколько наших чувств. Мы имеем целый ряд сновидений, в которых раздражение, констатируемое по пробуждении, и отрывки сновидения настолько совпадают друг с другом, что раздражение по праву может быть названо источником сновидения.

Собрание таких сновидений, вызванных объективными чувственными раздражениями, более или менее случайными, я заимствую у *Иессена* (с. 527): Каждый смутно воспринятый шум вызывает соответственное сновидение, раскаты грома переносят нас на поле сражения, крик петуха превращается в отчаянный вопль человека, скрип двери вызывает сновидение о разбойничьем нападении. Когда ночью с нас спадает одеяло, нам снится, что мы ходим голые или же что мы упали в воду. Когда мы лежим в постели в неудобном положении или когда ноги свешиваются через край, нам снится, что мы стоим на краю страшной пропасти, или же что мы падаем с огромной высоты. Когда голова попадает под подушку, над нами висит огромная скала, готовая похоронить нас под своею тяжестью. Накопление семени вызывает сладостные сновидения, локальные болевые ощущения — представление о претерпеваемых побоях, неприятельском нападении или тяжелом ранении и увечье...

«*Мейеру* (Опыт объяснения лунатизма. Галле, 1758 г., с. 33) снилось однажды, что на него напало несколько человек: они растянули его на земле и между большим и вторым пальцами ноги вколотили в землю шест. Проснувшись, он увидел, что между пальцами ноги у него торчит соломинка. *Геннигсу* (О сновидениях и лунатиках. Веймар, 1784, с. 258) снилось однажды, что его повесили: проснувшись, он увидел, что ворот сорочки сдавил ему шею. *Гоффбауеру* снилось в юности, что он упал с высокой стены; по пробуждении он заметил, что кровать под ним сломалась и что он действительно упал на пол... *Грегори* сообщает, что однажды, ложась спать, он поставил к ногам бутылку с горячей водой, а во сне предпринял прогулку на вершину Этны, где раскаленная земля жгла ему ноги. Пациент, которому на голову поставили шпанские мушки, видел во сне, что его оскальпировали индейцы; другому, спавшему в мокрой сорочке, снилось, что он утонул в реке. Припадок подагры, случившийся во сне, вызвал у пациента представление, будто он попал в руки инквизиции и испытывает страшные пытки (*Макниш*)».

Аргумент, покоящийся на сходстве раздражения и содержания сновидения, мог бы быть подкреплен, если бы удалось путем систематических чувственных раздражений вызвать у спящего соответственные сновидения. Такие опыты, по словам *Макниша*, производил уже *Жирод де-Бузаренг*. «Он обнажал перед сном голени, и ему снилось, что он ночью едет в дилижансе. Он замечает при этом, что путешественники знают наверное, как ночью в дилижансе обычно мерзнут голени. В другой раз он не

покрыл головы, и ему приснилось, что он присутствует при религиозной церемонии. Дело в том, что в стране, где он жил, был обычай постоянно носить головные уборы, за исключением вышеупомянутого случая».

Мори сообщает наблюдение над вызванным им самим сновидением. (Ряд других опытов не увенчался успехом).

1. Его щекочут по губам и по носу паром. — Ему снится страшная пытка, смоляная маска накладывается ему на лицо и потом вместе с кожей срывается.

2. Точат нож о нож. — Он слышит звон колоколов, потом набат; он присутствует при июньских событиях 1848 года.

3. Ему дают нюхать одеколон. — Он в Каире, в лавке Иоганна Марии Фарины. Он переживает целый ряд приключений, но по пробуждении не может их вспомнить.

4. Его слегка щиплют за шею. — Ему снится, что ему ставят мушки, и он видит врача, который лечил его в детстве.

5. К лицу его подносят раскаленное железо. — Ему снятся «шофферы»*, врывающиеся в дом, и заставляющие обитателей выдать им деньги, ставя их голыми ногами на раскаленные уголья. Вдруг появляется герцогиня *Абрантская*: он ее секретарь.

8. На его лоб капают воду. — Он в Италии, страшно потеет, пьет белое *орниетское* вино.

9. Свет свечи падает на него через красную бумагу. — Ему снится гроза, буря. Он находится на корабле, на котором однажды уже испытал бурю в *Ла-Манше*.

Другие попытки экспериментального вызывания сновидений принадлежат *д'Эрвею*, *Вейгандту* и др.

Многие замечали «невероятную способность сновидения настолько использовать неожиданные восприятия органов чувств, что они превращались в постепенно уже подготовленную катастрофу» (*Гильдебрандт*). «В юные годы», сообщает этот автор, «я постоянно пользовался будильником для того, чтобы вставать рано. Чрезвычайно часто звук будильника сливался, по-видимому, с

* «Шофферами» называлась разбойничья банда в Вандее, прибегавшая всегда к таким пыткам.

очень продолжительным сновидением, что казалось, будто последнее рассчитано именно на него и имеет в нем свое логическое неизбежное завершение — свой естественный конец».

Я приведу еще с другою целью три аналогичных примера.

Фолькельт (с. 68) сообщает: «Одному композитору снилось однажды, что он дает урок в школе и что-то объясняет ученикам. Он кончил говорить и обращается к одному из мальчиков с вопросом: «Ты меня понял?» Тот кричит, как помешанный: «O, ja!» Рассердившись, он запрещает ему кричать. Но вдруг весь класс кричит: «Orja!» А потом: «Eurjo!» И наконец: «Feuerjo!» Он просыпается от крика: «Пожар» («Feuer!») на улице.

Гарнье (Traité des facultés de l'âme, 1865) сообщает, что Наполеон проснулся однажды от взрыва адской машины: он спал в карете, и ему приснился переход через *Таглиаменто* и канонада австрийцев. Его разбудил крик: «Мы минированы!»

Большой известности достигло сновидение, испытанное *Мори* (с. 161). Он был болен и лежал в своей комнате на постели; рядом с ним сидела мать. Ему снилось господство террора в эпоху революции; он присутствовал при страшных убийствах и предстал сам наконец пред трибуналом. Там он увидел *Робеспьера*, *Марата*, *Функье-Тенвиля* и всех других печальных героев этой страшной эпохи, отвечал на их вопросы, был осужден и в сопровождении огромной толпы отправился на место казни. Он входит на эшафот, палачи связывают ему руки; нож гильотины падает, он чувствует, как голова отделяется от туловища, пробуждается в неописуемом ужасе — и видит, что валик дивана, на котором он спал, откинулся назад и что он опирается затылком о край дивана.

С этим сновидением связана интересная дискуссия *Ле Лоррена* и *Эггера* в «Revue philosophique» по поводу того, может ли спящий, и если может, то каким образом, пережить такой обильный материал сновидений в такое короткое время, которое протекает между восприятием раздражения и пробуждением.

Эти примеры заставляют считать объективные чувственные раздражения во время сна наиболее определенными и резко выраженными источниками сновидений. К тому же они играют и крупную роль в представлениях и понятиях профанов. Если спросить интеллигентного человека, в общем незнакомого с литературой вопроса, как образуется сновидение, он несомненно ответит, сославшись на какой-нибудь известный ему сон, что сновидение объясняется объективным чувственным раздражением, испытанным при пробуждении. Научное исследование не может остановиться, однако, на этом. Повод к дальнейшим вопросам оно черпает из того наблюдения, что раздражение, действующее на органы чувств во время сна, проявляется в сновидении не в своем действительном виде, а заменяется каким-либо другим представлением, находящимся с ним в каком-либо отношении. Отношением этим, связующим раздражение с окончанием сна, по словам *Мори*, является «любая связь, но которая не является ни единственной, ни исключительной» (с. 72). Взять хотя бы три сновидения *Гильдебрандта*[11]. Здесь возникает вопрос, почему одно и то же самое раздражение вызывает столь различные сновидения, и почему именно такие, а не другие (с. 37):

«Я гуляю ранним весенним утром и иду по зеленому лугу до соседней деревни; там я вижу поселян в праздничных одеждах, с молитвенниками в руках, идущих в церковь. Так и есть. Воскресенье, скоро начнется богослужение. Я решаю принять в нем участие, но так как мне очень жарко, то я хочу освежиться немного на кладбище возле церкви. Читая различные надписи на могилах, я слышу, как звонарь входит на колокольню и вижу на ней небольшой колокол, который возвестит о начале богослужения. Несколько минут он висит неподвижно, потом вдруг слышится звон, — настолько громкий, что он прекращает мой сон. На самом же деле колокольный звон оказался звоном моего будильника».

«Вторая комбинация. Ясный зимний день; улица засыпана снегом. Я обещал принять участие в поездке на санях, но мне приходится долго ждать, пока няне докладывают, что сани поданы. Наконец я одеваюсь — надеваю шубу — и сажусь в сани. Но мы все еще не едем. Наконец вожжи натягиваются, и бубенчики начинают свою знакомую музыку. Но она раздается с такой силой, что мгновенно разрывает паутину сна. На самом деле это опять-таки звон будильника».

«Третий пример! Я вижу, как кухарка по коридору идет в столовую с целой грудой тарелок. Фарфоровая колонна в ее руках пугает меня; мне кажется, что она сейчас рухнет. «Осторожней», предостерегаю я ее, «ты сейчас все уронишь». Она, конечно, меня успокаивает: она уже привыкла и т. д. Я, однако, все же озабоченным взглядом слежу за ней. И, конечно, на пороге двери она спотыкается, посуда падает со звоном и грохотом и разбивается вдребезги. Но грохот длится чересчур долго и переходит почему-то в продолжительный звон; звон этот, как показало мне пробуждение, исходил по-прежнему от будильника».

Вопрос, почему душа в сновидении искажает природу объективного чувственного раздражения, был разработан *Штрюмпелем*, а также *Вундтом*[12]. Они полагают, что душа по отношению к таким раздражениям находится в условиях образования иллюзий, чувственное раздражение **правильно распознается, истолковывается** нами, т.е. включается в группу воспоминаний, к которой относится на основании всех предшествующих переживаний, если впечатление сильно, ярко и достаточно прочно и если в нашем распоряжении имеется достаточно для этого времени. Если же этих условий нет, то мы искажаем в нашем представлении объект, от которого проистекает впечатление и на основании его строим иллюзию. «Когда кто-нибудь гуляет по широкому полю и смутно видит издали какой-либо предмет, может случиться, что он примет его вначале за лошадь». Приблизившись немного, он может подумать, что это лежащая корова, а подойдя еще ближе, увидит, что это лишь группа лежащих людей. Столь же неопределенны и впечатления, получаемые нашей душою во сне от внешних раздражений; на основании их она строит иллюзии, вызывая благодаря впечатлению большее или меньшее число воспоминаний, от которых впечатление по-

лучает свою психическую ценность. Из каких областей воспоминания вызываются образы и какие ассоциации вступают при этом в силу, это, по мнению *Штрюмпеля*, неопределенно и зависит всецело от произвола душевной жизни.

Перед нами альтернатива: мы можем согласиться, что закономерность в образовании сновидения действительно не может быть прослежена далее, и мы должны будем в таком случае отказаться от вопроса, не подлежит ли толкование иллюзии, вызванной чувственными впечатлениями, еще и другим условиям. Или же мы можем предположить, что объективное чувственное раздражение, получаемое нами во сне, играет в качестве источника сновидений лишь скромную роль и что другие моменты обусловливают подбор вызываемых воспоминаний. И действительно, если вглядеться в экспериментально вызываемые сновидения *Мори*, которые с этой целью я привел здесь с такими подробностями, то появится искушение заявить, что произведенный опыт разъясняет происхождение лишь одного элемента сновидения, а что все остальное содержание последнего является чересчур самостоятельным, чтобы оно могло быть истолковано одним лишь требованием согласования с экспериментально введенным элементом. Начинаешь сомневаться даже в теории иллюзий и в способности объективного раздражения образовать сновидения, когда узнаешь, что это впечатление претерпевает иногда самые причудливые и странные преобразования в сновидении. Так, например, *М. Симон* сообщает об одном сновидении, в котором он видел сидевших за столом исполинов и ясно слышал шум, производимый их челюстями при жевании. Проснувшись, он услышал стук копыт мчавшейся под его окнами лошади. Если здесь шум лошадиных копыт вызвал представление из области путешествия *Гулливера*, пребывания у великанов *Бробдиньянгов*, то неужели же выбор этих столь необычайных представлений не был вызван кроме того и другими мотивами?*

---

* Исполины в сновидении дают возможность полагать, что речь идет, очевидно, о каком-либо эпизоде из детства спящего.

2. *Внутреннее (субъективное) чувственное* **раздражение.**

Вопреки всем возражениям нужно признать, что объективные чувственные раздражения во время сна играют видную роль в качестве возбудителей сновидений, и если раздражения эти по природе своей и редкости кажутся, может быть, не существенными для толкования сновидений, то, с другой стороны, приходится отыскивать еще и другие источники сновидений, действующие, однако, аналогично им. Я не знаю, у кого впервые возникла мысль поставить наряду с внешними чувственными раздражениями внутреннее (субъективное) возбуждение органов чувств; несомненно, однако, что ему отводится более или менее видное место во всех новейших исследованиях этиологии сновидений. «Немаловажную роль играют, как я думаю, — говорит *Вундт* (с. 363), — в сновидениях субъективные зрительные и слуховые ощущения, знакомые нам в бодрственном состоянии в форме смутного ощущения света при закрытых глазах, шума и звона в ушах и т. д., особенно же субъективные раздражения сетчатой оболочки. Этим и объясняется изумительная склонность сновидения вызывать перед взглядом спящего множество аналогичных или вполне совпадающих между собою объектов. Мы видим перед собою бесчисленных птиц, бабочек, рыб, пестрые камни, цветы и т.п. Световая пыль темного круга зрения принимает фантастические формы, а многочисленные световые точки, из которых состоит она, воплощаются сновидением в столь же многочисленные предметы, которые вследствие подвижности светового хаоса кажутся движущимися вещами. Здесь коренится также сильная склонность сновидения к самым разнообразным фигурам животных, богатство форм которых легко приноравливается к особой форме субъективных световых картин».

Субъективные чувственные раздражения в качестве источников сновидений имеют, по-видимому, те преимущества, что они в противоположность объективным не зависят от внешних случайностей. Они пригодны, так сказать, для толкования всякий раз, когда в них чувст-

вуется необходимость. Но они уступают объективным чувственным раздражениям в том отношении, что почти или совсем недоступны наблюдению и опыту в их значении возбудителей сновидений. Главным аргументом в пользу сновызывающей силы субъективных чувственных раздражений служат так называемые гипнагогические галлюцинации, называемые *Иоганном Мюллером* «фантастическими зрительными явлениями»[13]. Это зачастую чрезвычайно яркие изменчивые образы, представляющиеся в период засыпания перед взглядом многих людей и на некоторое время продолжающиеся и после пробуждения. *Мори*, в высокой степени подверженный им, обратил на них особое внимание и установил их связь, вернее их тождество, со сновидениями (как, впрочем, и раньше *Иоганн Мюллер*). Для возникновения их, говорит *Мори*, необходимы известная душевная пассивность, ослабление внимания (с. 59 и сл.). Достаточно, однако, повергнуться на мгновение в такую летаргию, чтобы при известном предрасположении испытать гипнагогическую галлюцинацию, после которой, может быть, снова просыпаешься до тех пор, пока такая повторяющаяся несколько раз игра не заканчивается с наступлением сна. Если затем спустя короткое время субъект пробуждается, то, по словам Мори, удается проследить в сновидении те же образы, которые витали перед ним при засыпании в форме гипнагогических галлюцинаций (с. 134). Так, Мори видел однажды целый ряд причудливых фигур, с искаженными лицами и странными прическами, которые, как казалось ему по пробуждении, он видел во сне. В другой раз, когда он был голоден благодаря предписанной ему строгой диете, он гипнагогически видел блюдо и руку, вооруженную вилкой и бравшую себе что-то с блюда. В сновидении же он сидел за богато убранным столом и слышал шум, производимый вилками и ножами. В другой раз, заснув с утомленными больными глазами, он испытал гипнагогическую галлюцинацию и увидел микроскопически крохотные знаки, которые старался с огромными усилиями разобрать; проснувшись через час, он вспомнил сновидение, в котором видел раскрытую книгу, напечатанную чрезвычайно мелким шрифтом; книгу эту он читал с большим трудом.

Аналогично этим образам могут гипнагогически появляться и слуховые галлюцинации различных слов, имен и т. д. и повторяться затем в сновидении, точно увертюра, возвещающая лейтмотив начинающейся оперы.

По тому же пути, что *Иоганн Мюллер* и *Мори*, идет и новый исследователь гипнагогических галлюцинаций *Г. Трембелль Лэдд*. Путем упражнений ему удалось спустя две-три минуты после постепенного засыпания сразу пробуждаться от сна, не открывая глаз; благодаря этому он имел возможность сравнивать исчезающие восприятия сетчатой оболочки с остающимися в памяти сновидениями. Он утверждает, что можно установить каждый раз чрезвычайно тесную связь между тем и другим таким образом, что светящиеся точки и линии, предстающие перед сетчатой оболочкой, представляют своего рода контуры, схему для психически воспринимаемых сновидений. Одно сновидение, например, в котором он ясно видел перед собою печатные строки, читал их, изучал, соответствовало расположению световых точек перед сетчатой оболочкой в виде параллельных линий. Лэдд полагает, не умаляя, впрочем, значения центрального пункта явления, что едва ли существует зрительное восприятие, которое бы не зависело от внутренних возбуждений сетчатой оболочки. Особенно относится это к сновидениям, испытываемым вскоре после засыпания в темной комнате, между тем как для сновидений ближе к утру и к пробуждению источником раздражения служит объективный свет, проникающий в глаза. Изменчивый характер внутреннего зрительного возбуждения в точности соответствует веренице образов, проходящих перед нами к сновидениям, испытываемым вскоре после засыпания в темной комнате. Придется признать за субъективными источниками раздражения весьма крупную роль, так как зрительные восприятия образуют, как известно, главную составную часть наших сновидений. Участие других органов чувств, не исключая слуха, гораздо менее значительно и непостоянно.

3. *Внутреннее* (*органическое*) *физическое* **раздражение.**

Если мы хотим искать источников сновидений не вне, а внутри организма, то мы должны вспомнить о том, что почти все наши внутренние органы, в здоровом состоянии почти не дающие о себе знать, в состоянии раздражения и во время болезни становятся источниками в большинстве случаев крайне неприятных ощущений, которые должны быть поставлены наравне с возбудителями болевых ощущений, получаемых извне. Довольно старые, всем известные истины заставляют *Штрюмпеля* говорить (с. 107): «Душа во сне обладает значительно более глубокими и пространными ощущениями своего физического бытия, нежели в бодрственном состоянии; она принуждена испытывать известные раздражения, проистекающие из различных частей и изменений ее тела, о которых она в бодрственном состоянии ничего не знает». Уже *Аристотель* считает вполне вероятным, что в сновидении человек предупреждается о начинающейся болезни, которой совершенно не замечает в бодрственном состоянии (благодаря усилению впечатлений со стороны сновидений, см. с. 2), и представители медицины, далекие, конечно, от веры в пророческие способности сновидения, всегда считали возможным, что сновидение может помочь распознать болезненное состояние (с. 31, ср. М. Симон, и мн. др. более древних авторов)*.

* Кроме этого диагностического применения сновидений (например, у *Гиппократа*), нужно помнить об их терапевтическом значении в древности. У греков существовал оракул сновидений, к которому обычно обращались жаждавшие выздоровления больные. Больной отправлялся в храм Аполлона или Эскулапа, там его подвергали различным церемониям, купали, натирали, окуривали, и, приведя его таким образом в состояние экзальтации, клали в храме на шкуру принесенного в жертву барана. Он засыпал и видел во сне целебные средства, которые показывались ему в естественном виде или символах и картинах, которые истолковывались затем жрецами. Дальнейшее о лечебных сновидениях у греков см. у Леманна I, 74, Буше-Леклерка, Германна, Cottesd. Alteret. d. Gr. § 41, Privataltert., § 38, 16, Бёттингера в Sprengels Beitr. Z. Gesch. d. Med. II, с. 163 и сл., В. Ллойда, «Magnetism and Mesmerism in antiquity», London, 1877, Деллингера «Heidentum und Judentum», с. 130.

У нас нет недостатка я в новейших вполне достоверных примерах такой диагностической деятельности сновидений. Так, например, Тиссье сообщает со слов *Артига* (Essai sur la valeur semeiologique des rêves) об одной 48-летней женщине, которую в течение нескольких лет, несмотря на вполне здоровое состояние, преследовали кошмары и у которой затем врачебное исследование констатировало начинающуюся болезнь сердца, послужившую причиной ее преждевременной смерти.

Развившиеся расстройства внутренних органов у целого ряда лиц служат возбудителями сновидений. Многие указывают на частые кошмары у страдающих сердечными или легочными болезнями, это подчеркивается столь многочисленными авторами, что я могу ограничиться прямым перечислением их (*Радешток*, *Спитта*, *Мори*, М. *Симон*, *Тиссье*). Тиссье полагает, что существует несомненная связь между заболеванием того или иного органа и содержанием сновидений. Сновидения сердечных больных обычно весьма непродолжительны и заканчиваются кошмарными пробуждениями; почти всегда в них видную роль играет смерть при самых мучительных обстоятельствах. Легочным больным снится удушение, давка, бегство, и они в огромном большинстве случаев испытывают известный кошмар, который Бернер экспериментально вызывал у себя, засыпая с лицом, зарытым в подушки, закрывая нос и рот и т.п. При расстройствах пищеварения спящему снится еда, рвота и т. д. Влияние сексуального возбуждения на содержание сновидений в достаточной степени известно каждому. Для теории, связывающей происхождение сновидений с раздражением органов, эти факты служат весьма серьезным аргументом.

Знакомый с литературой по вопросу о сновидениях несомненно обратит внимание на то, что некоторые авторы (Мори, Вейгандт) в результате влияния своих собственных болезненных состояний на содержание сновидений были приведены к изучению проблемы сновидения.

Число источников сновидения не настолько, однако, увеличивается этими бесспорно установленными факта-

ми, как могло бы показаться на первый взгляд. Ведь сновидение — феномен, наблюдающийся и у здоровых людей почти у всех, а у многих даже ежедневно, и органическое заболевание не является вовсе одним из необходимых условий его. Для нас же в данную минуту важно не то, откуда проистекают особые сновидения, а то, что служит источником раздражения для обычных повседневных сновидений нормальных людей.

Между тем нам достаточно сделать лишь один шаг, чтобы натолкнуться на источник сновидений, который значительно обильнее всех предыдущих и поистине неистощим. Предположим, что внутренние органы, пораженные болезнью, становятся источником сновидений. Признаем, что во сне душа отрешается от внешнего мира и более чувствительна к состоянию внутренних органов. Отсюда ясно, что болезненные изменения внутренних органов вовсе не являются обязательными для того, чтобы раздражение, исходящее от них, стало источником сновидения. Те ощущения, которые в бодрственном состоянии мы испытываем в крайне туманной форме, усиливаются во время ночного сна и, сочетаясь с иными факторами, становятся мощным и вместе с тем самым заурядным источником сновидений. Остается только исследовать, каким образом раздражения органов переходят в сновидения.

Мы подошли здесь к той теории возникновения сновидений, которая пользуется наибольшей популярностью среди медицинских писателей. Мрак, которым окутана сущность нашего «я», «moi splanchnique», как называет его Тиссье, и загадочность возникновения сновидения настолько соответствуют друг другу, что могут быть приведены между собою в связь. Ход мыслей, превращающий вегетативно-органические ощущения в возбудителей сновидения, имеет для врача еще и другое значение: он дает возможность соединить сновидения и душевное расстройство, довольно сходные между собой явления, и в этиологическом отношении, так как нарушения общего чувства и раздражения, исходящие от внутренних органов, обладают чрезвычайно важным значением для возникновения психоза. Не удивительно по-

этому, если теория физических раздражений сводится не к одному возбудителю.

Целый ряд авторов придерживался воззрений, высказанных философом *Шопенгауэром* в 1851 г.[14]. Вселенная возникает для нас благодаря тому, что наш интеллект выливает впечатления, получаемые извне, в формы времени, пространства и причинности. Раздражения организма изнутри, из симпатической нервной системы оказывают днем в лучшем случае бессознательное влияние на наше душевное состояние. Ночью же, когда прекращается чрезмерное воздействие дневных впечатлений, впечатления, исходящие изнутри, привлекают к себе внимание, подобно тому, как ночью мы слышим журчание ручейка, которое заглушалось дневным шумом. Как же может интеллект реагировать на эти раздражения, кроме как исполняя присущие ему функции? Он облекает их во временные и пространственные формы, неразрывно связанные с причинностью; так образуется сновидение. Более тесную взаимозависимость физических раздражений и сновидений пытались обосновать *Шернер* и *Фолькельт*, но их воззрений мы коснемся в главе о теориях сновидений.

В одной чрезвычайно последовательной работе психиатр *Краусс* обосновал возникновение сновидений наряду с психозом и бредовыми идеями одним и тем же элементом — ощущениями со стороны внутренних органов. Нельзя представить себе ни одной части организма, которая не могла бы стать исходным пунктом сновидения и бредового представления. Ощущение, обусловленное раздражением органов, разделяется на две части: 1. на общие чувства, 2. на специфические ощущения, присущие главным системам вегетативного организма, в которых мы можем различить пять групп: а) мышечные ощущения, б) легочные, в) желудочные, г) сексуальные и д) периферические (с. 33 второй части).

Процесс образования сновидений путем физических раздражений *Краусс* изображает следующим образом: ощущение, согласно какому-либо закону ассоциации, вызывает родственное ему представление и вместе с тем соединяется в одно органическое целое, на которое, од-

нако, сознание реагирует иначе, нежели в нормальном состоянии. Оно обращает внимание не на само ощущение, а только на сопутствующие представления, что служит одновременно и причиной того, почему такое положение вещей до сих пор не было подмечено (с. 11 и сл.). *Краусс* называет этот процесс особым термином — *«транссубстанцией»* ощущений в сновидениях (с. 24).

Влияние органических физических раздражений на образование сновидений признается в настоящее время почти всеми. Вопрос же о закономерности этой взаимозависимости находит себе чрезвычайно разные ответы, иногда довольно противоречивые. На основании теории физических раздражений при толковании сновидений вырастает особая задача: сводить содержание сновидений к вызывающим его органическим раздражениям. Если не признать выставленных *Шерпером* правил, то приходится зачастую сталкиваться с тем неприятным фактом, что органические раздражения проявляются исключительно через посредство содержания сновидений.

Довольно единодушно производится толкование различных форм сновидений, именуемых «типическими», так как они у большого числа лиц обладают почти совершенно аналогичным содержанием. Это — известные сновидения о падении с высоты, о выпадении зубов, о летании и о смущении, которое испытывает сновидящий, видя себя голым или полуголым. Последнее сновидение проистекает по большей части от того, что спящий сбрасывает с себя одеяло и лежит обнаженным. Сновидение о выпадении зубов сводится обычно к раздражению полости рта, под которым не разумеется, однако, обязательно зубная боль. Сновидение о летании по *Штрюмпелю*, который следует в этом *Шернеру*, адекватной картиной, которою пользуется душа для того, чтобы истолковать раздражение, исходящее от расширяющихся и спадающихся легких, если одновременно с этим кожное чувство с грудной клетки понижено настолько, что оно не воспринимается сознанием. Это последнее обстоятельство способствует ощущению, связанному с формой представления о колебании. Падение с высоты объясняется тем, что при наступившем ослаблении чувства осязания падает рука, либо неожиданно выпрямляется согнутое колено; благодаря этому осязание вновь пробуждается, но переход к сознанию психически воплощается в сновидении о падении (*Штрюмпель*, с. 118). Слабость этих популярных толкований объясняется тем, что они без всякой причины отбрасывают или же, наоборот, включают ту или иную группу органических ощущений до тех пор, пока не достигнут благоприятной для толкования констелляции. Ниже я буду иметь случай вернуться к типическим сновидениям и их возникновению.

М. Симон пытался вывести из сравнения целого ряда аналогичных сновидений некоторые законы о влиянии органических раздражений на сновидения. Он говорит (с. 34): «Когда во сне какой-либо орган, в нормальном состоянии участвующий в проявлении эффекта, почему-либо находится в состоянии возбуждения, в которое повергается обычно при этом эффекте, то возникающее при этом сновидение будет содержать представление, сопряженное с этим эффектом».

Другое правило гласит (с. 35): «Если какой-либо орган находится во сне в состоянии активной деятельности, возбуждения или расстройства, то сновидение будет содержать представление, сопряженное с проявлением органической функции, присущей данному органу».

Мурли Вольд (1896) пытался экспериментально обосновать выставляемое теорией физического раздражения влияние на образование сновидений для одной области. Он изменял положение конечностей спящего человека и сравнивал испытываемое сновидение с этим изменением. Он пришел при этом к следующим выводам:

1. Положение членов тела в сновидении соответствует приблизительно его положению в действительности, т.е. субъекту снится статическое состояние членов, соответственное реальному.

2. Если субъект видит во сне движение какого-либо члена своего тела, то движение это почти всегда таково, что одно из положений соответствует действительному.

3. Положение членов собственного тела в сновидении может быть приписываемо и другому лицу.

4. Может снится, что данное движение встречает препятствие.

5. Член тела в данном положении может в сновидении принять форму животного или чудовища, причем между тем и другими существует известная аналогия.

6. Положение членов тела может возбудить в сновидении образы, имеющие какое-либо к нему отношение. Так, например, при движении пальцев могут сниться цифры.

Я лично заключил бы из этих выводов, что и теория физических раздражений не может исключить мнимой свободы в обусловливании вызываемых сновидений*.

4. *Психические источники раздражений.*

Когда мы касались отношения сновидения к бодрственной жизни и происхождения материала сновидений, то мы знали, что как прежние, так и новейшие исследователи сновидений полагали, что людям снится то, что они днем делали и что их интересует в бодрственном состоянии. Этот перенесенный из бодрственного состояния в сон интерес не только представляет собою психическую связь, соединяющую сновидение и жизнь, но приводит нас к довольно важному источнику сновидений, который наряду с раздражением, действующим во сне, способен в конце концов объяснить происхождение всех сновидений. Мы слышали, однако, и возражения против этого утверждения, а именно: что сновидение отрешает субъекта от дневных интересов и что нам по большей части лишь тогда снится то, что больше всего интересовало нас днем, когда это для бодрственной жизни утратило особую ценность. Так, при анализе сновидений мы на каждом шагу испытываем впечатление, будто выводить общие правила почти невозможно, не сопровождая их всевозможными «часто», «обычно», «в большинстве случаев» и т. д. и не предупреждая о различного рода исключениях.

* Более подробно об опубликованных после того двух томах протоколов сновидений этого исследователя см. ниже.

Если бы дневные интересы наряду с внутренними и внешними раздражениями были достаточны для этиологии сновидений, то мы бы могли дать отчет в происхождении всех элементов сновидения; загадка источников сновидения была бы разрешена и оставалось бы только разграничить роль психического и соматического раздражения в отдельных сновидениях. В действительности же такое полное толкование сновидения никогда не удается, и у каждого, кто производит такого рода попытку, в большинстве случаев остается чрезвычайно много составных элементов, в происхождении которых он не может дать себе отчета. Дневной интерес в качестве психического источника сновидений не играет, по-видимому, такой важной роли, как следовало бы ожидать после категорических утверждений, будто в сновидении каждый человек продолжает свою деятельность.

Другие психические источники сновидений нам неизвестны. Все теории сновидений, защищаемые в литературе, за исключением разве только теории *Шернера*, которой мы коснемся впоследствии, обнаруживают большие проблемы там, где речь идет об объяснении наиболее характерного для сновидения материала представлений. В этом отношении большинство авторов склонно чрезвычайно умалять роль психики в образовании сновидений, которая, кстати сказать, представляет и наибольшие трудности. Они, правда, различают сновидения, проистекающие из **нервного раздражения, и сновидения**, проистекающие из **ассоциации**, из которых последние имеют свой источник исключительно в репродукции (*Вундт*, с. 365), но они не в силах отделаться от сомнений в том, могут ли они образовываться без возбудительных физических раздражений (*Фолькельт*, с. 127). Характеристика чисто ассоциативного сновидения также недостаточна: «В собственно ассоциативных сновидениях больше не может быть речи о таком твердом ядре. Здесь слабая группировка проникает и в центр сновидений. Представления, и так уже независимо от разума и рассудка, не обусловливаются здесь закономерными физическими и душевными раздражениями и

предоставляются вполне своему собственному хаотическому смещению» (*Фолькельт*, с. 118). К умалению роли психики в образовании сновидений прибегает и *Вундт*, утверждая, что «фантазмы сновидений неправильно считаются чистыми галлюцинациями. По всей вероятности, большинство представлений в сновидениях являются в действительности иллюзиями: они исходят от слабых чувственных впечатлений, никогда не угасающих во сне» (с. 369 и сл.). *Вейгандт, придерживаясь* того же взгляда, только обобщает его. Он утверждает относительно всех сновидений, что важнейшей причиной их служит чувственное раздражение и лишь потом сюда приходят репродукционные ассоциации (с. 17). Еще дальше в отодвигании на задний план психических источников раздражения идет Тиссье (с. 183): «Снов, которые имеют чисто психическое происхождение, — не существует», и в другом месте (с. 6): «Мысли ваших снов имеют внешнее происхождение».

Те авторы, которые, подобно философу *Вундту*, занимают среднюю позицию, спешат заявить, что в большинстве сновидений действуют соматические раздражения и неизвестные или же известные в качестве дневных интересов психические возбудители.

Мы узнаем впоследствии, что загадка образования сновидений может быть разрешена открытием неожиданного психического источника раздражения. Пока же не будем удивляться преувеличению роли раздражений, не относящихся к душевной жизни, в образовании сновидений. Это происходит не только потому, что они легко наблюдаемы и даже подтверждаемы экспериментально: соматическое понимание образования сновидений соответствует вполне господствующим *в настоящее* время воззрениям в психиатрии. Господство мозга над организмом хотя и подчеркивается, но зато все, что доказывает независимость душевной жизни от очевидных органических изменений или постоянства ее проявлений, так пугает в данное время психиатров, точно признание этого должно вернуть нас к эпохе натурфилософии и метафизической сущности души. Недоверие

психиатров словно поставило психику под неусыпную опеку и требует, чтобы ничто не говорило о ее самостоятельности. Это, однако, свидетельствует только о незначительном доверии к прочности причиной связи, соединяющей физическое с психическим. Даже там, где психическое при исследовании оказывается первичной причиной явления, даже там более глубокое изучение откроет дальнейший путь вплоть до органически обоснованной душевной жизни. Там же, где психическое для нашего познания должно представлять собою конечный пункт, там поэтому все-таки еще нельзя отрицать неопровержимых истин.

г) *Почему человек забывает сновидение по пробуждении?* То, что сновидение к утру исчезает, всем известно. Правда, оно может оставаться в памяти. Ибо мы знаем сновидение, только вспоминая о нем по пробуждении; нам часто кажется, что мы помним его не целиком; ночью мы знали его подробнее; мы наблюдаем, как чрезвычайно живое воспоминание о сновидении утром, в течение дня мало-помалу исчезает; мы знаем часто, что нам что-то снилось, но не знаем, что именно, и мы так привыкли к тому, что сновидение забывается, что отнюдь не называем абсурдной возможность того, что человеку могло ночью что-нибудь сниться, а утром он не знает ничего о его содержании, ни вообще о том, что он испытал. С другой стороны, бывает нередко, что сновидения остаются в памяти чрезвычайно долгое время. У своих пациентов я нередко анализировал сновидения, испытанные ими двадцать пять и больше лет назад. И сам помню сейчас одно сновидение, которое видел по меньшей мере тридцать семь лет назад и которое до сих пор не утратило в моей памяти своей свежести. Все это чрезвычайно удивительно и на первых порах довольно-таки непонятно.

О забывании сновидений подробнее говорит *Штрюмпель*. Это забывание представляет собою, по-видимому, чрезвычайно сложное явление, так как *Штрюмпель* объясняет его не одной, а целым рядом причин.

Прежде всего забывание сновидений объясняется всеми теми причинами, которые вызывают забывание в дей-

ствительной жизни. В бодрственном состоянии мы обыкновенно забываем целый ряд ощущений и восприятий, потому ли что они чересчур слабы, потому ли что они имеют слишком малое отношение к связанным с ними душевным движениям. То же самое относится и к большинству сновидений; они забываются, потому что они чересчур слабы. Впрочем, момент интенсивности сам по себе еще не играет решительной роли для запоминания сновидений. *Штрюмпель* в согласии с другими авторами (*Калькинс*) признает, что быстро забываются нередко сновидения, о которых в первый момент помнишь, что они были чрезвычайно живы и рельефны, между тем как среди сохранившихся в памяти можно найти очень много призрачных, слабых и совершенно неотчетливых образов. Далее в бодрственном состоянии обычно легко забывается то, что произошло всего один раз, и, наоборот, запоминается то, что доступно восприятию неоднократно. Большинство сновидений представляет собой однократные переживания*; эта особенность способствует забыванию всех сновидений. Гораздо существеннее, однако, третья причина забывания. Для того чтобы ощущения, представления, мысли и т.п. достигли известной силы, доступной для запоминания, необходимо, чтобы они не появлялись в отдельности, а имели бы между собою какую-либо связь и зависимость. Если двустишие разбить на слова и представить их в другом порядке, то запомнить двустишие будет гораздо труднее. «Стройная, логически связанная фраза значительно легче и дольше удерживается в памяти. Абсурдное же вообще запоминается столь же трудно и столь редко, как и беспорядочное и бессвязное». Сновидения же в большинстве случаев лишены осмысленности и связности. Композиции сновидения сами по себе лишены возможности сохранять воспоминание о самих себе и забываются, так как в большинстве случаев они распадаются уже в ближайшее мгновение.

С этим, однако, не вполне согласно то, что говорит

* Периодически повторяющиеся сновидения наблюдались, правда, нередко: см. у *Шабанэ*.

Радешток (с. 168). Он утверждает, что мы запоминаем лучше всего самые странные сновидения.

Еще более действительными для забывания сновидений представляются *Штрюмпелю* другие моменты, проистекающие из соотношения сновидения и бодрственной жизни. Забывание сновидения бодрственным сознанием представляет собою, по-видимому, лишь дополнение к тому вышеупомянутому факту, что сновидение (почти) никогда не заимствует связанные воспоминания из бодрственной жизни, а берет из нее детали, вырываемые из ее обычных психических соединений, в которых они вспоминаются в бодрственном состоянии. Композиция сновидений не имеет, таким образом, места в сфере психических рядов, которыми заполнена душа. Им не достает вспомогательных средств запоминания. «Таким образом, сновидения как бы поднимаются над уровнем нашей душевной жизни, парят в психическом пространстве, точно на небе, которое малейший порыв ветра может быстро согнать» (с. 87). В том же направлении действует и то обстоятельство, что по пробуждении внешний мир тотчас же овладевает вниманием и лишь немногие сновидения выдерживают сопротивление его силы. Сновидения исчезают под впечатлением наступающего дня, точно сверкание звезд перед сиянием солнца.

Забыванию сновидений способствует, кроме того, тот факт, что большинство людей вообще мало интересуется тем, что им снится. Тому же, кто в качестве наблюдателя интересуется сновидениями, и снится больше, вернее говоря, он чаще и легче запоминает сновидения.

Две другие причины забывания сновидений, добавляемые *Бенини* к указываемым *Штрюмпелем*, содержатся в сущности уже в вышеупомянутом: 1. изменение чувства связи между сном и бодрствованием неблагоприятно для взаимной репродукции и 2. иное расположение представлений в сновидении делает последнее, так сказать, непереводимым для бодрствующего человека.

При наличности стольких причин забывания нас не может не удивлять, как замечает и сам *Штрюмпель*, что все же целый ряд сновидений удерживается в памя-

ти. Непрестанные попытки авторов подвести запоминание сновидений под какое-либо правило равносильно признанию того, что и здесь остается кое-что загадочное и неразрешимое. Вполне справедливо некоторые особенности запоминания сновидений были недавно подмечены: например, сновидение, которое субъект утром считает забытым, может всплыть в памяти в течение дня благодаря какому-либо восприятию, случайно соприкасавшемуся с все же забытым содержанием сновидения (*Радешток*, *Тиссье*). Запоминание сновидений все же подлежит ограничению, значительно понижающему ценность его для критического взгляда. Мы имеем основание сомневаться, не искажает ли наша память, опускающая столь многое в сновидении, и то, что она из него удерживает.

Эти сомнения в правдивости воспроизведения сновидения высказывает и *Штрюмпель*: «Чрезвычайно часто и бодрствующее сознание наяву включает многое в воспоминание о сновидении: субъект воображает, что ему снилось то или иное, вовсе не имевшее места в сновидении».

Особенно критически высказывается *Иессен* (с. 547): «При исследовании и толковании связанных и последовательных сновидений необходимо, кроме того, учитывать тот до сих пор мало оцененный факт, что относительно истины дело обстоит довольно печально: вызывая в памяти виденное сновидение, мы, сами того не замечая и не желая, заполняем и дополняем пробелы этих сновидений. Редко или почти никогда связные сновидения не бывают настолько связные, как представляются нам в воспоминании. Даже самый правдивый человек не в состоянии передать испытанного им сновидения без каких-либо добавлений и прикрас: стремление человеческого разума видеть во всем последовательность и связность настолько велика, что он при припоминании какого-либо бессвязного сновидения непроизвольно восполняет недостатки той связности».

Точным переводом этих слов *Иессена* звучит следующее безусловно самостоятельное воззрение *В. Эггера* (1895): «...наблюдение за сновидениями весьма затруднительно. Единственный выход — записывать содержание сновидения тотчас после пробуждения. Иначе приходит забвение — либо полное, либо — частичное. Но частичное забвение коварно: то, что не забыто, дополняется воображением, при этом «привнесенное» не сочетается с сохранившимися фрагментами. Рассказчик, сам того не подозревая, становится артистом. Рассказчик искренне верит в достоверность своего, многократно повторяемого повествования и преподносит его как истинное, полученное с помощью выверенного метода».

Такого мнения придерживается и *Спитта* (с. 338), который полагает, по-видимому, что мы вообще лишь при попытке воспроизвести сновидение вносим порядок и связь в слабо ассоциированные между собой элементы сновидения, «приводим элементы, существующие *наряду друг с другом*, в отношение *подчинения и взаимного исключения*, следовательно, производим процесс логического соединения, недостающего сновидению».

Так как мы не обладаем никаким другим контролем над правильностью наших воспоминаний, кроме объективного, а так как в сновидении, которое является нашим собственным переживанием и для которого мы знаем лишь один источник познаний — воспоминания, этот контроль отсутствует, то какая же ценность может придаваться нашим воспоминаниям о сновидении?

д) *Психологические особенности сновидения.* При научном исследовании сновидений мы исходим из предположения, что сновидение является результатом нашей душевной деятельности. Тем не менее готовое сновидение является нам чем-то чуждым, в создании чего мы, на наш взгляд, настолько мало повинны, что выражаем это даже в своем языке: «мне снилось». Откуда же проистекает эта «чуждость» сновидения? После нашего рассмотрения источников сновидений, казалось бы, что чуждость эта обусловливается не материалом и не содержанием сновидения; последнее обще по большей части у сновидения и бодрственной жизни. Можно задаться вопросом, не вызывается ли это впечатление своеобразием психологических процессов в сновидении, и попы-

таться произвести психологическую характеристику сновидения.

Никто так категорически не утверждал различия сновидения и бодрственной жизни и не выводил отсюда таких решительных заключений, как *Г. Т. Фехнер*[15] в некоторых частях своей «Психофизики» (с. 520, т. 11). Он полагает, что «ни простые понижения сознательной душевной жизни», ни отклонения внимания от влияния внешнего мира недостаточны для полного объяснения своеобразного отличия сновидения от бодрственной жизни. Он полагает, наоборот, что *арена действия у сновидения совершенно иная, чем у бодрственной жизни.* «Если бы арена действий психофизической деятельности во время сна и бодрствования была одна и та же, то сновидение, на мой взгляд, могло бы быть простым продолжением бодрственной жизни, разве только менее интенсивным, и должно было бы разделять с нею и содержание и форму. На самом же деле это обстоит совершенно иначе».

Что представлял себе *Фехнер* под таким перемещением душевной деятельности, так и осталось невыясненным. Мысли его, насколько мне известно, никто не продолжал. Анатомическое толкование в смысле мозговой локализации или даже в смысле гистологического расслоения мозговой коры приходится оставить. Быть может, однако, его мысль окажется когда-либо плодотворной, если отнести ее на душевный аппарат, слагающийся из различных последовательных инстанций.

Некоторые авторы удовлетворились тем, что указали на одну из конкретных психологических особенностей сновидения и сделали ее исходным пунктом широких попыток объяснения и толкования.

С полным правом они утверждали, что одна из главнейших особенностей сновидения проявляется уже в период засыпания и может быть охарактеризована как явление, переводящее в состояние сна. Наиболее характерным для бодрственного состояния, по мнению *Шлейермахера* (с. 351), является то, что мышление совершается посредством *понятий, а не образов*. Сновидение же мыслит преимущественно образами; можно наблюдать,

что вместе с приближением ко сну выступают наружу в той же мере, в какой затрудняется сознательная деятельность, *нежелательные представления*, относящиеся все без исключения к разряду образов. Неспособность к такому вызыванию представлений, которое кажется нам намеренно произвольным, и связанное с этим *рассеиванием* появление образов — вот две существенные особенности сновидения, которые при психологическом анализе последнего приходится признать наиболее существенными свойствами его. Относительно образов — гипнагогических галлюцинаций — мы уже говорили, что они даже по содержанию своему тождественны со сновидениями*.

Таким образом, сновидение мыслит преимущественно зрительными образами, однако не исключительно. Оно оперирует и слуховыми восприятиями, а в незначительной мере восприятиями других органов чувств. Многое и в сновидении попросту мыслится или представляется совершенно так же, как в бодрственной жизни. Характерны, однако, для сновидения лишь те элементы его содержания, которые предстают перед нами в виде образов, т.е. более сходны с восприятиями, чем с представлениями памяти. Устраняя все известные каждому психиатру разногласия относительно сущности галлюцинаций, мы можем сказать, что сновидение **галлюцинирует**, замещая мысли словами. В атом отношении не существует никакого различия между зрительными и акустическими представлениями; было замечено, что воспоминание о звуке, воспринятое перед засыпанием, превращается во сне в галлюцинацию той же мелодии, чтобы при пробуждении снова уступить место более слабому и качественно совершенно иному представлению в памяти.

Превращение представления в галлюцинацию является единственным отклонением сновидения от соответ-

---

* *Г. Зильберер* привел прекрасные примеры того, как даже абстрактные мысли в состоянии сна превращаются в наглядно-пластические образы, которые выражают то же самое (Jahrbuch von Bleuler — Freud, Band, I, 1909).

ствующей ему мысли в бодрственном состоянии. Из этих образов сновидение создает ситуации, оно как бы изображает что-либо существующим, *драматизирует мысль*, как выражается *Спитта* (с. 145). Характеристика этой стороны сновидения будет, однако, полной лишь в том случае, если добавить еще, что в сновидениях субъект, как ему кажется, не мыслит, а переживает, иначе говоря, относится с полною верою к галлюцинации, по крайней мере, обычно; исключения требуют особого объяснения. Критические сомнения, что в сущности пережито не было ничего, а лишь продумано в своеобразной форме, в форме сновидения, появляется лишь по пробуждении. Эта особенность отличает сновидение от мечтаний наяву, которые никогда не смешиваются с реальной действительностью.

Бурдах резюмировал следующим образом выше упомянутую особенность сновидений (с. 476): «К существенным признакам сновидения относятся: а) то, что субъективная деятельность нашей души представляется объективной; субъект так воспринимает продукты фантазии, точно они — чувственные ощущения... б) сон является уничтожением самостоятельности. Поэтому сон требует известной пассивности... Сновидение обусловливается понижением власти субъекта над самим собою».

Далее необходимо выяснить причины веры души в галлюцинации сновидения, которые могут проявиться лишь после прекращения самостоятельной произвольной деятельности.

Штрюмпель утверждает, что образ действий души при этом вполне корректен и соответствует всецело ее внутреннему механизму. Элементы сновидения являются отнюдь не одними только представлениями, а *действительными и истинными переживаниями души*, проявляющимися в бодрственном состоянии через посредство органов чувств (с. 34). В то время как душа в бодрственном состоянии мыслит и представляет словами, в сновидении она оперирует реальными образами (с. 35). Кроме того, в сновидении проявляется сознание пространства: ощущения и образы, как в бодрственном состоянии, переносятся в определенное место (с. 36). Нужно признать, таким образом, что душа в сновидении занимает ту же позицию по отношению к своим образам и восприятиям, как в бодрственном состоянии (с. 43). Если при этом она все же заблуждается, то это объясняется тем, что во сне ей недостает критерия, который один только может отличить чувственные восприятия, получаемые извне и изнутри. Она не может подвергнуть эти образы испытанию, которое единственно открывает их объективную реальность. Она пренебрегает, кроме того, различием между произвольно сменяемыми образами и другими, где такой произвол отсутствует, и заблуждается, так как не может применить закона каузальности к содержанию своего сновидения (с. 58). Короче говоря, ее отделение от внешнего мира содержит в себе и причину ее веры в субъективный мир сновидений.

К тому же выводу из отчасти иных психологических соображений приходит и *Дельбеф*. Мы верим в реальность содержания сновидений потому, что во сне не имеем других впечатлений, которые послужили бы для сравнения и потому, что мы совершенно отделены от внешнего мира. Но в истинность наших галлюцинаций мы верим не потому, что во сне мы лишены возможности производить испытания. Сновидение может поставить перед нами все эти испытания, мы можем видеть, например, что дотрагиваемся до какого-либо предмета, между тем, как он все-таки нам только снится. Согласно Дельбефу не имеется прочного критерия того, было ли то сновидение или живая действительность, кроме простого факта пробуждения, да и то лишь вообще практически. Я могу счесть иллюзией все то, что пережито мною между засыпанием и пробуждением, если по пробуждении я вижу, что я раздетый лежу в постели (с. 84). Во время сна я считал сновидения действительными вследствие неусыпной склонности мышления предполагать наличность внешнего мира, контрастом которого служит мое «я».

Если, таким образом, отрезанность от внешнего мира является определяющим моментом преимуществен-

ного содержания сновидения, то необходимо привести в связь с этим некоторые остроумные замечания *Бурдаха*, освещающие взаимоотношения спящей души с внешним миром и способные удержать от преувеличения вышеупомянутых отклонений. «Сон происходит лишь при том условии, — говорит *Бурдах*, — что душа не возбуждается чувственными раздражениями, ...но условием сна служит не столько отсутствие чувственных раздражений, сколько отсутствие интереса к ним:* некоторые чувственные восприятия даже необходимы постольку, поскольку они служат успокоению души: мельник может заснуть лишь тогда, когда слышит звук жернова; тот, кто привык спать со свечой, не может заснуть в темноте» (с. 457).

«Душа во сне изолируется от внешнего мира, отходит от периферии... Однако связь не совершенно нарушена. Если бы субъект слышал и чувствовал не в самом сне, а только по пробуждении, то его вообще нельзя было бы разбудить». «Еще убедительнее наличность ощущений доказывается тем, что спящий субъект пробуждается не всегда только чувственною силою впечатления, а психологическим соотношением последнего; безразличное слово не пробуждает спящего, если же его назвать по имени, он просыпается... Душа различает, таким образом, во сне чувственные восприятия... Поэтому, с другой стороны, можно разбудить субъекта и устранением чувственного раздражения: так, субъект просыпается от угасания свечи, мельник от остановки мельницы, т.е. прекращения чувственной деятельности, а это заставляет предполагать, что деятельность эта перципируется, но так как она безразлична или, скорее, даже доставляет удовлетворение, то она не тревожит душу» (с. 460 и сл.).

Если мы исключим эти довольно существенные возражения, то должны будем все же признать, что все вышеупомянутые свойства сновидений, проистекающие из изолированности от внешнего мира, не могут всецело объяснить чуждости сновидений нашему сознанию. Ибо в противном случае можно было бы совершать обратное превращение галлюцинаций сновидения в представления и ситуации — в мысли и тем самым разрешить проблему толкования сновидений. Мы поступаем так,

* *Гаффнер* предпринял попытку, аналогичную попытке *Дельбефа*, объяснить деятельность сновидения изменением, которое должно явиться результатом отклоняющегося от нормы условия в функции ненарушенного душевного аппарата, бывшей до этого правильной; но он описал это условие в несколько иных выражениях. По его мнению, первым признаком сновидения является отсутствие времени и места, т.е. эмансипация представления от присущего индивиду положения в смысле времени и места. С этим связана вторая основная характерная для сновидения черта: смешивание галлюцинаций, воображения и фантастических комбинаций с внешними восприятиями. «Так как совокупность высших душевных сил, в особенности образование понятий, суждений и умозаключений, с одной стороны, и свободное самоопределение, с другой стороны, присоединяются к воспринимаемым органам чувств фантастическим образам и имеют эти последние во всякое время своей основой, то и эта деятельность принимает участие в беспорядочности представлений в сновидениях. Мы говорим, что они принимают участие, так как сами по себе наша сила суждения, равно как и наша сила воли, во сне нисколько не изменяются. Судя по этой деятельности, мы столь же рассудительны и столь же свободны, как и в бодрственном состоянии. Человек и в сновидении не может отказаться от законов мышления, т.е. он не может считать идентичным то, что представляется ему противоположным. Он и в сновидении может желать лишь того, что он представляет себе как нечто хорошее (sub ratione boni). Но при применении законов мышления и воли человеческий дух вводится в сновидении в заблуждение благодаря смешиванию одного представления с другим. Таким образом, происходит то, что мы в сновидении допускаем и совершаем величайшие противоречия, в то время как, с другой стороны, мы создаем самые глубокомысленные суждения и самые последовательные умозаключения и можем принять самые добродетельные и благочестивые решения. *Недостаток ориентировки — вот тайна полета*, которым движется наша фантазия в сновидении, и недостаток критического рассуждения, равно как и общения с другими людьми, является главным источником безграничных экстравагантностей наших суждений, а также наших надежд и желаний, проявляющихся в сновидении» (с. 18).

Ср. «Désintérêt», в котором *Клапаред* (1905) находит механизм засыпания.

воспроизводя в памяти по пробуждении сновидение, но, как ни удачно протекают иногда эти обратные превращения, сновидение все же сохраняет обычно свою загадочность.

Все авторы сходятся в том, что в сновидении материал бодрственной жизни претерпевает и другие еще более глубокие изменения. Об одном из таких изменений говорит *Штрюмпель* (с. 17): «Душа вместе с прекращением деятельности чувств и нормального сознания утрачивает и почву, в которой коренятся ее чувства, желания, интересы и поступки. Даже те душевные состояния, чувства, интересы и оценки, которые в бодрственном состоянии присущи образам памяти, претерпевают... омрачающий гнет, вследствие чего нарушается их связь с образами; восприятия вещей, лиц, местностей, событий и поступков в бодрственной жизни воспроизводится в отдельности чрезвычайно часто, но ни один из них не обладает **психической ценностью**. Последняя отделена от них, и они поэтому ищут в душе каких-либо самостоятельных средств...»

Это лишение образов их психической ценности, которая объясняется опять-таки изолированностью от внешнего мира, является, по мнению *Штрюмпеля*, главною причиною той чуждости, с которой сновидение противопоставляется в нашем воспоминании действительной жизни.

Мы видели, что уже засыпание знаменует собою отказ от одного из видов душевной деятельности: от произвольного руководства представлениями. В нас внедряется и без того уже очевидное предположение, что состояние сна распространяется и на душевные отправления. То или иное отправление прекращается почти совсем; продолжаются ли другие по-прежнему и совершаются ли они нормальным порядком, это еще вопрос. Существует воззрение, которое говорит, что особенности сноведения объясняются понижением психической деятельности во сне; такому воззрению противоречит впечатление, производимое сновидением на наше бодрственное суждение. Сновидение бессвязно, оно соединяет самые резкие противоречия, допускает всякие невозможности, устраняет наши познания, притупляет наши этическое и моральное чувства. Кто стал бы вести себя в бодрственном состоянии так, как ведет себя иногда в сновидении, того мы, наверное, назвали бы сумасшедшим; кто в действительности стал бы говорить вещи, какие он говорит в сновидении, тот произвел бы на нас впечатление слабоумного. Ввиду этого мы имеем полное основание говорить, что психическая деятельность в сновидении чрезвычайно ничтожна и что высшая интеллектуальная работа почти или совершенно невозможна.

С необычным единодушием — об исключениях мы скажем ниже — авторы высказали эти суждения о сновидении, которые непосредственно ведут к определенной теорий последнего. Я считаю возможным мое резюме собранием мнений многих различных авторов — философов и врачей — о психологической сущности сновидения.

По мнению *Лемуана*, **отсутствие связи между** отдельными образами является единственной существенной особенностью сновидения.

Мори соглашается с *Лемуаном*; он говорит (с. 163): «Не существует совершенно рациональных сновидений. Всегда присутствует известная бессвязность, анахронизм иди абсурд».

Гегель, по словам *Спитты*, отрицал за сновидением какую бы то ни было объективную связность.

Дюга говорит: «Сон — это анархия психическая, эмоциональная и умственная. Это игра функций, предоставленных самим себе, происходящая бесконтрольно и бесцельно. Дух в сновидении — автоматический дух».

Об ослаблении внутренней связи и смешении представлений, связанных в бодрственном состоянии логической силой центрального «я», говорит *Фолькельт* (с. 14), согласно учению которого психическая деятельность во время сна является отнюдь не бесцельной.

Абсурдность связи между представлениями сновидения едва ли может подвергнуться более резкой оценке, чем у *Цицерона* (De divin. II): «Нет ничего такого глупого, чудовищного, нелепого, беспорядочного, что не могло бы посетить нас в сновидении».

Фехнер говорит (с. 522): «Кажется, будто психическая деятельность из мозга разумного человека переносится в мозг глупца».

Радешток (с. 145); «В действительности кажется невозможным различить в этом хаосе какие-либо твердые законы. Уклоняясь от строгой полиции разумной, руководящей представлениями в бодрственном состоянии воли и от внимания, сновидение калейдоскопически смешивает все в своем хаосе».

Гильдебрандт (с. 45): «Какие изумительные скачки позволяет себе спящий субъект в своих умозаключениях. С какой смелостью он опрокидывает вверх ногами все самые признанные истины! С какими нелепыми противоречиями в строе природы и общества мирится он, пока, наконец, апогей бессмыслицы не вызывает его пробуждения! Можно множить, например, во сне 3×3=20; нас ничуть не удивит, если собака будет читать стихотворение, если покойник сам ляжет в гроб, если скала будет плыть по морю; мы вполне серьезно принимаем на себя ответственные поручения, становимся морскими министрами или же поступаем на службу к *Карлу* XII незадолго до Полтавского боя».

Бинц (с. 33) ссылается на выставленную им теорию сновидений: «Из десяти сновидений, по меньшей мере девять, абсурдны. Мы соединяем в них лица и вещи, которые не имеют между собой решительно ничего общего. Уже в следующее мгновение точно в калейдоскопе группировка становится иною, быть может, еще более абсурдной и нелепой, чем была раньше. Изменчивая игра дремлющего мозга продолжается дальше, пока мы не пробуждаемся, не хлопаем себя ладонью по лбу и не задаемся вопросом, обладаем ли мы еще способностью здравого мышления».

Мори (*с.* 50) находит чрезвычайно существенным для врача сравнение между сновидением и мышлением в бодрственном состоянии: «Если сравнить ход мыслей в состоянии бодрствования с целенаправленными, подчиненными воле движениями, то образы сновидений можно сравнить с хореей, параличом.

...В остальном же сновидение представляется ему целой серией деградации способности мыслить и рассуждать» — лучше — «последовательной деградацией способности мыслить и рассуждать (с. 27)».

Едва ли необходимо приводить мнения авторов, повторяющих утверждение *Мори* относительно отдельных высших форм душевной деятельности.

Согласно *Штрюмпелю,* в сновидении, — само собою разумеется, и там, где абсурдность не бросается в глаза, — отступают на задний план все логические операции души, покоящиеся на взаимоотношениях и взаимозависимостях (с. 26). По мнению *Спитты* (с. 148), в сновидении представления, по-видимому, совершенно уклоняются от закона причинности. *Радешток* и другие подчеркивают свойственную сновидениям слабость суждения и умозаключения. По мнению *Иодля* (с. 123), в сновидении нет критики и нет исправления восприятий путем содержания сознания. Этот автор полагает: «Все формы деятельности сознания проявляются в сновидении, но в неполном, изолированном и подавленном виде». Противоречие, в которое становится сновидение по отношению к нашему бодрственному сознанию, *Штрикер* (вместе со многими другими) объясняет тем, что в сновидении забываются факты или же теряется логическая связь между представлениями (с. 98) и т. д. и т.п.

Авторы, которые столь неблагоприятно отзываются о психической деятельности в сновидении, признают, однако, что сновидению присущ некоторый остаток душевной деятельности. *Вундт,* учения которого столь ценны для всякого интересующегося проблемой сновидения, категорически утверждает это; но возникает вопрос о форме и характере проявляющегося в сновидении остатка нормальной душевной деятельности. Почти все соглашаются с тем, что репродуцирующая способность наименее страдает во сне и обнаруживает даже некоторое превосходство по отношению к той же функции бодрственного состояния, хотя часть абсурдности сновидения должна быть объясняема забыванием именно этого элемента. По мнению *Спитты*, сон не действует на *внутреннюю жизнь* души, которая полностью проявляется затем в сновидении. Под «внутренней жизнью»

души он разумеет проявление постоянного комплекса чувств в качестве сокровенной субъективной сущности человека» (с. 84).

Шольц (с. 37) видит проявляющуюся во сне форму душевной деятельности в *«аллегоризирующем преобразовании»*, которому подвергается материал сновидения. Зибек констатирует в сновидения и *«дополнительную толковательную деятельность»* души (с. 11), которая проявляется ею по отношению ко всему воспринимаемому. Особенную трудность представляет для сновидения оценка высшей психической функции сознания. Так как мы о сновидении знаем вообще благодаря лишь сознанию, то относительно сохранения его во время сна не может быть никакого сомнения; по мнению *Спитты*, однако, в сновидении сохраняется только сознание, а не самосознание. *Дельбеф* признается, что он не понимает этого различия.

Законы ассоциации, по которым соединяются представления, относятся и к сновидениям; их происхождение выступает наружу в сновидении в более чистом и ярком виде. *Штрюмпель* (с. 70): «Сновидение протекает исключительно, по-видимому, по законам чистых представлений или органических раздражений при помощи таких представлений, иначе говоря, без участия рефлекса и рассудка, эстетического вкуса и моральной оценки». Авторы, мнения которых я здесь привожу, представляют себе образование сновидения приблизительно в следующем виде: сумма чувственных раздражений, действующих во сне и проистекающих из различных вышеупомянутых источников, пробуждают в душе прежде всего ряд впечатлений, предстающих перед нами в виде галлюцинаций (по *Вундту*, в виде иллюзий, благодаря их происхождению от внешних и внутренних раздражений). Галлюцинации эти соединяются друг с другом по известным законам ассоциаций и вызывают, со своей стороны, согласно тем же законам, новый ряд представлений (образов). Весь материал перерабатывается затем активным рудиментом регулирующей и мыслящей душевной способности, поскольку это в ее силах (ср. у *Вундта и Вейгандта*). До сих пор не

удается, однако, разобраться в мотивах, обусловливающих зависимость галлюцинаций от того или другого закона ассоциаций.

Неоднократно, однако, было замечено, что ассоциации, соединяющие между собой представления в сновидении, носят совершенно своеобразный характер и разнятся от ассоциаций, действующих в бодрственном мышлении. Так, *Фолькельт* (с. 15) говорит: «В сновидении представления группируются друг с другом по случайной аналогии и едва заметной внутренней связи. Все сновидения полны такими слабыми ассоциациями». *Мори* придает наибольшее значение этому характеру соединения представлений, позволяющему ему сопоставить сновидения с некоторыми душевными расстройствами. Он находит две главных отличительных черты «бреда»: 1. Спонтанное, как бы автоматическое действие духа. 2. Извращенная, неравномерная ассоциация идей» (с. 126). *Мори* приводит два превосходных примера сновидений, в которых простое созвучие слов способствует соединению представлений. Ему снилось однажды, что он предпринял паломничество (pelerinage) в Иерусалим или в Мекку. Потом после многих приключений он очутился вдруг у химика Пеллетье (Pelletier), тот после разговора дал ему цинковый заступ (pelle), и тот в последующем ходе сновидения стал исполинским мечом (с. 137). В другой раз он во сне отправился по большой дороге и по верстовым столбам стал отсчитывать *километры*, вслед за этим он очутился в лавке, там стояли большие весы, и приказчик клал на чашку *килограммы*, отвешивая товар *Мори*, потом приказчик сказал ему: «Вы не в Париже, а на острове *Гилоло*». В дальнейшем он увидел, между прочим, цветы лобелии, генерала *Лопеза*, о смерти которого он недавно читал, и, наконец, перед самим пробуждением играл во сне в **лото***.

Нас не может удивлять то обстоятельство, что это умаление психической деятельности сновидения встре-

* Ниже мы подвергнем исследованию сновидения, характеризующиеся словами с одинаковыми начальными буквами и аналогичные по созвучию.

чает резкие противоречия с другой стороны. Правда, противоречия эти здесь довольно затруднительны. Нельзя, однако, придавать серьезного значения тому, что один из сторонников умаления душевной деятельности (*Спитта*, с. 118) утверждает, что в сновидении господствуют те же психологические законы, что и в бодрственном состоянии. Или, что другой (*Дюга*) говорит: «Сон — это не сдвиг ума («схождение с рельс»), но и не полное отсутствие ума». Оба они не пытаются даже привести в связь это утверждение с описанною ими же самими психической анархией и подавлением всех функций в сновидениях. Но другим, однако, представлялась возможность того, что абсурдность сновидения имеет все-таки какой-то метод. Эти авторы не воспользовались, однако, этой мыслью и не развили ее.

Так, например, *Гавелок Эллис* (1899) определяет сновидение, не останавливаясь на его мнимой абсурдности, как «архаический мир широких эмоций и несовершенных мыслей», изучение которого могло бы дать нам понятие о примитивных фазах развития психической жизни. *Дж. Селли* (с. 362) защищает такой же взгляд на сновидение, но в еще более категорической и более убедительной форме. Его суждения заслуживают тем более внимания, что он был, как, пожалуй, ни один психолог, убежден в замаскированной осмысленности сновидения. «Наши сны являются способом сохранения этих последовательных личностей. Когда мы спим, мы возвращаемся к старым путям воззрений, мироощущениям, импульсам и деятельности, которые когда-то господствовали над нами». Такой мыслитель, как *Дельбеф*, утверждает, правда, не приводя доказательств против противоречивого материала, и потому, в сущности, несправедливо: «Во сне, кроме восприятия, все способности психики: ум, воображение, память, воля, мораль — остаются неприкосновенными по своему существу. Они лишь касаются воображаемых и текучих вещей. Сновидец является актером, который играет роли сумасшедших и мудрецов, палачей и жертв, карликов и великанов, демонов и ангелов» (с. 222). Энергичнее всего оспаривает умаление психической деятельности в сновидении маркиз *д'Эрвей*, с которым полемизировал *Мори* и сочинения которого я, несмотря на все свои усилия, не мог раздобыть. *Мори* говорит о нем (с. 19): «Маркиз д'Эрвей приписывает уму во время сна всю его свободу действия и внимания, и, очевидно, он считает, что сон является лишь «выключением» пяти чувств восприятия и отрешенности от внешнего мира. Спящий мало отличается от мечтателя, предоставляющего своим мыслям полную свободу, стараясь отключить восприятия. Все отличие мысли в бодрствовании от мысли в сновидении состоит в том, что у сновидца идея принимает форму видимую, объективную и очень похожа на ощущения, обусловленные внешними предметами, воспоминания приобретают черты настоящего».

Но *Мори* прибавляет: «Есть еще одно существенное отличие, а именно: интеллектуальные способности спящего человека не характеризуются тем равновесием, которое характерно для бодрствующего».

У *Вашида*, который наиболее полно сообщает нам о книге *д'Эрвея*, мы находим, что этот автор высказывается следующим образом о кажущейся бессвязности сновидений. «Представления сна являются копией идеи, видение — лишь придаток. Установив это, нужно уметь следовать за ходом идеи, анализировать ткань сновидения, бессвязность тогда становится понятной, самые фантастические концепции становятся фактами обыденными и логичными» (с. 146). «Самые странные сны для умеющего проанализировать их становятся логически обусловленными, разумными» (с. 147).

И. Штерке обратил внимание на то, что один старый автор *Вольф Давидзон*, который был мне неизвестен, защищал в 1799 г. подобный взгляд на бессвязность сновидений (с. 136): «Странные скачки наших представлений в сновидении имеют свое обоснование в законе ассоциаций, но только эта связь осуществляется иногда в душе очень неясно, так что нам часто кажется, что мы наблюдаем скачок представлений в то время, как в действительности никакого скачка нет».

Шкала оценки сновидения как психического продук-

та чрезвычайно обширна в литературе; она простирается от глубочайшего пренебрежения, с которым мы уже познакомились, от предчувствия до сих пор еще не найденной ценности вплоть до переоценки, ставящей сновидение значительно выше душевной деятельности бодрственной жизни. Гильдебрандт, который, как мы знаем, дает психологическую характеристику сновидения в трех антиномиях, резюмирует в третьем из противоречий конечный пункт этого ряда следующим образом (с. 19): «Оно находится между **повышением и потенциацией**, доходящей нередко до **виртуозности**, и решительным **понижением** и **ослаблением** душевной деятельности, доходящей иногда до низшего уровня человеческого».

«Что касается первого, то кто же не знает по собственному опыту, что в творчестве гения сновидения проявляется иногда глубина и искренность чувства, тонкость ощущения, ясность мысли, меткость наблюдения, находчивость, остроумие — все то, что мы по скромности нашей не признали бы своим достоянием в бодрственной жизни? Сновидение обладает изумительной поэзией, превосходной аллегорией, несравненным юмором, изумительной иронией. Оно видит мир в своеобразном идеализированном свете и потенцирует эффект своих интересов часто в глубокомысленном понимании их сокровенной сущности. Оно представляет нам земную красоту в истинно небесном блеске, окружает возвышенное наивысшим величием, облекает страшное в ужасающие формы, представляет нам смешное с несравненным комизмом. Иногда после пробуждения мы настолько преисполнены одним из таких впечатлений, что нам кажется, будто реальный мир никогда не давал нам ничего подобного».

Невольно задаешься вопросом, неужели по отношению к одному и тому же объекту мы слышали столь пренебрежительные замечания и столь воодушевленный панегирик? Неужели же одни упустили из виду абсурдные сновидения, а другие — полные смысла и жизни. Но если встречаются те и другие сновидения, которые заслуживают той и другой оценки, то разве не пустое

занятие искать психологической характеристики сновидения? Разве недостаточно сказать, что в сновидении возможно все, начиная от глубочайшего понижения душевной деятельности вплоть до повышения ее, необычайного даже для бодрственной жизни? Как ни удобно это разрешение вопроса, ему противоречит то, что лежит в основе, в стремлении всех этих исследователей сновидения: по мнению всех их, существует все же общеобязательная по своей сущности характеристика сновидения, устраняющая все вышеуказанные противоречия.

Нельзя отрицать того, что психическая деятельность сновидения встречала более охотное признание в тот давно прошедший интеллектуальный период, когда умами владела философия, а не точные естественные науки. Воззрения, как например *Шуберта*, что сновидение является освобождением души от оков чувственности, от власти внешней природы и аналогичные воззрения младшего *Фихте** и других, которые все характеризуют сновидение как подъем душевной жизни, кажутся нам в настоящее время мало понятными; сейчас с ними могут соглашаться лишь мистики и религиозно настроенные люди**. Развитие естественно-научного образа мышления вызвало реакцию в оценке сновидения. Представители медицины скорее других склонны считать психическую деятельность сновидения ничтожной и незначительной, между тем как философы и непрофессиональные наблюдатели — любители психологи, мнением которых нельзя пренебрегать именно в этой области, все еще придерживаются народных воззрений, признавая высокую психическую ценность сновидения. Кто склоняется к преуменьшению психической деятельности сновидений, тот в этиологии последнего, вполне понятно, отдает предпочтение со-

* Ср. *Гаффнер и Спитта*.

** Остроумный мистик *Дю Прель*, один из немногих авторов, у которых я хотел бы просить извинения за то, что я пренебрег ими в предыдущих изданиях этой книги, говорит, что не бодрственная жизнь, а сновидение является воротами к метафизике, поскольку она касается человека (Philosophie der Mystik, с. 59).

матическим раздражениям; тому же, кто признает за грезящим субъектом большую часть его способностей, присущих ему в бодрственном состоянии, тому нет никаких оснований не признавать за ним и самостоятельных побуждений к сновидениям.

Из всех форм психической деятельности, которую при трезвом сравнении следует признавать за сновидениями, наиболее крупная — это работа памяти; мы уже касались подробно ее рельефных проявлений. Другое, нередко превозносимое прежде преимущество сновидения, — то, что оно способно господствовать над временем и пространством, — может быть с легкостью признано иллюзорным. *Гильдебрандт* говорит прямо, что это свойство бесспорная иллюзия; сновидение не возвышается над временем и пространством иначе нежели бодрственное мышление, потому что оно само является формой мышления. Сновидение по отношению к понятию времени обладает еще другим преимуществом и еще в другом смысле может быть независимо от времени. Такие сновидения, как, например, вышеописанное сновидение *Мори* о его казни на гильотине, доказывает, повидимому, что сновидение в короткий промежуток времени концентрирует больше содержания, нежели наша психическая деятельность в бодрственном состоянии. Это наблюдение оспаривается, однако, различными аргументами; последние исследования *Ле Лоррена и Эггера* «о мнимой продолжительности сновидений» положили начало интересной полемике, не достигшей еще, однако, результатов в этом трудном и сложном вопросе*.

По многочисленным сообщениям и на основании собрания примеров, предложенных *Шабанэ*, не подлежит никакому сомнению, что сновидение способно продолжить интеллектуальную работу дня и довести ее до конечного результата; в равной мере бесспорно и то, что оно может разрешать сомнения и проблемы и что для поэтов и композиторов может служить источником нового вдохновения. Но если бесспорен самый факт, то все же толкование его подлежит еще большему принципиальному сомнению*.

* Дальнейшую литературу и критическое обсуждение этой проблемы см. в парижской диссертации *Тоболовской* (1900).

Наконец, утверждаемая божественная сила сновидения представляет собою спорный объект, в котором совпадают преодолимое с трудом сомнение с упорно повторяемыми уверениями[16]. Авторы эти избегают — и с полным основанием — отрицать все фактическое относительно этой темы, так как для целого ряда случаев в ближайшем будущем предстоит возможность естественного психологического объяснения.

е) *Моральное чувство в сновидении.* По мотивам, которые становятся понятными лишь при выяснении моего собственного исследования сновидений, я из темы о психологии сновидении выделил частичную проблему того, в какой мере моральные побуждения и чувства бодрственной жизни проявляются в сновидениях. Противоречия большинства авторов, замеченные нами относительно отеческой деятельности в сновидении, бросаются нам в глаза и в этом вопросе. Одни утверждают категорически, что сновидение не имеет ничего общего с моральными требованиями, другие же, наоборот, говорят, что моральная природа человека остается неизменной и в сновидении.

Ссылка на повседневные наблюдения подтверждает, по-видимому, правильность первого утверждения. *Иессен* говорит (с. 553): «Человек не становится во сне ни лучше, ни добродетельнее: наоборот, совесть как бы молчит в сновидениях, человек не испытывает ни жалости, ни сострадания и может совершать с полным безразличием и без всякого последующего раскаяния тягчайшие преступления, кражу, убийство и ограбление».

Радешток (с. 146): «Необходимо принять во внимание, что ход ассоциаций в сновидении и соединение представлений происходят без участий рефлекса, рассудка, эстетического вкуса и моральной оценки; в лучшем случае оценка слаба и налицо **полное эстетическое безразличие».**

* Ср. критику у *Г. Эллиса*, World of Dreams, с. 268.

Фолькельт (с. 23): «Особенно ярко это проявляется, как каждому известно, в сновидениях с сексуальным содержанием. Подобно тому, как сам спящий лишается совершено стыдливости и утрачивает какое бы то ни было нравственное чувство и суждение, — в таком же виде представляются ему и другие, даже самые уважаемые люди. Он видит такие их поступки, которые в бодрственном состоянии он не решился бы им приписать».

В резком противоречии с этим находится воззрение Шопенгауэра, который говорит, что каждый действует в сновидении в полном согласии со своим характером. *В. Ф. Фишер** утверждает, что субъективное чувство, стремление к аффекту и страсти в такой форме проявляются в сновидении, что в последних отражаются моральные свойства личности.

Гаффнер (с. 25): «Не считая некоторых редких исключений, каждый добродетельный человек добродетелен и в сновидении; он борется с искушением, с ненавистью, с завистью, с гневом и со всевозможными пороками; человеку же, лишенному морального чувства, будут и во сне грезиться образы и картины, которые он видит перед собою в бодрственном состоянии».

Шольц (с. 36): «В сновидении — истина; несмотря на маску величия или унижения, мы всегда узнаем самих себя. Честный человек не совершит и в сновидении бесчестного поступка, если же совершит, то сам возмутится им, как чем-то несвойственным его натуре. Римский император, приказавший казнить одного из своих подданных за то, что тому снилось, будто он отрубил ему голову, был не так уже неправ, когда оправдывался тем, что тот, кто видит подобные сны, преисполнен таких же мыслей и в бодрственном состоянии[17]. О том, что не укладывается в нашем сознании, мы говорим поэтому очень метко: «Мне и во сне это не снилось».

В противоположность этому *Платон* полагает, что наилучшими людьми являются те, которые только во сне видят то, что другие делают в бодрственном состоянии.

* Grundzüge des Systems der Anthropologie. Erlangen, 1850 (*у Спитты*).

Пфафф, перефразируя известную поговорку, говорит: «Рассказывай мне свои сновидения, и я скажу тебе, кто ты».

Небольшое сочинение *Гильдебрандта*, из которого я уже заимствовал несколько цитат, — превосходный и ценный вклад в изучение проблемы сновидения — выдвигает на первый план проблему нравственности в сновидении. *Гильдебрандт* тоже считает непререкаемым: «Чем чище жизнь, тем чище сновидение, чем позорнее первая, тем позорнее второе».

Нравственная природа человека остается неизменной и в сновидении: «Но в то время как ни одна очевидная ошибка в простой арифметической задаче, ни одно романтичное уклонение науки, ни один курьезный анахронизм не оскорбляет нашего сознания и даже не кажется нам подозрительным, различие между добром и злом, между правдой и неправдой, между добродетелью и пороком никогда не ускользает от нас. Сколько бы ни исчезало из того, что сопутствует нам в бодрственной жизни, — категорический императив *Канта* следует за нами неразрывно по пятам и даже во сне не оставляет нас... Факт этот может быть объяснен только тем, что основа человеческой природы, моральная сущность ее достаточно прочна, чтобы принимать участие в калейдоскопическом смешении, которое претерпевает фантазия, разум, память и др. способности нашей психики» (с. 45 и сл.).

В дальнейшем обсуждении вопроса выступают наружу замечательные отклонения и непоследовательности у обеих групп авторов. Строго говоря, у всех тех, которые полагают, что в сновидении моральная личность человека уничтожается, это объяснение должно было бы положить конец всякому дальнейшему интересу к нормальным сновидениям. Они с тем же спокойствием могли бы отклонить попытку взвалить ответственность за сновидения на спящего, из «скверны» последних заключить о «скверне» его натуры, равно как и равноценную попытку из абсурдности сновидений доказать ничтожество интеллектуальной жизни бодрствующего человека. Другие же, для которых «категорический им-

ператив» простирается и на сновидения, должны были бы без ограничений принять на себя ответственность за аморальные сновидения; мне оставалось бы только желать, чтобы соответственные сновидения не разубеждали их в их непоколебимой уверенности в своем высоком моральном сознании.

На самом же деле, по-видимому, никто не знает, насколько он добр или зол, и никто не может отрицать наличности в памяти аморальных сновидений. Ибо, помимо этого противоречия в оценке сновидений, обе группы авторов обнаруживают стремление выяснить происхождение аморальных сновидений; образуется новое противоречие смотря по тому, находится ли конечный их источник в функциях психической жизни или в воздействиях соматического характера. Неотразимая сила фактов заставляет сторонников ответственности и безответственности сновидений выдвинуть единодушно какой-то особый психический источник аморальных сновидений.

Все те, которые признают наличность нравственности в сновидении, избегают принимать на себя полную ответственность за свои сновидения. *Гаффнер* говорит (с. 24): «Мы не ответственны за наши сновидения, потому что наше мышление и воля лишаются базиса, на котором единственно зиждется правда и реальность нашей жизни. Поэтому никакая воля и никакое действие в сновидении не может быть ни добродетелью, ни грехом». Все же человек несет ответственность за аморальные сновидения, поскольку он их косвенно вызывает. Перед ним стоит обязанность нравственно очищать свою душу как в бодрственном состоянии, так и особенно перед погружением в сон.

Значительно глубже производится анализ этого смешения отрицания и признания ответственности за нравственное содержание сновидений у *Гильдебрандта*. После того как он утверждает, что драматизирующая репродукция сновидения, концентрация сложнейших представлений и процессов в ничтожнейший промежуток времени и признаваемое также и мною обесценивание отдельных элементов сновидения должны быть приняты

во внимание при обсуждении аморального содержания сновидений, он признается, что все же нельзя всецело отрицать всякую ответственность за греховные поступки в сновидении.

«Когда мы стараемся категорически отвергнуть какое-либо несправедливое обвинение, особенно такое, которое относится к нашим намерениям и планам, то мы говорим обыкновенно: «Это и во сне нам не снилось»; тем самым мы признаем, с одной стороны, что мы считаем сон наиболее отдаленной сферой, в которой мы были бы ответственны за свои мысли, так как там эти мысли настолько связаны с нашей действительной сущностью, что их едва можно признать нашими собственными; не отрицая наличности этих мыслей и в этой сфере, мы допускаем, однако, в то же время, что наше оправдание было бы неполным, если бы оно не простиралось до этой сферы. И мне кажется, что мы, хотя и бессознательно, но все же говорим сейчас языком истины» (с. 49).

«Немыслимо представить себе и одного поступка в сновидении, главнейший мотив которого не прошел бы предварительно через душу бодрствующего субъекта, — в виде ли желания, побуждения или мысли». Относительно этого предшествующего переживания необходимо сказать: сновидение не создало его, — оно лишь развило его, обработало лишь частицу исторического материала, бывшего в наличности в нашей душе; оно воплотило слова апостола: «Кто ненавидит брата своего, тот убийца его»[18]. И если по пробуждении субъект, уверенный в своей нравственной силе, с улыбкой вспоминает свое греховное сновидение, то едва ли от первоначальной основы его можно отделаться такой же легкой улыбкой. Человек чувствует себя обязанным, если не за всю сумму элементов сновидения, то хотя бы за некоторый процент их. Для нас представляют здесь трудно понимаемые слова Иисуса Христа: «Греховные мысли приходят из сердца»[19], — мы едва ли можем избегнуть мысли о том, что каждый совершенный нами в сновидении грех влечет за собой хотя бы минимум греха нашей души» (с. 52).

В зародышах и в печальных побуждениях, постоянно возникающих в нашей душе, хотя бы в форме описанных искушений[20], *Гильдебрандт* видит источник аморальных сновидений и высказывается за включение их в моральную оценку личности. Это те самые мысли и та же самая оценка, которая, как мы знаем, заставляла благочестивых и святых всех времен жаловаться на то, что они тяжкие грешники*.

Во всеобщем проявлении этих *противоречащих* представлений — у большинства людей и даже не только в сфере нравственности — сомневаться нельзя. Обсуждению их не уделялось, однако, должного внимания. У *Спитты* мы находим следующее, относящееся сюда мнение *Целлера* (Статья «Irre» во Всеобщей энциклопедии наук *Эрша* и *Грубера*) (с. 144): «Редко разум организован настолько удачно, что он постоянно обладает полною силою и что постоянный ясный ход его мыслей не нарушают не только несущественные, но и совершенно абсурдные представления; величайшие мыслители жаловались на этот призрачный, докучливый и неприятный хаос впечатлений, смущавший их глубокое мышление и их священнейшие и серьезнейшие мысли».

Более ярко освещает психологическое положение этих противоречащих мыслей *Гильдебрандт*, который утверждает, что сновидение дает нам иногда возможность заглянуть в глубины и сокровенные уголки нашего существования, которые в бодрственном состоянии остаются для нас закрытыми (с. 55). То же разумеет и *Кант*[21] в одном месте своей «Антропологии», когда говорит, что сновидение существует, по всей вероятности, чтобы раскрывать нам скрытые наклонности и показывать нам то, что мы собою представляем, и то, чем мы были бы, если бы получили другое воспитание; *Радешток* (с. 84) говорит, что сновидение открывает нам только то, в чем мы сами себе не хотели признаться, и что поэтому мы несправедливо называем его обманчивым и лживым. *И. Е. Эрдманн* говорит: «Сновидение никогда не открывало мне, что мне следует думать о ком-либо; но сновидение неоднократно уже, к моему собственному огромному удивлению, показывало мне, как я отношусь к нему и что я о нем думаю». Такого же мнения придерживается и *И. Г. Фихте*: «Характер наших сновидений остается гораздо более верным отражением нашего общего настроения, чем мы узнаем об этом путем самонаблюдения в бодрственном состоянии». Мы обращаем внимание на то, что проявление этих побуждений, чуждых нашему нравственному сознанию, лишь аналогично с известным уже нам господством сновидений над другими представлениями, относящимися к бодрственному состоянию или играющими там ничтожную роль; по этому поводу Бенини замечает: «Конечно, наши склонности, которые мы считали подавленными, исчерпанными, воскресают. Старые и погребенные страсти оживают. Люди, о которых мы не думали, появляются в образах сна» (с. 149).

Фолькельт говорит: «Представления, которые прошли почти незаметно в бодрствующее сознание и которые, по всей вероятности, никогда не будут извлечены из забвения, очень часто дают знать о себе в сновидениях» (с. 105). Необходимо, наконец, упомянуть здесь о том. что, по мнению Шлейермахера, уже засыпание сопровождается проявлением нежелательных представлений (образов).

Нежелательными представлениями можно назвать все те представления, появление которых как в аморальных, так и в абсурдных сновидениях возбуждает в нас неприятное чувство. Существенное различие заключается лишь в том, что нежелательные представления в области морали представляют собою противоречие нашим обычным переживаниям, в то время как другие просто-напросто нас удивляют. До сих пор еще никто не пытался более глубоко и подробно обосновать это различие.

* Небезынтересно будет узнать, как относилась к нашей проблеме святая инквизиция. В «Tractatus de Officio sanctissimae Inquisitionis» Thomas'a Carena (Лионское издание, 1659) есть следующее место: «Если кто нибудь высказывает в сновидении еретические мысли, то это должно послужить для инквизиторов поводом испытать его поведение в жизни, ибо во сне обычно возвращается то, что занимает человека в течение дня» (Dr, Ehniger, S. Urban, Schweiz).

Какое же значение имеет проявление нежелательных представлений в сновидении, какой повод относительно психологии бодрствующей и грезящей души можно извлечь из этого ночного проявления противоречащих этических побуждений? Здесь необходимо отметить новое разногласие и новую различную группировку авторов. По мнению *Гильдебрандта* и его сторонников, приходится неминуемо признать, что аморальным движениям души и в бодрственном состоянии присуща известная сила, которая не может, однако, проявиться на деле, и что во сне отпадает нечто, что мешало нам до того сознавать наличность этих побуждений. Сновидение выясняет, таким образом, реальную сущность человека, хотя и не вполне исчерпывает ее, и не принадлежит к числу средств, которые облегчают доступ нашего сознания к скрытым тайникам души. Только на основании этого *Гильдебрандт* может приписывать сновидению роль *предостерегателя*, который обращает наше внимание на скрытые моральные дефекты нашей души, все равно, как по признанию врачей, оно предупреждает сознание о незаметных до того физических страданиях. *Спитта*, по всей вероятности, руководился тем же, когда указывал на источники возбуждения, которые играют видную роль в период зрелости и утешают грезящего субъекта тем, что он сделал все, что было в его силах, если вел в бодрственном состоянии строго добродетельный образ жизни и старался всякий раз подавить греховные мысли, не давая им развиться и особенно проявиться на деле. Согласно этому воззрению мы можем назвать **«нежелательными»** представлениями — представления, «*подавляемые*» в течение дня, и видеть в их проявлении чисто психический феномен.

По мнению других авторов, мы не имеем права делать подобные заключения. По мнению *Иессена*, нежелательные представления в сновидениях, а также и в бодрственной жизни и в лихорадочном состоянии носят «характер приостановленной волевой деятельности и *до некоторой степени механического* воспроизведения образов и представлений путем побуждении» (с. 360). Аморальное сновидение доказывает якобы только то, что

грезящий субъект когда-либо, очень может быть и случайно, узнал о данном представлении, которое отнюдь не обязательно должно служить составной частью его психики. Знакомясь с мнением *Мори* по этому поводу, мы сомневаемся, не приписывает ли он сновидению способность разлагать душевную деятельность на составные части вместо того, чтобы попросту ее разрушать. О сновидениях, в которых человек преступает все границы моральности, он говорит: «Именно наши склонности заставляют нас говорить и действовать, причем наша совесть нас не удерживает, хотя иногда предупреждает. У меня есть недостатки и порочные склонности. В состоянии бодрствования я стараюсь бороться с ними и часто мне удается контролировать их, не поддаваться им. Но в моих снах я всегда им поддаюсь или точнее действую под их импульсом, не испытывая ни страха, ни угрызений совести. Конечно, видения, разворачивающиеся передо мной, составляющие сновидения, подсказываются мне теми побуждениями, которые я чувствую и которые отсутствующая воля даже не пытается подавить» (с. 113).

Если верить в способность сновидения раскрывать действительно существующее, но подавленное или скрытое моральное предрасположение грезящего субъекта, то более яркую характеристику, чем у *Мори* (с. 115), найти трудно: «Во сне человек проявляется полностью во всей своей оголенности и природном нищенстве. Как только он перестает применять свою волю, он становится игрушкой всех страстей, от которых в состоянии бодрствования его защищает совесть, чувство чести и страх». И в другом месте (с. 462): «Во сне проявляется человек инстинкта... Человек как бы возвращается к своему природному состоянию, когда видит сон. Чем менее глубоко проникли в его дух приобретенные идеи, тем более тенденции, не согласующиеся с ними, сохраняют свое влияние во сне». Он приводит затем в качестве примера, что в сновидениях он нередко видел себя жертвой как раз того суеверия, с которым наиболее ожесточенно боролся в своих сочинениях.

Ценность всех замечаний относительно психологиче-

ского содержания сновидений нарушается, однако, у *Мори* тем, что он в столь правильно подмеченном им явлении видит только доказательство «психического автоматизма», который, по его мнению, господствует над сновидениями. Этот автоматизм он противопоставляет психической деятельности.

Штрикер в одном месте своего анализа сознания говорит: «Сновидение состоит не только из обманчивых иллюзий; если спящий пугается во сне, например, разбойников, то хотя эти разбойники и иллюзорны, но страх вполне реален». Это наводит на мысль о том, что развитие аффекта в сновидении не допускает оценки, которая выпадает на долю других элементов сновидения, и перед нами предстает вопрос, какой из психических процессов во сне реален, иначе говоря, какие из них могут претендовать на включение их в состав психических процессов бодрственного состояния?

ж) *Теории сновидения и функции его.* Суждение о сновидении, которое старается с какой-либо определенной точки зрения выяснить возможно большие стороны последнего и в то же время определить отношение сновидения к какому-либо более широкому явлению, можно назвать теорией сновидения. Различные теории различаются по тому, выдвигают ли они ту или иную черту сновидения ее на первый план. Из теории вовсе не обязательно выведение какой-либо определенной функции, иначе говоря, пользы или какой-либо иной деятельности сновидения, но наше мышление, привыкше к телеологическому методу, несомненно, более сочувственно отнесется к той теории, которая не оставляет без внимания и функции сновидения.

Мы познакомились уже с несколькими воззрениями на сновидения, которые в большей или меньшей степени заслуживали названий теорий в указанном смысле. Вера древних в то, что сновидение ниспосылается богами, чтобы направлять поступки людей, была полной теорией сновидения, которая давала ответы на все вопросы относительно последнего. С тех пор как сновидение стало объектом биологического исследования, мы знаем целый ряд теорий сновидения, хотя встречаем среди

них много совершенно недостаточных и неполных.

Если не претендовать на перечисление всех этих теорий без исключения, то можно произвести следующую группировку их на основании воззрения относительно степени участия и характера душевной деятельности в сновидениях.

1. Теории, признающие, что в сновидении продолжается полностью вся психическая деятельность бодрственного состояния. Представителем этих теорий является *Дельбеф*. Здесь душа не спит; ее механизм остается в неприкосновенности, но, будучи помещена в условия, отклоняющиеся от состояния бодрствования, душа при нормальном функционировании, естественно, дает другие результаты, чем в бодрственном состоянии. Эти теории заставляют задаться вопросом, могут ли они вывести различие сна от мышления исключительно из условия состояния сна. Кроме того, они не касаются функций сновидения; они не говорят о том, зачем человеку снится, почему продолжает работать сложный механизм душевного аппарата, когда помещается в условия, по-видимому, для него подходящие. Единственно целесообразными реакциями остаются сон без сновидений или пробуждение при нарушающих сон раздражениях вместо третьей реакции — реакции в виде сновидения.

2. Теории, признающие, напротив того, понижение психической деятельности в сновидении, — ослабление ассоциаций и оскудение перерабатываемого материала. Согласно этим теориям должна быть дана совершенно другая психологическая характеристика сна, чем мы находим ее у *Дельбефа*. Сон простирается далеко за пределы души, он состоит не только в отделении души от внешнего мира, но проникает, наоборот, в ее механизм и на время приводит его в негодность. Допуская сравнение с психиатрическим материалом, можно сказать, что первая теория конструирует сновидение в виде паранойи, а вторая рисует его в форме слабоумия.

Теории, признающие, что в сновидении проявляется лишь часть душевной деятельности, парализованной сном, пользуются наибольшей популярностью среди врачей и вообще в научном мире. Поскольку вообще прояв-

ляется интерес к толкованию сновидений, их можно назвать *господствующими* теориями. Необходимо упомянуть о том, с какой легкостью эта теория избегает самых опасных пунктов, всякого объяснения сновидения и, главное, противоречий, воплощающихся в нем. Так как, согласно ей, сновидение является результатом частичного бодрствования («постепенное, частичное, и в то же время нормальное бодрствование», говорит *Гербарт* в своей «Психологии о сновидении»), то ряду состояний, начиная с постепенного пробуждения до полного бодрственного состояния, она может противопоставить параллельный ряд, начиная с пониженной деятельности сновидения, обнаруживающейся своею абсурдностью, вплоть до концентрированного мышления.

Кто считает физиологическую точку зрения наиболее правильной или, по крайней мере, наиболее научной, тот найдет наилучшее изложение этой теории у *Бинца* (с. 43):

«Это состояние (оцепенения) к утру постепенно подходит к концу. Утомляющие вещества[22], скопляющиеся в белом веществе мозга, становятся все менее значительными, они все больше разлагаются или уносятся беспрерывно циркулирующим током крови. Тут и там пробуждаются отдельные группы клеток, между тем как вокруг все еще находится в состоянии оцепенения. Перед нашим тусклым сознанием выступает в этот момент *изолированная работа отдельных групп*; ей недостает еще контроля других частей мозга, главною сферой которых являются ассоциации. Поэтому-то образы, которые большей частью соответствуют материальным впечатлениям ближайшего прошлого, следуют друг за другом в хаотическом беспорядке. Число освобождающихся мозговых клеток становится все больше и больше, и абсурдность сновидения постепенно понижается».

Понимание сновидения как неполного частичного бодрствования встречается у всех современных физиологов и философов. Наиболее подробно теория эта изложена у *Мори*. В его исследовании кажется нередко, будто автор представляет себе бодрственное состояние и сон связанным с определенными анатомическими центрами, причем определенная психическая функция и определенная анатомическая область для него неразрывны. Я могу только сказать, что, если теория частичного бодрствования и оправдалась бы, все равно она далека еще от окончательной разработки.

При таком понимании нечего и говорить, разумеется, о функциях последнего. Относительно положения и значения сновидения наиболее последовательно высказывается Бинц (с. 357): «Все наблюдаемые нами факты дают возможность охарактеризовать сон как материальный, всегда бесполезный и во многих случаях прямо-таки болезненный процесс...»

Выражение «материальный» по отношению к сновидению имеет совершенно особое значение. Оно относится прежде всего к этиологии сновидения, которой особенно интересовался *Бинц*, когда исследовал экспериментальное вызывание сновидений путем опытов с ядами. Эти теории сновидения, вполне естественно, требуют объяснения происхождения его по возможности исключительно из соматических источников. Выраженная в крайней форме, теория эта гласит следующее: удалив от себя раздражение и перейдя в состояние сна, мы не испытываем никакой потребности в сновидении вплоть до самого утра, когда постепенное пробуждение путем новых раздражений отражается в сновидении. Между тем оградить сон от раздражений не удается: отовсюду к спящему приходят раздражения, извне, изнутри и даже из всех тех частей его тела, на которые в бодрственном состоянии он не обратил бы никакого внимания. Сон, благодаря этому, нарушается, душа подвергается частичному пробуждению и функционирует затем некоторое время вместе с пробудившейся частью, будучи рада вновь уснуть. Сновидение представляет собой реакцию на нарушение сна, вызванное раздражением, правда, чрезвычайно излишнюю и ненужную реакцию.

Называть сновидение, которое является все же проявлением деятельности душевного механизма, материальным процессом, имеет еще и другой смысл; тем самым за ним отрицается *почетное название* психического процесса. Чрезвычайно старое в применении к сновидению сравнение о «десяти пальцах немузыкального челове-

ка, бегающих по клавишам инструмента», быть может, наиболее наглядно иллюстрирует, какую оценку в большинстве случаев находит сновидение в точной науке. Сновидение представляется этой теорией явлением совершенно бессмысленным, ибо разве могут десять пальцев немузыкального игрока сыграть что-либо музыкальное.

Теория частичного бодрствования уже давно встретила серьезные возражения. Уже в 1830 г. *Бурдах* говорил: «Если признавать, что сновидение представляет собою частичное бодрствование, то этим, во-первых, не объясняется ни бодрствование, ни сон, во-вторых, говорится только, что некоторые силы души проявляют во сне свою деятельность, а другие в это время находятся в состоянии покоя. Но это неравенство наблюдается вообще в течение всей жизни...» (с. 483).

С господствующей теорией сновидения, которая видит в нем «материальный процесс», связано чрезвычайно интересное объяснение сновидения, высказанное в 1866 г. *Робертом*, и чрезвычайно эффективное, так как оно признает в сновидениях наличность определенной функции, полезного результата. *Роберт* в основу своей теория кладет два наблюдаемых им факта, на которых мы останавливались при оценке материала сновидения (с. 13), а именно то, что человеку снятся часто второстепенные впечатления дня и чрезвычайно редко — значительные и интересные. Роберт считает безусловно правильным следующее положение: возбудителями сновидения никогда не становятся мысли, продуманные до конца, а всегда лишь те, которые, так сказать, копошатся в голове или незаметно или бегло проходят мимо рассудка (с. 10). «Поэтому-то в большинстве случаев и нельзя истолковывать сновидения, так как причинами его являются *чувственные впечатления прошедшего дня, не доведенные до полного сознания спящего*». Условием, чтобы впечатление проникло в сновидение, служит либо то, что впечатление было нарушено в своей обработке, либо то, что оно было достаточно ничтожным для такой обработки.

Сновидение представляется *Роберту* «физическим процессом выделения, достигающим в своей душевной реакции сознания». *Сновидения — это выделения мыслей, подавленных в зародыше*. «Человек, у которого была бы отнята способность грезить, должен был бы сойти с ума, так как в его мозгу скопилось бы множество непродуманных мыслей и беглых впечатлений, под бременем которых могло бы угаснуть то, что должно было бы внедриться в память в виде готового целого». Сновидение служит перегруженному мозгу своего рода предохранительным вентилем. Сновидения обладают спасительной, разгружающей силой (с. 32).

Было бы неразумно задавать *Роберту* вопрос, каким образом сновидение вызывает разгрузку души. Автор из двух этих особенностей материала сновидения заключает, по-видимому, что во время сна как бы соматическим путем производится такое выделение несуществующих впечатлений и что сновидение не представляет собою психического процесса, а лишь является признаком такого выделения. Впрочем, выделение это не является единственным процессам, происходящим ночью в нашей душе. *Роберт* сам добавляет, что, кроме того, вырабатываются побуждения дня, и те мысли, которые не поддаются этому выделению, *связуются нитями, заимствованными у фантазии, в одно конечное целое* и внедряются таким образом в память в виде законченных продуктов фантазии (с. 23).

В резком противоречии к господствующей теории стоит понимание *Робертом* источников сновидения. В то время как, согласно этой теории, человеку вообще не снилось бы ничего, если бы внешние и внутренние раздражения не пробуждали бы постоянно души, по мнению *Роберта*, источник сновидения лежит в самой душе, в ее перегруженности, и *Роберт* говорит чрезвычайно последовательно, что причины, обусловливающие сновидения и заложенные в физическом состоянии, играют второстепенную роль: они не могли бы вызвать сновидения в мозгу, в котором не было бы материала к образованию сновидения, заимствованного у бодрствующего сознания. Следует допустить только, что продукты фантазии, возникающие в сновидении из глубины души, могут быть обусловливаемы нервными раздражениями (с. 48). Таким образом, сновидение, по *Роберту*, все же

не всецело зависит от соматических раздражений; оно хотя и не психический процесс, но все же повседневный соматический процесс в аппарате душевной деятельности; оно выполняет функцию предохранения этого аппарата от перегруженности или, говоря языком сравнения, функцию очищения души от мусора.

На те же особенности сновидения, проявляющиеся в выборе материала последнего, опирается и другой автор, *Делаж*, создавший свою собственную теорию; чрезвычайно интересно, что незаметный оборот в понимании одних и тех же вещей приводит его к совершенно другому конечному результату.

Лишившись близкого человека, *Делаж* сам по опыту знал, что обычно человеку снится не то, что непрерывно занимало его днем, а если и снится, то только спустя известное время, когда это начинает вытесняться другими интересами. Его наблюдения над другими укрепили в нем еще больше эту уверенность. Интересную мысль приводит *Делаж* относительно сновидений молодых супругов: «Если они были очень сильно влюблены друг в друга, они никогда не видели во сне друг друга до брака и во время медового месяца, а если они видели во сне любовные сцены, то их героями были люди, к которым они безразличны или враждебны».

Что же, однако, снится человеку? *Делаж* говорит, что материал наших сновидений состоит из отрывков и остатков впечатлений последних дней. Все, что проявляется в наших сновидениях, все, что мы вначале склонны считать созданием сновидения, оказывается при ближайшем рассмотрении неосознанным воспоминанием «Souvenir, inconscient». Но все эти представления обнаруживают одну общую характерную черту: они проистекают от впечатлений, которые, по всей вероятности, сильнее коснулись нашей души, чем нашего разума, или от которых наше внимание отклонилось очень скоро после их появления. Чем менее сознательны и при том чем сильнее впечатления, тем больше шансов, что они будут играть видную роль в сновидении.

Делаж, подобно *Роберту*, различает те же две категории впечатлений, второстепенные и незаконченные, но

выводит отсюда другое заключение, полагая, что впечатления входят в сновидение не потому, что они безразличны, а именно потому, что они не закончены. Второстепенные впечатления тоже до некоторой степени не вполне закончены. Еще больше шансов на роль в сновидении, чем слабые и почти незаметные впечатления, имеет сильное переживание, которое случайно парализуется в своей обработке или же умышленно отодвигается на задний план. Психическая энергия, питаемая в течение дня подавлением и парализованием впечатлений, становится ночью движущей силой сновидения. В сновидении проявляется психически **подавленное***.

К сожалению, ход мыслей *Делажа* в этом месте обрывается; самостоятельной психической деятельности он отводит лишь ничтожную роль и вместе со своей теорией сновидения непосредственно примыкает к господствующему учению о частичном сне мозга: «В итоге сновидение есть произведение блуждающей мысли, без цели и направления, останавливающейся последовательно на воспоминаниях, которые сохранили достаточно интенсивности, чтобы появляться на ее пути и останавливать ее.

Связь между этими воспоминаниями может быть слабой и неопределенной, либо более сильной и более тесной, в зависимости от того, насколько сон исказил деятельность мозга».

3. К третьей группе относятся те теории сновидения, которые приписывают грезящей душе способность и склонность к особой психической деятельности, на которую она в бодрственном состоянии либо совсем не способна, либо способна в очень незначительной степени. Из проявления этих способностей проистекает во всяком случае полезная функция сновидения. Воззрения старых психологов на сновидения относятся по большей части к этой группе. Я удовольствуюсь тем, что

---

* Аналогично высказывается и писатель Анатоль *Франс* («Красная линия»): «То, что видим ночью, — это жалкие остатки дневных впечатлений. Те, кем мы пренебрегли днем, во сне берут реванш, то, что мы презирали, — становится важным».

вместо них приведу мнение *Бурдаха*, согласно которому сновидения представляют собою «естественную деятельность души, не ограниченную силою индивидуальности, не нарушенную самосознанием, не обусловленную самоопределением, а являющуюся живою свободною игрою чувствующих центров» (с. 486).

Эту свободную игру собственных сил *Бурдах* и др. представляют себе в форме состояния, в котором душа освобождается и собирает новые силы для дневной работы, чем-то вроде вакаций. Бурдах цитирует и всецело соглашается со словами поэта Новалиса относительно сновидения: «Сновидение представляет собою оплот монотонности и повседневности жизни, свободный отдых связанной фантазии, когда она смешивает все образы жизни и прерывает постоянную серьезность взрослого человека радостною детскою игрою. Без сновидений мы бы, наверное, преждевременно состарились, и поэтому сновидение, если, быть может, не непосредственно ниспослано свыше, то все же оно драгоценный дар, отрадный спутник на пути к могиле».

Освежающую и целительную деятельность сновидения изображает еще ярче *Пуркинье* (с. 456): «Особенно ревностно выполняют эти функции продуктивные сновидения. Это легкая игра воображения, не имеющая никакой связи с событиями дня. Душа не хочет продолжать напряженной деятельности бодрственной жизни, а хочет отрешиться от нее, отдохнуть. Она вызывает состояния, противоположные тем, какие мы испытываем в бодрственном состоянии. Она исцеляет печаль радостью, заботы надеждами и светлыми образами, ненависть любовью и дружбой, страх мужеством и уверенностью; сомнения она разгоняет убежденностью и твердою верой, тщетное ожидание — осуществлением мечты. Сон исцеляет раны души, открытые в течение целого дня; он закрывает их и предохраняет их от нового раздражения. На этом покоится отчасти целительное действие времени». Мы чувствуем все, что сон представляет собою благодеяние для душевной жизни, и смутное предчувствие народного сознания питало всегда предрассудок, будто сновидение является одним из

тей, по которым сон посылает свои благие дары.

Наиболее оригинальную и обширную попытку вывести происхождение сновидения из особой деятельности души, свободно проявляющейся лишь в состоянии сна, предпринял *Шернер* в 1861 г. Книга *Шернера*, написанная тяжелым и трудным слогом и преисполненная воодушевлением темой, которое, несомненно, должно было бы действовать отталкивающе, если оно не увлекало читателя, представляет собою для анализа настолько большие трудности, что мы с удовольствием воспользовались более ясным и простым изложением, в котором философ *Фолькельт* представляет нам учение *Шернера*. «Из мистических нагромождений, из всего этого великолепия и блеска мысли проглядывает и просвечивает пророческая видимость смысла, однако путь философа не становится от этого яснее». Такую оценку учению *Шернера* мы находим даже у его последователя.

Шернер не принадлежит к числу авторов, которые думают, что душа переносит все свои способности в сновидение. Он говорит о том, что в сновидении ослабляется централъность, произвольная энергия личности, что вследствие этой децентрализации изменяются познания, чувства, желания и представления и что остатку душевных сил присущ не чисто духовный характер, а лишь свойства механизма. Но зато в сновидении неограниченного господства достигает специфическая деятельность души — *фантазия*, освобожденная от господства разума и тем самым от всяких строгих преград и препон. Она хотя и подкапывается под последние устои памяти бодрственного состояния, но из обломков ее воздвигает здание, далекое и непохожее нисколько на построения бодрствующего сознания; она играет в сновидении не только репродуцирующую, но и *продуцирующую* роль. Ее особенности сообщают сновидению его специфический характер. Она обладает склонностью к *преувеличению, ко всему лишенному масштаба и меры*. Но в то же время, благодаря освобождению от препятствующей категории мышления, она приобретает большую эластичность; она чрезвычайно предприимчива ко всем тончайшим возбуждениям души, она переносит тотчас же

внутреннюю жизнь во внешнюю психическую наглядность. Фантазии сновидения *недостает языка понятий,* то, что она хочет сказать, ей приходится рисовать наглядно, а так как понятие не влияет здесь ослабляющим образом, то она рисует с невероятной быстротой, величием и силою. Благодаря этому, как ни отчетлив и ясен язык ее, он становится тяжеловесным и малоподвижным. Особенно же ясность ее языка затрудняется тем, что он обычно не выражает объекта его истинным образом, а избирает охотнее *чуждые образы*, поскольку те в состоянии воспроизвести необходимую сторону объекта. В этом-то и заключается *символизирующая деятельность фантазии...* Чрезвычайно важно далее то, что фантазия изображает вещи не в исчерпывающем виде, а лишь намечает их контуры. Ее художество производит поэтому впечатление какого-то гениального вдохновения. Фантазия не останавливается, однако, на простом изображении предмета: она испытывает внутреннюю необходимость в большей или меньшей степени соединить с ним «я» грезящего человека и тем самым изобразить действие. Сновидение, имеющее своим объектом зрительные восприятия, рисует, например, золотые монеты, рассыпанные на улице; субъект собирает их, радуется, уносит с собою.

Материал, которым оперирует фантазия в своей художественной деятельности, состоит, по мнению *Шернера*, из смутных для бодрствующего сознания органических физических раздражений (ср. с. 23), так что в отношении источников и возбудителей сновидения чрезвычайно фантастическая теория *Шернера* и чрезвычайно трезвое учение *Вундта* и других физиологов, учения, которые в общем противостоят друг другу, точно два антипода, полностью здесь совпадают. Но в то время как, согласно физиологической теории, душевная реакция на внутренние физические раздражения исчерпывается вызыванием каких-либо соответственных представлений, которые затем путем ассоциации призывают к себе на помощь некоторые другие представления, по теории *Шернера* физические раздражения дают душе лишь материал, который она использует в своих фантастических целях. Образование сновидения, по мнению *Шернера*, начинается лишь там, где оно скрывается от взоров других.

Нельзя назвать целесообразным то, что фантазия сновидения производит с физическими раздражениями. Она ведет с ними опасную игру и представляет собой органический источник, из которого привходит в сновидение раздражение в какой-либо пластической символике. *Шернер* полагает, даже в противоположность *Фолькельту* и другим, что фантазия в сновидении обладает излюбленным символом для организма во всем его целом. Символ этот — *дом.* К счастью, однако, она для своих образов не связана с этим символом; она может нарисовать целый ряд домов, желая изобразить отдельные органы, например, длинные улицы, желая дать выражение раздражению со стороны кишечника. В другой раз отдельные части дома могут изображать отдельные части тела, так, например, в сновидении, вызванном головною болью, потолок комнаты (который представляется покрытым пауками) может символизировать собою голову.

Отрешаясь от символа «дом», мы видим, что различные другие предметы употребляются для изображения частей тела, посылающих раздражения. «Так, например, легкие символизируются раскаленною печью, в которой бушует яркое пламя, сердце — пустыми коробками и ящиками, мочевой пузырь — круглыми выдолбленными предметами. В сновидении мужчины, вызванном болезненными ощущениями в половых органах, субъекту снится, что он находит на улице верхнюю часть кларнета, рядом с нею трубку и шубу. Кларнет и трубка изображают penis, шуба — растительность. В аналогичном сновидении женщины узкая паховая область изображается тесным двором, а влагалище — узкой, клейко-вязкой тропинкой, по которой ей приходится идти, чтобы отнести письмо какому-то мужчине» (*Фолькельт*, с. 39)[23]. Особенно важно то, что в заключение такого сновидения, связанного с физическим раздражением, фантазия, так сказать, демаскируется, представляя перед взглядом спящего болевызывающие органы или их функцию. Так, например, сновидение, вызванное зубною болью,

заканчивается обычно тем, что спящий вынимает у себя изо рта зубы.

Фантазия в сновидении может, однако, обращать внимание не только на форму органа, вызывающего раздражение. В качестве объекта символизации она может воспользоваться и содержанием этого органа. Так, например, сновидение, вызванное болью в кишечнике, может изобразить грязные улицы. Или же символически изображается само раздражение, как таковое, характер его или же, наконец, спящий вступает в конкретную связь с символизацией собственного состояния, например, при болезненных раздражениях нам снится, что мы боремся с бешеной собакой или диким быком, или же при сексуальном сновидении женщине снится, что ее преследует обнаженный мужчина. Не говоря уже о богатстве красок художественной деятельности фантазии, символизирующая деятельность последней остается центральной силой каждого сновидения. Проникнуть в сущность этой фантазии и указать этой своеобразной психической деятельности ее место в системе философских идей пытался *Фолькельт* в своей прекрасно написанной книге, которая, однако, мало понятна для неподготовленных к пониманию философских систем.

По мнению *Шернера*, с деятельностью символизирующей фантазии в сновидении не связаны никакие полезные функции. Душа, грезя, играет имеющимися в ее распоряжении раздражениями. Можно было бы предположить, что игра эта опасна, но можно было бы также задаться вопросом, имеет ли какой-либо смысл наше подробное ознакомление с теорией *Шернера*: ведь произвольность и свобода этой теории от каких бы то ни было правил научного исследования слишком бросается в глаза. Тут было бы вполне уместно предотвратить вторжение какой-либо критики в учение *Шернера*. Это учение опирается на впечатления, полученные человеком от его сновидений, человеком, который посвятил им много внимания и который по натуре своей был, по-видимому, чрезвычайно склонен к исследованию туманных вопросов, связанных с душевной деятельностью. Учение его трактует далее о предмете, который казался людям целые тысячелетия чрезвычайно загадочным, но в то же время и интересным и к освещению которого строгая и точная наука, как она сама признается, едва ли может добавить что-либо, кроме полного отрицания существенного значения за ним. Наконец, будем откровенны и скажем, что и мы придерживались этого мнения, что при попытках выяснить сущность сновидения мы едва ли сумеем уклониться от всякой фантастики. Существуют даже ганглиозные клетки фантастики; приведенная на с. 66 цитата такого трезвого и точного исследователя, как Бинц, изображающая, как Аврора пробуждения проносится через группы спящих клеток мозговой коры, не уступает в фантастике и вероятности попыткам толкования *Шернера*. Я надеюсь показать далее, что за попыткой *Шернера* кроется много реального, которое, правда, чрезвычайно расплывчато и лишено характера общеобязательности, на который может претендовать теория сновидения. Пока же теория сновидения *Шернера* в ее противоречии медицинской должна нам показать, между какими крайностями еще и теперь колеблется разрешение проблемы сновидения.

з) *Отношение между сновидением и душевным заболеванием.* Говоря об отношениях сновидения к душевным расстройствам, можно подразумевать: 1. этиологическое и клиническое взаимоотношение, например, если сновидение заменяет собою психотическое состояние, является началом его или остается после него; 2. изменения, претерпеваемые сновидением в случае душевного расстройства; 3. внутреннее взаимоотношение между сновидением и психозами, аналогия, указывающая на внутреннее сродство. Эти различные взаимоотношения между обоими рядами явлений были и в прежние времена — а в настоящее время снова — излюбленной темой врачей, как показывает литература предмета, указываемая *Спиттой*, *Радештоком*, *Мори*, *Тиссье*. Недавно *Санте-де-Санкти* обратил внимание на это обстоятельство*.

* Позднейшие авторы, трактующие об этих взаимоотношениях, суть: *Фере, Иделер, Лагос, Пишон, Режи, Веспа, Гисслер, Кацодовский, Пашантони и др.*

Нам достаточно бегло коснуться этого вопроса[24].

Относительно этиологического и клинического взаимоотношения между сновидениями и психозами я, в качестве предпосылки, приведу следующее наблюдение. *Гонбаум* считает (*у Краусса*), что первая вспышка безумия проявляется зачастую в страшном кошмарном сновидении, и что главенствующая мысль находится в связи с этим сновидением. *Сант-де-Санкти* приводит аналогичные наблюдения над параноиками и считает сновидение для некоторых из них «настоящей определяющей причиной безумия». Психоз может проявиться сразу после сновидения, содержащего бредовую идею, или же медленно развиться, благодаря дальнейшим сновидениям, борющимся еще с сомнениями. В одном из случаев *де Санкти* к этим возбуждающим сновидениям присоединяются легкие истерические припадки, а затем и боязливо меланхолическое состояние. *Фере* (*у Тиссье*) сообщает об одном сновидения, которое имело своим последствием истерический паралич. Здесь сновидение предстает перед нами в качестве душевного расстройства, хотя мы будем вполне правы, если скажем, что душевное расстройство только впервые проявилось в сновидении. В других примерах сновидение содержит болезненные симптомы, или же психоз ограничивается сновидением. Так, *Томайер* обращает внимание на *сновидения о страхе*, которые должны считаться эквивалентными эпилептическим припадкам. *Аллисон* (*у Радештока*) описал ночную душевную болезнь (nocturnal insanity), при которой субъекты днем, по-видимому, совершенно здоровы, между тем как ночью регулярно испытывают галлюцинация, припадки бешенства и т.п. Аналогичное наблюдение мы находим у *де Санкти* (параноическое сновидение у алкоголика, голоса, обвинявшие супругу его в неверности) и у *Тиссье*. *Тиссье* приводит целый ряд наблюдений из новейшего времени, в котором поступки патологического характера объясняются сновидениями. *Гислен* описывает один случай, в котором сон сменялся перемежающимся безумием.

Не подлежит никакому сомнению, что когда-нибудь

наряду с психологией сновидения врачи будут интересоваться его психопатологией[25].

Особенно отчетливо в случаях выздоровления от душевных болезней наблюдается, что при совершенно здоровом состоянии днем сновидения носят характер психоза. *Грегори* (*у Краусса*), по-видимому, первый обратил внимание на это явление. *Макарио* (*у Тиссье*) сообщает об одном маньяке, который неделю спустя после своего полного выздоровления снова испытал в сновидениях симптомы своей болезни.

Относительно изменений, претерпеваемых сновидением при душевной болезни, до сих пор известно мало достоверного. Напротив того, внутреннее сродство между сновидением и душевным расстройством, проявляющееся в полном совпадении обоих явлений, снискало себе уже давно внимание ученых. По мнению *Мори*, первым указал на это *Кабанис* в своих «Rapports du physique et du moral», после него *Лелю, Мори* и особенно философ *Мэн де Биран*. Но, по всей вероятности, сравнение это гораздо старее. *Радешток* в главе, трактующей об этом вопросе, приводит целую серию мнений, проводящих аналогию между сновидением и безумием. *Кант* говорит в одном месте: «Сумасшедший — все равно, что видящий сон наяву». *Краусс*: «Безумие есть сновидение в бодрственном состоянии». *Шопенгауэр* называет сновидение кратковременным безумием, а безумие продолжительным сновидением. *Гиген* называет delirium сновидением, вызванным не сном, а болезнями. *Вундт* в «Физиологической психологии» говорит: «И действительно, в сновидении мы можем пережить почти все явления, наблюдаемые нами в домах для умалишенных».

Отдельные признаки, на основании которых проводится это сходство, *Спитта* (впрочем, также и *Мори*) перечисляет следующим образом: 1. исчезновение самосознания, вследствие этого — несознание состояния как такового, т.е. невозможность удивления, отсутствие морального сознания; 2. изменение восприимчивости органов чувств, а именно: понижение в сновидении и в общем чрезвычайное повышение при душевном расстрой-

стве. 3. Соединение представлений между собою исключительно по законам ассоциаций и репродукций, т.е. автоматическое образование рядов; отсюда — непропорциональность отношений между представлениями (преувеличения, фантазмы) и вытекающее из всего этого изменение (превращение) личности, а иногда и свойств характера (извращения)».

Радешток добавляет еще сюда аналогии в материале: «В сфере слуха, зрения и общего чувства наблюдается большинство галлюцинаций и иллюзий. Наименьшее число элементов дают, как в сновидении, чувства обоняния и вкуса. У больного, как и у спящего, появляется воспоминание о далеком прошлом; то, что бодрствующему и здоровому кажется давно забытым, о том вспоминает спящий и больной». Аналогия сновидения и психоза приобретает свое полное значение тем, что она, точно семейное сходство, простирается вплоть до мимики и до мельчайших деталей выражения лица.

«Страдающему физическими и душевными болезнями сновидение открывает то, что недоступно ему в действительности: хорошее самочувствие и счастье; так и душевнобольному рисуются светлые картины счастья, величия и богатства. Мнимое обладание благами и мнимое осуществление желаний, отказ от которых послужил психологическим базисом безумия, образует зачастую главное содержание делирия. Женщина, потерявшая дорогого ей ребенка, полна материнских радостей; человек, переживший разорение, считает себя страшно богатым; обманутая девушка чувствует нежную любовь».

(В этом месте *Радешток* излагает вкратце мысль *Гризингера* (с. 111), который видит в осуществлении желаний элемент, общий сновидению и психозу. Мои собственные наблюдения показали мне, что именно здесь следует искать ключ к психологической теории сновидения и психоза).

«Причудливые комбинации мыслей и слабость суждения, главным образом, характеризуют сновидение и безумие. *Переоценка* собственной духовной деятельности, кажущейся абсурдной трезвому рассудку, встречается как там, так и здесь; поспешной *смене представлений* в сно-

видении соответствует скачка *идей* в психозе. У того и другого отсутствует понятие времени. *Расщепление личности* в сновидении, разделяющее, например, собственное познание на два лица, из которых другое исправляет собственное «я», совершенно равноценно известному расщеплению личности при галлюцинаторной паранойе. Спящий тоже слышит свои собственные мысли, произносимые чужим голосом. Даже для постоянных бредовых идей имеется аналогия в стереотипно повторяющихся патологических сновидениях (rêve obsédant). После выздоровления больные говорят нередко, что болезнь казалась им все время тяжелым сном; они рассказывают даже, что во время болезни им казалось, что им что-то снится, точно так, как это бывает в состоянии сна.

После этого не следует удивляться тому, что *Радешток* резюмирует свое мнение и мнение других авторов в том смысле, что «безумие, анормальное болезненное явление следует считать повышением периодически повторяющегося нормального состояния сновидения» (с. 228).

Еще глубже, быть может, чем это возможно при помощи этого анализа, *Краусс* пытался обосновать сродство сновидения и безумия этиологически (вернее, сходством возбудительных источников). Общим для обоих элементов, по его мнению, как мы уже слышали, является *органически обусловленное ощущение,* общее чувство, проистекающее из ощущений всех органов (ср. *Пейсс у Мори* с. 52).

Обширное, простирающееся вплоть до характерных деталей, совпадение сновидения и душевного расстройства относится к наиболее прочным устоям медицинской теории сновидения, согласно которой сновидение является бесполезным процессом и проявлением пониженной душевной деятельности. Нельзя, однако, ожидать законченного толкования сновидения от исследования душевных расстройств; ведь и так уже известно, в каком неудовлетворительном состоянии находятся наши познания относительно последних. Вероятно, однако, что измененное понимание сновидения должно будет обусловить и наши воззрения относительно внутреннего механизма душевного расстройства. Поэтому мы имеем право

сказать, что, пытаясь разрешить загадку сновидения, мы стремимся также разъяснить тайну психозов.

Я должен объяснить, почему я не продолжил рассмотрения литературы проблемы сновидения, начиная с момента появления первого издания до второго. Читателю, быть может, мое оправдание покажется ненужным; тем не менее я исключительно руководствовался им. Мотивы, побудившие меня вообще к рассмотрению проблемы сновидения в литературе, были исчерпаны настоящею главою, и, быть может, продолжение этой работы стоило бы мне чрезвычайных трудов и принесло бы весьма мало пользы. Промежуток в девять лет, о котором идет сейчас речь, не принес ничего нового и ценного как в области накопления практического материала, так и в области установления новых точек зрения на понимание проблемы сновидения. Моя работа осталась без упоминания в большинстве других научных трудов; не больше внимания она, разумеется, встретила и у так называемых исследователей сновидений, которые дали тем самым поразительный пример свойственному человеку науки отвращению ко всему новому. «Les savants ne sont pas curieux», сказал гениальный насмешник Анатоль Франс. Если в науке существует право на реванш, то я имею полное право и со своей стороны пренебречь литературою, появившеюся с момента издания моей книги. Немногочисленные статьи, появившиеся в научных журналах, полны такого невежества и такого непонимания, что я могу ответить критикам только пожеланием еще раз прочесть мою книгу. Быть может, мне следовало бы попросить их даже прочесть ее в первый раз!

В работах тех врачей, которые применяют психоаналитический метод лечения, и других опубликовано большое количество сновидений, истолкованных согласно моим указаниям. Поскольку работы эти выходят из рамок аргументации моих положений, я включил их выводы в свое изложение. Второй литературный указатель в конце настоящей книги включает в себя все важнейшие работы, опубликованные со времени первого издания этой книги. Обширная книга *Сант-де-Санкти* относительно сновидений, вскоре после своего появления переведенная на немецкий язык, по времени скрестилась с моим «Толкованием сновидений», так что я мог ее использовать столь же мало, сколько итальянский автор мое сочинение. Кроме того, мне приходится заметить, к сожалению, что его названный труд чрезвычайно беден мыслями, настолько беден, что не выставляет даже каких-либо определенных проблем.

Я должен упомянуть только о двух сочинениях, которые близко касаются моего понимания проблемы сновидения. Молодой философ *Г. Свобода*, пытавшийся распространить биологическую периодичность (в промежуток от 23 до 28 дней), открытую *В. Флиссом*, на явления психической жизни, открыл этим ключом в своем фантастическом сочинении*, между прочим, и загадку сновидения. Значение сновидений у него сводится к весьма немногому: содержание их объясняется совпадением всех тех воспоминаний, которые в данную ночь заканчивают в первый или в n-ный раз один из указанных биологических периодов. Частное сообщение автора заставило меня вначале предположить, что он сам несерьезно защищает свое учение. Оказалось, однако, что я заблуждался; в другом месте я приведу несколько наблюдений относительно мнения Свободы, не подкрепляющих, однако, последнего. Значительно ценнее для меня было неожиданное столкновение с пониманием сновидения, вполне совпадающим своею сущностью с моим. Время появления этого сочинения вполне исключает возможность того, что оно было написано под влиянием моей книги; я должен поэтому приветствовать в ней единственное в литературе совпадение независимого мыслителя с сущностью моего учения о сновидениях. Книга, в которой я встретил воззрения, аналогичные моим, вышла в 1900 г. вторым изданием под заглавием «Фантазии реалиста» *Линкеуса*.

Добавление (1914)

* *H. Swoboda*, Die Perioden des menschliche Organismus, 1904.

Предыдущее было написано в 1909 г. С тех пор положение вещей, конечно, изменилось; моя работа о «Толковании сновидений» больше не замалчивается в литературе. Однако новая ситуация делает для меня невозможным продолжение вышеизложенного сообщения о научной литературе по вопросу о проблеме сновидения. «Толкование сновидений» выдвинуло целый ряд новых положений и проблем, обсуждавшихся авторами самым различным образом. Однако я не могу изложить эти работы прежде, чем я не изложу мои собственные взгляды, на которые ссылаются эти авторы. То, что показалось мне ценным в этой новейшей литературе, я изложил поэтому в связи с моими нижеследующими выводами.

II. МЕТОД ТОЛКОВАНИЯ СНОВИДЕНИЙ. ОБРАЗЕЦ АНАЛИЗА СНОВИДЕНИЯ

Заглавие, данное мною моей книге, само уже говорит о том, с какой традицией связываю я понимание сновидений. Я задался целью показать, что сновидения доступны толкованию, и дополнения к освещению проблемы сновидения лишь помогают мне выполнить мою действительную задачу. Предположением, что сновидение доступно толкованию, я вступаю сразу в противоречие с господствующим учением о сновидениях, да и вообще со всеми теориями, за исключением учения Шернера, ибо «истолковывать сновидение» значит раскрыть его «смысл», заменить его чем-либо, что в качестве полноправного и полноценного звена могло бы быть включено в общую цепь наших душевных процессов. Как мы уже видели, научные теория сновидении не включают в себя проблемы толкования последних, ибо сновидение не является для них вообще душевным актом, а лишь соматическим процессом. Иначе обстоит дело почти всегда с воззрениями на сновидения у широкой публики. Последняя считает своим правом быть непоследовательной и, хотя и признает, что сновидение непонятно и абсурдно, однако не может решиться отрицать какое бы то ни было значение за сновидениями. Руководимая неясным предчувствием, она все же предполагает, что сновидение имеет определенный смысл, быть может, и скрытый и заменяющий собою другой мыслительный процесс и что речь идет лишь о необходимости правильно раскрыть эту замену, чтобы понять скрытое значение сновидения.

Широкая публика старалась поэтому всегда «толковать» сновидения и пользовалась при этом двумя существенно различными методами. Первый из этих

методов рассматривает содержание сновидения как нечто целое и старается заменить его другим понятным и в некоторых отношениях аналогичным содержанием. Это — *символическое* толкование сновидений; оно терпит крушение, разумеется, с самого начала, и те сновидения кажутся не только непонятными, но и спутанными и хаотическими. Примером такого метода служит толкование, которым воспользовался библейский Иосиф для сновидения фараона. Семь тучных коров, после которых появилось семь тощих, пожравших первых, являются символическим замещением предсказания о семи голодных годах в Египте, которые поглотят весь тот избыток, который создадут сытые годы[26]. Большинство искусственных сновидений, созданных поэтической фантазией, предназначено для такого символического толкования, так как они передают мысли поэта в замаскированном виде, приспособленном к известным особенностям наших сновидений*. Воззрение, будто сновидение интересуется преимущественно будущим, которое оно может наперед предвидеть, — остаток пророческой роли, приписывавшейся прежде сновидениям, становится затем мотивом, который побуждает символическое толкование изложить найденный смысл сновидения в будущем времени.

Как найти путь к этому символическому толкованию, на этот счет нельзя дать, разумеется, никаких определенных указаний. Успех зависит от остроумия, от непосредственной интуиции субъекта, и потому толкование сновидений при помощи символики вполне зависит от искусства, связанного, очевидно, с особым

---

* В новелле «Градива» писателя *В. Иенсена* я нашел случайно несколько искусственных сновидений, придуманных чрезвычайно умело и доступных для толкования, словно они не были придуманы автором, а действительно испытаны реальным лицом. В ответ на мой запрос писатель заявил, что мое учение ему незнакомо. Я воспользовался этим совпадением моего исследования с творчеством писателя в качестве доказательства правильности моего анализа сновидений (см. мою брошюру «Бред и сны в «Градиве» *В. Иенсена*, русск. перев. в изд. «Жизнь и душа», 1912).

талантом*. Но от такого толкования далек другой популярный метод толкования сновидений. Метод этот может быть назван *«расшифровыванием»*, так как он рассматривает сновидение как своего рода условный шифр, в котором каждый знак при помощи составленного заранее ключа может быть заменен другим знаком общеизвестного значения и смысла. Мне снилось, например, письмо, вслед за ним похороны и т. д.: я смотрю в «соннике» и нахожу, что «письмо» означает «досаду», «похороны» — «обручение» и т. д. В дальнейшем уже зависит от меня связать эти понятия и, конечно, перенести их на будущее. Интересным вариантом этого расшифровывания, который до некоторой степени исправляет его механичность, представляет собой сочинение *Артемидора* из Дальдиса о толковании сновидений**. Здесь во внимание принимается не только

---

* По мнению *Аристотеля*, наилучшим толкованием сновидений является тот, кто лучше всего улавливает сходства; ибо образы сновидения, подобно образам, отражающимся в воде, искажены движением, и лучше всех угадывает тот, кто может распознать в искаженном образе — истинный (*Бюшеншютц*, с. 65).

** *Артемидор из Дальдиса*, родившийся, по всей вероятности, в начале второго века по нашему летоисчислению, оставил нам самую полную и самую тщательную разработку толкования сновидений в греческо-римском мире. Как отмечает Гомперц, он основывал толкование сновидений на наблюдении и опыте и строго отличал свое искусство толкования от других, обманчивых методов. Согласно изложению Гомперца, принцип его искусства толкования идентичен с магией, с принципом ассоциаций. Элемент сновидения означает то, о чем он напоминает. Разумеется, то, что он напоминает толкователю сновидения. Неистощимый источник произвола и ненадежности заключается в том факте, что один и тот же элемент сновидения мог напоминать толкователю об одном, а всякому другому человеку совершенно о другом. Техника, излагаемая мною в дальнейшем, отличается от античной техники в этом единственном существенном пункте: она требует от самого сновидящего работы толкования. Она обращает внимание на то, что приходит в голову по поводу того или иного элемента сновидения сновидящему, а не толкователю сновидения. Согласно новейшим сообщениям миссионера Тфинкдита (Anthropos, 1913), современные толкователи сновидений Востока также придают большое значение соучастию сновидящего. Очевидец рассказывает о толкователях сновидений у мессопотамских арабов:

содержание сновидения, но и личность и жизненные условия самого грезящего, так что один и тот же элемент сновидения имеет иное значение для богача, женатого и оратора, чем для бедного, холостого и купца. Наиболее существенно в этом методе то, что толкование не обращается на сновидение во всем его целом, а на каждый элемент последнего в отдельности, как будто сновидение является конгломератом, в котором каждая часть обладает особым значением. К созданию этого метода послужили поводом, очевидно, бессвязные, сбивчивые сновидения*.

Для научного рассмотрения темы непригодность обоих популярных методов толкования сновидений, конечно, очевидна. Символический метод в применении своем чрезвычайно ограничен и не может претендовать на более или менее общее значение. В методе расшифровывания все направлено к тому, чтобы «ключ», «сонник» был вполне надежным источником, а для этого, разумеется, нет никаких гарантий. Невольно возникает искушение согласиться с философами и психиатрами и вместе с ними отказаться от *проблемы толкования сновидений, как от призрачной и излишней задачи**.

Я между тем придерживаюсь совершенно иного взгляда. Я имел возможность убедиться, что здесь снова перед нами один из тех передних случаев, в которых чрезвычайно упорная народная вера ближе подошла к истине вещей, чем суждения современной науки. Я считаю своим долгом утверждать, что сновидение действительно имеет значение и что действительно возможен подход научный к его толкованию. К этому заключению я пришел следующим путем.

Много лет занимаюсь я изучением многих психопатологических явлений, истерических фобий, навязчивых представлений и т.п. в терапевтических целях. Я имел возможность убедиться из одного важного сообщения *Жозефа Брейера*[28], что для таких явлений, воспринимаемых в качестве болезненных симптомов, раскрытие их и устранение совпадают друг с другом**. Когда

«Чтобы хорошо объяснить смысл сновидения, наиболее разумные толкователи считают необходимым хорошенько расспросить того, кто обращается к ним, обо всех подробностях, необходимых для хорошего объяснения. Толкователи отказываются давать объяснение, пока не получат ответ на все свои вопросы».

Среди этих вопросов имеются всегда вопросы, выясняющие подробные сведения, касающиеся ближайших членов семьи (родители, жена, дети), а также и типическая формула: «Была ли у вас половая связь до или после сна?» — «Главная идея в истолковании сновидения — заменить содержание сна на его противоположность».

* *Д-р Альф. Робитзек* обращает мое внимание на то, что восточный сонник, по сравнению с которым наши представляют собою жалкие подражания, совершает толкование элементов сновидения, по большей части, по созвучию и сходству слов[27]. Так как эта аналогия при переводе на наш язык должна была, несомненно, утратиться, то этим и объясняется странность толкований в наших народных сонниках. Относительно этого выдающегося значения игры слов в древних восточных культурах говорит подробно *Гуго Винклер*. Наиболее яркий пример толкования сновидений, дошедшего до нас с древности, основывается на игре слов. *Артемидор* сообщает (с. 255): *Аристандр* чрезвычайно удачно истолковал Александру Македонскому его сновидение. Когда тот осаждал *Тир*, он, раздосадованный упорным сопротивлением города, увидел во сне сатира, пляшущего на его щите; случайно *Аристандр* находился вблизи *Тира* в свите короля, победившего сирийцев. Он разложил слово «сатир» (Σάτύρος) на его составные части Σά и τύρος способствовал тому, что король повел осаду энергичнее и взял город. (Σάτύρος — «Тир твой»). Впрочем, сновидение настолько тесно связано с его словесным изображением, что *Ференци* вполне справедливо замечает, что каждый язык имеет и свой собственный язык сновидений. Сновидение обычно непереводимо на другие языки, и я думаю, что книга, подобная настоящей, так же непереводима на другой язык. Тем не менее д-ру *А. А. Бриллю в Нью-Йорке* удалось перевести «Толкование сновидений» на английский язык (London, 1913, George Allen & Co, Ltd), а психоаналитики д-р *Голлос* и д-р *Ференци* приступили к венгерскому переводу (1918).

* После окончания моей работы мне попалось в руки сочинение *Штумпфа*, которое совпадает с моим в желании доказать, что сновидение не бессмысленно и доступно толкованию. Толкование, однако, совершается у него при помощи аллегоризирующей символики без ручательства за общеприменимость такого метода.

** Breuer und Freud. Studien über Hysterie, Wien. 1895, 3. Aufl. 1916.

такое патологическое явление удается свести к отдельным элементам, из которых проистекало оно в душевной жизни больного, то тем самым оно устраняется, и больной избавляется от него. При бессилии других наших терапевтических стремлений и ввиду загадочности таких состояний мне казалось целесообразным пойти по пути, открытому *Брейером*, и, несмотря на многочисленные трудности, достичь намеченной цели. Каким образом сложилась в конце концов техника этого метода, каков был результат стараний, об этом я буду иметь случай говорить в дальнейшем изложении. Во время этих психоаналитических занятий я натолкнулся на толкование сновидений. Пациенты, которых я заставлял сообщать мне все их мысли и чувства, возникающие у них по поводу определенного вопроса, рассказывали мне свои сновидения и показывали мне тем самым, что сновидение может быть заключено в психологическую цепь, которая от данной патологической идеи простирается в глубь воспоминаний. Теперь уже было нетрудно рассматривать самое сновидение как симптом и применять к нему тот же метод толкования, что и к последнему[29].

Для этого необходима, конечно, известная психическая подготовка больного. От него требуются две вещи: усиление внимания к его психическим воспоминаниям и устранение критики, при помощи которой он обычно производит подбор возникающих в его мозгу мыслей. В целях его самонаблюдения при помощи повышенного внимания целесообразно, чтобы он занял спокойное положение и закрыл глаза; особенно важным представляется устранение критики воспринятых мыслей и ощущений. Необходимо сказать ему, что успех психоанализа обусловливается тем, что он замечает и сообщает все, что проходит у него через мозг и не пытается подавлять мысли, которые могут показаться ему несущественными, абсурдными или не относящимися к теме; он должен относиться совершенно беспристрастно к своим мыслям; ибо именно эта критика сыграла бы важную роль, если бы ему не удалось найти желанного разъяснения сновидения, навязчивой идеи и т.п.

При психоаналитических занятиях я имел случай

заметить, что психическая структура размышляющего человека совершенно иная, чем структура наблюдающего свои психические процессы. При размышлении психический процесс играет большую роль, чем при самом внимательном наблюдении, как то показывает даже напряженная физиономия и морщины на лбу человека, погруженного в раздумье, в противоположность к мимическому спокойствию самонаблюдающего субъекта. В обоих случаях необходимо усиленное внимание, но при обычном размышлении человек сохраняет критику, в силу которой отбрасывает часть возникающих у него мыслей после того, как он их воспринял или прерывает другие, так что не следит за ходом тех мыслей, который, быть может, они начинают: другие мысли он вообще не сознает, так как они подавляются до их восприятия. Самонаблюдатель, напротив того, старается лишь подавить критику; если это ему удается, он начинает сознавать бесчисленное множество мыслей, которые в противном случае остались бы у него неосознанными. При помощи полученного таким путем материала может быть произведено толкование патологических идей, а также и сновидения. Ясно, таким образом, что тут речь идет о подготовлении психического состояния, которое в отношении распределения психической энергии (подвижного внимания) имеет некоторую аналогию с состоянием засыпания (а вместе с тем и с гипнотическим состоянием). При засыпании «нежелательные представления» появляются наружу вместе с ослаблением произвольного (разумеется, также и критического) процесса, оказывающего влияние на ход наших представлений. В качестве причины такого ослабления мы приводим обычно «утомление»; появляющиеся нежелательные представления преобразовываются в зрительные и слуховые образы. (Ср. замечания *Шлейермахера* и др., с. 34)*. При состоянии, которым пользуются для анализа

* *Г. Зильбергр* получил из непосредственного наблюдения этого превращения представлений в зрительные образы важные материалы для толкования сновидений. (Jahrbuch der Psychoanalyse I и II, 1809 и сл.).

сновидения и патологических идей, намеренно и умышленно отказываются от активности и используют сохранившуюся психическую энергию (или часть ее) для внимательного прослеживания появляющихся нежелательных мыслей, сохраняющих свой характер представлений (в этом и заключается отличие от состояния при засыпании). *Таким образом «нежелательные» представления превращаются в «желательные»*.

Требуемая здесь установка на мнимо «свободное течение» мыслей с устранением критики, по-видимому, чрезвычайно затруднительна для многих. «Нежелательные мысли» вызывают обычно сильное сопротивление, мешающее им пробиться наружу. Если поверить, однако, нашему великому поэту-мыслителю *Фр. Шиллеру*, то такой же процесс необходим и для поэтического творчества. В одном месте своей переписки с *Кернером*, на которое указал Отто *Ранк*, *Шиллер* отвечает на жалобу своего друга в его недостаточной плодовитости: «Причина твоих жалоб объясняется, как мне кажется, тем принуждением, которое твой разум оказывает на твое воображение. Я выскажу здесь одну мысль и проиллюстрирую ее сравнением. Мне представляется вредным, если разум чрезвычайно резко критикует появляющиеся мысли, как бы сторожа и самый порыв их. Идея в своем изолированном виде, быть может, чрезвычайно ничтожна и опасна, но вместе с другими, последующими, она может быть чрезвычайно важной; в связи с этими другими идеями, в отдельности такими же ничтожными, она может представить собою весьма интересный и существенный ход мыслей. Обо всем этом не может судить рассудок, если он не сохраняет идею до тех пор, пока не рассматривает ее в связи с остальными. В творческой голове, напротив того, разум снимает с ворот свою стражу, идеи льются в беспорядке и лишь затем он окидывает их взглядом, осматривает целое скопление их. Вы, господа критики, стыдитесь или боитесь мгновенного преходящего безумия, которое наблюдается у всякого творческого разума и продолжительность которого отличает мыслящего художника от мечтателя. Отсюда то и проистекают ваши жалобы на неплодовитость: вы чересчур рано устраняете мысли и

чересчур строго их сортируете». (Письмо от 1 декабря 1788 года).

И тем не менее «такое снятие стражи с ворот разума», по выражению *Шиллера*, такое погружение себя в состояние самонаблюдения без критики отнюдь нетрудно.

Большинство моих пациентов осиливают эти трудности уже после первых указаний; для меня лично это тоже не представляет особой трудности, особенно когда я записываю свои мысли. Сумма психической энергии, на которую, таким образом, понижается критическая деятельность и которая в то же время повышает интенсивность самонаблюдения, значительно колеблется, смотря по теме, на которой должно фиксироваться внимание пациента.

Первый шаг при применении этого метода учит, что в качестве объекта внимания следует брать не сновидение во всем его целом, а лишь отдельные элементы его содержания. Если я спрошу неопытного пациента: «Что вызвало у вас такое сновидение?» — то он обычно не может найти ничего в своем умственном кругозоре; мне приходится разложить сновидение на отдельные части, и тогда он к каждой такой части приводит целый ряд мыслей, которые можно назвать «задними мыслями» этих элементов сновидения. В этом первом важном условии мой метод толкования сновидений отличается уже от популярного исторического и легендарного метода толкования при помощи символизации и приближается ко второму методу «расшифровывания». Он, как и последний, представляет собою толкование on detail, а не en masse: как последний, он берет с самого начала сновидение как конгломерат психических явлений.

Во время моих психоанализов у невротиков мне удалось истолковать, наверное, несколько тысяч сновидений, но этим материалом я не воспользуюсь здесь для введения в технику и сущность толкования сновидений. Не говоря уже о том, что мне могли бы возразить, что это сновидения невропатов, не дающие возможности провести аналогию их со сновидениями здоровых людей, к устранению их меня побуждает еще и другая причина. Тема, которой касаются эти сновидения, разу-

меется, почти всегда история болезни, на которой базируется данный невроз. Благодаря этому для каждого сновидения необходимы были бы чересчур распространенные предварительные сообщения и ознакомление с сущностью и этиологическими условиями психоневроза; все эти вещи сами по себе в высшей степени интересны, они, наверное, отвлекли бы наше внимание от самой проблемы сновидения. Моя же цель заключается, наоборот, в том, чтобы толкованием сновидений подготовить разрешение более трудной и сложной проблемы психологии неврозов. Если же я отказываюсь от сновидений невротиков, от своего главного материала, то я имею уже право не быть чересчур разборчивым в другом материале. Мне остаются лишь те сновидения, которые сообщены мне случайно здоровыми людьми или же которые я нашел в качестве примера в литературе проблемы сновидения. К сожалению, все эти сновидения лишены анализа, без которого я не могу найти смысла сновидения. Мой метод не так удобен, как метод популярного расшифровывания, который при помощи постоянного ключа раскрывает содержание сновидений; я, наоборот, готов к тому, что одно и то же сновидение у различных лиц и при различных обстоятельствах может открывать совершенно различные мысли[30]. Благодаря всему этому, я стараюсь использовать мои собственные сновидения как наиболее обильный и удобный материал, проистекающий, во-первых, от довольно нормальной личности, а во-вторых, касающийся самых различных пунктов повседневной жизни. Читатели могут усомниться в надежности такого «самоанализа». Произвол при этом, конечно, не исключен. Однако самонаблюдение, на мой взгляд, значительно удобнее и целесообразнее, чем наблюдение над другими; во всяком случае можно попытаться установить, какую роль играет самоанализ в толковании сновидений. Другую, значительно большую трудность мне пришлось преодолеть внутри самого себя. Человек испытывает понятную боязнь раскрывать интимные подробности своей душевной жизни: он всегда рискует встретить непонимание окружающих. Но боязнь эту необходимо подавлять. «Всякий психолог, — пишет *Дельбеф*, — должен признаться в своей слабости, если это признание позволит ему осветить ранее закрытую проблему». И у читателя, как мне кажется, начальный интерес к интимным подробностям должен скоро уступить место исключительному углублению в освещаемую этим психологическую проблему.

Я приведу поэтому одно из моих собственных сновидений и на его примере разъясню свой метод толкования. Каждое такое сновидение нуждается в предварительном сообщении. Мне придется попросить читателя на несколько минут превратить мои интересы в его собственные и вместе со мной погрузиться в подробности моей жизни, ибо такого перенесения с необходимостью требует интерес к скрытому значению сновидения.

Предварительное сообщение: Летом 1895 г. мне пришлось подвергнуть психоанализу одну молодую даму, которая находилась в тесной дружбе со мной и моей семьей. Вполне понятно, что такое смешение отношений может стать источником всякого рода неприятных явлений для врача, особенно же для психотерапевта. Личный интерес врача значительнее, его авторитет меньше. Неудача угрожает подорвать дружбу с близкими пациентами. Мое лечение закончилось частичным успехом, пациентка избавилась от истерического страха, но не от всех своих соматических симптомов. Я был в то время не вполне еще убежден в критериях, которые определяют полное окончание истерии, и предложил пациентке «решение», которое показалось ей неприемлемым. Расходясь с нею во мнениях, мы посреди лета временно прекратили лечение. В один прекрасный день меня посетил мой молодой коллега, один из моих близких друзей, бывший недавно в гостях у моей пациентки Ирмы и у ее семьи. Я спросил его, как он ее нашел, и услышал в ответ: ей лучше, но не совсем еще хорошо. Я помню, что эти слова моего друга Отто или, вернее, тон их меня рассердил. Мне показалось, что в этих словах прозвучал упрек, нечто вроде того, будто я обещал пациентке чересчур много. Я объяснил мнимое пристрастие Отто по отношению ко мне влиянием родных пациентки, которым уже давно, как мне казалось, не нравилось мое лечение. Впрочем, не-

приятное чувство было у меня довольно смутно, и я ничем не проявил его. В тот же вечер я записал довольно подробно историю болезни Ирмы, чтобы вручить ее в свое оправдание доктору М., нашему общему другу и чрезвычайно популярному врачу. В эту же ночь (вернее к утру) я испытал нижеследующее сновидение, записанное мною тотчас же по пробуждении.

Сновидение 23/24 июля 1895 г.

Большая зала — много гостей, которых мы принимаем. Среди них *Ирма*, которую я беру под руку, точно хочу ответить на ее письмо, упрекаю ее в том, что она не приняла моего «решения». Я говорю ей: «Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата только ты сама». Она отвечает: «Если бы ты знал, какие у меня боли теперь в горле, желудке и животе, мне все прямо стягивает». Я пугаюсь и смотрю на нее. У нее бледное, опухшее лицо. Мне приходит в голову, что я мог не заметить какого-нибудь органического заболевания. Я подвожу ее к окну, смотрю ей в горло. Она слегка противится, как все женщины, у которых вставные зубы. Я думаю про себя, что ведь ей это не нужно. Рот открывается, я вижу справа большое белое пятно, а немного поодаль странный нарост, похожий на носовую раковину; я вижу его сероватую кору. Я подзываю тотчас же доктора М., который повторяет исследование и подтверждает его... У доктора М. совершенно другой вид, чем обыкновенно. Он очень бледен, хромает и почему-то без бороды... Мой друг *Отто* стоит теперь подле меня, а друг *Леопольд* исследует ей легкие и говорит: «У нее притупление слева внизу». Он указывает еще на инфильтрацию в левом плече (несмотря на надетое платье, я тоже ощущаю ее, как и он)... М. говорит: «Несомненно, это инфекция. Но ничего, у нее будет дизентерия, и яд выделится...» Мы тоже сразу понимаем, откуда эта инфекция. Друг *Отто* недавно, когда она почувствовала себя нездоровой, впрыснул ей препарат пропила, пропилен... пропиленовую кислоту... *триметиламин* (формулу его я вижу ясно перед глазами)... Такой инъекции нельзя делать легкомысленно... По всей вероятности, и шприц был не совсем чист[31].

Сновидение это имеет перед другими одно преимущество. Тотчас же ясно, с каким событием прошедшего дня оно связано и какой темы касается. Предварительное сообщение дает полное этому освещение. Сообщение Отто относительно здоровья Ирмы, историю болезни которой я писал до позднего вечера, занимало мою душевную деятельность и во время сна. Тем не менее никто, ознакомившись с предварительным сообщением и с содержанием сновидения, не может все же предполагать, что означает мое сновидение. Я и сам этого не знаю. Я удивляюсь болезненным симптомам, на которые указывает мне Ирма в сновидении, так как они совсем не похожи на те, какие я у нее лечил. Я улыбаюсь бессмысленной идее об инъекции пропиленовой кислоты и утешению доктора М. Сновидение в конце своем кажется мне более туманным и непонятным, чем вначале. Чтобы истолковать все это, я произвожу подробный анализ.

Анализ:

Большая зала — много гостей, которых мы принимаем. Мы жили в то лето на улице Бельвю в особняке на небольшом возвышении. Особняк этот был когда-то предназначен для ресторана и имеет поэтому очень высокие комнаты, похожие на залы. Все это мне снилось именно в этом особняке за несколько дней до дня рождения моей жены. Днем жена говорила мне, что в день рождения ждет много гостей, среди них и Ирму. Мое сновидение пользуется этими словами: день рождения жены, много народу, среди них Ирма, мы принимаем гостей в большом зале особняка на Бельвю.

Я упрекаю Ирму в том, что она не приняла моего «решения»; я говорю ей: «Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата только ты сама». Я мог бы сказать ей это и наяву, может быть, и говорил даже. Тогда я придерживался того взгляда (впоследствии я в нем разуверился), что моя задача ограничивается сообщением больному скрытого смысла его симптомов: принимают ли они такое «решение» или нет, от которого затем зависит весь успех лечения, за это я уже не ответствен[32]. Я благодарен этому теперь устраненному заблуж-

дению за то, что оно в течение некоторого времени облегчило мое существование, так как я при всем своем неизбежном невежестве должен был производить терапевтический успех. По фразе, которую я сказал Ирме, я замечаю, что прежде всего не хочу быть виноватым в тех болях, которые она еще чувствует. Если в них виновата сама Ирма, то не могу быть виноватым я. Не следует ли в этом направлении искать смысла сновидения?

Жалобы Ирмы: боль в горле, желудке, животе; ее всю стягивает. Боли в желудке относятся к обычным болезненным симптомам моей пациентки, но прежде они не так ее беспокоили, она жаловалась только на тошноту и рвоту. Боли же в горле и животе почти не играли в ее болезни никакой роли. Я удивляюсь, почему сновидение остановилось именно на этих симптомах, но пока это остается для меня непонятным.

У нее бледное и опухшее лицо.

У моей пациентки был всегда розовый цвет лица. Я предполагаю, что она в сновидении заменена другим лицом.

Я пугаюсь при мысли, что мог не заметить у нее органического заболевания.

Это вполне естественный, постоянный страх специалиста, который повсюду видит почти исключительно невротиков и привыкает относить на счет истерии почти все явления, которые кажутся другим врачам органическими. С другой стороны, мною овладевает — я и сам не знаю откуда легкое сомнение в том, что мой испуг не совсем добросовестен. Если боли у Ирмы имеют органическую подкладку, то опять-таки я не обязан лечить их. Мое лечение устраняет только истерические боли. Мне чуть ли не кажется, будто я хочу такой ошибки в диагнозе; тем самым был бы устранен упрек в неудачном лечении.

Я подвожу ее к окну и хочу посмотреть ей горло. Она сопротивляется немного, как женщины, у которых фальшивые зубы. Я думаю, что ведь ей это вовсе не нужно. Мне никогда не приходилось осматривать у Ирмы горло. Сновидение напоминает мне о произведенном мною недавно исследовании одной гувернантки, производившей впечатление молодой красивой женщины; перед тем как открыть рот, она старалась скрыть свою фальшивую челюсть. С этим связываются другие воспоминания о врачебных исследованиях и маленьких тайнах, которые раскрываются при этом. — «Это ведь ей не нужно», — это для Ирмы комплимент. Я подозреваю, однако, еще и другое значение. При внимательном анализе всегда чувствуешь, исчерпаны ли все задние мысли или нет. Поза, в которой Ирма стоит у окна, вызывает во мне неожиданно другое воспоминание. У Ирмы есть близкая подруга, к которой я отношусь с большим уважением. Когда я однажды вечером пришел к ней, я застал ее в таком же положении у окна, и ее врач, все тот же доктор М., заявил мне, что у нее в горле дифтеритные налеты. Личность доктора М. и налеты воспроизводятся в дальнейшем ходе сновидения. Я вспоминаю, что в последние месяцы часто думал о том, что эта подруга Ирмы тоже истеричка. Даже больше: Ирма сама мне говорила об этом. Что известно мне, однако, о ее состоянии? Только одно то, что она также страдает истерическим сжиманием горла, как и Ирма в моем сновидении. Таким образом, сновидение заменило мою пациентку ее подругой, далее я вспоминаю, что у меня часто появлялась мысль, что эта подруга может также обратиться ко мне с просьбой избавить ее от болезненных симптомов. Я считал, однако, это невероятным, так как у нее чрезвычайно сдержанная, скрытная натура. Она *сопротивляется*, это мы видим и в сновидении. Другое объяснение гласило бы, что ей это не *нужно*; она действительно до сих пор превосходно владела собою без всякой посторонней помощи. Остается, однако, еще несколько деталей, которые не подходят ни к Ирме, ни к ее подруге: бледность, опухший вид, фальшивые зубы. Фальшивые зубы приводят меня к вышеупомянутой гувернантке; я склонен удовлетвориться объяснением плохих зубов. Но вдруг вспоминается еще другая особа, к которой могут относится эти детали. Она тоже не лечится у меня, и мне бы не хотелось иметь ее своей пациенткой, так как я заметил, что она

стесняется меня и поэтому лечить ее будет трудно. Она обычно очень бледна, и иногда лицо у нее бывает опухшим*. Я сравнивал, таким образом, мою пациентку Ирму с двумя другими особами, которые в равной мере воспротивились бы лечению. Почему же, спрашивается, я смешал ее во сне с подругой? Быть может, я умышленно совершил подмену. Подруга Ирмы вызывает во мне, быть может, более сильную симпатию или же я более высокого мнения об ее интеллектуальности. Дело в том, что я считаю Ирму неумной потому, что она осталась недовольной моим лечением. Другая была бы умнее и наверно бы согласилась со мною. *Рот все-таки открывается*, она рассказала бы мне больше, чем Ирма**.

Что я вижу в горле: белый налет и покрытые серою корою носовые раковины.

Белый налет напоминает мне о дифтерите, а тем самым о подруге Ирмы, кроме того, однако, и о тяжелом заболевании моей старшей двухлетней дочери и обо всем ужасе того времени. Кора на носовой раковине напоминает мне заботы о моем собственном здоровье. Я прибегал тогда часто к кокаину во время неприятного опухания носовой раковины и несколько дней назад слышал, что у одного моего пациента от кокаина сделался некроз слизистой оболочки носа. Исследование о кокаине, произведенное мною в 1885 году, навлекло на меня тяжелые упреки. Близкий друг, умерший в 1895 году благодаря злоупотреблению этим средством ускорил свою смерть[33].

* На это третье лицо можно отнести и не разъясненную до сих пор жалобу на боли в животе. Речь идет, разумеется, о моей жене: боли в животе напоминают мне об одном случае, когда я стал свидетелем ее страха. Я должен признаться себе, что я в этом сновидении отнопусь к жене и к Ирме не особенно любезно, но извинением мне может служить тот факт, что я сравниваю обеих с идеалом хорошей послушной пациентки.

** Я чувствую, что толкование этой части сновидения недостаточно для полного обнаружения скрытого смысла. Если бы я стал производить сравнение трех женщин, я бы далеко уклонился в сторону. В каждом сновидении есть, по крайней мере, одно место, в котором оно действительно, непонятно; это служит пуповиной, соединяющей сновидение с неизвестностью.

Я подзываю поспешно доктора М., который повторяет мое исследование.

Это вполне естественно при той репутации, которой пользовался в нашем кругу доктор М. Но то, что я делаю это поспешно, требует особого объяснения. Это напоминает мне об одном печальном событии. Однажды, благодаря продолжительному прописыванию средства, считавшегося в то время вполне невинным (сульфонала), я вызвал у одной пациентки тяжелую интоксикацию и поспешно обратился по этому поводу за помощью к более опытному пожилому коллеге. То, что мне припомнился этот случай, подтверждается еще и другим обстоятельством. Пациентка, заболевшая от интоксикации, носила то же имя, что и моя старшая дочь. До сих пор мне никогда это не приходило в голову. Теперь же мне это кажется своего рода роковым совпадением, как будто здесь продолжается замещение лиц. Эта Матильда вместо той Матильды. Мне представляется, будто я выискиваю возможные случаи, которые могли бы сделать мне упрек в моей недостаточной врачебной добросовестности.

Доктор М. бледен, без бороды, он хромает.

Действительно вид доктора М. в последнее время беспокоил его друзей. Две другие черты следует отнести к другому лицу. Мне вспоминается мой старший брат, живущий за границей: он тоже не носит бороды и очень напоминает доктора М. в том виде, в каком я его видел во сне. От него несколько дней тому назад пришло письмо, в котором он сообщал, что у него заболела нога, он хромает. Смешение обоих лиц в сновидении должно, однако, иметь особую причину. Я вспоминаю действительно, что сердит на обоих по одному и тому же поводу. Оба недавно отклонили предложение, с которым я к ним обратился.

Коллега Отто стоит у больной, а коллега Леопольд исследует ее и указывает на притупление в левом легком.

Коллега Леопольд, тоже врач, родственник Отто. Судьбе было угодно, что оба избрали себе одинаковую специальность и стали конкурентами. Их постоянно сравни-

вают друг с другом. В течение нескольких лет они состояли при мне ассистентами, когда я ведал еще делом помощи нервнобольным детям. Такие сцены, как та, которую я видел во сне, бывали очень часты. В то время как я спорил с Отто относительно диагноза одного случая, Леопольд подверг пациента новому исследованию и привел неожиданное доказательство в пользу моего мнения. Между ними существовала такая же разница в характерах, как между инспектором *Брезигом* и его другом Карлом. Один из них отличался «находчивостью», другой был медлителен, благоразумен, но зато основателен. Сравнивая в сновидении Отто с осторожным Леопольдом, я имел, очевидно, в виду отдать предпочтение второму. Это то же самое сравнение, как и вышеупомянутое: непослушная пациентка Ирма и ее более благоразумная подруга. Теперь я замечаю также один из тех путей, на который передвигается связь мыслей в сновидении: от больного ребенка к институту детских болезней. Притупление в левом легком производит на меня впечатление, точно оно во всех подробностях соответствует тому случаю, когда Леопольд поразил меня своей осторожностью. Мне приходит, кроме того, в голову нечто вроде метастаза, но он относится скорее к пациентке, которую мне бы хотелось иметь вместо Ирмы. Пациентка эта имитирует, насколько я мог заметить, туберкулез.

Инфильтрация на левом плече.

Я убежден, что это мой собственный ревматизм плеча, который я ощущаю каждый раз, когда ночью не могу долго уснуть. В этом отношении меня укрепляют слова сновидения: что я... ощущаю так же, как и он. Я хочу этим сказать, что чувствую это в своем собственном теле. Впрочем мне приходит в голову, как необычно обозначение «инфильтрированный участок». Мы привыкли говорить «инфильтрация слева сзади и сверху»; это обозначение относится к легкому и этим самым опять-таки указывает на туберкулез.

Несмотря на надетое платье.

Разумеется, это только вставка. В институте детских болезней мы исследуем детей, конечно, раздетыми; это

какое-то противоположение тому, как следует исследовать взрослых пациенток. Об одном выдающемся клиницисте рассказывали, что он производил физикальное исследование своих пациентов только через одежду. Дальнейшее для меня неясно; я откровенно сказал, что я не склонен вдаваться здесь в слишком большие подробности[34].

Доктор М. говорит: «Это инфекция, но ничего. Будет дизентерия, и яд выделится».

Это кажется мне сперва смешным, но, как и все остальное, я подвергаю и это анализу. При ближайшем рассмотрении и это имеет свой смысл. Исследуя пациентку, я нашел у нее локальный дифтерит. Во время болезни моей дочери я вел, помнится, спор, относительно дифтерита и дифтерии[35]. Последняя представляет собою общую инфекцию, проистекающую от локального дифтерита. О такой инфекции говорит Леопольд, указывая на притупление, заставляющее предполагать наличность метастаза. Мне кажется, однако, что при дифтерии такие метастазы не имеют места. Они напоминают мне скорее пиемию.

Но ничего. Это утешение. По моему мнению, оно имеет следующий смысл: конец сновидения показывает, что боли пациентки проистекают от тяжелого органического заболевания. Мне представляется, что и этим я хочу свалить с себя всякую ответственность. Психический метод лечения неповинен в наличности дифтерита. Мне все же неловко, что я приписываю Ирме такое тяжелое заболевание исключительно с той целью, чтобы себя выгородить. Это слишком жестоко. Мне необходимо, таким образом, высказать убеждение в благоприятном исходе, и я довольно удачно вкладываю это утешение в уста доктора М. Я поднимаюсь здесь, так сказать, над сновидением, но это требует особого объяснения.

Почему же, однако, это утешение настолько абсурдно?

Дизентерия. Я встречал как-то теоретическое утверждение, будто болезненные вещества могут быть выделены через кишечник. Быть может, я хочу посмеяться здесь над слишком натянутыми объяснениями, над

странными патологическими соединениями доктора М. Но по поводу дизентерии я вспоминаю еще и другое. Несколько месяцев тому назад я лечил одного молодого человека, страдавшего довольно своеобразным заболеванием желудка. Другие коллеги трактовали этот случай как «анемию с ослабленным питанием». Я определил, что заболевание это — истерического происхождения, но не хотел подвергнуть его психотерапии и послал его в морское путешествие. Несколько дней тому назад я получил от него отчаянное письмо из Египта; он испытал там тяжелый припадок, и врач нашел у него дизентерию. Я хотя и был убежден, что диагноз этот является лишь ошибкой малоопытного коллеги, принимающего истерию за серьезное органическое заболевание, но я не мог, однако, не сделать себе упрека в том, что дал возможность пациенту помимо истерии получить еще и органическое заболевание. Дизентерия звучит, кроме того, аналогично дифтерии; последняя, однако, не упоминается в сновидении.

Да, наверное, я хочу посмеяться над доктором М., ставя утешительный прогноз: будет дизентерия и т. д. Я вспоминаю, что несколько лет назад он рассказывал мне аналогичный случай об одном коллеге. Последний пригласил его на консультацию к одной тяжело больной. Он счел своим долгом сказать ему, что нашел у пациентки белок в моче. Коллега не смутился и ответил спокойно: *Ничего не значит*, коллега, белок выделится. Не подлежит, таким образом, сомнению, что в этой части сновидения содержится насмешка над коллегой, не знающем толку в истерии. Словно в подтверждение этого возникает мысль: а знает ли доктор М., что явления, наблюдающиеся у его пациентки, подруги Ирмы, заставляющие опасаться наличия туберкулеза, следует отнести также на счет истерии? Распознал ли он эту истерию или проглядел ее?

Какие же мотивы могут быть у меня для такого дурного отношения к коллеге? Это очень просто: доктор М. столь же мало согласен с моим «решением» в психоанализе Ирмы, как и сама Ирма. Я, таким образом, отомстил в этом сновидении уже двум лицам, Ирме, словами: «Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата ты сама» — и доктору М., вложив ему в уста столь абсурдное утешение.

Мы понимаем тотчас же, откуда инфекция.

Это непосредственное знание в сновидении весьма странно. Ведь мы только что этого не знали, и на инфекцию первый раз указал Леопольд.

Коллега Отто сделал ей инъекцию, когда она чувствовала себя плохо. Отто действительно рассказывал, что во время пребывания в семье Ирмы его неожиданно позвали к соседям, и он сделал там инъекцию одной даме, почувствовавшей себя внезапно дурно. Инъекция напоминает мне моего злосчастного друга, отравившегося кокаином. Я прописал ему это средство лишь для внутреннего употребления; он же сделал себе впрыскивание.

Препарат пропила... пропилен... пропиленовая кислота.

Почему пришло мне это в голову? В тот вечер, когда я писал историю болезни, моя жена раскрыла бутылку ликера, на этикетке которой стояло название «ананас»*. Ликер этот подарил нам коллега Отто; у него была привычка делать подарки по всякому поводу. Вероятно, он будет от этого отучен когда-нибудь женой**. У этого ликера был такой запах сивушного масла, что я отказался даже его попробовать. Моя жена хотела отдать бутылку слугам, но я не позволил этого, сказав, что они могут еще отравиться. Запах сивухи (амил...) пробудил во мне, очевидно, воспоминание о целом ряде: пропил, метил и т. д. Сновидение произвело, однако, перемену: мне снился пропил после того, как я слышал запах амила, но такие замены позволительны даже в органической химии.

---

* Слово «ананас» очень странным образом напоминает фамилию моей пациентки Ирмы.

** В этом отношении сновидение не оказалось пророческим. В другом смысле оно было право, так как «неразрешенные» желудочные боли моей пациентки, в которых я не хотел быть виноватым, *были* предвестниками серьезного страдания от желчных камней.

Триметиламин[36]. Я видел ясно перед собою химическую формулу этого вещества, что доказывает, во всяком случае, чрезвычайное напряжение памяти, и формула эта была напечатана жирным шрифтом, как будто из контекста хотели выделить нечто особенно важное. К чему же такому, на что я должен обратить особое внимание, приводит меня триметиламин? Мне вспоминается разговор с одним из моих друзей, который в течение многих лет постоянно был осведомлен о моих работах. Он сообщил мне тогда о своем исследовании в области сексуальной химии и между прочим сказал, что находит в триметиламине один из продуктов сексуального обмена веществ. Это вещество приводит меня, таким образом, к сексуальности, к тому моменту, которому я придаю наибольшее значение в возникновении нервных болезней. Моя пациентка Ирма — молодая вдова; если я постараюсь оправдать неуспех моего лечения, то мне целесообразнее всего сослаться на то обстоятельство, которое так бы хотели изменить ее ближайшие друзья. Какое странное сплетение представляет все же собою сновидение? Другая пациентка, которую мне бы хотелось в сновидении иметь вместо Ирмы, тоже молодая вдова.

Я начинаю понимать, почему я так ясно видел в сновидении формулу триметиламина. Этот химический термин имеет чрезвычайно важное значение: триметиламин не только свидетельствует о весьма существенном значении сексуальности, но напоминает мне об одном человеке, об одобрении которого я думаю с удовлетворением, когда чувствую себя одиноким в своих воззрениях. Неужели же этот коллега, игравший в моей жизни столь видную роль, не окажет известного влияния на дальнейший ход в сновидении? Я не ошибаюсь: он специалист в ринологии. Он интересовался чрезвычайно интересным взаимоотношением носовой раковины и женских половых органов (три странных нароста в горле Ирмы). Я дал ему исследовать Ирму, предполагая, что ее боли в желудке следует отнести на счет носового заболевания. Сам он, однако, страдает гноетечением из носа; последнее меня озадачивает, и по всей вероятности, сюда относится пиемия, о которой я думаю, принимая во внимание метастаз в сновидении.

Такую инъекцию нельзя производить легкомысленно. Упрек в легкомыслии я делаю непосредственно коллеге Отто. Мне представляется, что нечто подобное я подумал в тот день, когда Отто словами и взглядом выразил свое несогласие со мною. Мысль была, по всей вероятности, такова: как легко он поддается влиянию, как он скороспел в своих суждениях. Кроме того, упрек в легкомыслии вызывает во мне снова воспоминание о покойном друге, сделавшем себе кокаиновую инъекцию. Давая ему это средство, я, как уже упоминал выше, не имел в виду инъекции. Упрек, делаемый мною коллеге Отто в легкомысленном обращении с опасным химическим веществом, свидетельствует о том, что я снова вспомнил историю той несчастной Матильды, которая могла бы мне сделать аналогичный упрек. Я собираюсь здесь, по-видимому, доказать свою добросовестность, но вместе с тем доказываю обратное.

По всей вероятности, шприц не был чистым. Новый упрек коллеге Отто, имевший, однако, другие основания. Вчера я случайно встретил сына одной 82-летней дамы, которой я ежедневно делаю два впрыскивания морфия. Она живет на даче, и я слышал, что она заболела воспалением вен. Я тотчас же подумал, что, может быть, в этом повинно загрязнение шприца. Я горжусь тем, что в течение двух лет мои впрыскивания приносили только пользу; я постоянно забочусь о чистоте шприца. От воспаления вен я перехожу мысленно к моей жене, которая во время беременности страдала венозным тромбозом. В моей памяти всплывают три аналогичных ситуации: моя жена, Ирма и покойная Матильда, тождество которых мне, очевидно, дало право смешать в сновидении эти три лица.

Я закончил толкование сновидения*. Во время анализа я старался сообщать все те мысли, к которым меня приводило сравнение содержания сновидения со скры-

* Само собой понятно, что я сообщил не все то, что мне пришло в голову при работе толкования.

тым за ним смыслом. Я подметил свои желания и намерения, осуществившиеся в сновидении и бывшие, очевидно, мотивами последнего. Сновидение осуществляет несколько желаний, проявившихся во мне благодаря событиям последнего вечера (сообщение Отто и составление истории болезни). Результат сновидения: я неповинен в продолжающейся болезни Ирмы, виноват в этом Отто. Отто рассердил меня своим замечанием относительно недостаточного лечения Ирмы. Сновидение отомстило ему за меня, обратив на него тот же упрек. Сновидение освободило меня от ответственности за самочувствие Ирмы, сведя последнее к другим моментам (сразу целый ряд обоснований). Оно создало именно ту ситуацию, какую мне хотелось; *его содержание является, таким образом, осуществлением желания, его мотив — желание.*

Это несомненно. Но с точки зрения осуществления желания становятся мне неясными некоторые детали сновидения. Я мщу Отто не только за его скороспелое суждение о моем лечении, приписывая ему неосторожность (инъекцию), но мщу ему также и за скверный ликер с сивушным запахом. В сновидении оба упрека соединяются в одно: в инъекцию препаратом пропила, пропиленом. Я, однако, еще не вполне удовлетворен и продолжаю свою месть, противопоставляя ему более способного конкурента. Этим я хочу, по-видимому, сказать: он мне симпатичнее, чем ты. Однако не один только Отто испытывает тяжесть моей досады и мести. Я мщу и своей непослушной пациентке, заменяя ее более благоразумной и послушной. Я не прощаю упрека и доктору М., а в довольно прозрачной форме высказываю ему свое мнение, что он в этих делах довольно невежествен («будет дизентерия» и т. д.). Мне кажется даже, что я аппелирую к более знающему (моему другу, сообщившему мне о триметиламине), все равно как от Ирмы обращаюсь к ее подруге и от Отто к Леопольду. Уберите от меня этих лиц, замените их тремя другими по моему выбору, тогда я отделаюсь от упреков, совершенно мною незаслуженных. Неосновательность этих упреков обнаруживается очень ярко в сновидении. В

болезни Ирмы я не повинен: она сама виновата в ней, не приняв моего «решения». Ее болезнь меня не касается, она органического происхождения и не поддается излечению психотерапией. Страдания ее вполне объясняются ее вдовством (триметиламин), которого я, понятно, изменить не могу. Они вызваны неосторожной инъекцией; Отто впрыснул вещество, которым я никогда не пользовался. В болезни Ирмы виновата инъекция грязным шприцем, все равно как в воспалении вен у моей пожилой пациентки. Я замечаю, однако, что эти объяснения болезни Ирмы, оправдывающие меня, не совпадают между собою, а скорее исключают друг друга. Вся эта путаница — а ничем иным является это сновидение — живо напоминает мне оправдание одного человека, которого сосед обвинил в том, что он вернул ему взятую у него кастрюлю в негодном виде. Во-первых, он вернул ее в неприкосновенности; во-вторых, кастрюля была уже дырявой, когда он ее взял, а в-третьих, он вообще не брал у него кастрюли. Но тем лучше: если хоть один из этих доводов окажется справедливым, человек этот должен быть оправдан.

В сновидении имеются еще и другие элементы, отношение которых к моему оправдыванию не столь очевидно: болезнь моей дочери и пациентки, ее тезки, вред кокаина, болезнь моего пациента, путешествующего по Египту, заботы о здоровье жены, брат, доктор М., мой собственный недуг, заботы об отсутствующем друге, страдавшем гноетечением из носа. Если, однако, я соберу все это в одно целое, то увижу, что за всем этим скрывается лишь забота о здоровье, о своем собственном и о чужом, врачебная добросовестность. Мне припоминается смутно неприятное ощущение, испытанное мною при сообщении Отто о состоянии здоровья Ирмы. Из круга мыслей, принимающих участие в сновидении, я мог бы дополнительно дать следующее выражение этому мимолетному ощущению. Мне кажется, будто он мне сказал: «Ты недостаточно серьезно относишься к своим врачебным обязанностям, ты недостаточно добросовестен, ты не исполняешь своих обещаний». Вслед за этим я воспользовался всеми этими мыслями, чтобы доказать, на-

сколько я добросовестен и насколько я забочусь о здоровье своих близких, друзей и пациентов. Странным образом среди этих мыслей оказались и неприятные воспоминания, говорящие скорее за справедливость упрека, сделанного мною коллеге Отто, чем в пользу моих извинений. Весь материал, по-видимому, беспристрастен, но связь этого базиса, на котором покоится сновидение, с более узкой темой последнего, из которого проистекает желание оправдаться в болезни Ирмы, все же очевидна.

Я отнюдь не утверждаю, что вполне раскрыл смысл этого сновидения и толкование его лишено каких бы то ни было пробелов.

Я мог бы продолжать этот анализ и разъяснять еще много различных деталей. Мне известны даже те пункты, из которых можно проследить различные ассоциации; многие соображения, неизбежные при всяком анализе своего собственного сновидения, мешают, однако, мне это сделать. Кто хотел бы упрекнуть меня в скрытности, тому я рекомендую самому попробовать быть откровенным до конца. Я удовольствуюсь поэтому установлением делаемого мною отсюда вывода: если проследить указанный здесь метод толкования сновидений, то оказывается, что сновидение действительно имеет смысл и ни в коем случае не является выражением ослабленной мозговой деятельности, как говорят различные авторы. *Согласно произведенному нами толкованию, сновидение является осуществлением желания.*

III. СНОВИДЕНИЕ — ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ

Миновав тесное ущелье и выйдя неожиданно на возвышенность, откуда дорога расходится во все стороны и открывает превосходнейший вид, можно остановиться на минуту и подумать, куда лучше направить шаги. На том же распутье стоим мы после первого толкования сновидения. Нас поражает ясность неожиданной истины. Сновидение не похоже на неправильную игру музыкального инструмента, которого коснулась не рука музыканта, а какая-то внешняя сила; оно не бессмысленно, не абсурдно, оно не предполагает, что часть нашей души спит, а другая начинает пробуждаться. Сновидение полноценное психическое явление. Оно осуществление желания[37]. Оно может быть включено в общую цепь понятных нам душевных явлений бодрственной жизни. Оно было построено с помощью чрезвычайно сложной интеллектуальной деятельности. Но, познав эту истину, мы в тот же момент останавливаемся перед целым рядом вопросов. Если сновидение, согласно его толкованию, представляет собою осуществление желания, то откуда же проистекает та странная и причудливая форма, в которую облекается последнее? Какие изменения претерпевают мысли, преобразовываясь в сновидение, о котором мы вспоминаем по пробуждении? Откуда проистекает тот материал, который перерабатывается в сновидении? Откуда проистекают те особенности мыслей, которые мы отметили, как например, то, что они противоречат друг другу? Может ли сновидение научить нас чему-либо новому относительно наших внутренних психических переживаний, может ли содержание его внести какие-либо поправки в наши убеждения, воззрения? Я считаю нужным оставить пока все эти вопросы

в стороне и пойти по другому пути. Мы видели, что сновидение изображает желание в его осуществленной форме. В наших ближайших интересах узнать, является ли это общей характерной чертой всех сновидений или же случайным содержанием лишь одного, с которого начался наш анализ. Ибо, даже если бы мы поверили в то, что каждое сновидение имеет свой смысл и свою психическую ценность, мы должны были бы предполагать, что этот смысл не во всяком сновидении одинаков. Наше первое сновидение было осуществлением желания, другое представляет, быть может осуществление опасения, третье может иметь своим содержанием рефлекс, четвертое может воспроизвести попросту какое-нибудь воспоминание и т.п. Бывают ли, таким образом, сновидения, не содержащие в себе осуществления желания?

Легко показать, что сновидения зачастую носят настолько ясный характер осуществления желания, что приходится удивляться, почему язык сновидения до сих пор казался таким непонятным. Вот, например, сновидение, которое я могу вызвать у себя, когда угодно. Если я вечером ем сардельки или другие какие-либо соленые кушанья, то ночью у меня появляется жажда, и я просыпаюсь. Перед пробуждением, однако, я вижу сновидение постоянно с одним и тем же содержанием: мне снится, что я пью. Я пью залпом воду; мне это доставляет большое удовольствие, как всякому, кто томится жаждой. Затем я просыпаюсь и действительно очень хочу пить. Поводом к такому постоянному сновидению служит жажда, которую я испытываю при пробуждении. Из этого ощущения проистекает желание пить, и сновидение представляет это желание в осуществленном виде. Сновидение исполняет при этом функцию, о которой я скажу несколько ниже. Сон у меня хороший; когда мне удается утолить свою жажду тем, что мне снится, будто я выпил воды, то я так и не просыпаюсь. Таким образом, это — *сновидение об удобстве*. Сновидение заступает место поступка, который должен был бы быть совершен в жизни. К сожалению, потребность в воде не может быть удовлетворена сновидением, как моя мстительность по отношению к коллеге Отто и доктору М.; но желание и тут и там одинаково. Как-то недавно сновидение это было несколько модифицировано. Перед сном мне захотелось пить, и я выпил стакан воды, стоявшей на столике возле моей постели. Несколько часов спустя мне снова захотелось пить, и я испытал чувство неудовлетворенности, неудобства. Чтобы достать воды, мне нужно было встать и взять стакан, стоявший на столике возле постели жены. Согласно этому мне и приснилось, что жена дает мне напиться из большого сосуда; сосуд этот — старая этрусская урна, привезенная мною из Италии и подаренная мною одному из моих знакомых. Вода в ней показалась мне настолько соленой (по всей вероятности, от пепла, бывшего в урне), что я проснулся. Отсюда ясно, какое удобство может создать сновидение: так как его единственной целью является осуществление желания, то оно может быть вполне эгоистично. Любовь к удобству несовместима с альтруизмом. Наличность урны, по всей вероятности, является снова осуществлением желания. Мне жаль, что у меня нет этой урны, все равно как, впрочем, и того, что стакан с водою стоит подле жены. Урна приспосабливается также и по отчетливому ощущению соленого вкуса, который заставил меня проснуться*.

Эти сновидения об удобстве я видел очень часто в молодости. Привыкши работать до поздней ночи, я всегда с трудом просыпался вовремя. Мне снилось очень

* Сновидение о жажде обращали на себя внимание и *Вейгандта*, который говорит по этому поводу (с. 11): «Ощущение жажды наиболее отчетливо воспринамается всеми, оно вызывает постоянно представление об утолении этой потребности. Способы, которыми сновидение представляет себе утоление жажды, различны и зависят от скрытого за этим воспоминания. Обычно после представления об утолении жажды появляется разочарование в ничтожном эффекте мнимого утоления». Он не указывает, однако, на общеобязательный характер реакции сновидения на раздражение. То, что другие лица, испытывающие ночью жажду, просыпаются без сновидений, не противоречит нашим утверждениям, а доказывает лишь, что у этих лиц, очень некрепкий сон.

часто, что я уже встал и стою перед умывальником. Спустя несколько мгновений я все же начинал сознавать, что еще лежу в постели, но продолжал спать. Такое же сновидение, проявившееся в особенно остроумной форме, сообщил мне один мой юный коллега, любивший, как и я, поспать. Хозяйка, у которой он жил неподалеку от больницы, имела строгий приказ будить его каждое утро, но ей всегда приходилось долго мучиться, пока он просыпался. Однажды утром он спал особенно крепко; хозяйка постучала в комнату и сказала: «Господин Пепи, вставайте, вам пора в больницу». Ему тотчас же приснилась комната в больнице, кровать, на которой он лежал, и дощечка у изголовья, на которой написано: Пепи Г..., кандидат медицины, 22-х лет. Он подумал во сне: «раз я уже в больнице, значит, мне туда уже не нужно идти», — повернулся и продолжал спать. При этом он откровенно признался себе в мотиве своего сновидения.

В другом сновидении раздражение производит свое действие тоже во сне: одна из моих пациенток, подвергшаяся довольно неудачной операции челюсти, должна была по предписанию врача постоянно держать охлаждающий аппарат на больной щеке. Засыпая, она обычно его с себя сбрасывала. Однажды меня попросили сделать ей выговор за это; тем не менее она сбросила опять аппарат на пол. Пациентка оправдывалась: «На этот раз я действительно не виновата; это было результатом сновидения, которое я видела сегодня ночью. Мне снилось, что я была в опере, в ложе, и с интересом следила за представлением. В санатории же лежал господин Карл *Мейер* и громко стонал от головной боли. Я сказала себе, что у меня ничего не болит и что аппарат больше не нужен. Поэтому-то я его и сбросила». Это сновидение бедной страдалицы звучит как изображение оборота речи, который напрашивается на уста человеку, находящемуся в неприятном положении: я желал бы получить большее удовольствие. Сновидение рисует это большее удовольствие. Господин Карл *Мейер*, которому пациентка приписала свои болезненные ощущения, был ее самым далеким знакомым, о котором она могла вспомнить.

Нетрудно раскрыть осуществление желаний в некоторых других сновидениях, сообщенных мне здоровыми лицами. Один мой коллега, знакомый с моей теорией сновидений и рассказавший о ней своей жене, говорит мне однажды: «Знаешь, моей жене вчера снилось, что у нее началась менструация. Интересно, как истолкуешь ты это сновидение». Это очень нетрудно: если молодой женщине снилось, что у нее менструация, значит в действительности ее не было. Я знаю, что ей хотелось бы до первого материнства попользоваться свободой. Это был удобный способ указать на признаки ее первой беременности. Другой коллега пишет мне, что его жене недавно снилось, что она заметила на сорочке молочные пятна. Это тоже признак беременности, но не первой; молодая мать желает себе иметь для второго ребенка больше молока, чем она имела в свое время для первого.

Одной молодой женщине, ухаживающей за своим заразно больным ребенком и отрезанной по этой причине от всего света, снится после счастливого окончания болезни большое общество, в котором находятся *А. Додэ*, *Бурже*, *М. Прево* и др., все они чрезвычайно к ней любезны, и они превосходно проводят время. Писатели во сне очень похожи на свои портреты, которые ей пришлось видеть. За исключением *Прево*, она его портрета не знает, и он напоминает ей человека, который накануне дезинфицировал комнату больного и который был первым посетителем ее дома после долгого времени. Сновидение это можно объяснить целиком: пора уже немного развлечься, довольно уже этих забот и мучений!

Этих примеров, быть может, достаточно, чтобы показать, что очень часто и при всевозможных условиях можно найти сновидения с чрезвычайно ярко выраженным осуществлением желаний, которые выявляют свое содержание в незамаскированном виде[38]. Это по большей части короткие и простые сновидения, резко отличающиеся от спутанных и продолжительных, главным образом обращающих на себя внимание исследователей. Однако такие простые сновидения заслуживают несколько более подробного рассмотрения. Наипростейшая форма сновидений должна была бы быть, казалось, наиболее

распространенной среди детей, психическая деятельность которых, безусловно, менее сложна, чем у взрослых. Детская психология призвана, на мой взгляд, оказывать психологии взрослых аналогичные услуги, как изучение строения и развития низших животных — изучению структуры высших. До сих пор, однако, к сожалению, детская психология в этом смысле не была в достаточной мере использована.

Сновидения маленьких детей представляют собою очень часто явные осуществления желаний и поэтому в противоположность сновидениям взрослых почти совершенно неинтересны. Они не содержат никаких трудноразрешимых загадок, но, безусловно, чрезвычайно ценны как доказательство того, что сновидение по самой своей сущности представляет собою осуществление желания. Я приведу здесь несколько сновидений, виденных моими собственными детьми.

Прогулке в красивый Галльштатт (летом 1896 г.) я обязан двумя сновидениями, виденными — одно моею тогда восьмилетней дочерью, другое — пятилетним сыном. Предварительно я должен заметить, что мы в это лето жили в Аусзее, откуда в хорошую погоду нам открывался превосходный вид на Дахштейн. В подзорную трубу хорошо виден был Симонигютте. Дети очень часто смотрели на него в подзорную трубу; не знаю, с каким успехом. Перед прогулкой я рассказывал детям, что Галльштатт лежит у подножия Дахштейна. Прогулке они радовались. Из Галльштатта мы прошли в Эшернталь, который привел детей в восхищение своими сменяющимися пейзажами. Только один мой пятилетний сын стал вдруг капризничать; как только мы видели новую гору, он тотчас, же спрашивал: «Это — Дахштейн?» Я вынужден был отвечать: «Нет». Предложив несколько раз этот вопрос, он замолчал недовольный. К водопаду он совсем отказался идти. Я подумал, что он устал. На следующее утро он пришел ко мне с сияющим лицом и заявил: «Сегодня ночью мне снилось, что я был на Симонигютте». Я понял его: он ожидал, что по дороге в Галльштатт мы увидим гору, о которой дети так много слышали. Когда он затем понял, что горы он

не увидит и ему придется удовлетвориться небольшим холмом и водопадом, он испытал разочарование. Сновидение вознаградило его за это. Я стал его расспрашивать о подробностях сновидения. Но он сообщил мне очень мало. Как он слышал, «туда нужно идти шесть часов».

Во время этой прогулки и у моей восьмилетней дочери появилось желание, которое тоже было удовлетворено сновидением. Мы взяли с собой в Галльштатт двенадцатилетнего сына наших соседей, совершенного рыцаря, завоевавшего, как мне казалось, все симпатии маленькой девочки. На следующее утро она мне рассказала следующее сновидение: «Представь себе, мне снилось, что Эмиль — мой брат, что он говорит вам «папа» и «мама» и спит вместе с нами в большой комнате. В комнату вдруг вошла мама и бросила нам под постели целую горсть шоколадных конфет в синих и зеленых бумажках». Братья ее, которым уменье толковать сновидения не передалось по наследственности, объяснили его точь-в-точь так, как наши авторы: это сновидение — бессмыслица. Девочка же заступилась, по крайней мере, за одну часть сновидения, и для теории неврозов интересно будет знать, за какую именно часть: «Ерунда то, что снилось про Эмиля, но не то, что касалось конфет!» Мне самому последнее показалось непонятным. Но жена дала мне по этому поводу разъяснение. По дороге с вокзала домой дети остановились перед автоматом и попросили мать опустить монету, чтобы получить шоколад. Мать, однако, нашла, что этот день и так был достаточно богат осуществлениями желаний и предоставила это желание сновидению. Я на сцену эту не обратил внимания. Другую часть сновидения, отвергнутую даже самою дочерью, я понял без всяких комментариев. Я сам слыхал, как маленький Эмиль по дороге говорил детям, что надо подождать папу и маму. Эту временную принадлежность к нашему семейному кругу сновидение девочки превратило в длительное усыновление. Почему шоколадные конфеты были брошены под постели, этого объяснить без расспросов ребенка было, конечно, невозможно.

Сновидение, аналогичное сновидению моего мальчика, я слышал от одного моего друга. У него восьмилетняя дочь. Отец вместе с несколькими детьми предпринял прогулку в Дорибах с намерением посетить Рорергютте; но так как было уже поздно, то они не добрались до цели, и он обещал пойти туда с детьми в следующий раз. На обратном пути они прошли мимо верстового столба, указывающего дорогу на Гамо. Дети захотели отправиться тотчас же на Гамо, но отец отложил и эту прогулку до следующего дня. На следующее утро восьмилетняя девочка рассказала отцу: «Папа, сегодня ночью мне снилось, что ты был с нами в Рорергютте и на Гамо». Ее нетерпение предвосхитило, таким образом, в сновидении исполнение отцовского обещания.

Столь же прямолинейно и другое сновидение, вызванное у моей в то время 3-летней дочурки красивым видом Аусзее. Девочка в первый раз ехала по воде, и поездка показалась ей чересчур короткой. Когда мы пристали к берегу, она не хотела выходить из лодки и горько плакала. На следующее утро она рассказала: «Сегодня ночью я каталась по озеру». Будем надеяться, что продолжительность этой поездки во сне более удовлетворила ее.

Моему старшему, в то время 8-летнему, сыну снилась реализация его фантазии. Он ехал вместе с Ахиллом в его колеснице, которой управлял Диомед. Накануне он восхищался греческой мифологией, книжкой, подаренной его старшей сестре[39].

Если согласиться со мной, что разговор со сна, наблюдающийся у детей, точно так же относится к кругу мыслей сновидения, то я могу сообщить одно из первых собранных мною сновидений. У моей младшей дочери, которой тогда было 19 месяцев, наступила однажды утром рвота, и поэтому ее в течение этого дня держали на голодной диете. В ночь, следующую за голодным днем, слышно было, как она возбужденно кричала: *Анна Ф'ейд, зем(л)яника, клубника, яичница, кисель.* Она употребила тогда свое имя, чтобы выразить вступление во владение; список кушаний охватывает, конечно, все то, что она хотела бы кушать; ягоды, имеющиеся в двух

вариациях, являются демонстрацией против домашней санитарной полиции и имеют свое основание в том замеченном ею малозначащем факте, что няня отнесла ее недомогание на счет слишком обильного поедания земляники; за этот невыгодный для нее отзыв она мстит ей, таким образом, в сновидении*.

Если мы прославляем детство за то, что оно еще не знает сексуальных страстей, то мы не должны забывать, каким богатым источником разочарований, лишений, а вместе с тем и побудительным поводом к сновидениям может стать для него другая важная жизненная потребность**. Вот еще пример этому. Мой 22-месячный племянник должен был поздравить меня с днем рождения и преподнести мне в подарок корзиночку с вишнями, которые в это время года считаются еще новинкой. Эта задача давалась ему, по-видимому, с трудом, так как он повторял беспрестанно: «Здесь вишни». Его нельзя было заставить выпустить из рук корзиночку. Но он сумел все же вознаградить себя. До сих пор он каждое утро рассказывал матери, что ему снился «белый солдат», гвардейский офицер в плаще, которого он когда-то встретил на улице. На следующий день после жертвы, принесенной им в день моего рожде-

---

* Короткое время спустя сновидение бабушки, которая имеет около 70 лет от роду, повторило то же самое, что и сновидение младшей внучки. После дня, который она провела впроголодь, вынужденная к этому болями, причиненными ей блуждающей почкой, ей снится (очевидно, она переносится при этом в дни цветущего девичества), что она «приглашена» в гости к обеду и к завтраку и что ее угощают каждый раз наилучшими блюдами.

** Более подробное изучение душевной жизни ребенка показывает нам, правда, что сексуальный элемент играет и в психической деятельности ребенка достаточно крупную роль, бывшую, однако, объектом недостаточного внимания: это заставляет нас до некоторой степени сомневаться в безмятежной радости детства, о которой мы, взрослые, часто говорим с таким упоением. (Ср. мои «Три статьи о теория полового влечения» Русск. перев. см. Психол. и психоаналит. библиот. Вып. VIII, Москва, Госиздат, 1924). Эта работа Фрейда также переиздана в сборнике «Психология бессознательного», М.: Просвещение, 1990.

ния, он проснулся довольный со словами: «Ге(р)ман съел все вишни»*. Что снится животным, я не знаю[40]. Немецкая поговорка, на которую обратил внимание один

* Необходимо упомянуть о том, что у маленьких детей наблюдаются иногда чрезвычайно сложные и мало прозрачные сновидения и что, с другой стороны, сновидения, носящие простой инфантильный характер, могут нередко появляться у взрослых. Насколько обильны неожиданным материалом сновидения у детей в возрасте от четырех до пяти лет, показывают примеры в моем «Анализе фобии пятилетнего мальчика» (Русск. перев. см. Психотерапевтичестская библ. Вып. IX. Москва. Кн-во «Наука», 1913) и *у Юнга* «О конфликтах детской души» (Русск. перев. см. Психол. и психоаналит. библ. Вып. XI, Москва, Госиздат, год издания не указан). Аналитически истолкованные детские сновидения см. также у *Гуг Гельмут, Путнама, Раальте, Шпильрейн, Тауска,* а также у *Банщиери,* Буземанна, Доглиа и особенно у *Вигама,* который подчеркивает их тенденцию к исполнению желания. С другой стороны, у взрослых сновидения инфантильного типа встречаются особенно часто тогда, когда они находятся среди необычных жизненных условий. Так, *Отто Норденскельд* в своей книге «*Антарктика*» сообщает об экипаже судна, с которым он провел целую зиму (Т. I, с. 366): «Чрезвычайно характерны для направления наших мыслей были наши сновидения, которые никогда не отличались такой живостью и многочисленностью, как именно в то время. Даже те из наших товарищей, которым снились сны лишь очень редко, могли рассказывать каждое утро, когда мы обменивались друг с другом впечатлениями истекшей ночи, длиннейшие истории. Все эти истории касались того мира, от которого мы теперь были отрезаны, но зачастую приспосабливались и к нашей тогдашней жизни. Одно чрезвычайно характерное сновидение состояло в том, что одному из наших товарищей снилось, будто он сидит на школьной скамье и занимается тем, что снимает кожу с крохотных тюленей, изготовленных специально для учебных целей. Чаще всего, однако, наши сновидения вращались вокруг еды и питья. Один из нас, проводивший целые ночи в фантазиях о том, что он находится в большом обществе за столом, был от всей души рад, когда мог рассказать утром, что он «ел обед из трех блюд»; другому снился табак, целые горы табаку, третьему — корабль, мчавшийся по морю на всех парусах. Заслуживает упоминания еще одно сновидение: является почтальон и объясняет, почему не было так долго писем — он сдал их по неверному адресу и с трудом вернул их обратно. Вполне естественно, что нам снились самые невероятные вещи, но недостаток фантазии почти во всех сновидениях моих собственных и всех моих товарищей положительно бросался в глаза.

из моих слушателей, по-видимому, осведомленнее меня в этом отношении, так как она на вопрос: «Что снится гусям?» отвечает: «Кукуруза (Маис)»*. Вся теория, утверждающая, что сновидение представляет собою желания, содержится в этих двух фразах**.

Мы видим, что мы могли бы достичь нашего учения о скрытом смысле сновидения более короткими путем, если бы мы обратились к общеупотребительным оборо-

Было бы чрезвычайно интересно с психологической точки зрения записать все эти сновидения. Но можно легко понять, каким вожделенным был сон, дававший каждому из нас все то, чего он так жадно хотел». Я цитирую еще по *Дю Прелю* (с. 231): «*Мунго Парк,* страдавший очень от жажды во время путешествия по Африке, видел без конца во сне богатые водой долины и луга своей родины. Точно так же *Тренк,* страдавший от голода в звездном укреплении Магдебурга, видел себя окруженным обильными яствами, и *Георг Бак,* участник первой экспедиции *Франклина,* видел всегда и беспрестанно большое количество пищи, когда он был близок к голодной смерти вследствие ужасных лишений».

* Одна венгерская пословица, приводима *Ференци,* утверждает более распространенно, что «свиньям снятся желуди, а гусям кукуруза». Еврейская пословица гласит: «Курице просо снится» (Sammlung jud. Sprichw. u. Redensarten, herausg. v. Bernstein, 2 Aufl., S. 1160, Nr. 7).

** Я далек от того, чтобы утверждать, что до меня ни один автор не связывал сновидение с исполнением желания. (Ср. первые строки следующей главы). Кто обращал внимание на такие указания, тот мог бы сослаться на жившего в древности при *Птоломее I* врача *Герофила,* который (по *Бюшеншютцу,* с. 33) различает три рода сновидений: ниспосланные богом; естественные, возникающие тогда, когда душа представляет себе картины того, что ей полезно и что случится; и смешанные сновидения, которые возникают сами по себе вследствие приближения к образам, когда мы видим то, что мы желаем. Из собрания примеров у *Шернера Штеркс* подчеркивает одно сновидение, которое сам автор считает исполнением желания (с. 239). *Шернер* говорит: «Фантазия тотчас же исполняет бодрственное желание сновидящей просто потому, что оно было живо в ее душе». Это сновидение относится к «сновидениям о настроении»; близко к ним стоят сновидения о «страстной мужской и женской любви» и о «неприятном настроении». Как видно, здесь нет и речи о том, что *Шернер* приписывает желанию какое-либо другое значение для сновидения, чем иному душевному состоянию бодрствования, не говоря уже о том, что он не привел желания в связь с сущностью сновидения.

там речи. Хотя народная мудрость и отзывается иногда довольно презрительно о сновидениях — полагают, что она считает правильной научную точку зрения, говоря: сновидения — это *пена морская* (Träume sind Schäume), — но в общеупотребительных оборотах речи сновидение представляется обычно осуществлением заветных желаний. «Мне и во сне этого не снилось», восклицает в восхищении тот, для кого действительность превзошла все ожидания.

IV. ИСКАЖАЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СНОВИДЕНИЯ

Если я вздумаю утверждать, что осуществление желаний является смыслом *каждого* сновидения, т.е. что нет других сновидений, кроме как «сновидений о желаниях», то я заранее предвижу самые решительные возражения. Прежде всего мне скажут: «То, что есть сновидения, в которых содержатся осуществления желаний, — это не ново, об этом писали уже многие авторы. (Ср. *Радешток*, с. 137 — 138, *Фолькельт*, с. 110 — 111, *Пуркинье*, с. 456, *Тиссье*, с. 70, М. *Симон*, с. 42 о голодных сновидениях заключенного барона *Тренка* и одно место у *Гризингера*[41], с. 111)*. То, однако, что нет других сновидений, кроме как означающих осуществление желаний — это снова одно из тех неправильных обобщений, которое, к счастью, легко может быть опровергнуто. Очень часто встречаются сновидения с самым неприятным содержанием, весьма далекие от какого бы то ни было осуществления желаний». Философ-пессимист *Эд. ф. Гартманн*[42] категорически восстает против теории осуществления желаний. В своей «Философии бессознательного» (II ч., стереотипное изд. с. 344) он говорит:

«Что касается сновидения, то вместе с ним переносятся в состояние сна все элементы бодрственной жизни. Не переносится лишь одно до некоторой степени примиряющее культурного человека с жизнью: научный интерес и эстетическое наслаждение...» Но и менее недовольные наблюдатели заметили, что сновидение чаще изображает недовольство, чем удовлетворение, как на-

* Уже нео-платоник *Плотин* сказал: «Когда пробуждается желание, тогда приходит фантазия и преподносит нам как бы объект этого желания» (*Дю Прель*, с. 276).

пример, *Гольц* (с. 33), *Фолькельт* (с. 80) и др. Даже женщины, Сара *Уид* и *Флоранс Галлам*, дали цифровое выражение преобладанию в сновидениях чувства недовольства. 58 % сновидений они называют неприятными и лишь 28,6 % — приятными. Помимо сновидений, воспроизводящих продолжение разных неприятных ощущений бодрственной жизни, есть сновидения страха, в которых нас преисполняет это самое тяжелое из всех неприятных ощущений; таким сновидениям страха особенно подвержены дети (ср. у *Дебакера* Über den Pavor nocturnus), у которых мы утверждаем преобладающую наличность сновидений о желаниях.

Сновидения о страхе как будто действительно исключают возможность обобщения того заключения, которое мы вывели из примера предыдущей главы, что сновидение является осуществлением желания; утверждение это кажется чуть ли не абсурдом.

Тем не менее не так уж трудно опровергнуть эти мнимо справедливые возражения. Необходимо принять лишь во внимание, что наше учение покоится не на рассмотрении явного содержания сновидений, а касается того внутреннего содержания, которое познается лишь после толкования. Составим *явное и скрытое содержание сновидения.* Не подлежит никакому сомнению, что есть сновидения, явное содержание которых носит самый неприятный характер. Но попытался ли кто-нибудь истолковать эти сновидения, раскрыть их скрытое внутреннее содержание? Если нет, то оба вышеупомянутых возражения сами собою отпадают. Ввиду этого мы можем предположить, что и неприятные сновидения, и сновидения о страхе после толкования их окажутся осуществлениями желаний*.

* Положительно невероятно, с каким упорством читатели и критики не хотят принять этого во внимание и пренебрегают существенным различием явного и скрытого содержания сновидений. Ярким исключением из общего правила является одно место в статье *Дж. Селли* «Сны как откровения», ценность которой не должна быть умалена от того, что я лишь здесь ссылаюсь на нее: «После всего можно понять, что сны это не полная бессмыслица, каковой они должны были бы быть согласно таким авторитетам, как Чосер, Шекспир и Мильтон. Хаотическое нагромождение ночных грез обозначает и объединяется в новое знание. Как некоторые письма, изорванные в клочья, «писания снов», будучи тщательно исследованы, утрачивают первоначальную картину галиматьи и предстают серьезной и осмысленной вестью. Это напоминает изучение древнего пергамента, палимпсеста, при расчистке которого открывается «нижний слой» под никчемным внешним текстом, и мы открываем древнее драгоценное сообщение» (с. 364).

В научной работе очень целесообразно в тех случаях, когда разрешение какой-либо проблемы представляет чрезвычайные трудности, привлечь к разрешению еще и другую проблему, подобно тому, как легче расколоть два ореха сразу. Ввиду этого перед нами стоит не только вопрос, каким образом неприятные сновидения и сновидения о страхе могут быть осуществлениями желаний, но на основании наших предыдущих соображений мы можем задаться еще и другим вопросом: почему сновидения с самым индифферентным содержанием, оказывающиеся после толкования осуществлениями желаний, не обнаруживают с очевидностью этого своего смысла. Возьмем столь детально анализированное нами сновидение об Ирме. Оно отнюдь не носит неприятного характера и после толкования оказывается чрезвычайно ясным осуществлением желания. Для чего же вообще нужно толкование? Почему сновидение не говорит прямо того, что оно означает? Сновидение об Ирме также не показывает сразу, что оно изображает осуществление желания спящего. Впечатления этого не получает читатель, не получил и я сам до тех пор, пока не произвел анализа. Если мы назовем это странное обращение сновидения с его материалом *искажением в сновидении*, то тем самым мы зададимся вопросом: откуда проистекает такое искажение в сновидении?

На этот вопрос можно ответить самым различным образом, например, можно сказать, что во время сна человек не в состоянии дать соответствующего выражения своим мыслям. Но анализ некоторых сновидений заставляет нас дать искажению в сновидении другое объяснение. Я постараюсь показать это на толковании второго сновидения, которое хотя опять-таки требует большой

откровенности с моей стороны, но вознаграждает за эту жертву чрезвычайно рельефным разъяснением проблемы.

Предварительное сообщение. Весною 1897 года два профессора нашего университета внесли предложение о назначении меня экстраординарным профессором. Известие это было неожиданно и обрадовало меня, как выражение дружеского отношения со стороны двух выдающихся ученых. Я подумал тотчас же, однако, что не имею никакого основания связывать с этим каких-либо надежд. Министерство народного просвещения в последние годы не удовлетворило целый ряд таких ходатайств, и несколько моих старших коллег, совершенно равных мне по заслугам, уже много лет тщетно ожидают назначения. У меня не было никаких причин думать, что меня ждет лучшая участь. Я решил, таким образом, ни на что не надеяться. Насколько я сам могу судить, я не честолюбив и успешно занимаюсь своей врачебной деятельностью, не обладая громким титулом. Впрочем, речь шла вовсе не о том, нравился или не нравился мне виноград, все равно он висел слишком высоко.

Однажды вечером меня навестил один мой коллега, один из тех, участь которого заставила меня отказаться от надежд на назначение профессором. Он уже долгое время состоит кандидатом в профессора, титул которого, как известно, превращает врача в нашем обществе в полубога; он менее скромен, чем я, и время от времени наведывается в министерство, стараясь ускорить свое назначение. После одного из таких посещений он и явился ко мне. Он сообщил, что на этот раз ему удалось припереть к стене очень высокопоставленное лицо и предложить ему вопрос, правда ли, что его назначению препятствуют исключительно вероисповедные соображения.

Ответ гласил, что конечно — при теперешнем настроении — его превосходительство — в данное время не может и т. д. «Теперь я, по крайней мере, знаю в чем дело», — закончил мой друг свой рассказ. В последнем для меня не было ничего нового, и он только укрепил мое убеждение. Те же самые вероисповедные соображения стояли на дороге и у меня.

Под утро после этого посещения я увидел следующее сновидение, чрезвычайно интересное также и по своей форме; оно состояло из двух мыслей и двух образов, так что одна мысль и один образ меняли друг друга. Я привожу здесь, однако, лишь первую половину его, так как другая не имеет ничего общего с той целью, ради которой я сообщаю здесь это сновидение.

I. Коллега Р. — мой дядя. Я питаю к нему нежные чувства.

II. Он очень изменился. Лицо его вытянулось; мне бросается в глаза большая рыжая борода.

Затем следуют две другие части, опять мысль и опять картина, которые я опускаю.

Толкование этого сновидения я совершил следующим образом.

Когда, проснувшись, я вспомнил о сновидении, я только рассмеялся и подумал: «Какая бессмыслица!» Но от сновидения я не мог отделаться, и оно весь день преследовало меня, пока наконец вечером я себя на упрекнул: «Если бы кто-нибудь из твоих пациентов сказал про сновидение: «Какая бессмыслица», то ты, наверное, рассердился бы на него или подумал, что позади скрывается какая-нибудь неприятная мысль, сознавать которую он не хочет. Ты поступаешь совершенно так же; твое мнение, будто сновидение бессмыслица, означает лишь твое внутреннее нежелание истолковывать его. Это непоследовательно с точки зрения твоих убеждений».

Я принялся за толкование.

«Р. — мой дядя». Что это может означать? У меня ведь всего один только дядя — дядя Иосиф*. С ним произошла чрезвычайно печальная история. Однажды — теперь тому уже больше тридцати лет — он, поддавшись искушению нажить крупную сумму, совершил по-

* Удивительно, как здесь моя память — в бодрственном состоянии — ограничивает самое себя в целях анализа. Я знал пятерых своих дядей и одного из них любил и уважал. В тот момент, однако, когда я преодолел нежелание истолковать свое сновидение, я сказал себе: ведь у меня был всего лишь один дядя, тот, которого я видел в сновидении.

ступок, тяжело караемый законом, и после этого понес заслуженную кару. Отец мой, поседевший в то время в несколько дней от горя, говорил потом очень часто, что дядя Иосиф не дурной человек, а просто «дурак», как он выражается. Если, таким образом, коллега Р. — мой дядя Иосиф, то тем самым я хочу, наверное, сказать: Р. — дурак. Маловероятно и очень неприятно. Но тут я вспоминаю лицо, виденное мною во сне, вытянутое, с рыжей бородой. У дяди моего действительно такое лицо, вытянутое, обрамленное густой белокурой бородой. Мой коллега Р. был темным брюнетом, но когда брюнеты начинают седеть, то им приходится поплатиться за красоту своей юности. Их черные волосы претерпевают довольно некрасивую метаморфозу: они становятся сперва рыжими, желтовато-коричневыми и наконец седыми. В этой стадии находится и борода моего коллеги Р.; впрочем, также и моя, что я недавно заметил, к своему неудовольствию. Лицо, виденное во сне, принадлежит одновременно и коллеге Р., и моему дяде. Оно, подобно смешанной фотографии *Гальтона*, который приказал сфотографировать несколько лиц на одной и той же пластинке для того, чтобы установить семейные сходства. Не подлежит поэтому никакому сомнению: я действительно думаю, что мой коллега Р. — дурак, как и мой дядя.

Я не предполагаю еще, с какой целью я произвел это сопоставление, против которого решительно восстаю. Оно, однако, довольно поверхностно, так как мой дядя был преступником, коллега же Р. никогда не имел касательства к суду. Он привлекался к ответственности однажды за то, что велосипедом сбил с ног какого-то мальчика. Неужели же этот поступок послужил причиной сопоставления? Но ведь это значило бы, что сновидение мое действительно было бессмыслицей. Неожиданно мне приходит в голову другой разговор на эту же тему, который я вел несколько дней назад с другим моим коллегой Н. Я встретил Н. на улице; он — тоже кандидат в профессора; он узнал о сделанном мне предложении и поздравил меня. Я отклонил это поздравление. «Именно нам не следовало бы шутить, ведь

вы же сами знаете цену таких предложений». Он ответил, по-видимому, не очень серьезно: «Нельзя знать. Против меня ведь имеется серьезное возражение. Разве вы не знаете, что одна особа когда-то возбудила против меня судебное преследование. Мне нечего вам говорить, что дело не дошло даже до разбирательства: это было самое низкое вымогательство, мне пришлось потом выгораживать обвинительницу от привлечения к суду за недобросовестное обвинение. Но, быть может, в министерстве знают об этом и считаются с этим до некоторой степени. Вы же никогда ни в чем не были замешаны». Вот передо мною и преступник, а вместе с тем и толкование моего сновидения. Мой дядя Иосиф совмещает в своем лице двух не назначенных профессорами коллег, одного в качестве «дурака», другого в качестве «преступника». Я понимаю теперь также и то, какую цель имело это совмещение. Если в отсрочке назначения моих коллег Р. и Н. играли роль «вероисповедные» соображения, то и мое назначение подвержено большому сомнению; если же неутверждение обоих обусловлено другими причинами, не имеющими ко мне никакого отношения, то я все же могу надеяться. Мое сновидение превращает одного из них, Р., в дурака, другого, Н., в преступника; я же ни тот, ни другой; общность наших интересов нарушена, я могу радоваться своему близкому утверждению, меня не касается ответ, полученный коллегой Р. от высокопоставленного лица.

Я должен остановиться на толковании этого сновидения. Оно недостаточно еще исчерпано для моего чувства, я все еще обеспокоен тем легкомыслием, с которым я отношусь к двум своим уважаемым коллегам, имея лишь в виду открыть себе путь к профессуре. Мое недовольство собственным поведением понизилось, однако, с тех пор как я понял, что означает это мое поведение. Я категорически отрицаю, что действительно считаю коллегу Р. дураком, и не верю в грязную подкладку обвинения, предъявленного к коллеге Н. Я не верил ведь в то, что Ирма опасно заболела благодаря инъекции препаратом пропила, сделанной ей Отто;

здесь, как и там, мое сновидение выражает лишь мое *желание, чтобы дело действительно обстояло таким образом.* Утверждение, в котором реализуется мое желание, звучит во втором сновидении абсурднее, нежели в первом; здесь оно вылилось в форму более искусного использования физических исходных пунктов — в моих мнениях о коллегах была частица правды — против коллеги Р. в свое время высказался один выдающийся специалист, а коллега Н. сам дал мне материал относительно своего обвинения. Тем не менее повторяю, сновидение нуждается, на мой взгляд, в дальнейшем толковании.

Я вспоминаю, что сновидение содержит еще один элемент, на который толкование до сих пор не обращало внимания. В сновидении я питал нежные чувства к своему дяде. К кому относится это чувство? К своему дяде Иосифу я, конечно, нежных чувств никогда не питал. Коллега Р. мне очень дорог, но если бы я пришел к нему и выразил словами свою симпатию, которая бы приблизительно соответствовала нежному чувству в сновидении, то он, наверное, очень бы удивился. Моя нежность по отношению к нему кажется мне неискренней и преувеличенной, все равно как мое суждение относительно его умственых способностей: но преувеличенной, конечно, в обратном смысле. Я начинаю понимать суть дела. Нежные чувства в сновидении относятся не к явному содержанию, а к мыслям, скрытым позади сновидения; они находятся в противоречии с этим содержанием; они имеют, вероятно, целью скрыть от меня истинный смысл сновидения. Я припоминаю, с каким сопротивлением приступил к толкованию этого сновидения, как я старался его откладывать и думал, что мое сновидение — чистейшая бессмыслица. Мои психоаналитические занятия нередко показывали мне, какое значение имеет такое нежелание истолковать сновидение. Оно в огромном большинстве случаев не относится к действительному положению дела, а лишь выражает известное чувство. Когда моя маленькая дочурка не хочет яблока, которым ее угощают, то она утверждает, что яблоко горькое, хотя

на самом деле она даже его и не пробовала. Когда мои пациентки ведут себя совсем как моя дочурка, то я знаю, что у них идет речь о представлении, которое им хотелось бы *вытеснить.* То же самое следует сказать о моем сновидении. Я не хотел его толковать, потому что толкование его содержало нечто для меня неприятное. Теперь же после этого толкования я знаю, что именно мне было так неприятно: утверждение, будто коллега Р. «дурак». Нежные чувства, которые я питаю к коллеге Р., я не могу отнести к явному содержанию сновидения, а только к этому моему нежеланию. Если мое сновидение по сравнению с его скрытым содержанием производит в этом отношении искажение, то проявляющееся в сновидении нежное чувство служит именно этому искажению, или, другими словами, — *искажение* проявляется здесь умышленно, как средство *замаскирования.* Мои мысли, скрытые в сновидении, содержат своего рода клевету на Р.; чтобы я не заметил этого, сновидение изображает прямую противоположность — нежные чувства к нему.

Это, безусловно, может быть общим правилом. Как показали примеры в главе III, есть много сновидений, представляющих собою явное осуществление желания. Там, где это осуществление скрыто, замаскировано, там должна быть на лицо тенденция, противоположная желанию, и вследствие этой тенденции желание могло проявиться исключительно в искаженном виде. Мне хочется сопоставить это явление с явлениями в жизни социальной. Где в социальной жизни можно найти аналогичное искажение психического акта? Лишь там, где имеется двое людей, из которых один обладает известной силой, другой же принужден считаться с последней. Это второе лицо искажает тогда свою психическую деятельность, или, как мы бы сказали в обыденной жизни, «притворяется», наша вежливость отчасти не что иное, как результат этого «притворства»; истолковывая для читателя свои сновидения, я сам бываю вынужден производить такие искажения. На необходимость такого искажения жалуется также и поэт:

«Das Beste, was du wiseen kannst, darfst du den Bu-

den doch nicht saqen». («Все лучшее, что мы знаем, ты тем не менее не смеешь сказать людям».)

В аналогичном положении находится и политический писатель, желающий говорить в лицо сильным мира сего горькие истины. Если он их высказывает, то властьимущий подавит его мнение: если речь идет об устном выступлении, то возмездие последует после него, если же речь идет о печатном выступлении, то мнение политического писателя будет подавлено предварительно. Писателю приходится бояться *цензуры*, он умеряет и искажает поэтому выражение своего мнения. Смотря по силе и чувствительности этой цензуры он бывает вынужден либо сохранять лишь известные формы нападок, либо же выражаться намеками, либо же, наконец, скрывать свои нападки под какой-либо невинной маской. Он может, например, рассказать о столкновении между двумя мандаринами в Срединной Империи, но на самом деле иметь в виду отечественных чиновников. Чем строже цензура, тем менее прозрачна эта маска, тем остроумнее средства, которые приводят все же читателя на след истинного значения слова*.

* *Д-р Г. ф. Гуг-Гелльмут* сообщила в 1915 году сновидение (Intern. Zeitschr. f. ärztl. Psychoanalyse III), которое пригодно, как, может быть, никакое другое сновидение для того, чтобы оправдать мой термин «искажение». Искажение в сновидении прибегает в этом примере к тем же приемам, что и цензура писем, вычеркивающая те места, которые кажутся ей неподходящими. Цензура писем зачеркивает эти места настолько, что их невозможно прочесть, цензура сновидения заменяет их непонятным бормотаньем.

Для понимания сновидения следует сообщить, что сновидящая — уважаемая, высокообразованная женщина, 50-ти лет, вдова штаб-офицера, умершего приблизительно 12 лет тому назад, мать взрослых сыновей, один из которых к моменту этого сновидения был в походе.

Теперь я привожу это сновидение о *«любовном услужении»*. Она идет в гарнизонный госпиталь № 1 и говорит привратнику, что она должна видеть главного врача... (она называет при этом неизвестную фамилию), так как она хочет поступить в услужение в госпиталь. При этом она настолько подчеркивает слово «услужение», что унтер-офицер тотчас замечает, что речь идет о «любовном» услужении. Ввиду того что она пожилая женщина, он после некоторого промедления пропускает ее в госпиталь.

Поразительное совпадение феноменов цензуры и феноменов искажения в сновидении дает нам право предполагать для тех и других одни и те же условия. Мы имеем основание, таким образом, предполагать, что в сновидении играют наиболее видную роль две психические силы (течения, системы), из которых одна образует желания, проявляющиеся в сновидении, другая же выполняет функции цензуры и, благодаря этой

Но вместо того чтобы пойти к главному врачу, она попадает в большую темную комнату, в которой за длинным столом стоит и сидит много офицеров и военных врачей. Она обращается со своим ходатайством к одному штабному врачу, который понимает ее с первых слов. Текст ее речи в сновидении таков: «Я и многие другие женщины и молодые девушки-венки готовы солдат и офицеров без различия...» Здесь в сновидении следует бормотанье. Но отчасти смущенные, отчасти лукавые мины офицеров свидетельствуют о том, что все присутствующие правильно поняли это бормотанье. Дама продолжает: «Я знаю, что наше решение весьма странно, но оно сделано всерьез. Солдата на войне не спрашивают, хочет ли он умереть или нет». В течение минуты тянется мучительное молчание. Штабной врач кладет ей руку на грудь и говорит: «Милая дама, пользуйтесь случаем, дело действительно дойдет до того...» (бормотанье). Она отталкивает руку врача, думает при этом: «Один как другой», и возражает: «Боже мой, я старая женщина и, может быть, совсем не буду в состоянии. Впрочем, должно быть соблюдено условие: считаться с возрастом, так, чтобы более пожилая женщина и молодой человек не... (бормотанье); это было бы ужасно». Штабной врач: «Я вполне вас понимаю». Некоторые офицеры, среди них один, который домогался ее в молодости, громко смеются, и дама хочет, чтобы ее повели к знакомому ей главному врачу с тем, чтобы вывести все на чистую воду. При этом она, к великому своему смущению, вспоминает, что она не знает его фамилии. Несмотря на все, штабной врач вежливо и почтительно называет ей эту фамилию и указывает ей дорогу на второй этаж через узкую железную винтовую лестницу, которая ведет непосредственно из комнаты на верхние этажи. Подымаясь, она слышит, как один офицер говорит: «Это колоссальное решение: безразлично, молодой или старый, послушайте!»

Она идет по бесконечным ступеням вверх с таким чувством, как будто она просто исполняет свой долг.

Это сновидение повторилось на протяжении двух-трех недель еще два раза и, как замечает дама, в нем были очень незначительные и совершенно бессмысленные изменения[43].

цензуре, способствует искажению этого желания. Спрашивается, однако, в чем же состоит полномочие этой второй силы, проявляющейся в деятельности цензуры. Если мы вспомним о том, что скрытые в сновидении мысли до анализа не сознаются человеком, между тем как проистекающее из них явное содержание сновидения сознательно вспоминается, то отсюда следует предположить, что функция второй инстанции и заключается именно в допущении к сознанию. Из первой системы ничто не может достичь сознания, не пройдя предварительно через вторую инстанцию, а вторая инстанция не пропускает ничего, не осуществив своих прав и не произведя желательных ей изменений в стремящемся к сознанию материале. Мы обнаруживаем при этом совершенно особое понимание «сущности» сознания; осознавание является для нас особым психическим актом, отличным и независимым от процесса воспоминания или представления, и сознание кажется нам органом чувства, воспринимающим содержание, данное ему извне. Можно показать, что психопатология на может обойтись без допущения этих основных предпосылок. Более подробно мы коснемся их ниже.

Принимая во внимание роль обеих психических инстанций и их отношение к сознанию, мы можем подметить аналогию между нежным чувством, проявленным мною в сновидении к моему коллеге Р., получившему столь низкую оценку в дальнейшем толковании, и политической жизнью человека. Я переношусь в общественную жизнь, в которой властелин, чрезвычайно ревностно относящийся к своей власти, борется с живым общественным мнением. Народ восстает против нелюбимого администратора и требует его увольнения; чтобы не показать, что он считается с народной волей, властелин должен дать администратору повышение, к которому в противном случае не было бы ни малейшего повода. Таким образом, моя вторая инстанция, властвующая над входом в сознание, обращается к коллеге Р. с преувеличенно нежным чувством, так как желание первой системы на основании особого интереса, с кото-

рым они именно и связаны, стараются назвать его дураком*.

Здесь может возникнуть мысль, что толкование сновидения способно дать нам разъяснение относительно структуры нашего душевного аппарата, которого мы тщетно ждали от философии[44]. Мы не пойдем, однако, по этому пути, а, выяснив значение искажающей деятельности сновидения, вернемся к нашей исходной проблеме. Мы задались вопросом, каким образом неприятные сновидения могут означать все же лишь осуществление желаний. Мы видим теперь, что это вполне возможно при наличности искажающей деятельности сновидения, если неприятное содержание служит лишь для замаскирования приятного и желательного. Учитывая наше предположение о второй психической инстанции, мы можем теперь утверждать: неприятное сновидение действительно содержит нечто, что неприятно для второй инстанции, но что в то же время осуществляет желание первой инстанции. Такие неприятные сновидения постольку означают осуществление желания, поскольку каждое сновидение исходит из первой инстанции, вторая же действует лишь тормозящим образом. Если мы ограничимся лишь оценкой того, что вносит в сновидение вторая инстанция, то мы никогда не поймем сновидения. Перед нами останутся все те же тайны, которые казались столь неразрешимыми большинству ученых.

---

* Такие лицемерные сновидения не являются редкостью ни у меня, ни у других. В то же время, как я был занят разработкой одной научной проблемы, меня в течение нескольких ночей подряд посещало несколько непонятное сновидение, содержанием которого было мое примирение с одним моим другом, с которым я давно разошелся. Когда это сновидение повторилось раз пять, мне удалось наконец понять его смысл. Он заключается в желании отказаться от последних остатков внимания, уделяемого данному лицу, совершенно освободиться от него. Я сообщил слышанное от одного лица «лицемерное эдиповское сновидение», в котором враждебные побуждения и пожелания смерти в мыслях сновидения заменяются нежностью в явном содержании. («Типичный пример скрытого эдиповского сновидения».) Другой вид лицемерных сновидений будет приведен в другом месте (см. ниже гл. VI «Работа сновидения»).

Что сновидение имеет действительно тайный смысл, означающий всегда осуществление желания, должно быть доказано для каждого отдельного случая при помощи анализа. Я приведу несколько сновидений с неприятным содержанием и постараюсь проанализировать их. Это большей частью сновидения истериков, требующие обстоятельного предварительного сообщения, а иногда и проникновения в психические явления при истерии. Я не могу, однако, избегнуть этого осложнения моего изложения.

Когда психоневротик подвергается моему аналитическому лечению, его сновидения становятся тотчас же, как уже было упомянуто, одной из главнейших тем наших бесед. Мне приходится давать ему при этом различные психологические разъяснения, при помощи которых я сам достигаю понимания его симптомов; в ответ на это я слышу от него почти всегда неумолимую критику — такую, какую мне не приходится встречать и со стороны моих заклятых противников. Пациенты постоянно восстают против того, что все их сновидения содержат в себе осуществление желания. Вот несколько примеров сновидений, сообщенных мне как бы в опровержение моей теории.

«Вы говорите всегда, что сновидение — осуществление желания, — говорит одна остроумная пациентка. — Я вам расскажу сейчас одно сновидение, которое, наоборот, доказывает, что мое желание не осуществилось. Как согласуете вы его со своей теорией? Мне приснилось следующее:

Я хочу устроить для гостей ужин, но у меня в доме нет ничего, кроме копченой лососины. Я собираюсь пойти купить что нибудь, но вспоминаю, что сегодня воскресенье и все магазины закрыты. Я звоню по телефону к знакомому поставщику, но телефон, как на грех, испорчен. Мне приходится отказаться от желания устроить ужин».

Я отвечаю, конечно, что лишь анализ может выяснить действительный смысл сновидения, хотя и признаю, что сновидение это на первый взгляд вполне разумно и связно, и действительно якобы противоречит

теории осуществления желаний. «Из какого же материала проистекает это сновидение? Вы же знаете, что повод к сновидению дается каждый раз переживаниями предыдущего дня».

Анализ: Муж пациентки, добросовестный и староватый оптовый торговец мясом, заявил ей накануне, что он слишком пополнел и хочет поэтому начать лечиться от тучности. Он будет рано вставать, делать моцион, держать строгую диету и прежде всего не будет никогда принимать приглашений на ужины. Смеясь, она рассказывает далее, что ее муж познакомился в ресторане с одним художником, который во что бы то ни стало хотел написать с него портрет, потому что он, по его мнению, еще никогда не видел такой характерной головы. Ее муж, однако, довольно резко ответил, что он покорно благодарит и что он вполне уверен, что часть задницы красивой молодой девушки будет художнику приятнее, чем все его лицо*. Моя пациентка очень влюблена теперь в своего мужа и часто дразнит его. Она просила также его не покупать ей икры. — Что это значит?

Дело в том, что ей уже давно хотелось есть каждое утро бутерброды с икрой. Но она не решается на такой расход. Конечно, муж тотчас же купил бы ей икры, если бы она только сказала ему об этом. Но она, наоборот, просила его икры не покупать, чтобы потом иметь возможность упрекнуть его этим.

(Это объяснение кажется мне довольно избитым. За такими неудовлетворительными сведениями скрываются обычно какие-либо задние мысли. Достаточно вспомнить о пациентах *Беренгейна*: они производили постгипнотические приказания и будучи спрошены о мотивах последних, не отвечали: «Я не знаю, почему я это сделал», а изобретали чрезвычайно неправдоподобные объяснения. Точно так же обстоит дело, по-видимому, в данном случае и с икрой. Я замечаю, что моя пациентка

---

* Dem Maler sitzen — быть натурщиком (натурщицей) Goethe: Und wenn er keinen Hintern hat, wie kann der Edle sitzen? (Как может он, благородный, сидеть, если у него нет задницы?)[45].

принуждена создавать себе в жизни неосуществленное желание. В сновидении же действительно имеет место это неосуществленние желания?! Но для чего нужно ей иметь неосуществленное желание?)

Всего этого недостаточно для толкования сновидения. Я добиваюсь дальнейшего разъяснения. После непродолжительного молчания, вполне соответствующего преодолению нежелания быть откровенной, она сообщает, что вчера посетила одну свою подругу, которую ревнует к мужу: он постоянно говорит ей комплименты. К счастью, подруга эта худощава, а ее мужу нравятся только полные. О чем же говорила эта худощавая подруга? Конечно, о своем желании немного пополнеть. Она спросила, кроме того, подругу: «Когда вы нас пригласите к себе? Вы всегда так хорошо угощаете».

Смысл сновидения ясен. Я могу сказать пациентке: «Это все равно, как если бы вы подумали при ее словах: «Еще бы, конечно, я тебя позову, — чтобы ты у меня наелась, пополнела и еще больше понравилась моему мужу. Уж лучше я не буду устраивать ужина». — И, действительно, сновидение говорит вам, что вы не можете устроить ужина: оно, таким образом, осуществляет ваше желание отнюдь не способствовать округлению форм вашей подруги. Ведь о том, что человек полнеет от угощений в чужом доме, говорил вам ваш муж, который, желая похудеть, решил не принимать приглашений на ужины. Нам недостает только еще одного элемента, который подтвердил бы это толкование. Мы не разъясняли, кроме того, значения копченой лососины». «Почему вам приснилась лососина?» — «Копченая лососина — любимое кушанье этой подруги», — отвечает она. Случайно я тоже знаком с этой дамой и могу подтвердить, что она так же любит лососину, как моя пациентка икру.

Это же сновидение допускает еще одно более тонкое толкование, даже необходимое ввиду одного побочного обстоятельства. Оба эти толкования не противоречат друг другу, а совпадают и дают превосходный пример чрезвычайно распространенной двусмысленности сновидений, как и всех других психопатологических явле-

ний. Мы слышали, что пациентка перед сновидением думала о неосуществленном желании (бутерброды с икрой). Подруга ее тоже высказала желание, а именно: пополнеть; и нас не должно удивлять, если моей пациентке снилось, что желание подруги не осуществилось. Дело в том, что ей хочется, чтобы желание подруги (пополнеть) не нашло себе осуществления. Вместе с тем, однако, ей снится, что ее собственное желание не осуществляется. Сновидение приобретает новое толкование, если она в этом сновидении видит не себя самое, а подругу, если она заступает ее место, или, как следовало бы вернее сказать, *отождествляет себя с нею.*

По моему мнению, она действительно совершила такое отождествление, и в доказательство его это сновидение изобразило неосуществленное желание. Какой же, однако, смысл имеет истерическое отождествление? Разъяснение этого требует некоторого уклонения от нашей темы; отождествление (идентификация) чрезвычайно важный момент для механизма истерических симптомов. Этим путем больные выявляют в своих симптомах не только собственные переживания, но и переживания других лиц: они как бы страдают за других и исполняют единолично все роли большой жизненной пьесы. Мне возразят, что это — общеизвестная истерическая имитация, способность истериков подражать всем симптомам, наблюдаемым ими у других, своего рода сострадание, повышенное до степени репродукции. Однако этим характеризуется лишь путь, по которому протекает психический процесс при истерической имитации; совершенно иной, однако, путь и тот душевный акт, который протекает по этому пути. Последний несколько сложнее, чем обычная имитация истериков; он соответствует бессознательному процессу. Я постараюсь иллюстрировать это примером. Врач, у которого в больнице среди других больных, находящихся в одной палате, имеется больная, страдающая характерными судорогами, не должен удивляться, если он в один прекрасный день узнает, что этот истерический симптом нашел себе подражание. Он попросту подумает: «Другие видели этот симптом и стали ему подражать; это — психическая

зараза». Да, но психическая зараза передается приблизительно следующим образом. Больные знают обычно больше друг про друга, чем врач про каждую из них в отдельности, и очень интересуются болезнями окружающих, когда кончается визитация врача. У одной из пациенток случается припадок; другие тотчас же узнают, что причиной его послужило письмо из дому, воспоминание об испытанном горе и т.п. Они сочувствуют ей, у них появляется следующая мысль, не доходящая, впрочем, до сознания: если такая причина способна вызвать припадок, то такие же припадки могут быть и у меня, потому что у меня налицо те же причины. Если бы эта мысль дошла до сознания, то она, по всей вероятности, вылилась бы в форму страха перед такого рода припадком. Она возникает, однако, в другой психической сфере и заканчивается реализацией данного симптома. Идентификация не есть поэтому простая имитация, а *усвоение* на почве одинакового этиологического *условия*.

Идентификация в истерии наиболее часто употребляется для выражения сексуальной общности. Истеричка идентифицирует себя в симптомах своей болезни наиболее часто — если не исключительно — с лицом, с которым она находится в половой связи или которое находилось в половой связи с тем же лицом, что и она. Практика языка тоже дает выражение такому пониманию: zwei Liebende sind «Eines» (Двое любящих составляют одно целое)*. Для идентификации в истерической фантазии и в сновидении достаточно представления о сексуальных отношениях, которые не должны быть вовсе реальными. Пациентка следует поэтому лишь законам истерического мышления, когда дает выражение своей ревности к подруге (впрочем, она все же признает эту ревность неосновательной), ставит себя в сновидении на ее место и отождествляет себя при помощи создания симптома (неосуществленного желания). Выражаясь точнее, процесс этот совершается следующим образом: она занимает в сновидении место подруги, потому что та занимает ее место подле ее мужа и потому что ей хотелось бы получить в глазах мужа такую же оценку, какую он дает ее подруге*.

* Ср. В русском языке: «Муж да жена — одна сатана». (Я. К.).

В более простой форме и все же согласно той схеме, что неосуществление одного желания означает собою осуществление другого, разрешается протест против моей теории и у другой пациентки, самой остроумной среди всех моих сновидящих. Однажды я объяснил ей, что, на мой взгляд, сновидение представляет собою осуществление желания; на следующий день она сообщила мне, что ей снилось, будто она со своей свекровью поселилась на одной и той же даче. Я между тем знал, что ей не хотелось провести лето со своей свекровью, знал также и то, что она в последнее время счастливо избежала нежелательного ей общества свекрови, сняв себе дачу далеко от обычного места жительства последней. Сновидение же, однако, превратило осуществленное желание в неосуществленное; разве не служит оно ярким опровержением моей теории. Конечно, достаточно было бы сделать только вывод из этого сновидения, чтобы произвести его толкование. Сновидение это доказывало мою неправоту; *таким образом, ее желанием было, чтобы я оказался неправ, и сновидение осуществило именно ее желание.* Желание, чтобы я оказался неправ, касалось, однако, в действительности другого, более серьезного вопроса. Дело в том, что материал, добытый к этому времени анализом, давал право думать, что в ее жизни произошло нечто, послужившее непосредственной причиной ее заболевания. Она отрицала это и не могла вспомнить ничего подобного. Вскоре, однако, мы убедились, что я был прав. Таким образом, ее желание, чтобы я оказался неправым, проявившееся в ее сновидении о совместной жизни со свекровью, соответствовало вполне справедливому желанию, чтобы подозревае-

* Я сожалею о необходимости приводить такие отрывки из психологии истерии: они могут объяснить лишь немногое, поскольку носят отрывочный характер и вырваны из контекста. Эти отрывки выполнят ту цель, ради которой я привел их здесь, если укажут читателю на тесную связь, существующую между сновидением и психоневрозами.

мое мною событие никогда не имело места в действительности.

Без всякого анализа, исключительно при посредстве простого предположения я разъяснил сновидение одного из моих приятелей, вместе со мной окончившего гимназию. Однажды он слушал мою лекцию и узнал из нее, что, на мой взгляд, сновидение представляет собою осуществление желания. После лекции он отправился домой, и ему приснилось, *что он проиграл все свои процессы*, — он был адвокатом. Он явился ко мне и сообщил мне об этом. Я, желая отделаться от него, ответил: «Нельзя же все процессы выигрывать», — про себя, однако, подумал: «если я в течение восьми лет был в гимназии первым учеником, а он одним из средних, то разве не удивительно, что у него с детских лет сохранилось желание, чтобы я когда-нибудь основательно осрамился?»

Другое сновидение более мрачного характера было мне сообщено одной моей пациенткой тоже в виде протеста против моей теории осуществления желаний. Пациентка моя, молодая девушка, рассказала мне следующее сновидение: «Вы, кажется, знаете, что у моей сестры теперь всего один сын Карл; старший Отто умер, когда я еще жила у нее в доме. Отто был моим любимцем, я сама его воспитала. Младшего я тоже очень любила, но во всяком случае далеко не так, как покойного. Сегодня же ночью мне вдруг приснилось, что *Карл умер. Он лежит в маленьком гробу, сложив на груди руки*; *вокруг него горят свечи все равно, как тогда вокруг Отто, смерть которого меня так потрясла*. Скажите же мне, что это значит? Вы ведь меня знаете, разве я уже такая дурная, что могла пожелать смерти единственному ребенку своей сестры? Или же мое сновидение означает, что мне бы хотелось, чтобы лучше умер Карл, чем Отто, которого я гораздо больше любила?»

Я уверил ее, что это последнее толкование исключается. Подумав немного, я дал правильное толкование сновидения, которое она затем подтвердила. Мне это тоже было нетрудно, потому что я знал историю жизни моей пациентки.

Рано осиротев, девушка воспитывалась в доме своей старшей сестры и встретила там человека, который произвел неизгладимое впечатление на ее сердце. Одно время думали, что эти едва намечающиеся отношения закончатся браком, но этому счастливому исходу помешала сестра. Мотивы ее поступка так и остались не выяснены. После разрыва господин, в которого влюбилась моя пациентка, перестал бывать в доме ее сестры. Сама же моя пациентка после смерти маленького Отто, на которого она перенесла тем временем всю свою нежность, ушла от сестры. Ей не удалось, однако, освободиться от зависимости, а которую она попала вследствие своего влечения к другу своей сестры. Гордость запрещала ей встречаться с ним; но она была не в силах полюбить и другого. Когда любимый ею человек, принадлежавший к кругу ученых, читал где-нибудь лекцию, она постоянно присутствовала на ней и вообще старалась видеть его, оставаясь в то же время незамеченной. Я вспомнил, что на днях она мне рассказывала, что профессор бывает на концертах, она тоже собирается пойти туда, чтобы опять увидеть его. Это было как раз накануне сновидения, и концерт должен был состояться как раз в тот день, когда она пришла ко мне. Мне было поэтому легко истолковать ее сновидение, и я задал ей вопрос, не помнит ли она о каком-либо событии, тесно связанном со смертью маленького Отто. Она ответила тотчас же: «Конечно, в тот день к нам в дом пришел профессор, и я после долгого промежутка свиделась с ним у гроба мальчика». — Это как раз соответствовало моему предположению, и я истолковал ее сновидение следующим образом: «Если бы теперь умер второй мальчик, то повторилось бы то же самое. Вы провели бы весь день у сестры; к ней, наверное, пришел бы профессор, чтобы выразить свое соболезнование, и вы бы увидели его совершенно в той же обстановке, что и тогда. Сновидение означает не что иное, как ваше желание снова увидеться с ним, желание, с которым вы внутренне боретесь. Я знаю, что у вас в кармане билет на сегодняшний концерт. Ваше сновидение выражает ваше нетерпение, оно предвосхитило ваше свидание с этим

человеком, которое должно произойти сегодня вечером».

Для сокрытия своего желания, она, очевидно, избрала ситуацию, в которой такие желания наиболее легко подавляются: ситуацию, в которой человек настолько преисполнен скорби, что забывает даже о любви. Тем не менее, возможно, что и в реальной ситуации, которую правильно воспроизвело сновидение, — у гроба первого любимого ею мальчика она не сумела подавить нежного чувства к профессору, которого так давно не видала.

Иное толкование я дал аналогичному сновидению другой пациентки, выделявшейся прежде своей находчивостью, остроумием и жизнерадостностью и обнаружившей теперь все эти качества во время лечения. Этой даме приснилось, что ее единственная 15 летняя дочь умерла и лежит перед ней в большой коробке. Она, по примеру других, воспользовалась этим сновидением для опровержения моей теории осуществления желаний, хотя и предчувствовала, что наличность коробки, наверное, укажет ей путь к другому толкованию сновидения*. При анализе ей пришло в голову, что она накануне вечером была в обществе; там между прочим зашла речь об английском слова «box», которое имеет столь различные значения: коробка, ящик, жестянка, пощечина и т. д. На основания других элементов того же сновидения можно было констатировать, что она думала о созвучии английского слова «box» с немецким «Büchse» (жестянка) и что затем ей пришло в голову, что «Büchse» служит для вульгарного наименования женских половых органов. Относясь снисходительно к ее познаниям в топографической анатомии, можно было предположить поэтому, что ребенок в «коробке» означает плод в материнском чреве. Согласившись с этим, она не стала отрицать, что сновидение действительно соответствует одному из ее желаний. Как многие молодые женщины, она не особенно обрадовалась беременности и не раз признавалась себе в желании, чтобы ребенок родился мертвым. Однажды после ссоры с мужем она в припадке

* Подобно тому, как в сновидении о неудавшемся ужине копченая лососина.

бешенства стала колотить кулаками по животу, чтобы убить ребенка. Мертвый ребенок был действительно осуществлением ее желания, но желания, устраненного не менее пятнадцати лет назад. Неудивительно поэтому, что осуществление такого желания не сразу бросилось в глаза. За это время многое изменилось.

Группа сновидений, к которой относятся два последних, имеющих своим содержанием смерть близких людей, заслуживает более подробного рассмотрения. Но я оставлю его до исследования типических сновидений: там на многих других примерах я сумею показать, что, несмотря на нежелательное содержание всех этих сновидений, они оказываются осуществлениями желаний. Не пациенту, а одному моему знакомому, чрезвычайно интеллигентному юристу, я обязан сообщением нижеследующего сновидения, которое было мне рассказано опять-таки с намерением удержать меня от скороспелого обобщения моей теории осуществления желаний. «*Мне снилось*, — сообщил мне мой знакомый, — *что я подхожу к моему дому под руку с одной дамой. Там меня ждет закрытая карета: ко мне подходит какой-то человек и говорит, что он полицейский агент и приглашает меня следовать за ним. Я прошу дать мне время привести в порядок дела*. — Неужели, по-вашему, мне действительно так хочется быть арестованным?» — «Конечно нет», — приходится мне с ним согласиться. — «Быть может, вы знаете, по какому поводу вас хотели арестовать?» — «Да, кажется, за детоубийство». — «За детоубийство? Вы же знаете, что это преступление совершает обычно лишь мать, убивая новорожденного». — «Вы правы»*. — «А при каких обстоятельствах произошло это сновидение? Что вы делали вчера вечером?» — «Мне не хотелось бы вам рассказывать, это довольно щекотливый вопрос». — «Как хотите, мне

* Часто наблюдается, что сновидение рассказывается субъектом не вполне, и лишь во время анализа в памяти всплывают отдельные его элементы. Эти впоследствии вспоминаемые элементы и дают обычно ключ к толкованию сновидения. См. ниже о забывании сновидений.

придется отказаться от толкования вашего сновидения». — «Ну так слушайте, я ночевал не дома, а у одной дамы, с которой живу уже довольно долгое время. Под утро я крепко заснул, и мне приснилось то, что вы уже знаете». — «Это замужняя женщина?» — «Да». — «А вам хотелось бы иметь от нее ребенка?» — «Нет, нет, это бы выдало тотчас же нашу тайну». — «Вы имеете, наверное ненормальный coitus?». — «Да, мы применяем coitus interruptus»[46]. — «Прав ли я буду, если предположу, что в эту ночь вы имели несколько раз такой coitus и заснули, испытывая боязливое чувство, что у вас может родиться ребенок?» — «Пожалуй». — «Тогда ваше сновидение — несомнение осуществление желания, благодаря ему вы успокоились: у вас нет ребенка, или, что почти то же самое, вы этого ребенка убили. Вот вам и посредствующие звенья. Вспомните: несколько дней тому назад мы с вами говорили о том, что предохранительные средства от беременности вполне дозволены, между тем как всякая искусственная мера, предпринятая после того, как яйцо и семя встретились и образовался зародыш, считается преступлением и карается законом. В связи с этим мы вспомнили об одном средневековом споре, когда, в сущности, душа вселяется в зародыш, — от этого зависит самое понятие убийства ребенка. Вы знаете, наверное, стихотворение Ленау[47], который ставит на одну ступень детоубийство и предотвращение беременности». — «О Ленау я почему-то вспомнил сегодня утром». — «Это тоже отголосок вашего сновидения. Теперь же я постараюсь найти в вашем сновидении еще одно побочное осуществление желания... Вы подходите к своему дому под руку с этой дамой. Вы *ее ведете*, таким образом, *к себе*, вместо того, чтобы провести ночь у нее. То, что осуществление желания, образующее центральный пункт вашего сновидения, скрывается в столь неприятной форме, имеет, по-видимому, не одно только основание. Из моей статьи об этиологии невроза страха вы могли бы судить, что coitus interruptus я считаю одной из важнейших причин возникновения невротических страхов. Нет ничего удивительного, если после такого coitus у вас появилось боязливое чувство, которое и составило один из элементов вашего сновидения. Этим чувством вы пользуетесь и для того, чтобы замаскировать осуществление желания. Впрочем, детоубийство ведь этим не объясняется. Как вам пришло в голову это специфически женское преступление?» — «Должен признаться вам, что несколько лет тому назад я был причастен к аналогичному делу, был виновником того, что одна девушка произвела вытравление плода, опасаясь последствий связи со мной. Я, конечно, в сущности, не причастен к ее поступку, но долгое время находился во вполне понятном страхе, что дело выйдет наружу». — «Вполне понятно, это воспоминание служит второй причиной того, почему мысль о неудачном coitus interruptus вселила в вас столь неприятное чувство».

Один молодой врач, который слышал это сновидение на моей лекции, должно быть, очень заинтересовался им, так как ему в ту же ночь приснилось другое, аналогичное сновидение, имевшее, однако, своим объектом совершенно другую область. Накануне он подал в магистрат сведения о своих доходах; они были вполне правдивы, так как он действительно зарабатывал немного. Ему приснилось, однако, что к нему приходит знакомый, бывший на заседании податной комиссии, и рассказывает, что все сведения были признаны правильными и лишь его сведения возбудили общее недоверие. Он будто присужден к довольно значительному штрафу. Сновидение это представляет собою плохо скрытое осуществление желания прослыть за врача с большой доходной практикой. Оно напоминает, впрочем, известную историю об одной молодой девушке, которой отсоветовали выходить замуж, так как ее жених очень вспыльчив и, наверное, в браке будет ее бить. Девушка ответила только: «Пусть он только попробует». Ее желание выйти замуж было настолько сильным, что она примирилась даже с печальной перспективой, связанной с ее браком, и даже как бы желала его.

Окидывая взглядом эти довольно частые сновидения, по-видимому, прямо противоречащие моей теории, — все они имеют своим содержанием неосуществление же-

лания или же наступление нежелательного явления — я вижу, что их можно свести к двум принципам, из которых один не был мною еще упомянут, хотя как в жизни, так и в сновидениях людей он играет видную роль; одною из причин этих сновидений является желание того, чтобы я оказался неправ. Эти сновидения наблюдаются постоянно во время моего лечения, когда пациент, так сказать, противится мне, и я почти всегда могу вызвать искусственно такие сновидения, разъясняя подробно пациенту свою теорию осуществления желаний*.

Нет ничего удивительного, что мои читатели испытывают такие же сновидения: они охотно откажутся в сновидении от какого-либо желания, лишь бы осуществить желание, чтобы я оказался неправ. Приведу еще один пример такого сновидения, наблюдавшегося мною во время лечения одной молодой девушки, которая лечится у меня вопреки желанию ее близких и советам домашних авторитетов; ей приснилось следующее сновидение: *Дома ей запрещают ходить ко мне. Она напоминает мне о данном ей мною обещании лечить ее в крайнем случае бесплатно, и я говорю ей, что в материальных вопросах я не могу никому оказывать снисхождения.*

В этом сновидении действительно трудно проследить осуществление желания, но в таких случаях наряду с одной загадкой можно всегда найти и другую, разрешение которой поможет разрешению первой. Откуда она взяла эти слова, приписываемые мне ею? Я, понятно, не говорил никогда ничего подобного, но один из ее братьев, именно тот, который имеет на нее наибольшее влияние, высказал ей про меня именно такое мнение. Сновидение, таким образом, стремится доказать, что ее брат был прав; считать своего брата справедливым она старается не только во сне. Это — стремление всей ее жизни

* Аналогичные сновидения неоднократно сообщались мне моими слушателями-студентами: они представляют собою несомненную реакцию на их знакомство с моей «теорией осуществления желаний».

и один из мотивов ее болезни. Один врач (Авг. Штерке) видел и истолковал сновидение, которое, на первый взгляд, представляет особые трудности теории исполнения желаний.

«Я вижу у себя на левом указательном пальце первичную сифилитическую язву на последней фаланге».

У нас, пожалуй, появится искушение отказаться от толкования этого сновидения ввиду того, что оно кажется нам связанным и ясным по своему содержанию, которое, конечно, нежелательно. Однако, если не побояться трудностей анализа, то можно узнать, что «первичная язва» («Primäraffekt») тождественна «prima affectio» (первой любви) и что отвратительная язва оказывается, по словам Штерке, «заменой исполнения желаний, связанных с сильным аффектом»*.

Другой мотив таких сновидений, рисующих осуществление нежелательных фактов, настолько очевиден, что его чрезвычайно легко не заметить, как это было и со мной в течение некоторого времени. В сексуальной конституции очень многих людей есть немало мазохистских компонентов, возникающих благодаря превращению агрессивных садистических компонентов в свою противоположность. Таких людей называют «идейными» мазохистами, если они ищут наслаждения не в причиняемых им физических страданиях, а в унижении и душевных мучениях. Без дальнейших пояснений ясно, что эти лица могут испытывать сновидения, имеющие своим содержанием неосуществление желания, но кажущиеся, однако, им не чем иным, как именно осуществлением желаний, удовлетворением их мазохистских наклонностей. Я привожу здесь такое сновидение: молодой человек, мучивший в ранние годы своего старшего брата, к которому он был гомосексуально расположен, видит теперь, после того как у него в корне изменился характер, следующее сновидение, состоящее из трех частей. *I. Его старший брат «надоедает» ему. II. Двое взрослых любезничают друг с другом, преследуя при этом гомосексуальные цели. III. Брат продал*

* Zentralblatt für Psychoanalyse 11, 1911/12.

предприятие, которым он, (*пациент*) *намеревался руководить в будущем.* После последней части сновидения он проснулся с мучительным чувством, и тем не менее это — мазохистское сновидение, содержащее в себе осуществление желания; перевод этого сновидения гласил бы: я получил бы как раз по заслугам, если бы брат наказал меня своей продажей за все те мучения, которые я причинил ему.

Я надеюсь, что предыдущих примеров и разъяснений достаточно, чтобы считать правдоподобным — до следующего возражения, — что и сновидения с неприятным содержанием оказываются все теми же осуществлениями желаний: впрочем, я в дальнейшем вернусь еще к сновидениям, содержанием которых являются переживания, связанные с неудовольствием. Никому не может показаться, кроме того, случайностью, что при толковании этих сновидений мы всякий раз отклонялись к вопросам, о которых не любят говорить и даже не любят думать. Неприятное чувство, побуждаемое такими сновидениями, наверное, попросту идентично с неприятным чувством, которое удерживает нас — в большинстве случаев успешно — от обсуждения этих вопросов и даже от размышления над ними и которое должно быть преодолено каждым из нас, если мы все-таки должны коснуться их. Это повторяющееся таким образом в сновидении неприятное чувство не исключает, однако, наличности желаний; у каждого человека есть желания, которые он не сообщает другим, и желания, в которых он не сознается даже себе самому. С другой стороны, мы имеем полное основание привести в связь неприятный характер всех этих сновидений с фактом искажающей деятельности последних и заключить отсюда, что эти сновидения потому так искажены, и исполнение желания потому так глубоко в них скрыто, что в них заложено недовольство вопросом, трактуемым в сновидениях, и желаниями, изображенными в них. Искажающая деятельность сновидения оказывается в действительности деятельностью цензуры. Мы учтем все, что дал нам анализ неприятных сновидений, если следующим образом изменим нашу формулу, выражающую сущность сновидения: *Сновидение представляет собою* (*скрытое*) *осуществление* (*подавленного, вытесненного*) *желания**.

Забегая вперед, я привожу здесь мнение Отто Ранка, который расширил и несколько видоизменил вышеприведенную основную формулу: «Сновидение всегда изображает, пользуясь вытесненным инфантильно-сексуальным материалом, исполнение актуальных и обычно в то же время эротических желаний в замаскированной и символической форме» («Сновидение, которое само себя толкует»).

Нам остаются еще сновидения страха; они представляют собою особую разновидность сновидений с неприятным содержанием, и наличность в них осуществления желаний должна встретить наибольшее сопротивление со стороны многих противников. Однако сновидения страха разъясняются чрезвычайно легко, они не образуют собою новой стороны проблемы сновидения, которая проявлялась бы в них: идет попросту речь о понимании невротических страхов. Страх, ощущаемый нами в сновидении, лишь мнимо объясняется содержанием последнего. Когда мы подвергаем толкованию это содержание, то замечаем, что страх при какой-либо фобии чрезвычайно мало объясняется представлением, с которым связана эта фобия. Хотя, например, и правильно, что человек может выпасть из окна и поэтому имеет основание быть осторожным, подходя к окну, но совершенно невозможно понять, почему при соответственной фобии страх настолько велик, что мешает больному вообще подходить к окну. Одно и то же объяснение оказывается верным как для фобий, так и для сновидений страха. Страх и тут и там лишь *присоединяется* к сопутствующему представлению и проистекает из совершенно иных источников.

---

* Один великий поэт, живущий в настоящее время, который — как мне сказали — ничего не знает о психоанализе и о толковании сновидений, дошел самостоятельно до почти тождественной формулы о сущности сновидения: «Независящее от нас появление подавленных страстных желаний под фальшивым обликом и названием». C. Spitteler. Meine frühesten Erlebnisse (Süddentsche Monatshefte, Oktober 1913).

Касаясь этой тесной связи страха в сновидении со страхом при неврозах, я при рассмотрении первого должен сослаться на второй. В небольшой статье относительно «невроза страха» (Neurolog. Zentralblatt, 1895) я в свое время говорил, что невротический страх проистекает из сексуальной жизни и соответствует подавленному, неудовлетворенному либидо*. Эта формула с тех пор всегда подтверждалась. Из нее же можно заключить, что сновидения страха суть сновидения с сексуальным содержанием: либидо превращается в них в страх. Ниже мы будем иметь случай подтвердить это положение анализом некоторых сновидений у невротиков. В дальнейших попытках приблизиться к теории сновидения я коснусь еще обсуждения этих сновидений и их отношения к теории осуществления желаний.

* Забегая вперед, я привожу здесь мнение Отто Ранка, который расширил и несколько видоизменил вышеприведенную основную формулу: «Сновидение всегда изображает, пользуясь вытесненным инфантильно сексуальным материалом, исполнение актуальных и обычно в то же время эротических желаний в замаскированной и символической форме» («Сновидение, которое само себя толкует»).

V. МАТЕРИАЛ И ИСТОЧНИКИ СНОВИДЕНИЙ

Когда из анализа сновидения об инъекции Ирме мы увидели, что сновидение представляет собою осуществление желания, мы прежде всего заинтересовались тем, открыли ли мы тем самым общий характер сновидений; мы заставили на время замолкнуть всякий другой научный интерес, который мог проявиться у нас во время этого анализа. Достигнув теперь этой цели, мы можем вернуться обратно и избрать исходный путь для нашего исследования проблемы сновидения, хотя нам для этого и пришлось бы оставить ненадолго в стороне еще не окончательно рассмотренную нами теорию осуществления желаний.

Научившись путем применения нашего метода толкования сновидений раскрывать *скрытый* смысл последних, далеко оставляющий позади по своей важности явное их содержание, мы должны снова подвергнуть рассмотрению отдельные проблемы сновидения, чтобы попытаться установить, не разрешаются ли благодаря этому все те догадки и противоречия, которые казались нам непостижимыми, когда не имели перед собой лишь явное содержание сновидения.

Мнение ученых относительно взаимоотношения сновидения и бодрственной жизни, а также и относительно материала сновидения подробно изложены нами в первой главе. Вспомним те же три главных особенности памяти в сновидении, о которых мы так много говорили, но которые остались для нас непонятными:

1. То, что сновидение отдает предпочтение впечатлениям предыдущих дней (*Роберт, Штрюмпель, Гильдебрандт, а также Уид Галлам*).

2. То, что оно производит подбор на основании других принципов, нежели бодрствущая память, оно вспо-

минает не существенное и важное, а второстепенное и незначительное.

3. То, что в его распоряжении находятся наши ранние воспоминания детства; оно воспроизводит даже детали из этого периода, которые нам кажутся тривиальными и которые в бодрственной жизни, как нам кажется, нами давно уже позабыты*.

Эти особенности в подборе материала сновидения подмечены исследователями, разумеется, в явном его содержании.

а) *Свежее и безразличное в сновидении.* Если теперь относительно происхождения элементов содержания сновидения я привлеку на помощь собственный опыт, то прежде всего должен буду выставить утверждение, что в каждом сновидении можно найти связь с переживаниями *предыдущего дня.* Какое бы сновидение я ни брал — свое собственное или чужое — всякий раз мое мнение находит себе подтверждение. Принимая во внимание это обстоятельство, я могу начинать толкование сновидения с исследования переживаний предыдущего дня, вызвавших это сновидение; для многих случаев это — даже наикратчайший путь. В обоих сновидениях, подвергнутых нами подробному анализу в предыдущей главе (об инъекции Ирме и о моем дяде с рыжей бородой), связь с дневными впечатлениями настолько очевидна, что она не требует дальнейшего пояснения. Чтобы показать, однако, насколько постоянно такое взаимоотношение, я приведу несколько примеров из своих собственных сновидений. Я сообщаю здесь свои сновидения лишь постольку, поскольку это необходимо для раскрытия источников их.

1. Я прихожу в дом, меня с трудом впускают туда и т. д.; на улице меня ждет какая-то женщина.

Источник: Вечером разговор с одной родственницей,

* Ясно, что воззрение *Роберта*, будто сновидения предназначены для разгружения нашей памяти от незначительных впечатлений дня, не может быть названо правильным, если в сновидении всплывают нередко безразличные воспоминания нашего детства, отсюда следовало бы заключить, что сновидения чрезвычайно несовершенно исполняют свою задачу.

которую приходится **ждать**, пока она приобретет то, что ей нужно и т.д.

2. Я написал *монографию* о каком-то растении.

Источник: Утром в окне одного книжного магазина я видел *монографию* о цикламене.

3. Я вижу на улице двух женщин, *мать и дочь*, из которых последняя у меня лечится.

Источник: Одна моя пациентка накануне вечером сообщила мне, что ее мать противится продолжению ее лечения у меня.

4. В книжном магазине С. и Р. я подписываюсь на периодическое издание, стоящее 20 р. в год.

Источник: Моя жена накануне напомнила мне, что я ей должен 20 р. из числа денег на ежемесячные расходы.

5. Я получаю *циркуляр* от социал-демократического комитета, из которого я вижу, что меня считают членом этой партии.

Источник: Я получил циркуляр от либерального избирательного комитета и от президиума гуманитарного союза, членом которого я действительно состою.

6. Я вижу человека на *крутой скале посреди моря.* Ландшафт напоминает мне картину *Беклина.*

Источник: *Дрейфус на Чёртовом острове*, известие, полученное мною в то же время от моих родственников из *Англии* и т.п.

Возникает вопрос: связано ли всегда сновидение с событиями предыдущего дня, или же оно простирается на впечатления более значительного промежутка последнего времени. Вопрос этот не имеет, конечно, особого принципиального значения, но все же мне бы хотелось высказаться за преимущественную роль дня, предшествующего сновидению. Всякий раз, когда мне представляется, будто источником сновидения было впечатление, воспринятое два-три дня назад, я при ближайшем рассмотрении убеждаюсь, что это впечатление снова повторилось накануне и что, таким образом, между днем восприятия его и сновидением имеется его очевидная репродукция, имевшая место в предыдущий день; кроме того, всякий раз мне удается установить новый повод, послуживший причиной воспоминания о более раннем впечатлении. Несмотря на

все мое желание, мне не пришлось констатировать, что между сновызывающим впечатлением и воспроизведением его в сновидении протекает постоянно интервал, имеющий биологическое значение. (Первым интервалом такого рода *Свобода* считает 18 часов)*.

---

* **Г. Свобода**, как я уже упоминал в первой главе, придает большое значение открытым *Флиссом* биологическим интервалам в двадцать три и в двадцать восемь дней в сфере душевной деятельности и утверждает, что эти периоды играют решающую роль относительно наличности в сновидении тех или иных элементов. Толкование сновидений, правда, отнюдь не изменилось бы при правильности такого утверждения, но для происхождения материала сновидений открылся бы новый источник. Я произвел недавно исследование собственных сновидений, желая проверить применимость «теории периодов» к материалу сновидений и избрал для этого особенно отчетливый элемент содержания последних, время появления которых в жизни может быть с точностью констатировано.

I. Сновидение 1/2 октября 1910 года.

Отрывок... Я где-то в Италии. Три моих дочери показывают мне редкости и садятся ко мне на колени. Я рассматриваю редкости и, видя одну из них, говорю: Ведь эту я вам подарил. Я вижу ясно небольшой барельеф и узнаю лицо *Савонаролы*.

Когда я в последний раз видел портрет *Савонаролы*? По данным моей записной книжки, я был 4 и 5 сентября во Флоренции, там мне захотелось показать моему спутнику барельеф с чертами лица фанатичного монаха на Пиацце Синьории на том месте, где он был сожжен. С этого впечатления до воспроизведения его в сновидении прошло 27+1 дней — «женский период», по утверждению *Флисса*; к сожалению, однако, я должен упомянуть, что *накануне самого сновидения* у меня был один коллега (в первый раз после моего возвращения), которого я уже много лет в шутку называю *«рабби Савонарола»*. Он привез ко мне одного больного, искалеченного во время крушения на железной дороге, на той самой, по которой я ехал неделю назад, возвращаясь из Италии. Наличность элемента *«Савонарола»* в сновидении объясняется посещением коллеги и 28-дневный интервал теряет свое преимущественное значение.

II. Сновидение 10/11 октября.

Я занимаюсь химией в университетской лаборатории. Гофрат П. предлагает мне пойти с ним куда-то и идет вперед по коридору, держа перед собой в поднятой руке лампу или еще что-то, у него странная поза, он вытянул вперед шею. Мы проходим по большой площади... (Остальное забыто).

В этом сновидении больше всего бросается в глаза то, каким образом Гофрат П. держит лампу (или лупу) и испытующе смотрит

в пространство. П. я не видел уже много лет, но понимаю, что он лишь замещает собою нечто другое: статую *Архимеда в Сиракузах*, стоящую именно в такой позе с лупой и со взглядом, устремленным на осадное войско римлян. Когда я в первый (или в последний) раз увидел эту статую? Я был в Сиракузах, согласно моим записям, 17 сентября вечером и, таким образом, до сновидения прошло действительно 13+10=23 дня — «мужской период» по *Флиссу*.

К сожалению, толкование этого сновидения умаляет обязательность этой связи. Поводом к сновидению послужило известие, полученное мною накануне, что клиника, в аудитории которой я читаю свои лекции, переводится в другое место. Новое помещение мне очень не нравилось, и я подумал, что это все равно, что не иметь никакой аудитории; отсюда мои мысли устремились, очевидно, к началу моей профессорской деятельности, когда у меня действительно не было аудитории и мои старания раздобыть таковую рушились о нелюбезность достопочтенных гофратов и профессоров. Я отправился тогда к П., который занимал в то время должность декана и которого я считаю к себе расположенным. Он обещал помочь мне, но не сдержал своего обещания. В сновидении же он — Архимед, который дает мне πoῦ στῶ* и ведет меня действительно в другое помещение. Что мыслям, содержащимся в сновидении, не чужда ни месть, ни сознание собственного достоинства, показывает любое толкование. Я должен, однако, сказать, что без этого повода мне едва ли приснился бы в ту ночь Архимед; я не знаю, не проявлялись ли и через другой промежуток времени сильные и еще свежие впечатления о Сиракузской статуе.

III. Сновидение 2/3 октября 1910 года.

(Отрывок)... Мне снится что-то о профессоре *Озере*; он сам составляет меню для меня, что действует на меня успокаивающе... (Остальное забыто).

Сновидение является реакцией на расстройство пищеварения в этот день, заставившее меня подумать, не обратиться ли мне относительно установления диеты к одному из моих коллег. То, что я во сне приписываю эту роль умершему летом *Озеру*, связывается с недавнею (1 октября) смертью другого высокочтимого мною профессора. Когда же, однако, умер *Озер* и когда я узнал об его смерти? По газетным сообщениям он умер 22-го августа; так как я все время был в Голландии, куда мне регулярно посылались венские газеты, то я прочел известие о его смерти лишь 24 или 25 августа. Промежуток этот уже не соответствует никакому периоду, он равняется 7+30+2=39 или даже 40 дням. Я не припомню, чтобы я за все это время говорил или даже думал об *Озере*.

Такие различные по своей продолжительности периоды, не могущие быть использованными без дальнейшей обработки для учения о периодах, встречаются в моих сновидениях несравненно чаще, нежели связь между сновидениями и впечатлениями предыдущего дня.

Точно так же и *Г. Эллис*, уделивший внимание этому вопросу, указывает, что он не мог найти такой периодичности репродукции в своих сновидениях, «несмотря на то, что он учитывал ее». Он рассказывает одно сновидение следующего содержания: он находится в Испании и хочет поехать в: *Дараус*, *Вараус* или *Цараус*. По пробуждении он не мог вспомнить о таком наименовании местности и отложил сновидение в сторону. Несколько месяцев спустя он действительно нашел наименование *Цараус*: это было наименование станции между *Сан-Себастьяном* и *Бильбоа*, мимо которой он проезжал поездом за 250 дней до сновидения (с. 227).

Таким образом, я полагаю, что для каждого сновидения существует возбудитель сновидения, принадлежащий к числу тех переживаний, «с момента возникновения которых не прошло еще ни единой ночи».

Впечатление недавнего прошлого (за исключением дня предшествующего сновидению, не имеют, таким образом, иного отношения к содержанию сновидения, чем другие впечатления из любого далекого периода. Сновидение может избирать материал из всякого периода жизни лишь постольку, поскольку от впечатлений предыдущего дня («свежие» впечатления) может быть протянута мысленная нить этим более ранним.

Чем же объясняется эта преимущественная роль свежих впечатлений? Мы придем к некоторым предположениям по этому поводу, если подвергнем детальному анализу одно из вышеупомянутых сновидений. Возьмем хотя бы сновидение о монографии.

Содержание сновидения: *Я написал монографию об одном растении. Книга лежит передо мною, я рассматриваю содержащиеся в ней таблицы в красках. К книге приложены засушенные экземпляры растений, как в гербарии.*

Анализ: Утром в витрине одного книжного магазина я видел новую книгу с заглавием: «Цикламен». По всей вероятности, это была монография об этом растении.

Цикламен — *любимый цветок* моей жены. Я упрекаю себя, что очень редко *дарю ей цветы*, которые она так любит. При мысли *«дарить цветы»* я вспоминаю об этом эпизоде, рассказанном мною недавно в кругу друзей в виде

доказательства моего утверждения, что забывание очень часто является осуществлением бессознательного намерения и во всяком случае дает возможность предполагать о скрытом намерении забывающего. Одна молодая женщина, которая привыкла, чтобы в день ее рождения муж дарил ей цветы, в этом году не нашла их на столе и расплакалась. Пришел ее муж и не смог понять причины ее слез, пока она ему не сказала: «Сегодня день моего рождения». Он ударяет себя по лбу и восклицает: «Прости, я совершенно забыл», — и хочет пойти купить ей цветы, но она не утешается этим, потому что в забывчивости мужа она видит доказательство того, что в его мыслях она не играет уже такой роли, как прежде. — Эту госпожу П. встретила на днях моя жена, она ей сообщила, что чувствует себя хорошо и осведомилась о моем здоровье. Несколько лет тому назад она у меня лечилась.

Новый поток мыслей: я действительно когда-то написал нечто в роде *монографии* об одном растении — исследование свойств *растения «кока»*, обратившее на себя внимание *К. Киллера*, который заинтересовался анестезирующим свойством кокаина. Я упомянул об этом свойстве алкалоида в своей работе, но не подверг его детальному исследованию. Мне вспоминается, что утром после сновидения (к толкованию его я приступил лишь вечером) я думал о кокаине в своего рода сновидении наяву. Если бы, думал я, у меня сделалась глаукома, я бы отправился в Берлин к своему другу и дал бы себя оперировать, не называя, однако, своего имени врачу, рекомендованному мне моим другом. Врач, который бы не знал, кому он делает операцию, стал, наверное, говорить о том, как легки теперь эти операции благодаря введению кокаина; я не подал бы и виду, что сам причастен к этому открытию. К этой фантазии примыкают мысли о том, как все же неловко врачу обращаться за помощью к своим коллегам. Берлинскому офтальмологу, который меня не знает, я бы, конечно, сумел заплатить. После того как мне пришло в голову это сновидение наяву, я замечаю, что позади него скрывается воспоминание об одном моем переживании. Вскоре после открытия *Киллера* мой отец заболел глаукомой, его друг офтальмолог, д-р *Кенигштейн*,

сделал ему операцию; д-р *Киллер* впрыснул ему кокаин и заметил при этом, что в этой операции принимают участие все лица, которым медицина обязана открытием анестезирующего свойства кокаина.

Мои мысли направляются теперь далее на то, чтобы узнать, когда я в последний раз вспомнил об этой истории с кокаином. Это было несколько дней тому назад, когда мне в руки попался коллективный труд, выпущенный благодарными учениками к юбилею их учителя и заведующего лабораторией. В перечислении заслуг этой лаборатории я нашел, что именно в ней *Киллер* и открыл анестезирующие свойства кокаина. Я понимаю неожиданно, что мое сновидение находится в связи с одним из переживаний предыдущего вечера. Я провожал домой д-ра *Кенигштейна* и завязал с ним разговор по поводу одного вопроса, который живо интересует меня всегда, когда я затрагиваю его; дойдя с ним до его двери, мы встретили проф. *Гертнера** с его молодой женой. Я не мог удержаться, чтобы не высказать комплимента: какой у них обоих *цветущий* вид. Проф. *Гертнер* — один из авторов коллективного труда, о котором я только что упоминал; он, по-видимому, и напомнил мне о нем. Госпожа П., о неприятном разочаровании которой в день ее рождения я сообщал выше, была также упомянута в моем разговоре с д-ром *Кенигштейном*, — правда, по другому поводу.

Я попытаюсь истолковать и другие элементы моего сновидения. К монографии приложены *засушенные экземпляры растений*, точно это *гербарий*. С гербарием у меня связано одно гимназическое воспоминание. Директор нашей гимназии поручил однажды ученикам старших классов просмотреть и почистить гербарий нашего ботанического кабинета. В нем оказались маленькие *черви* — *книжные черви*. Ко мне он не питал, по-видимому, особого доверия, и дал мне поэтому всего лишь несколько страниц. Я сейчас еще помню, что это был как раз отдел крестоцветных. К ботанике я никогда не питал особой любви. На экзамене по этому предмету мне

* Gärtner в переводе значит садовник.

пришлось тоже определять как раз крестоцветные, и я их не узнал. Я, наверно, провалился бы, если бы меня не выручили мои теоретические познания. — От крестоцветных я перехожу к сложноцветным. В сущности, ведь и артишоки — сложноцветные, а артишоки — *мои любимые овощи*. Будучи более благородной, чем я, моя жена часто покупает их мне на базаре.

Я вижу *перед собой* монографию, написанную мною самим. — Это тоже имеет свое основание. Один мой друг написал мне вчера из Берлина: «Твоя книга о сновидениях страшно интересует меня, *я уже вижу ее перед собой, мне кажется, что я даже перелистываю ее*». Как я завидовал этому его ясновидению! Если бы я уже мог видеть эту книгу в готовом виде перед собой!

Сложенные таблицы в красках. Будучи студентом, я постоянно старался изучать медицину не по учебникам, а по отдельным монографиям, у меня в то время, несмотря на мои ограниченные средства, было много медицинских атласов, и я постоянно восторгался *таблицами в красках*. Я гордился своим стремлением к основательному изучению. Когда я затем сам стал писать, мне пришлось самому рисовать таблицы, и я помню, что одна из них вышла настолько плохо, что один мой коллега от души смеялся надо мной. Сюда же присоединяется — я не знаю точно, каким образом, — и еще одно раннее воспоминание детства. Мой отец шутки ради отдал мне и моей старшей сестре книгу с таблицами в *красках* (описание путешествия в Персию) и велел нам ее разорвать. С педагогической точки зрения это едва ли было разумно. Мне в то время было пять лет, а сестре три года, и этот эпизод, когда мы, дети, с радостью распотрошили книгу (я должен сказать, *точно артишоки*, лист за листом), почти единственный, который запечатлелся пластически в моей памяти из этого периода жизни. Когда я затем стал студентом, у меня появилась страсть к собиранию книг (аналогично склонности изучать по монографии это — *увеличение*, проявляющееся уже в мыслях сновидения относительно цикламена и артишоков). Я стал *книжным червем* (ср. *гербарий*). Эту свою первую страсть в жизни с тех

пор, как я себя помню, я всегда сводил к этому детскому впечатлению или, скорее, признавал, что эта детская сцена послужила «прикрывающим воспоминанием» моей последующей библиофилии*. Мне пришлось, конечно, рано убедиться в том, что все эти увлечения имеют и свои неприятные стороны. Мне было 17 лет, я настолько задолжал книгопродавцу, что не мог заплатить, и отец мой не счел даже извинительным то, что я тратил деньги на книги, а не на что-либо другое. Воспоминание об этом юношеском эпизоде приводит меня тотчас же к разговору с моим другом, д-ром *Кенигштейном*. Разговор с ним накануне сновидения касался именно тех же упреков в моих частых *увлечениях*.

По причинам, сюда не относящимся, я не буду продолжать толкование этого сновидения, а лишь намечу тот путь, по которому оно пойдет. Во время толкования я вспомнил о разговоре с д-ром *Кенигштейном* не по одному только поводу. Когда я вспоминаю, о чем мы говорили с ним, смысл сновидения становится мне понятным. Все вышеупомянутые элементы: увлечения моей жены и мои собственные, кокаин, неудобство лечиться у коллег, увлечения монографиями и мое пренебрежительное отношение к некоторым отраслям науки, как, например, к ботанике, — все это получает свое продолжение и объединяется в одно целое. Сновидение получает снова характер оправдания, защищает мое право, как равно и первое сновидение об инъекции Ирме; даже больше, — оно продолжает начатую этим сновидением тему и иллюстрирует ее новым материалом, который был воспринят мною в промежутке между двумя этими сновидениями. Даже, по-видимому, безразличная форма выражения сновидения получает свой смысл: я все же человек, который написал довольно ценное исследование (о кокаине), подобно тому как раньше я привел в свое оправдание следующий довод: я все же способный и прилежный студент; следовательно, я в обоих случаях утверждаю: я умею право позволить себе это. Я могу

* Ср. мою статью «über Deckerinnerungen» Monatschrift für Psychiatrie und Neurologie, 1899.

отказаться здесь от дальнейшего толкования этого сновидения, так как к сообщению его меня побудило лишь желание показать на примере взаимоотношение сновидения и вызвавшего его переживания предыдущего дня. До тех пор как я знал лишь явное содержание этого сновидения, сновидение было связано, по-видимому, лишь с одним впечатлением; после же анализа нашелся и другой его источник в другом переживании того же дня. Первое впечатление, с которым связано сновидение, играет второстепенную роль. Я вижу в витрине книгу, читаю ее заглавие, но содержание ее едва ли интересует меня. Второе же переживание имело высокую психическую ценность. Я почти целый час беседовал с моим другом-офтальмологом, дал ему чрезвычайно важное разъяснение по одному вопросу, в связи с которым в моей памяти всплыло давно забытое воспоминание. Разговор этот был прерван, потому что мы встретили знакомых. В каком же взаимоотношении находятся оба эти впечатления с моим сновидением?

В содержании сновидения я нахожу намек на безразличное впечатление и поэтому могу утверждать, что сновидение преимущественно заключает в свое содержание второстепенные впечатления. В толковании же сновидения все указывает на важные и значительные переживания. Если я определю смысл сновидения по скрытому его содержанию, обнаруженному лишь при помощи анализа, то приду к новому чрезвычайно важному выводу. Разрешается загадка, будто сновидение занимается лишь ничтожными обломками бодрственной жизни; я должен восстать также против утверждения, будто душевная жизнь в бодрственном состоянии не продолжается в сновидении и что сновидение тратит психическую деятельность на ничтожный материал. Я утверждаю наоборот: то, что занимает нас днем, владеет нашим мышлением и в сновидении, и мы видим во сне лишь такие вещи, которые дали нам днем повод к размышлению.

То же обстоятельство, что мне снится безразличное впечатление, между тем как само сновидение вызвано гораздо более значительным и важным переживанием, объясняется, по всей вероятности, тем, что здесь перед нами

снова искажающая деятельность сновидения, которую мы приписали особой психической силе, играющей роль цензуры. Воспоминание о монографии, виденной мной в витрине, имеет лишь то значение, что она играет роль *намека* на разговор с коллегой, — все равно как в сновидении о неудавшемся ужине мысль о подруге замещается представлением о «копченой лососине». Спрашивается только, при помощи каких посредствующих звеньев представление о монографии связуется с разговором с коллегой: их взаимоотношение довольно туманно. В примере о неудавшемся ужине соотношение более ясно; «копченая лососина» как любимое кушанье подруги, относится непосредственно к кругу впечатлений, вызванных личностью подруги у сновидящей. В нашем новом примере речь идет о двух отдаленных впечатлениях, которые имеют между собой лишь то общее, что они восприняты оба в один и тот же день. Ответ, даваемый на это анализом, гласит следующее: это соотношение обоих впечатлений, не существующее вначале, возникает лишь впоследствии между содержанием первого и содержанием второго. Я упоминал об интересующих вас посредствующих звеньях уже при самом изложении анализа. С представлением о монографии, виденной мною утром, я без всякого влияния извне связал бы лишь ту мысль, что цикламен — любимый цветок моей жены, и разве еще воспоминание о разочаровании, постигшем госпожу П. Не думаю, однако, что этих мыслей было бы достаточно для образования сновидения.

«Не стоит призраку вставать из гроба, чтоб это нам поведать»*, — читаем мы в «Гамлете». Но неожиданно в анализе я припоминаю о том, что фамилия человека, нарушившего наш разговор, *Гертнер* и что я заметил *цветущий* вид его жены; сейчас я вспоминаю еще, что мы в разговоре коснулись одной из моих пациенток, носящей красивое имя *Флора*. Не подлежит никакому сомнению, что я при помощи этих посредствующих звеньев, относящихся к ботаническому кругу представлений, связал оба переживания дня, безразличное и значительное. К этому присоединяется и другое взаимоотношение — представление о кокаине, которое, несомненно, связывает мысль о д-ре *Кенигштейне* и о ботанической монографии, написанной мною, и соединяет воедино оба круга представлений, потому что один элемент первого переживания может стать теперь средством намека на второе.

Я готов к тому, что это объяснение будет названо произвольным или даже искусственным. Что было бы, если бы к нам не подошел проф. *Гертнер* со своей *цветущей* супругой и если бы мою пациентку звали не *Флорой*, а Анной? Ответить на это нетрудно. Если бы не было этих посредствующих звеньев, то сновидение избрало бы другие. Такого рода взаимоотношения создать очень легко, как это доказывают шуточные вопросы и загадки, которыми мы часто забавляемся. Сфера остроумия безгранична. Я иду дальше: если бы между обоими впечатлениями дня не было достаточно посредствующих звеньев, то и сновидение вылилось бы в другую форму: другие безразличные впечатления дня, которых всегда бывает целое множество и которые мы всегда забываем, заняли бы в сновидении место «монографии», соединились бы с содержанием разговора и заступили бы его место в сновидении. Так как ни одно другое впечатление не разделило участи «монографии», то она была, по-видимому, наиболее подходящей для сновидения. Не следует удивляться подобно Иванушке-дурачку у *Лессинга* тому, «что большая часть денег на этом свете принадлежит богатым».

Психологический процесс, посредством которого, по нашему мнению, безразличное впечатление связуется с психически ценным и как бы покрывает его, должен казаться нам все же довольно странным и непонятным. Впоследствии мы постараемся разъяснить особенности этой, по-видимому, нелогичной операции. Здесь же нас интересует лишь результат процесса, к допущению которого нас побуждают многочисленные, постоянно повторяющиеся наблюдения и анализы сновидений. Процесс же этот похож на то, будто совершается *смещение*, — мы скажем, психического акцента — при помощи вышеупомянутых звеньев: слабо заряженные вначале интенсивностью представления благодаря заряжению их со стороны первоначально более интенсивных достигают си-

* Перевод М. Лозинского.

лы, которая дает им возможность получить доступ в сознание. Эти передвигания отнюдь не удивляют нас, когда речь идет о смещении аффектов или же вообще о моторных действиях. Нас нисколько не удивляет, например, когда старая дева обращает свое нежное чувство на животных, когда старый холостяк становится страстным коллекционером, когда солдат кровью своею защищает кусок пестрой материи, называемой знаменем, или когда *Отелло* приходит в ярость при виде найденного носового платка, — все это примеры психического смещения. То, что, однако, тем же путем и по тем же законам решается вопрос, что имеет право дойти до нашего сознания и что должно оставаться за его пределами, — это производит на нас впечатление чего-то болезненного: в бодрственной жизни мы назвали бы это ошибкой мышления. Скажем же, что, как мы увидим впоследствии, психический процесс, проявляющийся в смещении, представляет собой хотя и не болезненное явление, но все же отклоняется от нормальной душевной деятельности, будучи процессом более близким к первичному.

Мы истолковываем то обстоятельство, что сновидение содержит в себе остатки второстепенных переживаний, как проявление *искажающей деятельности сновидения* (путем смещения); вспомним, что искажающая деятельность сновидения была приписана нами воздействию психической цензуры. Мы ожидаем при этом, что анализ сновидений должен открывать нам постоянно действительный психически ценный источник последнего, воспоминание о котором передвинуло его значение на более безразличное воспоминание. Это воззрение приводит нас в полное противоречие с теорией *Роберта*. Факт, который хочет объяснить *Роберт*, в действительности не существует, допущение его покоится на недоразумении, на нежелании мнимое содержание сновидения заменить его истинным смыслом. Теории *Роберта* можно возразить еще следующее: если сновидение действительно имеет своей задачей освобождать вашу память при помощи особой психической работы от «отбросов» дневных воспоминаний, то сон должен был быть гораздо мучительнее и мы должны были бы выполнять во время его более утомительную работу, чем та, которой мы занимаемся, в бодрственном состоянии[48]. Количество безразличных воспоминаний дня, от которых мы предохраняем нашу память, зачастую невероятно велико, целой ночи было бы мало, чтобы преодолеть их все. Гораздо более вероятно, что забывание безразличных впечатлений происходит без активного вмешательства душевных сил.

Тем не менее мы не можем все же так легко расстаться с теорией *Роберта*. Мы оставили невыясненным тот факт, что одно из безразличных впечатлений дня — и именно последнего дня — постоянно привходит в содержание сновидения. Взаимоотношение этого впечатления и истинного источника сновидения в бессознательном не всегда налицо с самого начала; как мы уже видели, они проявляются лишь впоследствии во время самого сновидения, словно в целях предстоящего смещения. Таким образом, имеется, по всей вероятности, необходимость устанавливать связь именно в направлении свежего, хотя и безразличного впечатления; последнее должно обладать особою пригодностью для этого благодаря какому-либо своему свойству. Иначе мысли в сновидении легко могли бы переносить свой акцент на какую-либо несущественную составную часть своего собственного круга представлений.

Следующие наблюдения помогут нам найти желаемый путь. Если мы в течение дня испытали два или больше переживаний, способных вызвать сновидение, то последнее объединяет их в одно целое; оно повинуется при этом какой-то *необходимости создать из них одно целое*, например: однажды вечером я сел в купе, в котором встретил двух знакомых, друг друга, однако, не знающих. Один из них был мой влиятельный коллега, другой же — член видной семьи, в которой я состоял домашним врачом. Я познакомил их друг с другом, но разговор все время вращался через мое посредство. Коллегу своего я попросил оказать содействие одному нашему общему знакомому, только что начавшему практиковать. Мой коллега ответил, что хотя он и убежден в знаниях моего юного друга, но при его невзрачной внешности ему будет трудно попасть в хорошие дома. Я возразил: «именно поэтому-то он и нуждается в вашем содействии». У другого своего спутника я осведо-

мился о здоровье его тетки — матери одной из моих пациенток, — которая в то время была тяжело больна. Ночью в том же купе мне приснилось, что мой молодой друг, для которого я просил о содействии, находится в элегантном салоне и посреди избранного общества произносит речь в память (в сновидении уже умершей) старухи — тетки второго моего спутника. (Я признаюсь откровенно, что я был с этой дамой в плохих отношениях.) Сновидение же нашло, таким образом, связь между обоими впечатлениями дня и объединило их в одно целое.

На основании многочисленных подобных же наблюдений я должен выставить положение, что работа сновидения повинуется необходимости соединить в одно целое все источники сновидения*. Мы изучим эту необходимость в следующей главе (о работе сновидения), как часть *сгущения*, являющегося другим первичным психическим процессом.

Сейчас же я хочу подвергнуть рассмотрению вопрос, должен ли сновызывающий источник, к которому нас приводит анализ, всегда быть в связи со сведшими (и значительными) впечатлениями или же наши дневные переживания, иначе говоря, воспоминания о психически ценном явлении могут взять на себя роль возбудителя сновидений. Наши многочисленные анализы разрешают этот вопрос в пользу последнего предположения. Возбудителем сновидения может быть внутренний процесс, который как бы при помощи дневного мышления несколько освежается. Тут как раз уместно сопоставить друг с другом различные условия, раскрывающие перед нами источники сновидений в виде схемы.

Источником сновидения может быть:

а) свежее и психически ценное переживание, непосредственно передаваемое в сновидении**.

---

* Склонность сновидения соединять в одном изложении одновременно все то, что представляет для нас интерес, была уже подмечена многими авторами, напр. *Делажем* (с. 41), *Дельбефом*: rapprochement force (с. 236), см. прекрасные примеры этого у *Э. Гавелок*. (с. 35 и сл.) и у др.

* Сновидение об инъекции Ирме; сновидение о коллеге, который является моим дядей.

б) несколько свежих значительных переживаний, соединенных *сновидением* в одно целое*.

в) одно или несколько свежих значительных переживаний, заступаемых в сновидении одновременным, но зато безразличным переживанием**.

г) внутреннее значительное переживание (впечатление, мысль), которое затем замещается *постоянно* в сновидении свежим, но безразличным сновидением***.

Условием всякого толкования сновидений, как явствует отсюда, является то, что свежее впечатление предыдущего дня всегда повторяется в содержании сновидения. Этот элемент всегда может относиться либо к кругу представлений действительного возбудителя сновидений — он может быть существенной иди несущественной его частью, — либо же он проистекает из области индифферентного впечатления, которое каким-либо образом связано с областью возбудителя сновидения. Мнимая многочисленность условий зависит исключительно от *альтернативы: происходит ли* смещение или не происходит, мы замечаем, что эта альтернатива дает ту же возможность с легкостью разъяснить контрасты сновидения, какую дает медицинским теориям сновидения шкала от частичного вплоть до полного бодрствования мозговых клеток.

Отсюда явствует далее, что психически ценный, но не «свежий» элемент (ход мыслей, воспоминание) может быть в целях образования сновидения заменен свежим, но психологически индифферентным элементом, если только при этом выполнены оба условия: 1. что содержание сновидения связано с только что пережитым и 2. что возбудитель сновидения остается психически ценным переживанием. В одном лишь случае (а) оба условия выполняются одним и тем же впечатлением. Если принять во внимание, что те же безразличные впечатления, которые используются для сновидения, по-

---

* Сновидение о похоронной речи молодого врача.

** Сновидение о ботанической монографии.

*** Таково большинство сновидений моих пациентов во время анализа.

куда они еще «свежи», теряют это свое свойство, как только становятся днем (или в крайнем случае несколькими днями) старше, то отсюда можно заключить, что свежесть впечатления сообщает последнему некоторую психическую ценность для образования сновидений; впоследствии мы покажем, чем обосновывается эта ценность *свежих* впечатлений для образования сновидений*.

Между прочим, наше внимание обращается здесь на то, что ночью незаметно для нашего сознания весь материал воспоминаний и представлений может претерпевать значительные изменения. Частое стремление откладывать решение какого-либо вопроса до утра, выражающееся в пословице «утро вечера мудренее», безусловно, имеет за собою известное значение. Мы замечаем, однако, что сейчас из психологии сновидения мы переходим в психологию сна, что, однако, будет случаться нередко еще и впоследствии**.

Есть одно возражение, которое грозит опровергнуть

* Ср. в главе VII о «перенесении».

** Важные указания относительно роли свежего материала для образования материала дает *О. Пэтцль* в одной чрезвычайно богатой мыслями работе (Experimentell erregte Traumbilder in ihren Beziehungen zum indirekten Seven. Zeitschr. f. die ges. Neurologie und Psychiatrie, XXXVII, 1917). *Пэтцль* предлагал различным испытуемым лицам зарисовать все то, что они сознательно воспринимали из картины в тахистоскопе. Он интересовался затем сновидением испытуемого лица в следующую ночь и предлагал ему точно так же зарисовать по возможности отдельные части этого сновидения. При этом выяснилось с несомненностью, что невоспринятые испытуемым лицом детали выставленной в тахистоскопе картины дали материал для образования сновидения, в то время как сознательно воспринятые и зафиксированные в первом рисунке детали картины не появлялись вновь в явном содержании сновидения. Материал, воспринятый работой сновидения, перерабатывается ею в известном «произвольном», или, правильнее говоря, самодержавном духе с целью приспособления его к снообразующим тенденциям. Вопросы, затронутые исследованием *Пэтцля*, выходят далеко за пределы толкования сновидений в том виде, в каком оно изложено в настоящей книге. Следует вкратце указать еще на то, как резко отличается этот новый способ изучения образования сновидений от прежней грубой техники, которая заключалась в том, что в содержание сновидения привносились раздражения, нарушавшие сон.

наше последнее утверждение. Если индифферентные впечатления могут попасть в содержание сновидения, лишь покуда они свежи, то почему же в сновидении встречаются элементы и из прошлых жизненных периодов, которые во время своей свежести, — выражаясь словами *Штрюмпеля*, — не имели никакой психической ценности и должны были быть давно забыты, иначе говоря, элементы, которые не отличаются ни свежестью, ни какой-либо психической ценностью?

Возражение это может быть полностью опровергнуто, если обратиться к рассмотрению результатов психоанализа у невротиков. Разрешение вопроса заключается в том, что передвигание, замещающее психически ценный материал индифферентным (как для сновидения, так и для мышления), происходит здесь в тот же ранний период и с тех пор запечатлевается в памяти. Эти первоначально индифферентные элементы теперь уже не индифферентны с тех пор, как они, благодаря смещению, приобрели ценность психически важного материала. То, что действительно оказалось индифферентным, не может быть никогда воспроизведено в сновидении.

Из предшествующего изложения можно не без основания заключить, что я выставляю утверждение, будто индифферентных возбудителей сновидения, а вместе с тем и невинных (в смысле ничтожности значения) сновидений не существует. Это действительно мое категорическое утверждение — я исключаю, разумеется, сновидения детей и сновидения, имеющие своими причинами ночные ощущения. То, что снится человеку, либо имеет очевидную психическую ценность, либо же представляется нам в искаженном виде и подлежит поэтому толкованию, которое и раскрывает психическое значение содержания сновидения. Сновидение никогда не занимается пустяками; мы не позволяем, чтобы мелочи тревожили нас во сне*. Мни-

* *Г. Эллис*, самый благосклонный критик «Толкования сновидений», пишет: «Это — пункт, начиная с которого многие из нас не смогут последовать дальше за *Фрейдом*» (с. 169). Однако *Эллис* не предпринял ни единого анализа сновидения и не хочет подумать о том, как неправильно существующее суждение о явном содержании сновидения.

мо невинные сновидения оказываются серьезными после их толкования; у них, если можно так выразиться, имеется «камень за пазухой». Так как это опять-таки пункт, в котором я могу встретить возражение, и так как я вообще считаю нужным иллюстрировать на примере искажающую деятельность сновидения и ее работу, то я подвергну здесь анализу несколько таких «*невинных*» сновидений.

1. Одна очень неглупая интеллигентная молодая дама, относящаяся к типу сдержанных людей, — нечто вроде «тихого омута» — рассказывает: «*Мне снится, что я прихожу на базар слишком поздно и ничего не могу достать ни у мясника, ни у женщины, торгующей овощами.* Конечно, это невинное сновидение, но таким сновидение не бывает. Я предлагаю ей рассказать мне это сновидение более подробно. Тогда она сообщает мне следующее: *Она идет на базар со своей кухаркой, которая несет корзину. Она требует что-то у мясника, который говорит ей: «Этого больше нет», и хочет дать ей что-то другое, замечая: «Это тоже хорошо». Она отклоняет его предложение и идет к женщине, торгующей овощами. Та хочет продать ей странный плод, связанный в пучок, черного цвета. Она говорит: «Я не знаю, что это, я не беру его».*

Связь сновидения с дневными переживаниями довольно проста. Она действительно пошла очень поздно на базар и ничего не могла купить. *Мясная лавка была уже закрыта*: в таком виде напрашивается описание этого переживания. Но разве это не обычный оборот речи, который — или, вернее говоря, противоположность которого — употребляется для указания на неряшливость в одежде мужчины?[49] Впрочем, сновидящая не употребляла этих слов, может быть, она избегала их; поищем толкования в деталях, содержащихся в сновидении.

То, что в сновидении имеет характер разговора, следовательно, то, что человек говорит или слышит, а не только думает (а это можно в большинстве случаев с уверенностью отличить), это проистекает из разговоров в бодрственной жизни, которые обрабатываются как сырой материал, раздробляются, слегка изменяются, но прежде всего вырываются из той связи, в которой они находились*. При толковании можно исходить из таких разговоров. Откуда, следовательно, проистекает разговор мясника: *Этого больше нет*? От меня самого; за несколько дней до этого я объяснил ей, что самых ранних детских переживаний, как таковых *больше нет*, но что они заменяются в анализе «перенесениями» и сновидениями. Следовательно, я — мясник, и она отклоняет эти перенесения старых образов мышления и ощущения на настоящее. — Откуда проистекает разговор в сновидении: *Я не знаю, что это*, я не беру его. Для анализа эту фразу нужно расчленить. «*Я не знаю, что это*», — сказала она сама за день до сновидения своей кухарке, с которой она спорила, и тогда же она прибавила: «*Ведите себя прилично*». Здесь можно заметить передвигание; из двух предложений, которые она сказала своей кухарке, она воспроизвела в сновидении то из них, которое не имеет никакого значения; подавленное же предложение «Ведите себя прилично» согласуется с остальным содержанием сновидения. Так можно было бы сказать каждому, кто заявляет непристойные требования и кто «забывает закрыть свою мясную лавку». Созвучность с намеками, содержащимися в приключении с торговкой овощами, указывает на то, что мы действительно напали на след толкования. Плод, продающийся в пучках (продолговатый, как она дополнительно сообщила), нечто другое: это может быть как спаржа и черная редиска (Rettig), объединенные в сновидении. Элемент «спаржа» (Spargel) настолько ясен, что я не считаю нужным толковать его, но и другой плод — в виде возгласа: Schwarzer, rett'dich!** — указывает, как мне кажется, на ту же самую сексуальную тему, которую мы обнаружили с самого начала, когда мы хотели приложить к рассказу сновидения выражение: мясная лавка

* Ср. о разговорах в сновидении главу о работе сновидения. По-видимому, один только автор распознал происхождение разговоров в сновидении: это — *Дельбеф* (с. 226), который сравнивает их с «clichés».

** «Rettig» — редиска, «rett'dich» — спасайся: отсюда и непереводимая игра слов. Я.К.

закрыта. Речь идет здесь не о том, чтобы полностью понять смысл этого сновидения; мы в достаточной мере установили, что оно остроумно и отнюдь не невинно*.

II. Вот другое невинное сновидение той же пациентки, которое является в некотором отношении противоположностью первому: *Ее муж спрашивает: «Не отдать ли настроить рояль?» — Она отвечает: «Не стоит, все равно его нужно заново исправить»*. Сновидение представляет собою опять-таки происшествие предыдущего дня. Муж действительно спрашивал ее об этом, и она ему приблизительно так же ответила. Но сновидение имеет все же скрытое значение. Она хотя и рассказывает о рояле, что это *отвратительный* ящик, который *дает скверный тон* (рояль этот был у мужа до свадьбы)** и т. д., но ключ к толкованию находится все же не в этом, а в ее словах: «*Не стоит*». Слова ее объясняются ее вчерашним визитом к подруге. Там ее попросили снять жакет, но она отказалась и сказала: «*Не стоит*, мне все равно нужно сейчас уйти». При этом рассказе я вспоминаю, что она вчера во время аналитической работы неожиданно схватилась за жакет, у которого расстегнулась пуговица; этим она как будто хотела сказать: «Пожалуйста, не смотрите, *не стоит*». Таким образом *ящик* (Kasten) превращается в грудную клетку (Brustkasten), и толкование сновидения ведет

* Для интересующихся я сообщаю, что за сновидением скрывается фантазия о непристойном, возбуждающем сексуальность поведении с моей стороны и об отказе со стороны дамы. Тем, кому это толкование кажется неслыханным, я напоминаю о многочисленных случаях, где к врачам предъявлялись подобные обвинения со стороны истеричек, когда те же самые фантазии проявлялись не в искаженном виде и не в виде сновидения, а в сознательном незамаскированном и бредовом виде. — Психоаналитическое лечение пациентки началось с этого сновидения. Я лишь впоследствии понял, что она повторила сновидением первоначальную травму, из которой происходил ее невроз, и с тех пор я находил то же поведение у других лиц, которые в детстве были жертвой сексуальных посягательств и как бы хотели повторения их в сновидении.

** Замена противоположностью, как выяснилось после толкования.

непосредственно к периоду ее физического развития, когда она начала быть недовольной формами своего тела. Это сновидение приводит нас также к прошлому, если мы обратим внимание на элементы «*отвратительный*» и «*плохой тон*» и вспомним о том, как часто маленькие полушария женского тела занимают место больших полушарий — как их противоположность и как замещающий их элемент — в намеке и в сновидении.

III. Я прерываю ряд сновидений этой пациентки и привожу короткое невинное сновидение одного молодого человека. Ему снилось, что *он снова надевает свой зимний сюртук, хотя ему это и кажется странным*. Поводом к этому сновидению якобы послужили неожиданно наступившие морозы. При более подробном рассмотрении сновидения мы замечаем, что обе части его не гармонируют друг с другом. Ибо, что может быть особенно «страшного» в том, что человек зимой надевает теплый сюртук? Невинность сновидения разрушается первой же мыслью, появившейся при анализе, воспоминанием о том, что накануне одна дама откровенно рассказала ему, что ее последний ребенок обязан своим появлением на свет лопнувшему кондому. Он воспроизводит ряд мыслей, возникших у него при этом сообщении: тонкий кондом опасен, толстый же — плох. Кондом же аналогичен сюртуку, его «*натягивают*»; то же говорится и о сюртуке. Происшествие, подобное тому, о каком сообщала эта дама, было для него, холостого, действительно «страшно». — А теперь вернемся опять к нашей пациентке, видящей невинные сновидения.

IV. *Она ставит свечу в подсвечник, свеча, однако, сломана и плохо стоит. Подруги в школе говорят, что она очень неловкая, гувернантка находит, что это вина не ее.*

Реальный повод имеется и здесь, она действительно вставляла вчера в подсвечник свечу, но свеча эта вовсе не была сломана. Здесь перед нами чрезвычайно прозрачная символика. Свеча — предмет, способный раздражать женские половые органы; если она сломана и не держится хорошо, то это означает импотенцию мужа («*это вина не ее*»). Знакомо ли, однако, такое назначение свечи этой хорошо воспитанной, чуждой всему отвратительно-

му, молодой женщине. Случайно она может установить, благодаря какому переживанию она это знает. Катаясь на лодке по Рейну, она встретила другую лодку, в которой сидели студенты и пели вульгарную песню: «Когда шведская королева за закрытой ставней со свечой Аполлона...» Последнего слова она не расслышала или не поняла. Ее муж должен был дать ей требуемое объяснение. Эта песня заменилась в сновидении невинным воспоминанием о поручении, которое она выполнила однажды в пансионе очень *неловко*; дело происходило как раз при *закрытых ставнях*. Связь темы об онанизме с импотенцией достаточно ясна». «Аполлон» в скрытом содержании сновидения связывает это сновидение с прежним сновидением, в котором была речь о девственной Палладе. Ясно, таким образом, что о невинном характере и этого сновидения не может быть и речи.

V. Для того чтобы взаимоотношения сновидений и действительных переживаний спящего не показались чересчур прозрачными, я приведу здесь еще одно сновидение, которое тоже кажется на первый взгляд невинным. *Мне снилось, рассказывает она, что я наложила в сундук столько книг, что не могу закрыть его, и это мне приснилось точно так, как это произошло со мной в действительности.* Здесь пациентка сама обращает внимание на совпадение сновидения с действительностью. Все такие суждения о сновидении, замечая по поводу сновидения, хотя они созданы бодрственным мышлением, относятся тем не менее к открытому содержанию сновидения, как нам покажут и все дальнейшие примеры. Итак, нам говорят, что то, что человеку снилось, действительно произошло с ним днем*. Было бы слишком долго сообщать о том, каким путем мы пришли к ряду свободно возникающих мыслей, в которых на помощь толкованию пришел английский язык. Достаточно сказать, что здесь речь идет опять-таки о маленьком ящике (box) (сравни сновидение о мертвом ребенке в коробке), который так заполнен, что туда больше ничего не входит. По крайней мере, на этот раз в сновидении нет ничего дурного.

---

* См. примечание на с. 22 и сл.

Во всех этих «невинных» сновидениях бросается в глаза сексуальный момент в качестве мотива цензуры. Но это вопрос принципиального значения, который мы, однако, оставим в стороне.

б) *Инфантильное как источник сновидений.* Относительно третьей особенности содержания сновидения мы вместе со всеми другими авторами (вплоть до *Роберта*) высказывали, что в сновидении могут найти себе выражение впечатления ранних периодов жизни, относительно которых память в бодрственном состоянии оказывается бессильной. Насколько часто наблюдается это, сказать, конечно, трудно, так как распознать происхождение этих элементов сновидения по пробуждении не представляется возможным. Доказательство, что речь идет здесь о впечатлениях детства необходимо должно быть приведено объективным путем, для чего лишь в редких случаях бывают налицо необходимые условия. Особенно доказательной представляется рассказанная Мори история одного человека, который однажды решился после 20-летнего отсутствия посетить свою родину. В ночь перед отъездом ему приснилось, что он находится в незнакомом городе и встречает на улице незнакомого господина, с которым и вступает в разговор. Приехав на родину, он убеждается, что эта улица находится неподалеку от дома, где он провел детство, а незнакомый господин из сновидения оказался живущим там другом его умершего отца. Это, по-видимому, чрезвычайно убедительное доказательство того, что и улицу, и этого человека он видел в детстве. В сновидении, впрочем, следует видеть выражение его нетерпения все равно, как в сновидении девушки, в кармане которой находится билет на концерт, или в сновидении ребенка, которому отец обещал отправиться на Гамо и т.п. Мотивы, по которым именно это впечатление детства проявилось в сновидении, могут быть раскрыты, конечно, лишь путем детального анализа.

Один из моих коллег, который хвастался тем, что его сновидения редко подвергаются процессу искажения, сообщил мне, что ему недавно приснилось, *будто управляющий его отца находится в постели его бонны*, жив-

шей у них в доме, пока ему не исполнилось 11 лет. Местность, где произошла эта сцена, пришла ему в голову еще в сновидении. Заинтересовавшись живо этим сновидением, он сообщил его своему старшему брату, который, смеясь, подтвердил ему реальность этого сновидения. Он вспоминает, что ему в то время было шесть лет. Любовники обычно напаивали его, старшего мальчика, пивом, когда обстоятельства складывались благоприятно для того, чтобы они могли провести вместе ночь. С младшим же мальчиком, в то время трехлетним ребенком — нашим сновидцем, — спавшим в комнате бонны, любовники не считались.

Еще в другом случае можно с уверенностью, даже без помощи толкования констатировать, что сновидение содержит в себе элементы детства, — именно в том случае, когда сновидение носит *повторяющийся характер*, когда то, что снилось человеку в детстве, снится ему время от времени и впоследствии. К известным примерам такого рода я могу присоединить еще несколько из сообщенных мне моими пациентами, хотя у себя лично я таких повторяющихся сновидений не помню. Один врач, лет тридцати, сообщил мне, что он с детства и до настоящего времени видит часто во сне желтого льва; о происхождении этого образа он может дать самые точные сведения. Этот знакомый ему из сновидений лев нашелся однажды в действительности и оказался давно заброшенной фарфоровой безделушкой; молодой человек узнал тогда от своей матери, что безделушка эта была в детстве его любимой игрушкой, о чем, однако, сам он совершенно забыл.

Если же от явного содержания сновидения обратиться к мыслям сновидения, предстающим перед нами лишь после анализа, то мы с удивлением констатируем наличность детских переживаний и в таких сновидениях, содержание которых отнюдь не указывает на это. Вышеупомянутому коллеге, которому снился «желтый лев», я обязан сообщением чрезвычайно разительного примера такого сновидения. После чтения книги *Нансена* о путешествии на полюс, ему приснилось, будто в ледяной пустыне он гальванизирует отважного путешественника, стараясь излечить его от ишиаса, которым он страдает. Во

время анализа этого сновидения ему пришел на память один эпизод из его детства, без которого его сновидение осталось бы непонятным. Когда ему было три или четыре года, он однажды с любопытством слушал, как взрослые говорили о полярных экспедициях: он спросил отца, тяжелая ли это болезнь. Он, очевидно, спутал слова «Reisen» (*путешествие*) и «Reißen» (*боль*). Насмешки его братьев и сестер позаботились о том, чтобы этот осрамивший его эпизод не исчез из его памяти.

Совершенно аналогично обстоит дело с моим анализом сновидения о «монографии о цикламене», в котором я натолкнулся на воспоминания об одном эпизоде моего детства, когда отец отдал мне, пятилетнему мальчику, книгу с картинками для того, чтобы я ее уничтожил. Возникает, однако, сомнение, играет ли это воспоминание действительную роль в образовании данного сновидения и не случайно ли проявилось оно при анализе. Однако разнообразие и взаимная связь отдельных элементов ассоциаций говорит в пользу первого предположения: цикламен — любимый цветок — любимое кушанье — артишоки — разрывание лист за листом, как артишоки (этот оборот речи можно было слышать в то время ежедневно применительно к разделу Китая); — гербарий — книжный червь, любимой пищей которого являются книги. Помимо этого я могу удостоверить, что последний смысл сновидения, который я не счел возможным сообщить, стоит в самой тесной связи с содержанием этого детского эпизода.

Анализ других сновидений показывает, что желание, послужившее поводом к образованию сновидения и осуществление которого образует последнее, проистекает из воспоминаний детства, так что субъект, к удивлению своему, замечает, что в *сновидении он якобы продолжает свою жизнь ребенка с его желаниями и импульсами*.

Я продолжу здесь толкование сновидения, из которого мы уже однажды сделали один ценный вывод, именно сновидение: коллега Р. — мой дядя. Толкование его показало нам, что в основе его лежит несомненное желание быть назначенным профессором; нежные чувства, проявленные в сновидении к коллеге Р., мы объяснили моим

протестом против оскорбления обоих коллег, содержавшегося в мыслях сновидения. Так как это снилось мне самому, то я могу продолжить анализ, сказав, что отнюдь не был удовлетворен найденным разъяснением. Я знал, что мое суждение о коллегах, вошедших в содержание сновидения, было действительно совершенно иным; сила желания не разделить их судьбу относительно получения профессорского звания казалась мне чересчур незначительной, чтобы разъяснить всецело противоречие между моим суждением в бодрственном состоянии и в сновидении. Если мое стремление получить этот титул настолько сильно, то оно свидетельствует о болезненном честолюбии, от которого я, насколько мне известно, чрезвычайно далек. Не знаю, что бы сказали по этому поводу мои друзья и знакомые; быть может, я действительно честолюбив; но если бы это было так, то мое честолюбие давно уже обратилось бы на другие объекты, а не на титул и звание экстраординарного профессора.

Откуда же это честолюбие, приписанное мне сновидением? Я вспоминаю, что в детстве мне часто рассказывали, что при моем рождении какая-то старуха-крестьянка предсказала моей матери, что она подарила жизнь великому человеку. Такое предсказание не может никого удивить; на свете так много исполненных ожидания матерей и так много старых крестьянок и других старых женщин, власти которых на земле пришел конец, и поэтому они обратились к будущему. Это дело, конечно, далеко не убыточное для тех, кто занимается пророчествами. Неужели же мое честолюбие проистекает из этого источника? Однако я припоминаю еще одно аналогичное впечатление из времен моего отрочества, которое, пожалуй, даст еще более правдоподобное объяснение. Однажды вечером в одном из ресторанов на Пратере, куда меня часто брали с собой родители (мне было тогда одиннадцать или двенадцать лет), мы увидели человека, ходившего от стола к столу и за небольшой гонорар импровизировавшего довольно удачные стихотворения. Родители послали меня пригласить импровизатора к нашему столу; он оказался благодарным посыльному. Прежде чем его успели попросить о чем-нибудь, он посвятил мне несколько рифм и считал в своем вдохновении вероятным, что я еще стану когда-нибудь «министром». Впечатление от этого второго пророчества я очень живо помню. Это было время как раз гражданского министерства; отец незадолго до этого принес домой портреты новых министров *Гербста*, *Гискра*, *Унгера*, *Бергера* и др., которые мы разукрасили. Среди них были даже евреи, и каждый подававший надежды еврейский мальчик видел перед собою министерский портфель. С впечатлениями того времени связан и тот факт, что я незадолго до поступления в университет хотел поступить на юридический факультет и лишь в последний момент изменил свое решение. Медику министерская карьера вообще недоступна. Обращаюсь снова к своему сновидению. Я начинаю понимать, что оно перенесло меня из печального настоящего в полное надежд время гражданского министерства и исполнило мое тогдашнее желание. Оскорбив обоих своих уважаемых коллег только за то, что они евреи, и назвав одного «дураком», а другого «преступником», я играю своего рода роль министра, я попросту занял в сновидении министерское кресло. Какая месть его превосходительству! Он отказывается в утверждении меня экстраординарным профессором, а я в отместку за это занимаю в сновидении его место.

В другом случае я мог заметить, что желание, возбудившее сновидение, хотя и относилось к настоящему, но все же было значительно подкреплено воспоминанием детства. Речь идет о целом ряде сновидений, вызванных желанием попасть в *Рим*. По всей вероятности, это желание еще долгое время должно будет удовлетворяться одними сновидениями, так как в то время года, когда я имею возможность выезжать, пребывание в Риме для меня вредно в виду опасности его для моего здоровья*. Однажды мне приснилось, что я из окна вагона вижу *Тибр* и *Мост* ангелов. Поезд трогается, и мне приходит в голову, что я ведь в городе не был. Вид, открывшийся

* С тех пор я давным-давно узнал, что для истолкования таких издавна считавшихся недостижимыми желаний нужно лишь немного мужества.

передо мною в сновидении, напоминал известную гравюру, виденную накануне в гостиной моей пациентки. В другой раз какой-то человек ведет меня на гору и показывает мне *Рим*, окутанный туманом: город настолько далек от меня, что я удивляюсь отчетливости раскрывшейся передо мной картины. Сновидение это имело свое продолжение, которое я, однако, лишен возможности здесь привести. В нем, однако, легко можно подметить мотив «лицезрения издали земли обетованной». Город, который я сперва вижу в тумане — это *Любек*. Гора находит свое отображение в *Глейхенберге* (по-немецки Berg — *гора*). В третьем сновидении я очутился, наконец, в Риме, как говорит мне сновидение; к моему большому разочарованию, я вижу, однако, не самый город, а лишь *небольшую речку с темной водой*: *на одном берегу черная скала*, *на другом луга с высокими белыми цветами. Я вижу некоего господина Цукера** (с которым я очень мало знаком) *и решаюсь спросить его о дороге в город*. Ясно, что я тщетно пытаюсь увидеть в сновидении город, которого не видел в бодрственной жизни. Если же я разложу сновидение на отдельные элементы, то белые цветы, виденные мною, указывают на знакомую мне *Равенну*, которая некоторое время боролась за первенство с *Римом*. В болотах, в окрестностях *Равенны* мы нашли в черной воде прекраснейшие морские розы; в сновидении они растут на лугах, подобно нарциссам на нашем *Аусзее*: в *Равенне* было очень трудно достать их из воды. Темная скала на берегу живо напоминала долину *Тепль* близ *Карлсбада*. «Карлсбад» же дает мне возможность, объяснить, почему я спрашиваю о дороге господина Цукера. В материале моего сновидения можно заметить наличность двух забавных еврейских анекдотов, которые содержат в себе глубокую, хотя и печальную житейскую мудрость и которые мы так охотно цитируем в разговоре и в письмах. Один из них представляет собою историю о «конституции»**: один бедный еврей сел без билета в скорый поезд, шедший в Карлсбад; на

* Цукер в переводе означает: сахар. *Я. К.*

** Здесь — в смысле строения тела. *Я. К.*

каждой станции его высаживали и, наконец, на одной, встретив знакомого, который спросил его, куда он едет, он ответил ему: «Если моя *конституция* выдержит, — то в *Карлсбад*». Мне припоминается еще и другой анекдот об одном еврее, не знавшем французского языка и попавшем в *Париж*, где он вынужден был спрашивать, как ему попасть на улицу Ришелье. *Париж* был тоже долгие годы целью моих стремлений, и счастливое чувство, охватившее меня, когда я впервые попал в мировой город, показалось мне ручательством за то, что и остальные мои желания исполнятся. Вопросы о дороге тесно связаны с *Римом*, куда, как известно, ведут все дороги. Кроме того, фамилия *Цукер* (*сахар*) указывает на *Карлсбад*, куда мы посылаем всех больных, страдающих *конституциональной* болезнью — диабетом. Поводом к этому сновидению послужило предложение моего берлинского друга встретиться на Пасху в Праге — нам предстояло с ним выяснить некоторые вопросы, касающиеся *сахара* (Zucker) и диабета.

Четвертое сновидение, виденное мною вскоре после третьего, снова перенесло меня в *Рим*. Я вижу улицу и удивляюсь множеству немецких плакатов, расклеенных там. Накануне я пророчески писал моему другу, что в *Праге* немцы едва ли могут рассчетывать на приятное времяпрепровождение. Сновидение выражает, таким образом, одновременно и желание встретиться с ним в *Риме*, а не в столице Богемии, и, кроме того, желание, относящееся еще к моим студенческим годам, чтобы в Праге относились с большей терпимостью к немецкому языку. Чешский язык знаком мне, правда, немного с детства (до трехлетнего возраста), так как я родился в маленьком местечке Маренс, населенном преимущественно славянами. Одно чешское стихотворение, слышанное мною в юности, настолько запечатлелось в моей памяти, что я еще сегодня могу прочесть его наизусть, хотя не понимаю значения слов. Таким образом, и эти сновидения были тесно связаны с впечатлениями моего раннего детства.

Во время моего последнего итальянского путешествия, когда я между прочим проезжал мимо *Тразименского* озера, я увидел *Тибр*, и, к глубокому своему со-

жалению, должен был повернуть обратно, не доезжая восьмидесяти километров до Рима; я нашел, наконец, подкрепление, которое черпает мое страстное желание увидеть вечный город из внешних впечатлений. Я обдумал план поехать в будущем году в *Неаполь через Рим*, и мне неожиданно пришла на память фраза, которую я прочел, по всей вероятности, у одного из наших классиков: «Большой вопрос, кто усерднее бегал взад и вперед по комнате, решив наконец отправиться в *Рим*, — конректор *Винкельман* или полководец *Ганнибал*». Я шел ведь по стопам *Ганнибала*, мне, как и ему, было не суждено увидеть *Рим*, он также отправился в *Кампанью* в то время, как весь мир ожидал его в *Риме*. *Ганнибал*, с которым у меня есть это сходство, был любимым героем моих гимназических лет; как многие в этом возрасте, я отдавал свои симпатии в пунических войнах не римлянам, а карфагенянам. Когда затем в старшем классе я стал понимать все значение своего происхождения от семитской расы и антисемитские течения среди товарищей заставили меня занять определенную позицию, тогда фигура семитского полководца еще больше выросла в моих глазах. *Ганнибал* и *Рим* символизировали для юноши противоречие между живучестью еврейства и организацией католической церкви. Значение, которое приобрело с тех пор антисемитское движение для моей психики, зафиксировало затем ощущения и мысли из того раннего периода. Таким образом, желание попасть в *Рим* стало символом многих других горячих желаний, для осуществления которых надо трудиться со всей выдержкой и терпением карфагенян и исполнению которых пока столь же благоприятствует судьба, как и осуществлению жизненной задачи *Ганнибала*.

Я снова наталкиваюсь на еще одно юношеское переживание, проявляющееся во всех этих ощущениях и сновидениях. Мне было десять или двенадцать лет, когда отец начал брать меня с собою на прогулки и беседовать со мной о самых разных вещах. Так, однажды, желая показать мне, насколько мое время лучше, чем его, он сказал мне: «Когда я был молодым человеком, я ходил по субботам в том городе, где я родился, в праздничном

пальто, с новой хорошей шляпой на голове. Вдруг ко мне подошел один христианин, сбил мне кулаком шляпу и закричал: «Жид, долой с тротуара!» — «Ну, и что же ты сделал?» — «Я перешел на мостовую и поднял шляпу», — ответил отец. Это показалось мне небольшим геройством со стороны большого сильного человека, который вел меня, маленького мальчика, за руку. Этой ситуации я противопоставил другую, более соответствующую моему чувству: сцена, во время которой отец *Ганнибала Гамилькар** *Барка*, заставил своего сына поклясться перед алтарем, что он отомстит римлянам. С тех пор *Ганнибал* занял видное место в моих фантазиях.

Мне кажется, что увлечение карфагенским полководцем я могу проследить еще дальше в глубь моего детства, так что и здесь речь идет лишь о перенесении уже существовавшего аффективного отношения на новый объект. Одной из первых книг, попавших мне в руки, была «История Консулата и Империи» *Тьера*; я помню, что на своих оловянных солдатиков я наклеил маленькие записочки с именами первых императорских маршалов и что в то время уже *Массена* (аналогия с еврейским именем: *Менассе*) был моим любимцем. (Это предпочтение следует объяснить совпадением дат рождения, отделенных точно одним столетием.) Сам *Наполеон*, благодаря своему переходу через Альпы, имеет связь с *Ганнибалом*. Быть может, развитие этого военного идеала можно проследить еще далее в глубь детства вплоть до желания, проявившегося благодаря полудружественным, полувраждебным отношениям между моим старшим на один год товарищем и мною, когда мне было три года и когда я был более слабой стороной.

Чем глубже мы проникаем в анализ сновидений, тем чаще мы нападаем на следы переживаний детства, которые в скрытом содержании сновидений играют роль источников последних.

---

* В первом издании этой книги здесь было напечатано *Гасдрубал*; это — поразительная ошибка, объяснение которой я дал в своей «Психопатологии обыденной жизни». (Русск. перев. в издании кн-ва Современные проблемы, Москва, 1924).

Выше мы говорили, что сновидение чрезвычайно редко воспроизводит воспоминания таким образом, что они в неизменном виде образуют явное его содержание. Тем не менее можно найти несколько примеров и этого явления; я добавлю от себя еще несколько сновидений, имеющих связь опять-таки с переживаниями детства. У одного из моих пациентов одно из сновидений было почти неискаженным воспроизведением одного сексуального эпизода; воспроизведение это было тотчас распознано как совершенно правильное воспоминание. Воспоминание о нем, правда, никогда не исчезало из памяти, но с течением времени очень потускнело, и оживление его явилось результатом предшествовавшей психоаналитической работы. Пациент этот в возрасте 12 лет посетил однажды своего больного товарища; тот случайно сбросил с себя одеяло и оказался обнаженным в постели. При виде его полового органа пациент мой, повинуясь своего рода навязчивости, тоже обнажился и коснулся penis'а товарища. Тот был, однако, так рассержен и удивлен, что он смутился и ушел. Сцену эту в точности воспроизвело 23 года спустя сновидение, с той лишь разницей, что пациент мой играл не активную, а пассивную роль, а личность школьного товарища заменилась одним из его теперешних знакомых.

Разумеется, обычно детские эпизоды в явном содержании сновидения проявляются лишь отдельными намеками и могут быть раскрыты лишь путем толкования. Сообщение таких примеров едва ли особенно убедительно, так как для правдивости детских переживаний нет никаких гарантий; даже память в большинстве случаев отказывается их признавать. Право констатировать в сновидениях такие детские переживания возникает при психоаналитической работе из целого ряда моментов, которые в своем совместном действии являются в достаточной мере надежными. Выхваченные в целях толкования сновидения из своего комплекса, такие сведения сновидений к детским переживаниям, быть может, производят недостаточное впечатление, особенно потому что я не сообщаю даже всего материала, на который опирается толкование. Все это, однако, не может

побудить меня отказаться от сообщения этих примеров.

1. Одна из моих пациенток сообщает следующее сновидение: *Она находится в большой комнате, в которой стоят всевозможные машины; ей кажется, будто она в ортопедической лечебнице. Она слышит, что мне очень некогда и что она должна лечиться вместе с пятью другими пациентками. Она противится этому и не хочет лечь в предназначенную для нее постель — или на что-то другое. Она стоит в углу и ждет, чтобы я сказал, что это неправда. Другие между тем высмеивают ее и говорят, что это каприз.* Наряду с этим у нее такое чувство, *как будто она сделает много маленьких квадратов.*

Первая часть этого сновидения имеет связь с лечением и с перенесением на меня. Вторая — содержит намек на детский эпизод; обе части связаны между собою упоминанием о постели. «Ортопедическая лечебница» объясняется моими словами: однажды я сравнивал продолжительность ее лечения с лечением в **ортопедической** лечебнице. В начале ее лечения я заявил ей, *что пока у меня для нее немного времени*, но что впоследствии я сумею посвящать ей ежедневно целый час. Это возбудило в ней старое чувство, чрезвычайно характерное для детей, склонных к истерии. Они ненасытны в любви. Моя пациентка была самой младшей из шести сестер (отсюда *«вместе с пятью другими»*) и как таковая — любимица отца. Ей казалось, что отец все же посвящает ей слишком мало времени и внимания. То, что она ждет, чтобы я сказал, что это неправда, имеет следующее объяснение: портной прислал ей платье со своим подмастерьем, и она дала ему деньги, чтобы он вручил их портному. Потом она спросила своего мужа, не придется ли ей вторично заплатить деньги, если подмастерье их потеряет. Желая ее *подразнить* (в сновидении ее тоже *дразнят*), муж заявил ей: «Конечно». Она не отставала от него и все время *ждала, что он скажет наконец что это неправда.* Скрытое содержание сновидения можно конструировать в виде мысли, что она боится, будто ей придется заплатить мне двойной гонорар, если я буду посвящать ей двойное время, эта мысль

о скупости ей неприятна, *«грязна»*. (Неопрятность, имевшая место в детстве, чрезвычайно часто замещается в сновидении скупостью; слово «грязный» образует при этом связующее звено). Если все, что говорится в сновидении об ожидании, должно изобразить слово «грязный», то *стояние в углу и отказ лечь в постель относятся* сюда же: в детстве она однажды запачкала постель, и в наказание за это ее поставили в угол; ей угрожали тем, что папа не будет ее больше любить, сестры высмеивали ее и т. д. Маленькие квадраты указывают на ее маленькую племянницу, которая показывала ей арифметическую загадку, как расположить в девяти квадратах цифры таким образом, чтобы при сложении во всех направлениях получать в сумме 15.

II. Сновидение мужчины: он *видит двух мальчиков, которые борются; как он может заключить из лежащих вокруг инструментов — это мальчики бондаря* (Faßbinder); *один из мальчиков повалил другого, мальчик, который лежит, имеет серьги с синими камнями. Он спешит к мальчику, который провинился, с поднятой палкой, чтобы наказать его. Последний убегает к одной женщине, которая стоит у дощатого забора, как будто она его мать. Это — жена поденщика, она стоит к сновидящему спиной. Наконец, она поворачивается к нему и смотрит на него ужасным взглядом, так что он в испуге убегает оттуда. Видно, как выступает красное мясо из нижних век на ее глазах.*

Сновидение в большей мере использовало тривиальные события предыдущего дня. Он вчера видел в действительности двух мальчиков на улице, из которых один повалил на землю другого. Когда он поспешил к ним, чтобы уладить их ссору, они оба обратились в бегство. — Мальчики бондаря: этот элемент выяснился лишь после следующего сновидения, в анализе которого он употребляет оборот речи: Dem Faß den Boden ausschlagen (испортить все дело). — Серьги с синими камнями носят, согласно его наблюдениям, в большинстве случаев **проститутки**. Таким образом, сюда присоединяется известный стих *о двух мальчиках*: «Другой мальчик, который назывался Марией...» (т.е. был девочкой). —

Стоящая женщина: после эпизода с двумя мальчиками он пошел погулять на берег Дуная и, воспользовавшись уединенностью этой местности, помочился около *дощатого забора*. Когда он пошел дальше, он встретил прилично одетую, пожилую даму, которая приветливо ему улыбнулась и хотела вручить ему свой адрес.

Так как женщина стоит в сновидении в такой позе, какая обычно бывает при мочеиспускании, то речь идет о женщине, которая мочится, и к этому следует отнести ужасный «вид», выступание красного мяса, которое может относиться только к зиянию половых органов при сидении на корточках; картина эта, виденная в детстве, опять выступает в позднейшем воспоминании как *«дикое мясо»*, как «рана». Сновидение объединяет два повода, при которых маленький мальчик может видеть половые органы маленькой девочки: *при опрокидывании на землю и при мочеиспускании*, и, как явствует из другой связи, он сохраняет воспоминание о наказании или об угрозе отца вследствие проявленного в обоих этих случаях мальчиком сексуального любопытства[50].

III. Целый комплекс детских воспоминаний, кое-как соединенных в одну фантазию, находится в следующем сновидении одной молодой дамы.

Она идет за покупками и страшно спешит. На Грабене она вдруг падает на колени, как подкошенная. Вокруг нее собирается толпа; но никто ей не помогает. Она делает попытку встать, но напрасно. Наконец, ей удается, и ее сажают в карету, которая должна отвезти ее домой. В окно ей бросают большую переполненную корзину (*похожую на корзину для закупок*).

Первая половина сновидения, по всей вероятности, объясняется видом упавшей лошади, равно как и элемент сновидения «подкошенный» указывает на скачки. В юности она *ездила верхом*, в детстве она, вероятно, воображала себя также *лошадью*. С падением имеет связь ее первое воспоминание о 17-летнем сыне швейцара, который, упав на улице в эпилептических судорогах, был привезен домой в карете. Об этом она, конечно, только слышала, но представление об эпилептических судорогах, о *«падении»* овладело ее фантазией и оказало вло-

следствии влияние на форму ее собственных истерических припадков. Когда женщине снится падение, то это почти всегда имеет сексуальный смысл, она становится «падшей»; для нашего сновидения это толкование не вызывает никаких сомнений, так как она падает на *Грабене*, известном в Вене как сборище проституток. *Корзина для закупок* дает нечто большее, чем толкование. Как корзина (Korb) она напоминает о многочисленных отказах, которыми она раньше наградила всех своих женихов и который она впоследствии, по ее мнению, получила сама*. Сюда относится также то, что ей никто не *хочет помочь*, что она сама учитывает как признак пренебрежения. *Корзина для покупок* напоминает далее о фантазиях, которые были уже подвергнуты анализу, в которых она выходит замуж за человека, в общественном положении стоящего ниже ее, и теперь она должна сама ходить на рынок. Наконец, корзина для покупок может быть истолкована и как атрибут *прислуги*. Сюда же относятся и дальнейшие воспоминания детства: *о кухарке, которую уволили за то, что она крала*; эта кухарка тоже *упала на колени* и просила прощения. Ей тогда было двенадцать лет. Затем о горничной, которую уволили за то, что она сошлась с кучером, за которого, впрочем, впоследствии вышла замуж. Это воспоминание служит, таким образом, источником упоминания об *извозчиках* в сновидении (которые в противоположность действительности не заботятся об упавшей). Нам остается только разъяснить еще то, что корзину кидают ей в окно. Это напоминает о том, как пассажирам, выходящим на маленьких станциях, кидают багаж в окно, и имеет связь с пребыванием в деревне, с воспоминанием о том, как один господин кидал знакомой даме *синие сливы* в окно, как ее маленькая сестра постоянно боялась после того, как какой-то бродяга посмотрел ей в окно. За всем этим всплывает смутное воспоминание (относящееся к десяти годам ее жизни) о бонне, жившей у них в доме и имевшей связь с

* «Korb» в переводе означает: 1) корзина и 2) отказ жениху; отсюда непереводимая на русский язык игра слов. Я. К.

лакеем; бонна эта была *«отправлена»*, *«выброшена за дверь»* (в сновидении противоположность); к этой истории мы приблизились и многими другими путями. Багаж, сундук прислуги венцы называют пренебрежительно *«семь слив»*. «Забирай свои семь слив и убирайся».

В моей коллекции чрезвычайно много таких сновидений, анализ которых приводит к смутным, а иногда и совершенно позабытым воспоминаниям детства, часто даже из возраста до трех лет. Не следует, однако, выводить из них заключения, имеющего какое-либо общее значение для теории сновидения. Во всех них речь идет о невротиках и даже об истериках, и роль детских воспоминаний в их сновидениях может быть обусловлена наличностью у них невроза, а вовсе не сущностью самих сновидений. Однако при толковании моих собственных сновидений, предпринимаемом не из-за грубых симптомов болезни, я тоже очень часто наталкиваюсь неожиданно в скрытом содержании их на эпизоды из детства; иногда даже целый ряд сновидений допускает объяснение каким-либо детским переживанием; примеры этого я уже приводил; в будущем мне придется сообщить целый ряд их. Может быть, я поступлю лучше всего, если закончу эту главу сообщением нескольких собственных сновидений, в которых свежие впечатления и давно забытые детские переживания играют одновременно довольно видную роль.

После того как я много ездил по городу и лег в постель усталый и голодный, великие жизненные потребности дают знать о себе во сне, и мне снится: *я иду в кухню и прошу дать мне чего-нибудь поесть. Там стоят три женщины, из которых одна хозяйка; она что-то вертит в руках, точно собирается делать клецки. Она просит меня подождать, пока будет готово* (ее речь не совсем ясна). *Я проявляю нетерпение и обиженный выхожу из кухни и надеваю пальто; но первое, которое я пробую надеть, мне слишком длинно. Я снимаю его и удивляюсь, что у него меховой воротник. На другом почему-то длинный кушак из турецкой материи. Появляется какой-то незнакомец с продолговатым лицом и маленькой бородкой и не дает мне надеть пальто, говоря, что оно принадлежит ему*[51]. *Я показываю, что оно*

все сплошь вышито турецкими узорами. Он спрашивает: Какое вам дело до турецких (узоров, поясов...)? Но затем мы очень любезны друг с другом.

При анализе этого сновидения мне неожиданно приходит в голову первый роман, который я прочел, будучи 13-летним мальчиком. Я начал его, однако, с конца первого тома. Названия этого романа и автора я никогда не знал, но развязку его прекрасно помню. Герой сходит с ума и все время повторяет имена трех женщин, принесших ему в жизни высшее счастье и высшее горе. Одно из этих имен — Пелаги. Однако я не знаю еще, какую роль играет это воспоминание в моем дальнейшем анализе. Неожиданно эти три женщины превращаются в моих мыслях в трех Парок, которые прядут судьбу человека, и я знаю, что одна из этих женщин, хозяйка в сновидении — мать, дающая жизнь, а иногда, как например мне, и первую жизненную пищу. У женской груди скрещиваются любовь и голод. Один молодой человек, как сообщает анекдот, бывший большим поклонником женской красоты, заметил однажды, когда разговор зашел об его красивой кормилице: ему очень жаль, что он не использовал лучше тот удобный случай, когда он лежал у нее на груди. Я обычно пользуюсь этим анекдотом для разъяснения момента *запоздалости* в механизме психоневрозов. — Одна из Парок вертит что-то в руках, точно делает клецки. Странное занятие для Парки — оно требует объяснения! Объяснения я нахожу в другом более раннем воспоминании детства. Когда мне было шесть лет, я учился у матери, и она сказала мне, что мы сделаны из земли и должны превратиться в землю. Мне это не понравилось, и я выразил сомнение. Тогда она потерла руку об руку, подобно тому, как хозяйка в сновидении делала клецки, с той только разницей, что у нее не было между ладонями теста, и показала мне черные частички эпидермы, которые отделяются при трении ладони о ладонь. Она хотела мне иллюстрировать этим мысль, что мы сделаны из земли. Мое удивление этой демонстрации ad oculos было безгранично, и я усвоил себе веру в то, что впоследствии прочел в словах: «Ты обязан природе смертью»*. Таким образом, идя в кухню, я действительно иду к Паркам, в детские годы, будучи голоден, я часто отправлялся в кухню, и мать, стоя у плиты, просила меня подождать, пока обед будет готов. Но вот «*клецки*» (Knödel)! Один из моих профессоров, как раз тот, которому я обязан своими *гистологическими* познаниями (*эпидерма*), имеет связь со словом «Knödel». *Кнедель* была фамилия того человека, которого он обвинил в плагиате своего сочинения. Совершить плагиат, присвоить то, что принадлежит другому, приводит нас ко второй части сновидения, в которой я якобы совершил кражу пальто; это напоминает мне о воре, который долгое время крал в передней университета пальто студентов. Я употребил выражение «*плагиат*» не намеренно, а сейчас я замечаю, что оно относится к скрытому содержанию сновидения, так как может служить мостом между отдельными отрывками явного содержания. Ассоциация: *Пелаги — плагиат — плагиостомы*** (акулы)— *рыбий пузырь* — связывает прочитанный мною роман с делом *Кнеделя* и с пальто (überzieher), что имеет, очевидно, отношение к сексуальной технике***. (Ср. сновидение *Мори о кило-лото*). Это, правда, чрезвычайно натянутое и бессмысленное сопоставление, но бодрственное мышление не могло бы составить его, если оно не было дано в готовом виде в сновидении. И как бы для доказательства того, что стремление создавать такие сопоставления не знает никаких преград, служит дорогое мне название **Брюкке** (*мост*) (словесный мост см. выше), которое напоминает мне о том самом институте, в котором я провел мои самые счастливые часы в качестве ученика, впрочем, без всякой надобности для

---

* Оба аффекта, относящихся к этому детскому эпизоду, удивление и покорность неизбежному, имеются налицо в другом сновидении, которое я видел незадолго до этого и которое впервые вернуло меня к воспоминанию об этом детском переживании.

** О плагиостомах я упомянул непроизвольно, они напоминают мне об одном неприятном для меня эпизоде на экзамене у того же профессора.

*** «Überzieher» означает одновременно и пальто и кондом. *Я. К.*

себя («So wird's Euch an der Weisheit **Brüsten** mit jedem Tage mehr **gelüsten**»)* в противоположность к той алчности, которая терзает меня в сновидении. И наконец всплывает воспоминание о другом дорогом мне учителе, фамилия которого опять-таки звучит, как нечто съедобное (**Fleischl****, как и Knödel), и о другом печальном эпизоде, в котором играют роль *чешуйки эпидермиса* (мать — хозяйка) и душевная болезнь (роман) и средство из латинской *кухни*, утоляющее голод: кокаин.

Таким образом, запутанный ход мыслей может быть продолжен и дальше, и я могу путем толкования раскрыть все содержание сновидения без остатка, но я отказываюсь от этого, так как личные жертвы, которых должно мне это стоить, слишком велики. Я воспользуюсь одной лишь нитью, которая непосредственно ведет к мысли, лежащей в основе всего этого хаоса. Незнакомец с продолговатым лицом и маленькой бородкой, помешавший мне одеться, напоминает мне одного купца в Спалато, у которого моя жена накупила множество *турецких* материй. Его звали *Поповик*; это — подозрительная фамилия, которая дала повод и юмористу *Штеттенгейму* сделать замечание, содержащее намек («Он назвал мне свою фамилию и, покраснев, пожал мне руку».) Впрочем, здесь мы встречаемся с злоупотреблением фамилией, что и выше: *Пелаги*, *Кнедель*, *Брюкке*, *Флейшль*. Что такая игра именами собственными является детской шалостью, я думаю, не встретит возражений ни у кого; но если я занимаюсь этим, то это акт возмездия, так как моя собственная фамилия несчетное число раз была жертвой таких глупых потуг на остроумие. *Гете* заметил однажды, насколько человек чувствителен к своей фамилии, которой он обрастает, точно кожей, когда *Гердер* сочинил по поводу его фамилии:

«Der du von **Göttern** abstammst, vom Goten oder vom Kote» — «So seid ihr **Götterbilder** auch zu Staub».

Я замечаю, что это отступление относительно злоупотребления фамилиями должно подготовить нас только к

---

* «Вас будет с каждым днем все больше и больше манить в объятия мудрости».

** «Fleisch» — мясо.

этой жалобе. — Покупки в Спалато напоминают о других покупках в Каттаро: немного поскупился и упустил случай купить хорошие вещи (см. выше: «Упустил случай у кормилицы»). Одна из мыслей, внушенных спящему голодом, гласит следующее: не *нужно ничего упускать, нужно брать все, что есть, даже если совершаешь при этом небольшую несправедливость: нельзя упускать случая, жизнь так коротка, смерть неизбежна*. Так как эта мысль имеет и сексуальный смысл и так как это желание не останавливается перед несправедливостью, то это «carpe diem» должно опасаться цензуры и скрываться за сновидением. К этому присоединяются и все противоположные мысли, воспоминания о том времени, когда спящему было достаточно *духовной пищи*, все увещевания старших и даже угрозы страшными сексуальными карами.

II. Следующее сновидение требует более обстоятельного предварительного сообщения.

Я отправился на западный вокзал, желая поехать в Аусзее, но почему-то вышел на перрон к поезду, отходящему в Ишль. Там я вижу графа *Туна*, который тоже едет в Ишль к императору. Несмотря на дождь, он приехал в открытой коляске, вышел первым на перрон и жестом молча отстранил от себя сторожа, который не узнал его и спросил у него билет. Поезд в Ишль уходит; мне приходится уйти с перрона и вернуться в зал, где очень жарко. С трудом мне удается добиться разрешения остаться. Я убиваю время тем, что слежу, кто при помощи протекции постарается занять раньше купе, и решаю поднять скандал, т.е. настоять на этом же своем праве. Тем временем я что-то напеваю, что оказывается затем арией из «Свадьбы Фигаро»:

«Если хочет граф плясать,
да плясать,
Пусть скорее об этом скажет,
Я ему сыграю».

(Может быть, посторонний человек не разобрал бы мотива.)

Весь вечер я был в довольно хорошем настроении, дразнил и задевал кельнеров и извозчиков, никого из

них, однако, при этом не обидев. В голове у меня мелькают всевозможные смелые революционные мысли в pendant к словам Фигаро и к воспоминанию о комедии *Бомарше*, которую я видел в Comédie francaise. Мне припоминаются слова о высоких персонах, которые «потрудились родиться на свет»; право господина, которое Альмавива хочет использовать у Сусанны[52]; мне приходит в голову и то, как оппозиционные журналисты издеваются над графом *Туном*, называя графа «Nichtsthun» (*бездельником*). Я ему не завидую; у него сейчас тяжелая миссия. В сущности, ведь я сейчас граф Nichtsthun (бездельник); я отправляюсь путешествовать. У меня сейчас вакационное время и всевозможные радужные планы. Ко мне подходит господин; я знаю его: он правительственный депутат на экзаменах на медицинском факультете, своим поведением в этой роли он заслужил лестное для себя прозвище «правительственного прихвостня». Ссылаясь на свое высокое звание, он требует себе полкупе первого класса, и я слышу, как один из чиновников говорит другому: «Куда мы посадим этого господина?» — Очевидное предпочтение! Я полностью плачу за место в первом классе. Я добиваюсь наконец купе и для себя, но не в проходном вагоне, так что всю предстоящую ночь буду лишен ватер-клозета. Моя жалоба у чиновника не имеет успеха; я мщу ему, предлагая проделать в полу купе дыру для удобства пассажиров. В 3 часа ночи я действительно просыпаюсь, испытывая позыв к мочеиспусканию. Перед этим мне снится:

Толпа, студенческое собрание. — Говорит граф (*Тун или Тааффе*). *В ответ на предложение высказать свое мнение о немцах он с ироническим жестом называет их любимым цветком белокопытника и сажает себе в петлицу нечто вроде изорванного зеленого листика, собственно, скомканные остатки листа. Я выхожу из себя, выхожу, таким образом, из себя*, но удивляюсь все же своему германофильскому настроению.* Потом вижу смутно: *Я в аудитории; выходы все заняты, мне нужно бежать. Я спасаюсь через ряд прекрасно обставленных комнат, с красновато-лиловой мебелью, — и попадаю наконец в коридор, в котором сидит привратница, пожилая полная женщина. Я избегаю разговора с нею, но она признает за мною, очевидно, право проходить здесь, так как спрашивает, не посветить ли мне лампой. Я объясняю или говорю ей, чтобы она осталась на лестнице, сам удивляюсь своей хитрости, с которой избег контроля. Я спускаюсь вниз, нахожу узкий, круто поднимающийся кверху проход, по которому и иду.*

Снова неясно я вижу... *Мне предстоит вторая задача: выбраться из города подобно тому, как прежде из аудитории. Я беру извозчика и велю ему ехать на вокзал. «Дальше с вами не поеду», — говорю я, услыхав от него, что он очень устал. Однако мне кажется, что я уже проехал с ним часть пути, которую обычно ездят по железной дороге. Вокзал весь занят. Я размышляю, ехать ли мне в Креймс или в Цнайм, но вспоминаю, что сейчас там резиденция двора и решаю отправиться в Грац. Я сижу в вагоне, напоминающем вагон трамвая, в петлице у меня какой-то странный длинный стебель, на нем красновато-лиловая фиалка из плотного материала, бросающаяся всем в глаза.* Здесь сновидение обрывается.

Я снова перед вокзалом, но с каким-то пожилым господином; я изобретаю план, как остаться незамеченным, но замечаю, что этот мой план уже приведен в исполнение. Вообще мысли и переживания здесь слиты воедино. Спутник мой слеп, по крайней мере на один глаз, и я держу перед ним склянку для мочи (*склянку мы должны были купить или уже купили в городе*). *Таким образом, я его санитар и должен держать перед ним склянку, потому что он слеп. Если бы кондуктор увидел нас в таком положении, он должен был бы позволить нам незаметно уйти. При этом я пластически вижу позу моего спутника и его член при мочеиспускании.* Я пробуждаюсь и испытываю позыв к мочеиспусканию.

Все *сновидение* производит впечатление фантазии, переносящей спящего в революционный 1848 год, воспоминание о котором было пробуждено юбилеем 1898 го-

* Повторение вкралось в текст сновидения, по-видимому, по рассеянности и было мною оставлено, так как анализ показывает, что оно имеет свое значение.

да, а также небольшой прогулкой в Вахау, когда я увидел *Эмерсдорф*, который прежде по ошибке считал местом погребения главаря студенческого движения Фишгофа; на него указывают некоторые черты явного содержания сновидения. Ассоциация приводит меня затем в Англию, в дом моего брата, который дразнил свою жену фразой «Fifty years ago» — заглавием стихотворения Теннисона, на что дети отвечали обычно: «Fifteen years ago»[53]. Эта фантазия, связанная с мыслями, вызванными видом графа Тупа, подобно фасадам итальянских церквей, не имеет органической связи с самим зданием; в противоположность, однако, этим фасадам она изобилует, впрочем, пробелами, дефектами; отдельные части ее расплывчаты и прерываются там или сям элементами внутреннего содержания. Первая ситуация сновидения состоит из нескольких эпизодов, на которые я ее могу разложить. Высокомерное настроение графа в сновидении напоминает мне один гимназический эпизод, случившийся на 15-м году моей жизни. У нас был один нелюбимый невежественный учитель; мы составили против него заговор, душой которого был один мой товарищ, взявший себе с тех пор за образец *Генриха VIII Английского.* Нанесение главного удара выпало на долю мне; поводом к открытому возмущению гимназистов послужил спор относительно значения для Австрии Дуная (Donau) (*Вахау*). В заговоре был замешан и единственный в классе аристократ, прозванный вследствие своего высокого роста *«жирафом».* Когда его вызывал к доске наш школьный тиран, преподаватель *немецкого* языка, он держал себя приблизительно так же, как граф в сновидении. Упоминание о любимом цветке и то, что граф сажает себе в петлицу нечто вроде цветка (он напоминает орхидею, которую я в тот самый день принес одной коллеге, и, кроме того, *иерихонскую* розу) поразительно напоминает сцену из королевской трагедии *Шекспира*, открывающихся гражданской войной *Алой и Белой розы*; к воспоминанию об этом послужила мысль о Генрихе VIII. От роз затем недалеко до красных и белых гвоздик. (В анализ вторгаются неожиданно два стиха, один *немецкий*, другой — *испанский*: «Розы,

тюльпаны, гвоздики — все цветы увядают». — **Isabelita**, no llores que se marchitan las flores. Испанский стих из *Фигаро.*) Белая гвоздика у нас в Вене — отличительный знак *антисемитов*, красная *же* — *социал-демократов.* За этим скрывается воспоминание об антисемитской выходке во время одной моей поездки в прекрасную Саксонию (*англосаксы*). Третий эпизод, давший повод к образованию первой ситуации, относится к моему студенчеству. В одном студенческом *немецком* ферейне состоялась дискуссия относительно взаимоотношения философии и естествознания. Я, зеленый юноша, убежденный сторонник материалистической теории, стал защищать в высшей степени одностороннюю точку зрения. После меня поднялся старший товарищ, проявивший затем свои способности в качестве политика и организатора масс, — фамилия его напоминала название одного животного — и как следует отчитал нас, он тоже в молодости «пас свиней», но потом, раскаявшись, вернулся в отчий дом[54]. *Я вышел из себя* (как в сновидении), *нагрубил* (saugrob*) и ответил, что теперь, узнав, что он пас свиней, я нисколько не *удивляюсь тону* его речи (в сновидении я *удивляюсь* своему германофильскому настроению). Всеобщее негодование; мне предложили взять свои слова обратно, но я отказался. Оскорбленный был слишком умен, чтобы принять направленный на него вызов, и не обратил внимание на происшедшее.

Остальные элементы первой ситуации сновидения относятся к более глубоким наслоениям. Какое значение имеет то, что граф упоминает о «белокопытнике»? Я обращаюсь к ряду ассоциаций. Белокопытник — по-немецки «Huflattich» — lattica салат — Salathund (выражение это аналогично нашей пословице: «Собака на сене лежит, сама не ест и другим не дает»). Отсюда недалеко уже до ряда ругательств; *жираф***, *свинья*, *собака*; я мог бы на основании вышеупомянутой фамилии старшего товарища дойти и другим путем до руга-

* Sau — свинья.

** «giraffe» включает в себя, кроме того, элемент «affe», что в переводе на русский язык означает *обезьяна*. Я. К.

тельного слова «осел», а тем самым опять-таки к оскорблению одного профессора. Далее я перевожу — сам не знаю правильно ли — белокопытник — **Huflattich**— французским «**pisse-en-lit**»; я делаю это на основании романа *Золя «Жерминаль»*, в котором дети приносят эту траву. Собака — **chien**— напоминает мне по созвучию другую функцию человеческого организма (**chier** подобно слову **pisser**, которое употребляется для обозначения иной функции). Мы сможем сейчас объяснить все эти циничные выражения; в том же самом «Жерминале», трактующем вопрос о грядущей революции, описывается весьма своеобразное соревнование, имеющее отношение к выделению газообразных экскреций, называемых **Flatus***. Я замечаю, что по пути к этому flatus я иду уже издалека, — от *цветов, испанского* стишка, *Изабеллы* и *Фердинанда* и английской истории относительно борьбы армады против *Англии*, после победного окончания которой англичане выбили медаль с надписью: **Afflavit** et dissipati sunt[55]; так как испанский флот был рассеян бурей. Это изречение я хотел как-то использовать полушутливо, полусерьезно для эпиграфа к главе «Терапия», если бы мог когда-нибудь дать подробный отчет в своем понимании и метода лечения истории.

Второй ситуации сновидения я не могу дать столь подробного освещения, главным образом, из-за цензурных соображений. Дело в том, что я становлюсь здесь на место одного высокопоставленного лица того революционного периода, который тоже пережил приключение с *орлом*, который страдает incontinentia alvi[56] и т.п. На мой взгляд, я был бы неправ, *если бы я пытался обойти цензуру*, хотя большую часть этих историй рассказал мне один *гофрат* (аудитория, Aula, consiliarius **aulicus**[57]). Ряд комнат в сновидении вызван, очевидно, салон-вагоном его превосходительства, в который мне удалось заглянуть на момент, но ряд этот обозначает, как это часто бывает в сновидениях, женщин (**Frauenzimmer**) (публичных женщин — ärärische Frauenzimmer). Привратница напоминает мне умную пожилую женщину, которой я этим приношу довольно сомнительную благодарность за ее угощение и за множество прекрасных историй, которые я слышал в ее доме. Шествие с лампой приводит меня к *Грильпарцеру*[58], *у* которого имеется прелестный эпизод аналогичного содержания, использованный затем в *«Геро и Леандре»* (*волны моря* и любви — *армада и буря*)*.

Я должен отказаться и от подробного анализа обоих последних отрывков сновидения; возьму из них лишь те элементы, которые относятся к двум детским эпизодам, из-за которых у меня вообще возникло это сновидение. Читатель вполне справедливо предположит, что к отказу от анализа меня побуждает наличность сексуального материала; но не нужно удовольствоваться одним этим объяснением. Человек часто не скрывает от самого себя многое, что следует держать в тайне от других; здесь же речь идет не о причинах, вынуждающих меня скрывать результаты анализа, а о мотивах внутренней цензуры, скрывающих от меня самого истинное содержание сновидений. Я должен поэтому сказать, что анализ всех этих трех отрывков моего сновидения вскрывает в них неприятное хвастовство и довольно смешную манию величия, давно уже не имеющую места в бодрственной жизни; последняя проявляется даже в явном содержания сновидения (*я удивляюсь своей хитрости*) и объясняет мое заносчивое поведение вечером накануне сновидения. Это хвастовство проявляется во всех отношениях; так, упоминание о Граце приводит нас к обороту речи: Was kostet Graz?[59], который употребляется в тех случаях, когда человек хвастает тем, что у него много денег. Кто вспом-

* Не в романе *«Жерминаль»*, а в романе *«Земля»*. Эту ошибку я заметил лишь после анализа. Кроме того, я обращаю внимание на одинаковые буквы в словах Huflattich и Flatus.

* Исходя из этой части сновидения, Г. Зильберер пытался в богатой по содержанию работе (Phantasie und Myfhos, 1910) показать, что работа сновидения может передавать не только скрытые мысли, сновидения, но и психические процессы, имеющие место при образовании сновидения. (Функциональный феномен). Но на мой взгляд, он упускает при этом из виду, что психические процессы, имеющие место при образовании сновидения, являются для меня мысленным материалом, как и все остальное. В этом заносчивом сновидении я, очевидно, горжусь тем, что открыл эти процессы.

нит о данном Рабле бесподобном описании жизни и деяниях *Гаргантюа* и его сына *Пантагрюэля*, тот сможет причислить и вышеприведенное содержание первого отрывка сновидения к хвастовству. К двум вышеупомянутым эпизодам детства относится следующее: я купил себе для путешествия новый чемодан, цвет которого — лилово-красный — несколько раз проявляется в сновидении (*лиловато-красные фиалки* из плотного материала, подле вещи, которую называют «прибор для ловли девушек», мебель в аудитории). То, что все *новое бросается людям в глаза*, представляет собой обычное общеизвестное убеждение детей. Мне как-то рассказывали следующий эпизод из моего детства, воспоминание о котором замещено воспоминанием о рассказе. В возрасте двух лет я мочился в постель и в ответ на упреки отца захотел утешить его обещанием купить в Н. (ближайший большой город) *новую* хорошую *красную* постель. (Отсюда в сновидении, *что мы склянку купили в городе или должны были купить*; то, что обещано, нужно исполнить.) (Кроме того, следует обратить снимание на сопоставление мужской склянки и сиенского чемодана, box.) В этом обещании содержится вся мания величия ребенка. Значение недержания мочи у ребенка в сновидении разъяснено нами уже в толковании одного из предыдущих сновидений. Из психоанализов невротиков мы узнали также о тесной связи, существующей между недержанием мочи и честолюбием как чертой характера.

Есть еще один эпизод из домашней жизни, относящийся к моему 7 или 8-летнему возрасту, который прекрасно сохранился в моей памяти. Однажды вечером, перед тем как лечь спать, я, вопреки приказанию родителей, удовлетворил свою потребность в их спальне и в их присутствии. Отец, ругая меня, заметил: «Из тебя ничего не выйдет». Это было, по-видимому, страшное оскорбление моему самолюбию, так как воспоминание об этом эпизоде постоянно проявляется в моих сновидениях и связано обычно с перечислением моих заслуг и успехов, точно я хочу этим сказать: «Видишь, из меня все-таки кое-что вышло». Этот детский эпизод дает материал для последней ситуации сновидения, в которой, разумеется, в целях мести, роли перемешаны. Пожилой господин, очевидно, — мой отец, так как слепота на один глаз объясняется его глаукомой*, уринирует теперь передо мною, как я когда-то перед ним. При помощи глаукомы же я напоминаю ему о кокаине, весьма помогшем ему при операции, — и этим как бы исполняю свое обещание. Кроме того, я насмехаюсь над ним; он слеп, и я держу перед ним склянку, — это намек на мои успехи в области изучения истерия, которыми я очень горжусь**.

Если оба эпизода моего детства о мочеиспускании и без того уже связаны тесно с темой мании величия, то пробу-

* Другое толкование: он одноглаз как *Один*, отец богов. — *Утешение Одина*. — *Утешение* из детского эпизода, в котором я ему обещаю купить новую кровать.

** Я присоединяю сюда еще некоторый материал для толкования: держание склянки напоминает историю о крестьянине, который выбирает у оптика стекло за стеклом, но все равно не умеет читать. — (*Прибор* для ловли крестьян — *прибор* для ловли девушек в предыдущем отрывке сновидения). — Обхождение со ставшим слабоумным отцом у крестьян описано в романе *Золя* «Земля». — Печальное удовлетворение от того, что отец в последние дни своей жизни был нечистоплотен в постели как ребенок. — Мысли и переживания здесь слиты воедино, напоминают о весьма революционной драме *Оскара Паницца*, в которой с отцом богов обходятся постыдно, как со стариком-паралитиком, там сказано: «Воля и действие у него слиты воедино и его архангел, своего рода Ганимед, должен удержать его от того, чтобы он ругался и посылал проклятия, так как эти проклятия тотчас исполнялись». — *Создание плана является* упреком отцу, происходящим из более поздней критики, равно как и вообще все мятежное, стремящееся оскорбить его превосходительство и издевающееся над высоким начальством содержание сновидения сводится к протесту против отца. Князь называется отцом страны, а отец является самым старшим, первым и единственным для ребенка авторитетом, из полноты власти которого произошли в ходе истории человеческой культуры другие социальные власти (поскольку материнское право не является необходимым ограничением этого положения). — Понятие в сновидении мысли и переживания здесь слиты воедино имеет в виду объяснение истерических симптомов, к которому имеет отношение *мужская склянка* (Glas). Жителю Вены я не должен объяснять *принцип* «Gschnas»; он состоит в том, что предметы редкой и ценной внешности изготовляются из тривиального, охотнее всего из комического и бесценного материала,

ждению воспоминания о них во время путешествия в Аусзее помогло еще то случайное обстоятельство, что в моем купе не было ватер-клозета и я должен был быть готовым к тому, чтобы испытать во время поездки неудобство, что утром действительно и произошло. Я проснулся с ощущением естественной потребности. Я полагаю, что этим ощущениям можно было бы придать роль собственного возбудителя сновидения, но я отдаю предпочтение другому воззрению, а именно, что мысли, скрытые в сновидении, не вызваны лишь потребностью мочеиспускания. Я никогда по этой причине не просыпаюсь, особенно так рано, как в этот раз: в 3 часа утра. Возражение этому воззрению я встретил в замечании о том, что во время других поездок в более удобных условиях я почти никогда не испытывал позывы к мочеиспусканию после раннего пробуждения. Впрочем, я могу оставить этот пункт нерешенным без всякого ущерба для толкования.

Опыт в анализе сновидений убедил меня в том, что даже в сновидениях, толкование которых кажется на первый взгляд исчерпывающим, так как и источники их желания, лежащие в их основе, вполне доступны и очевидны, — что даже в этих сновидениях содержатся мысли, простирающиеся к далекому детству; ввиду этого я должен задаться вопросом, не представляет ли собою эта особенность существенное условие всякого овидения. Обобщая эту мысль, я говорю, что каждое сновидение в

например, доспехи из кухонных горшков, веников и солонок, как это любят делать художники на своих веселых вечерах. Я заметил, что истерики поступают таким же образом, наряду с тем, что действительно доставляет им неудовольствие, они бессознательно создают себе отвратительные или развратные фантастические события, строя их из самого невинного и самого банального материала. Симптомы связаны с этими фантазиями, а не с воспоминаниями о действительных событиях, независимо от того, будут ли эти последние носить серьезный характер или они будут точно так же невинны. Это разъяснение помогло мне устранить многие трудности и доставило мне много радости. Я мог доказать его с помощью элемента сновидения *мужской склянки* (Glas), так как мне рассказывали о последнем «gschnas вечере», что там была выставлена чаша с ядом Лукреции Борджиа, главной составной частью которой служила мужская *склянка для мочи*, какая обычно употребляется в больницах.

своем явном содержании связано со свежими переживаниями, скрытое же содержание его обнаруживает связь с более ранними переживаниями, которые, например, при анализе истерии остаются свежими до последнего дня. Это утверждение, однако, не легко доказуемо; я буду иметь случай еще раз коснуться вероятной роли ранних переживаний детства в образовании сновидений (см. гл. VII).

Из трех рассмотренных нами особенностей памяти в сновидении одна — преобладание в сновидении элементов второстепенной важности — вполне удовлетворительно разъяснена нами *искажающей деятельностью сновидения*. Две другие особенности — наличность свежих впечатлений и переживаний детства — нами лишь констатированы, но не могут быть выведены из мотивов сновидения. Отметим же пока обе эти особенности, которые нам предстоит разъяснить; мы возвратимся к ним либо при психологическом объяснении состояния сна, либо при рассмотрении структуры душевного аппарата, когда мы увидим, что благодаря толкованию сновидения, как благодаря открытому окну, можно бросить взгляд в затаенные глубины нашей психики.

Об одном результате наших последних анализов сновидений я упомяну, однако, здесь. Сновидение представляется зачастую *многосмысленным*; в нем могут не только объединяться, как показывают вышеприведенные примеры, несколько осуществлений желаний, но один смысл, одно осуществление желания может покрывать другое, покуда в самом последнем смысле мы не натолкнемся на осуществление желания раннего детства; здесь мы опять должны спросить себя, не правильнее ли будет заменить в этом предложении слово «зачастую» словом «всегда»*.

* Тот факт, что одно значение сновидения может покрывать другое, является одной из самых трудных, но вместе с тем и одной из самых богатых по содержанию проблем толкования сновидений. Тот, кто забывает об этой возможности, легко ошибается и склонен будет выставить ряд неосновательных утверждений о сущности сновидения. Однако в этом направлении произведено еще слишком мало исследований. До настоящего времени лишь *О. Ранк* дал основательную оценку строго закономерному наслоению символики в сновидениях, связанных с позывом к мочеиспусканию (см. ниже).

в) *Соматические источники сновидений.* Если спросить интеллигентного человека, несведущего в области психологии, но интересующегося проблемой сновидения, из каких источников, по его мнению, проистекают сновидения, то в большинстве случаев можно заметить, что опрошенный будет убежден в неопровержимости своего разрешения хотя бы части этой проблемы. Он упомянет тотчас же о влиянии, которое производит во время сна расстроенное пищеварение («сновидения происходят от желудка»), случайное положение тела и другие незначительные переживания на образование сновидений; он не предполагает, однако, что помимо всех этих моментов остается еще нечто, требующее особого разъяснения.

Какая роль отводится соматическим источникам образования сновидения в научной литературе, мы уже подробно рассмотрели в первой главе, так что здесь достаточно упомянуть о выводах нашего обзора. Мы слышали, что различают троякого рода соматические источники раздражения: объективные чувственные раздражения, полученные извне, — субъективные внутренние возбуждения органов чувств, — и физические раздражения, получаемые изнутри; мы заметили далее склонность почти всех ученых, утверждающих наличность этих соматических источников, отодвигать на задний план или совсем отрицать наличность каких бы то ни было психических источников сновидения. При рассмотрении воззрений, выдвигаемых в пользу этих соматических источников раздражений, мы узнали, что значение объективных раздражений органов чувств — отчасти случайных раздражений во время сна, отчасти же таких, которые не отсутствуют в душевной деятельности во время сна, — подтверждается многочисленными наблюдениями, а эксперимент подтвердил нам, что роль субъективных чувственных раздражений проявляется в сновидениях воспроизведением гипнагогических галлюцинаций и что сведение наших сновидений к внутренним физическим раздражениям хотя и недоказуемо во всем своем объеме, но основывается на общеизвестном воздействии, которое оказывает на содержание наших сновидений возбужденное состояние органов пищеварения и мочеполовой сферы.

«Нервные» и *«физические»* раздражения — вот соматические источники сновидения, т.е. согласно большинству авторов, вообще единственные источники сновидений.

Мы слышали, однако, и целый ряд сомнений, которые обращаются не столько против правильности, сколько против применимости теории соматических раздражений.

Как ни уверены все представители этой теории в своей непоколебимости и в своих фактических основаниях — особенно в отношении случайных и внешних нервных раздражений, которые нетрудно обнаружить в содержании сновидения, — все же никто не отрицает того, что обильный материал представлений, имеющийся налицо в сновидениях, не допускает исключительного сведения к внешним нервным раздражениям. Мисс *Мэри Уайтон Калькинс* в течение шести недель наблюдала свои собственные сновидения и сновидения другого лица именно с этой точки зрения и нашла всего лишь 13,2 % resp.* 6,7 %, в которых можно проследить элементы внешнего чувственного восприятия; лишь два случая из ее коллекции сводятся целиком к органическим ощущениям. Статистика подтверждает нам здесь то, в чем мы уже убедились из беглого обзора наших собственных наблюдений.

Ученые ограничиваются часто тем, что они отличают «сновидения, вызванные нервным раздражением», от остальных форм сновидений. *Спитта* разделяет сновидения на проистекающие от *нервных раздражений* и на *ассоциативные*. Ясно, однако, что такое разрешение проблемы неудовлетворительно до тех пор, пока не удастся установить связь между соматическими источниками сновидений и комплексом представлений в последних.

Наряду с первым возражением относительно постоянной наличности внешних источников раздражения можно выставить и второе относительно недостаточности этой теории для объяснения сновидений, которая получается при введении этого рода источников сновидений. Представители названной теории должны дать нам разъяснение, во-первых, относительно того, почему внешние раз-

* Resp. (от лат. respective) — здесь: соответственно.

дражения представляются в сновидении не в своем истинном виде, а постоянно искажаются (сравни сновидения, заканчивающиеся пробуждением спящего), и, во-вторых, почему результат реакции воспринимающей души на это искаженное раздражение бывает столь изменчив и неопределен. В ответ на это мы слыхали от *Штрюмпеля*, что душа вследствие своей изолированности от внешнего мира во время сна не может давать правильного толкования объективным чувственным раздражениям, а вынуждается на основании неопределенного возбуждения к образованию иллюзий. Он говорит (с. 108):

«Как только благодаря внешнему или внутреннему нервному раздражению во время сна возникают ощущение или целый комплекс ощущений, чувства или вообще какие-либо психические процессы и усвояются ею, то процесс этот вызывает в душе образы, относящиеся к кругу представлений бодрственного сознания, — т.е. воспроизводит прежние восприятия либо в их сыром виде, либо же в связи с соответственными психическими ценностями. Он как бы собирает вокруг себя большее или меньшее количество таких образов, от которых впечатление, проистекающее от нервного раздражения, получает свою психическую ценность. В соответствии с бодрственной жизнью и здесь обычно говорят, что душа во сне *толкует* впечатления, проистекающие от нервных раздражений. В результате такого толкования мы и получаем *сновидения, вызванные нервным раздражением*, т.е. сновид ия, составные части которых обусловлены тем, что нервное раздражение по законам воспроизведения совершает на душевную жизнь свое психическое воздействие».

По существу своему, сходным с этим учением является утверждение *Вундта*, что представления сновидений проистекают по большей части от чувственных раздражений, главным же образом от раздражений общего чувства, и представляют собою поэтому в большинстве случаев фантастические иллюзии и лишь в незначительной мере чистые представления памяти, повышенные до степени галлюцинаций. Соотношение содержания сновидения с раздражениями, вытекающие из этой теории, похоже, по меткому сравнению *Штрюмпеля* (с. 84), на

то, как будто «десять пальцев немузыкального человека бегают по клавишам рояля». Сновидение представляется, таким образом, не душевным явлением, проистекающим из психических мотивов, а последствием физического раздражения, выражающимся в психической симптоматологии, так как душевный аппарат, испытывающий раздражение, не способен ни на какое другое изменение. На аналогичной предпосылке построено, например, и объяснение навязчивых представлений, которые *Мейнерт* пытается объяснить с помощью известного сравнения с циферблатом, на котором отдельные цифры кажутся более отчетливыми.

Как ни популярна эта теория соматических раздражений и как ни подкупает она своей простотой, все же чрезвычайно легко подметить ее слабые стороны. Всякое соматическое раздражение, побуждающее во сне душевный аппарат к толкованию через посредство образования иллюзий, может послужить поводом бесчисленного множества таких же толкований, т.е. выразиться в содержании сновидения в бесконечно разнообразных формах*. Учение *Штрюмпеля* и *Вундта* не может, однако, привести ни одного мотива, который регулировал бы соотношение внутреннего раздражения и представления, избранного для его толкования: она не может разъяснить «странный выбор», который раздражения «часто совершают при своей репродуцирующей деятельности». (**Lipps**. Grundtatsachen des Seelenlebens, с. 170). Другие раздражения направляются против основной предпосылки всего учения об иллюзиях, против того, что душа во сне не в состоянии познать истинной природы объективных чувственных раздражений. Старый физиолог *Бурдах* показывает нам, что душа и во сне способна правильно реагировать на них соответственно их правильному истолкованию;

* Я рекомендую читателю прочесть два тома подробных и точных протоколов об экспериментально вызванных сновидениях *Мудви Вольда*, чтобы убедиться в том, что условия опыта могут объяснить лишь очень немногое в содержании отдельного сновидения и что польза таких экспериментов для понимания проблемы сновидения вообще незначительна.

он доказывает, что некоторые кажущиеся важными индивидууму впечатления могут избегнуть пренебрежительного к ним отношения во время сна (няня и ребенок) и что субъект гораздо скорее пробуждается от произнесения его собственного имени, чем от безразличного слухового ощущения; это предполагает, однако, что душа и во сне различает между собою ощущения; (гл. 1, с. 37). *Бурдах* заключает из этих наблюдений, что во время сна существует не неспособность к толкованию чувственных впечатлений, а *недостаток интереса к ним*. Те же аргументы, которыми пользовался в 1830 году *Бурдах*, имеются в 1833 году у *Липпса* в его критике теорий соматических раздражений. Душа напоминает нам поэтому спящего в анекдоте, который на вопрос: «Ты спишь?» отвечает: «Нет», в ответ же на просьбу: «Тогда одолжи мне 10 рублей» говорит: «Я сплю».

Недостаточность теории соматических раздражений очевидна еще и в другом отношении. Наблюдение показывает, что внешние раздражения необязательно вызывают сновидения, хотя и появляются в содержании последних, если сновидения все же бывают налицо. На раздражение осязания или давления, испытываемое мною во сне, я могу реагировать различным образом. Я могу не заметить его и увидеть потом по пробуждении, что, например, у меня не закрыта нога или неправильно согнута рука; патология указывает на многочисленные примеры того, что различные раздражения во время сна не оказывают никакого воздействия. Я могу ощутить раздражение как бы сквозь сон, что обыкновенно и происходят с болезненными ощущениями, — но ощущение это не послужит канвой для сновидения. И, в-третьих, я могу проснуться от раздражения с целью его устранить*. И лишь четвертая возможность заключается в том, что нервное раздражение может вызвать у меня сновидение. Однако первые три возможности настолько же часты, если не чаще, чем четвертая. Последняя не могла бы наступить, если бы не было налицо *мотивов сновидения вне соматических источников раздражения*.

Вполне справедливо заметив вышеуказанные пробелы в объяснении сновидений соматическими раздражениями, другие авторы — *Шернер*, к которому присоединился *Фолькельт*, — старались точнее определить душевную деятельность, при помощи которой соматические раздражения вызывают причудливые, странные сновидения; таким образом, они снова перенесли сущность сновидения в область душевной жизни, в психическую активность. *Шернер* дал не только поэтически прочувствованное, весьма яркое изображение психических особенностей, проявляющихся при образовании сновидения; он был уверен, что открыл и принцип, согласно которому душа оперирует с преподнесенными ей раздражениями. Освобожденная от дневных оков, фантазия в сновидении стремится, по мнению *Шернера*, *символически* изобразить природу органа, от которого исходит раздражение, и самый характер последнего. Получается, таким образом, своего рода «сонник», при помощи которого на основании сновидений можно судить о физических ощущениях, состоянии отдельных органов и физических раздражениях. «Так, например, образ кошки выражает дурное настроение, вид светлого, гладкого хлеба — наготу. Человеческое тело, как целое, изображается в сновидении в виде дома. В сновидениях, вызванных зубной болью, полости рта соответствуют сводчатые сени дома, а переходу глотки в пищевод — лестница; в сновидении, вызванном головной болью, для изображения головы фантазия выбирает потолок комнаты, сплошь усеянный отвратительными пауками». «Эта символика применяется сновидением как нечто постоянное для одного и того же органа; вдыхающее легкое находит себе выражение в раскаленной печке с бушующим пламенем; сердце — в пустых ящиках и корзинах, мочевой пузырь в круглых мешкообразных или вообще лишь полых предметах. Особенно важно то, что в конце сновидения орган или его функция пред-

* Ср. K. Landauer. Handlungen des Schlafenden (Zeitschr. f. d. ges. Neurologie und Psychiatrie, XXXIX, 1918). Для каждого наблюдателя существуют очевидные и исполненные смысла действия спящего человека. Спящий не абсолютно слабоумен; наоборот, он может совершать логичные и волевые действия.

ставляются в истинном виде и даже большей частью на собственном теле спящего. Так, например, сновидение о зубной боли кончается тем, что спящий вырывает себе зуб изо рта». Нельзя сказать, чтобы эта теория толкования сновидений нашла широкое распространение в ученом мире. Она показалась прежде всего чересчур экстравагантной; в ней не заметили даже той доли истины, которая несомненно в ней имеется. Она приводит к восстановлению толкования сновидений при помощи *символики*, которою пользовались древние, с той только разницей, что область, из которой берется толкование, ограничивается физическим миром человека. Недостаток научной конкретной техники при толковании составляет слабую сторону учения *Шернера*. Возможность произвола при толковании здесь, по-видимому, не исключается, особенно потому, что каждое раздражение может проявляться в сновидении различнейшим образом, так, например, уже последователь *Шернера Фолькельт* не соглашался с его утверждением, будто человеческое тело изображается в сновидении в виде дома. Несомненно, вызывает возражение и то, что здесь сновидение представляется в виде бесполезной и бесцельной душевной деятельности, так как, согласно данной теории, душа довольствуется тем, что фантазирует об интересующем ее раздражении, не высказывая ничем, хотя бы отдаленно, своего отношения к устранению этого раздражения.

Но одно возражение наносит серьезный удар учению *Шернера* о символизации раздражений в сновидении. Эти физические раздражения постоянно налицо; душа во время сна доступнее для них, чем в бодрственном состоянии. Непонятно, таким образом, почему душа не грезит непрестанно всю ночь и не каждую эту ночь обо всех этих органах. Если на это возражение ответить тем, что глаза, уши, зубы, кишечник и пр. должны испытывать особые раздражения, чтобы пробудить деятельность сновидения, то возникает трудность установления такого усиленного раздражения; это возможно лишь в самых редких случаях. Если сновидение о летании является символизацией поднимания и опускания стенок легких, то сновидение это либо должно грезиться чаще, как уже заметил *Штрюмпель*, либо же во время этого сновидения должна наблюдаться повышенная деятельность легких. Возможен, однако, еще третий случай, наиболее вероятный из всех: что иногда действуют особые мотивы, имеющие целью обратить внимание на постоянно существующие висцеральные ощущения; но этот случай выводит нас уже за пределы теории *Шернера*.

Значение теории *Шернера* и *Фолькельта* заключается в том, что она обращает внимание на целый ряд особенностей сновидения, требующих объяснения и скрывающих за собою новые истины. Совершенно справедливо, что в сновидениях содержатся символизации телесных органов и их функции, что вода в сновидении часто означает потребность в мочеиспускании, что мужской половой орган изображается при помощи насоса, палки или колонны и т. д. Сновидения, изобилующие яркими красками, в противоположность сновидениям, в которых преобладают тусклые тона, безусловно могут быть сведены к раздражению зрительных органов, равно как слуховые раздражения могут способствовать образованию иллюзий в тех же сновидениях, которые содержат шум и галдеж. Сообщаемое *Шернером* сновидение о том, что на мосту стоят два ряда красивых белокурых мальчиков, которые дерутся друг с другом и потом возвращаются на свои места, пока наконец спящий сам не садится на мост и не вынимает из челюсти больного зуба; или другое сновидение *Фолькельта*, в котором он видел два ряда ящиков и которое опять-таки заканчивалось выниманием зуба, — все эти сновидения не дают права считать теорию *Шернера* созданием праздной фантазии и отрицать наличность в ней зерна истины. В таком случае мы стоим перед задачей дать другое объяснение мнимой символизации мнимого вырывания зубов.

Обсуждая теорию соматических источников сновидения, я все время не указывал аргумента, вытекающего из наших анализов сновидений. Если мы при помощи метода, который другие авторы не применяли к своему материалу, установили, что сновидение обладает особой ценностью в качестве психического акта, что мотивом его

образования служит желание и что переживания предыдущего дня дают главнейший материал для его содержания, то всякая другая теория сновидений, отрицающая этот метод и вместе с тем, считающая сновидение бесцельной и загадочной психической реакцией на соматические раздражения, не имеет под собой никакой почвы. В этом случае, что совершенно невероятно, должны были бы быть два различных вида сновидений, из которых одни наблюдаются лишь нами, другие же — прежними исследователями сновидений. Мы должны теперь согласовать с нашей теорией те факты, на которые опирается распространенное учение о соматических раздражениях.

Первый шаг к этому мы уже сделали, когда говорили, что деятельность сновидения вынуждает к переработке всех возбуждающих его моментов в одно целое. Мы видели, что если с предыдущего дня остаются два или больше ценных переживания, то желания, вытекающие из них, объединяются в сновидении, а также и то, что впечатления, имеющие психическую ценность для материала сновидения, объединяются с безразличными переживаниями предыдущего дня при том условии, если между теми и другими могут быть образованы связующие представления. Сновидения оказываются, таким образом, реакцией на все то, что имеется в данный момент актуального в спящей душе. Из предыдущих анализов сновидений мы знаем, что материал их представляет собою собрание психических рудиментов и следов воспоминаний, за которыми необходимо признать (вследствие предпочтения свежего и детского материала) психологически неопределенный характер актуальности. Нам нетрудно будет ответить на то, что произойдет, если к этому материалу во время сна прибавится новый материал: раздражения. Эти раздражения приобретают опять-таки ценность для сновидения тем, что они актуальны; они объединяются с другими психически актуальными моментами и вместе с ними образуют материал сновидений. Выражаясь иначе, сновидения во время сна перерабатываются в осуществление желания, остальными составными частями которого остаются уже знакомые нам психические остатки предыдущего дня.

Такое соединение, однако, необязательно; мы уже слышали, что по отношению к физическим раздражениям во время сна возможно различное отношение вне. Там же, где оно происходит, там, очевидно, удалось найти представления, которые способны дать выражение обоим источникам сновидения — соматическому и психическому.

Сущность сновидения нисколько не изменяется, когда к его психическому источнику прибавляется соматический материал; оно остается осуществлением желания, каким бы образом выражение его ни обусловливалось актуальным материалом.

Я охотно уделю здесь место ряду особенностей, которые делают значение внешних раздражений для сновидения изменчивым. Я предоставляю себе, что взаимоотношение индивидуальных, физиологических и случайных моментов обусловлено тем, как в отдельных случаях воспринимает человек интенсивные объективные раздражения во время сна; обычная или случайная глубина сна в связи с интенсивностью раздражения дает иногда возможность подавить раздражение настолько, что оно совершенно не нарушает сна, в другой же раз то же самое раздражение может заставить проснуться или же наконец дать повод к включению раздражения в сновидение. Сообразно с этим внешние объективные раздражения у одного субъекта могут чаще или, наоборот, реже проявляться в сновидении, нежели у другого. Я лично сплю превосходно, и меня разбудить очень трудно; внешние впечатления чрезвычайно редко проявляются в моих сновидениях, между тем как психические мотивы чрезвычайно легко заставляют меня грезить. Я отметил у себя лишь одно сновидение, в котором можно подметить наличность объективных болезненных раздражений, и как раз на примере этого сновидения легко показать, какой эффект может вызвать внешнее раздражение.

Я еду верхом на серой лошади, вначале робко и нерешительно, как будто сижу неудобно. Я встречаю коллегу П.; он сидит на лошади молодцом в шерстяной одежде и напоминает мне о чем-то (вероятно, о том, что я сижу очень неловко). Я стараюсь устроиться на моей умной лошади поудобнее, усаживаюсь получше и

вдруг замечаю, что чувствую себя как дома. Вместо седла у меня нечто вроде матраца; он заполняет собою весь промежуток между шеей лошади и крупом. Я проезжаю в узком пространстве между двумя ломовыми телегами. Проехав улицу, я поворачиваю и хочу слезть с лошади у миленькой открытой часовни, находящейся против этой улицы. Затем я действительно слезаю у другой близлежащей часовни. На той же улице имеется и постоялый двор. Я мог бы пустить туда лошадь и одну, но предпочитаю отвести ее туда. У меня чувство, будто мне было стыдно приехать туда верхом. Перед постоялым двором стоит мальчик, показывает мне записку, которую я обронил, и смеется надо мною; в записке написано и дважды подчеркнуто: «Не есть». И вторая фраза (неясно): *«Не работать». У меня тяжелое чувство, будто я в чужом городе и мне делать нечего.*

В сновидении этом трудно подметить, чтобы оно возникло под влиянием какого-либо болезненного раздражения. Накануне, однако, я страдал от фурункулов, мешавших мне двигаться; самый большой фурункул величиною с яблоко был у меня на мошонке и причинял мне при милейшем шаге нестерпимые боли; утомление, отсутствие аппетита и усиленная работа, несмотря на болезнь, — все вместе взятое послужило причиняй моего угнетенного состояния духа. Мне было трудно принимать больных, но, конечно, это занятие не было так невозможно для меня при данном характере и местоположении моей болезни, как, например, *верховая езда*. Сновидение, однако, изображает именно последнюю; это наиболее энергичное отрицание страдания, какое можно себе представить. Я вообще не езжу верхом, верховая езда никогда не снится мне; я всего один раз сидел на лошади и то на неоседланной; верховая езда не понравилась мне. Но в сновидении я еду верхом, точно у меня нет никаких фурункулов в области промежности — *вернее, именно потому, что я не хочу их иметь*. Мое седло соответствует согревающему компрессу, благодаря которому я только и уснул. Вероятно, вначале я не чувствовал боли. Затем появилось болезненное ощущение и старалось меня разбудить; но появилось сновидение и сказало успокоительным тоном: «Спи, ты не проснешься; у тебя нет никаких фурункулов, ты едешь верхом на лошади. Ведь с фурункулами ты бы ехать не мог!» Успокоительная роль удалась сновидению: боль была заглушена, и я продолжал спать.

Сновидение, однако, не удовлетворилось тем, что «внушило» мне отсутствие фурункулов при помощи представления, совершенно несовместимого с моей болезнью; оно ведет себя при этом подобно галлюцинаторному бреду матери, потерявшей ребенка*, или купца, потерявшего все свое состояние; подробности последнего ощущения и образ, послуживший к его подавлению, служит ему также материалом для приведения в связь ситуации сновидения с тем, что было актуально в моей душе. Я еду верхом на *серой* лошади; цвет лошади соответствует в точности коляске цвета *перца или соли*, в которой (коляске) я недавно встретил коллегу Л. *Острая* пища мне запрещена в виду фурункулеза; я предпочитаю считать этиологическим моментом ее, а не *сахар*, о котором можно думать при фурункулезе. Коллега П. немного *задирает передо мною нос***, особенно с тех пор как он занял мое место у одной пациентки, с которой я проделывал всевозможные *кунштюки*. (В сновидении я сижу вначале на лошади в странной позе, точно клоун в цирке, т.е, делаю *кунштюки*); пациентка эта, однако, подобно лошади в анекдоте о неопытном всаднике, делала со мной что угодно. Таким образом, лошадь служит символическим выражением моей пациентки (она в сновидении *очень умна*). *«Я чувствую себя совершенно как дома»*, это соответствует моему положению в доме, в котором меня заменил коллега П. **«Я думал, вы сидите прочно в седле»**,— сказал мне недавно по этому поводу известный венский врач, один из моих немногих доброжелателей. С такими болями, как у меня, было дейст-

* См. об этом у *Гризингера*, а также в другой моей статье о *защитных психоневрозах*, Neurologisches Zentraiblatt, 1896. (Sammlung kl. Schriften, I. Folge).

** Hoch zu Ross sitzen — означает одновременно: 1. *сидеть молодцом на лошади* и 2. *задирать нос*. Отсюда непереводимая игра слов. — Я. К.

вительно *куништюком* заниматься 8 — 10 часов психотерапией, но я знаю, что, будучи болен, я не смогу долго продолжать так работу, и сновидение содержит мрачный намек на ту ситуацию, которая мне угрожает.

Записка, подобная той, какая имеется в руках у неврастеников, когда они являются к врачу:

Не работать и не есть. При дальнейшем анализе я замечаю, что сновидению удалось от желания избавиться от болезни, осуществленного в верховой езде, перейти к эпизоду моего детства: ссоре, происшедшей между мною и одним моим племянником, который на год старше меня и живет в настоящее время в Англии. Кроме того, оно использовало элементы из моих путешествий в Италию; улица в сновидении содержит в себе впечатления о Вероне и о Сиене. Более глубокий анализ приводит меня к мыслям сексуального характера; я вспоминаю, что обозначал намек на прекрасную страну в сновидении одной пациентки (gen Italien — genitalien); это стоит в то же время в связи с домом, в котором я был врачом прежде, чем коллега П. занял мое место, и о местоположении моего фурункула.

В другом сновидении мне удалось подобным же образом защититься, на *этот раз* от раздражения органа чувства, раздражения, угрожавшего нарушить мой сон. Но открытие связи между сновидением и случайным раздражением, вызвавшим сновидение, было результатом счастливого стечения обстоятельств. Я проснулся однажды утром в жаркий летний день в тирольском городке с сознанием того, что мне снилось: *папа умер*. Толкование этого коротенького, но зрительного сновидения не удавалось мне. Я вспоминал только об одной точке опоры для этого сновидения: незадолго до этого в газете появилось сообщение о легком недомогании его святейшества. Но во время завтрака моя жена у меня спросила: «Слышал ли ты сегодня утром ужаснейший звон колоколов?» — Я ничего не знал о том, что я слышал, но я понял теперь свое сновидение. Оно было реакцией на шум со стороны моей потребности во сне, на шум, которым набожные тирольцы хотели меня разбудить. Я мщу им тем выводом, который образует содержание моего

сновидения, и продолжаю спать, не проявляя никакого интереса к колокольному звону.

Среди сновидений, сообщенных в предыдущих главах, можно найти несколько ярких примеров переработки так называемых нервных раздражений. Таким примером может служить сновидение о питье залпом; в нем соматическое раздражение является, по-видимому, единственным источником сновидения, а желание, вызванное ощущением — жажда — единственным мотивом его. Аналогично обстоит дело и в других простых сновидениях, когда соматическое сновидение само по себе способно осуществить желание. Сновидение больной, которая ночью срывает у себя со щеки охлаждающий аппарат, обнаруживает довольно необычайное реагирование осуществления желания на болезненное ощущение. Создается такое впечатление, что больной удалось стать на некоторое время анестетичной, причем она приписала свои боли другому человеку.

Мое сновидение о трех Парках вызвано, очевидно, голодом, но оно сводит этот голод вплоть до потребности ребенка в материнской груди и пользуется самой невинной потребностью для прикрытия более серьезной потребности, лишенной возможности проявиться в таком неприкрашенном виде. В сновидении о графе *Туне* мы видели, каким образом случайная физическая потребность соединяется с наиболее сильными, но и с наиболее подавленными движениями души. И если в сообщаемом *Гарнье* случае Первый Консул превратил шум взорвавшейся адской машины в сновидение о битве, то тут чрезвычайно ясно обнаруживается стремление, ради которого душевная деятельность вообще интересуется во время сна ощущениями. Молодой адвокат, уснувший после обеда в день своего первого большого выступления, ведет себя подобно Наполеону Великому. Он видит некоего Г. Рейха в *Гуссиятине* (Hussiatyn), которого он знает по выступлению, но элемент *Гуссиятин* настойчиво повторяется в сновидении; он просыпается и слышит, что его жена, страдавшая бронхитом, сильно кашляет (husten).

Сопоставим это сновидение Наполеона, обладавшего, кстати, превосходным сном, с другим сновидением

вышеупомянутого студента, которому вслед за словами хозяйки, что ему пора в госпиталь, приснилось, будто он спит в госпитале, и он продолжает спать, сказав себе: «Раз я уже в госпитале, то мне не нужно вставать, чтобы идти туда». Последнее сновидение вызвано, очевидно, стремлением к удобству; спящий сознает мотив своего сновидения, но вместе с тем раскрывает загадку сновидения вообще. В известном смысле все сновидения вызваны *стремлением к удобству*, они служат желанию продолжить сон вместо того, чтобы проснуться. *Сновидение — страж сна, не нарушитель его.* По отношению к психическим моментам мы докажем правильность этого утверждения в другом месте; его же применимость к роли объективных внешних раздражений мы постараемся обосновать уже здесь. Душа либо совершенно не считается с ощущениями во время сна, если только это возможно по отношению к интенсивности и к сознаваемому ею значению этих раздражений, или же она пользуется сновидением, чтобы отрицать наличность этих раздражений, или же, в-третьих, будучи принуждена признать их, она старается истолковать их таким образом, чтобы актуальные ощущения стали составной частью желаемой и согласуемой со сновидением ситуации. Актуальное ощущение вплетается в сновидение и *тем самым лишается своей реальности*. Наполеон может продолжать спать, его сон нарушается лишь воспоминанием о канонаде под Арколе*.

*Желание спать, проявившееся у сознательного «я» и доставляющее вместе с цензурой сновидения** материал для сновидений, должно быть учитываемо каждый раз в качестве мотива к образованию сновидения, и каждое удавшееся сновидение является осуществлением его.* Каким образом это постоянное и одинаковое всегда и повсюду желание спать согласуется с другими желаниями, из которых сновидение осуществляет то одно, то другое, — это послужит темой другого исследования. В желании спать мы имеем, однако, момент, который может заполнить пробел теории *Штрюмпеля — Вундта* и разъяснить причудливость и изменчивость толкования внешних раздражений. Правильные толкования, на которые способна спящая душа, требуют активного интереса и прекращения сна; душа избирает поэтому лишь такое толкование, которое совместимо с повелительной цензурой желания спать. Например, это — соловей, а не ласточка. Ибо если это ласточка, то сон кончен — наступило утро. Из всех доступных толкований раздражения выбирается лишь то, которое может быть приведено в наиболее тесную связь с желаниями, имеющимися налицо в душе. Таким образом, все заранее строго обусловлено и ни в коем случае не зависит от произвола. Неправильное толкование — это не иллюзия, а, если угодно, лишь предлог. Но здесь следует опять-таки признать наличие искривления нормального психического процесса, как и при замещении путем передвигания в угоду цензуре сновидения.

Если внешние и внутренние физические раздражения достаточно интенсивны для того, чтобы вызвать психическую реакцию, — поскольку последствиями их являются сновидения, а не пробуждение — они представляют собою основу для образования сновидений и твердое ядро в его материале, к которому подыскивается затем соответственное осуществление желания таким же образом, как и (см. выше) посредствующие представления между двумя психическими раздражениями. Это справедливо для некоторого числа сновидений постольку, поскольку в содержании их преобладает соматический элемент. В этом крайнем случае ради образования сновидения пробуждается даже неактуальное желание. Но сновидение не может изобразить ничего, кроме желания в осуществленном виде. Ему предстоит как бы задача решить, какое желание выбрать для того, чтобы изобразить осуществление его с помощью актуального ощущения. Если актуальный материал носит болезненный или неприятный характер, то он не может еще в силу одного этого считаться непригодным для образования сновидения. В распоряжении ду-

* Содержание этого сновидения рассказывается неодинаково в двух источниках, из которых я его знаю.

** А также с описываемой в дальнейшем «вторичной обработкой».

шевной жизни имеются желания, осуществление которых вызывает неприятные чувства; это представляется непонятным, но может быть объяснено наличностью двух психических инстанций и цензуры между ними.

В душевной жизни, как мы уже слышали, бывают *вытесненные желания*, относящиеся к первой системе, против осуществления которых борется вторая система. Существует мнение, не оставленное еще и в настоящее время, что такие желания существовали и затем были уничтожены, но учение о вытеснении, необходимое в психоневротике, утверждает, что такие вытесненные желания продолжают существовать, но наряду с ними существует и тяготеющая над ними задержка. Мы выражаемся вполне правильно, когда говорим о «*подавлении*» таких импульсов. Мы сохраняем и пользуемся психическим приспособлением для того, чтобы реализовать такие подавленные желания. Когда такое подавленное желание осуществляется, то преодоление задержки, исходящей от второй (могущей быть осознанной) системы, проявляется в форме неприятного чувства. Резюмируя эту мысль: когда во сне появляются ощущения неприятного характера из соматических источников, то работа сновидения пользуется этой констелляцией для осуществления какого-либо подавленного желания — причем цензура сохраняется в большей или меньшей степени.

Такое положение вещей объясняет целый ряд сновидений, сопровождающихся страхом, между тем как другой ряд сновидений, противоречащих, по-видимому, теории желания, обнаруживает наличность другого механизма. Страх в сновидениях может быть психоневротическим; он может проистекать из психосексуальных раздражений, причем сам он соответствует вытесненному либидо. Тогда страх этот, как и все сновидение, сопровождается страхом, получает значение невротического симптома, и мы стоим на пороге крушения тенденции осуществления желаний в сновидении. В других сновидениях ощущение страха дается соматическим путем (например, у легочных и сердечных больных при случайных затруднениях дыхания); тогда оно используется для осуществления в сновидении таких энергично подавленных желаний, проявление которых в сновидении по психическим мотивам имело бы последствием то же ощущение страха. Объединить эти, по-видимому, два различных случая вовсе нетрудно. Из двух психических явлений, аффекта и представления, тесно связанных друг с другом, одно из них, актуальное, вызывает другое также и в сновидении; иногда соматически обусловленный страх пробуждает подавленное содержание представления, иногда же пробужденное и связанное с сексуальным возбуждением представление вызывает появление страха. О первом случае можно сказать, что соматически обусловленный эффект получает психическое толкование; в другом случае все имеет психическую основу, но подавленное содержание представления легко заменяется соматическим толкованием, соответствующим ощущению страха. Трудности, возникающие здесь для понимания, имеют мало общего со сновидением; они проистекают из того, что мы этим утверждением затрагиваем проблемы появления страха и вытеснения его.

К наиболее влиятельным раздражениям внутреннего свойства относится, несомненно, общее самочувствие субъекта. Оно не обусловливает содержание сновидения, но побуждает последнее производить выбор из материала, который служит для образования сновидения, приближая одну часть этого материала, соответствующую его сущности, и отодвигая другую. Кроме того, это общее самочувствие предыдущего дня тесно связано с психическими остатками, играющими значительную роль в сновидении; причем самочувствие это может сохраниться в сновидении или же оно превращается в свою противоположность в том случае, если оно исполнено неудовольствия.

Когда соматические источники раздражения во время сна — иначе говоря, ощущения во время последнего — не обладают особою интенсивностью, то они, на мой взгляд, играют ту же роль в образовании сновидения, что и свежие, но индифферентные впечатления предыдущего дня. Я хочу этим сказать, что они привлекаются к образованию сновидений лишь в том случае, если способны к соединению с содержанием представлений психического источника; в противном же случае

они не привлекаются. Они представляют собой дешевый, всегда имеющийся наготове материал, применяемый всякий раз, как в нем ощущается потребность; ценный материал, напротив, нам предписывает характер и цель своего применения. Это напоминает тот случай, когда, например, меценат приносит художнику какой-нибудь редкий камень, оникс, и поручает ему сделать из него художественное произведение. Величина камня, его окраска и чистота воды помогают решить, какой бюст или сцена должны быть сделаны из него, между тем как при обильном материале, например, мраморе или песчанике, первенствующую роль играет идея художника, складывающаяся в его уме. Лишь таким образом объясняется тот факт, что содержание сновидения, вызванного не выходящими за обычные пределы внутренними раздражениями, не повторяется во всех сновидениях и не имеется налицо в сновидении каждой ночи*.

Свое мнение я постараюсь иллюстрировать примером, который вернет нас снова к толкованию сновидений. Однажды я старался понять, что означает ощущение связанности, невозможности сойти с места, неподготовленности и т.п., которые так часто снятся человеку и столь близко связаны со страхом. В ночь после этого мне приснилось следующее: *Не совсем одетый я иду из квартиры в нижнем этаже по лестнице в верхний этаж. Я перепрыгиваю через три ступеньки и радуюсь, что так легко могу подниматься по лестнице. Внезапно я вижу, что навстречу мне вниз по лестнице идет горничная. Мне становится стыдно, я спешу, и вдруг появляется чувство связанности, меня словно приковывают к ступенькам, и я не могу сойти с места.*

Анализ: Ситуация сновидения позаимствована из повседневной действительности. У меня в Вене две квартиры в одном доме, соединенные между собою только лестницей. В первом этаже у меня приемная и кабинет, а во втором этаже жилые комнаты. Когда я поздно вечером засиживаюсь за работой, я поднимаюсь ночью по лестнице к себе в спальню. Вечером накануне сновидения я действительно поднялся по лестнице не совсем одетый: я снял воротник, галстук и манжеты; в сновидении же это превратилось чуть ли не в полное неглиже, хотя и туманное (как это всегда бывает). Перепрыгивание через ступеньки — моя всегдашняя привычка; сновидение, впрочем, осуществляет одно из моих желаний, так как легкостью ходьбы по лестнице я убеждаю себя в хорошем состоянии моего сердца. Далее, такой способ подниматься по лестнице представляет собою резкий контраст с чувством связанности во второй половине сновидения. Способ этот показывает мне — это не требует даже доказательств, — что сновидение чрезвычайно легко представляет себе моторные действия во всем их совершенстве; достаточно вспомнить хотя бы о летании в сновидении!

Лестница, по которой я поднимаюсь, не похожа, однако, на лестницу моего дома; сначала я ее не узнаю, и только прислуга, попадающаяся мне навстречу, показывает, где я нахожусь. Прислуга эта — горничная одной пожилой дамы, у которой я бываю два раза в день и которой я делаю инъекции; лестница в сновидении очень похожа на ту, по которой я поднимаюсь там два раза в день.

Какое отношение имеют, однако, эта лестница и эта женщина к моему сновидению? Чувство стыда за небрежный туалет носит несомненно сексуальный характер; горничная, которая приснилась мне, гораздо старше меня, ворчлива и, безусловно, непривлекательна. В ответ на этот вопрос мне приходит в голову только следующее: когда я утром прихожу в этот дом, у меня обычно на лестнице начинается кашель и отхаркивание; мокроту я отхаркиваю обычно на лестницу. На последней нет ни одной плевательницы, и я придерживаюсь той точки зрения, что чистота лестницы может соблюдаться не за мой счет, что именно и побудит домовладельца скорее приобрести плевательницу. Привратница, тоже старая, ворчливая женщина, обладающая,

* *Ранк* в целом ряде работ показал, что некоторые сновидения, вызванные органическим раздражением и имеющие результатом пробуждение сновидящего (сновидения, вызванные позывом к мочеиспусканию и сопровождающиеся поллюциями), особенно хорошо иллюстрируют борьбу между потребностью спать и необходимостью отправления естественных потребностей, равно как и влияние последних на содержание сновидения.

однако, преувеличенным стремлением к опрятности, придерживается в этом отношении другой точки зрения. Она сторожит, не позволю ли я себе снова указанной вольности, когда она уличает меня на месте преступления, я явственно слышу, как она ворчит. Обычно она несколько дней после этого со мною не здоровается, когда мы встречаемся. Накануне сновидения привратница получила подкрепление в лице горничной. Я, как всегда, торопился закончить свой визит и собирался уже уходить, когда в передней меня остановила горничная и сказала: «Доктор, вы бы вытирали ноги, прежде чем входить в комнаты. Красный ковер опять в грязи от ваших сапог». Вот несомненная причина к появлению в моем сновидении лестницы и горничной.

Между моими перепрыгиванием через ступени и отхаркиванием на лестнице имеется тесная связь. Катар горла и сердечная болезнь представляются в одинаковой степени наказанием за порок курения, относительно которого я слышу аналогичные упреки от моей супруги; в одном доме со мной так же мало любезны, как и в другом; сновидение сгустило их в один образ.

Дальнейшее же толкование этого сновидения я должен отложить до установления общих оснований, вызывающих типические сновидения о небрежной одежде. Замечу только, как предварительный результат сообщенного сновидения, что ощущение связанности в сновидении появляется каждый раз, когда какая-либо ассоциация испытывает в нем необходимость. Особое состояние моей подвижности во сне не может быть причиной этого содержания сновидения, так как за момент до этого мне ведь снилось, что я с легкостью перепрыгиваю через ступеньки.

г) *Типические сновидения.* Вообще говоря, мы не можем истолковать сновидение другого человека, если он не желает выяснить нам бессознательные мысли, скрывающиеся позади сновидения; это наносит тяжелый ущерб практическому применению нашего метода толкования сновидений. Однако в противоположность свободной воле индивидуума создавать оригинальные сновидения и тем самым делать их недоступными пониманию других,

существует довольно значительное количество сновидений, испытываемых почти каждым в совершенно одинаковой форме; мы привыкли предполагать даже, что они у каждого человека имеют одинаковое значение. Особенно интересны эти типические сновидения тем, что они, по всей вероятности, проистекают у всех людей из одинаковых источников, т.е., по-видимому, чрезвычайно пригодны для выяснения характера этих источников.

Мы примемся, таким образом, с особыми ожиданиями за приложение нашей техники толкования сновидений к этим типическим сновидениям и признаем лишь весьма неохотно, что наше искусство не совсем подтверждается на этом материале. При толковании типических сновидений отсутствуют обычно свободные мысли сновидящего, которые приводили нас раньше к пониманию сновидения, или же они становятся неясны и недостаточны, так что мы не можем разрешить нашей задачи с их помощью.

Откуда проистекает это и каким образом мы устраняем этот недостаток нашей техники, выяснится в другом месте нашей работы. Тогда же читателю станет ясно также и то, почему я могу обсуждать здесь лишь некоторые сновидения, относящиеся к группе типических, и почему я откладываю обсуждение других образцов типических сновидений.

а) *Сновидение о наготе.* Сновидение о том, что человек, голый или дурно одетый, разгуливает в присутствии других, наблюдается и без всякого сопутствующего чувства стыдливости. Однако сновидение о наготе интересует нас лишь в том случае, когда вместе с тем субъект ощущает стыд и смущение и хочет убежать или спрятаться и вместе с тем испытывает своеобразное чувство связанности: он не может двинуться с места или изменить неприятную ситуацию. Лишь в этом смысле сновидение типично: ядро содержания его может представлять самые различные вариации и индивидуальные особенности. Речь идет, главным образом о неприятном ощущении стыда, о том, что субъект хочет скрыть, в большинстве случаев путем бегства, свою наготу, но не может[60]. Я думаю, что большинство моих читателей находились уже в таком положении в сновидении.

Характер «неглиже» обычно чрезвычайно неопределенен. Хотя и слышишь часто — «Я был в сорочке» — но это очень редко снится в отчетливом виде; большая часть «неглиже» настолько смутна, что она передается в последующем рассказе в альтернативе: «Я была либо в сорочке, либо в нижней юбке». Дефекты туалета обычно не настолько существенны, чтобы оправдать довольно интенсивное чувство стыда. Для того, кто носит офицерский мундир, нагота чаще заменяется незначительным нарушением формы. Я иду по улице без шапки и вижу офицера... или без галстука... или на мне полосатые брюки.

Люди, которых стыдится спящий, по большей части всегда чужие, с неясными, расплывчатыми лицами. Никогда в этих типических сновидениях не наблюдается, что дефекты туалета, вызывающие такого рода стыдливое чувство, замечаются кем-либо или влекут за собою какие-нибудь последствия. Люди делают, наоборот, совершенно безразличные физиономии или, как я подметил в одном чрезвычайно отчетливом сновидении, носят как бы торжественно-чопорные маски. Это наводит на размышление[61].

Чувство стыдливости у спящего и безразличие встречаемых людей образуют противоречие, часто вообще проявляющееся в сновидении. Ощущению спящего должно было бы соответствовать удивление, осмеяние или даже возмущение со стороны окружающих. Я полагаю, однако, что эта необходимая особенность устраняется осуществлением желания, между тем как другая, сдерживаемая какой-то силой, продолжает оставаться, — и обе они не гармонируют друг с другом. У нас имеется одно интересное доказательство того, что сновидение в своей частично искаженной осуществлением желания форме не встречает правильного понимания. Это сновидение послужило основой одной сказки, известной в изложении *Андерсена**, и было поэтически использовано *Л. Фульдой* в «Талисмане». В сказке *Андерсена* рассказывается о двух обманщиках, которые соткали для короля драгоценное платье, видимое, однако, лишь добрым и верным подданным. Король выходит на улицу в этом невидимом платье, и, преисполненные магическою силою, все делают вид, будто не замечают наготы короля.

* «Новое платье короля».

Последнее воспроизводит, однако, ситуацию нашего сновидения. Не нужно особой смелости, чтобы утверждать, что непонятное содержание сновидения дает повод к представлению о наготе, в котором вспоминаемая ситуация находит свой смысл. Ситуация эта вместе с тем лишается своего первоначального значения и служит нужной ей цели. Мы услышим, однако, что такое понимание содержания сновидения сознательным мышлением двух психических систем наблюдается очень часто и должно быть признано фактором окончательного формирования сновидения; мы узнаем далее, что при образовании навязчивых представлений и фобий доминирующую роль играет такое же понимание, — опять-таки в сфере той же самой психической личности. Мы можем и относительно нашего сновидения сказать, откуда взят им материал для превращения. Обманщики — это сновидение, король — сам спящий, а морализирующая тенденция обнаруживает смутное сознание того, что в скрытом содержании сновидения речь идет о недозволенных желаниях, подвергшихся процессу вытеснения. Общая связь, в которой проявляются такие сновидения в моих анализах невротиков, не оставляет никакого сомнения по поводу того, что в основе сновидения лежит воспоминание раннего детства. Лишь в детстве было время, когда мы показывались перед нашими близкими, воспитателями, прислугой и гостями недостаточно одетыми и в то время не стыдились своей наготы*. У многих детей можно наблюдать даже а старшем возрасте, что раздевание вызывает у них какое-то упоение вместо чувства стыда. Они смеются, прыгают, хлопают себя по телу — мать или кто-либо другой, присутствующий при этом, запрещает им это делать, говорит: «Фу, как тебе не стыдно». Дети обнаруживают часто эксгибиционистские наклонности. Пройдитесь по любой деревне, и обя-

* Ребенок играет роль и в упомянутая сказке: там неожиданно раздается голос маленькой девочки: «Да ведь он совсем голый!»

зательно увидите 3 — 4-летнего ребенка, который как бы в честь вашего прихода обязательно поднимает рубашонку. У одного из моих пациентов сохранилось воспоминание об эпизоде его раннего детства: ему было восемь лет, и однажды, раздевшись перед сном, он захотел было отправиться в рубашке к своей маленькой сестренке в соседнюю комнату, но прислуга преградила ему путь. В рассказах невротиков об их детстве раздевание перед детьми другого пола играет видную роль; с этим тесно связан бред параноиков, будто за ними наблюдают при одевании и раздевании. Среди извращенных личностей есть группа людей, у которой детский импульс превращается в своего рода навязчивую идею, — это *эксгибиционисты*.

Это детство, лишенное чувства стыда, кажется нам впоследствии своего рода раем, а ведь самый рай не что иное, как массовая фантазия о детстве человека. Поэтому-то в раю люди и ходят обнаженными и не стыдятся друг друга до того момента, когда в них пробуждается стыд и страх, происходит изгнание из рая, — начинается половая жизнь и культурная работа. В этот рай сновидение может нас переносить каждую ночь. Мы уже высказывали предположение, что впечатления раннего детства (в доисторический период, приблизительно до четырех лет) требуют воспроизведения сами по себе, может быть, даже независимо от их содержания и что повторение их является осуществлением желания. Сновидения о наготе суть, таким образом, *эксгибиционистские сновидения**.

Центром эксгибиционистского сновидения является собственный образ, представляющийся, однако, не в период детства, а в настоящий момент, и недостатки туалета, представляющиеся в чрезвычайно туманном и неясном виде благодаря наслоению многочисленных позднейших воспоминаний о неглиже, или же, быть может, благодаря влиянию цензуры; сюда же относятся также и люди, которых стыдится спящий. Я не знаю ни одного примера, в котором спящий видел бы действительных зрителей своих детских эксгибиционистских поступков. Сновидение не представляет собой простого воспоминания. Странным образом личности, на которых направляется в детстве наш сексуальный интерес, никогда не воспроизводятся ни в сновидении, ни в истерии, ни в неврозах. Лишь параноик вызывает вновь образы зрителей его обнажений и с фанатической убежденностью приходит к выводу об их присутствии, хотя бы они и оставались невидимыми. Те, кем они заменяются в сновидении, «много чужих людей», не обращающих никакого внимания на предлагаемое им зрелище, представляют собою *желательный контраст* к той отдельной близкой личности, которой человек предлагал свое обнажение. Элемент «много чужих людей» может, впрочем, иметь место в сновидениях в какой угодно другой связи; он означает всегда желание, противоположное понятию тайна*. Нужно заметить, что восстановление старого порядка вещей, происходящее при паранойе[62], происходит также и при этой противоположности. Человек больше не остается наедине с самим собой, он безусловно становится предметом наблюдения, но те, кто его наблюдают, — это много чужих людей с весьма неясными, расплывчатыми лицами.

Кроме того, в эксгибиционистских сновидениях проявляется процесс вытеснения. Мучительное ощущение в сновидении представляет собою реакцию второй психической системы на то, что устраненное ею содержание эксгибиционистского эпизода тоже всплыло наружу. Чтобы мучительное ощущение было избегнуто, эпизод этот не должен был бы вновь оживиться.

Относительно чувства связанности мы будем иметь случай говорить еще ниже. Оно в сновидении служит для точного выражения *конфликта воли*, *отрицания*. Согласно бессознательному желанию эксгибиционизм

---

* *Ференци* сообщает несколько интересных сновидений о наготе у женщин, которые без труда могут быть сведены к детскому удовольствию от эксгибиционизма, но которые в некоторых отношениях отклоняются от вышеупомянутых «типических» сновидений о наготе.

* То же самое означает из понятных оснований присутствие в сновидении «всей семьи».

должен быть продолжен, согласно же требованию цензуры он должен быть прерван.

Взаимоотношение наших типических сновидений, сказок и других продуктов поэтической фантазии не представляет собою ни случайного, ни единичного явления. Очень часто проницательный поэтический взгляд подмечает процесс превращения, орудием которого является обычно сам поэт, и воспроизводит его в обратном виде, т.е. сводит поэзию к сновидению. Один мой коллега обратил мое внимание на следующее место из «Зеленого Генриха» *Г. Келлера*[63]. «Не желаю вам, дорогой Ли, чтобы вы когда-нибудь на опыте испытали чрезвычайно пикантное положение Одиссея, когда он голый, покрытый лишь мокрой тиной, предстает пред Навсикаей[64] и ее подругами! Хотите знать, как это происходит? Возьмем любой пример. Вы вдали от родины и от всего, что вам дорого; много видели, много слышали, на душе у вас заботы и горе. Вы одиноки, покинуты, в этом состоянии вам, наверное, ночью приснится, что вы приближаетесь к своей родине; она предстает перед вами в ярких сверкающих красках; навстречу вам выходят красивые, дорогие вам, близкие люди. Вы замечаете вдруг, что вы в оборванном платье, что вы даже голый, покрытый лишь слоем грязи и пыли. Вами овладевает безграничный стыд и страх, вы стараетесь прикрыться, спрятаться и просыпаетесь весь в поту. Таково сновидение озабоченного человека, и *Гомер* заимствовал эту ситуацию из глубочайшей и извечной сущности человека».

Глубочайшая и извечная сущность человека, на пробуждение которой рассчитывает поэт обычно у своих слушателей, — вот те движения душевной жизни, которые коренятся в доисторическом периоде детства. Позади сознательных и не вызывающих возражений желаний людей, находящихся вдали от родины, в сновидении выплывают подавленные запретные желания детства, и поэтому-то сновидение, объективированное в легенде о Навсикае, превращается почти всегда в сновидение о страхе.

Собственное мое сновидение о перепрыгивании через ступеньки лестницы, превратившемся затем в чувство связанности, носит опять-таки эксгибиционистский характер, так как обнаруживает существенные признаки последнего. Его можно поэтому свести к переживаниям детства, и последние должны были бы выяснить, поскольку поведение горничной, ее упрек в том, что я испачкал лестницу, переносит ее в ситуацию, занимаемую в сновидении. Я мог бы действительно дать такого рода толкование. При психоанализе научаешься связь по времени заменять связью по существу; две мысли, по-видимому, друг с другом не связанные, представляют собою, очевидно, нечто целое, которое необходимо лишь установить, — все равно как буквы А и Б, написанные друг подле друга, должны быть произнесены как слог АБ.

Точно так же обстоит дело и с внутренней связью сновидения. Вышеупомянутое сновидение о лестнице выхвачено из целого ряда сновидений; другие звенья этого ряда знакомы мне по их толкованию. Сновидение, включенное в этот ряд, должно относиться к той же самой связи. В основе этих сновидений, включенных в один ряд, лежит воспоминание о няньке, ухаживающей за мною до двух лет; я сам ее очень смутно помню; по сведениям, полученным мною недавно от матери, она была старая и некрасивая, но очень умная и добросовестная. Из анализа моих сновидений я знаю, что она не всегда относилась ко мне ласково и нежно, а иногда даже бранила, когда я не соблюдал ее требований чистоты и опрятности. Стараясь, таким образом, продолжить мое воспитание, прислуга в сновидении претендует на то, чтобы я относился к ней как к воплощению моей «доисторической» няньки. Следует предположить, что ребенок, несмотря на строгость, все же любил эту воспитательницу[65].

б) *Сновидения о смерти близких людей*. Другая группа сновидений, могущих быть названными типическими, связана с представлением о смерти близких родных, родителей, братьев, сестер, детей и пр. Среди этих сновидений можно подметить две разновидности: одни, во время которых спящий не испытывает тяжелой скорби и по пробуждении удивляется своей бесчувственности, и другие, во время которых горе и утрата могут вызвать реальные горючие слезы во время сна.

Сновидения первой разновидности мы оставим в стороне; они не могут быть названы типическими. При их анализе мы убеждаемся, что они означают нечто совершенно далекое от их содержания и что они предназначены исключительно для прикрытия какого-либо другого желания. Таково сновидение тетки, видящей перед собою в гробу единственного сына своей сестры (с. 111). Оно не означает, что она желает смерти своему маленькому племяннику, а лишь скрывает в себе желание после долгого промежутка увидеть любимого человека, того самого, которого она прежде после такого же долгого промежутка времени увидела у гроба другого своего племянника. Желание это, образующее истинное содержание сновидения, не дает повода к скорбному чувству, и поэтому чувства такого не испытывает и спящий. Отсюда ясно, что содержащееся в сновидении ощущение относится не к явному его содержанию, а к скрытому и что аффективное содержание сновидения не претерпевает того искажения, какое выпадает на долю представлений.

Иначе обстоит дело со сновидениями, в которых изображается смерть близкого дорогого человека и с которым связан болезненный аффект. Эти сновидения означают то, о чем говорит их содержание, — желание, чтобы данное лицо умерло. Так как я вправе ожидать, что чувство всех моих читателей и всех тех, кому снилось нечто подобное, будет протестовать против моего убеждения, то я постараюсь обосновать его возможно шире.

Мы анализировали уже одно сновидение, из которого узнали, что желания, изображаемые в сновидении в осуществленном виде, не всегда носят актуальный характер. В сновидении могут осуществляться и давно забытые, устраненные и вытесненные желания; в силу того, что они вновь всплывают в сновидении, мы должны признать, что они продолжают существовать. Они не мертвы, как покойники в нашем представлении, а подобны теням Одиссеи, которые, напившись крови, пробуждаются к жизни. В сновидении о мертвом ребенке в коробке речь шла о желании, которое было актуально пятнадцать лет тому назад и с тех пор откровенно признавалось. Для теории сновидения далеко не безразлично, если я прибавлю, что даже позади этого желания скрывается воспоминание самого раннего детства. Еще маленьким ребенком — мне не удалось точно установить, когда именно, — пациентка моя слышала, что ее мать, будучи беременна ею, страдала меланхолией и от всей души желала смерти ребенку, находившемуся в ее утробе. Выросши и забеременевши, моя пациентка последовала примеру матери.

Если кому-нибудь снится, что его отец, мать, брат, или сестра умирают и если сновидение это сопровождается тяжелыми переживаниями, то я отнюдь не воспользуюсь этим сновидением в качестве доказательства того, что субъект этот именно *теперь* желает им смерти. Теория сновидения не требует теперь столького; она довольствуется констатированием того, что он желал — когда-нибудь в детстве — их смерти. Я боюсь, однако, что и это ограничение все еще недостаточно успокоит моих читателей; они, наверное, столь же энергично будут протестовать против того, что они даже в детстве когда-нибудь испытывали такие желания. Мне придется поэтому воссоздать здесь часть погибшей душевной жизни ребенка по тем признакам, какие существуют еще в настоящее время*.

Обратим прежде всего наше внимание на отношение детей к их братьям и сестрам. Я не знаю, на основании чего мы утверждаем, что отношение это по преимуществу любовно; у нас имеется достаточно примеров вражды между братьями и сестрами в зрелом периоде, и мы зачастую можем констатировать, что эта вражда ведет свое происхождение с детства или даже наблюдается с самого их рождения. Но, с другой стороны, есть много взрослых, относящихся с нежностью к своим братьям и сестрам, в детстве находившихся с ними в открытой постоянной вражде. Старший ребенок относился нехорошо к младшему, дразнил его, колотил, отнимал у

* Ср. Психоанализ детского страха. Психотерапевтическая библиотека, вып. IX, Изд-во «Наука», Москва 1913, а также «Инфантильные сексуальные теории» в Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, zweite Folge. Работа «Психоанализ детского страха» опубликована также в книге З. Фрейда «Психология бессознательного», М. ; Просвещение, 1990.

него игрушки; младший питал бессильную злобу к старшему, завидовал ему и боялся, и его первые проблески стремления к свободе и правосознанию обращались против угнетателя[66]. Родители говорят, что дети не переносят друг друга, и пожимают плечами, когда их спрашивают о причине этого. Нетрудно установить, однако, что и характер «хорошего ребенка» несколько иной, чем тот, который мы находим у взрослого человека. Ребенок абсолютно эгоистичен, он интенсивно испытывает свои потребности и неудержимо стремится к их удовлетворению, особенно же против своих соперников, других детей и главным образом против своих братьев и сестер. Мы не называем, однако, поэтому ребенка «злым», мы называем его «дурным», он не ответственен за свои дурные поступки ни перед нашим суждением, ни перед законом. И вполне справедливо: мы имеем основание надеяться, что еще в период детства в маленьком эгоисте проснутся альтруистические наклонности и мораль, и, выражаясь словами *Мейнерти*, вторичное «я» наложит свой отпечаток на первичное и подавит его. Правда, моральное чувство пробуждается не одновременно по всей линии, и продолжительность аморального детского периода у отдельных индивидуумов чрезвычайно различна. Психоаналитические исследования показали мне, что преждевременное установление морального реактивного образования (до трехлетнего возраста) — т.е. если ребенок слишком рано становится «хорошим» — должно учитываться как момент, предрасполагающий к возникновению в позднейшей жизни невроза. Там, где отсутствует развитие этой моральности, там мы говорим о «дегенерации»; тут перед нами, очевидно, задержка развития. Но и там, где первичный характер устранен позднейшим развитием, он может благодаря заболеванию истерией снова частично проявиться наружу. Сходство так называемого истерического характера с характером «дурного» ребенка бросается сразу в глаза. Невроз же навязчивости соответствует, наоборот, прорыву сверхморальности, которая была наложена, как усиленно отягчающий момент, на всегда живой первичный характер.

Таким образом, многие, которые любят в данное время своих братьев и сестер и для которых утрата их была бы очень тяжела, бессознательно носят в себе издавна злые желания, которые способны проявляться в сновидениях. Чрезвычайно интересно наблюдать за отношением маленьких детей до трех лет и даже меньше к их младшим братьям и сестрам. Ребенок до появления на свет последних был в семействе единственным; теперь же ему говорят, что аист принес ему братца или сестрицу. Ребенок смотрит на пришельца и говорит категорическим тоном: «Пусть аист унесет его обратно»*.

Я готов вполне серьезно утверждать, что ребенок сознательно учитывает, какой ущерб могут принести ему новорожденный брат или сестра. От одной родственницы, находящейся сейчас в тесной дружбе со своей младшей сестрой, я знаю, что она в ответ на сообщение о ее рождении сказала: «А мою красную шапочку я *все-таки* ей не отдам». Если ребенок начинает сознавать этот ущерб лишь впоследствии, то и враждебные его чувства проявляются только тогда. Я знаю один случай, когда трехлетняя девочка пыталась задушить своего маленького брата в колыбельке, потому что его дальнейшее присутствие не сулило ей ничего хорошего. Дети в этом возрасте обнаруживают чрезвычайную, иногда даже преувеличенную склонность к ревности. Приведем еще один пример: новорожденный действительно умирает; на долю старшего ребенка снова выпадают все ласки родителей; но вот аист снова приносит нового братца или сестрицу. Разве не естественно, что у ребенка является желание, чтобы нового соперника постигла та же участь, что и первого, и чтобы ему снова было так же хорошо, как в тот промежуток между смертью первого и рожде-

* Трехлетний Ганс, фобия которого послужила объектом для анализа в вышеупомянутой работе, крикнул в лихорадочном состоянии незадолго до рождения своей сестры: «Мне не нужно никакой сестрицы». Заболев через полтора года неврозом, он признается в желания, чтобы мать уронила малютку в ванну и чтобы она умерла. При всем том Ганс чрезвычайно добрый и ласковый ребенок; через несколько лет он искренне привязался к сестре и относился к ней покровительственно.

нием второго?* Разумеется, это отношение ребенка к младшим братьям и сестрам при нормальных условиях является просто функцией разницы в возрасте. При более значительном промежутке в старшей девочке могут проснуться, наоборот, материнские инстинкты к беспомощному новорожденному.

Враждебное чувство по отношению к братьям и сестрам в детском возрасте встречается значительно чаще, чем это доступно притупленной наблюдательности взрослого**.

Над своими собственными детьми, появлявшимися на свет вскоре один после другого, я упустил случай сделать такого рода наблюдения; я спешу наверстать их теперь над моим маленьким племянником, единовластие которого нарушилось через пятнадцать месяцев появлением юной соперницы; хотя я и слышу, что мальчик относится по-рыцарски к своей сестренке, целует ей руку и гладит ее, я замечаю, что он, не достигнув еще двух лет, пользуется своим даром речи для того, чтобы критиковать соперницу, совершенно, на его взгляд, излишнюю. Как только разговор заходит о ней, он тотчас же вмешивается и говорит недовольным тоном: «Она такая маленькая, такая маленькая». В последнее время, когда девочка, прекрасно развившись, перестала уже заслуживать этот пренебрежительный возглас, мальчик обосновывает свое желание отклонить внимание взрослых от сестры другим путем. При каждом удобном и неудобном случае он говорит: «У нее нет зубов»*. Старшая девочка другой моей сестры, будучи шестилетним ребенком, несколько раз приставала к своим теткам с вопросом: «Неправда ли, Люси еще ничего не понимает?» Люси была моложе ее на два с половиной года.

Сновидения о смерти брата или сестры, соответствующие такому повышенному враждебному чувству, я наблюдал у всех своих пациенток. Мне пришлось встретиться с одним только исключением, которое, однако, при анализе легко оказалось подтверждением общего правила. Когда я однажды во время сеанса сообщил ей о наличности у каждого человека таких сновидений (на мой взгляд, это имело связь с очередным симптомом, который мы разбирали), она ответила к моему удивлению, что ей ничего подобного никогда не снилось. Ей пришло на память, однако, другое сновидение, которое не имело как будто ничего общего с первым сновидением; она видела его в первый раз в возрасте четырех лет, когда она была самым младшим ребенком в семье; с тех пор сновидение это неоднократно повторялось. *«Множество детей, все ее братья, сестры, кузины и кузены играют на лугу. Вдруг за спинами у них оказываются крылья, они улетают и исчезают»*. О значении этого сновидения она не имела ни малейшего понятия. Нетрудно, однако, увидеть в нем сновидение о смерти ее братьев и сестер в его первоначальной форме, мало искаженной цензурой. Я решаюсь предложить следующий анализ этого сновидения. После смерти одного из ее кузенов — дети двух братьев выросли в этом случае вместе, как родные братья и сестры — моя в то время четырехлетняя пациентка спросила одну свою взрослую родственницу: «Что становится с детьми, когда они умирают?» В ответ она услышала: «У них вырастают крылья, и они становятся ангелами». В сновидении у всех

---

* Такие случаи смерти, пережитые в детском возрасте, иногда забываются в семье, однако психоаналитическое исследование показывает, что они имеют огромное значение для возникающего впоследствии невроза.

** С тех пор было сделано много наблюдений, касающихся первоначального враждебного отношения детей к братьям и сестрам и к одному из родителей; наблюдения эти описаны в психоаналитической литературе. Особенно верно и беспристрастно изображена эта типичная детская установка поэтом *Спиттелером* из времен его раннего детства: «Впрочем, там был еще другой Адольф. Это было маленькое существо, о котором говорили, что это мой брат, но я никак не мог понять, зачем он нужен; еще меньше я мог понять, ради чего с ним церемонятся, как со мной. Я удовольствовался собой для своих потребностей, зачем же мне еще нужен был брат? Он был не просто бесполезен, порой он даже мешал мне. Когда я сидел на руках у бабушки, он тоже хотел сидеть у нее на руках, когда я катался в детской коляске, он сидел напротив и занимал половину места, толкая меня ногами».

* Такими словами выразил трехлетний Ганс уничтожающую критику своей сестры. Он предполагает, что она не умеет говорить потому, что у нее нет зубов.

братьев и сестер вырастают крылья, как у ангелов, и — что самое главное — они улетают. Наша маленькая «делательница ангелов» остается одна из всех детей. То, что дети играют на лугу, с которого потом улетают, указывает с полной очевидностью на бабочек, как будто ребенок руководствовался той же ассоциацией, которая побудила древних снабдить Психею крыльями бабочки.

Быть может, меня спросят: хотя враждебные импульсы детей по отношению к их братьям и сестрам действительно имеют место, но каким образом детская душа становится вдруг настолько дурной, что желает своим соперникам или более сильным сверстникам смерти? Как будто все проступки и вся несправедливость могут искупаться только смертью? Кто так говорит, тот не знает, очевидно, что представление ребенка о смерти имеет *весьма мало* общего с нашим понятием о ней. Ребенку незнакомы ужасы тления, могильного холода, бесконечного «ничто» и всего того, что связывается со словом «смерть» в представлении взрослого и что имеется налицо во всех мифах о потустороннем мире. Страх смерти чужд ему, поэтому-то он и играет с этим страшным словом и грозит другому ребенку: «Если ты еще раз это сделаешь, то умрешь, как умер Франц». Бедная мать дрожит от страха, она не может, наверное, забыть того, что большая часть людей не доживает до зрелого возраста. Даже восьмилетний ребенок, возвратясь из какого-нибудь естественно-исторического музея, может сказать своей матери: «Мама, я тебя очень люблю. Когда ты умрешь, я из тебя сделаю чучело и поставлю здесь в комнате, чтобы тебя видеть всегда». Настолько мало детское представление о смерти похоже на наше*.

«Умереть» — значит для ребенка, который вообще избавлен от вида предсмертных страданий, то же самое, что «уйти», не мешать больше оставшимся в живых[67]. Он не различает, каким способом осуществляется это отсутствие, — отъездом или смертью*. Когда у ребенка отнимают няньку и увольняют ее и когда короткое время спустя умирает его мать, то в его воспоминании оба события находятся друг подле друга. То, что ребенок не испытывает особой тоски по отсутствующим, знакомо каждой матери: возвращаясь после продолжительного путешествия домой, она часто с прискорбием слышит: «Дети ни разу не осведомились о маме». Когда она действительно переселяется в «лучший из миров, откуда нет возврата», дети вначале, по-видимому, ее совершенно забывают и лишь *впоследствии* начинают вспоминать о покойнице.

Если у ребенка имеются, таким образом, мотивы желать отсутствия другого ребенка, то ничто не препятствует ему облекать это желание в форму желания смерти: психическая реакция на такие сновидения о смерти показывает, что, несмотря на все различие, по существу, желание ребенка все же сходно с тем же желанием взрослого.

Но если желание ребенка, чтобы умерли его братья и сестры, можно объяснить его эгоизмом, благодаря которому он смотрит на своих братьев и сестер как на соперников, то каким образом объяснить желание смерти родителей, которые являются для ребенка источником любви и исполнителями его капризов и потребностей и долговечности которых он должен был бы желать именно по эгоистическим мотивам?

* От одного очень способного десятилетнего мальчика я вскоре после смерти отца его услышал, к своему удивлению, следующую фразу: «То, что папа умер, я понимаю, но почему он не приходит домой ужинать, этого я никак понять не могу». Дальнейший материал, относящийся к этой теме, содержится в редактируемом д-ром ф. *Гуг-Гелльмут* отделе Kinderseele в «Imago» Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Geisteswissenschaften, Bd. I — V, 1912 — 1918.

* Наблюдение одного психоаналитически образованного отца также подчеркивает момент, когда его четырехлетняя высокоразвитая дочурка узнает разницу между «отсутствием» и «смертью». Ребенок питался неохотно и чувствовал, что одна из служанок пансиона недружелюбно к нему относится. «Пусть Жозефина умрет», — сказала она отцу. — «Почему же она должна умереть? — спросил отец укоряюще. — Разве недостаточно, если она уберется прочь? — «Нет, — ответил ребенок, — тогда она придет опять». — Для неограниченного себялюбия (нарциссизм) ребенка каждое нарушение является crimen laesae majestatis, и, подобно драконовским законам, чувство ребенка определяет за все такие проступки лишь одно и то же постоянное наказание.

Разрешению этой трудной задачи помогает то обстоятельство, что сновидения о смерти родителей в огромном большинстве случаев касаются родителя одного пола со спящим, т.е. мужчине в большинстве случаев снится смерть отца, а женщине — смерть матери. Я не могу утверждать, что это непререкаемый закон, но подавляющее большинство примеров здесь настолько убедительно, что они требуют объяснения каким-либо моментом общего значения. Дело обстоит — грубо говоря, так, как будто мальчики видят в отце, а девочки — в матери соперников своей любви, устранение которых может быть им только выгодно.

Прежде чем отвергнуть это утверждение как совершенно невероятное, необходимо подвергнуть анализу отношения родителей и детей. Необходимо отделить то, что требует от такого отношения культурный момент почитания родителей, от того, что показывает нам повседневное наблюдение. В отношениях между родителями и детьми имеется немало поводов к враждебному чувству; имеется немало условий и для возникновения желаний, не отвечающих, однако, требованиям цензуры. Остановимся сперва на отношениях между отцом и сыном. На мой взгляд, святыня, окружающая десять заповедей, притупляет наше сознание в понимании действительного положения дела. Мы не решаемся признаться самим себе, что большая часть человечества преступает четвертую заповедь. Как в высших, так и в низших слоях человеческого общества почитание родителей отступает на задний план перед другими интересами. Туманные сведения, дошедшие до нас из мифологии, и сказания о первобытном состоянии человеческого общества дают довольно безотрадное представление о власти отца и о бессердечии, с которым он ею пользовался. Хронос пожирает своих детей, как боров пожирает помет свиньи, а Зевс оскопляет своего отца* и становится на его место. Чем полновластнее отец в древней семье, тем больше оснований у сына как у признанного его наследника занимать враждебную позицию, тем сильнее его нетерпение достичь власти через посредство смерти отца. Даже в нашей буржуазной семье отец, стесняя самоопределение сына, сам способствует развитию естественного зародыша вражды, скрывающегося в их отношениях. Врач зачастую имеет случай наблюдать, что скорбь о потере отца не может подавить у сына радости по поводу обретенной наконец им свободы. Остаток сохранившейся и в нашей семье potestas patris familias[68] каждый отец судорожно старается сохранить за собою; это хорошо знакомо всем поэтам, которые выдвигают на первый план своих произведений вековую борьбу отца и сына. Поводы к конфликту между матерью и дочерью возникают, когда дочь подрастает и встречает в матери противницу своей сексуальной свободы, зрелость же дочери напоминает матери о том, что настало время отказаться от собственной половой жизни.

Все это очевидно и ясно, но все это ещё не дает нам возможности разъяснить сновидение о смерти родителей, испытываемое часто людьми, для которых почитание родителей неприкосновенно и свято. Предыдущее изложение указывает нам на то, что это желание смерти родителей должно относиться к раннему детству.

С неопровержимостью, исключающей какие бы то ни было сомнения, подтверждается это предположение относительно психоневротиков при совершаемом у них анализе. Последний показывает, что сексуальные желания ребенка проявляются очень часто — поскольку они, конечно, в этом зачаточном состоянии имеют право носить название сексуальных — и что первая склонность девушки направляется на отца, а первая склонность мальчика — на мать. Отец, таким образом, становится для сына, а мать для дочери соперниками, а как мало нужно для того, чтобы у ребенка это ощущение вылилось в желание смерти, мы уже видели относительно аналогичных желаний по отношению к братьям и сестрам. Выбор сексуального объекта находит свое выражение обычно уже по отношению к родителям; естествен-

---

* По крайней мере, в некоторых мифологических изображениях. По другим мифам только Хронос оскопляет своего отца Урана.

О мифологическом значении этого мотива см. у *Отто Ранка*: «Der Mythus von der Geburt der Helden, 5, Heft der Schriften zur angew. Seelenkunde, 1909», und «Das Inzestmotiv in Dichtung und Sage», 1912.

ное предрасположение устраивает так, что отец балует дочь, а мать сыновей, в то время как оба они там, где влияние их пола не омрачает чистоты их суждения, с одинаковой строгостью относятся к воспитанию детей. Ребенок замечает предпочтение и восстает против того из родителей, который противится такому баловству. Найти любовь у взрослых является для него не только удовлетворением особой потребности, но означает и то, что его воля получает удовлетворение и во всех других отношениях. Таким образом ребенок следует собственному сексуальному влечению и обновляет одновременно исходящее от родителей побуждение, если его выбор между родителями совпадает с выбором этих последних.

Признаки таких склонностей у детей в большинстве случаев не замечаются, между тем как некоторые из них обнаруживаются уже в самом раннем детстве. Восьмилетняя девочка одних моих знакомых пользуется случаем, когда мать выходит в кухню из-за стола, и провозглашает себя ее преемницей: «Теперь я буду мамой! Карл, хочешь еще зелени? Возьми, пожалуйста!» — и т. д. Одна способная, очень живая девочка восьми лет, обнаружившая особенно ярко признаки этой черты детской психологии, говорит даже прямо: «Пусть мамочка умрет, папочка женится на мне, я буду его женой». В детской жизни желание это отнюдь не исключает того, что ребенок нежно любит свою мать. Если маленький мальчик может спать с матерью, как только отец уезжает, а после его возвращения должен вернуться в детскую к няньке, которая нравится ему гораздо меньше, то у него очень легко может возникнуть желание, чтобы отец постоянно находился в отсутствии и чтобы он сам сохранил бы свое место у дорогой, милой мамы; одним из средств для достижения этого желания является, очевидно, то, чтобы отец умер, потому что ребенок знает: «мертвых», как например дедушки, никогда нет, они никогда не приходят[69].

Если такие наблюдения над маленькими детьми и приводят нас к вышеупомянутым заключениям, то все же они не дают еще полной уверенности, которая вселяется во врача при психоанализах взрослых невроти-

ков. Сообщение соответствующих сновидений совершается здесь с такими подробностями, что раскрытие в них определенных желаний не может вызвать никаких сомнений. Однажды я застаю одну свою пациентку с заплаканным лицом. Она говорит: «Я не хочу больше видеть своих родственников, я должна вселять в них один только ужас». Она начинает рассказывать мне о том, что вспомнила сновидение, значения которого она, конечно, не понимает. Она видела его в возрасте четырех лет. Ей снилось: *По крыше прогуливается какое-то животное, рысь (Luchs) или лиса (Fuchs), потом что-то падает или она сама падает. А потом вдруг из дому выносят мертвую мать*, что вызывает у нее горючие слезы. Я разъяснил ей, что сновидение это должно означать детское желание видеть мать мертвой и что она благодаря именно этому сновидению и думает, что должна вселять в родных только ужас. В ответ на мои слова она тотчас же сообщает материал для сновидения. «Luchsaug» (пройдоха) — ругательство, которое она однажды в детстве услыхала от какого-то уличного мальчишки; когда ей было три года, на мать с крыши обрушился кирпич и сильно поранил ей голову.

Я имел однажды случай в течение продолжительного времени наблюдать за одной молоденькой девушкой, претерпевшей целый ряд психических состояний. В припадках крайнего возбуждения и спутанности, с которых началась ее болезнь, пациентка обнаружила отвращение к своей матери, била ее и ругала, как только та приближалась к постели, между тем как к своей старшей сестре она питала нежное чувство и во всем ее слушалась. Вслед за этими припадками у нее появилось довольно ясное состояние ума, но продолжительная апатия и бессонница; в этой фазе я начал ее лечение и подверг анализу ее сновидения. Больная часть их трактовала в более или менее скрытой форме о смерти матери: она то присутствовала на похоронах какой-то пожилой дамы, то видела себя и свою сестру в трауре; относительно значения ее сновидений не могло быть, конечно, никаких сомнений. При последовавшем улучшении появились истерические фобии; наиболее мучи-

тельной из них была боязнь, что с матерью что-то случилось. Где бы она ни была, она спешила домой, чтобы убедиться, что ее мать жива. Случай этот в связи с другими моими наблюдениями чрезвычайно поучителен; он показывает различные способы реагирования психического аппарата на одно и то же возбуждающее представление. В состоянии возбуждения и спутанности, которое я понимаю как *подавление* второй психической инстанции со стороны первой, находящейся обычно в подавленном состоянии, бессознательная враждебность по отношению к матери проявилась в моторных действиях; когда затем наступило первое успокоение, смятение было подавлено и было восстановлено господство цензуры, тогда этой враждебности осталась единственно доступной сфера сновидения, чтобы там осуществилось желание о смерти матери; когда выздоровление подвинулось еще дальше, оно в качестве истерической противореакции создало преувеличенную заботу о матери. В этом смысле вполне понятно и то, почему истерические девушки преувеличенно пылко любят своих матерей.

В другой раз я имел случай проникнуть в бессознательную душевную жизнь одного молодого человека, который страдал навязчивым неврозом и не мог выходить на улицу, так как его мучила мысль, что он может убить всех людей, встречающихся с ним. Он проводил все свое время за тем, что собирал доказательства своего alibi, в случае если против него будет возбуждено обвинение в каком-либо совершенном в городе убийстве. Мне не нужно упоминать здесь о том, что он был чрезвычайно нравственным и интеллигентным человеком. Анализ его состояния вскрыл в качестве причины этой тяжелой навязчивой идеи его желание убить своего чрезмерно строгого отца; желание это проявилось, к его удивлению, вполне сознательно в возрасте семи лет, но относится, несомненно, к еще более раннему периоду детства. После тяжелой болезни и смерти отца на тридцать первом году жизни больного появляется навязчивый упрек, который в форме вышеупомянутой фобии переносится на чужих. Кто в состоянии испытать желание свергнуть своего собственного отца с вершины горы в пропасть, про того

можно подумать, что он не пощадит жизни и чужих ему людей; такой человек имеет поэтому основание запираться у себя в комнате и не выходить на улицу.

На основании моих многочисленных наблюдений родители играют преобладающую роль в детской душевной жизни всех позднейших психоневротиков; любовь к одному из них и ненависть к другому образуют неизменную составную часть психического материала, образованного в то время и чрезвычайно важного для симптоматики последующего невроза. Я не думаю, однако, что психоневротики резко отличаются в этом от других нормальных людей. Гораздо вернее — это подтверждается случайными наблюдениями над нормальными детьми, — что они со своими дружелюбными и враждебными желаниями по отношению к своим родителям воплощают лишь процесс преувеличения, который более или менее интенсивно и отчетливо совершается у большинства детей. Древность в подтверждение этой истины завещала нам чрезвычайно убедительный миф, глубокое и всеобъемлющее значение которого становится понятным лишь при помощи установления вышеуказанных черт детской психологии.

Я разумею здесь миф о царе *Эдипе* и одноименную трагедию *Софокла*. *Эдип*, сын *Лая*, фиванского царя, и *Иокасты*, покидается своими родителями вскоре после рождения на свет, так как оракул возвестил отцу, что еще нерожденный им сын будет его убийцей. *Эдипа* спасают, и он воспитывается при дворе другого царя, пока сам, сомневаясь в своем происхождении, не спрашивает оракула и не получает от него совет избегать родины, так как он должен стать убийцей своего отца и супругом своей матери. По дороге с мнимой родины он встречает царя *Лая* и убивает его во внезапно разгоревшемся сражении. Потом подходит к *Фивам*, разрешает загадку преграждающего путь сфинкса и в благодарность за это избирается на фиванский престол и награждается рукою *Иокасты*. Долгое время он правит в покое и мире и производит от своей жены-матери двух дочерей и двух сыновей, как вдруг разражается чума, заставляющая фиванцев вновь обратиться к оракулу с вопросом. Здесь-то и начинается трагедия *Софокла*. Гонец приносит от-

вет оракула, что чума прекратится, когда из города будет изгнан убийца *Лая*. Где же он, однако? «Кто след найдет столь древнего злодейства?»*.

Действие трагедии состоит не в чем ином, как в постепенно пробуждающемся и искусственно замедляемом раскрытии — аналогичном с процессом психоанализа — того, что сам *Эдип* — убийца *Лая* и в тоже время сын убитого и *Иокасты*. Потрясенный своим страшным злодеянием, *Эдип* ослепляет себя и покидает родину. Предсказание оракула сбылось.

«Царь *Эдип*» — так называемая трагедия рока; ее трагическое действие покоится на противоречии между всеобъемлющей волей богов и тщетным сопротивлением людей, которым грозит страшное бедствие; подчинение воле богов, бегство и сознание собственного бессилия — вот в чем должен убедиться потрясенный зритель трагедии. Современные писатели старались достичь той же цели, изображая в своих поэтических творениях указанное противоречие, но развивая его на собственной канве. Зритель, однако, оставался холодным и безучастно смотрел, как, несмотря на все свое сопротивление, невинные люди должны были подчиниться осуществлению тяготевшего над ними проклятия; позднейшие трагедии рока не имели почти никакого успеха.

Если, однако, «Царь *Эдип*» потрясает современного человека не менее, чем античного грека, то причина этого значения греческой трагедии не в изображении противоречия между роком и человеческой волей, а в особенностях самой темы, на почве которой изображается это противоречие. Есть, очевидно, голос в нашей душе, который готов признать неотразимую волю рока в «*Эдипе*», в то время как в «Родоначальнице» или в других трагедиях рока мы считаем наши решения произвольными. Такой момент действительно имеется в истории самого царя Эдипа. Судьба его захватывает нас потому, что она могла бы стать нашей судьбой, потому что оракул снабдил нас до нашего рождения таким же проклятием, как и *Эдипа*. Всем нам, быть может, суждено

* (Перевод Мережковского).

направить наше первое сексуальное чувство на мать и первую ненависть и насильственное желание на отца; наши сновидения убеждают нас в этом. Царь *Эдип*, убивший своего отца Лая и женившийся на своей матери *Иокасте*, представляет собой лишь осуществление желания нашего детства. Но более счастливые, нежели он, мы сумели отщепить наше сексуальное чувство от матери и забыть свою ревность по отношению к отцу. Человек, осуществивший такое первобытное детское желание, вселяет в нас содрогание, мы отстраняемся от него со всей силой процесса вытеснения, которое претерпевают с самого детства эти желания в нашей душе. Освещая преступление *Эдипа*, поэт приводит нас к познанию нашего «я», в котором все еще шевелятся те же импульсы, хотя и в подавленном виде. То противопоставление, с которым покидает нас хор:

«...Посмотрите на Эдипа,
На того, кто был великим, кто ни зависти сограждан,
Ни судьбы уж не боялся, ибо мыслью он бесстрашной
Сокровеннейшие тайны сфинкса древнего постиг.
Посмотрите, как низвергнут он судьбой» —

это напоминание касается нас самих и нашей гордости, нас, ставших со времени детства столь мудрыми и сильными в нашей оценке. Как *Эдип*, мы живем, не сознавая противоморальных желаний, навязанных нам природой; сознав их, мы все отвратили бы взгляд наш от эпизодов нашего детства*.

* Ни одно открытие психоаналитического исследования не вызывало столько ожесточенных нападок, столько бешеного сопротивления и — столько забавных недоразумений со стороны критики, сколько это указание на детские, оставшиеся бессознательными инцестуозные наклонности. В последнее время появилась даже попытка считать этот инцест, вопреки всему опыту, лишь символическим. Содержательное толкование мифа об *Эдипе* дает *Ференци* (в Imago, I, 1912), основываясь на одном письме *Шопенгауэра*. — Затронутый впервые в «Толковании сновидений» «Эдипов комплекс» получил при дальнейшем изучении огромнейшее значение для понимания истории человечества и развития религии и нравственности. См. «Тотем и табу». (Русск. перев. Психолог. и психоаналит. библиотека. Вып. VI; Москва, Госиздат).

То, что миф об *Эдипе* возник из древнейшего материала сновидений, который имеет своим содержанием мучительное нарушение отношения к родителям благодаря первым побуждениям сексуальности, на этот счет в самом тексте трагедии *Софокла* имеется довольно прозрачное указание. *Иокаста* утешает *Эдипа*, еще не понявшего истинного положения дела, но все же уже озабоченного изречением оракула; она напоминает ему о сновидении, которое видят многие, но которое не имеет, по ее мнению, никакого значения:

«Ведь до тебя уж многим людям снилось,
Что с матерью они — на ложе брачном,
Но те живут и вольно, и легко,
Кто в глупые пророчества не верит».

Сновидение о половой связи с матерью наблюдается, как тогда, так и теперь, у многих людей, сообщающих о нем с возмущением и удивлением. Оно и составляет, несомненно, ключ к трагедии и находится в соответствии со сновидением о смерти отца. Миф об *Эдипе представляет* собою реакцию фантазии на оба эти типические сновидения и, подобно тому как сновидения эти вселяют во взрослых чувство отвращения, так и самый миф должен иметь своим содержанием ужас и самонаказание. В своей законченной форме он носит черты дальнейшей исторической обработки, старавшейся придать ему теологизирующую тенденцию. (Ср. материал сновидений об эксгибиционизме.) Попытка объединить божественное всемогущество с ответственностью человека должна была потерпеть крушение на этом, как и на всяком другом материале.

На том же самом базисе, что и «Царь *Эдип*», покоится и другая величайшая трагедия — *«Гамлет» Шекспира*. Но в измененной обработке одного и того же материала обнаруживаются все различия в психической жизни обоих столь отдаленных друг от друга культурных периодов, весь вековой прогресс процесса вытеснения в душевной жизни человечества. В *«Эдипе»* лежащее в основе его желание ребенка всплывает наружу и осуществляется, точно в сновидении; в *«Гамлете»* оно

остается вытесненным и мы узнаем о наличности его — аналогично положению вещей при неврозе — лишь вследствие исходящих от него задержек. Эта трагедия имеет своеобразную общую черту с покоряющим действием современных драм, а именно: характер героя совершенно неясен. Драма построена на том, что *Гамлет* колеблется осуществить выпавшую на его долю задачу мести; каковы основы или мотивы этого колебания на этот счет текст не говорит ничего, и многочисленные попытки толкования драмы дали очень мало в этом отношении. Согласно господствующему еще и теперь толкованию *Гете, Гамлет* представляет собою тип человека, жизненная энергия которого парализуется преувеличенным развитием мышления («Приведен в болезненное состояние бледностью мысли»). Согласно другому воззрению, *Шекспир* старался изобразить слабый, нерешительный характер, склонный к неврастении. Фабула драмы показывает нам, однако, что *Гамлет* отнюдь не беспомощен. Мы дважды видим его поступки: в первый раз он в неожиданном аффекте закалывает подслушивающего за портьерой *Полония*, в другой же раз умышленно, даже коварно посылает на смерть двух царедворцев. Что же препятствует ему осуществить задачу, внушенную ему тенью отца? Здесь снова приходит на мысль то, что задача эта совершенно особого рода. *Гамлет* способен на все, только не на месть человеку, который устранил его отца и занял его место у матери, человеку, воплотившему для него осуществление его вытесненных детских желаний. Ненависть, которая должна была бы побудить его к мести, заменяется у него самоупреками и даже угрызениями совести, которые говорят ему, что он сам, в буквальном смысле, не лучше, чем преступник, которого он должен покарать. Этим я лишь перевожу в сферу сознания то, что бессознательно дремлет в душе героя; если кто-нибудь назовет *Гамлета* истериком, то я сочту это лишь выводом из моего толкования. Сексуальное отвращение, которое *Гамлет* высказывает в разговоре с *Офелией*, играет здесь решающую роль, то самое сексуальное отвращение, которое в последующие годы все больше и больше овладевает душою *Шекспира*

вплоть до своего окончательного завершения в «*Тимоне Афинском*». В «*Гамлете*» воплощается, разумеется, лишь собственная душевная жизнь поэта; из книги *Георга Брандеса* о *Шекспире* (1896) мы знаем, что трагедия эта написана вскоре после смерти его отца (1601), т.е. под впечатлением свежей скорби и воскрешения детского чувства по отношению к нему. Известно также и то, что рано умерший сын *Шекспира* носил имя *Гамлет* (идентично с именем *Гамнет*). В то время как «Гамлет» трактует отношение сына к родителям, «*Макбет*», связанный с ним по времени, касается темы бездетности. Подобно тому как всякий невротический симптом и как само сновидение допускает самые различные толкования и даже требует целого ряда их для своего понимания, так и всякое истинно поэтическое творение проистекает в душе поэта не из одного мотива и допускает не одно толкование. Я попытался вскрыть здесь наиболее глубокий слой душевной жизни *Шекспира**.

Я не могу оставить рассмотрения типических сновидений и сновидений о смерти близких родных, не сказав несколько слов об их значении для теории сновидения вообще. Сновидения эти представляют собою довольно необычный случай того, что мысль сновидения, содержащая вытесненное желание, не претерпевает влияния цензуры и в неизменном виде переходит в сновидение. На это должны быть особые основания. Я полагаю, что решающую роль играют здесь два момента: во-первых, нет ни одного желания, от которого мы были бы более далеки; мы полагаем, что эти желания «не могут прийти нам в голову даже во сне», и поэтому-то цензура не сопротивляется им в достаточной мере, все равно как законодательство *Солона*[71] не выставляет определенного наказания за отцеубийство. Во-вторых, вытесненное и бессознательное желание особенно часто

* *Э. Джонс*[70] дополнил вышеприведенные указания на аналитическое понимание «*Гамлета*» и подверг критике другие имеющиеся в литературе толкования (Das Problem des Hamlet und der Ödipuskomple, 1911). Другие попытки анализа «*Макбета*» см. в моей статье «Einige Charaktertypen aus der psychoanalytischen Arbeit, Imago» IV, 1916, и у *Л. Иекеля* Shakespeares Macbeth, Imago V, 1918.

сталкивается с остатками впечатлений предыдущего дня ввиду *забот* о жизни близкого лица. Эти заботы не могут быть включены в сновидение иначе, как через посредство одноименного желания; желание же может быть замаскировано заботой. Если думать, что все это происходит гораздо проще, что ночью в сновидении лишь продолжается то, что начато днем, то сновидения о смерти близких родных будут стоять совершенно особняком от какой бы то ни было теории сновидения, являясь совершенно неразрешимой загадкой.

Весьма поучительно также проследить взаимоотношение этих сновидений и сновидений, сопровождающихся страхом. В сновидении о смерти близких людей вытесненное желание находит себе путь, по которому оно может избегнуть цензуры, а вместе с тем и обусловливаемого ею искажения. Постоянным сопутственным явлением в данном случае является то, что субъект испытывает в сновидении болезненные ощущения. Точно так же и сновидение, сопровождающееся страхом, наблюдается лишь тогда, когда цензура подавляется вполне или хотя бы отчасти, и, с другой стороны, подавлению цензуры помогает то, что страх является уже налицо в качестве актуального ощущения, проистекающего из соматических источников. Очевидно, таким образом, какой тенденции придерживается цензура, обусловливая искажающую деятельность сновидения: *она имеет в виду предотвратить появление страха или других мучительных аффектов.*

Выше я говорил об эгоизме детской души и сейчас коснусь его с целью показать здесь, что сновидения сохраняют и этот характер. Они все без исключения абсолютно эгоистичны, во всех них проявляется ваше драгоценное «я», хотя иногда и в замаскированной форме. Желания, осуществляющиеся в них, это постоянно желания нашего «я»; интерес к другому лицу в сновидении всегда иллюзорен. Я подвергну здесь анализу несколько примеров, противоречащих якобы этому моему утверждению.

I. Четырехлетний мальчик рассказывает: ему приснилось *большое блюдо, на котором лежит большой*

кусок жареного мяса. Неожиданно кусок этот съедается, не будучи даже разрезан. Человека, который съел мясо, он не видел.*

Кто же был этот человек, об обильном обеде которого приснилось ребенку? Разъяснение на этот счет нам дают переживания предыдущего дня. Мальчику в течение нескольких дней была прописана врачом молочная диета; накануне сновидения вечером он нашалил и в наказание за это был лишен ужина. Уже раньше как-то он испытал это наказание и вел себя при этом очень мужественно. Он знал, что ничего не получит, но ни одним словом не намекнул на то, что испытывает голод. Воспитание начинает оказывать на него свое действие; оно проявляется уже в сновидении, обнаруживающем зародыши искажающей деятельности. Не подлежит сомнению, что сам он тот человек, желания которого направляются на столь обильный ужин. Так как он знает, однако, что он наказан и не имеет права ничего есть, то он не решается даже во сне сесть за стол и съесть вкусное блюдо, как это делают в сновидениях голодные дети (ср. сновидение о землянике, виденной маленькой Анной).

II. Мне снится однажды, что в окне одного книжного магазина я вижу новый выпуск той серии книг в роскошных переплетах, которые я обычно покупаю (Монографии о художниках, по истории, по вопросам искусства и т.п.). *Новая серия называется: «Знаменитые ораторы (или речи)», и выпуск первый посвящен доктору Лехеру.*

При анализе я удивляюсь, что меня могла заинтересовать слава доктора *Лехера*, побившего рекорд продолжительности речи во время немецкой обструкции в парламенте. На самом же деле я за несколько дней до сновидения начал психическое лечение нескольких новых пациентов, так что теперь принужден говорить от десяти до одиннадцати часов в сутки. Таким образом, я сам побиваю рекорд продолжительности речи.

III. В другой раз мне снится, что один мой знакомый университетский преподаватель говорит: *«Мой сын, Миоп»*. Затем следует диалог из коротких вопросов и ответов. Вслед за этим я вижу себя самого и своих сыновей; для открытого содержания сновидения отец и сын (профессор М.) являются лишь подставными лицами, скрывающими меня и моего старшего сына. К этому сновидению я вернусь еще в дальнейшем в силу другой его особенности.

IV. Пример действительно низменных эгоистических чувств, скрывающихся позади забот, обнаруживает следующее сновидение.

Мой друг Отто выглядит очень плохо, у него дурной цвет лица, и глаза как-то странно навыкате.

Коллега Отто мой домашний врач, я ему очень обязан, так как он уже несколько лет следит за здоровьем моих детей и очень успешно их лечит; кроме того, он им делает подарки по каждому малейшему поводу. Накануне сновидения он был у нас, и моя жена заметила, что он устал и плохо выглядит. Ночью я вижу сновидение, которое наделяет его некоторыми признаками *базедовой* болезни. Тот, кто не следует моим правилам толкования сновидений, истолкует это сновидение в том смысле, что я озабочен здоровьем моего друга и что эта забота реализуется во сне. Это было бы возражением не только против того моего утверждения, будто сновидение представляет собою осуществление желания, но и против другого, что оно доступно лишь эгоистическим интересам и целям. Но тот, кто так истолковывает сновидение, пусть разъяснит мне, почему я предполагаю у Отто наличность базедовой болезни, когда для такого диагноза у меня нет ни малейшего основания. Мой анализ дает, однако, следующий материал, относящийся к эпизоду, имевшему место лет шесть назад. В небольшом обществе, в котором находился, между прочим, и

* Все большое, обильное, чрезмерное и преувеличенное в сновидении носит несомненно характер детства. У ребенка нет более горячего желания, нежели как стать взрослым и прежде всего получать столько, сколько получают взрослые; ребенка трудно удовлетворить: он постоянно требует повторения того, что ему понравилось или было вкусно. *Быть умеренным*, скромным он научается лишь благодаря воспитанию; как известно, невротик тоже склонен к неумеренности и преувеличению.

профессор Р., мы ехали ночью по лесу, находящемуся в нескольких часах езды от нашей дачи. Кучер, бывший навеселе, выбросил нас из экипажа, и лишь по счастливой случайности мы все остались невредимыми. Нам пришлось, однако, переночевать в ближайшей гостинице, где известие о постигшем нас несчастье вызвало большое сочувствие. Какой-то господин с весьма отчетливыми признаками *базедовой* болезни — впрочем, у него был только коричневый цвет кожи и глаза навыкате; струмы, как и в сновидении, не было — предложил свои услуги и спросил, не может ли он чем-нибудь быть нам полезен. Профессор Р. по своей обычной манере ответил: «Разве только тем, что вы мне одолжите ночную сорочку». На это благородный человек сказал: «К сожалению, этим я вам служить не могу», — и ушел.

Продолжая анализ, я вспоминаю, что *«Базедов»* не только фамилия врача, но и одного из известнейших педагогов (в бодрственном состоянии я, однако, не совсем уверен, так ли это). Между тем именно коллегу Отто я просил в случае, если со мною что-нибудь случится, взять на себя заботу о физическом развитии моих детей, особенно же в период зрелости (в связи с этим и ночная сорочка). Наделяя в сновидении коллегу Отто болезненными симптомами вышеупомянутого благородного человека, я хочу, по-видимому, этим сказать: «Если со мною что-нибудь случится, от него дождешься столько же, сколько от того барона Л., несмотря на его любезное предложение». Эгоистическая тенденция этого сновидения вполне очевидна*.

Где же, однако, здесь осуществление желания? Конечно, не в мести коллеге Отто, которому действительно, кажется, суждено играть незавидную роль в моих сновидениях; осуществление желания заключается совершенно в ином. Заменяя коллегу Отто в сновидении вышеупомянутым благородным человеком, я в то же время отождествляю свою собственную персону с другим человеком, а именно с профессором Р., так как я требую от Отто того же, что по другому поводу потребовал профессор Р. от барона Л. Тут-то и разрешение загадки. Профессор Р. аналогично мне сделал свою карьеру помимо университета и лишь в пожилом возрасте получил давно заслуженное им звание. Таким образом, я снова хочу стать профессором. Даже это «в пожилом возрасте» представляет собою осуществление желания, так как означает, что я проживу достаточно долго, чтобы самому позаботиться о развитии своих детей в период зрелости.

а) *Сновидение об экзамене.* Каждый, кому приходилось держать экзамен на аттестат зрелости, жалуется на упорство, с которым его преследует сновидение, будто он провалился на экзамене, остался на второй год и т. д. Для обладателя академического диплома это типическое сновидение заменяется другим: ему снится, будто он держит экзамены и даже во сне тщетно восстает против них, говоря, что он уже давно практикует, состоит приват-доцентом или находится на службе. Все это — неизгладимые воспоминания о наказаниях, которые мы претерпеваем в детстве за совершенные проступки и которые пробудились в нашей душе в связи с двумя узловыми пунктами наших учебных занятий, с «dies irae, dies illa[72]» строгих экзаменов. «Боязнь экзаменов» у невротиков также находит свое подкрепление в этом детском страхе. Мы вышли из детского возраста, и нас не касаются уже больше родители, воспитатели и учителя, которые нас наказывали; неумолимая причинная связь жизни взяла на себя наше дальнейшее воспитание, и нам снятся гимназические или университетские экзамены (а кто из нас тогда не трусил, даже будучи уверен в себе) каждый раз, когда мы боимся, что какое-нибудь дело нам не удастся, потому что мы в чем-нибудь провинились и не сделали так, как нужно, — всякий раз, как мы чувствуем на себе гнет ответственности.

* Когда доктор Эрнест *Джонс* в одной своей научной лекции в Америке говорил об эгоизме в сновидениях, какая-то ученая дама восстала против такого, якобы ненаучного, обобщения и заявила, что автор может судить лишь только по сновидениям австрийцев и не имеет права возводить такого обвинения на сновидения американцев. Она лично может гарантировать, что ее сновидения все строго альтруистичны.

Дальнейшим разъяснением сновидений об экзаменах я обязан замечанию одного сведущего коллеги, который однажды в научной беседе подчеркнул то обстоятельство, что сновидение об экзамене наблюдается лишь у людей, которые выдержали этот экзамен, и никогда у тех, которые на нем провалились. Сновидение об экзамене, сопровождающееся страхом и наблюдающееся, как это неоднократно подтверждено, лишь тогда, когда субъекту предстоит на следующий день ответственный поступок или возможность какого-нибудь постыдного фиаско, избирает своим материалом какой-нибудь эпизод из прошлого, при котором наш страх оказался неосновательным и был опровергнут успешным результатом. Это действительно чрезвычайно яркий пример непонимания сновидения со стороны бодрствующей инстанции. Возражение, приводимое обычно с негодованием: но я ведь уже доктор и т. д., — представляет собою в действительности утешение, которое приносит с собою сновидение и которое должно было бы гласить: не бойся завтрашнего дня; подумай о том, как ты боялся выпускного экзамена и все-таки ведь его выдержал. Теперь же ты уже доктор и т. д. Страх же, который мы относим за счет сновидения, происходит из дневных остатков[73].

Проверки этого объяснения, произведенные как на мне самом, так и на других, хотя и не очень многочисленные, подтвердили справедливость его. Так, например, будучи студентом, я провалился на экзамене судебной медицины; эпизод этот никогда мне не снился, между тем как сновидение часто рисует мне экзамены по ботанике, зоологии и химии; на эти экзамены я шел с вполне обоснованной боязнью провала, но благодаря благосклонности судьбы или экзаменатора все их выдерживал. В сновидениях о выпускных экзаменах в гимназии мне постоянно снится экзамен по истории, который я блестяще выдержал, хотя, правда, только потому, что мой симпатичный преподаватель — одноглазый участник сновидения — заметил, что на билете, который я вынул и возвратил ему, я поспешил ногтем отметить средний из трех вопросов, который тем самым просил мне не задавать. Один из моих пациентов, отказавшийся держать экзамены на аттестат зрелости и сдавший их впоследствии, провалился затем на экзамене на офицерский чин и не мог поэтому стать офицером; он сообщил мне, что ему очень часто снится гимназический экзамен, офицерский же никогда.

Сновидения об экзаменах представляют для толкования ту же трудность, на которую я прежде указал как на трудность, характерную для большинства типичных сновидений. Ассоциативный материал, доставляемый в наше распоряжение сновидящим, лишь в редких случаях бывает достаточным для толкования. Лучшее понимание таких сновидений должно быть создано на большем ряде примеров. Недавно я твердо убедился в том, что фраза «Ты ведь уже доктор и т.п.» скрывает в себе не только утешение, но и упрек. Последний гласит: «Ты теперь настолько уже взрослый, имеешь такой жизненный опыт, и тем не менее делаешь такие глупости, как ребенок». Эта смесь самокритики и утешения соответствует скрытому содержанию сновидения об экзамене. Тогда нет ничего удивительного в том, что эти упреки по поводу — «глупостей» и «ребячества» относятся в последних анализированных примерах к повторению половых актов, сопровождающихся сопротивлением со стороны партнера[74].

Вышеупомянутый коллега (доктор Штекель из Вены) обращает внимание на двусмысленность слова «зрелость»; он наблюдал якобы, что сновидения об экзамене на аттестат зрелости бывают очень часто, когда на следующий день предстоит сексуальное «испытание». Один немецкий коллега возразил на это — по-видимому, вполне справедливо — что на немецком языке эти экзамены носят другое название — Abiturium — и что поэтому наличность двойного смысла в нем утверждать невозможно.

Благодаря аналогичному впечатлению сновидение об опоздании на поезд может быть отнесено к этой же группе. Толкование его подтверждает эту мысль. Сновидения эти заключают в себе утешение в испытываемом во сне страхе: боязни умереть. «Отъезд» — один из наиболее употребительных и понятных символов смерти. Сно-

видение утешает нас: «Будь спокоен, ты не умрешь (не уедешь)», — все равно как сновидение об экзаменах: «Не бойся, ты не провалишься». Трудность понимания обоих этих видов сновидений объясняется тем, что ощущение страха связано именно с выражением утешения. Относительно символов смерти Штекель говорит подробно в своей новой книге «Язык сновидений».

Смысл сновидений, связанных с зубной болью, которые я имел случай отчасти анализировать у своих пациентов, долгое время казался мне загадочным, так как, к моему удивлению, я при толковании их постоянно наталкивался на всевозможные препятствия.

Наконец, я категорически убедился в том, что побудительную силу этим сновидениям дают у мужчин онанистические наклонности периода зрелости. Я подвергну анализу два таких сновидения. Оба сообщены мне одним и тем же лицом, молодым человеком, с резко выраженной, хотя и подавленной гомосексуальной склонностью.

Первое сновидение: «*Он находится в опере и слушает «Фиделио»; сидит в партере подле Л., который ему очень симпатичен и дружбы с которым он уже давно добивался. Неожиданно он пролетает над партером, долетает до лож, засовывает палец в рот и вырывает себе два зуба*».

Полет он сам описывает таким образом, будто его «бросили в воздух». Так как это очевидно обусловлено впечатлением от виденной оперы, то сюда относятся слова поэта:

«Кто овладел прекрасною девою».

Но «овладение прекрасною девою» не образует желания моего пациента. К нему подходят скорее две другие строчки:

«Кому на долю счастливый жребий выпал
быть другом друга своего...»

Здесь непереводимое созвучие. Субъекту снилось, что его «бросили в воздух». «Wurf» в стихотворении обозначает: во-первых, по созвучию «бросок», во-вторых, в переносном смысле «жребий, удачу».

Сновидение и содержит в себе этот «Wurf», который не является, однако, только осуществлением желания. Позади него скрывается и та неприятная мысль, что благодаря своим домогательствам дружбы он не раз уже «выбрасывался за двери», и боязнь, что его снова постигнет та же участь. Сюда присоединяется и признание спящего, что однажды после такой неудачи он от тоски по «другу» дважды подряд онанировал.

Другое сновидение: «*Вместо меня его лечат два известных профессора. Один делает что то с его пенисом; он боится операции. Другой же ударяет его чем-то тяжелым в рот, так что он теряет один или два зуба. Он привязан четырьмя шелковыми платками*».

Сексуальный смысл этого сновидения очевиден. Шелковые платки соответствуют идентификации с одним знакомым гомосексуалом. Спящий, никогда не имевший коитуса и никогда не искавший в действительности полового сближения с мужчиной, представляет себе половое сношение по образцу знакомой ему мастурбации.

Я полагаю, что другие различные модификации типических сновидений о зубной боли, например, когда другой человек вырывает у спящего зуб и т. д., могут быть истолкованы аналогичным образом. Непонятно, однако, каким образом раздражение, вызываемое зубной болью, скрывает за собой вышеупомянутый смысл. Я обращаю здесь внимание на столь частое «перенесение снизу вверх», которое наблюдается при оттеснении сексуальных элементов и при помощи которого при истерии могут реализовываться на различных частях тела ощущения, относящиеся к половой сфере. Рот, губы часто символизируют влагалище, «срамные губы», нос — пенис, волосы на голове — растительность на половых частях и т. д. Только одна часть тела не поддается сравнению — зубы, именно это обстоятельство сообщает последним особую пригодность для изображения под влиянием оттеснения сексуальных элементов[75].

Я не стану утверждать, что значение элемента онанизма в сновидения, о зубной боли мною всецело выяснено и доказано, хотя я лично в нем нисколько не сомневаюсь.

Ко второй группе типических сновидений относятся те, в которых спящий летает, парит в воздухе, падает и т.п. Что означают эти сновидения? Дать общий ответ на это довольно трудно. Они, как мы увидим сейчас, означают в каждом случае нечто другое — лишь материал ощущений, содержащийся в них, проистекает всегда, из одного и того же источника.

Из данных психоанализа следует заключить, что и эти сновидения воспроизводят впечатления детства, относясь главным образом к тем подвижным играм, которые так нравятся детям. Как часто близкие заставляют детей «летать», подымая их на руки и бегая с ними по комнате, или же симулируют для них «падение», сажая их на колени и неожиданно вытягивая ноги. Дети смеются при этом и постоянно просят продолжить игру, особенно, если с нею связан небольшой страх и головокружение. Эти игры повторяются затем через много лет в сновидениях с той только разницей, что взрослые здесь не держатся ни за что руками, а свободно парят в воздухе и действительно падают. Любовь всех маленьких детей к таким играм, а также и к качанию на качелях общеизвестна: видя затем гимнастические и акробатические упражнения, в цирке, дети живо вспоминают об играх своего раннего детства. У многих мальчиков истерические припадки состоят лишь в воспроизведении таких упражнений производимых ими с большим искусством. Нередко при этих самих по себе невинных играх пробуждаются и сексуальные ощущения*. Сновидения о летании, падении, головокружении и т.п., воспроизводящие такие впечатления детства, превращают

* Один молодой, вполне здоровый коллега сообщает мне: «Я знаю по собственному опыту, что прежде, качаясь на качелях, особенно в момент отлетания назад, я испытывал своеобразное ощущение в половой сфере, которое хотя и не было приятным, однако, должно быть названо все же сладострастным».

От своих пациентов я часто слышал, что первые эрекции, сопровождавшиеся приятным чувством, наблюдались ими при лазании на деревья.

Из психоанализов явствует, что очень часто первые проблески сексуального чувства появляются при беготне, возне и драке детей.

приятное чувство, связанное с ними, в ощущение страха. Но ведь почти все матери знают, что игры эти очень часто кончаются для детей слезами.

Ввиду вышеизложенного я имею полное основание отклонить утверждение, будто наше осязание во время сна, ощущение от движения наших легких и т. п, вызывают сновидения о летании и падении. Я полагаю, что сами эти ощущения воспроизводятся благодаря воспоминанию, к которому относится сновидение, т.е., что они служат содержанием последнего, а не его источником.

Этот однообразный и проистекающий из одного и того же источника материал служит для воплощения самых разнообразных мыслей, скрывающихся за сновидением. Одной из моих пациенток снилось, что она летает над улицей, не касаясь земли. Она была очень низкого роста и боялась всегда испортить свою репутацию, что, по ее мнению, было неизбежно при общении с чужими людьми. Ее сновидения осуществляли оба эти желания, поднимая ее с земли и заставляя парить в воздухе вдали от людей. У другой моей пациентки сновидение о летании означало другое желание, которое часто она выражала словами: «Ах, если бы я была птицей». Другие ночью становятся часто ангелами, так как страдают от того, что никто не называет их этим именем. Близкая связь летания с представлением о птице объясняет то, что сновидение о летании у мужчины имеет зачастую грубо чувственное значение. Мы нисколько не удивимся поэтому, если услышим, что мужчины в таком сновидении очень часто гордятся своим умственным авторитетом.

Д-р П. Федерн (Вена) высказал интересное предположение, что большая часть сновидений о летании имеет связь с представлением об эрекции, так как удивительное и постоянно занимавшее человеческую фантазию явление эрекции вызывает представление об исчезновении силы тяжести. (Ср. крылатых фаллосов древности)[76].

Сновидения о падении носят большей частью характер страха. Их толкование у женщин не встречает никаких трудностей, так как они почти всегда символизи-

руют собою «падение», являющееся выражением того, что женщина поддается эротическому искушению. Детских источников сновидений о падении мы еще не касались; почти все дети падают — их поднимают и ласкают: когда они ночью выпадают из постельки, няньки их тотчас же подымают и заботливо укладывают обратно.

Лица, которым часто снится, что они плавают, с наслаждением рассекают волны и т.п., обычно страдали в детстве ночным недержанием и воспроизводят в сновидении приятное чувство, от которого они уже давно научились отказываться. Какие элементы содержатся в этих сновидениях, мы увидим ниже.

Толкование сновидений о пожаре имеет связь с запрещением детям «играть с огнем». В основе их лежит также воспоминание о ночном недержании детского периода. В «Отрывке анализа истерии» (1905) я дал полный анализ и синтез такого сновидения о пожаре в связи с историей болезни моей пациентки и показал, для образования каких впечатлений более зрелого возраста пригоден этот материал детства.

Можно было бы привести еще целый ряд типических сновидений, если разуметь под ними наличие частого повторения одного и того же явного содержания их у различных субъектов: так, например, сновидения о прохождении по узким улицам, о бегстве через анфиладу комнат, сновидения о ночных разбойниках, о преследовании диких животных или об угрозах ножами, кинжалами, копьями; два последних вида характерны для страдающих фобиями. Анализ таких сновидений дает чрезвычайно интересные результаты, но он завел бы нас слишком далеко, и я ограничусь поэтому лишь двумя замечаниями, которые, однако, относятся к типическим сновидениям.

1. Чем больше занимаешься толкованием сновидений, тем больше убеждаешься в том, что большинство сновидений взрослых имеет в основе своей сексуальный характер и дает выражение эротическим желаниям. В этом может убедиться, однако, лишь тот, кто действительно анализирует сновидения, т.е. от явного содержания последних переходит к скрывающимся за ним

мыслями: явное содержание никогда не раскроет сексуального характера сновидения. Обстоятельство это не содержит в себе ничего удивительного, а находится в полном согласии с нашими принципами теории сновидения. Никакие другие инстинкты со времени детства не претерпевают такого гнета, как сексуальное влечение во всех своих многочисленных составных частях*; ни один инстинкт не порождает столько многочисленных бессознательных желаний, которые в состоянии сна способны вызывать сновидение. При толковании сновидений нельзя упускать из виду этого значения сексуальных комплексов, хотя и не следует приписывать им исключительную роль.

Подробный анализ многих сновидений показывает, что они могут быть истолкованы даже бисексуально: они допускают еще и особое толкование, в котором осуществляются гомосексуальные влечения, противоречащие нормальному половому инстинкту спящего субъекта. То, однако, что все сновидения без исключения должны быть истолкованы в бисексуальном смысле, как это делает *В. Штекель*[77] («Язык сновидения» 1911 г.) и *А. Адлер*[78] («Психический гермафродитизм в жизни и неврозе» в «Fortschritte der Medizin» 1910 г. № 16 и другие работы в «Zentralblatt für Psychoanalyse» 1910 — 1911 гг.), представляется именно столь же бездоказательным, сколь и невероятным обобщением. Как же в таком случае обстояло бы дело с многочисленными сновидениями, в которых осуществляются не эротические — в широком смысле — потребности, а другие, как, например, голод, жажда, стремление к удобству и т. д. В равной мере и другое утверждение, будто позади каждого сновидения скрывается страх смерти (*Штекель*), будто каждое сновидение обнаруживает «переход от женской к мужской линии» (*Адлер*), — преступает, на мой взгляд, все пределы вероятного в толковании сновидений.

---

* Ср. мои «Три очерка сексуальной теории». 1910 г. II издание. (Вновь опубокованы в сб.: З. Фрейд «Психология бессознательного», М.: Просвещение, 1990).

То, что на первый взгляд невинные сновидения дают выражения грубым эротическим желаниям, мы видели уже выше и могли бы теперь подтвердить многочисленными новыми примерами. Но и многие, по-видимому, безразличные сновидения, в которых никоим образом нельзя подметить ничего особенного, сводятся часто при анализе к несомненным сексуальным желаниям самого неожиданного свойства.

Кто до толкования мог бы предугадать наличие сексуального влечения в следующем сновидении? Субъект сообщает:

«*Между двумя дворцами стоит маленький домик; ворота его на запоре. Жена ведет меня по улице, подводит к домику, толкает дверь, и я быстро вхожу на двор, несколько поднимающийся в гору*».

Кто имеет известную опытность в толковании сновидений, тот сейчас же увидит в проникновении в тесные помещения и в открывании запертых дверей наиболее употребительную сексуальную символику и с легкостью истолкует это сновидение как изображение попытки coitus'a a posteriori[79]. Узкий двор, подымающийся в гору, несомненно, влагалище, помощь, оказываемая женой в сновидении, указывает на то, что в действительности лишь уважение к жене послужило препятствием к осуществлению такой попытки; полученная справка говорит, что накануне сновидения в дом спящего поступила молодая служанка, произведшая на него выгодное впечатление и вызвавшая в нем мысль, что она, наверное, не отклонила бы такого предложения. Маленький дом между двумя дворцами взят из воспоминаний о Праге и тоже в свою очередь указывает на служанку, которая родом именно из этого города.

Если я убеждаю своих пациентов в частом наличии у них «эдиповых» сновидений о связи со своей собственной матерью, то я слышу постоянно от них: я не могу припомнить ни одного такого сновидения. Вслед за этим тотчас же, однако, всплывает воспоминание о другом смутном и безразличном сновидении, часто у них повторяющемся; анализ показывает, что это сновидение аналогичного содержания. Я утверждаю, что замаскированные сновидения о связи с матерью неизмеримо более часты, нежели явные и очевидные*.

Эти мифы и толкования указывают на вполне правильный психологический вывод. Я убедился в том, однако, что лица, которых почему-то выделяла в детстве мать, обнаруживают в последующей жизни ту особую самоуверенность и тот непоколебимый оптимизм, который нередко кажется геройским и действительно создает этим субъектам успех в жизни.

Бывают сновидения о местностях и ландшафтах, о которых спящий еще в самом сновидении утверждает категорически: «Там я уже был когда-то!» Эта местность всегда — половая сфера матери; и, удивительно, ни об одном месте человек не может с такой уверенностью утверждать, что он был там, как именно об этом.

В основе большого числа сновидений, сопряженных обычно с чувством страха и имеющих своим содержанием прохождение по узким улицам и плавание в воде, лежат мысли об утробной жизни, о пребывании в утробе матери и об акте рождения. Я приведу здесь сновидение одного молодого человека, который в воображении пользуется пребыванием в материнской утробе для наблюдения за коитусом родителей:

«*Он находится в глубокой шахте: в ней окно, как в Земмерингском туннеле. Через это окно он видит сначала какой то пустой ландшафт, но вслед за ним сам составляет в своем воображении картину, которая и заполняет пустоту. Картина изображает собою паш-*

---

* Типический пример такого замаскированного сновидения я опубликовал в № 1 «Zentralblatt'a». Другой пример вместе с подробным анализом приводит *О. Ранк* в № 4. Древним было, впрочем, не чуждо и символическое толкование такого явного сновидения. Ср. *О. Ранк* (106, с. 534): «Так, Юлий Цезарь сообщает о том, что ему снилась половая связь с матерью; толкователь сновидений увидел в этом предсказание того, что он овладеет землею (матерью-землею). Столь же известно и изречение оракула, данное им Тарквинием[80]: тому из них достанется господство над Римом, кто первый поцелует *мать* (osculum matri fulerit), что казалось Бруту указанием на *мать-землю* (terram osculo contigit, scilicet guod ea commuia mater omnium mortalium esset. Livins. I, LXI).

ню, взрыхляемую плугом. Он идет дальше, видит раскрытую книгу по педагогике... и удивляется, что она уделяет такое внимание сексуальному чувству (ребенка). *При этом он вспоминает обо мне*»[81].

Другое сновидение принадлежит моей пациентке; оно сослужило особую службу для ее дальнейшего лечения.

«*Она живет на даче; однажды ночью она бросается в темную воду озера в том месте, где бледная луна отражается на гладкой поверхности*».

Сновидения этого рода — сновидения о родах; смысл их становится ясным, если факт, содержащийся в ясном содержании их, превратить в его противоположность, т.е. вместо «броситься в воду» — «выйти из воды», иначе говоря, родиться. Что же, однако, означает «родиться» в той местности, где она живет на даче? Я спрашиваю ее, и она, не колеблясь, отвечает: «Разве лечение не *переродило* меня?» Таким образом сновидение это содержит в себе предложение продолжить лечение и на даче, т.е. посещать ее и там; оно содержит, быть может, также и довольно неясный намек на желание самой стать матерью*.

Другое сновидение о родах вместе с его толкованием я заимствую из книги *Джонса* [95]: «*Она стояла на берегу моря и следила за маленьким мальчиком, повидимому ее сыном, который плескался в воде. Он зашел в воду так далеко, что она совсем покрыла его, и она видела теперь лишь его голову, которая двигалась взад и вперед по поверхности воды. Неожиданно картина эта превратилась в переполненный народом зал отеля. Муж ее уходит, и она «вступает в разговор» с каким-то чужим господином*».

Вторая половина сновидения оказалась при анализе не чем иным, как уходом от мужа и вступлением в связь

* Значение фантазий и бессознательных мыслей о пребывании в материнской утробе изучено мною во всей полноте лишь недавно. Все они содержат как разъяснения боязни людей быть похороненными заживо[82], так и глубокое бессознательное обоснование веры в загробную жизнь, которая представляет собою лишь продолжение в будущем загадочной жизни до рождения. Акт рождения, впрочем, лишь первое ощущение страха, а вместе с тем и источник такого ощущения.

с третьим лицом. Первая же часть сновидения — очевидная фантазия о родах. В сновидениях, как и в мифологии, выход ребенка из зародышевых вод изображается обычно при помощи обратного превращения: вхождения ребенка в воду; наряду с многими другими, хорошими примерами служат мифы о рождении Адониса, Озириса, Моисея и Вакха. Движения головы ребенка в воде напоминают тотчас же пациентке ощущение движений ребенка, испытанное ею во время ее единственной беременности.

Вторая половина сновидения дает, таким образом, выражение мыслям, связанным с уходом из дома; последний лежит в основе второй половины. Первая половина соответствует скрытому содержанию второй. Помимо вышеупомянутого обратного превращения в обоих частях сновидения имеют место и другие превращения. В первой половине ребенок идет в воду и двигает там головою. В представлении, лежащем в основе сновидения, имеются сначала движения ребенка, а затем уже выход его из вод (двойное превращение). Во второй половине муж оставляет ее; в действительности же она покидает мужа.

Другое сновидение о родах сообщает *Абрагам* [79][83].

Молодой женщине, ожидающей разрешения от бремени, снится: «Из одного места в полу в комнате ведет темный канал прямо в воду (родовой путь — зародышевые воды). Она поднимает люк в полу, и тотчас же появляется существо в косматой шубе, напоминающее тюленя. Существо оказывается младшим братом спящей, к которому она с детства питала *материнскую любовь*».

К сновидениям о родах относятся и сновидения о «спасении». Спасение, особенно же спасение из воды, равнозначно рождению, если оно снится женщине; оно имеет, однако, другой смысл, если снится мужчине. (См. такое сновидение у *Пфистера*: «Случай психоаналитических душевных забот и душевного исцеления». 1909г.) — О символе «спасение» ср. мою статью: «Грядущие шансы психоаналитической терапии». «Zentralblatt für Psychoanalyse» № 1, 1910 г. А также «Психо-

логия половой жизни» — «Jahrbuch Bleuler-Frend», т. II, 1910 г.)

Разбойники, ночные громилы и привидения, которых обычно боятся перед засыпанием, проистекают из одного и того же детского воспоминания. Это лица, будившие ребенка от сна, чтобы посмотреть, не испачкал ли он постели и где он во сне держит руки. При анализе нескольких таких сновидений мне удалось установить личность ночных посетителей. Разбойником был всегда отец, привидениями же большей частью женщины в белых ночных одеяниях.

II. Ознакомившись с богатым применением символики при образовании сновидений, мы должны задаться вопросом, не обладает ли большинство этих символов одним и тем же раз и навсегда установленным значением, — другими словами, мы испытываем искушение составить своего рода «сонник» нового типа. При этом следует заметить, что эта символика относится не к самим сновидениям, а к бессознательным представлениям народа и может быть констатирована гораздо полнее в фольклоре, мифах, сагах, языке, пословицах и поговорках*.

Сновидение пользуется этой символикой для замаскированного образования скрытых за ним мыслей. Среди этих символов имеется очень много, означающих постоянно или почти постоянно одно и то же. Необходимо только принять во внимание своеобразную пластичность психического материала. Символ может проявиться в сновидении не в символической форме, а в своем истинном значении; в другой раз спящий на основании своего индивидуального материала воспоминаний может в качестве символа воспользоваться чем угодно. Кроме того, и наиболее употребительные сексуальные символы вовсе не всегда содержат в себе один смысл.

Упомянув об этом, перечислю эти наиболее употребительные символы: король и королева изображают большею частью родителей спящего; принц или принцесса — его самого. Все продолговатые предметы, палки, трости, деревья, зонты (аналогия с эрекцией!), все длинные и острые орудия: ножи, кинжалы, пики служат для изображения мужского полового органа. Употребительным, хотя и малопонятным символом его служит также пилка для ногтей.

Коробки, жестянки, ящики, шкафы, печки соответствуют половой сфере женщины. Комнаты в сновидениях по большей части — женщины (по-нем. созвучие: «Zimmer» и «Frauenzimmer»). Определения «закрытые» или «открытые», очевидно, относятся сюда же. — Сновидение, в котором спящий спасается через анфиладу комнат, изображает публичный дом. — Лестницы, подъем по ним и схождение — символическое изображение коитуса[84]. — Голые стены, по которым карабкается спящий, фасады домов, с которых он — зачастую со страхом — спускается, соответствуют телу человека в стоячем положении и воспроизводят в сновидении, по всей вероятности, карабканье детей по телу родителей. «Гладкие» стены — мужчины; за «выступы» домов спящий нередко цепляется. — Столы — по большей части женщины; по всей вероятности, вследствие контраста их ровной поверхности с рельефностью женского тела. Так как «стол и постель» — необходимые атрибуты брака, то в сновидении первый нередко заменяет вторую и переносит иногда комплекс сексуальных представлений на комплекс «еды». — Из предметов одежды женская шляпа изображает почти всегда половые органы мужчины. В сновидениях мужчин галстук служит зачастую символом пениса, не только потому, что он имеет продолговатую форму, «свешивается» и служит характерным атрибутом мужчины, но и потому, что галстук можно выбрать себе любой, по желанию, — свобода, совершенно недопустимая относительно истинного значения этого символа. Лица, пользующиеся этим символом в сновидении, имеют обычно целую коллекцию галстуков и очень часто их меняют[85]. — Все сложные машины и аппараты в сновидениях большей частью половые органы, в изображении которых символика сновидения во-

* Ср. работы *Блейлера* и его цюрихских учеников *Медера*, *Абрагама* и других о символике, а также авторов, не врачей, на которых они ссылаются (*Клейнпауль* и другие).

обще чрезвычайно изобретательна. В равной мере сюда же следует отнести многие ландшафты, особенно такие, где имеются мосты или горы, поросшие лесом. Наконец, и различные непонятные новые словообразования могут оказаться соединением нескольких слов, относящихся к половой жизни. — Возня с маленьким ребенком, физическое наказание его служат обычно изображением онанистического акта. — Целый ряд других, правда, еще недостаточно проверенных символов приводит *Штекель* (114), иллюстрируя их примерами. Правая и левая стороны должны быть истолкованы, по его мнению, в этическом смысле. Правая дорога означает всегда путь праведника, левая — путь преступника. Таким образом, первая может изображать гомосексуальность, извращенность, — вторая же брак, сношение с проституткой и пр. Все зависит, конечно, от индивидуально-моральной точки зрения спящего (с. 466). Родственники в сновидении играют большею частью роль половых частей (с. 473). Невозможность догнать экипаж представляется *Штекелю* сожалением о невозможности сгладить разницу в возрасте. Багаж, с которым приходится путешествовать, представляет собою греховное бремя, которое тяготит человека. Цифрам и числам, наблюдаемым часто в сновидениях, *Штекель* приписывает тоже вполне определенные символические значения, хотя это мало доказательно и не поддается такому широкому обобщению, в отдельных случаях, однако, такое толкование может оказаться действительно правильным. В недавно опубликованной книге *В. Штекеля* «Язык сновидения», которой я не мог воспользоваться, имеется (с. 72) список наиболее употребительных сексуальных символов, который должен служить доказательством того, что все сексуальные символы употребляются в бисексуальном смысле. «Нет ни одного символа, который — поскольку это хоть отчасти позволяет фантазия — не мог бы быть применен и в мужском, и в женском значении!» Это «поскольку» в значительной степени ограничивает утверждение *Штекеля*, так как именно фантазия далеко не всегда позволяет это. Я считаю, однако, нужным присовокупить, что, по моему мнению, утверждение *Штекеля* должно отступить на дальний план перед признанием огромного разнообразия. Помимо символов, которые столь же часто изображают мужские половые органы, как и женские, есть много таких, которые относятся преимущественно или почти исключительно к одному полу, и таких, из значений которых известно только мужское или только женское. Пользоваться продолговатыми предметами в качестве символов женских половых органов и полыми (ящиками, коробками и т.п.) в качестве символов мужских — фантазия не позволяет.

Не подлежит сомнению, что склонность сновидения и бессознательной фантазии пользоваться сексуальными символами в бисексуальном смысле обнаруживает архаический характер, так как детству различие полов остается неизвестным и оно приписывает обоим полам одни и те же половые органы.

Этих, во многих отношениях не исчерпывающих указаний, достаточно для дальнейших подробных и тщательных наблюдений*.

Я приведу здесь лишь несколько примеров применения сновидениями таких символов; примеры эти должны показать, как невозможно истолковать сновидение, отрекаясь от учения о символике, и как настойчиво выдвигается она на первый план в огромном большинстве случаев.

1. Шляпа, как символ мужчины (мужского полового органа)**. (*Отрывок сновидения молодой женщины, страдающей агорафобией.*)

«Я иду летом гулять по улице. На мне шляпа странной формы: тулья выгнута вверх, а поля свешиваются вниз, причем одна сторона ниже другой. Я в хорошем, веселом настроении. Встретив нескольких молодых офи-

* При всем различии понимания *Шернером* символики сновидения с только что развитым мною, я все же должен заметить, что *Шернер* (58) должен быть признан первым, открывшим эту символику, и что данным психоанализа удалось восстановить заслуги его сочинения, появившегося полвека назад и сочтенного плодом досужей фантазии.

** Из «Очерков толкования сновидений», «Zentralblatt fur Psychoanalyse», I, № 5/6, 1911.

церов, я думаю: «Вы ничего мне не можете сделать».

Так как она не может привести ни одной мысли, соответствующей представлению о шляпе в сновидении, то я говорю ей: «Шляпа, по всей вероятности, мужской половой орган с поднятой средней частью и двумя свешивающимися боковыми». Я умышленно уклоняюсь от истолкования детали относительно неравной длины обоих полей; хотя как раз такие подробности обычно и указывают путь к толкованию. Я продолжаю: если ее муж обладает, таким образом, таким хорошим половым органом, то ей нечего бояться офицеров, между тем как обычно, она, благодаря своей фобии, не решается выходить на улицу одна. Такое разъяснение страха я мог бы ей дать и раньше неоднократно в связи с другим материалом.

Чрезвычайно интересно, как пациентка встречает мое толкование. Она отрицает, что говорила, будто поля шляпы свешиваются вниз. Я, однако, хорошо помню ее слова и настаиваю на них. Она молчит и потом решается, наконец, спросить, что означает, если у ее мужа одно яичко ниже другого, и у всех ли мужчин это так. Тем самым разъясняется примечательная деталь приснившейся ей шляпы, и все толкование охотно принимается ею.

Шляпа как символ была мне знакома задолго до сообщения этого сновидения. Из других менее прозрачных случаев я убедился, что шляпа может быть символом и женских половых органов.

2. Малютка — половые органы; раздавливание — символ коитуса. (*Другое сновидение той же пациентки, страдающей агорафобией*).

«Ее мать отсылает ее маленькую девочку, чтобы она пошла одна. Потом она идет с матерью по железной дороге и видит, как ее дочка идет прямо на рельсы под поезд. Она слышит хруст костей (при этом неприятное чувство, но не ужас). Она смотрит из окна вагона, не видно ли сзади частей, и упрекает мать, что она оставила малютку одну».

Анализ. Полное толкование этого сновидения дать очень трудно. Оно относится к целому циклу других и

может быть истолковало исчерпывающе лишь в связи с ними. Особенно трудно здесь выделить в изолированном виде материал, необходимый для установления символики. Пациентка сама устанавливает соответствие поездки по железной дороге с возвращением из нервной клиники, в руководителя которой она была, разумеется, влюблена. За ней приехала туда мать, на вокзал проводить ее приехал врач и привез ей букет цветов; ей было неприятно, что мать была свидетельницей этой любезности. Мать является здесь, таким образом, нарушительницей ее любовных стремлений; аналогичную роль она действительно играла в молодости моей пациентки. Дальнейшая мысль относится к дороге. Она оборачивается, не видно ли сзади частей. В сновидении разумеются, конечно, остатки раздавленной девочки. Мысль ее идет, однако, в другом направлении. Она вспоминает, что однажды видела отца сзади голым, заговаривает о половых различиях и указывает на то, что у мужчины половые органы видны и сзади, у женщины же нет. В связи с этим она сама истолковывает сновидение в том смысле, что маленькая девочка олицетворяет половые органы, — ее же девочка (у нее есть 4-летняя дочка) ее собственные половые органы. Она упрекает мать в том, что та требует, чтобы она жила так, как будто у нее вообще нет половых органов, и находит соответствие этому упреку в первой части сновидения: мать отсылает ее маленькую девочку, чтобы она пошла одна. В ее воображении идти одной по улице означает: не иметь мужчины, не иметь половых сношений (coire — идти вместе), а на это она не способна. По ее рассказам, она, будучи ребенком, действительно страдала от ревности матери вследствие явного предпочтения, которое оказывал ей отец. О «маленьком ребенке» как о символе (мужских или женских) половых органов говорил уже *Штекель**, ссылавшийся при этом на общеупотребительные обороты речи.

---

* «Очерки толкования сновидений» «Jahrbuch für psychoanalyt. und psychop. Forsch. T. I, 1909, c. 473. Там же (с. 475) сообщается еще одно сновидение, в котором шляпа с криво сидящим пером посередине символизирует (импотентного) мужчину.

Более глубокое толкование этого сновидения вытекает из другого сновидения той же ночи, в котором она отождествляет себя со своим братом. В детстве у нее был действительно мальчишеский вид, и ей часто говорили, что в ней пропал хороший мальчик. В связи с этой идентификацией становится вполне очевидным, что «маленький ребенок» означает половые органы. Мать грозит ему (ей) кастрацией, которая есть не что иное, как наказание за игру с половым органом; таким образом, идентификация показывает, что она сама в детстве занималась онанизмом, что в памяти ее сохранилось только относительно ее брата. Знакомство с видом мужских половых органов, впоследствии ею утраченное, относится, согласно данным второго сновидения, к раннему детству. Далее, второе сновидение указывает еще на детскую сексуальную теорию, будто девочки происходят от мальчиков путем их кастрации.

Отсылание девочки в первом сновидении относится тоже, таким образом, к угрозе кастрацией. Кроме того, она негодует на мать за то, что та не родила ее мальчиком.

То, что «раздавливание» символизирует половой акт не явствует из этого сновидения, но подтверждается рядом других источников.

3. Изображение половых органов при помощи зданий, лестниц и шахт. (*Сновидение молодого человека.*)

«Он идет с отцом по улице, напоминающей Пратер, там большая *эстрада* с небольшим *выступом*; к последнему привязан *воздушный шар, слабо*, однако, надутый; отец спрашивает его, к чему это все; он удивляется, но объясняет ему. Он входит в какой-то двор; на земле лежит большой лист жести. Отец хочет *оторвать* себе большой кусок, но предварительно оглядывается, нет ли кого-нибудь. Он говорит ему, что нужно сказать только сторожу, тогда можно взять сколько угодно. На этом дворе *лестница* ведет вниз в *шахту*, стены которой обиты мягким, все равно как спинка кресла. В конце этой шахты продолговатая платформа, а за ней еще одна шахта...»

Анализ. Пациент этот принадлежит к чрезвычайно неблагодарному в терапевтическом отношении типу больных, которые до известного пункта анализа не оказывают никакого сопротивления, потом, однако, становятся почти совершенно недоступными. Сновидение это он разъяснил самостоятельно. Эстрада, сказал он, это мои половые органы, воздушный шар перед нею — мой пенис, на вялость которого я имею основания жаловаться. Разбираясь в деталях, можно сказать, что круглая эстрада — седалище (причисляемое детьми обычно к половым органам), а выступ спереди — scrotum[86]. В сновидении отец спрашивает его, к чему это все, т.е. осведомляется о назначении и устройстве половых органов. Очевидно, что тут необходимо предположить, что вопрос задает он отцу, а не наоборот; так как в действительности он отца об этом никогда не расспрашивал, то мысль, лежащая в основе сновидения, должна быть истолкована в виде желания или же должна быть взята в условной форме: «Если бы я стал расспрашивать отца об этих вещах...» С продолжением этой мысли мы еще встретимся ниже.

Двор, на котором лежит жесть, не должен быть истолкован символически: он изображает попросту двор дома, где находится торговля отца пациента. Из желания сохранить инкогнито последнего я заменяю «жестью» другой металл, которым торгует его отец; это не изменяет нисколько сущности сновидения. Пациент мой вступил в дело отца и был возмущен некоторыми его проделками и махинациями, на которых, главным образом, и основывались его барыши. Таким образом, продолжение вышеприведенной мысли, сказало бы: «(Если бы я его спросил)... он обманул бы меня, как обманывает своих покупателей». Относительно *отрывания*, служащего для изображения коммерческой нечестности, пациент мой находит и другое толкование: оно означает мастурбацию. Вполне в порядке вещей, что последняя снова приписывается отцу, как и расспросы в первой части сновидения. Шахту он истолковывает, как символ vagina, ссылаясь на мягкую обивку. Что опускание по лестнице и поднимание изображает собой коитус, я знаю и на основании других источников (ср. «Zentralblatt für Psychanalyse», № 1).

Детали относительно продолговатой платформы в первой шахте и второй шахты он разъясняет биографически. Одно время он имел половые сношения, затем вынужден был прекратить их и теперь при помощи лечения надеется снова их начать. К концу сновидение становится менее отчетливым.

4. Мужские половые органы, символизируемые лицами, и женские — ландшафтами. (*Сновидение простой женщины, муж которой служит сторожем. Сообщено Б. Даттнером*).

...Кто-то забрался в дом, и она в страхе позвала сторожа. Но тот мирно отправился вместе с громилами в церковь*, к которой вели несколько ступеней**; позади церкви была гора***, а наверху густой лес****. На стороже был шлем и ряса*****; у него большая рыжая борода. На громилах, мирно шедших с ним, были длинные мешкообразные фартуки******. Из церкви в гору вела дорога. Последняя с обеих сторон поросла травой и кустарником, который становился все гуще и на вершине горы переходил в дремучий лес.

5. Сновидение о лестнице. (*Сообщено и истолковано Отто Ранком*).

«Я бегу вниз по лестнице за маленькой девочкой, которая что-то мне сделала, и хочу ее наказать. Внизу кто-то (взрослая женщина?) задерживает девочку; я хватаю ее, но не знаю, бил ли ее или нет, так как внезапно попадаю на середину лестницы и имею с девочкой половое сношение (как будто в воздухе). В сущности говоря, это даже не половое сношение: я только касаюсь пенисом ее половых частей, причем ясно вижу откинутую назад голову. Во время коитуса я вижу слева от себя (тоже как будто в воздухе) две небольшие картины, изображающие дом, окруженный зеленью. На одной, меньшей, на месте подписи художника имеется мое собственное имя, точно картина предназначена мне в подарок ко дню рождения. Перед картинами висит еще записка, на которой написано, что можно иметь и более дешевые картины; (затем я вижу себя неясно, точно в постели на верхней площадке лестницы) и просыпаюсь от ощущения влажности, объясняющейся испытанной поллюцией».

Толкование. Пациент вечером накануне сновидения был в книжном магазине, где рассматривал картины, по сюжету аналогичные с приснившимися ему. Одна из небольших картин ему особенно понравилась, он подошел к ней ближе и прочел имя совершенно незнакомого ему художника.

В тот же вечер он, будучи в одном обществе, слышал об одной служанке, которая хвасталась тем, что зачала своего внебрачного ребенка на лестнице. Он осведомился о деталях этого незаурядного случая и узнал, что служанка отправилась со своим поклонником в дом родителей, там было неудобно, и возбужденный ухажива-тель совершил коитус на лестнице.

Таковы впечатления предыдущего дня, чрезвычайно рельефно отразившиеся в сновидении и целиком сохранившиеся в памяти пациента. Столь же отчетливо сохранилось в нем и одно воспоминание детства, также включенное в сновидение. Лестница в последнем похожа на лестницу того дома, где он провел большую часть своего детства и где впервые познакомился сознательно с восторгами половой жизни. На этой лестнице он часто играл и нередко сползал верхом по перилам, причем испытывал половое возбуждение. В сновидении он тоже быстро спускается с лестницы, так быстро, что, по его собственным словам, не чувствует ступеней, а как бы «слетает» вниз. В связи с детским переживанием это начало сновидения изображает, по-видимому, момент сексуального возбуждения. На этой же лестнице в соседней квартире пациент в детстве не раз затевал с соседскими детьми игры, причем аналогичным же образом удовлетворял иногда половые желания.

Зная, на основании сексуально-символических иссле-

* Влагалище.

** Символ коитуса.

*** Лобок.

**** Растительность на лобке.

***** Демоны в рясах, по словам специалистов, носят всегда фаллический характер.

****** Две части мошонки.

дований *Фрейда* (см. Zentralblatt f. Psychoanalyse 1, с, 2 сл.), что лестница и восхождение по ней символизируют почти всегда коитус, мы должны будем признать, что сновидение представляется чрезвычайно прозрачным. Его мораль, как показывает и его результат — поллюция, носит чисто сексуальный характер. В состоянии сна пробуждается сексуальное желание. Оно повышается и приводит к половому акту (изображенному в сновидении хватанием девочки и ее увлечением на середину лестницы). До сих пор сновидение носит чисто сексуально-символический характер и неопытному глазу представляется совершенно непонятным. Но повышенному сексуальному возбуждению мало такого символического удовлетворения, которое не нарушило бы спокойствия сна. Возбуждение ведет к оргазму, и вся символика, связанная с представлением о коитусе, оказывается изображением коитуса. — Если *Фрейд* в качестве одной из причин сексуального характера этого символа (лестницы) указывает на ритмический характер обеих процедур, то наше сновидение служит нагляднейшим примером этого, так как, по категорическому утверждению грезившего, ритмичность полового акта была наиболее рельефным элементом всего сновидения.

Еще несколько слов по поводу обеих картин, которые, помимо их реального значения, имеют и символическое: это явствует уже из того, что грезящий видит две картины, одну побольше, одну поменьше, аналогично двум женщинам, взрослой и девочке. То, что «можно иметь картины и подешевле», приводит к представлению о проституции.

Смутная заключительная сцена, когда грезящий видит себя в постели на верхней площадке лестницы и ощущает влажность, относится, по всей вероятности, не только к детской мастурбации, но имеет связь с более ранней enuresis nocturna[87].

6. Модифицированное сновидение о лестнице.

Одному своему пациенту, воображение которого вращается вокруг матери и которому снится нередко восхождение по лестнице в сопровождении матери, я говорю, что умеренная мастурбация была бы, по всей вероятности, менее вредна ему, чем его вынужденное воздержание. Эти слова вызывают у него следующее сновидение:

«Учитель музыки упрекает его, что он забросил игру на рояля и не играет этюды Мошеля и «Gradus ad Parnassum» Клементи[88].

Пациент сообщает мне сновидение, замечает, что «Gradus» ведь тоже лестница; и клавиатура, содержащая шкалу.

Можно с уверенностью сказать, что нет ни одного круга представлений, который был бы недоступен изображению сексуальных явлений и желаний.

Я заключаю главу сновидением одного химика, молодого человека, заменившего свои онанистические привычки сношениями с женщиной.

Предварительное сообщение. Накануне сновидения он объяснял одному студенту сущность грильяровской реакции, при которой магнезия при каталитическом действии йода растворяется в чистом эфире. За два дня до этого во время производства этого опыта произошел взрыв, причем рабочий тяжело обжег себе руку.

Сновидение I. Он должен приготовить бромистое соединение фенила и магнезии, причем сам играет роль магнезии. У него странное состояние, он все время говорит вполне правильно: мои ноги растворяются, колени становятся мягкими. Он ощупывает ноги, вынимает их (сам не зная, каким образом) из колбы и говорит: не может быть. Нет, все, все верно. Он просыпается, но не вполне и повторяет про себя сновидение, так как решает передать его мне. Он боится забыть его, находится в чрезвычайно возбужденном состоянии и все время повторяет: «Фенил! Фенил!»

Сновидение II. Он со всей семьей в местечке X. В половине двенадцатого у него свидание с одной дамой, но он просыпается только в половине двенадцатого и говорит себе самому: «Уже поздно, пока я дойду, будет половина первого». В эту минуту он видит, что вся его семья в сборе и обедает; особенно отчетливо видит он мать и горничную с суповой миской. Он думает: «Ну, раз уж обед, мне уйти не удастся».

Анализ. Не подлежит сомнению, что и первое снови-

дение связано с ожидаемым свиданием. Студент, которому он давал разъяснения, очень противный субъект; он сказал ему: «Это неправильно, потому что магнезии вовсе еще не было». — Тот ответил, как будто это его ничуть не касалось: «Пусть будет неправильно». Этот студент, вероятно, он сам; он так же равнодушен к своему анализу, как тот к синтезу.

С другой стороны, он то, чем производится анализ (синтез). Дело идет об успешности лечения. Ноги в сновидении вызывают воспоминание о вечере накануне сновидения. Он танцевал с одной дамой, на которую у него свои виды, и так крепко прижимал ее к себе, что один раз она даже вскрикнула. Прикоснувшись к ее ногам, он ощутил ее ответное пожатие. В этой ситуации, таким образом, женщина — магнезия в реторте, с которой дело налаживается. По отношению ко мне он женственен, так же девственен по отношению к женщине. Если с женщиной дело наладится, то оно наладится и с лечением. Ощупывание ног и всего тела указывает на онанизм и на усталость предыдущего дня. Свидание было назначено действительно в половине двенадцатого. Его желание проспать этот час и остаться в домашней привычной обстановке (т.е. продолжать заниматься онанизмом) соответствует его сопротивлению.

VI. РАБОТА СНОВИДЕНИЯ

Все попытки подойти к разрешению проблемы сновидения связывались до сих пор непосредственно с явным содержанием его, сохраняемым в воспоминании, и были направлены на толкование именно этого содержания; или же отказывались от какого бы то ни было толкования, обосновывая свое суждение о сновидении постоянным указанием на его содержание. С нашей точки зрения, дело обстоит совершенно иначе; для нас между содержанием сновидения и результатом нашего исследования находится новый психический материал: скрытое содержание, добытое при помощи нашего метода, и мысли, скрывающиеся за сновидением. Из скрытого содержания, а не из явного, берем мы разрешение сновидения. Нам предстоит поэтому теперь задача рассмотреть взаимоотношение явного содержания сновидения к скрытому и проследить, путем какого процесса образуется из последнего первое.

Мысли и содержание сновидения предстают перед нами как два изображения одного и того же содержания на двух различных языках, или, вернее говоря, содержание сновидения представляется нам переводом мыслей на другой язык, знаки и правила которого мы должны изучить путем сравнения оригинала и этого перевода. Мысли сновидения понятны нам без дальнейших пояснений, как только мы их узнаем. Содержание составлено как бы иероглифами, отдельные знаки которых должны быть переведены на язык мыслей. Мы, несомненно, впадаем в заблуждение, если захотим читать эти знаки по их очевидному значению, а не по их внутреннему смыслу. Представим себе, что перед нами ребус: дом, на крыше которого лодка, потом отдельные буквы, затем

бегущий человек, вместо головы которого нарисован апостроф, и пр. На первый взгляд нам хочется назвать бессмысленной и эту картину, и ее отдельные элементы. Лодку не ставят на крышу дома, а человек без головы не может бегать; кроме того, человек на картинке выше дома, а если вся она должна изображать ландшафт, то причем же тут буквы, которых мы не видим в природе. Правильное рассмотрение ребуса получается лишь в том случае, если мы не предъявим таких требований ко всему целому и к его отдельным частям, а постараемся заменить каждый его элемент слогом или словом, находящимся в каком-либо взаимоотношении с изображенным предметом. Слова, получаемые при этом, уже не абсурдны, а могут в своем соединении воплощать прекраснейшее и глубокомысленнейшее изречение. Таким ребусом является и сновидение, и наши предшественники в области толкования последнего впадали в ошибку, рассматривая этот ребус в виде композиции рисовальщика. В качестве таковой он вполне естественно казался абсурдным, лишенным всякого смысла.

а) *Работа сгущения.* Первое, что бросается в глаза исследователю при сравнении содержания сновидения с мыслями, скрывающимися за ним, это неутомимый процесс сгущения. Сновидение скудно, бедно и лаконично по сравнению с объемом и богатством мыслей. Сновидение, будучи записано, занимает полстраницы; анализ же, в котором развиваются мысли, скрывающиеся за этим сновидением, требует иногда шести, восьми и двенадцати страниц. Обычно размеры произведенного сгущения преуменьшаются: обнаруженные мысли сновидения считаются исчерпывающим материалом, между тем как дальнейшее толкование обнаруживает новые мысли, скрывающиеся за сновидением. Мы уже упоминали о том, что, в сущности, нельзя быть никогда уверенным, что мы вполне истолковали сновидение: даже в том случае, когда толкование вполне удовлетворяет нас и, повидимому, не имеет никаких пробелов, остается все же возможность, что то же самое сновидение имеет еще и другой смысл. Масштаб, мера сгущения, таким обра-

зом, строго говоря, всегда неопределенны. Против утверждения, будто столкновение содержания сновидения и мыслей, скрывающихся за ним, вызывает то, что сновидение производит обширное сгущение психического материала, можно сделать возражение на первый взгляд чрезвычайно справедливое. Нам часто кажется, будто сновидение снилось нам в течение всей ночи и что большую часть его мы позабыли. Сновидение, вспоминаемое нами по пробуждении, представляет собою якобы лишь часть того целого, которое по масштабу своему должно было бы соответствовать мыслям, если бы мы были в состоянии вспомнить их все целиком. В этом есть доля правды: нельзя обманывать себя тем, что сновидение воспроизводится наиболее точно при припоминании его вслед за пробуждением и что воспоминание это к вечеру обнаруживает все больше и больше пробелов. С другой стороны, нужно, однако, заметить, что чувство, будто нам снилось гораздо больше, чем мы можем припомнить, очень часто покоится на иллюзии, происхождение которой мы впоследствии постараемся выяснить. Предположение процесса сгущения не опровергается возможностью забывания сновидения, так как оно доказывается комплексом представлений, относящимся к отдельным, оставшимся в памяти частям сновидения. Если действительно большая часть сновидения нами забывается, то тем самым мы лишаемся доступа к целому ряду мыслей. Мы едва ли имеем когда-нибудь основание предполагать, что утраченные части сновидения относились к тем же самым мыслям, которые мы обнаружили при анализе сохранившихся частей.

Ввиду огромного множества мыслей, которое дает анализ относительно каждого элемента сновидения, у читателей зарождается принципиальное сомнение: можно ли относить к мыслям, скрывающимся за сновидением, все то, что приходит в голову впоследствии при анализе последнего, т.е. можно ли предполагать, что все эти мысли были уже налицо в состоянии сна и принимали участие в образовании сновидения? Быть может, наоборот, лишь во время анализа возникают новые мысли, стоявшие вдали от образования сновидения? Я могу со-

гласиться с этим ограничением, но лишь условно. Что некоторые мысли возникают только при анализе — это вполне справедливо; не всякий раз можно убедиться в том, что эти новые группы образуются лишь из мыслей, которые в мыслях сновидения были связаны между собою другим образом; новые соединения представляют собою лишь второстепенную группировку, ставшую возможной благодаря содействию других, более глубоких путей для соединения. Относительно же большинства обнаруживаемых при анализе мыслей, нужно сказать, что они играли уже активную роль при образовании сновидения, так как, проследив цепь мыслей, не связанных, по-видимому, с образованием сновидения, мы внезапно наталкиваемся на мысль, которая, будучи представлена в содержании сновидения, необходима для толкования его и в то же время доступна лишь благодаря наличию вышеупомянутой цепи мыслей. Вспомним хотя бы описанное нами сновидение о ботанической монографии, которое представляет собою результат выразительного процесса сгущения, хотя я и не довел анализ его да конца.

Как же следует себе представлять психическое состояние во время сна, предшествующее сновидению? Находятся ли все мысли друг подле друга, или они появляются одна за другой, или же, наконец, различные одновременные ходы мыслей устремляются из разных центров и затем соединяются друг с другом? Я полагаю, что нам вовсе не нужно создавать себе пластического представления о психическом состоянии во время образования сновидения. Не забудем только того, что речь здесь идет о бессознательном мышлении и что самый процесс легко может быть совершенно другим, чем тот, который мы замечаем в себе при намеренном, сознательном мышлении.

Тот факт, однако, что образование сновидений покоится на процессе сгущения, остается бесспорным и непоколебимым. Как же совершается, однако, это сгущение?

Если предположить, что из обнаруженных мыслей, скрывающихся за сновидением, лишь немногие представлены в нем, то следовало бы утверждать, что сгущение совершается путем исключения: сновидение представляет собою не точный перевод или проектирование мыслей сновидения, а чрезвычайно неполное и расплывчатое воспроизведение их. Воззрение это, как мы скоро узнаем, безусловно неправильно. Однако остановимся пока на нем и спросим себя: если в содержание сновидения попадают лишь немногие элементы мыслей, то какие же условия определяют выбор последних?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратить внимание на элементы содержания сновидения, которое должно было таким образом восполнить искомое нами условие. Сновидение, к образованию которого привел интенсивный процесс сгущения, будет наименее благоприятным материалом для такого исследования. Я остановлюсь поэтому на вышеупомянутом сновидении о ботанической монографии.

Содержание сновидения: *Я написал монографию о каком-то растении. Книга лежит передо мною, я перелистываю таблицы в красках. К книге приложены засушенные экземпляры растений.*

Центральным элементом этого сновидения является *ботаническая монография*. Последняя относится к впечатлениям предыдущего дня; в витрине книжного магазина я действительно видел *монографию* о *растении цикламен*. Упоминания этого растения нет в содержании сновидения, в котором осталась лишь монография и ее связь с ботаникой. «Ботаническая монография» обнаруживает тотчас же свое взаимоотношение со *статьей по вопросу о кокаине*, которую я когда-то написал; от кокаина же мысли идут, с одной стороны, к юбилейному сочинению и к некоторым эпизодам университетской лаборатории, с другой же — к моему другу, окулисту доктору *Кенигштейну*, который принимал участие в исследовании кокаина. С личностью доктора *Кенигштейна* связывается далее воспоминание о прерванном разговоре, который я вел с ним накануне вечером, и различные мысли о вознаграждении за врачебные услуги между коллегами. Разговор этот и является главным возбудителем сновидения; монография о цикламене то-

же служит его поводом, но носит индифферентный характер; как я полагаю, «Ботаническая монография» сновидения является *посредствующим общим звеном* между обоими переживаниями предыдущего дня, будучи взята в неизмененном виде от индифферентного впечатления и при помощи различных ассоциативных соединений связана с психически важным переживанием.

Но не только сложное представление *«Ботаническая монография»*, но и каждый из его *элементов — «ботаническая»* и *«монография»* в отдельности входят посредством различных соединений глубоко в «сеть» мыслей сновидения. К *«ботанической»* относятся воспоминания о личности профессора *Гертнера*, о его *цветущей* супруге, о моей пациентке, носящей имя *Флора*, и о даме, к которой относится рассказанная мною история о забытых цветах. *Гертнер* приводит нас снова к лаборатории и к разговору с *Кенингштейном*; к этому же разговору относится и упоминание об обеих пациентках. От дамы с цветами ход мыслей направляется к *любимым цветам моей жены*, другой же конец этих мыслей отходит к названию виденной мною накануне книги — монографии. Кроме того, понятие *«ботаническая»* напоминает об одном гимназическом эпизоде и об экзамене в университете, а затронутая в нашем разговоре тема о моих увлечениях связуется через посредство моих любимых овощей — артишоков — с ходом мыслей, идущим от забытых цветов. Позади «артишоков» всплывает воспоминание, с одной стороны, об Италии, с другой же — о том детском эпизоде, который объясняет мою любовь к книгам. Понятие *«ботаническая»* представляет, таким образом, наивысший узловой пункт, в котором сходятся многочисленные цепи мыслей, связанные вполне справедливо с вышеупомянутым разговором.

«Монография» в сновидении относится опять-таки к двум темам: к односторонности моих занятий и к дороговизне моих увлечений.

Первоначальное исследование вызывает впечатление, будто элементы *«ботаническая» и «монография»* потому восприняты содержанием сновидения, что они обнаруживают наибольшее число точек соприкосновения с большинством мыслей, скрывающихся за сновидением, т.е. образуют узловой пункт, в котором скрещивается большинство мыслей, или, опять-таки, говоря иначе, потому, что они «многосмысленны» в отношении толкования сновидения. Обстоятельство, лежащее в основе этого объяснения, может быть выражено еще и другим образом: каждый из элементов содержания сновидения различным образом обусловливается, детерминируется, т.е. имеет целый ряд соответствующих пунктов в мыслях, скрывающихся за сновидением.

Мы узнаем значительно больше, если проследим и относительно других составных частей сновидения их происхождение в мыслях. Таблицы в красках, которые я перелистываю, относятся опять-таки к новой теме: к критике моих работ со стороны коллег и к представленным уже в сновидении увлечениям; кроме того, и к детским воспоминаниям о том, как я уничтожил книгу с картинками. Засушенные экземпляры растения относятся к гимназическому эпизоду с гербарием. Я вижу, таким образом, каково взаимоотношение между содержанием сновидения и мыслями, скрывающимися за ним: не только элементы сновидения *различным образом* детерминируются мыслями, но и отдельные мысли сновидения представляются в нем различными элементами. От одного элемента сновидения ассоциативный путь ведет к нескольким мыслям; от одной мысли к нескольким элементам сновидения. Последнее образуется поэтому не таким образом, что отдельная мысль или группа мыслей дает часть содержания сновидения и следующая мысль следующую часть сновидения, все равно как из населения избираются народные представители, наоборот, вся масса мыслей сновидения подлежит известной обработке, после которой наиболее способные элементы избираются для включения в содержание сновидения. Какое бы сновидение я ни подверг такому расчленению, я всегда найду в нем подтверждение тех принципов, что элементы сновидения образуются из всей массы мыслей и что каждый из них различным образом детерминируется в общем комплексе мыслей.

Я считаю необходимым подтвердить соотношение содержания сновидения с мыслями, скрывающимися за ним, на новом примере, который отличается чрезвычайно искусным сплетением этого взаимоотношения. Сновидение сообщено мне одним из пациентов, которого я лечу от клаустрофобии (боязнь закрытых помещений). Ниже мы увидим, почему я озаглавил это интересное сновидение следующим образом:

«Красивое сновидение»

«Он едет в большом обществе по улице X., на которой находится скромный постоялый двор (на самом деле это неверно). *На постоялом дворе дается спектакль, он — то публика, то актер. В конце концов ему приходится переодеваться, чтобы вернуться в город. Часть персонала выходит в партер, другая — в верхний ярус. Возникает ссора. Стоящие наверху сердятся, что люди внизу еще не готовы и что они поэтому не могут выйти. Брат его наверху, сам он внизу, и он сердится на брата, что его так толкают.* (Эта часть сновидения наиболее туманна). *Перед приездом на постоялый двор было уже решено, кто будет наверху и кто внизу. Потом один взбирается в гору по той же улице X.; ему идти тяжело и трудно, он не может сдвинуться с места, к нему подходит какой-то пожилой господин и ругает итальянского короля. Ближе к вершине горы идти становится гораздо легче»*.

Трудность подъема была настолько отчетлива, что он по пробуждении несколько минут сомневался, испытал ли он это чувство во сне или наяву.

Судя по явному содержанию, едва ли можно похвалить это сновидение. Толкование его я вопреки своему обыкновению начну с того места, которое показалось спящему наиболее отчетливым.

Приснившаяся моему пациенту трудность подъема и одышка представляют собою один из симптомов, действительно имевшихся у него несколько лет назад. Симптом этот в связи с другими явлениями был отнесен врачами на счет туберкулеза (по всей вероятности, симулированного на истерической почве). Мы знакомы уже

с этим своеобразным ощущением связанности из эксгибиционистских сновидений и снова видим здесь, что они в качестве постоянно имеющегося налицо материала применяются в целях какого угодно другого изображения. Часть сновидения, изображающая, насколько вначале был труден подъем в гору, а в конце стал значительно легче, напомнила мне при сообщении сновидения известное, мастерски написанное введение к *«Сафо» А. Доде*. Там молодой человек вносит по лестнице возлюбленную, которая вначале кажется ему легкой, как перышко; эта сцена символизирует собою мысль, которой *Доде* предостерегает молодежь не обращать своей серьезной склонности на девушек низкого происхождения и с сомнительным прошлым. Хотя я и знаю, что мой пациент имеет связь с одной актрисой и лишь недавно порвал ее, я все же не надеюсь, что такое мое толкование окажется правильным. Кроме того, в *«Сафо»* мы видим обратное, чем в сновидении; в последнем подъем вначале был труден, а впоследствии легок; в романе же он может служить для символики лишь в том случае, если то, что вначале казалось легким, оказывается в конце тяжелым бременем. К моему удивлению, мой пациент говорит, что это толкование согласуется с содержанием пьесы, которую накануне вечером он видел в театре. Пьеса эта называлась «Обозрение Вены» и изображала жизнь девушки, которая воспитывается в хорошей семье, попадает затем в высший свет, завязывает сношения с высокопоставленными лицами, «подымается ввысь и, наконец, *опускается*». Пьеса эта напомнила ему другую, виденную им несколько лет назад и носившую название «Со ступеньки на ступеньку». Продолжаем наш анализ. На улице X. жила актриса, с которой он имел последнюю связь. Постоялого двора на этой улице нет, но когда он из-за этой дамы провел часть лета в Вене, он остановился в небольшой гостинице вблизи ее дома. Уезжая из гостиницы, он сказал кучеру: «Я рад, что там я не видел хоть насекомых». (Это также одна из его фобий). Кучер ответил: «Да и как вы могли там остановиться? Это ведь не гостиница, а прямо *постоялый двор*!»

С постоялым двором у него связывается тотчас воспоминание о стихотворении Уланда:

«У симпатичного хозяина
был я недавно в гостях».

Хозяин в стихотворении Уланда — большая красивая яблоня. Тотчас вслед за этим он вспоминает одно место из «Фауста»:

Фауст: «Я видел яблоню во сне.
На ветке полюбились мне
Два спелых яблока в соку.
Я влез за ними по суку».
Красавица: «Вам Ева-мать страсть
Рвать яблоки в садах и красть.
По эту сторону плетня
Есть яблоки и у меня».

Перевод *Б. Пастернака.*[89]

Не подлежит ни малейшему сомнению, что разумеется здесь под яблоней и яблоками. Красивый бюст был также в числе тех прелестей, которыми приковывала к себе актриса моего пациента.

Мы имеем полное основание предполагать, что сновидение относится к какому-нибудь впечатлению детства. Если это правильно, то оно должно относиться к кормилице моего пациента, которому теперь скоро минет пятьдесят лет. Кормилица, как и Сафо Доде, представляется намеком на недавно покинутую им возлюбленную.

В сновидении появляется и брат (старший) пациента; он наверху, а мой пациент внизу. Это опять-таки «переворачивание» истинного положения вещей, так как брат его, как мне известно, утратил свое социальное положение, — мой же пациент пользуется превосходной репутацией. «Переворачивание» это имеет особый смысл. Оно имеет значение и для другого соотношения с содержанием сновидения и мыслей. Мы уже упоминали о том, где оно встречается еще раз: в конце сновидения, где относительно бремени дело обстоит как раз противоположно тому, как в романе «Сафо». В «Сафо» мужчина несет женщину, находящуюся с ним в половой связи; в мыслях сновидения речь идет, *наоборот*, о женщине, которая несет мужчину, а так как этот случай может быть отнесен только к детству, то он и касается кормилицы, которая с трудом несет своего питомца. Конец сновидения содержит, таким образом, опять-таки соединение представлений о Сафо и о кормилице.

Подобно тому, как Доде избрал имя «Сафо»[90] не без намерения связать его с известным пороком, так и элементы сновидения, в которых одни люди находятся наверху, а другие внизу, указывают на фантазии сексуального характера, занимающие моего пациента и в качестве подавленных инстинктов стоящие в несомненной связи с его неврозом. Так как сновидение изображает именно эту фантазию, а не воспоминание о детских происшествиях, то и толкование само по себе не обнаруживает их; нам дает их лишь содержащие мыслей и позволяет констатировать их значение. Истинные и воображаемые происшествия представляются здесь — и не только здесь, но и при создании более значительных психических феноменов, чем сновидение, — равноценными. Большое общество означает, как мы уже знаем, тайну; брат — не что иное, как заместитель всех соперников у женщин; то, что это именно брат, а не кто-нибудь другой, объясняется опять-таки взаимозависимостью сновидения и воспоминаний детства. Эпизод с господином, который ругал итальянского короля, относится через посредство свежего и самого по себе индифферентного переживания опять-таки к проникновению лиц низшего сословия в высшее общество. Кажется, будто наряду с предостережением, даваемым Доде молодежи, ставится аналогичное, относящееся к грудному младенцу.

Желая дать третий пример, иллюстрирующий изучение процесса сгущения при образовании сновидений, я сообщаю частичный анализ другого сновидения, сообщением которого я обязан пожилой даме, пользующейся моим психоаналитическим лечением. Соответственно тяжелым фобиям, которыми страдала моя пациентка, ее сновидение изобилует сексуальным материалом, кон-

статирование которого вначале ее удивило и даже испугало. Так как толкование ее сновидения я не имею возможности довести до конца, то материал этот на первый взгляд распадается на несколько групп без видимой связи.

II. *Содержание сновидения*: *она вспоминает*, что *у нее в коробочке два майских жука; она должна их выпустить на волю, иначе они задохнутся. Она открывает коробочку, жуки совсем обессилели; один из них вылетает в открытое окно, другого же придавливает рама, когда она запирает окно, последнего от нее кто-то требует.*

Анализ. Ее муж уехал, рядом с нею в постели спит ее четырнадцатилетняя дочь. Девочка обратила вечером ее внимание на то, что в стакан с водою упал мотылек, она забыла, однако, его вынуть и утром пожалела о бедном насекомом. В романе, который она читала перед сном, рассказывалось, как мальчики бросили кошку в кипяток и изображались мучения последней. Вот два самых по себе индифферентных повода к сновидению. Тема о *жестокости по отношению к животным* интересует ее. Несколько лет тому назад, когда они жили на даче, ее дочь проявляла такие же жестокости к животным. Она составила себе коллекцию бабочек и просила дать ей *мышьяку* для умерщвления насекомых. Однажды случилось, что бабочка с булавкой в теле все же полетела по комнате; в другой раз она нашла нескольких гусениц, которых тщательно сохраняла, подохшими от голода. Эта же девочка имела дурную привычку в раннем детстве отрывать крылышки *жукам* и бабочкам. В настоящее время она бы, конечно, не решилась на такой жестокий поступок; она стала очень доброй.

Это противоречие интересует ее; оно напоминает ей другое противоречие между внешностью и образом мыслей, изображенным в романе «Адам Бед» Элиота[91]. Красивая, но тщеславная и глупая девушка, а рядом с ней некрасивая, но благородная. *Аристократ*, соблазняющий глупенькую, и рабочий, благородный по натуре и по поступкам. Благородства души сразу в человеке не

замечают. Кто бы мог подумать, что она страдает от чувственной неудовлетворенности?

В тот самый год, когда девочка собирала свою коллекцию бабочек, местность, где они жили, страдала от невероятного обилия *майских жуков*. Дети избивали насекомых, *давили* их целыми кучами. Сама она родилась в мае и в мае же вышла замуж. Через три дня после свадьбы она написала родителям письмо о том, как она счастлива, на самом же деле это было неправдой.

Вечером накануне сновидения она рылась в своих старых письмах и читала вслух своим близким различные серьезные и смешные письма, между прочим очень смешное письмо от одного учителя музыки, который ухаживал за ней в юности, и письмо одного ее поклонника, *аристократа*. (Это и было истинным возбудителем сновидения).

Она упрекает себя, что одна из ее дочерей прочла дурную книгу Мопассана. *Мышьяк*, который просила ее дочь, напоминает ей о *мышьяковых пилюлях*, возвращающих юношеские силы графу де Мора в «Набобе».

Относительно «выпустить на волю» ей вспоминается одно место из «Волшебной флейты»:

> «К любви я не могу принудить тебя,
> но свободы тебе я не дам».

Относительно «*майских жуков*» она вспоминает слова Кетхен:

> «Ты ведь влюблен в меня, как майский жук».

И из «Тангейзера»: «Ты во власти пагубной страсти...»

Она полна забот и страха за своего отсутствующего мужа. Боязнь, что с ним что-нибудь случится в дороге, выражается в самых разнообразных фантазиях наяву. Незадолго до этого она в своих бессознательных мыслях нашла во время анализа недовольство его «дряхлостью»; желание, скрывающееся за ее сновидением, обнаружится, быть может, яснее всего в том случае, если я сообщу, что за несколько дней до сновидения она неожиданно испугалась, когда у нее возникла вдруг мысль, обращенная к мужу: «*Повесься*!» Оказалось, что

незадолго до этого она читала где-то, что при повешении появляется сильная эрекция. Желание вызвать эрекцию и возникло у нее в такой ужасающей форме. «Повесься» значило то же, что «Добейся эрекции какой угодно ценой». Мышьяковые пилюли доктора Йенкинса в «Набобе» относятся сюда же; моя пациентка знала, что сильнейшее aphrodisiacum[92], шпанские мушки, изготовляются посредством раздавливания жуков: этот смысл и имеет главная составная часть сновидения.

Открывание и закрывание окна — одна из постоянных причин ее ссор с мужем. Она любит спать при открытых окнах, ее муж — при закрытых. *Расслабленность* — главный симптом, на который она жалуется в последнее время.

Во всех трех сообщенных здесь сновидениях я подчеркивал те места, где эпизоды сновидения повторяются в мыслях, скрывающихся за ними, для того чтобы сделать более наглядным различные взаимоотношения первых. Так как, однако, ни в одном из этих сновидений анализ не доведен до конца, то мы должны теперь обратиться к сновидению с более подробным анализом для того, чтобы вскрыть в нем разнообразие и сложное детерминирование содержания сновидения. Я избираю для этой цели сновидение об инъекции Ирме. На этом примере мы без труда заметим, что процесс сгущения при образовании сновидений пользуется не одним только средством.

Центральное лицо в содержании сновидения — моя пациентка Ирма, являющаяся в нем в своем истинном виде и вначале поэтому изображающая лишь самое себя. Поза, однако, в которой я исследую ее у окна, заимствована мною из воспоминания о другой даме, на которую я бы охотно променял свою пациентку, как то показывают мысли, скрывающиеся за сновидением. Поскольку я нахожу при исследовании Ирмы дифтеритные налеты, которые напоминают мне заботу о моей старшей дочери, она служит для изображения последней; за моей же дочерью скрывается связанная с нею одинаковым именем личность одной пациентки, погибшей вследствие интоксикации. В дальнейшем ходе сновидения значение личности Ирмы изменяется (образ ее остается, однако, без изменения), она становится одним из детей, которых мы исследуем в детской больнице, причем мои коллеги констатируют различие их духовных наклонностей. Переход этот совершился, очевидно, под влиянием представления о моей дочери. Благодаря сопротивлению при открывании рта та же самая Ирма становится снова другой и наконец моей собственной женой. Болезненные изменения, замечаемые мною в горле, относятся помимо этого к целому ряду других лиц.

Все эти лица, на которых я наталкиваюсь при прослеживании мыслей «Ирмы», выступают в сновидении во плоти и крови; они скрываются за Ирмой, которая становится тем самым коллективным образом, черты которого носят, правда, противоречивый характер. Ирма становится представительницей всех других личностей, приносимых в жертву при процессе сгущения: я снабжаю ее всем тем, что шаг за шагом напоминает мне всех этих личностей.

Я могу составить себе коллективную личность еще и другим путем, соединив отличительные черты двух или нескольких лиц в один образ в сновидении. Таким способом возник образ доктора М. В моем сновидении он носит имя доктора М., говорит и действует, как он; его характеристика, однако, и его болезнь относятся к другому лицу, к моему старшему брату; лишь одна черта — бледность лица — детерминирована дважды, она соответствует в действительности тому и другому. Аналогичным коллективным лицом является доктор Р. в моем сновидении о дяде. Здесь, однако, коллективный образ составлен опять-таки другим способом. Я не объединил черты, свойственные одному, с чертами другого и тем самым не сократил воспоминания о каждом из них, но применил способ, которым Гальтон[93] делает свои фамильные портреты: он делает оба снимка один на другом, причем общие черты выступают более ярко, а противоречивые устраняют друг друга и проявляются в общем портрете неясно. В сновидении о дяде выделяется из физиономий, относящихся к двум лицам и поэто-

му чрезвычайно расплывчатых, *белокурая борода*, которая относится, кроме того, и ко мне самому, и к моему отцу через посредство связующего звена — седины.

Составление коллективных лиц — одно из главнейших средств процесса сгущения в сновидении. Мы будем иметь еще случай говорить о нем.

Элемент «дизентерия» в сновидении об Ирме также детерминирован чрезвычайно сложным образом: с одной стороны, созвучием этого слова с «дифтерией», с другой же — воспоминанием о пациенте, посланном мною на Восток и страдающем непонятной для тамошних врачей истерией. Интересный случай процесса сгущения обнаруживает и упоминание в сновидении о «пропилене». В мыслях, скрывающихся за сновидением, содержался не «пропилен», а *«амилен»*. Можно было бы предполагать, что здесь произошло попросту смещение. Так оно и было, но это смещение служит целям сгущения, как показывает следующее дополнение нашего анализа. Когда я произношу слово *«пропилен»*, то мне приходит в голову его созвучие со словом «Пропилеи». Пропилеи находятся, однако, не только в Афинах, но и в Мюнхене. В этом городе я за год до своего сновидения посетил своего тяжело больного друга, воспоминание о котором проявляется при помощи *«трителамина»*, следующего в сновидении непосредственно за *«пропиленом»*.

Я опускаю то обстоятельство, что здесь, как и в других анализах, для соединения мыслей применяются ассоциации самого различного рода и ценности, и уступаю искушению возможно более пластично изобразить процесс замены амилена в мыслях пропиленом в содержании сновидения.

Здесь находится группа представлений о моем друге Отто, который не понимает меня, упрекает и дарит мне ликер с запахом амилена; тут же связанные с ним по закону контраста группы представлений о моем друге Вильгельме, который понимает меня и которому я обязан многочисленными ценными сообщениями по вопросу о химии сексуальных процессов.

То, что из группы «Отто» особенно должно приковывать мое внимание, обусловливается свежими впечатлениями, вызвавшими сновидение; *амилен* относится к этим элементам, определяющим собою содержание сновидения. Обильная группа представлений «Вильгельм» всплывает благодаря своему контрасту с группой «Отто» и выделяет из себя элементы, которые обнаруживают аналогию с элементами, выделенными в другой группе. Во всем этом сновидении я перехожу от лица, вызывающего во мне неприятное чувство, к другому, которое я могу по своему усмотрению противопоставить первому. Таким образом, амилен в группе «Отто» вызывает и в другой группе воспоминание из области химии; трителамин, находящий себе подкрепление с различных сторон, попадает в содержание сновидения. *«Амилен»* мог бы тоже попасть в сновидение, но он претерпевает воздействие группы «Вильгельм»; из комплекса воспоминаний, скрывающихся за этим именем, избирается элемент, могущий дать двойное детерминирование *«амилена»*. От *«амилена»* недалек для ассоциации и *«пропилен»*, из группы «Вильгельм» навстречу ему идет Мюнхен с Пропилеями. В *«пропилене — пропилеях»* обе группы представлений скрещиваются, и точно путем компромисса этот средний элемент переходит в содержание сновидения. Здесь, таким образом, составляется *среднее общее*, которое и допускает сложное детерминирование. Ясно поэтому, что сложное детерминирование должно облегчить доступ в содержание сновидения. В целях образования этого среднего и производится смещение внимания от действительной мысли к близкой ей по ассоциации.

Анализ сновидения об Ирме дает нам возможность резюмировать наше исследование процесса сгущения при образовании сновидений. Мы рассмотрели подбор элементов, образование новых составных частей (коллективных лиц) и составление среднего общего; все это детали процесса сгущения. Для чего служит последнее и что способствует ему, мы рассмотрим лишь тогда, когда захотим объединить все отдельные психические процессы образования сновидений, теперь же мы удовольствуемся констатированием процесса сгущения как одного из важнейших средств к соединению содержа-

ния сновидения с мыслями, скрывающимися за ним.

В наиболее конкретной форме процесс сгущения в сновидении проявляется в том случае, когда он избирает своим объектом слова и имена. Слова вообще очень часто играют в сновидении роль вещей и претерпевают тогда те же самые соединения, смещения, замещения, а также и сгущения, как и представления о вещах. В результате таких сновидений мы находим комические и причудливые комбинации слов. Когда однажды один из моих коллег прислал мне свою статью, в которой, на мой взгляд, чрезвычайно преувеличивал значение одного нового физиологического открытия и превозносил его в самом напыщенном тоне, мне в следующую же ночь приснилась одна фраза, которая, по всей вероятности, относилась к упомянутой статье: «какой у него норекдальный стиль». Разрешение загадки слова *«норекдальный»* представило мне вначале большие трудности; не подлежало сомнению, что оно пародирует слова: колоссальный, пирамидальный и т. д., но откуда все же проистекает оно, сказать было трудно. Неожиданно, однако, слово это распалось в моем сознании на два имени: *Нора и Экдаль* из двух известных драм *Ибсена*. Тот же коллега, статью которого я критиковал в сновидении, написал недавно заметку об *Ибсене*.

II. Одна из моих пациенток сообщила мне короткое сновидение, центром которого служит бессмысленная комбинация слов.

«Она находится с мужем на деревенском празднике и говорит: он кончится всеобщим «Maistollmütz». При этом у нее проявляется смутная мысль, что это *мучное кушанье из маиса, род поленты»*.

Анализ разлагает это сновидение на: Mais — toll — mannstoll — Olmütz*; все эти элементы оказываются частями ее разговора за столом накануне сновидения. За словом Mais скрывались слова: Meissen (мейсенская фарфоровая фигура, изображавшая птицу), miss (англичанка, жившая у ее родственников, уехала в Ольмютц), mies («тошнотворный» на еврейском жаргоне);

* Маис — бешеный — нимфомания — Ольмютц.

от каждого из слогов этого слова исходила длинная цепь мыслей и различных ассоциаций*.

III. Однажды в длинном и чрезвычайно запутанном сновидении, центром которого было морское путешествие, мне приснилось, что ближайшая остановка носит название *Герзинг*, а следующая — *Флисс*. Последняя — фамилия моего друга в Берлине, к которому я часто езжу. *Герзинг* — комбинация из станций нашей венской пригородной дороги, названия которых почти всегда кончаются на *-инг*, и английского Hearsay (слухи) — что имеет связь с клеветой и тем самым соединяется с индифферентным возбудителем сновидения — стихотворением из «Fliegende Blätter», прочтенным мною накануне. Соединяя конечный слог «инг» с названием Флисс, мы получаем «Флиссинген», действительно приморский порт, через который всегда проезжает мой брат, возвращаясь из Англии. Английское название Флиссинген — Flushing, что означает «краснеть» и напоминает о пациентках с такого рода фобией, которых мне приходится часто лечить, а также и о недавней статье *Бехтерева* по вопросу об этом неврозе, вызвавшей во мне недовольное чувство[94].

IV. В другой раз я видел сновидение, состоявшее из двух отдельных частей. В первой центральное место занимает слово *«автодидаскер»*, другая же относится к появившейся у меня накануне мысли о том, что, когда я увижу про-

* Первый читатель и критик моей книги сделал мне возражение, которое, по всей вероятности, будет использовано и другими. Относительно моего разложения слов, встречающихся в сновидении, он заявил, что спящий, по его мнению, кажется часто чересчур остроумным. Это вполне справедливо, поскольку это относится к спящему, и является возражением лишь в том случае, если касается и толкователя сновидений. В действительности я очень мало претендую на наименование «остроумный»; если остроумными кажутся мои сновидения, то это относится не к моей особе, а к тем своеобразным психическим условиям, при которых вырабатывается сновидение и тесно связуется с теорией остроумия вообще. Сновидения прибегают к остроумию потому, что прямой и ближайший путь выражения мыслей для них закрыт. Читатели могут убедиться, что сновидения моих пациентов производят впечатление «остроумных» в одинаковой, если не в большей степени, чем мои.

фессора Н., я ему должен сказать: «пациент, которого вы недавно осматривали, действительно страдает только неврозом, — как вы и предполагали». Слово «*автодидаскер*» не только содержит в себе «сгущенный смысл», но этот смысл стоит в тесной связи с моим намерением дать вышеупомянутое удовлетворение профессору Н.

«Автодидаскер» разлагается легко на: автор, *автодидакт* и *Ласкер*; к последнему примыкает имя *Лассаль*[95]. Первые два слова объясняются непосредственным возбудителем сновидения. Я принес своей жене несколько томов известного автора, с которым находился в дружбе мой брат и который, как я недавно узнал, родился в том же городе, что и я. Однажды вечером она со мною говорила о глубоком впечатлении, которое произвела на нее захватывающая печальная история, постигшая талант в одной из новелл этого автора; разговор наш перешел отсюда к тем признакам недюжинных дарований, которые обнаруживают наши дети. Под впечатлением прочитанного она выразила опасение, относившееся к нашим детям, и я утешил ее замечанием, что как раз такие опасности могут быть устранены воспитанием. Ночью мои мысли развивались в том же направлении и включили в себя заботу моей жены. Замечание, которое сделал писатель по адресу моего брата и которое касалось женитьбы, направило мои мысли по другому пути. Путь этот вел в Бреславль, куда вышла замуж одна близко знакомая нам дама. Опасение, что даровитый человек может погибнуть от женщины, служило центром моих мыслей и нашло себя в Бреславле в качестве примеров Ласкера и Лассаля*. Элемент «cherchez la femme», которым можно резюмировать эти мысли, приводит меня к моему холостому брату, которого зовут *Александром*. Я замечаю, что имя *Алекс*, как мы его обычно называем, похоже по созвучию на *Ласкер* и что этот момент помог, очевидно, обращению моих мыслей к Бреславлю.

Игра именами и словами имеет еще и другой, более

* Ласкер умер от прогрессирующего паралича, т.е. от последствий приобретенного от женщины люэса; Лассаль, как известно, погиб на дуэли из-за женщины.

глубокий смысл. Она воплощает собою желание счастливой семейной жизни для моего брата и делает это следующим образом. В романе Зола «L'ouevre»[96], с которым по существу тесно связаны мысли писателя, автор изобразил, как известно, себя самого и свое собственное семейное счастье. В романе он фигурирует под именем *Сандо*. По всей вероятности, при придумывании этого имени он поступил следующим образом. Фамилия Зола, будучи прочтена наоборот, дает: Алоз. Но это показалось ему слишком прозрачным, поэтому он заменил первый слог «ал», которым начинается и имя Александр, третьим слогом того же имени «санд», так и получилось Сандо (по фр. — «*Sandos*»). Аналогично обстояло дело и с моим словом «автодидаскер».

Мысль о том, что я должен сообщить профессору Н., что наш общий пациент страдает только неврозом, была включена в сновидение следующим образом. Незадолго до конца моего рабочего года ко мне пришел пациент, но я не решался дать категорического диагноза его болезни. У него можно было предположить наличие органического страдания, какого-либо изменения в спинном мозгу, хотя очевидных признаков этого не было. Поставить диагноз невроза было очень заманчиво; это положило бы конец всяким сомнениям, но я не мог этого сделать, так как больной категорически отрицал какое бы то ни было наличие половой анемнезии, без которой, по моему глубокому убеждению, не может быть невроза. Не зная, что предпринять, я призвал на помощь врача, перед авторитетом которого я охотно склоняюсь. Он выслушал мои сомнения, согласился с ними, но сказал все-таки: «Понаблюдайте за пациентом. У него все-таки только невроз». Так как я знаю, что он не разделяет моих взглядов относительно этиологии неврозов, то я не стал ему противоречить и попросту скрыл свое недовольство его ответом. Несколько дней спустя я заявил пациенту, что не знаю, что с ним предпринять, и посоветовал ему обратиться к другому врачу. В ответ, к моему глубокому удивлению, он стал просить у меня извинения и сознался во лжи; ему было очень стыдно, но теперь он готов раскрыть свою половую жизнь. Ока-

залось, что он действительно страдает половой анемнезией, наличие которой необходимо для установления невроза. Я испытал при этом чувство удовлетворения, хотя в то же время мне стало и стыдно; я должен был сознаться, что мой консультант, не смущаясь отсутствием анемнезии, оказался дальновиднее меня, и я решил откровенно сказать ему это, когда с ним увижусь, и признаться в том, что он был прав, а я заблуждался.

Именно это-то и делаю я в сновидении. Но при чем же тут осуществление желания, раз я признаюсь в своей неправоте? Но это как раз и служит моим желанием; мне хочется оказаться неправым в своих опасениях, точнее говоря, мне хочется, чтобы моя жена, опасения которой были включены в мысли, скрывавшиеся за моим сновидением, оказалась неправой. Тема, к которой относится «правота» и «неправота» в сновидениях, недалека от элемента, действительно имевшегося в моих мыслях. Тут та же альтернатива органического или функционального ущерба от женщины, точнее говоря, от половой жизни.

Профессор Н. играет в этом сновидении видную роль не только благодаря этой аналогии, но и благодаря моему желанию оказаться неправым, а также и не вследствие его близкой связи с Бреславлем и дружбе с дамой, вышедшей туда замуж, — а вследствие нашего небольшого разговора, имевшего место после нашей вышеупомянутой консультации. Исполнив свой врачебный долг, он заговорил со мною о моей семье. «Сколько у вас детей?» — «Шестеро». — «Мальчиков или девочек?» — «Три мальчика и три девочки — это моя гордость и все мое богатство». — «Ну, смотрите, с девочками не так уже трудно, но мальчиков воспитывать нелегко». Я заметил, что они у меня очень послушные; по всей вероятности, эти два диалога относительно будущего моих сыновей столь же мало мне понравились, как и первый относительно моего пациента. Оба эти впечатления связаны между собою непосредственным следованием одно за другим, и если я включаю в сновидение историю с неврозом, то я заменяю ею разговор о воспитании, обнаруживающий еще большую связь с мыслями сновидения, так как он еще ближе к высказанным накануне опасениям моей жены. Таким образом и боязнь, что профессор Н. был прав относительно трудности воспитания моих мальчиков, включается в содержание сновидения: она скрывается позади изображения моего желания, чтобы я оказался неправ в этих опасениях. Та же самая мысль служит в неизмененном виде изображению обеих противоположных сторон альтернативы.

Словообразования в сновидениях напоминают таковые же при паранойе; они играют известную роль и в истерии, и в навязчивых представлениях. Филологические фокусы детей, иногда относящихся к словам как к вещам, изобретающих новые языки и искусственные словообразования, образуют здесь общий источник как для сновидений, так и для психоневрозов.

Когда в сновидении изображается речь или разговор, резко отличающийся в качестве такового от мыслей, тут в качестве общего правила можно сказать, что разговор в сновидении проистекает от воспоминания о таковом же, имевшем место в действительной жизни. Разговор этот либо сохраняется в неизмененном виде, либо претерпевает незначительное искажение; отчасти такой разговор составляется из избранных отрывков фраз и диалогов предыдущего дня; хотя внешне он и остается неизмененным, однако мысль приобретает совершенно другое значение; речь или разговор в сновидении служит нередко простым намеком на эпизод, при котором имел место вспоминаемый диалог.

б) *Работа смещения.* Другое, по всей вероятности, не менее существенное обстоятельство должно было броситься нам в глаза, когда мы рассматривали примеры процесса сгущения в сновидении. Мы могли заметить, что элементы, выделяющиеся в сновидении в качестве существенных составных его частей, отнюдь не играют той же самой роли в мыслях, скрывающихся за сновидением. И наоборот: то, что в мыслях обладает преимущественным значением, может быть совсем не выражено в сновидении. Сновидение составляется как бы совершенно иначе, его содержание располагается вокруг других элементов, чем мысли, служащие его основой.

Так, например, в сновидении о ботанической монографии центром служит элемент «ботанический»; в мыслях же, скрывающихся за этим сновидением, речь идет о конфликтах, возникающих из-за взаимных услуг между врачами, и об упреках в том, что я приношу слишком большие жертвы своему увлечению; элемент «ботанический» вообще не имеет места в этом центральном пункте моих мыслей, — он разве только связан с ним по закону контраста, так как ботаника не была никогда в числе моих любимых занятий. В сновидении «Сафо» моего пациента центральным пунктом служит «подъем» и «схождение»; сновидение трактует, однако, об опасностях половых сношений с женщинами, стоящими в социальном отношении на низкой ступени, так что в содержание сновидения вошел лишь один из элементов мыслей. Аналогично обстоит дело и в сновидении о майских жуках, которое касается взаимоотношения сексуальности и жестокости; момент жестокости хотя и проявляется в сновидении, но в совершенно другой связи и при полном отсутствии сексуального элемента; таким образом, он как бы вырван из общего комплекса и, кроме того, представлен в совершенно преображенном виде. В сновидении о дяде белокурая борода, служащая его центральным пунктом, не имеет никакого отношения к мании величия, которая после анализа оказалась сущностью мыслей, скрывающихся за этим сновидением. Все эти сновидения претерпевают процесс «*смещения*». Прямую противоположность этим примерам образует сновидение об инъекции Ирме. Оно показывает, что при образовании сновидения отдельные элементы могут сохранить за собою то место, какое они занимали в мыслях. Наличие этого нового — чрезвычайно, однако, непостоянного — соотношения мыслей и содержания сновидения должно возбудить в первую очередь наше удивление. Когда при каком-либо психическом явлении нормальной жизни мы находим, что одно представление берется из ряда других и приобретает особую живость, то мы пользуемся этим для доказательства того, что пробуждающееся представление приобретает особо высокую психическую ценность. Мы

знаем, однако, что эта ценность отдельных элементов мыслей, скрывающихся за сновидением, не остается в наличии при образовании последнего или, по крайней мере, не играет почти никакой роли. Мы ведь нисколько не сомневаемся в том, какие элементы играют наибольшую роль в мыслях, служащих основой сновидения; наше суждение тотчас же вскрывает их. При образовании сновидения эти важнейшие элементы, снабженные наиболее интенсивным интересом, могут совершенно утратить свою ценность; их место в сновидения заступают другие элементы, безусловно, несущественные или даже ничтожные в мыслях. На первый взгляд это производит впечатление, будто психическая интенсивность отдельных представлений вообще не играет роли при подборе их для сновидения: важно лишь более или менее сложное детерминирование их. В сновидение попадает не то, что обладает наибольшей ценностью в мыслях, а то, что содержится в них неоднократно; это не помогает, однако, объяснению образования сновидений, так как мы никоим образом не можем предполагать, чтобы оба момента — сложное детерминирование и субъективная ценность — могли бы действовать иначе при подборе материала для сновидения, чем в полном соответствии. Те представления, которые играют видную роль в мыслях, наиболее часто в них и повторяются, так как от них, как от центральных пунктов, и исходят отдельные мысли. Тем не менее сновидение может отклонить эти интенсивно подчеркнутые и сложно детерминированные элементы и включить в свое содержание другие, обладающие лишь последним свойством.

Для разрешения этой трудности мы воспользуемся впечатлением, которое получили при исследовании детерминирования содержания сновидения. Быть может, многим читателям показалось, что детерминирование элементов сновидения не представляет собою ничего нового, так как оно само собой разумеется. При анализе мы исходим ведь из элементов сновидения и записываем все те мысли, которые связаны с ним; не удивительно, что в мыслях, полученных таким путем, чрезвычайно часто встречаются именно эти элементы. Я мог бы не

считаться с этим возражением, но я сам приведу аналогичное ему; среди мыслей, которые обнаруживает анализ, находится много, стоящих вдали от сущности сновидения и кажущихся искусственно введенными нами с известной целью. Цель эта обнаруживается чрезвычайно легко; эти мысли образуют связь, иногда чрезвычайно вынужденную и искусственную, между содержанием сновидения и мыслями, скрывающимися за ним; и если бы мы устранили эти элементы из анализа, то составные части сновидения не нашли бы себе детерминирования в мыслях. Это приводит нас к тому, что сложное детерминирование, играющее решающую роль при подборе материала сновидения, образует не всегда первичный момент образования сновидения, но зачастую вторичное последствие психической силы, нам еще не знакомой. При всем том, однако, оно имеет значение для допущения отдельных элементов, так как мы можем наблюдать, что оно образуется не без труда там, где возникает само собою из материала сновидения.

Ясно, таким образом, что в работе сновидения находит свое выражение психическая сила, которая, с одной стороны, лишает интенсивности психически ценные элементы, с другой же — путем детерминирования из малоценных моментов создает новые ценности, которые затем и попадают в содержание сновидения. Если дело обстоит таким образом, то при образовании сновидения совершается *перенесение и смещение психической интенсивности* отдельных элементов, результатом которых и является различие между содержанием сновидения и мыслями, скрывающимися за ним. Процесс, происходящий при этом, составляет существенную часть деятельности сновидения; мы назовем его *процессом смещения. Смещение и сгущение* — два процесса, которым мы имеем полное основание приписать образование сновидения.

Я полагаю, что нам будет нетрудно познакомиться с сущностью психической силы, проявляющейся в процессе смещения. Результатом этого смещения является то, что содержание сновидения не походит по своему существу на мысли, скрывающиеся за ним, и то, что сновидение отражает лишь искажение жизни в бес-

сознательном. Искажающая деятельность сновидения нам уже знакома; мы объяснили ее цензурой, которую оказывает одна психическая инстанция по отношению к другой. Процесс смещения в сновидении — одно из главнейших средств для достижения такого искажения. Is fecit, cui profuit[97]. Мы можем предположить, что процесс смещения осуществляется благодаря влиянию именно этой цензуры*.

---

* Так как объяснение искажающей деятельности сновидения влиянием цензуры я считаю центральным пунктом моей теории сновидения, то я привожу здесь заключительное место новеллы «Сон и бодрствование» из книги *Линкеуса* «Фантазии реалиста» (Вена, 1890), в котором я нахожу эту доминирующую черту своего учения:

«О человеке, обладающем странною способностью видеть только разумные сновидения...»

«Твоя странная особенность грезить так, как мыслишь ты наяву, объясняется твоими добродетелями, твоей добротой, твоею справедливостью и твоей любовью к истине: моральная чистота твоей души объясняет мне все».

«Если, однако, хорошенько подумать, — ответил другой, — то мне кажется, что все люди созданы так же, как я, никому никогда не снится бессмыслица. Сновидение, о котором отчетливо вспоминаешь, которое можешь потом рассказать и которое не является поэтому горячечным бредом, имеет всегда глубокий смысл и не может его не иметь! Ибо то, что стоит друг с другом в противоречии, не могло быть вообще связано в одно целое; те прегрешения, которые совершает сновидение по отношению к пространству и времени, нисколько не наносят ущерба его осмысленности, так как то и другое не имеет никакого значения для его содержания. Мы и в бодрствующем состоянии часто делаем так же. Подумай только о сказках, о бесконечных смелых и глубокомысленных созданиях фантазии, про которые лишь невежественный человек мог бы сказать: «Какой абсурд, ведь это же невозможно!»

«Да, если бы только можно было всегда правильно толковать сновидения — вот как ты здесь только что!» — заметил другой.

«Это, правда, совсем не легко, но при некотором внимании сам грезящий человек мог бы всегда толковать свои сновидения. Почему это нам не всегда удается? В ваших сновидениях есть всегда что-то скрытое, поэтому-то ваши сновидения и кажутся часто лишенными смысла, а иногда даже и совершенно нелепыми и абсурдными. В основе своей, однако, они совершенно не таковы; они не могут быть бессмысленными уже по одному тому, что ведь бодрствует и грезит всегда тот же самый *человек*».

Каким образом согласуются между собою моменты смещения, сгущения и детерминирования при образовании сновидения, какой из этих факторов играет первенствующую и какой второстепенную роль, мы увидим в дальнейшем изложении. Пока же в качестве второго условия, которому должны удовлетворять элементы, включаемые в сновидение, мы можем установить то, что они должны быть устраняемы от цензуры.

в) *Средства изображения в сновидении.* Помимо обоих моментов процесса сгущения и процесса смещения, которые мы установили при превращении скрытого содержания сновидения в явное, мы столкнемся сейчас с двумя дальнейшими условиями, оказывающими несомненное влияние на подбор материала сновидения. Предварительно, однако, рискуя даже отклониться от намеченного нами пути, необходимо бросить взгляд на процесс толкования сновидений. Я не отрицаю того, что лучше и целесообразнее всего было бы взять за образец какое-либо сновидение, дать его толкование так же, как я сделал во второй главе со сновидением об инъекции Ирме, сопоставить затем обнаруженные нами скрытые мысли и обратным путем составить из них сновидение, короче говоря, дополнить анализ сновидений синтезом их. Эту работу я, действительно, проделал на нескольких примерах; я не мог, однако, опубликовать ее здесь, так как этому препятствуют разного рода соображения, легко понятные каждому вдумчивому читателю. При анализе сновидения соображения эти играют не столь видную роль, так как анализ может быть не вполне исчерпывающим и сохранять при этом свою ценность: ему достаточно хотя бы в незначительной степени проникнуть хитросплетения сновидения. Синтез для полного доказательства должен быть непременно исчерпывающим. Однако исчерпывающий синтез я могу дать лишь относительно сновидений тех лиц, которые совершенно незнакомы читающей публике. Так как, однако, в моем распоряжении имеются лишь сновидения моих пациентов-невротиков, то, я должен отложить такой синтез их сновидений до тех пор, пока я не сумею довести психологического толкования неврозов до полной их связи с нашей темой*.

Из моих попыток синтетически образовать сновидение из мыслей, лежащих в основе его, я знаю, что материал, получающийся при толковании, обладает различной ценностью. Одну часть его образуют существенные мысли, которые, таким образом вполне замещают собою сновидение и могли бы служить его полной заменою, если бы для сновидения не существовало цензуры; другую часть можно объединить под названием коллатеральных мыслей[98]; в целом они представляют собою пути, по которым реальное желание, проистекающее из мысли, переносится в желание, имеющееся в наличии в сновидении. Одна часть этих коллатеральных мыслей состоит из связей с действительными мыслями; соединения эти в сновидении имеют схематический вид и соответствуют смещениям от существенного к второстепенному. Другая часть обнимает собою мысли, которые связуются между собою при помощи этих второстепенных элементов, получивших значение благодаря смещению, и включаются в содержание сновидения. Третья часть содержит, наконец, мысли и соединения их, при помощи которых мы при толковании сновидения от содержания его приходим к средним коллатеральным и которые вовсе не все должны участвовать в образовании сновидения.

Нас интересуют здесь исключительно существенные мысли, скрывающиеся за сновидением. Они представляют собою большей частью комплекс мыслей и воспоминаний со всеми особенностями мышления, знакомыми нам по бодрствующему состоянию. Нередко эти мысли исходят не из одного центра, но все они имеют точки соприкосновения; почти всегда подле одного ряда мыслей находится противоположный ему, связанный с ним при помощи ассоциации по контрасту.

Отдельные части этого сложного целого находятся, разумеется, в самом разнообразном логическом соотношении друг с другом. Они образуют передний и задний

---

* Исчерпывающий анализ и синтез двух сновидений я произвел в моем «Отрывке анализа истерии» (1905 г.).

план, отклонения и дополнения, условия, аргументы и возражения. Когда вся масса этих мыслей подвергается влиянию деятельности сновидения, причем отдельные части ее раздробляются, расчленяются и потом снова сплачиваются воедино, то возникает вопрос, что же происходит с логической связью, имевшейся в наличии в этом сложном целом. Каким образом образуются во сне все эти «если», «потому что», «подобно тому как», «несмотря на то, что», «или — или» и все другие союзные речения, без которых мы не можем представить себе ни одного предложения, ни одной связной фразы?

На этот вопрос приходится ответить прежде всего, что сновидение не располагает средствами для изображения этих логических связей между мыслями. Большей частью анализ оставляет в стороне эти союзные речения и подвергает переработке лишь объективное содержание этих мыслей. Толкование должно затем снова восстановить эту связь, уничтоженную деятельностью сновидения.

Отсутствие у сновидения способности к выражению этой связи объясняется, очевидно, самою сущностью психического материала. Аналогичное ограничение претерпевают и изобразительные искусства, живопись и скульптура, по сравнению с поэзией, средствами выражения которой служат слова; и здесь причина отсутствия этой способности лежит в материале, при помощи которого оба искусства стремятся вообще к воплощению чего-либо. До тех пор пока живопись не достигла понимания своих законов, она старалась устранить этот дефект. На древних портретах люди изображались с запиской в руках, на которой было написано то, что тщетно старался изобразить художник.

Быть может, здесь мне сделают возражение, которое будет оспаривать необходимость отказа сновидения от изображения логической связи. Есть ведь много сновидений, в которых совершаются самые сложные умственные операции, в которых мы находим аргументации и противоречия, сравнения и связи, — совсем как в бодрствующем мышлении. Но это только иллюзия. Подвергнув такое сновидение толкованию, мы увидим, что все это *лишь материал сновидения, а не изображение интеллектуальной работы в нем.* Мнимое мышление в сновидении передает лишь *содержание* мыслей, *а не их взаимную связь*, в установлении которой состоит мышление. Я приведу примеры этому. Легче всего констатировать, однако, что все разговоры, диалоги и речи, наблюдающиеся в сновидениях, представляют собою неизмененные или чрезвычайно мало измененные воспроизведения разговоров и диалогов, имеющихся в наличии в воспоминаниях спящего. Разговор — зачастую лишь указание на событие, запечатленное в мыслях, скрывающихся за сновидением. Смысл же сновидения совершенно иной.

Я не буду возражать против того, что в образовании сновидения принимает участие и критическое мышление, попросту воспроизводящее материал из мыслей. Влияние этого фактора я выясню лишь в конце нашего изложения. Мы увидим тогда, что эта работа мышления вызывается не мыслями, скрывающимися за сновидением, а самим в известном смысле уже готовым сновидением.

Мы видим, таким образом, что логическая связь между мыслями не находит себе особого выражения в сновидении. Так, например, где в сновидении имеется противоречие, там на самом деле имеется либо противоречие против всего сновидения, либо же противоречие в содержании каких-либо мыслей; противоречию *между* мыслями, скрывающимися за сновидением, соответствует противоречие в сновидении лишь в чрезвычайно скрыто переданной форме.

Подобно тому, однако, как и живописи удалось выразить речь изображаемого лица и его чувства иначе, чем при помощи записки, так и сновидение нашло возможность воспроизводить некоторую связь между своими мыслями через посредство соответствующей модификации своего своеобразного изображения. Мы можем наблюдать, что различные сновидения различным образом поступают при этом; в то время как одно сновидение проходит мимо логической структуры своего материала, другое старается по возможности воспроизвести и ее. Сновидение отдаляется в этом более или менее от предоставляемого ему для обработки текста. Аналогичным образом поступает, впрочем, сновидение и с вре-

менной связью мыслей, скрывающихся за ним, когда такая связь создается в бессознательном.

Какими же средствами способна деятельность сновидения воспроизвести трудно воспроизводимую логическую связь? Я попытаюсь подойти к разрешению этого вопроса, рассмотрев каждую из наиболее часто наблюдаемых логических связей в отдельности.

Прежде всего сновидение учитывает общую связь всех элементов мыслей, скрывающихся за ним, таким образом, что соединяет весь этот материал в одно целое в форме какой-либо ситуации или события. *Логическую связь* оно передает в форме *одновременности*. Оно поступает при этом все равно как художник, который изображает, например, всех философов или поэтов в одной школе в Афинах или на Парнасе, которые никогда, конечно, не были там вместе, но для мыслящего взгляда представляют несомненно одно неразрывное целое.

Сновидение пользуется таким же способом изображения. Как только оно изображает два элемента друг подле друга, так тем самым оно свидетельствует о тесной связи между соответствующими им элементами в мыслях. Это все равно как в нашей системе письма: «аб» означает, что обе буквы должны быть произнесены в один слог; «а» и «б» через промежуток наводят на мысль, что «а» — последняя буква одного слова и «б» — первая буква другого. Вследствие этого комбинации сновидения образуются не из любых совершенно раздельных составных частей материала, а из таких, которые находятся в тесной связи друг с другом и в мыслях, служащих основой сновидения.

Для изображения *причинной связи* сновидение имеет в своем распоряжении два способа, которые по существу своему одинаковы. Наиболее употребительный способ изображения следующий: так как то-то и то-то обстоит таким образом, то должно было произойти то-то и то-то. Этот способ состоит в том, что причина изображается в виде предварительного сновидения, а последнее — в виде главной его части. Если я не ошибаюсь, то последовательность может быть и обратная, но следствие всегда соответствует главной части сновидения.

Прекрасный пример такого изображения причинной связи сообщила мне однажды моя пациентка, сновидение которой я впоследствии приведу полностью. Сновидение это состояло из краткого вступления и чрезвычайно обширной главной части.

Вступление гласило следующе: «*Она идет в кухню к двум служанкам и бранит их за то, что они не могут справиться «с такими пустяками». Она видит в кухне на столе множество всевозможной посуды; служанки идут за водою и должны для этого погрузиться в реку, доходящую до дома или до двора*».

Вслед за этим идет главная часть, которая начинается так: «Она *спускается сверху по какой-то странной лестнице и радуется, что при этом она нигде не цепляется платьем и т. д.*»

Вступление относится к родительскому дому моей пациентки, слова в кухне она действительно часто слышала от своей матери. Груды посуды относятся к посудной лавке, находившейся в их доме. Вторая часть сновидения содержит намек на отца, который часто волочился за прислугой и однажды при наводнении — дом стоял на берегу реки — простудился и умер. Мысль, скрывающаяся за этим вступлением, сообщает следующее. Я происхожу из этого дома, из этой низкой безотрадной обстановки. Главная часть сновидения воспринимает ту же самую мысль и изображает ее в измененной, благодаря осуществлению желания, форме: я высокого происхождения. Таким образом: так как я низкого происхождения, то моя жизнь сложилась так-то и так-то.

Насколько я знаю, разделение сновидения на две неравные части означает не каждый раз причинную связь между мыслями обеих частей. Очень часто кажется, будто в обоих сновидениях изображается один и тот же материал, но с различных точек зрения; или же оба сновидения проистекают из различных центров материала и скрещиваются друг с другом в содержании, так что в одном сновидении центром служит то, что в другом является лишь косвенным указанием и наоборот. Во многих сновидениях, однако, разделение на короткое вступление и более обширную главную часть действительно соответ-

ствует причинной взаимозависимости обеих частей.

Другой способ изображения причинной связи применяется при менее обширном материале и состоит в том, что один образ в сновидении — будь то лицо или вещь — превращается в другой. Лишь там, где в сновидении действительно происходит такое превращение, мы можем говорить о наличии причинной взаимозависимости, но отнюдь не там, где мы только замечаем, что на месте одного образа появился другой.

Я уже говорил, что оба способа изображения причинной связи, в сущности, совпадают друг с другом; в обоих случаях *причинная связь* заменяется *последовательностью* — в одном случае при помощи последовательности сновидений, в другом же непосредственным превращением одного образа в другой. В большинстве случаев, правда, причинная связь вообще не изображается, а заменяется неизбежной и в сновидении последовательностью элементов.

Альтернатива «или — или» вообще не изображается в сновидении. Последнее включает звенья этой альтернативы в качестве равноценных элементов. Классическим примером этого служит сновидение об инъекции Ирме. Скрытые мысли его гласят, впрочем: я не виновен в болезненном состоянии Ирмы; причина его лежит *либо* в сопротивлении моему лечению, либо в том, что она находится в неблагоприятных сексуальных условиях, которые я не могу изменить, *либо* же болезнь ее вообще не истерического, а органического характера. Сновидение осуществляет, однако, все эти почти исключающие друг друга возможности. Альтернатива «либо — либо» обнаружена нами лишь при толковании.

Когда, однако, рассказчик при сообщении сновидения употребил союзное речение «или — или», — например, мне снился сад или же комната — там в мыслях, скрывающихся за сновидением, содержится не альтернатива, а простое сопоставление, характеризующееся союзом «и». При помощи «или — или» мы изображаем обыкновенно расплывчатый характер какого-либо элемента сновидения, которое стараемся припомнить и разъяснить. Правило толкования в этом случае гласит: отдельные части

мнимой альтернативы следует сопоставить друг с другом и связать при помощи союза «и». Мне снится, например, что, отыскивая долгое время адрес своего находящегося в Италии друга, я получаю телеграмму, сообщающую мне этот адрес. Я вижу его на телеграфном бланке; первое слово не ясно, оно или — via, или — Villa[99], второе отчетливо: Sezerno.

Второе слово, напоминающее по созвучию итальянское имя и вызывающее во мне представление о наших этимологических спорах, выражает также и мою досаду на то, что он так долго скрывал от меня свое местопребывание; каждое же из предположений о первом слове предстает при анализе в виде самостоятельного исходного пункта целого ряда мыслей.

Ночью, накануне похорон моего отца, мне приснились печатные таблицы или плакаты, похожие на объявления о запрещении курить, вывешиваемые обычно на вокзалах. На плакате этом я прочел:

или:

Просят закрывать глаза

или:

Просят закрывать глаз.

Каждая из этих надписей имеет свой особый смысл и в толковании ведет по различным путям. Я умышленно решил сделать похороны как можно более скромными, так как знал желание покойного. Другие же члены семьи были несогласны с моим пуританизмом; им казалось, что нам будет стыдно перед чужими. Поэтому одна из надписей — «Просят закрывать глаз» (по нем. «Ein Ange zuzudrücken» имеет переносное значение) — выражает собой просьбу о снисхождении[100]. Значение расплывчатости, которое мы описываем здесь при помощи «или — или», очевидно с первого взгляда. Сновидению не удалось составить единого, недвусмысленного словесного выражения мысли, лежащей в его основе. Поэтому-то оба ряда мыслей разделяются уже в самом содержании сновидения.

В некоторых случаях разделение сновидения на две равные части действительно выражает трудно поддающуюся истолкованию альтернативу.

Чрезвычайно любопытно отношение сновидения к категориям *противоположности*. Категория эта почти совершенно не выражается а сновидении; противоположности соединяются обычно в одно целое или, по крайней мере, изображаются в этом виде. Сновидение идет даже дальше и изображает и отдельные элементы при помощи их противоположностей, так что ни один элемент, способный найти себе прямую противоположность, не показывает сразу, имеет ли он в мыслях сновидения положительный или отрицательный характер. В одном из вышеупомянутых сновидений, первую часть к которому мы уже истолковали («так как я такого происхождения...»), моя пациентка спускается по перилам и держит при этом в руках цветущую ветку. Так как при этом у нее появляется мысль, что на изображениях Благовещения (ее зовут Марией) ангел держит в руках лилию и так как она видит девушек в белых платьях, которые идут по улицам, украшенным зелеными ветками, то цветущая ветвь в сновидении несомненно содержит в себе указание на половую невинность; ветвь эта, однако, усажена сплошь красными цветами, из которых каждый напоминает камелию. В конце ее дороги цветы почти все опадают; дальше следуют указания на регулы. Тем самым ветка, которая напоминает лилию и несется как бы невинной девушкой, указывает на «даму с камелиями», которая, как известно, носила всегда *белые камелии*, во время же регул — красные.

Цветущая ветвь изображает половую невинность и в то же время ее противоположность. Одно и то же сновидение, выражающее собою радость по поводу того, что ей удалось беспорочно прожить свою жизнь, обнаруживает в некоторых частях (например, в элементе опадания цветов) противоположный ход мыслей и намекает на то, что она не чужда и небольших прегрешений против сексуальной чистоты и невинности (в детстве). При анализе сновидения мы могли бы ясно проследить оба ряда мыслей, из которых радостный расположен наверху, а прискорбный — внизу; оба эти ряда идут параллельно, но направляются в прямо противоположные стороны. Их одинаковые, но противоположные элементы находят себе выражение в соответствующих элементах сновидения.

С одной из логических связей механизм образования сновидения считается, однако, в полной мере. Это отношение сходства, согласования, соприкосновения, выражающееся союзным речением «*подобно тому как*»; оно находит себе в сновидении наиболее полное выражение. Имеющиеся в материале сновидения элементы такого взаимоотношения составляют главнейшие опорные пункты образования сновидения, и наиболее существенная часть деятельности последнего состоит в создании таких новых элементов в том случае, когда имеющиеся уже в наличии не могут попасть в сновидение ввиду сопротивления цензуры. На помощь изображению отношения сходства приходит процесс сгущения в сновидении.

Сходство, согласование и общность обычно изображаются сновидением путем соединения в одно целое, которое либо имеется уже в наличии в материале сновидения, либо же образуется заново. Первый случай мы можем назвать идентификацией, второй же — образованием сложных комбинаций. Идентификация применяется там, где речь идет о людях; образование же сложных комбинаций там, где материалом соединения служат вещи, хотя сложные комбинации образуются и из людей. Местности подлежат зачастую тем же правилам, что и люди.

Идентификация состоит в том, что лишь одно из лиц, связанных между собою сходством, находит себе выражение в сновидении, между тем как второе или все остальные как бы устраняются сновидением. Это одно лицо входит в сновидении во все те отношения и ситуации, которые проистекают от него или от лиц, которых оно собою замещает. При образовании сложных комбинаций из лиц уже в сновидении имеются в наличии черты, свойственные отдельным лицам, но не общие для всех них, так что при помощи объединения этих черт возникает новая единица, сложная комбинация коллективных лиц. Процесс этот совершается различным путем. Либо лицо в сновидении получает имя какого-нибудь другого, им замещаемого, — между тем как внешность его остается тою же; или же сам образ в сновидении состоит из черт, которыми в действительно-

сти объединяются все замещаемые лица. Вместо этих внешних черт лицо может быть представлено также свойственными ему манерами, словами или ситуацией, характерной для него. В последнем случае резкая противоположность между идентификацией и образованием сложных комбинаций почти исчезает. Случается, однако, и то, что образование таких коллективных лиц не удается. Тогда сцена сновидения приписывается одному лицу, а другое — по большей части главное — выступает в качестве безучастного зрителя. Спящий рассказывает, например: «Тут же была и моя мать» (Штекель)[101]. Общие черты, лежащие в основе объединения двух лиц, могут быть изображены в сновидении, но могут и отсутствовать в нем. Обычно идентификация или образование коллективных лиц служит именно для того, чтобы избегнуть изображения общих черт. Вместо того чтобы повторять, что «*А*» настроен враждебно ко мне и «*Б*» тоже, я в сновидении образую коллективное лицо из «*А*» и «*Б*» и представляю «*А*» в ситуации, характерной для «*Б*». Полученное таким образом коллективное лицо выступает в сновидении в какой-либо другой обстановке, и в том обстоятельстве, что оно означает собою как «*А*», так и «*Б*», я нахожу основание для истолкования соответственного места в сновидении в том смысле, что коллективное лицо изображает собою враждебное отношение ко мне. Таким путем я достигаю зачастую чрезвычайно интенсивного сгущения содержания сновидения; я избегаю необходимости непосредственного изображения сложных условий, имеющих отношение к данному лицу, и нахожу другое лицо, связанное, по крайней мере, с частью этих условий. Нетрудно понять, что это изображение при помощи идентификации помогает также избегнуть цензуры, ставящей столь серьезную преграду деятельности сновидения. Повод к влиянию цензуры могут дать как раз те представления, которые в материале связаны с данным лицом; я нахожу поэтому второе лицо, которое также имеет отношение к моему материалу, но только как часть его. Соприкосновение в пункте, подлежащем влиянию цензуры, дает мне право образовать коллективное лицо,

характеризующееся в обоих направлениях индифферентными чертами. Эти коллективные лица, будучи уже свободными от цензуры, получают непосредственный доступ в содержание сновидения и таким образом, использовав процесс сгущения, я удовлетворил требование цензуры.

Там, где в сновидении изображаются общие черты обоих лиц, там это служит обычно указанием на наличие другого скрытого сходства, изображению которого воспрепятствовала цензура. Тут до некоторой степени в целях облегчения изображения произошло смещение в области общих черт. Коллективное лицо с индифферентными общими чертами указывает на наличие отнюдь не индифферентных общих черт в мыслях, скрывающихся за сновидением.

Идентификация или образование коллективных лиц служит в сновидении различным целям; во-первых, изображению общих черт второго лица, во-вторых, изображению *смещенного* сходства, в-третьих же, изображению лишь *желаемого* сходства. Так как желание найти общие черты у двух лиц зачастую совпадает со *смешением их*, то и взаимоотношение выражается в сновидении идентификацией. Мне хочется в сновидении об инъекции Ирме смешать эту пациентку с другою; я хочу, таким образом, чтобы другая была моей пациенткой так же, как ею является Ирма. Сновидение считается с этим желанием, представляя мне лицо, которое носит имя Ирмы, но исследуется мною в ситуации, имевшей место при исследовании другой желаемой пациентки. В сновидении о дяде это смешение служит центральным пунктом сновидения я идентифицирую себя с министром, относясь к своему коллеге так же, как относится к нему он.

Я не раз уже упоминал о том, что все сновидения без исключения изображают непременно самого спящего. Сновидение абсолютно эгоистично. Там, где в содержании сновидения содержится не мое «я», а другое лицо, я имею полное основание предположить, что мое «я» скрыто путем идентификации за этим лицом. В другом случае, когда мое «я» действительно имеется в наличии в сновидении, ситуация, в которой оно находится, может именно показать, что позади моего «я» путем идентификации

скрывается другое лицо. Сновидение указывает, что при толковании его я должен перенести на себя нечто, присущее этому лицу, — скрытые общие черты. Бывают также сновидения, в которых мое «я» проявляется также наряду с другими лицами, которые при анализе после раскрытия идентификации оказываются опять-таки моим «я». Я должен тогда при помощи этих идентификаций связать со своим «я» известные представления, против восприятия которых восстала цензура. Таким образом, я могу изобразить в сновидении свое «я» различным путем. Иногда даже одновременно: либо непосредственно, либо же при помощи идентификации с другими лицами. Некоторые такие идентификации способствуют сгущению чрезвычайно обильного материала мыслей*.

Еще более прозрачно, нежели относительно лиц, раскрытие идентификации совершается относительно местностей, обозначенных собственными именами, так как здесь отсутствует влияние всесильного в сновидении «я». В одном из моих сновидений о Риме местность, в которой я нахожусь, названа «Рим»; я удивляюсь, однако, множеству немецких плакатов на улицах. Последние представляют собою осуществление желания, при котором у меня тотчас же появляется мысль о Праге; само желание проистекает, по всей вероятности, из давно прошедшего периода увлечения пангерманизмом; как раз ко времени моего сновидения в Праге у меня должно было состояться свидание с одним коллегой; идентификация Рима и Праги объясняется, таким образом, желаемым сходством; мне больше хотелось бы встретиться со своим коллегой в Риме, нежели в Праге.

Возможность образовывать сложные комбинации носит на себе черты, придающие сновидениям зачастую фантастический характер: благодаря ей в содержание сновидения вводятся элементы, которые никогда не могли бы стать объектом нашего восприятия. Психический процесс при образовании сложных комбинаций сновидения, по всей вероятности, тот же, какой происходит, когда мы в бодрствующем состоянии представляем себе кентавра или *дракона*. Разница лишь в том, что при фантазировании наяву решающую роль играет желаемое впечатление от составляемой фантазии, между тем как образование сложных комбинаций в сновидении обусловливается моментом, лежащим в начале этого образования, — отношением сходства в мыслях, скрывающихся за сновидением. Образование сложных комбинаций в сновидении может производиться самым различным образом. В наиболее простом случае изображаются лишь свойства одной вещи, и это изображение сопровождается сознанием того, что оно относится и к другому объекту. Более тщательная техника соединяет черты одного и другого объектов в новую единицу и умело пользуется при этом сходством обоих объектов, имеющихся в наличии в действительности. Новый объект может носить самый нелепый характер, смотря по тому, какую роль при образовании играл материал. Если объекты, объединяемые в сновидении в одно целое, слишком различны, то сновидение ограничивается тем, что образует сложный комплекс с более отчетливым центральным ядром, которое дополняется менее отчетливыми чертами. Соединение в одно целое здесь как бы не удается; оба изображения покрывают друг друга. В сновидениях можно наблюдать множество таких сложных комбинаций; на несколько примеров я уже указал в вышеупомянутых сновидениях; я добавлю еще несколько. В сновидении, изображающем жизнь пациентки при помощи цветка, «я» сновидения несет в руках цветущую ветку, которая, как мы уже узнали, означает одновременно невинность и сексуальную греховность. Ветка расположением цветов напоминает ветвь вишневого дерева; сами же цветы, взятые в отдельности — *камелии*, причем все в целом производит впечатление *экзотического растения*. Общие черты в элементах этого сложного комплекса мы находим в мыслях, служащих основой сновидения. Цветущая ветвь состоит из указаний на подарки, которые должны были побуждать ее быть более уступчивой. Таковы в детстве

* Если я сомневаюсь, за каким лицом в сновидении я должен искать свое «я», то мне следует придерживаться следующего правила: лицо, испытывающее в сновидении аффект, который испытываю я в состоянии сна, всегда скрывает за собою мое «я».

вишни, в более зрелые годы — ветка камелии; экзотический элемент является указанием на путешественника — естествоиспытателя, который старался добиться ее расположения. Другая пациентка составляет в сновидении сложную комбинацию, состоящую из представлений о морской кабинке, дачного забора и мансарды городского дома. В обоих первых элементах общее их отношение к человеческой наготе и обнажению; из сопоставления с третьим элементом можно заключить, что и мансарда (в детстве) была связана с каким-либо обнажением. Девушке, которую старший брат обещал угостить икрой, снится, что ноги этого брата покрыты *черными зернышками икры*. Элементы «заражения» в моральном смысле и воспоминание о детской сыпи, которая состоит из красных, а не из черных пятнышек, соединились здесь с *«зернышками икры»* в новое представление о том, *«что она получила от брата»*. Части человеческого тела рассматриваются в этом сновидении как объекты; это, впрочем, характерно для любого сновидения. В сновидении, сообщенном *Ференчи*, имеется сложная комбинация, состоящая из личности одного *врача*, лошади и ночной *сорочки*. Общие черты этих трех элементов обнаруживаются при анализе: ночная сорочка содержит в себе указание на роль отца спящей в одном из воспоминаний детства. Во всех этих трех элементах речь идет об объектах ее полового любопытства.

Выше я утверждал, что сновидение не обладает средствами для выражения отношения противоположности, противоречия. Я постараюсь, однако, опровергнуть это утверждение. Часть случаев, содержащих в себе элемент противоположности, изображается просто при помощи *идентификации*, когда с противопоставлением может быть связана замена, смешение. Примеры этому мы уже приводили. Другая часть противоположностей в мыслях, скрывающихся за сновидениями, выражающаяся союзными речениями «напротив того», «наоборот», находит свое выражение в сновидении следующим чрезвычайно оригинальным образом. Логическое противопоставление «наоборот», «напротив того» само по себе не выражается в содержании сновидения, а проявляет свое наличие в

материале его тем, что какой-либо элемент уже образованного содержания сновидения — как бы впоследствии — «переворачивается». Процесс этот легче иллюстрировать, нежели описать. В сновидении «Сафо» подъем изображается совершенно обратно тому, как изображается он в введении к роману Доде; в сновидении спящий идет вначале с трудом, а потом легче, между тем как в романе наоборот. Нахождение «наверху» и «внизу» по отношению к брату также изображается во сне в противоположном виде. Это указывает на соотношение противоположности между двумя частями материала в мыслях, скрывающихся за сновидением: в детской фантазии спящего кормилица носит его на руках в противоположность тому, как в романе герой носит на руках возлюбленную. В моем сновидении о нападках Гете на господина М. (см. ниже) содержится такое же «переворачивание», раскрытие которого только и дает возможность приступить к толкованию сновидения. В последнем Гете нападает на молодого человека, господина М.; в действительности же, как показывают мысли, скрывающиеся за сновидением, один выдающийся человек, мой коллега, подвергся нападкам со стороны неизвестного молодого автора. В сновидении я веду счет о годе смерти Гете; в действительности же, счет ведется о годе рождения паралитика. Мысль, доминирующая в материале сновидения, противоречит тому, что на Гете следует смотреть как на сумасшедшего. Наоборот, говорит сновидение, если ты не понимаешь книги, то невежда ты, а не автор.

Здесь следует заметить, что этим процессом зачастую пользуются сновидения, в основе которых лежит подавленное гомосексуальное влечение.

Переворачивание, превращение в противоположность — одно из излюбленных средств изображения сновидения; оно находит себе самое разнообразное применение. Оно служит прежде всего для осуществления желания, противоположного какому-либо элементу в мыслях, скрывающихся за сновидением. Хоть бы это было наоборот! — вот зачастую наилучшее выражение отношения моего «я» к неприятному элементу в воспоминаниях. Чрезвычайно ценные услуги оказывает это средство при цензуре, испы-

тывая ту степень искажения изображаемого материала, которая как бы совершенно парализует толкование сновидения. Ввиду этого, когда сновидение упорно скрывает свой смысл, можно все-таки попытаться «перевернуть» некоторые части его явного содержания, после чего нередко сновидение становится совершенно прозрачным.

Наряду с «переворачиванием» по существу следует упомянуть и об аналогичном процессе по отношению ко времени. Сновидение в своей искажающей деятельности нередко изображает конец какого-либо события или заключительное звено ряда мыслей, а в конце помещает предпосылку мысли или причины события. Кто не принимает во внимание этого технического средства искажающей деятельности сновидения, тот вообще бессилен подойти к толкованию сновидений*.

В некоторых случаях смысл сновидения раскрывается лишь после многократного «переворачивания» всего содержания сновидения в его целом, а также и отдельных его элементов. Так, например, за сновидением одного юного невротика скрывается воспоминание о его детском желании смерти строгого отца. Ему снится, что *отец бранит его за* то, *что он поздно вернулся домой*. Психоаналитическое лечение и мысли пациента говорят за то, что сновидение должно было бы гласить: он *сердится на отца*, и ему кажется, что отец *слишком рано* возвратился домой. Он предпочел бы, чтобы отец вообще не возвращался домой, что тождественно его желанию смерти отца. Пациент в детстве во время продолжительного отсутствия отца совершил какой-то проступок и ему грозили: подожди-ка, придет отец!

---

* Тою же техникой пользуется иногда и истерический припадок с целью скрыть свой смысл от взгляда зрителей. Одна истерическая девушка изображает, например, во время припадка небольшое романтическое приключение, созданное ее фантазией в связи с одной встречей в трамвае. Она хочет изобразить, как незнакомец, прельщенный красотой ее ног, заговаривает с нею в то время, как она читает, идет вместе с нею, и она переживает горячую любовную сцену. Припадок ее начинается с изображением любовной сцены; у нее появляются судороги (движения губ, точно для поцелуев, движения руками, как для объятий), она спешит в соседнюю комнату, садится на стул, показывает ногу, делает вид, словно читает книгу, и заговаривает со мной.

Задавшись целью проследить взаимоотношение между содержанием сновидения и мыслями, скрывающимися за ним, мы возьмем исходным пунктом само сновидение и зададимся вопросом, что означают некоторые формальные особенности его содержания в их отношении к мыслям. К этим формальным особенностям, бросающимся нам в глаза в сновидении, относится прежде всего различие в чувственной интенсивности отдельных элементов сновидения и в отчетливости отдельных его частей или целых сновидений. Различия в интенсивности отдельных элементов сновидения составляют целую шкалу, начиная от редкой отчетливости вплоть до досадной расплывчатости, которую считают обычно характерной для сновидений, так как она по существу своему совершенно несходна с расплывчатостью воспринимаемых нами иногда при наблюдении объектов действительности. Обычно, кроме того, мы называем впечатление, полученное нами от неотчетливого элемента сновидения, «беглым», предполагая о более отчетливых элементах то, что они воспринялись нами в течение более продолжительного времени. Спрашивается теперь, какие же условия вызвали эти различия в отчетливости отдельных частей содержания сновидения.

Здесь следует прежде всего предупредить некоторые неизбежные ожидания. Так как в материал сновидения могут быть включаемы и реальные ощущения во время сна, то, по всей вероятности, можно было бы предположить, что эти элементы сновидения или другие, выводимые из них, отличаются особой интенсивностью или же, наоборот, что то, что в сновидении кажется нам наиболее отчетливым, может быть сведено к таким реальным ощущениям во время сна. Мои наблюдения, однако, не подтвердили этого предположения. Неправильно то, что элементы сновидения, представляющие собою результаты реальных впечатлений во время сна, отличаются своей отчетливостью от других, обязанных своим происхо-

ждением воспоминаниям. Момент реальности не имеет отношения к интенсивности элементов сновидения.

Далее, могла бы возникнуть мысль, что чувственная интенсивность (отчетливость отдельных элементов сновидения) связана с психической интенсивностью соответствующих элементов мышления, лежащих в основе сновидения. В последних интенсивность совпадает с психической ценностью. Наиболее интенсивные элементы — не что иное, как наиболее важные, образующие центральные пункты мысли. Мы знаем, правда, что именно эти элементы вследствие цензуры в большинстве случаев не включаются в содержание сновидения. Но могло бы все-таки быть, что заменяющие их ближайшие элементы обнаружили бы высокую степень интенсивности, не становясь, однако, при этом центром содержания сновидения. Однако и это предположение разрушается сравнительным рассмотрением сновидения и материала его. Интенсивность элементов в первом не имеет ничего общего с интенсивностью во втором; между материалом сновидения и самим им совершается, действительно, полнейшая *переоценка всех психических ценностей*. В беглом, но отчетливом элементе сновидения, скрытом более ясным и отчетливым образом, можно очень часто обнаружить непосредственное отражение того, что преобладало и служило центральным пунктом в мыслях, скрывающихся за сновидением.

Интенсивность элементов в сновидении определяется совершенно иначе: она обусловливается двумя независимыми друг от друга моментами. Прежде всего легко заметать, что наиболее интенсивно образуются те элементы, при помощи которых выражается осуществление желания. Далее, анализ показывает, что от наиболее отчетливых элементов сновидения отходит большинство рядов мыслей, что наиболее отчетливые элементы в то же время и наиболее сложно детерминированные. Мы нисколько не извратим смысла, если выразим последнее положение в следующей форме: наибольшую интенсивность обнаруживают те элементы сновидения, для образования которых потребовалась наиболее обширная работа *сгущения*. Мы имеем основание предполагать, что это усло-

вие и другое — осуществление желания — могут быть выражены также в одной формуле.

Проблему, которую я только что рассматривал, — причины большей или меньшей интенсивности и отчетливости отдельных элементов сновидения — мне хотелось бы предохранить от смешения с другой проблемой, которая трактует о различной отчетливости отдельных сновидений или отрывков их. В этом первом случае противоположностью отчетливости служит расплывчатость, здесь же — спутанность. Нельзя, однако, отрицать того, что в обеих этих шкалах восходящая и нисходящая особенности постоянно сопутствуют друг другу. Часто сновидение, представляющееся нам ясным и отчетливым, содержит в большинстве случаев интенсивные элементы; неясное сновидение, напротив того, состоит из менее интенсивных элементов. Тем не менее проблема, которая предстает перед нами в виде шкалы от чрезвычайной ясности вплоть до спутанности, значительно сложнее, чем вопрос о колебании интенсивности отдельных элементов сновидения. В отдельных случаях, к удивлению своему, замечаешь, что впечатление ясности или отчетливости, которое воспринимаешь от сновидения вообще, не имеет отношения к самому сновидению, а проистекает из материала последнего в качестве его составной части. Так, мне припоминается одно сновидение, которое после пробуждения показалось мне настолько очевидным, лишенным пробелов и ясным, что я еще под его впечатлением решил установить новую категорию сновидений, которые не подлежат процессам сгущения и смещения, а должны быть названы «фантазиями во время сна». Ближайшее рассмотрение показало, однако, что это редкое сновидение обнаруживает в структуре своей те же пробелы и трещины; я оставил поэтому в стороне новую категорию сновидений. Содержание вышеупомянутого сновидения сводилось к тому, что я развивал перед своим коллегою чрезвычайно сложную теорию бисексуальности; волеосуществляющая сила сновидения способствовала тому, что эта теория показалась нам чрезвычайно ясной и исчерпывающей. То, что я, таким образом, счел своим суж-

дением о готовом сновидении, было частью, и при этом существенной частью содержания его. Деятельность сновидения вторглась здесь как бы в бодрствующее мышление и в виде *суждения* о сновидении вручила мне ту часть его материала, детальное изображение которого ей не удалось. Прямую противоположность этому я наблюдал у одной моей пациентки, которая вначале вообще отказалась сообщить свое сновидение, — «оно слишком неясно и спутанно» — и лишь после моих неоднократных протестов против правильности ее сообщения рассказала, что ей приснилось несколько лиц — она, ее муж и отец; ей казалось, будто она не знает, отец ли ее муж, кто вообще ее отец и т. д. Сопоставление этого сновидения с мыслями ее при анализе показало с несомненностью, что здесь речь идет о довольно обыкновенной истории прислуги, которой, должно быть, приснилось, что она ожидает ребенка и лишь сомневается, «кто его отец». Неясность, обнаруженная сновидением, была, таким образом, и здесь частью материала, послужившего его основанием. Часть этого содержания нашла себе выражение в самой *форме* сновидения.

Все сновидения одной и той же ночи составляют по содержанию своему одно целое: их разделение на несколько частей, группировка и взаимная связь — все имеет свой смысл и обусловливается скрытым их содержанием. При толковании сновидений, состоящих из нескольких частей или относящихся хотя бы к одной и той же ночи, нельзя упускать из виду возможности того, что эти различные, последовательные сновидения имеют одно и то же значение. Первое из таких сновидений является зачастую наиболее искаженным и робким, последующее же более смелым и отчетливым.

Такого именно рода было и библейское сновидение фараона о коровах, истолкованное Иосифом. У Иосифа Флавия («Иудейские древности», кн. II, гл. 5 и 6) оно сообщается подробнее, нежели в Библии. Рассказав свое первое сновидение, фараон произнес: «После первого сновидения я проснулся озабоченный и подумал о том, что оно может значить; потом снова заснул и увидел еще более странное сновидение, повергшее меня еще больше в смятение и страх». Выслушав его рассказ, Иосиф ответил: «Оба сновидения твои, о фараон, имеют одно и то же значение!»

Юнг, сообщающий в своем «Очерке психологии слуха», как скрыто-эротическое сновидение одной школьницы было понято без всякого толкования ее подругами и продолжено ими, замечает, что «конечная мысль длинного ряда образов сновидения содержит как раз именно то, что старался изобразить первый образ этого ряда. Цензура проводит комплекс через наивозможно более длинный строй постоянно возобновляющихся символических прикрытий, отодвиганий и пр.» (с. 87).

Шернер превосходно понимал эту особенность изображения в сновидении и в связи со своей теорией органических раздражений приписывает ей значение особого закона (с. 166). «Наконец, однако, во всех символических элементах сновидения, проистекающих из определенных нервных раздражений, фантазия подмечает общеобязательный закон: в начале сновидения она изображает объект раздражения лишь слабыми, отдаленными намеками, в конце же, когда творчество ее иссякает, она выставляет раздражение, соответствующий орган или функцию его в действительном виде, чем сновидение обычно и заканчивается».

Наглядное подтверждение этого закона *Шернера* дает *Отто Ранк* в своей работе «Сновидение, само себя истолковывающее». Сообщаемое им сновидение девушки состоит из двух разновременных сновидений одной и той же ночи; второе из них закончилось поллюцией. Это второе сновидение облегчило наиподробнейший анализ почти без участия самой девушки, а многочисленные точки соприкосновения между обоими сновидениями дали возможность установить тот факт, что первое в робкой форме изобразило то же, что второе, так что последнее, закончившееся поллюцией, послужило к исчерпывающему истолкованию первого. На этом примере *Ранк* вполне справедливо доказывает значение сновидений, сопровождающихся поллюциями, для теории сновидения вообще.

Такая возможность истолковать ясность или расплывчатость сновидения уверенностью или сомнением в его материале имеется в наличии, на мой взгляд, дале-

ко не во всех случаях. Ниже я приведу один, до сих пор не упомянутый еще фактор образования сновидений, от влияния которого в значительной мере зависит эта качественная шкала сновидения.

В некоторых сновидениях, изображающих какую-либо ситуацию или эпизод, наблюдаются перерывы, описываемые потом обычно следующими словами: «Потом мне вдруг показалось, что это уже не та, а другая местность, не то, а другое действие» и т. д. То, что таким образом прерывает главное действие сновидения, которое спустя короткое время вновь продолжается, оказывается в материале придаточным предложением, вводной мыслью. Условие в мыслях, скрывающихся за сновидением, изображается в последнем при помощи одновременности (когда — тогда).

Что означает столь часто испытываемое в сновидении ощущение связанности, очень близко соприкасающееся со страхом? Человек хочет идти и не может сдвинуться с места; хочет что-то сделать, но все время наталкивается на препятствия. Железнодорожный поезд трогается — человек не может поспеть; он поднимает руку, чтобы отомстить за оскорбление, но рука отказывается служить и проч. Мы встречались с этим ощущением при анализе эксгибиционистских сновидений, но не подошли еще вплотную к их разъяснению. Чрезвычайно легко, но и чрезвычайно недостаточно ответить, что во сне имеет место моторный паралич, находящий себе выражение в вышеуказанном ощущении. В таком случае можно задаться вопросом, почему же нам всегда не снятся такие ощущения связанности; мы могли бы предположить, что ощущение это, связанное всегда с состоянием сна, служит каким-либо целям изображения и пробуждается лишь потребностью в этом изображении со стороны материала сновидения.

«Невозможность довести до конца дело» проявляется в сновидении не всегда в форме ощущения, а иногда попросту и в виде части содержания самого сновидения. Следующий пример я считаю особенно подходящим для уяснения значения этого реквизита сновидения. Я приведу его вкратце; оно уличает меня в нечестности.

«Место действия — не то частная клиника, не то какое-то другое учреждение. Появляется служитель и зовет меня на «исследование» (по нем. *Untersuchung* — *и судебное следствие, и медицинское исследование*). *Я сознаю, что обнаружена какая-то пропажа и что «исследование» вызвано подозрением, что в пропаже этой виновен я. В сознании своей невиновности, с одной стороны, и своих врачебных обязанностей, с другой — я спокойно иду за служителем. У одной из дверей, стоит другой служитель и говорит, указывая на меня: «Что же вы привели его, ведь это порядочный человек». Я вхожу затем без служителя в большой зал, где стоит много машин; зал этот напоминает мне, однако, ад с орудиями пыток. За одной из машин я вижу своего коллегу, который имел бы полное основание принять во мне участие, но он меня не замечает. Я получаю возможность уйти. Но не нахожу своей шляпы и потому уйти не могу».*

Сновидение, очевидно, осуществляет желание, чтобы меня признали честным человеком; в мыслях имеется, таким образом, всевозможный материал, противоречащий этому. То, что мне позволяют уйти, является признаком моей невинности, если поэтому сновидение в конце своем изображает препятствие моему уходу, то отсюда следует заключить, что в этом именно и находит свое выражение подавленный противоречащий материал. То, что я не нахожу шляпы, означает, следовательно: ты все же не честный человек. Невозможность что-либо сделать в сновидении представляет собою выражение противоречия, союзных речений «нет, не»; таким образом, мы должны внести поправку в наше утверждение, будто сновидение не способно выразить эту логическую связь.

В других сновидениях, содержащих эту связанность движения не только в форме ощущения, но и в форме ситуации, то же противоречие изображается резче при помощи этого ощущения, чем воля, которой противополагается другая. Ощущение связанности движений представляет собой таким образом *конфликт воли*. Ниже мы увидим, что именно моторное паралитическое состояние — одно из основных условий психического процесса, имею-

щего место во время сновидения. Импульс, переданный на моторные пути, не что иное, как воля; то, что нам во время сна этот импульс кажется парализованным и способствует пригодности всего процесса к изображению желания и «нет», противостоящего ему. Из моего объяснения страха легко понять, что ощущение парализованной воли соприкасается со страхом и в сновидении очень часто соединяется с ним. Страх — импульс, носящий характер влечения; он исходит из бессознательного и парализуется предсознательным. Где, таким образом, ощущение связанности соединяется в сновидении со страхом, там речь идет о желании, которое прежде могло развить влечение, т.е. о половом желании.

Что означает собою часто проявляющееся в сновидении суждение: «ведь это же только сон» и какой психической силе следует его приписать, я скажу ниже. Соприкасающуюся с этим интересную проблему того, что означает, если часть сновидения в нем самом кажется спящему сновидением, — загадку «сновидения в сновидении» — Штекель при помощи анализа нескольких чрезвычайно доказательных примеров разрешил аналогичным образом. «Сновидение» в сновидении должно лишиться опять-таки своей ценности и реальности; то, что снится после пробуждения от такого «сновидения», желание, скрывающееся за действительным сновидением, стремится поставить на место уничтоженной реальности. Можно предположить, таким образом, что «сновидение» в сновидении содержит изображение реальности, истинное воспоминание; дальнейшее же сновидение — изображение лишь желаемого спящим. Включение известного содержания в «сновидение» в сновидении соответствует, следовательно, желанию, чтобы то, что кажется «сновидением», в действительности не произошло. Деятельность сновидения пользуется «сновидением» как своего рода формой протеста.

г) *Отношение к изобразительности.* До сих пор мы занимались рассмотрением того, каким образом сновидение изображает взаимоотношения между мыслями, скрывающимися за ним, но при этом не раз касались более обширного вопроса, какие изменения претерпевает вообще материал сновидения в целях его образования. Мы знаем, что материал этот, лишившись большей части своих внутренних взаимоотношений, подвергается процессу сгущения, между тем как одновременно процесс смещения отдельных его элементов вызывает психическую переоценку всего материала. Смещение же оказалось замещением одного представления другим, так или иначе соответствующим ему по ассоциации; оно служит целям сгущения: вместо двух элементов в сновидение включается одно среднее, общее. О другом роде смещения мы еще не упоминали. Из анализов ясно, что таковое действительно имеет место и обнаруживается в замене словесного выражения мысли. В обоих случаях перед нами смещение вдоль ассоциационного ряда, но один и тот же процесс совершается в различных психических сферах. Результатом смещения первого рода является то, что один элемент замещается другим, другого же рода — что словесное выражение элемента заменяется другим.

Этот второй род смещения, имеющий место при образовании сновидений, имеет не только большой теоретический интерес: он чрезвычайно пригоден и для разъяснения той мнимой фантастической абсурдности, которой маскируется сновидение. Смещение совершается обычно таким образом, что бесцветное и абстрактное выражение мысли, лежащей в основе сновидения, заменяется более пластичным, конкретным. Выгода, а тем самым и цель такой замены очевидны. Конкретное доступно для изображения в сновидении, оно может вылиться в форму ситуации; абстрактное же выражение доставило бы изображению в сновидения такие же приблизительно трудности, как, например, политическая статья иллюстрированию ее в газете. Но от этой замены выигрывает не только *изобразимость* элемента, но и интересы процесса сгущения и цензуры. Когда абстрактно выраженная мысль переводится на конкретный язык, то между этим новым ее выражением и остальным материалом сновидения легче находятся точки соприкосновения, которые необходимы сновидению и которых оно ищет: конкретные выражения в каждом языке вследст-

вие развития его допускают более обширные ассоциации, нежели абстрактные. Можно представить себе, что большая часть промежуточной работы при образовании сновидения, которое старается свести отдельные мысли к возможно более сжатым и единообразным их выражениям, совершается именно таким образом, путем соответственного словесного преобразования отдельных мыслей. Мысль, выражение которой по каким-либо причинам не поддается изменению, окажет несомненное влияние на выражение другой. Аналогично этому обстоит дело с работой поэта. При сочинении стихотворения каждая последующая строка его должна удовлетворять двум условиям: она должна содержать необходимый смысл, а словесное выражение этого смысла должно рифмоваться с предыдущей строкой. Наилучшие стихотворения бесспорно те, где старание подыскать рифму незаметно, где обе мысли обоюдным воздействием сразу получили словесное выражение, которое при незначительной последующей обработке дает рифму.

В некоторых случаях замена словесного выражения способствует процессу сгущения еще более кратким путем: находится выражение, которое, будучи двусмысленным, воплощает собою не одну мысль. Роли, играемой словами в образовании сновидений, удивляться не проходится. Слово как узловой пункт различных представлений может воплощать собою самый различный смысл, и неврозы (навязчивые представления, фобии) так же часто используют выгоды, представляемые словом для сгущения и маскировки, как и сновидение. То, что замаскировывающая деятельность сновидения выигрывает при замене словесного выражения, не подлежит ни малейшему сомнению. Замена двух слов с определенным смыслом одним двусмысленным чрезвычайно легко может ввести в заблуждение; замена обыденного и простого выражения фигуральным останавливает наше внимание особенно еще потому, что сновидение никогда не указывает, следует ли толковать его элементы в прямом или в переносном смысле и искать ли соответственных им элементов в материале сновидения непосредственно или при помощи обратной замены словесных выражений*. Я приводил уже несколько примеров сновидений, в которых двусмысленность выражений играет видную роль («Рот все же открывается» в сновидении об инъекции Ирме, «я все-таки не могу уйти» в последнем моем сновидении и т. д.). Сейчас я сообщу сновидение, в анализе которого на первом плане стоит конкретизация абстрактной мысли. Различие между таким толкованием и толкованием при помощи символики очевидно: при символическом толковании ключ символизации избирается произвольно; при нашем же методе ключ этот общеизвестен и дается общеупотребительными оборотами речи. При наличии подходящей мысли сновидения такого рода можно разрешать целиком или отчасти и без помощи самих субъектов.

Одной знакомой даме приснилось: «*Она в опере. Дают Вагнера; представление затянулось до три четверти восьмого утра. В партере расставлены столы; публика ест и пьет. За одним из столов сидит ее кузен, только что вернувшийся из свадебного путешествия, со своей молодой женой; вместе с ними какой-то аристократ. Про последнего говорят, что молодая женщина привезла его с собой из свадебного путешествия, все равно как привозят с собой шляпу. Посреди партера возвышается башня с платформой наверху, окруженной железной решеткой. Там стоит дирижер, напоминающий лицом Ганса Рихтера, он бегает все время по платформе, страшно потеет и управляет оркестром, расположенным внизу, у подножия башни. Сама она сидит с подругой (тоже моей знакомой) в ложе.*

---

* При толковании каждого элемента сновидения возникает сомнение:

а) следует ли брать его в положительном или в отрицательном смысле (отношение противоречия);

б) толковать ли его исторически (как воспоминание);

в) или же символически;

г) толкование должно опираться на его словесное выражение. Несмотря на это, можно все же сказать, что сновидение, не имеющее вовсе в виду быть доступным для понимания, не представляет толкователю больших трудностей, чем, например, древние иероглифы их читателям.

Ее младшая сестра подает ей из партера большой кусок угля и говорит, что она не знала, что так затянется и что она, наверное, очень озябла. (Как будто ложи отапливаются во время долгого представления)».

Сновидение хотя и бессмысленно, однако, в общем довольно удачно изображает ситуацию. Башня посреди театра, с вершины которой дирижер управляет оркестром, и уголь, который подает сестра! Я умышленно не потребовал от моей знакомой никаких поясняющих данных; поверхностного знакомства с ее жизнью мне было достаточно для самостоятельного использования отдельных элементов ее сновидения. Я знал, что она питала симпатию к одному музыканту, карьера которого преждевременно была прервана душевной болезнью. Я решил взять башню в партере *буквально* и вывел заключение, что человек, которого ей хотелось видеть на месте *Ганса Рихтера, гораздо выше* всех остальных членов оркестра (по-немецки: Turm — башня, turm hoch überragen — быть выше других в переносном смысле). Эта «башня» — сложное представление: высотой своей она олицетворяет величие этого человека, решеткой же, за которой он бегает, как зверь в клетке, его дальнейшую участь.

Установив, таким образом, *метод* изображения в данном сновидении, можно попытаться раскрыть тем же ключом и вторую кажущуюся абсурдность: уголь, подаваемый ее сестрой. «Уголь» означает «тайную любовь».

Ни древо, ни уголь
не пылают в огне
так жарко, как тайная
страсть в глубине.

Она сама и подруга *сидят* в ложе («засиделись в старых девах»); ее младшая сестра, имеющая еще шансы выйти замуж, подает ей уголь: «Она не знала, что *так затянется*». Что именно затянется, об этом в сновидении не говорится; в рассказе мы бы добавили: представление; в сновидении, однако, мы можем счесть эту фразу двусмысленной и добавить: «пока она выйдет замуж». Толкование «тайная любовь» подкрепляется тогда упоминанием о кузене, который сидит в партере с женой, и

о возведенном на последнюю обвинении в *открытой любовной* связи с аристократом. Противоречия между тайной и открытой любовью, между ее страстью и холодностью молодой женщины определяют собой сновидение. Там, как и здесь, имеется, однако, посредствующее среднее звено — «высокое положение» — между аристократом и музыкантом, подававшим большие надежды.

Наше исследование обнаруживает, таким образом, третий момент, участие которого в превращении мысли, лежащей в основе сновидения, в его содержание чрезвычайно велико и обширно: учитывание изобразительности психического материала, которым пользуется сновидение. Среди разнообразных ассоциаций с мыслями, лежащими в основе сновидения, избирается та, которая допускает зрительное изображение, и сновидение не останавливается ни перед какими трудностями, чтобы преобразовать какую-либо абстрактную мысль в другую словесную форму, даже самую необычную, лишь бы только она облегчила изображение и тем самым устранила бы психологическую ограниченность мышления. Это переливание содержания мысли в другую форму может быть использовано, однако, одновременно и процессом сгущения и может конструировать связь с другой мыслью, которой бы в противном случае не было бы в наличии. Эта другая мысль в целях облегчения этого процесса может сама изменить предварительно свое первоначальное выражение.

Ввиду той роли, какую играют в мышлении интеллигентного человека поговорки, пословицы, цитаты и песни, нет ничего удивительного, что превращения такого рода очень часто используются в целях изображения мысли, скрывающейся за сновидением. Что означают, например, в сновидении повозки, нагруженные каждая одним сортом овощей. Не подлежит никакому сомнению, что в основе такого сновидения лежит мысль о «беспорядке»: эти повозки не что иное, как контраст фигуральной немецкой поговорке «Kraut und Rüben» («беспорядок, хаос»); я удивляюсь, почему это сновидение было сообщено мне всего один раз. Лишь для немногих объектов выработалась общепринятая символика, в основе которой лежат общеизвестные обороты речи. Добрую часть

этой символики сновидение разделяет, впрочем, с психоневрозами, легендами и народными обычаями.

Присмотревшись ближе, мы должны будем признать, что сновидение не совершает в этом случае ничего оригинального. Для достижения своих целей, в этом случае для достижения свободной от цензуры изобразительности, оно идет лишь по тому пути, который проложен уже для него в бессознательном мышлении и избирает те формы превращения оттесненного материала, которые в качестве продуктов остроумия могут быть восприняты и сознанием и которыми преисполнены все представления невротиков. Здесь получает неожиданное освещение толкование сновидений *Шернера*, зерно истины которого я имел случай отметить уже выше. Интерес фантазии к собственному телу субъекта отнюдь не свойственен исключительно сновидению и даже не характерен для него. Мои анализы показали мне, что это представляет собою обычное явление в сознательном мышлении невротиков и сводится к половому любопытству, объектом которого для юноши или девушки служат половые органы другого или даже своего пола. Однако, как совершенно справедливо замечают *Шернер и Фолькельт*, дом — не единственный круг представлений, используемый для символизации тела субъекта как в сновидениях, так и в бессознательных фантазиях невротиков. Я знаю пациентов, которые развивают архитектоническую символику тела и половых органов (половое любопытство вообще выходит далеко за пределы внешней половой сферы), символику, в которой колонны и стропила означают ноги (как в «Песне песней»), выходы — отверстия в теле, водопроводные сооружения — мочеиспускательный орган и пр. Но столь же охотно избирается для сокрытия сексуальных элементов круг представлений, относящихся к растительному царству или кухне. В первом случае немалую роль играют обороты речи и сравнения, дошедшие до нас из глубокой древности («виноградник» господина, «семя» и «сад» девушки в «Песне песней»). В довольно невинной связи с атрибутами кухни мыслятся и грезятся самые интимные детали половой жизни, и симптоматика истерии была бы совершенно непонятна, если бы мы не приняли во внимание, что сексуальная символика охотнее и чаще всего скрывается за наиболее повседневным и заурядным. Несомненную сексуальную подкладку имеет то, что невротические дети не переносят вида крови и сырого мяса, что от яиц и макарон у них бывает рвота, что естественный для человека страх перед змеей достигает у невротика преувеличенного масштаба; всюду, где невроз прибегает к такого рода сокрытиям, он идет по пути, по которому когда-то, в ранние культурные периоды, шло все человечество и о наличии которого свидетельствуют еще и сейчас наш язык, суеверия и обычаи.

Я привожу здесь подробно вышеупомянутое сновидение моей пациентки, в котором выделяю все, имеющее сексуальный смысл. Прекрасное на первый взгляд сновидение совершенно перестало нравиться моей пациентке после его толкования.

Предварительное сновидение: «*Она идет в кухню к двум служанкам и бранит их за то, что они, не могут справиться «с такими пустяками». Она видит в кухне на столе множество всевозможной посуды. Служанки идут* за *водой, и должны для этого погрузиться в реку, доходящую до дома или до двора*».

Главная часть[I]: «*Она спускается вниз*[II] *и перелезает через какие то странные ограды, или заборы, сплетенные из сучьев в виде небольших квадратов*[III]. *Они, в сущности, вовсе не приспособлены для лазания: она все время ищет, куда ей ступить ногой, и радуется, что нигде не цепляется платьем и что имеет все же приличный вид*[IV]. *В руках*[V] *у нее большой сук, похожий на целое дерево: он густо усеян красными цветами, вет-*

I Ее жизнь.

II Высокое происхождение.

III Сложный комплекс, объединяющий два места; чердак дома ее отца, где она играла с братом, объектом ее позднейших фантазий, и двор дяди, который часто ее дразнил.

IV Желание, контрастирующее реальному воспоминанию о дядином доме, где она ночью, во сне, часто сбрасывала с себя одеяло и обнажалась.

V Как у ангела — стебель лилии.

вист и велик[I]. *Она думает почему-то о цветах вишневого дерева, но нет, цветы похожи на махровые камелии, которые, правда, на деревьях не растут. Во время лазаний у нее сперва один сук, потом два и затем опять один*[II]. *Когда она добирается до низу, нижние цветы уже почти все опали. Внизу она видит слугу: у него в руках такой же сук, и он его как бы «чешет», т.е. деревяшкой соскабливает густые пучки волос, которыми он порос, точно мхом. Другие рабочие срубили, несколько таких сучьев в саду и выбросили на улицу, где они и лежат; прохожие забирают их с собой. Она спрашивает, можно ли ей взять такой сук. В саду стоит молодой человек (совершенно незнакомый ей, чужой); она подходит к нему и спрашивает, как пересадить такие сучья в ее собственный сад**. *Он обнимает ее, но она сопротивляется и спрашивает его, какое право имеет он так с ней поступать. Он говорит, что он вполне вправе, что это дозволено***. *Он заявляет ей о готовности пойти с ней в другой сад, чтобы показать ей, как нужно пересаживать, и говорит ей что-то, чего она толком не понимает: мне и так недостает трех метров (впоследствии она говорит: квадратных метров) или трех клафтеров земли. Ей кажется, будто он потребует у нее награды за любезность, будто он намерен вознаградить себя в ее саду или же обойти закон, извлечь для себя выгоду, не нанося ей ущерба. Показывает ли он ей потом что-нибудь, она не знает»*.

Я должен упомянуть еще об одном круге представлений, который как в сновидениях, так и в неврозе весьма часто служит для сокрытия сексуального содержания. Я разумею здесь «*перемену квартиры*»: «менять квартиру» замещается с легкостью на «менять платье», т.е. приводить к кругу представлений об «одежде».

У меня материал для иллюстрации этого положения имеется в изобилии, но сообщение его завлекло бы нас

I Невинность, менструация, дама с камелиями.

II Соответственно нескольким лицам, объектам ее фантазии.

* Сук, сучок издавна служит символом пениса.

** Относится к предосторожностям в брачной жизни.

слишком в глубь исследования невроза. Все вышеизложенное приводят нас к заключению, что сновидение не предполагает никакой особой символизирующей деятельности души, а пользуется символикой, имеющейся уже в готовом виде в бессознательном мышлении, так как она ввиду своей изобразительности, а зачастую и благодаря свободе от цензуры наиболее соответствует требованиям образования сновидений.

д) *Примеры. Счет и речь в сновидении.* Прежде чем перейти к установлению четвертого момента, обусловливающего образование сновидений, я считаю нужным привести несколько примеров из своей коллекции, которые могут отчасти осветить совместное воздействие трех уже нам знакомых моментов, отчасти же привести доказательства в пользу выставленных нами положений или же вывести из них естественные последствия. В предшествующем исследовании мне было довольно трудно подкреплять свои выводы примерами. Примеры в пользу отдельных положений доказательны лишь в связи с исчерпывающим толкованием сновидений; вырванные из общей связи, они утрачивают свою красоту, а более или менее исчерпывающее толкование настолько всегда обширно, что теряются нити изложения, иллюстрацией которого оно служит. Этот технический мотив должен послужить оправданием тому, что я обращу сейчас внимание читателя на то, что объединяется между собой лишь своей связью с текстом предшествующего изложения.

Прежде всего несколько примеров своеобразных или необычных способов выражения в сновидениях.

Сновидение одной дамы: «*На лестнице стоит служанка и моет окно. В руках у нее шимпанзе и горилла. Она бросает животных на спящую. Шимпанзе ластится к ней; это очень противно*».

Это сновидение достигло своей цели при помощи чрезвычайно простого средства, взяв в буквальном смысле общеупотребительный оборот речи и в этой форме изобразив его. «Обезьяна» и вообще названия животных — ругательства, и ситуация сновидения означает не что иное, как «кидаться бранными словами» (по-немецки общеупотребительное выражение: «mit Schimpfworten um sich werfen»).

Аналогично поступает и другое сновидение: «*Женщина с ребенком на руках; голова у ребенка от рождения странная, уродливой формы. Врач говорит, что форму головы можно исправить, но что это повредит мозг. Она думает: это ведь мальчик, для него это уже не такая беда*».

Сновидение это содержит пластическое изображение абстрактного понятия «Kindereindrücke», слышанного пациенткой во время анализа. (Тут непереводимая игра слов: Kindereindrücke — впечатления детства, слово Eindrücke одного корня с Druck, eingedrückt — давление, вдавленный. — *Прим. пер.*)

В некоторых случаях разговорная речь облегчает сновидению изображение мыслей, располагая целым рядом слов, которые первоначально понимались обратно и конкретно, сейчас же употребляются в переносном, абстрактном смысле. Сновидению достаточно лишь вернуть словам их прежнее значение. Кому-нибудь снится, например, что его брат сидит в *ящике* (Kasten); при толковании ящик легко заменяется *шкафом* (Schrank), и мысль, лежащая в основе сновидения, гласит, что этот брат должен «sich einschränken». (Опять непереводимая игра слов: «sich einschränken» — ограничивать себя, быть скромным — одного корня со словом «Schrank» — шкаф. — *Прим. пер.*)

Было бы чрезвычайно интересно собрать воедино эти способы выражения и расположить их по принципам, лежащим в их основе. Некоторые из этих способов положительно остроумны. Испытываешь впечатление, будто самому никогда не удалось бы раскрыть истинный смысл, если бы грезящий сам не дал разъяснения.

1. Одному человеку снится, что спрашивают его имя, но он его не может припомнить. Он сам говорит, что это значит: Es fällt mir nicht im Traume ein — мне и во сне это не снилось. (Только буквальный перевод немецкого выражения может быть поставлен в связь со сновидением: «Мне и во сне *не пришло в голову*». — *Прим. пер.*)

2. Одна пациентка сообщает сновидение, в котором все действующие лица необычайно высокого роста. Это значит, говорит она, что речь идет о каком-либо эпизоде моего раннего детства, так как тогда все взрослые

казались мне, разумеется, страшно высокими. Сама она в сновидении не участвует.

Перенесение в сферу детства в других сновидениях изображается еще и иначе, при помощи замещения временной отдаленности пространственной. Лица и ландшафты представляются видимыми издалека, точно в конце длинной дороги или словно рассматриваемые в перевернутый бинокль.

3. Субъекту, склонному в бодрствующем состоянии к абстрактным формам выражения, приснилось однажды, что он стоит на перроне в ожидании прихода поезда. Неожиданно, однако, картина меняется: не поезд приближается к перрону, а, наоборот, перрон двигается к поезду. Эта деталь не что иное, как указание на то, что в содержании сновидения «переворачиванию» должно быть подвергнуто нечто другое. Анализ этого сновидения приводит к воспоминаниям о детской книжке с картинками, на которых были изображены люди, ходящие вверх ногами.

4. Тот же субъект сообщает еще одно сновидение, по технике своей напоминающее ребус. Его дядя целует его в *автомобиле*. Субъект сам дает толкование, которое мне никогда бы не пришло в голову: это значит *автоэротизм*.

Сновидение при помощи самых отдаленных ассоциаций оперирует иногда даже с таким тяжеловесным материалом, как собственные имена. Мне снится однажды, что *я по указанию моего учителя изготовляю какой-то препарат и мне приходится иметь дело с серебряной фольгой*. (Подробнее об этом сновидении ниже.) Толкование показывает следующее: «Stanniol» (фольга) напоминает мне имя ученого Stannius'а, перу которого принадлежит известное исследование о нервной системе у рыб. Первой научной задачей, заданной мне учителем, было действительно описание нервной системы одного вида рыб.

Я не могу отказаться от сообщения еще одного сновидения с довольно своеобразным содержанием, которое интересно как детское сновидение и которое чрезвычайно легко поддается анализу. Одна дама сообщает: я помню, что в детстве мне часто снилось, будто бы я ношу

на голове заостренную шапку из бумаги. Такую шапку мне часто надевали за обедом, чтобы я не могла заглядывать в тарелки других детей, сколько они получили вкусного кушанья. Так как я слышала, что Бог всевидящ, то мое сновидение означает, что и я знаю все, несмотря на надетую на меня шапку из бумаги.

В чем заключается деятельность сновидения и как обращается оно со своим материалом, мыслями, можно чрезвычайно наглядно видеть на цифрах и арифметических выкладках, нередко встречающихся в сновидениях.

I. Из сновидения одной дамы незадолго до окончания лечения: «*Она собирается за что-то заплатить; дочь вынимает у нее из кошелька 3 гульд. 65 кр., но она говорит: что ты делаешь? Ведь это стоит всего 21 кр.*»

Этот отрывок сновидения стал мне понятен, благодаря знакомству с условиями ее жизни, без всякого разъяснения с ее стороны. Дама эта была приезжая; она поместила свою дочь в один из венских пансионов и могла лечиться у меня лишь до тех пор, пока дочь будет в Вене. Через три недели у дочери кончались занятия, а вместе с ними должно было закончиться и лечение. Накануне сновидения начальница пансиона уговаривала ее оставить девочку еще на год. Про себя она придала этому разговору тот смысл, что вместе с тем она сумеет продлить на год и лечение. Непосредственно сюда относится и сновидение, так как в году 365 дней, а в трех неделях, оставшихся до конца занятий и лечения, 21 день. Цифры, означавшие в мыслях время, относятся в сновидении к деньгам: не подлежит сомнению, что это превращение имеет свой глубокий смысл в связи с поговоркой «*время — деньги*», 365 крейцеров = 3 гульденам 65 крейцерам. Незначительность этих сумм представляет собою вполне очевидное осуществление желания; желание преуменьшило стоимость лечения и пребывания дочери в пансионе.

II. Более сложную связь обнаруживают цифры в другом сновидении. Одна молодая дама, которая, однако, уже замужем, узнает, что ее знакомая, Элиза Л., ее ровесница, только что обручилась. Вслед за этим ей снится: «Она *сидит с мужем в театре, одна сторона партера совершенно пустая. Муж рассказывает ей, что с*

ними вместе хотели пойти Элиза Л. и ее жених, но что они достали только плохие места, 3 по 1 гул. 50 кр.; таких мест они, конечно, брать не захотели. Она отвечает, что особой беды им бы от этого не было».

Откуда эти 1 *гул.* 50 *кр.*? Из довольно индифферентного впечатления предыдущего дня. Ее невестка получила от своего мужа в подарок 150 гул. и поторопилась поскорее их истратить, купив себе какое-то украшение. Заметим себе, что 150 гул. в 100 раз больше 1 гул. 50 кр. Откуда же цифра 3, три места? Ее можно сопоставить лишь с тем, что Элиза Л. моложе ее на *три* месяца. Толкованию сновидения помогает затем та его деталь, что одна сторона партера в театре пустая. Это точное воспроизведение незначительного эпизода, давшего ее мужу повод ее подразнить. Дело в том, что ей очень хотелось попасть на один спектакль, и она запаслась билетами за несколько дней, за что и заплатила за них несколько больше. Когда они затем явились в театр, то увидели, что добрая половина мест не занята. Ей вовсе не нужно было так *торопиться.*

Постараюсь заменить теперь сновидение мыслями, скрывающимися за ним: «Как *бессмысленно* было выходить рано замуж. Мне *нечего было так торопиться*; на примере Элизы Л. я вижу, что я всегда нашла бы себе мужа, и, пожалуй, в *сто раз* лучше (мужа, украшение), если бы только *подождала* (в противоположность *поспешности* невестки). *Трех* таких мужей я бы купила за деньги (приданое)!» Мы видим, таким образом, что в этом сновидении числа в значительно большей степени сохранили свое значение и внутреннюю связь, чем в предыдущем. Между тем процессы превращения и искажения были здесь значительно сложнее, что объясняется тем, что мыслям до своего изображения пришлось преодолеть значительную долю внутрипсихического сопротивления. Не забудем и того, что в этом сновидении содержится абсурдный элемент: двое людей хотят купить себе 3 билета. Мы разъясним эту абсурдность, если заметим, что эта деталь содержания сновидения изображает наиболее рельефную мысль: «Как *бессмысленно* было так рано выходить замуж!» Число 3, характеризующее сравнение двух лиц (3

месяца разницы в возрасте), чрезвычайно искусно было использовано сновидением для создания необходимого ему *абсурда*. Уменьшение реальных 150 гул. до 1 гул. 50 кр. соответствует ничтожной доле уважения к мужу (или оценке купленного невесткой украшения) в подавленных мыслях грезившей.

III. Следующее сновидение дает нам наглядный пример арифметических способностей сновидения. Одному господину снится: *«Он сидит у Б.* (*своих близких знакомых*) *и говорит: «Как бессмысленно, что вы не выдали за меня Малли». — Вслед за этим он спрашивает девушку: «Сколько вам лет?» — Она отвечает: «Я родилась в 1882 году». — «Ах, так вам 28 лет»*.

Так как сновидение относится к 1898 году, то ясно, что счет неверен; математические способности грезящего оставляли бы желать большего, если бы ошибка его не разъяснилась совершенно иначе. Мой пациент из числа тех, кто не пропускает равнодушно ни одной женщины. Во время его визитов ко мне в течение нескольких месяцев его очередь была всегда за одной молодой дамой; он интересовался ею и спрашивал меня о ней. Ей-то он и давал на вид 28 лет. Таково вполне вероятное объяснение арифметической ошибки, допущенной им в сновидении. 1882 год — год его женитьбы.

IV. Еще одно «математическое» сновидение, отличающееся чрезвычайно прозрачным детерминированием, сообщено мне вместе с его толкованием г. *Б. Даттнером*.

«Моему хозяину, шутцману, снится, что он стоит на посту. К нему подходит инспектор, на воротнике мундира которого имеется цифра 2262 или 2226, во всяком случае, в этой цифре несколько двоек. Разложение числа 2262 при передаче сновидения указывает на то, что составные его части имеют каждая свое особое значение. Грезивший вспоминает, что вчера вместе с коллегами он беседовал о продолжительности их службы. Поводом к разговору послужил их бывший инспектор, вышедший на 62-м году в отставку с полной пенсией. Сам он служит 22 года и ему остается 2 года и 2 мес. до получения 90 % пенсии. Сновидение содержит осуществление его желания получить чин инспектора. Начальник с цифрой 2262 — он сам, он

отслужил 2 года и 2 мес. и теперь, как его 62-летний инспектор, может выйти в отставку с полной пенсией».

Сопоставив эти и аналогичные (см. ниже) примеры, мы имеем основание сказать: сновидение не занимается математическими выкладками, оно не считает — ни правильно, ни неправильно; оно располагает лишь в форме арифметических действий числа, которые имеются в мыслях, скрывающихся за ним, и могут служить намеками и указаниями на неподдающийся изображению материал. Оно пользуется при этом числами, как материалом для осуществления своих намерений точно таким же образом, как всеми другими представлениями, как собственными именами и даже диалогами.

Сновидение не может создавать новых диалогов, поскольку последние встречаются в сновидениях, безразлично, осмысленных или абсурдных, анализ всякий раз показывает нам, что сновидение заимствует из мыслей, скрывающихся за ним, лишь отрывки действительно бывших или слышанных разговоров и поступает с ними по своему произволу. Оно не только вырывает их из общей связи, дробит на более мелкие части, берет одну часть и отстраняет другую, но и создает новые соединения их, так что на первый взгляд вполне связный диалог в сновидении распадается при анализе на три-четыре отрывка. При этом преобразовании сновидение часто отбрасывает смысл, который имели слова в мыслях, лежащих в его основе, и придает им совершенно другой; при более близком рассмотрении диалога в сновидении можно различить ясные, отчетливые отрывки, которые служат для связи, и, по всей вероятности, были заполнены, все равно как при чтении мы заполняем пропущенные слоги или буквы. Диалог в сновидении имеет структуру брекчии, в которой крупные обломки различного материала связуются окаменевшей промежуточной массой.

Вполне справедливо это, впрочем, лишь по отношению к тем разговорам в сновидении, которые носят известный чувственный характер диалога и описываются именно как «разговоры». Другие же, с которыми не связано ощущение «сказанного» или «слышанного» (которые не сопровождаются акустическими или моторными

ощущениями в сновидении), представляют собой попросту мысли, содержащиеся в нашем бодрствующем мышлении и переходящие в неизмененном виде во многие сновидения. Для индифферентного разговорного материала в сновидении обильным источником служит, по-видимому, также и чтение; проследить это, однако, довольно трудно. Все, однако, имеющее в сновидении вполне отчетливые формы речи, диалога, разговора, поддается сведению к реальной, произнесенной или слышанной речи.

С примерами этого мы уже сталкивались при анализе сновидений, сообщенных нами по другим поводам. Так, в «невинном» сновидении о покупке на базаре, в котором фраза *«Этого нет больше»* служит для отождествления с мясником, между тем как отрывок другой фразы *«Этого я не знаю и не возьму!»* — выполняет задачу придания сновидению «невинного» характера. Грезившая накануне ответила кухарке, на какую-то дерзость с ее стороны: этого я не знаю, — *ведите себя прилично!* — и перенесла из этой фразы в сновидение первую индифферентную часть, чтобы намекнуть ею на последующую, которая хотя и вполне соответствовала фантазии, лежавшей в основе сновидения, но тотчас же разоблачила бы ее.

Вот еще один пример, вместо целого ряда, которые дали бы все равно тождественные результаты.

«Большой двор, на котором сжигаются трупы. Он говорит: «Я уйду, я не могу на это смотреть». (Эта фраза запомнилась неотчетливо). *Вслед за этим он встречает двух мальчиков из мясной лавки и спрашивает:* «Ну что, было вкусно?» — Один отвечает: *«Ну, не особенно. Как будто это было человеческое мясо»*.

Невинный повод к этому сновидению следующий. Накануне вечером после ужина он вместе с женой был в гостях у своих симпатичных, но очень нечистоплотных («неаппетитных») соседей. Гостеприимная хозяйка сидела как раз за ужином и стала настаивать, чтобы он тоже что-нибудь скушал. Он отказывался, он уже сыт. «Ах, идите, немножко вы можете съесть!» Он должен был попробовать блюдо и из вежливости похвалил его: «Ах, как вкусно!» Оставшись наедине с женой, он стал возмущаться навязчивостью соседки, а также и тем, что блюдо было очень невкусно. «Я не могу этого видеть» — фраза чрезвычайно смутная и в сновидении представляет собою попросту мысль, относящуюся к внешности надоедливой хозяйки.

Более поучителен анализ другого сновидения, которое я сообщаю здесь ввиду чрезвычайно отчетливого разговора, образующего его центральный пункт, но которое я подвергну детальному толкованию лишь при выяснении роли аффектов в сновидении.

Мне снится очень отчетливо: *«Я отправляюсь ночью в лабораторию проф. Брюкке и в ответ на легкий стук открываю дверь* (покойному) *профессору Флейшлю, который входит с несколькими незнакомыми мне людьми и, сказав что-то, садится за свой стол»*.

За этим сновидением непосредственно последовало другое: *«Мой друг Ф. приехал случайно в июле в Вену; я встречаю его на улице вместе с моим* (покойным) *другом П. и иду с ними куда-то, где они садятся за маленький столик друг против друга; я же сижу посредине за узкой сторонкой столика. Ф. рассказывает о своей сестре и говорит: «Через три четверти часа ее не стало», — и потом добавляет что-то вроде: «Вот предел». Так как П. его понимает, то Ф. обращается ко мне и спрашивает, что именно рассказал о нем П. В ответ на это я, охваченный каким-то странным аффектом, хочу сказать Ф., что П.* (не может знать ничего, потому что его вообще) *нет в живых. Но говорю, сам замечая свою ошибку: «Non vixit». Я смотрю при этом пристально на П.; он бледнеет, глаза становятся болезненно синими, наконец он исчезает. Я бесконечно рад этому и понимаю, что и Эрнст Флейшль был лишь видением; мне кажется вполне возможным, что такое лицо существует лишь до тех пор, пока этого хочешь; и что оно может быть устранено произвольным желанием другого»*.

Это любопытное сновидение содержит в себе чрезвычайно загадочные черты: критику во время сновидения; то, что я сам замечаю свою ошибку, говоря вместо «non vivit» — «non vixit»[102]; непосредственное общение с умершими — я сам сознаю в сновидении, что их нет в живых; абсурдность конечного вывода и, наконец, чувство

удовлетворения, которое вызывает во мне последний. Мне очень хотелось бы сообщить разгадку всех этих таинственных элементов. Я не могу, однако, этого сделать, хотя в сновидении и делаю это, и в жертву своему честолюбию принести память столь дорогих мне людей. Всякая маскировка показала бы, однако, действительный смысл этого сновидения. Поэтому я ограничусь сперва здесь, а потом и впоследствии истолкованием лишь отдельных элементов сновидения.

Центром сновидения служит та сцена, когда я своим взглядом уничтожаю своего друга П. Его глаза отливают при этом какой-то странной, жуткой синевой; потом он исчезает. Эта сцена представляет собою весьма отчетливую копию пережитого мною в действительности. Я был демонстратором в физиологическом институте и должен был являться туда рано утром к началу занятий. Узнав, что я несколько раз опоздал в лабораторию, *Брюкке* явился туда пунктуально и подождал меня. Когда я явился, он холодно и строго прочел мне нотацию. Дело не в словах, а в том взгляде, с которым были обращены на меня его страшные синие глаза и пред которым я «стушевался» — исчез, как в сновидении П., с которым я поменялся ролями. Кто помнит изумительные глаза великого ученого, силу которых он сохранил до глубокой старости, и кто видел его когда-нибудь раздраженным, тот легко поймет чувство, охватившее меня, молодого человека.

Мне долго не удавалось, однако, выяснить происхождение моей фразы «*Non vixit*», которою я в сновидении свершаю свое правосудие; наконец, я понял, что два эти слова были потому так отчетливы в сновидении, что я их в действительности не говорил и не слышал, а *видел*. Тут я тотчас же вспомнил, откуда они. На пьедестале памятника императору Иосифу в Гофбурге высечены прекрасные слова:

«Saluti patriae vixit
non diu sed totus»[103]

Из этой надписи я взял то, что соответствовало враждебному элементу в мыслях, скрывавшихся за моим сновидением, и что должно было означать: ему нечего говорить, его нет в живых. Тут я вспомнил, что все это приснилось мне несколько дней спустя после открытия памятника *Флейшлю* в университетском парке; после открытия я осматривал там же памятник *Брюкке* и (бессознательно) пожалел, по всей вероятности, о том, что мой высокоодаренный и всей душой преданный науке друг П. благодаря своей преждевременной кончине утратил право на такой же памятник. Такой памятник я воздвиг ему в сновидении; моего друга П. звали Иосифом*.

По правилам толкования сновидения я все еще не имею основания заменять нужное «*non vivit*» фразой «*non vixit*», сохранившейся в моем воспоминании о памятнике императору Иосифу. Эта замена была вызвана, очевидно, под влиянием другого элемента мыслей, скрывающихся за сновидением. Что-то заставляет меня обратить внимание на то, что в сновидении я питаю к своему другу П. одновременно и враждебное, и дружелюбное чувство; первое проходит в сновидении поверхностно, второе же в скрытом виде, но оба находят свое выражение в словах: *non vixit*. За то, что он оказал услуги науке, я воздвигаю ему памятник; но за то, что он возымел злое желание (выраженное в конце сновидения), я уничтожаю его. Я образовал тут своеобразно звучащую фразу; не подлежит никакому сомнению, что я руководствовался при этом каким-нибудь примером. Где же встречается, однако, аналогичная антитеза, аналогичное скрещивание двух противоположных чувств по отношению к одному и тому же лицу, чувств, которые оба претендуют на свою обоснованность и все же при этом не хотят мешать друг другу? В единственном месте, навсегда запечатлевающемся в памяти читателя: в оправдательной речи Брута в «Юлии Цезаре» Шекспира: «Цезарь любил меня, и я его оплакиваю; он был удачлив, и я радовался этому; за доблести я чтил его; но он был властолюбив, и я убил его» (*Пер. М. Зенкевича*). Разве не видим мы тут антитезы, аналогичной той, которую мы раскрыли в мыс-

* Еще одна любопытная деталь: в ответ на упреки *Брюкке* я стал оправдываться, что мне очень далеко приходится ходить — с улицы *императора Иосифа* на Верингерштрассе.

лях, лежащих в основе моего сновидения? Таким образом, я играю в последнем роль Брута. Вот только если бы найти в содержании сновидения еще какой-либо доказательный след этого странного сопоставления! Мне кажется, я имею право высказать следующее предположение: мой друг Ф. приезжает в *июле*. Эта деталь не имеет никакого соответствия в действительности. Мой друг, насколько мне известно, никогда в июле в Вене не был. Но месяц июль назван по имени *Юлия Цезаря* и может служить поэтому с полным основанием связующим звеном с мыслью, что я играю роль Брута.

Как это ни странно, но я действительно однажды играл роль Брута. Вместе с моим племянником, мальчиком всего на год моложе меня, я в возрасте 14 лет разыграл сцену между Брутом и Цезарем. Племянник этот приехал к нам в то время из Англии. Он воскресил в моей памяти игры нашего раннего детства. До трех лет мы были с ним неразлучны, любили друг друга, и эта дружба оказала свое несомненное влияние, как мне пришлось уже раз упоминать, на все мои позднейшие отношения к сверстникам. Мой племянник Джон претерпел с тех пор много перевоплощений, которые воскрешали то ту, то другую сторону его существа, неизгладимо запечатлевшегося в моей бессознательной памяти. По всей вероятности, он нередко злоупотреблял нашей дружбой, а я со своей стороны тоже отваживался восставать против своего тирана, так как мне часто потом рассказывали, что на вопрос отца — его деда: «Почему ты поколотил Джона?», — я ответил: «Я поколотил его, потому что он меня поколотил» (Ср. нем. пер.)*; этот эпизод детства и объясняет замену non vivit фразой non vixit, так как на языке детей «schlagen» означает «wichsen»; сновидение очень охотно использует такие сопоставления. Враждебное чувство к другу П., столь мало обоснованное в действительности, несомненно допускает сведение к моим сложным детским отношениям к Джону.

Как я заметил уже выше, мне придется еще раз вернуться к этому сновидению.

---

* «Ich habe ihn geschlagt, weil er mich geschlagt hat».

е) *Абсурдные сновидения. Интеллектуальная деятельность в сновидении.* При толковании сновидений мы так часто наталкивались на абсурдные элементы в их содержании, что я считаю нецелесообразным откладывать дольше обсуждение того, откуда проистекают эти элементы и что они означают. Предварительно я напомню лишь то, что абсурдность сновидений давала в руки противников толкования их главный аргумент в пользу того, что сновидение есть не что иное, как бессмысленный продукт пониженной и рассеянной душевной деятельности.

Я привожу несколько примеров, в которых абсурдность содержания сновидений лишь мнимая: при более глубоком проникновении в смысл она тотчас же исчезает. Это несколько сновидений, трактующих, на первый взгляд случайно, об умершем отце.

I. Сновидение пациента, шесть лет назад потерявшего отца.

«*С отцом случилось большое несчастье. Он ехал по железной дороге, поезд сошел с рельсов, сидения купе сдвинулись и сдавили ему голову. Он видит его затем в постели: над левой бровью у него вертикальная рана. Он удивляется, что с отцом случилось несчастье* (*ведь он уже умер, как добавляет он при рассказе*). *Глаза у него ясные*».

По господствующему воззрению это сновидение следовало бы истолковать следующим образом: рисуя несчастье, случившееся с отцом, грезящий позабыл, что отец уже несколько лет тому назад умер; в дальнейшем ходе сновидения это воспоминание, однако, пробуждается и способствует тому, что он сам удивляется своему сновидению. Анализ между тем показывает, что такое объяснение прежде всего излишне. Грезящий заказал недавно скульптору *бюст* отца. С бюстом и «произошло несчастье» (немецкое выражение «verunglückt» подходит и сюда): он ему не понравился. Скульптор никогда не видал его отца и работал по фотографии. Накануне сновидения почтительный сын послал в ателье старого слугу их семьи, чтобы и тот высказал свое мнение относительно бюста: сыну казалось, что последний слиш-

ком *узок* в поперечнике от виска к виску. Далее следуют воспоминания, которые способствовали конструированию сновидения. Отец имел привычку, будучи удручен заботами или семейными неприятностями, прижимать обе руки к вискам, словно желая сжать голову, которая, казалось ему, распухала. Будучи четырехлетним ребенком, пациент мой был свидетелем того, как выстрел из случайно заряженного пистолета омрачил глаза отца («глаза у него ясные»). На том месте, где в сновидении пациент видел рану, у отца появлялась глубокая морщина, когда он задумывался или грустил. То, что эта морщина заменена в сновидении раной, указывает на второй мотив сновидения. Пациент мой фотографировал свою маленькую девочку; проявив пластинку, он нечаянно уронил ее на пол, она разбилась, и трещина прошла как раз по лбу малютки. Он не мог отделаться при этом от суеверного страха, так как помнил, что накануне смерти матери он разбил фотографическую пластинку с ее изображением.

Абсурдность этого сновидения является, таким образом, лишь результатом недостаточной точности нашей речи, не отличающей бюста от фотографии человека. Мы все привыкли говорить: разве отец не похож? Мнимая абсурдность сновидения была, правда, в данном случае легко устранима.

II. Второй аналогичный пример из моих собственных сновидений (я потерял отца в 1896 году):

«Отец после смерти играет видную роль в Венгрии, он способствует политическому объединению мадьяр; я смутно вижу следующую маленькую картину: много народу, как в парламенте; мой отец стоит на одном или на двух стульях, вокруг него толпа. Я припоминаю, что на смертном одре он был похож на Гарибальди, и радуюсь, что это предзнаменование сбылось».

Это в достаточной мере абсурдно. Мне это приснилось в то время, когда благодаря парламентской обструкции в Венгрии вспыхнули серьезные беспорядки. Неважный, на первый взгляд, факт, что сцена, представшая предо мной в сновидении, состояла из мелких картин, имеет важное значение. Обычно сновидение, изображая наши мысли, оперирует зрительными образами, которые производят впечатление натуральной величины; мое сновидение представляет собою, однако, репродукцию одной из гравюр из иллюстрированной истории Австрии, изображающей Марию Терезию в парламенте в Пресбурге — знаменитую сцену: «Moriamur pro rege nostro»* [104]. Как там Мария Терезия, так в моем сновидении отец окружен толпой; он стоит, однако, на одном или двух *стульях* (как Stuhlrichter — член тайного суда). Он способствовал *объединению* мадьяр, здесь связующим звеном служит оборот речи: «Wir werden keinen Richter brauchen» — «нам не нужен *судья*». То, что он на смертном одре был похож на *Гарибальди*, нам действительно тогда бросилось в глаза.

У него обнаружилось *посмертное* повышение температуры, щеки его покрылись румянцем.

«Посмертное» повышение температуры соответствует словам *«после смерти»* в сновидении. Самым мучительным его недугом в последнее время был полный паралич кишок (*обструкция*). С последним связаны всякого рода «грязные» мысли. Один из моих сверстников, еще мальчиком потерявший отца (как раз по этому поводу мы с ним и сблизились), рассказывал мне однажды в ироническом тоне про горе одной своей родственницы: отец ее умер на улице, его принесли домой и когда труп раздели, то увидели, что в момент смерти или *после* нее произошло испражнение (по-нем. *Stuhlentleerung*). Дочь была так расстроена этим, что этот эпизод омрачил ее память об отце. Здесь мы подошли уже вплотную к желанию, воплощающемуся в моем сновидении. *Остаться для детей после смерти чистым и великим* — разве не каждый из нас этого хочет? К чему же сводится абсурдность сновидения?

Ее видимость проявилась лишь потому, что в сновидении правдиво изображается вполне допустимый обо-

* Я не помню, у какого автора сообщается сновидение, кишащее невероятно мелкими фигурами: в качестве источника его указывается одна из гравюр Жана Калло, обратившая накануне внимание грезящего. Эта гравюра содержит тоже множество мелких фигур; часть их изображает ужасы 30-летней войны.

рот речи, обычно не возбуждающий в нас представления абсурдности*.

III. В настоящем примере я имею возможность застигнуть сновидение на том, как оно умышленно фабрикует абсурдность, к наличию которой материал не

---

* То обстоятельство, что в сновидениях чрезвычайно часто фигурируют умершие лица, говорят с нами и действуют, вызывало уже давно недоумение и порождало самые странные толкования, нередко вполне освещающие наше непонимание сновидений. Между тем разъяснение таких сновидений не представляет никаких трудностей. Нам очень часто приходится думать: *если* бы был жив наш отец, что бы он на это сказал? Это «*если*» сновидение может, однако, выразить лишь в форме наличия данной ситуации. Так, например, молодому человеку, которому дед оставил большое наследство, снится, что дед жив и упрекает его в чрезмерной расточительности. То, что кажется нам протестом против сновидения, ссылка на то, что человек этот уже умер, является в действительности лишь утешением: покойному не пришлось пережить этого, или же удовлетворением: он уже ничего не может сказать нам. Другой род абсурдностей, встречающихся в сновидениях о покойных близких людях, выражает не иронию и насмешку, а служит одним из видов категорического протеста против изображения оттесненной мысли, которую хочешь представить в ее полной нелепости. Такие сновидения поддаются толкованию лишь при учитывании того обстоятельства, что сновидение не делает никакого различия между желаемым и реальным. Так, например, одному господину, который ухаживал за отцом во время его болезни и тяжело страдал от его смерти, некоторое время спустя приснилась следующая бессмыслица:

«*Отец снова жив и говорит с ним, как обычно; но в то же время он все-таки умер и только не знает*».

Сновидение это станет понятным, если слова «он все-таки умер» дополнить словами «*вследствие желания грезящего*», а после «только не знает» добавить «*что у грезящего было такое желание*». Сын во время болезни отца не раз желал отцу смерти, т.е. испытывал вполне благородное желание, чтобы смерть положила конец мучениям любимого человеке. В скорби после его смерти даже это сострадание дало пищу бессознательным самоупрекам, точно он своим желанием действительно сократил дни покойного. Благодаря пробуждению детского чувства к отцу стало возможным изобразить это желание в сновидении, но вследствие столь резкой противоположности между возбудителем сновидения и мыслями предыдущих дней сновидение и должно было неминуемо облечься в форму абсурдности (Ср. «Два принципа психических процессов», Iahrbuch Bleuler — Freud, III, I. 1911).

дает ни малейшего повода. Пример этот относится к сновидению, внушенному мне встречей с графом *Туном* во время моей вакационной поездки. «*Я еду на извозчике и велю ему ехать на вокзал. «По железнодорожному пути я, конечно, с вами не поеду», — говорю я в ответ на его замечание, что он устал; при этом, однако, мне кажется, будто я проехал с ним часть пути, по которому едут обычно в поезде*».

Относительно этой запутанной и нелепой истории анализ дает следующее разъяснение. В тот день я нанял извозчика, который должен был отвезти меня на одну из отдаленных улиц Дорнбаха. Он, однако, дороги не знал, но мне этого не сказал; наконец я это заметил и показал ему дорогу, причем не удержался от нескольких иронических замечаний по его адресу. От этого кучера одна нить мыслей отходит к аристократии, но этого я коснусь ниже. Пока же ограничусь указанием на то, что нам, буржуазному плебсу, аристократия часто бросается в глаза тем, что она охотно занимает место «кучера». Граф *Тун* тоже ведь правит государственной колесницей *Австрии*. Следующая фраза в сновидении относится к моему брату, которого я отождествляю таким образом с извозчиком. Я отказался поехать с ним вместе в этом году в Италию («по железнодорожному пути я с вами не поеду»); этот отказ был вызван его вечными жалобами на то, что он, путешествуя со мной, *устает* (это вошло в сновидение в неизмененном виде), так как я нигде не живу подолгу. В день моего отъезда брат проводил меня до вокзала, но по дороге (мы отправились на вокзал на трамвае) слез, чтобы направиться прямо в Пукерсдорф. Я сказал ему, что он может проехать со мной еще немного и поехать в Пукерсдорф не на трамвае, а по Западной железной дороге. Это отразилось в сновидении таким образом, что я проезжаю в *экипаже* часть пути, по которому едут обычно в поезде. В действительности дело обстояло как раз наоборот; я сказал своему брату, что он может проехать со мной в поезде ту часть пути, по которой хочет ехать на трамвае. Все искажение в сновидении сводится лишь к тому, что я вместо «трамвая» вижу «экипаж», что поми-

мо этого способствует еще моему отождествлению брата с кучером. Вслед за этим в сновидении имеется, однако, абсурд, который представляется на первый взгляд чрезвычайно загадочным и противоречит моей только что сказанной фразе «по железнодорожному пути я с вами не поеду». Так как, однако, мне вообще не нужно смешивать трамвай с извозчиком, то я, по-видимому, умышленно создал всю эту загадочную историю.

С какою же целью, однако? Мы узнаем сейчас, какую роль играет в сновидении абсурдность и какие мотивы обусловливают ее допущение или создание. Разрешение загадки в данном случае сводится к следующему. Мне необходима в сновидении какая-нибудь абсурдность и что-либо непонятное в связи со словом «Fahren» (езда), так как в мыслях, скрывающихся за сновидением, имеется одно суждение, требующее изображения. Однажды вечером, незадолго до сновидения, я был в гостях у одной знакомой дамы, выступающей в том же сновидении в роли «привратницы», и услыхал две загадки, которые не мог разрешить. Так как все остальные присутствующие эти загадки знали уже раньше, то я со своими безуспешными попытками разгадать их производил комичное впечатление. Вот эти загадки:

1. Господин повелевает,
Кучер — сразу исполняет?
Они — в гробах, их нет в живых,
Но мы все имеем их.

Вторая загадка в первых двух строках тождественна первой:

2. Господин повелевает,
Кучер — сразу исполняет?
В колыбельках без помех
спят они, но — не у всех.

Разгадка первой: «*Vorfahren*» — *предки*; второй: «Nachkommen» — *потомки*.

Когда в тот вечер мимо меня с высокомерным видом проехал граф Тун (vorfahren sah) и я невольно вспомнил о *Фигаро*, который считает заслугой аристократов

то, что они дают себе труд родиться на свет, тогда обе загадки были мной использованы для роли промежуточных звеньев в сновидении. Так как «аристократ» легко замещается в сознании «кучером» (см. выше) и так как извозчиков прежде у нас в стране величали «Herr Schwager» («зятек»), то процесс сгущения мог включить в сновидение и моего брата. Мысль же, бывшая в основе сновидения, гласит: *Нелепо гордиться своими предками* (Vorfahren). *Лучше я сам буду предком.* Вследствие этой мысли («нелепо» и т. д.) и появилась нелепость в сновидении.

Итак, сновидение становится абсурдным в том случае, когда в мыслях, скрывающихся за ним, имеется в качестве одного из элементов его содержания суждение: «Это нелепо», когда вообще одна из бессознательных мыслей грезящего сопровождается критикой и иронией. Абсурдное служит поэтому одним из средств, при помощи которого сновидение изображает противоречие, все равно как преобразование взаимозависимости между мыслями и содержанием сновидения, все равно как использование ощущений моторной связанности. Абсурдность сновидения не следует, однако, переводить простым «не»: она должна воспроизводить склонность мыслей, скрывающихся за сновидением, к иронии, включающей в себя и противоречие. Только с такой целью сновидение дает нечто курьезное, заслуживающее смеха. Оно превращает здесь опять-таки часть скрытого содержания в явную форму.

В сущности говоря, мы имели уже перед собой чрезвычайно доказательный пример такого значения абсурдного сновидения. Истолкованное нами без анализа сновидение об опере Вагнера, которая длится до трех четвертей восьмого утра, об оркестре, дирижер которого стоит наверху на башне, и т. д., выражает, по-видимому, как нелепо все в этом мире! Кто действительно заслуживает, тот ничего не получает, а кому безразлично, у того есть все — грезящая проводит тут, очевидно, параллель между своей судьбой и судьбой своей кузины. То, что все вышеупомянутые примеры абсурдных сновидений были сновидениями об умершем отце, так-

же отнюдь не является случайностью. В этих сновидениях в типической форме имеются в наличии все условия для создания таких сновидений. Авторитет, присущий отцу, рано вызывает критику со стороны ребенка, его строгие требования побуждают ребенка зорко следить за малейшей слабостью отца, но почтительное чувство, сопряженное в нашем мышлении с личностью отца, в особенности после его смерти, обостряет цензуру, которая оттесняет от сознания проявления этой критической работы.

IV. *Еще одно абсурдное сновидение об умершем отце.* *«Я получаю извещение от общинного совета моего родного города с требованием внести плату за содержание в госпитале в 1851 году. Я смеюсь над этим, так как, во-первых, в 1851 году меня не было еще в живых, во-вторых же, мой отец, к которому это могло относиться, уже умер. Однако я иду в соседнюю комнату, где он лежит в постели, и рассказываю ему это. К моему изумлению, он припоминает, что в 1851 году он был сильно пьян и его куда-то отвезли. Это было, когда он работал для Т. «Так ты, значит, и пил? — спрашиваю я. — И вскоре после этого женился?» — Я высчитываю, что я родился в 1856 году; это представляется мне непосредственно следующим друг за другом».*

Та настойчивость, с которой это сновидение обнаруживает свою абсурдность, должна быть истолкована нами в силу вышеупомянутых соображений лишь как признак чрезвычайно ожесточенной и страстной полемики мыслей, скрывающихся за сновидением. С тем большим удивлением, однако, констатируем мы тот факт, что в этом сновидении полемика ведется открыто и что отец является тем лицом, которое служит мишенью иронии. Такая откровенность противоречит, по-видимому, нашему представлению о роли цензуры в деятельности сновидения. Недоразумение разъясняется, однако, тем, что здесь отец служит замещением другого лица, между тем как спор ведется с другим, на которое в сновидении имеется лишь одно указание. В то время как вообще сновидение трактует о неприязненном чувстве по отношению к другим лицам, за которыми скрывается отец, здесь дело обстоит как раз наоборот: отец становится здесь ширмой для других, и сновидение может потому так откровенно и беззастенчиво обращаться с его неприкосновенной работой, что при этом доминирующую роль играет сознание, что в действительности речь идет вовсе не о нем. Это положение вещей явствует из мотивов сновидения. Оно последовало вскоре после того, как я услышал, что мой старший коллега, мнение которого считается непогрешимым, высказался с возмущением и удивлением по поводу того, что один из моих пациентов пользуется моим психоаналитическим лечением вот уже *пятый год* подряд. Начало сновидения в весьма прозрачной форме указывает на то, что этот коллега одно время принял на себя обязанности, которые не мог больше исполнять отец (плата за содержание в госпитале); когда же наша дружба стала колебаться, на мою долю выпал конфликт ощущений, который в случаях разногласий между сыном и отцом вызывается ролью и прежними заслугами отца. Мысли, скрывающиеся за сновидением, горячо протестуют против упрека в том, *что я не подвигаюсь вперед*; упрек этот, относящийся вначале к лечению этого пациента, распространяется затем и на другое. Разве он знает кого-нибудь, кто мог бы это сделать быстрее? Разве неизвестно ему, что состояния такого рода обычно считаются неизлечимыми и продолжаются всю жизнь? Что значат какие-нибудь *четыре, пять лет* по сравнению с целой жизнью, особенно если пациенту само лечение приносит значительное облегчение?

Абсурдный характер этого сновидения отчасти вызывается тем, что в нем сопоставлены без посредствующих переходов отрывки из различных мыслей, лежащих в его основе. Так, например, фраза *«Я иду к нему, в соседнюю комнату и т. д.»* оставляет тему, связанную с предыдущей частью сновидения, и в точности воспроизводит ситуацию, при которой я сообщил отцу о своей помолвке. Цель этой фразы — убедить меня в благородстве, которое проявил отец в той ситуации, в противоположность отношению ко мне других лиц. Я заме-

чаю, что сновидение потому вправе иронизировать над отцом, что в мыслях, лежащих в его основе, он ставится в пример другим. Всякой цензуре присуще то, что о запретных вещах можно скорее говорить неправду, нежели правду. Далее он вспоминает, что был однажды сильно пьян и его куда-то отвезли; здесь уже нет ничего, что в действительности относилось бы к отцу. Скрывающееся за ним лицо — не кто иной, как знаменитый *Мейнерт*, по стопам которого я последовал и дружелюбное отношение которого ко мне сменилось вскоре открытой враждебностью. Сновидение напоминает мне, во-первых, его собственный рассказ о том, как в молодые годы он пристрастился к *опьянению* при помощи хлороформа и как ввиду этого должен был лечиться в госпитале, и, во-вторых, мою встречу с ним незадолго до его кончины. Я вел с ним ожесточенный литературный спор по поводу мужской истерии, которую он отрицал; когда я посетил его во время болезни и осведомился о его самочувствии, он стал подробно описывать свои недуги и закончил словами: «Вы знаете, я всегда был одним из нагляднейших примеров мужской истерии». Так, к моему удовлетворению, но, вместе с тем, и к *моему удивлению,* он согласился с тем, что так долго и так упорно отрицал. То, однако, что я в этой части сновидения замещаю *Мейнерта* своим отцом, объясняется не аналогией, проводимой мною между ними, а тем лаконическим, но вполне достаточным изображением условного предложения в мыслях, скрывающихся за сновидением, которое в более пространной форме гласит: «Да, если бы я был сыном профессора или гофрата, я бы, наверное, *скорее пошел вперед*. В своем сновидении я и делаю отца профессором и гофратом. Наиболее яркая и странная абсурдность сновидения заключается здесь опять-таки в том, что мне 1856 год представляется равнозначащим с 1851 годом, как *будто разница в пять лет не имеет никакого значения*. Но именно эта-то часть мыслей, скрывающихся за сновидением, и должна найти себе выражение. *Четыре, пять лет* — это как раз промежуток времени, в течение которого я пользовался поддержкой вышеупомянутого коллеги; в течение этого же времени я был женихом своей невесты и, наконец, в течение этого же времени я заставлял своего пациента ожидать полного исцеления; последнее совпадение носит случайный характер, но тем охотнее используется сновидением. «Что такое пять лет?» — задаются вопросом мысли, скрывающиеся за ним. «Это для меня не время. Передо мной времени еще много, и, подобно тому как осуществилось то, во что вы тоже не верили, осуществляю я и это». Помимо этого, число 51, отделенное от цифры столетия, обусловливается еще и в другом, противоположном смысле; поэтому-то оно и встречается в сновидении несколько раз. 51 год — возраст, наиболее опасный для мужчины: в этом возрасте умерло скоропостижно несколько моих коллег, среди них один, за несколько дней до того назначенный после долгого ожидания профессором.

V. Еще одно абсурдное сновидение, играющее числами.

«Один мой знакомый господин М. подвергся нападкам со стороны ни более ни менее, как самого Гете; нападки эти носили, по нашему общему мнению, незаслуженно обидный характер. Господина М. эти нападки, естественно, совершенно убили. Он горько жалуется на них нашим общим знакомым; его поклонение Гете не поколебалось, однако, от этой личной обиды. Я стараюсь выяснить соотношение времени, которое представляется мне невероятным. Гете умер в 1832 году; так как его нападки на М. относятся, понятно, к более раннему периоду, то М. был в то время совсем молодым человеком. Мне думается, что ему было 15 лет. Я не знаю, однако, какой сейчас год и потому все мои расчеты теряются во мраке. Нападки на господина М. содержатся в известном произведении Гете «Природа».

Разъяснить абсурдность этого сновидения не представляет никакого труда. Господин М., с которым мы встречаемся, у одних *общих знакомых*, попросил меня недавно обследовать его брата, который обнаруживает признаки *паралитического умственного* расстройства. Его опасения оказались правильными. Во время консультации больной без всякого повода стал упрекать

брата в его грехах молодости. Я спросил у больного год его рождения и заставил проделать несколько арифметических вычислений, чтобы констатировать степень ослабления памяти; испытание это он выдержал с грехом пополам. Я понимаю уже, что становлюсь в сновидении на место этого паралитика (*«я не знаю, какой сейчас год»*). Остальной материал сновидения относится к другому источнику. Один лично мне знакомый редактор медицинского журнала поместил в последнем в высшей степени резкую, *«убийственную»* рецензию о последней книжке моего коллеги Ф. в Берлине; рецензия эта принадлежала перу одного *молодого* и малосведущего врача. Я счел своим долгом вмешаться и обратился к редактору; тот ответил, что крайне сожалеет о происшедшем, но не считает возможным выразить это на страницах журнала. В ответ на это я порвал свои отношения с журналом, но в письме к редактору высказал уверенность, *что наши личные отношения от этого нисколько не пострадают*. Третьим источником этого сновидения является рассказ одной пациентки о психической болезни ее брата, припадки которого сопровождаются несмолкаемыми криками: «*Природа, природа*!» Врачи полагают, что эти восклицания объясняются чтением этого прекрасного *произведения Гете* и свидетельствуют о переутомлении больного его занятиями по натурфилософии. Я предпочел, однако, установить здесь наличие сексуального элемента; мое мнение подтвердилось вскоре тем, что несчастный в припадке бешенства изуродовал себе половые органы. Во время первого припадка больному было *18 лет*.

Если я добавлю, что столь резко раскритикованная книга моего приятеля («Невольно спрашиваешь себя, не лишился ли рассудка автор или ты сам», — выразился про нее другой критик) трактует о значении в жизни соотношений времени, а сводит, между прочим, и продолжительность жизни *Гете* к одному чрезвычайно важному в биологии числу, то отсюда нетрудно будет вывести заключение, что в сновидении я становлюсь на место своего коллеги. (*Я стараюсь выяснить соотношение времени*...) Однако я веду себя как паралитик, и

сновидение принимает абсурдный характер. Это означает, таким образом, что мысли, лежащие в основе сновидения, говорят иронически: «*Разумеется* (по-нем. «*natürlich*» одного корня с «*Natur*» — «природа»), он глупец, сумасшедший, а вы гениальные люди, вы понимаете лучше. Быть может, однако, дело обстоит как раз наоборот?» И вот это «*наоборот*» и выражено в сновидении в чрезвычайно пластичной форме. *Гете* нападает на молодого человека — это абсурдно, между тем как молодой человек мог бы напасть сейчас с легкостью на бессмертного *Гете*, и далее — я произвожу вычисление с *года смерти Гете*, между тем, как в действительности я осведомился у пациента *о годе его рождения*.

Я обещал, однако, указывать и на то, что ни одно сновидение не руководствуется иными мотивами, кроме эгоистических. В данном случае мне приходится выяснить, почему я приписываю себе неприятную историю с моим приятелем и становлюсь на его место. Мое мнение в бодрствующем состоянии настроено далеко не так уж определенно. Тут, однако, играет роль следующее: история 18-летнего больного содержит в себе указание на то, что я расхожусь с большинством врачей, утверждая наличие сексуальной этиологии психоневрозов. Я могу сказать себе самому: критика отнесется к тебе так же, как к твоему приятелю, вернее, относится так уже давно. Теперь я по праву могу заменить элемент «он» в мыслях элементом «мы»: «Да, вы правы, мы оба глупцы».

На то, что «mea res agitur», указывает мне категорически упоминание об этом небольшом, несравненно прекрасном произведении *Гете*, так как цитирование этого произведения в одной популярной лекции окончателно толкнуло меня, юного и колеблющегося студента, на изучение естественных наук.

VI. Выше я обещал высказаться относительно еще одного сновидения, в котором не проявляется мое «я», что и оно эгоистично. Я сообщил, что мне снилось однажды, будто профессор М. говорит: «Мой сын, Мион...», — и упомянул о том, что это лишь вступительная часть к другому сновидению, в котором играл роль и я. Вот это

главное сновидение, абсурдное и непонятное словообразование которого требует от нас разъяснения.

«Вследствие каких-то событий в Риме необходимо вывести из города всех детей. Действие происходит у больших античных ворот (Porta romana *в Сиене, я знаю, это уже в сновидении). Я сижу у колодца; я очень расстроен, чуть ли не плачу. Какая-то женщина — служанка, монахиня — приводит двух мальчиков и передает их отцу. Отец не я. Старший из этих мальчиков похож на моего старшего сына, лица младшего я не вижу; женщина, приведшая мальчиков, хочет поцеловать его на прощание. У нее большой красный нос. Мальчик целоваться с ней отказывается, но подает ей руку и говорит «Auf Ceseres», а нам обоим* (*или одному из нас*) *«Auf Ungeseres». Я смутно понимаю, что в последнем содержится предпочтение»*.

Сновидение это базируется на целом комплексе мыслей, вызванных виденной мною в театре пьесой «Новое гетто». В мыслях, скрывающихся за сновидением, нетрудно подметить еврейский вопрос и заботу о будущем детей, которым нельзя дать отечества.

«Мы сидели на реках Вавилонских и плакали»[105]. Сиенна, как Рим, славится своими красивыми колодцами; Рим в своем представлении мне приходится (см. выше) заменять другими мне известными городами. Близ Porta romana в Сиене я увидел большое, ярко освещенное здание и узнал, что это Маникомио, дом для умалишенных. Незадолго до сновидения я слышал, что один мой единоверец-врач должен был оставить свою с трудом полученную должность в казенном доме для умалишенных.

Наше внимание останавливают, однако, слова мальчика *«Auf Ceseres»*, которые он произносит вместо подходящей к ситуации сновидения фразы *«Auf Wiedersehen»* (до свидания), и уже совершенно бессмысленное *«Auf Ungeseres»*.

По сведениям, полученным мной от филологов, *«geseres»* — древнееврейское слово, производное от глагола *«goiser»*, оно означает «предопределенные судьбою страдания». «Ungeseres» образовано мной самим и потому обращает мое особое внимание. Вначале я недоумеваю. Но заключительная фраза сновидения, говорящая, что в этом слове содержится некоторое предпочтение по сравнению с «geseres», рассеивает мое недоумение. Аналогичное соотношение проводится ведь и между икрой: несоленая ценится дороже соленой («ugesalzen» и «gesalzen»). Икра в глазах простонародья — «барская прихоть»; в этом содержится шуточное указание на одну служащую в моем доме особу, о которой я думаю, что она, будучи моложе меня, может лучше следить за воспитанием моих детей. С этим согласуется и то, что няня моих детей очень напоминает служанку (или монахиню) в сновидении. Между рядами *«gesalzen — ungesalzen»* и *«Ceseres — Ungeseres»* недостает, однако, посредствующего звена. Последнее содержится в ряде *«gesäuert — ungesäuert»* («заквашенный — незаквашенный»); при исходе из *Египта* дети Израиля не успели заквасить свое тесто и до сих пор в память об этом едят на Пасху пресный хлеб. Я вспоминаю, что этой Пасхой я вместе с одним своим коллегой из Берлина прогуливался по улицам незнакомого мне Бреславля. Ко мне подошла какая-то девочка и попросила указать ей одну улицу; я ответил, что не знаю и сказал потом своему спутнику: надо надеяться, что эта девочка выкажет впоследствии большую опытность в выборе людей, которые будут руководить ею. Вскоре после этого мне бросилась в глаза дощечка на двери: Д-р *Ирод*. Я заметил: «Надо надеяться, что этот доктор практикует не по *детским* болезням»[106]. Мой спутник развивал мне между тем свои взгляды на биологическое значение *двухсторонней симметрии* и одну из своих фраз начал так: «Если бы у нас был всего один глаз посреди лба, как у *Циклопа...*» Это приводит нас к словам профессора М. во введении к сновидению: «Мой сын, Миоп...» Отсюда я непосредственно дохожу уже до источника слова «geseres». Много лет тому назад, когда этот сын профессора М., теперь известный ученый, сидел еще на *школьной скамье*, у него заболели глаза. Врач выразил опасение, но сказал, что пока болезнь коснулась одной *стороны* и тревожиться нечего; если же она перейдет на *другой* глаз, придется принять решительные меры. Первый глаз

действительно вскоре поправился, но спустя некоторое время болезненные симптомы обнаружились на другом глазу. Перепуганная мать вызвала в деревню, где они в то время жили, врача. Тот, однако, рассердился. «Was machen Sie für Geseres? («Что вы мучаетесь понапрасну?») — закричал он. — Если на одной *стороне зажило*, заживет и на *другой*». Он оказался прав.

Теперь относительно связи всего этого со мной и с моими близкими. *Школьная скамья*, парта, на которой учился в детстве сын профессора М., была подарена его матерью моему старшему сыну, в уста которого я вкладываю в сновидении слова прощания. Одно из желаний, связанных с таким перенесением, обнаружить нетрудно. Эта школьная парта благодаря своей особой конструкции должна, однако, также предохранить ребенка от близорукости и однобокости. Отсюда в сновидении *Миоп* (за ним *Циклоп*) и рассуждение о *двухсторонности*. Забота об односторонности имеет различный смысл: помимо физической однобокости здесь может идти речь об односторонности умственного развития. Даже больше того: разве сновидение во всей своей абсурдности не противоречит, по-видимому, именно этой заботе? Обратившись со словами прощания в *одну сторону*, мальчик говорит в *другую* как раз противоположную фразу точно для того, чтобы восстановить равновесие. Он *действует, как бы соблюдая правила двухсторонней симметрии.*

Таким образом, мы видим, что сновидение оказывается зачастую наиболее глубокомысленным там, где оно кажется наиболее абсурдным. Всегда ведь те люди, которым нужно было сказать что-нибудь и которые не имели возможности этого делать, надевали обычно шутовской колпак. Слушатель, для которого было предназначено такое запретное слово, терпел его только, когда мог смеяться при нем и утешаться тем, что в горькой пилюле все-таки много смешного. Совершенно так же, как в жизни сновидение, поступает в трагедии *Гамлет*, который должен притворяться сумасшедшим; поэтому-то и про сновидение можно сказать то же, что говорит о себе *Гамлет*, заменяя истинные условия шуточно-непонятными: «Я безумен только при нордвесте; если же ветер с юга, я могу отличить сокола от цапли»*.

Таким образом, я разрешил проблему абсурдности сновидения в том смысле, что мысли, скрывающиеся за ним, никогда не носят абсурдного характера — по крайней мере, у умственно нормальных людей — и что деятельность сновидения создает также вполне или отчасти абсурдные сновидения лишь в том случае, когда изображению в нем подлежит критика, ирония и насмешка, имеющиеся в мыслях. Мне остается только показать, что деятельность сновидения вполне исчерпывается взаимодействием трех названных моментов и еще одного, четвертого, о котором будет речь ниже; что ее функции, строго говоря, сводятся лишь к переводу на своеобразный язык мыслей, скрывающихся за сновидением, с соблюдением четырех предписанных ей условий и что самый вопрос, проявляет ли душа в сновидении все свои духовные способности или лишь часть их, поставлен неправильно, не в соответствии с фактическим положением дела. Так как имеется, однако, множество сновидений, в содержании которых мы находим оценку, критику утверждения, недоумение по поводу каких-либо отдельных элементов, попытки объяснения и аргументацию, то я считаю нужным на нескольких избранных примерах указать на необоснованность всякого рода возражений, основывающихся именно на этом.

Я утверждаю: все, что имеет в сновидении форму мнимого проявления функций мышления, не должно считаться мыслительным процессом деятельности сновидения, а относится к материалу мыслей, скрываю-

* Это сновидение представляет собой также весьма доказательный пример того, что сновидения одной и той же ночи, хотя и раздельны в воспоминании, но базируются на почве одного и того же материала мыслей. Сновидение, рисующее, что я вывожу своих детей из Рима, имеет, правда, еще связь с одним аналогичным эпизодом моего детства и потому содержит столь значительные следы искажения. Смысл тот, что я завидую своим родственникам, которые несколько лет тому назад имели возможность перевезти своих детей в другую страну.

щихся за сновидением, и в виде готового целого переносится оттуда в явное его содержание. Я могу сказать даже больше. К скрытому содержанию сновидения относится также и большая часть суждений, высказываемых по поводу вспоминаемого сновидения *после пробуждения* от сна, и ощущений, вызываемых в нас репродукцией этого сновидения; все они должны быть включены в его толкование.

I. Наглядный пример этого я приводил уже выше.

Одна пациентка не хочет рассказать свое сновидение, потому что оно *очень туманно*. Ей приснился кто-то, и она не знает, *был ли это ее муж* или *отец*. Во второй части сновидения играло какую-то роль «помойное ведро» (*Misttrügerl*), с которым связано для нее следующее воспоминание. Будучи молодой хозяйкой, она сказала в присутствии одного своего родственника, что ее первая забота теперь — приобрести новое помойное ведро. На следующее утро он прислал ей такое ведро, наполненное, однако, ландышами. Продолжив анализ, я узнал, что в мыслях, лежавших в основе ее сновидения, обнаружился след воспоминания об одной истории, слышанной ею в детстве: одна девушка родила ребенка и не знала, *кто его отец*. Деятельность сновидения простирается здесь, таким образом, на бодрствующее мышление и дает возможность выразить один из элементов сновидения суждением о всем его целом, высказанным в бодрствующем состоянии.

II. Аналогичный случай:

Сновидение одного из моих пациентов показалось ему настолько интересным, что он, проснувшись, тотчас же сказал себе самому: *«Я должен рассказать его доктору»*. Сновидение подвергается анализу и обнаруживает очевидное указание на любовную связь, в которую он вступил во время лечения и о которой твердо решил мне *ничего не рассказывать**.

* Содержащееся в сновидении решение или намерение: «Это я должен рассказать доктору» соответствует обычно при сновидениях во время психоаналитического лечения сопротивлению в сообщении сновидения и сопровождается нередко полным забыванием его.

III. Мое собственное сновидение:

«Вместе с П. я иду в больницу. Мы проходим по улице, где я вижу много домов и садов. У меня появляется мысль, что эта местность мне не раз уже снилась. Но я не знаю дороги. П. говорит мне, что за углом ресторан. Я иду туда и осведомляюсь о госпоже Дони. Мне говорят, что она живет с тремя детьми в маленькой комнатке. По дороге к ней я встречаю какую-то женщину с обеими моими дочерьми. Постояв с ними недолго, я беру их с собой. Я как бы посылаю упрек по адресу жены за то, что она их оставила там».

При пробуждении я испытываю чувство *удовлетворения и объясняю* его себе тем, что сейчас узнаю из анализа, что означает: мне не раз *уже это снилось**. Анализ не разъясняет мне, однако, этого; он показывает только, что чувство удовлетворения относится к скрытому содержанию сновидения, а не к суждению о нем. *Удовлетворение* я испытываю потому, что у *меня есть дети*. П. — человек, с которым я некоторую часть жизненного пути прошел вместе; впоследствии он опередил меня в социальном и материальном отношении, но его брак остался бездетным. Анализ сновидения вскрывает два его мотива. Накануне я прочел в газете объявление о смерти некоей г-жи *Дона* А. (отсюда и фамилия *Дони*), умершей от *родов*; жена сообщила мне, что ребенка у покойной принимала та же акушерка, что и у нее. Имя *Дона* бросилось мне в глаза потому, что незадолго до того я впервые встретил его в одном английском романе. Другой источник сновидения явствует из времени его появления; я видел его как раз в ночь накануне дня рождения моего старшего сына, одаренного, по-видимому, поэтическим талантом.

IV. Такое же чувство удовлетворения испытал я по пробуждении от того абсурдного сновидения, в котором отец после своей смерти играл видную политическую роль в Венгрии: чувство это мотивируется продолжением ощущения, сопровождавшего последнюю часть сно-

* По поводу этого вопроса завязалась обширная полемика на страницах «Revue philosophique» (парамнезия в сновидении).

видения: *«я вспоминаю, что он на смертном одре был очень похож на Гарибальди и радуюсь, что* это *все-таки осуществилось в действительности... (Дальнейшее забыто.)»*

Анализ показывает мне, что относится к этому пробелу в сновидении: упоминание о моем втором сыне, которому я дал имя одного великого человека; в юношеские годы, особенно после моего пребывания в Англии, человек этот производил на меня сильнейшее впечатление. Весь год ожидания ребенка я намеревался дать ему это имя и с *чувством удовлетворения* приветствовал его появление на свет, когда он оказался мальчиком. Нетрудно подметить, как подавленная мания величия отца переносится в его мыслях на детей; приходится согласиться с тем, что это один из путей, по которым проходит ставшее необходимым подавление этого стремления[107]. Свое право на включение в данное сновидение мой сын приобрел благодаря тому, что с ним приключился тот же грех, извинительный как для ребенка, так и для умирающего.

V. Обращаясь теперь к суждениям, остающимся в сновидении и не простирающимся на бодрствующее состояние, я с чувством облегчения замечаю, что могу с этой целью привести несколько сновидений, уже рассмотренных нами с другой точки зрения. Сновидение о *Гете*, обрушившемся на господина М., содержит, по-видимому, целый ряд таких суждений. *«Я стараюсь выяснить себе соотношение времени, которое представляется мне невероятным»*. Разве не содержится тут критическое сомнение в том, что Гете мог обрушиться на молодого человека? *«Мне думается, что ему было 18 лет»*. Это звучит совсем как результат неверного вычисления; а фраза «я не знаю, какой сейчас год» могла бы служить примером наличия колебания или сомнения в сновидении.

Из анализа этого сновидения я знаю, однако, что эти высказываемые, по-видимому, лишь в сновидении суждения допускают иное объяснение, которое делает их необходимыми для толкования сновидений и благодаря которому устраняется абсурдность последних. Фразой *«я стараюсь выяснить себе соотношение времени»* я становлюсь на место своего друга, который действительно стремится выяснить роль времени в жизни. Благодаря этому фраза теряет значение суждения, которое сопротивлялось бы абсурду предыдущего. Конец ее: «которое представляется невероятным» относится к дальнейшему: «Мне *думается*». Приблизительно в тех же словах я ответил даме, рассказавшей мне о болезни ее брата: «Мне *представляется невероятным*, чтобы восклицание «Природа, природа!» имело что-нибудь общее с Гете; мне думается скорее, что оно носит сексуальный характер». Здесь имеется, правда, суждение, высказанная мысль, но не в сновидении, а в действительности; повод его вспоминается и используется мыслями, скрывающимися за сновидением. Содержание последнего присваивает себе это суждение, как и всякую другую часть мыслей, лежащих в его основе.

Число *18*, с которым самым бессмысленным образом связано в сновидении это суждение, сохраняет еще следы того источника, из которого взято само суждение. Наконец, «я не знаю, какой сейчас год» означает не что иное, как мое отождествление себя с паралитиком.

При разъяснении мнимых суждений в сновидении следует руководствоваться тем вышеуказанным правилом толкования, что связь отдельных элементов сновидения настолько призрачна, что ее можно оставить в стороне и подвергать анализу каждый элемент в отдельности. Сновидение представляет собою конгломерат, который в целях анализа должен быть снова раздроблен на отдельные части. С другой стороны, нельзя отрицать и того, что в сновидениях проявляется особая психическая сила, создающая эту мнимую связь отдельных элементов, иначе говоря, подвергающая вторичной обработке материал, добытый деятельностью сновидения. Эта сила и является четвертым моментом образования сновидений; о ней речь будет впереди.

VI. Я ищу другие примеры мыслительной работы в сообщенных мною ранее сновидениях. В абсурдном сновидении о письме общинного совета я спрашиваю: *«Ты женился вскоре после этого? Я высчитываю, что я*

родился в 1856 году; это представляется мне непосредственно следующим друг за другом». Мы видим тут своего рода *умозаключение*. Отец женился в 1851 году; я, старший, родился в 1856 году. Это верно. Мы знаем, что это умозаключение желания, что в мыслях, скрывающихся за сновидением, содержится следующее: *разница в 45 лет не имеет никакого значения*. Однако каждая часть этого умозаключения как по содержанию, так и по форме детерминируется иначе в мыслях, лежащих в основе сновидения. Жениться тотчас же после лечения собирается мой пациент, на терпение которого жалуется мой коллега. Мое отношение к отцу в сновидении напоминает *допрос* или *экзамен* и вызывает в памяти представление об одном университетском преподавателе, который при записи студентов устраивал форменный допрос: «Когда родились?» — «Отец?» Ему называли имя отца с латинским окончанием; мы, студенты, думали, что гофрат из имени отца делает умозаключения, для которых слишком мало данных в имени самого студента. Таким образом, умозаключение в сновидении является лишь повторением другого, представляющего собою часть материала в мыслях, скрывающихся за сновидением. Отсюда мы узнаем кое-что новое. Если в содержании сновидения имеется умозаключение, то оно исходит, наверное, из мыслей; в последних же оно может быть частью материала воспоминаний, либо же в качестве логической связи может соединять ряд отдельных мыслей. В том и другом случае умозаключение в сновидении представляет собою умозаключение в мыслях, лежащих в его основе*.

Мы можем продолжить анализ сновидения. С допросом профессора связано воспоминание о списке студентов (в мое время составлявшемся по-латыни). И далее о моих занятиях. *Пяти лет*, предназначенных для прохождения курса медицинского факультета, для меня оказалось недостаточно. Я продолжал заниматься, хотя мои знакомые и считали меня бездельником, сомневаясь, что из меня что-нибудь «выйдет». Тогда я решил *поскорее* сдать экзамены и добился своего. Новое подкрепление мыслей, скрывающихся за сновидением. «Хоть вы и сомневаетесь во мне, все-таки я достиг цели, все-таки я кончил (zum *Schluss gekommen*)».

То же сновидение содержит в начале своем элементы, за которыми нельзя не признать характера аргументации. Эта аргументация даже не абсурдна, она могла бы с таким же успехом относиться и к бодрствующему мышлению. Я смеюсь в сновидении над письмом общинного совета, так как, во-первых, в 1851 году меня не было еще в живых, во-вторых, отец, к которому это может относиться, уже умер. То и другое не только справедливо, но совпадает вполне с аргументами, которые я мог бы привести в случае получения такого письма. Из прежнего анализа мы знаем, что это сновидение возникло на почве мыслей, преисполненных горького сарказма; если мы примем во внимание, кроме того, и чрезвычайно существенные мотивы к воздействию цензуры, то поймем, что сновидение имеет полное основание конструировать безупречное опровержение абсурдного предположения по примеру, содержащемуся в мыслях, скрывающихся за ним. Анализ показывает, однако, что на сновидение не возлагается труда самостоятельного творчества: оно может и должно использовать с этой целью материал из мыслей. Все это похоже на то, как если бы в каком-нибудь алгебраическом уравнении помимо знаков + и — имелись еще знаки потенциала и радикала и кто-нибудь, описывая это уравнение и не понимая его, переписал бы эти знаки вместе с цифрами в полном беспорядке. Оба вышеназванных аргумента можно свести к следующему материалу. Мне неприятно сознавать, что некоторые положения, которые я кладу в основу своего психологического понимания психоневрозов, могут вызвать при их опубликовании недоверие и смех. Так, например, я утверждаю, что уже впечатления второго года жизни, а иногда даже и первого, оставляют прочный след в душе впоследствии

* Это положение вносит некоторую поправку в мои предыдущие утверждения относительно изображения логической связи. Выше, однако, я описывал общий характер деятельности сновидения и не касался ее мелких деталей.

заболевающих и, хотя чрезмерно преувеличиваются и искажаются памятью, все же могут дать первую и наиболее глубокую основу истерических симптомов. Пациенты, которым я это в нужный момент разъясняю, стараются пародировать мое положение, выискивая воспоминания о том времени, когда *их еще не было в живых.* То же самое могло произойти, по моему мнению, и с раскрытием неожиданной роли, которую у больных женщин в их ранних сексуальных побуждениях играет отец. И то, и другое, по моему глубокому убеждению, вполне справедливо. Для подтверждения я перебираю в уме несколько примеров, когда ребенок теряет отца в раннем детстве и когда позднейшие факты, иначе не поддающиеся объяснению, доказывают, что ребенок сохранил все-таки бессознательное воспоминание о столь рано утраченном им близком человеке. Я знаю, что оба мои утверждения покоятся на выводах, справедливость которых может вызвать возражения. Таким образом, лишь задача осуществления желания способствует тому, что сновидение использует для конструирования безупречных умозаключений материал именно этих выводов.

VII. В сновидении, которого я касался выше лишь вскользь, высказывается удивление по поводу трактуемой им темы.

«Старый Брюкке поручил мне, по-видимому, произвести какой-то опыт; странным образом дело идет о препарировании нижней части моего собственного тела, таза и ног. Я вижу их перед собой как в анатомическом театре, но не испытываю при этом ни боли, ни ужаса. Препарирует меня Луиза Н. Мой таз очищается от мышц; я вижу его сверху и снизу, вижу и большие кровавые узлы мускулов и думаю о геморрое. Необходимо еще снять все, что покрывает стенки и напоминает серебряную фольгу. Но вот я опять очутился на ногах, пошел по городу, но, устав, взял извозчика. К моему удивлению, извозчик въехал в какие-то ворота; мы попали в узкий проезд, который в конце заворачивает и ведет на открытую площадь. Потом я отправился куда-то вместе с альпийским проводником.

У меня устали ноги, и он понес меня. Кругом было болото, мы шли по краю его. На земле сидели люди, среди них девушки; впечатление цыганского табора или поселения индейцев. Перед этим я сам еще все-таки шел по болотистой местности и удивлялся, как я способен на это, несмотря на операцию. Наконец мы пришли в какой-то маленький деревянный дом, у которого вместо задней стены было большое окно. Проводник спустил меня на пол и положил на подоконник две лежавших тут же доски, чтобы я мог перейти через ров, вырытый под окном. Тут меня охватил страх за мои ноги. Но вместо перекинутого мостика я увидел двух взрослых мужчин, лежавших на деревянных скамьях вдоль стен, и рядом с ними двух детей. Как будто не доски, а дети должны были послужить мостом для перехода... В страхе я просыпаюсь».

Кто составил себе достаточное представление об интенсивности процесса сгущения в сновидении, тот поймет без труда, сколько страниц должен был бы занять анализ этого сновидения. Но в целях связности изложения я воспользуюсь им, лишь как примером элемента удивления, которое в данном случае реализуется в фразе: *«странным образом»*. Перехожу к мотиву моего сновидения. Им послужил визит той самой Луизы Н., которая в сновидении препарирует мое туловище. Она пришла ко мне и сказала: «Дай мне что-нибудь почитать». Я предлагаю ей роман «Она» Райдера Гаггарда. «*Странная* книга, но в ней много скрытого смысла, — начинаю я говорить, — тут и вечная женственность, и бессмертие чувства»... Но она перебивает меня: «Я ее уже читала. Нет ли у тебя чего-нибудь своего?» — «Нет, мои собственные бессмертные произведения еще не написаны». — «Так когда же выйдет твое последнее сочинение, которое, как ты обещал, будет доступно и для нас?» — спрашивает она. Я понимаю, что ее устами говорит другой, и молчу; я думаю о том, что мне приходится побороть в себе, чтобы выпустить в свет мое сочинение о сновидениях, в котором я должен опубликовать столько подробностей своей личной жизни. Препарирование *собственного тела*, которое я вижу в сновиде-

нии, есть, таким образом, не что иное, как *самоанализ*, связанный с сообщением собственных сновидений. Старый Брюкке вполне тут у места; уже в первые годы своей научной деятельности я до тех пор не решался опубликовать одну из своих работ, пока его энергичное воздействие не побудило меня к этому. Дальнейшие мысли, однако, связанные с разговором с Луизой Н., имеют слишком глубокие корни, чтобы быть сознательными; они отклоняются от своего пути благодаря упоминанию о романе «Она» *Райдера Гаггарда*. К этой книге и к другой того же автора «Сердце мира» относится мое суждение *«странным образом»*, между тем как многочисленные элементы самого сновидения заимствованы из обоих фантастических романов. Болото, через которое меня несет проводник, ров, который нужно перейти через мостик, и т.п. относятся к роману «Она»; индейцы, девушка и деревянный домик — к «Сердцу мира». В обоих романах центральное лицо — женщина, в обоих идет речь об опасных странствованиях. Усталые ноги — несомненное отражение реального ощущения предыдущих дней. Им соответствовала, по всей вероятности, общая усталость и мысль: «Сколько смогу я еще влачить ноги?» В романе «Она» дело кончается тем, что героиня вместо того чтобы достичь бессмертия себе и другим, находит смерть в центральном огне земного шара. Аналогичное чувство страха имелось, несомненно, и в мыслях, лежавших в основе сновидения. «Деревянный дом» — это гроб, могила. Но в изображении этой самой неприятной и жуткой из всех мыслей при помощи осуществления желания сновидение проявило выдающиеся способности. Я действительно был однажды в могиле, в этрусской гробнице в Орвиетто; это было тесное помещение с двумя каменными скамьями вдоль стен, на которых лежали два скелета. Совершенно такой же вид имеет деревянный дом в сновидении с той только разницей, что камень заменен здесь деревом. Сновидение говорит, по-видимому: «Если уж тебе суждено покоиться в гробу, пусть это будет хоть этрусская гробница»; этим замещением она превращает печальную мысль в желание. К сожалению, однако, сновидение,

как мы увидим ниже, может обратить в противоположность лишь представление, сопровождающее эффект, а не его самого. Поэтому-то я и просыпаюсь в страхе; предварительно, однако, находит свое изображение та мысль, что, быть может, дети достигнут того, чего не достиг отец; это еще одно указание на фантастический роман, в котором проводится мысль о сохранении существенных черт личности в течение целого ряда поколений.

VIII. В следующем сновидении имеется также выражение удивления по поводу переживаемого, но тут оно связано с попыткой такого оригинального, глубокого и положительно остроумного объяснения, что я из-за него одного считал бы нужным подвергнуть все сновидение анализу, если бы в нем не было даже еще двух элементов, могущих для нас быть интересными. Ночью с 18 на 19 июля я ехал по южной железной дороге, уснул в купе и во сне услыхал: *«Голлтурн 10 минут!» Я думаю тотчас же о Голотурии — естественно-историческом музее; это местечко, в котором горсть храбрецов мужественно боролась с деспотизмом повелителя страны. Да, да, контрреволюция в Австрии! Как будто местечко это в Штирии или в Тироле. Но вот я вижу смутно небольшой музей, в котором сохраняются воспоминания об этих людях. Я хочу выйти из вагона, но колеблюсь. На перроне много женщин, торгующих овощами; они сидят, подобрав ноги, и протягивают пассажирам свои корзины. Я не решался выйти из вагона, боясь, что поезд уйдет: между тем он все еще стоит на станции. Неожиданно я оказываюсь в другом купе, сидения тут такие узкие, что спинкой касаешься непосредственно спинок*. Я удивляюсь этому, но ведь я мог перейти в другое купе в сонном состоянии. Тут несколько человек, среди них брат с сестрой, англичане. На полке, на стене много книг. Я*

---

* Эта фраза непонятна мне самому, но я следую правилу излагать сновидение так, как оно приходило мне в голову при его записывании. Словесное выражение тоже ведь часть изобразительной деятельности сновидения.

вижу «Wealth of nations» и «Matter and Motion»[108] *Максуэлла в толстых коричневых холщовых переплетах. Брат спрашивает сестру, не забыла ли она захватить сочинения Шиллера. Книги на стене принадлежат как будто то мне, то англичанам. Мне хочется вмешаться в их разговор. Я просыпаюсь весь в поту. Окна в купе закрыты. Поезд стоит в Марбурге».*

Во время записи сновидения мне приходит в голову еще одна его часть, пропущенная памятью. *«Я указываю англичанам на одну из книг и говорю: «It is from...» Но поправляюсь тотчас же: «It is by...» Брат замечает сестре: «Он сказал правильно».*

Сновидение начинается с названия станции; крик кондуктора, очевидно, разбудил меня не вполне. Я заменил *Марбург Голлтурном*. То, что я слышал восклицание *«Марбург»*, доказывается упоминанием в сновидения о *Шиллере*, который родился в *Марбурге*, хотя, правда, не в Штирии*.

Я ехал хотя и в первом классе, но очень неудобно. Поезд был переполнен, в купе я нашел господина и даму; они были в достаточной мере бестактны и не сочли даже нужным скрыть свое неудовольствие по поводу моего вторжения. На мой вежливый поклон они даже не ответили; хотя они и сидели рядом на противоположной скамейке, однако, дама поспешила занять своим зонтиком и третье место направо у окна. Дверь тотчас же они закрыли и стали демонстративно говорить об опасности сквозняка. Они, вероятно, заметили, что я страдаю от жары. Ночь была теплая, и в купе, закрытом со всех сторон, было нестерпимо душно. По опыту я знаю, что так обычно ведут себя пассажиры, едущие по бесплатным билетам. И действительно, когда пришел кондуктор и я предъявил билет, раздался важный, чуть ли не грозный окрик дамы: «У нас служебные».

* Шиллер родился не в *Марбурге*, а в *Марбахе*; это знает каждый немецкий гимназист; знаю это, конечно, и я. Это снова одна из тех ошибок, которые вкрадываются в изложение в виде возмещения умышленного искажения и которые я пытался разъяснить в своей «Психопатологии обыденной жизни».

Она была высокого роста, полная, в возрасте, критическом для женской красоты; муж ее все время молчал и сидел неподвижно. Я попробовал уснуть и в сновидении жестоко отомстил своим нелюбезным спутникам. Трудно представить себе, какие оскорбления и ругательства по их адресу скрываются за отрывочными элементами первой половины сновидения. После удовлетворения этой жажды мести проявилось желание перейти в другое купе. Но тут, однако, что-то заставляет меня найти объяснение этой перемене места действия сновидения. Как я попал вдруг в другое купе? Я ведь не помню, чтобы я переходил. Мне оставалось только одно: предположить, что я *перешел в сонном состоянии*; это очень странное явление, но примеры его знакомы невропатологам. Нам известны случаи, когда человек совершает путешествие в полубессознательном состоянии, ничем, однако, не обнаруживая его; проходит некоторое время, и он приходит в себя и сам удивляется пробелам в своих воспоминаниях. Таким случаем *«automatisme ambulatoire»*[109] я уже в сновидении считаю мой переход из одного купе в другое.

Анализ допускает и другое толкование. Объяснение, которое удивляет меня, если я приписываю его деятельности самого сновидения, неоригинально, а скопировано с невроза одного из моих пациентов. Мне приходилось уже рассказывать об этом чрезвычайно интеллигентном и в общем весьма добродушном молодом человеке, который вскоре после смерти родителей стал приписывать себе преступные наклонности убийцы и страдал от тех мер предосторожности, которые принял против себя самого, желая предотвратить возможность проявления этих наклонностей. Это был случай тяжелой формы навязчивых мыслей при полном сохранении рассудка. Вначале он мучился, гуляя по улице, необходимостью отдавать себе отчет, куда деваются встречные прохожие; когда кто-нибудь ускользал от его преследующего взгляда, он испытывал мучительное сомнение, не он ли «убрал» его. Между прочим, за этим скрывалось представление о Каине, ибо ведь «все люди братья». В конце концов он перестал выходить из дома и

стал жить в четырех стенах своей квартиры. До него через посредство газет продолжали, однако, доходить известия об убийствах, совершаемых в городе, и его совесть внушала ему своего рода сомнение, не он ли преступник, которого ищут. Сознание, что он уже несколько недель не выходил из дому, предотвращало в первое время эти сомнения, пока однажды ему не пришло в голову, *что он мог выйти из дому в бессознательном состоянии* и таким образом совершить убийство, сам о нем не помня, разумеется. С этого дня он запер парадную дверь, вручил ключ привратнице и категорически запретил ей отдавать ему этот ключ, даже если он его у нее потребует.

Сюда относится, таким образом, мое объяснение того, что я перешел в другое купе в бессознательном состоянии; оно перенесено в сновидение в готовом виде из мыслей, скрывающихся за ним, и имеет очевидною целью отождествить меня с личностью этого пациента. Воспоминание о нем пробудилось благодаря следующей ассоциации. Несколько недель назад мне пришлось провести с этим господином ночь в купе; он совершенно выздоровел и сопровождал меня в провинцию к своим родственникам, которые вызвали меня на консультацию. Мы заняли отдельное купе, открыли окно и долго беседовали. Я знал, что его болезнь коренится во враждебных импульсах по отношению к отцу, относящихся к его раннему детству и имеющих сексуальное основание. Вторая сцена сновидения сводится действительно к представлению о том, что мои нелюбезные спутники потому так восстановлены против меня, что мой приход помешал их нежному тет-а-тет. Это представление относится, однако, к воспоминанию детства: ребенок, побуждаемый, вероятно, половым любопытством, крадется в спальню родителей, но встречает грозный окрик отца.

Я считаю излишним приводить дальнейшие примеры. Все они подтвердили бы только то, что мы заключили уже из всех нами разобранных: то, что акт суждения в сновидении представляет собою лишь повторение своего образца в мыслях, скрывающихся за сновидением. В большинстве случаев повторение это ни с чем не связано и плохо приспособлено к остову сновидения; иногда же, как в наших последних примерах, оно использовано настолько удачно, что на первый взгляд производит впечатление самостоятельного мышления в сновидении. В дальнейшем мы обратимся к рассмотрению той психической деятельности, которая, хотя и не всегда, по-видимому, фигурирует при образовании сновидений, но которая, будучи в наличии, стремится безупречно и осмысленно соединить в одно целое элементы сновидения, столь различные по своему происхождению. Предварительно, однако, мы должны рассмотреть аффекты, проявляющиеся в сновидении, и сравнить их с аффектами, вскрываемыми анализом в мыслях, лежащих в основе сновидения.

ж) *Аффекты в сновидении.* Чрезвычайно меткое замечание Штрикера [77] обратило наше внимание на то, что проявления аффектов в сновидении не допускают того пренебрежения, с которым мы относимся после пробуждения к содержанию сновидения. «Если я в сновидении боюсь разбойников, то хотя разбойники и иллюзии, зато страх вполне реален»; точно так же обстоит дело и в том случае, когда в сновидении я испытываю радость. По свидетельству нашего ощущения, аффект, испытываемый нами в сновидении, отнюдь не менее значителен, чем испытываемый наяву и обладающий тою же интенсивностью; более энергично, чем кругом своих представлений, требует сновидение своими аффектами включения в число действительных переживаний нашей души. Мы не производим, однако, этого включения в бодрствующем состоянии, так как не умеем психически оценивать аффект иначе, как только в связи с определенным кругом представлений. Если аффект и представление по характеру своему и интенсивности не совпадают, то наше бодрствующее суждение приходит в смущение.

В сновидениях вызывало всегда удивление то обстоятельство, что представления не сопровождаются аффектами, которые в бодрствующем мышлении мы считаем необходимыми. *Штрюмпель* говорит, что в сновидении

представления утрачивают свою психическую ценность. С другой стороны, мы можем наблюдать нередко и то, что интенсивный аффект возникает по поводу содержания, не дающего, по-видимому, ни малейшего повода к этому. Я нахожусь в сновидении в ужасном, опасном положении или в отвратительной обстановке, но не испытываю при этом ни страха, ни отвращения; в другой раз, наоборот, я могу возмутиться самыми невинными вещами или могу обрадоваться по поводу какой-либо безделицы.

Эту загадку сновидения разрешить легче, чем всякую другую: нам достаточно только перейти от явного содержания сновидения к скрытому. Мы не будем останавливаться даже на этом, а скажем только: анализ показывает нам, что *представления претерпевают различного рода замещения и смещения, между тем* как *аффекты остаются в неизмененном виде*[110]. Неудивительно поэтому, что представления, измененные искажающей деятельностью сновидения, перестают соответствовать неизменившимся аффектам: стоит только анализу переставить истинное содержание на его прежнее место, как соответствие будет вновь восстановлено.

В психическом комплексе, подвергшемся воздействию цензуры, единственной неприкосновенной составной частью являются аффекты; лишь они могут указать нам правильный путь к толкованию. Еще более рельефно, чем в сновидении, проявляется эта особенность в психоневрозах. Аффект здесь всегда обоснован, по крайней мере, по характеру своему; лишь интенсивность его может повышаться вследствие колебания невротического внимания. Если истерик удивляется, почему он боится какой-нибудь безделицы, если человек, страдающий навязчивыми представлениями, недоумевает, почему какой-нибудь пустяк может вызывать в нем столь тягостные угрызения совести, то оба заблуждаются, считая наиболее существенным эту безделицу или пустяк; они тщетно борются, беря исходным пустяком своего мышления эти представления. Психоанализ указывает нам правильный путь, признавая, наоборот, сам аффект вполне обоснованным и отыскивая представление,

относящееся к нему, но оттесненное произведенным замещением. Мы предполагаем, конечно, что проявление аффекта и круг представлений не составляют того неразрывного органического целого, каким мы их привыкли считать: обе эти части лишь спаяны друг с другом и могут быть без труда разделены при помощи анализа. Толкование сновидений указывает на то, что в действительности дело обстоит именно таким образом.

Я приведу сначала пример, в котором анализ разъясняет отсутствие аффекта при круге представлений, который, несомненно, должен был бы вызвать таковой.

II. *«Она видит в пустыне трех львов, из которых один смеется; она их не боится. Но ей все-таки приходится, должно быть, спасаться от них бегством, так как она хочет влезть на дерево; но ее опередила ее кузина, французская учительница и т. д.»*

Анализ представляет нам следующий материал. Индифферентным мотивом сновидения послужила фраза из учебника английского языка: грива — украшение *льва*. У отца ее была большая борода, обрамлявшая лицо, точно *грива*. Ее английскую учительницу зовут *мисс Лиане* (Lions — львы). Один знакомый прислал ей томик баллад *Леве* (Lewe — лев). Вот и три льва; чего же ей их бояться? Она читала недавно рассказ, в котором негра преследует толпа; негр влезает на дерево. Вслед за этим идут другие воспоминания аналогичного характера: рецепт охоты на львов, даваемый юмористическим журналом — нужно взять пустыню и просеять ее через решето, песок просеется, а львы останутся. Затем забавный, но не совсем приличный анекдот про одного служащего: его спросили, почему он не постарается заслужить благосклонность начальника; он ответил: я хотел было пролезть, но меня *опередил* другой. Весь этот материал становится понятен, если принять во внимание, что грезившая принимала у себя накануне сновидения начальника своего мужа. Он был очень любезен, поцеловал ей руку, и она перестала бояться *его*, несмотря на то что он «крупный зверь» и считается в столице *«светским львом»*.

II. Для второго примера я сошлюсь на сновидение

той девушки, которой приснился маленький сын ее сестры, лежащий в гробу, но которая, как я добавлю теперь, не испытала при этом ни скорби, ни грусти. Из анализа мы уже знаем, почему это было именно так. Сновидение скрывает лишь ее желание свидеться с любимым человеком. Аффект направлен именно на это желание, а не на его сокрытие. Для скорби не было никакого повода.

В некоторых сновидениях аффект сохраняет все-таки хоть и слабую связь с тем кругом представлений, который заместил соответствующий ему. В других же разложение комплекса происходит энергичнее. Аффект совершенно отделяется от соответствующего ему представления и включается в какое-либо место сновидения, наиболее подходящее для него в новом расположении элементов последнего. Дело обстоит тут аналогично тому, как в вопросе о роли и значении актов суждения в сновидениях. Если в мыслях, скрывающихся за сновидением, имеется какое-либо более или менее значительное суждение, то таковое же имеется и в самом сновидении; но в последнем оно может относиться совершенно к другому материалу. Нередко такое смещение совершается по принципу противоположности.

Последний случай я разъясню на следующем примере, который я подвергаю исчерпывающему анализу.

III. «*Замок на берегу моря, впоследствии, однако, на берегу не моря, а узкого канала, ведущего в море. Г. П. — губернатор крепости. Я стою вместе с ним в большой трехсветной зале: перед окнами возвышаются форты. Я — морской офицер, прикомандированный к гарнизону. Мы опасаемся нападения неприятельских кораблей; крепость на осадном положении. Г. П. намеревается уйти, он дает мне указания, как действовать в случае нападения, его больная жена вместе с детьми тут же в крепости. Когда начнется бомбардировка, надо будет очистить большую залу. Он дышит тяжело и хочет уйти. Но я удерживаю его и спрашиваю, как в случае необходимости послать ему донесение. Он отвечает мне что-то, но вдруг падает мертвый. По всей вероятности, я чрезмерно утомил его вопросами. Смерть его не производит, однако, на меня впечатления, я думаю о том, останется ли вдова в замке, нужно ли мне донести о смерти губернатора главнокомандующему и вступлю ли я как следующий по старшинству в начальствование над крепостью. Я стою у окна и смотрю на проходящие корабли; по зеленой воде быстро мчатся купеческие суда, одни с несколькими трубами, другие с пузатой крышей (похожей на крышу вокзала во вступительном, не сообщаемом мною сновидении). Подле меня мой брат; мы оба смотрим в окно на канал. При виде одного корабля мы пугаемся и восклицаем: неприятельский корабль! Оказывается, однако, что это возвращаются суда, которые я уже знаю. Проплывает небольшое судно, комично срезанное на половине своей длины; на палубе видны странные предметы, что-то вроде бокалов и флаконов. Мы кричим в один голос: «Frühstücksschiff» («судно для завтрака»)*».

Быстрое движение кораблей, темная синева воды, черный дым труб — все это вместе производит мрачное, довольно гнетущее впечатление.

Место действия в этом сновидении составлено из воспоминаний о нескольких путешествиях по Адриатическому морю (Мирамаре, Дуино, Венеция, Аквилейя). Непродолжительная, но в высшей степени приятная поездка в Аквилейю вместе с моим братом за несколько недель до сновидения была у меня свежа в памяти. Морская *война* Америки и Испании и связанные с нею заботы о судьбе моих родственников, живущих в Америке, играют тут тоже довольно видную роль. В двух местах этого сновидения имеются проявления аффекта. В одном месте ожидаемый аффект отсутствует, тут имеется категорическое указание на то, что смерть губернатора не производит на меня впечатление. В другом месте, думая, что я вижу неприятельское судно, я *пугаюсь* и действительно испытываю в сновидении все ощущения страха. Аффекты размещены в этом превосходно сконструированном сновидении так удачно, что избегнуто какое бы то ни было противоречие. У меня ведь нет никакого основания пугаться при смерти губернатора, и, с другой стороны, вполне естественно, что я в качест-

ве коменданта крепости пугаюсь при виде неприятельского корабля. Анализ показывает, однако, что Г. П. лишь замещает мое собственное «я» (в сновидении я его преемник, заместитель). Я — губернатор, который внезапно умирает. Мысли, скрывающиеся за сновидением, интересуются будущим моих близких в случае моей преждевременной смерти. Другой неприятной мысли в материале сновидения не имеется. Страх, связанный в сновидении с видом неприятельского судна, должен быть перенесен оттуда и включен сюда. Анализ показывает, наоборот, что круг мыслей, из которых взят военный корабль, полон радостных и светлых воспоминаний. Год тому назад мы были в Венеции, стояли в один дивный летний день у окна нашей комнаты на Рива Чиавони и смотрели на лазурную лагуну, на которой как раз было больше движения, чем обыкновенно. Ожидались английские суда и готовилась торжественная встреча. Вдруг жена моя закричала радостно, как ребенок: английский корабль! В сновидении я пугаюсь при тех же словах; тут мы опять-таки видим, что речь в сновидении происходит от речи в действительности. Что и элемент «английский» не остался неиспользованным деятельностью сновидения, мы скоро увидим. Я превращаю здесь, следовательно, радость в страх; мне остается только упомянуть, что я благодаря этому превращению изображаю часть скрытого содержания сновидения. Пример нам показывает, однако, что сновидению предоставляется право выделить повод к аффекту из его общей связи с мыслями и включить в любое место содержания сновидения.

Я пользуюсь тут случаем, чтобы подвергнуть более детальному анализу «Frühstücksschiff», появление которого в сновидении столь абсурдно завершает превосходно и осмысленно сконструированную ситуацию. Напрягая свою память, я вспоминаю, что судно это было черное; со стороны его срезанного конца оно было похоже на одну вещь, обратившую на себя наше внимание в музеях этрусских городов. То была прямоугольная чаша из черной глины с двумя ручками; в ней стояли вещицы наподобие кофейных или чайных чашек; все

вместе напоминало сервиз для завтрака (*Frühstück*). На наши расспросы нам ответили, что это туалет этрусской женщины с принадлежностями для румян и пудры; мы шутя сказали, что было бы недурно привезти его жене в подарок. Объект сновидения означает, следовательно — черный *туалет*, траур и указывает на смерть. Другим своим концом объект сновидения напоминает ладью, на которую в древности клали тело умершего и пускали по волнам. Сюда относится и то, почему в сновидении суда возвращаются.

«Тихо, на спасенной ладье, в гавань вплывает старик».

Это возвращение после кораблекрушения (*nach dem Schiff bruche*), судно ведь сломано наполовину (*abgebrochen*). Откуда же название *«Frühstücksschiff»*? Здесь-то и используется слово «английский» (смотри выше). Завтрак — Frühscück — breakfast — Brechen и относится опять-таки к *Schiffgbruch*, *а Fasten* (пост) имеет связь с трауром.

Однако у этого судна лишь название образовано сновидением. Само оно существовало в действительности и напоминает мне приятнейшие часы моего последнего путешествия. Относясь подозрительно к кушанью в Аквилейе, мы взяли с собой провизию из Герца, купили в Аквилейе бутылку чудесного истрийского вина, и, в то время как маленький почтовый пароход медленно плыл по каналу delle Mee, направляясь в Града, мы, единственные пассажиры, устроили себе на палубе превосходнейший завтрак, который пришелся нам по вкусу, как никогда. Это и было, значит, *«Frühstücksschiff»*, и именно за этим воспоминанием о приятном удовольствии скрывает сновидение скорбные мысли о неизвестном, загадочном будущем.

Отделение аффектов от представлений, вызывающих их проявление, — наиболее яркое и рельефное изменение, претерпеваемое ими при образовании сновидения, но далеко не единственное и не наиболее существенное из всего того, чему подвергаются они на пути от мыслей, скрывающихся за сновидением, вплоть до явного содержания последнего. При сравнении аффектов в этих мыслях с таковыми же в сновидении бросается в глаза

тотчас же следующее: там, где в сновидении имеется аффект, он имеется и в мыслях, но не наоборот. Сновидение в общем более бедно аффектами, нежели психический материал, из обработки которого оно образовалось; восстановив мысли, лежащие в основе сновидения, я вижу, что в них постоянно отражаются наиболее интенсивные душевные движения, зачастую борющиеся с другими, им диаметрально противоположными. Обращая же взор снова на сновидение, я вижу, что оно почти всегда бесцветно и лишено какой бы то ни было окраски интенсивного аффекта. Сновидение подымает на уровень безразличия не только содержание, но и эмоциональную окраску моего мышления. Я решаюсь утверждать даже, что сновидение совершает *подавление аффектов*. Возьмем хотя бы сновидение о ботанической монографии. Ему в сновидении соответствует пламенная и убежденная защита моего права поступать так, как я хочу, и устраивать свою жизнь так, как мне самому это кажется лучшим и правильным. Возникшее отсюда сновидение гласит в самом безразличном тоне: я написал монографию, она лежит передо мною, в ней много таблиц в красках и засушенных цветов. Тут словно покой кладбища; не слышно и следа шума битвы.

Может быть, правда, и иначе: и в самом сновидении могут быть интенсивные проявления аффектов; мы, однако, остановимся пока на том неоспоримом факте, что большинство сновидений представляются нам крайне индифферентными, между тем как мысли, скрывающиеся за ним, связаны постоянно с глубоким и повышенным чувством.

Дать здесь полное теоретическое объяснение подавления аффектов со стороны сновидения я затрудняюсь: оно поставило бы на очередь подробное рассмотрение теории аффектов и самого процесса подавления. Я выставлю лишь два положения. Проявление аффекта я вынужден — по другим соображениям — считать центростремительным процессом, направленным в глубь нашего тела по аналогии с моторным и секреторным процессом иннервации. Подобно тому как в состоянии сна отсутствует, по-видимому, посылка моторных импульсов во внешний мир, так и центростремительное вызывание аффектов может затрудняться бессознательным мышлением во время сна. Проявления аффектов во время хода мыслей, полагаемых в основу сновидения, в значительной мере сами по себе ослабляются; отсюда ясно, что не могут быть сильными и те из них, которые включаются в сновидение. Согласно этому в «подавлении аффектов» повинна как будто не деятельность сновидения, а просто-напросто состояние сна. Быть может, это и так, но во всяком случае, это далеко еще не все. Мы должны подумать и о том, что каждое более или менее сложное сновидение оказывается результатом взаимодействия различных психических сил. С одной стороны, мыслям, образующим желание, приходится выдерживать сопротивление цензуры, с другой же — мы видели уже неоднократно, что даже в бессознательном мышлении каждая мысль связана с другой, ей противоречащей; так как все эти мысли способны вызывать аффекты, то в общем мы едва ли впадем в ошибку, если сочтем подавление аффектов результатом тормозящего воздействия, которое оказывают друг на друга противоречивые элементы и которое испытывают подавленные стремления со стороны цензуры. Таким образом, подавление аффектов есть второй результат воздействия цензуры в сновидении; первым результатом его было искажение.

Я приведу один пример, в котором индифферентный тон содержания сновидения может быть объяснен противоречивостью мыслей, скрывающихся за последним. Нижеследующее короткое сновидение должно, конечно, вызвать у каждого читателя чувство отвращения.

IV. «Возвышение; на нем нечто вроде отхожего места; длинная скамья, на одном конце большое отверстие. Весь задний край покрыт испражнениями различной величины и свежести. Позади скамейки кустарник. Я мочусь на скамейку; длинная струя мочи смывает всю грязь. Засохшие экскременты отделяются и падают в отверстие. Но на конце остается все-таки что-то еще».

Почему не испытал я никакого отвращения при этом сновидении?

Как показывает анализ, только потому, что образованию этого сновидения способствовали самые приятные мысли. При анализе мне тотчас же приходят в голову *авгиевы конюшни*, очищенные Геркулесом. Этот Геркулес — я. Возвышение и кустарник относятся к местности в Аусзее, где живут сейчас мои дети. Я раскрыл этиологию детских неврозов и тем самым предохранил своих детей от заболевания. Скамейка, исключая, конечно, отверстия, в точности напоминает собою мебель, подаренную мне одной благодарной пациенткой. Она свидетельствует о том, что пациенты ценят меня. Даже собрание человеческих экскрементов допускает самое невинное толкование. Как это ни странно, но это лишь воспоминание о прекрасной Италии; там в маленьких городках ватерклозеты, как известно, устроены чрезвычайно примитивно. Струя мочи, смывающая все вокруг, несомненное указание на манию величия. Точно таким же способом *Гулливер* тушит пожар у лилипутов, этим, правда, он навлекает на себя немилость миниатюрной королевы. Но и *Гаргантюа*, сверхчеловек мэтра *Рабле*, мстит аналогичным образом парижанам; он садится верхом на Нотр-Дам и направляет на город струю мочи. Книгу *Рабле* с иллюстрациями *Гарнье* я перелистывал как раз вчера вечером перед сном. И удивительно: снова доказательство того, что я сверхчеловек. Площадка на Нотр-Дам была летом излюбленным местопребыванием в Париже; каждый день я прогуливался там между причудливыми и страшными химерами. То, что все экскременты исчезают так быстро, относится к изречению: «*affavit et dissipati sunt*», которое я поставил когда-то эпиграфом к своему очерку по терапии истерии.

А вот и активный повод сновидения. В жаркий летний вечер я читал лекцию о связи истерии с извращениями; все, что я говорил, меня почему-то не удовлетворяло и казалось несущественным и неважным. Я был утомлен, не испытывал никакого удовольствия от работы и стремился прочь от этого копания в человеческой грязи к своим детям и к красотам Италии. В таком состоянии духа я отправился из аудитории в кафе, чтобы посидеть немного на воздухе и чуть-чуть закусить; аппетита у меня, впрочем, не было. Но со мной пошел один из моих слушателей; он попросил разрешения посидеть со мной, пока я выпью кофе, и начал читать мне панегирик: сколькому он от меня научился, он смотрит теперь на все другими глазами, я очистил *авгиевы конюшни* заблуждений и предрассудков в учении о неврозах, словом, я — великий человек. Мое настроение плохо подходило к этому панегирику, я не мог подавить отвращения, ушел поскорее домой, стараясь избавиться от него, перелистал перед сном книгу *Рабле* и прочел еще рассказ *К. Мейера* «Страдания одного мальчика».

Из этого материала и образовалось сновидение; новелла *Мейера* включила в него еще воспоминание детства (ср. сновидение о графе *Туне*, последнюю часть). Настроение, проникнутое чувством неудовлетворенности и отвращения, проявилось в сновидении лишь в том, что доставило почти весь материал его содержанию. Но ночью проявилось противоположное настроение и взяло верх над первым. Содержанию сновидения пришлось принять такой характер, который дал бы возможность в одном и том же материале выразить и желание умалить свои заслуги, и желание превознести себя. Из этого компромисса и образовалось двусмысленное содержание сновидения, а из толкований двух противоречий — его индифферентный тон.

По теории осуществления желаний сновидение это было бы невозможно, если бы с чувством отвращения не столкнулась противоположная, хотя и подавленная, но приятная мания величия. Неприятное не находит себе выражения в сновидении; неприятное в наших мыслях включается в сновидение лишь в том случае, когда оно уступает свое отражение осуществлению желания.

Но сновидение может производить с аффектами в мыслях, скрывающихся за ними, еще и другие операции, не только включать их в свое содержание или подавлять. Оно может *обращать их в свою противоположность*. Рассматривая правила толкования, мы говорили о том, что каждый элемент сновидения может означать в толковании как свою противоположность,

так и самого себя. Заранее никогда нельзя сказать этого; решающее слово произносит здесь общая связь всего целого. Это обстоятельство было подмечено, по-видимому, и народной мудростью: народные сонники при толковании сновидений очень часто поступают по принципу контраста. Такое обращение в противоположность становится возможным благодаря внутреннему ассоциативному сцеплению, которое в нашем мышлении связывает представление о каком-либо предмете с представлением, ему противоположным. Как и всякое смещение, оно служит целям цензуры, но становится нередко и орудием осуществления желания, так как последнее состоит ведь не в чем ином, как в замещении неприятного представления ему противоположным[111].

Подобно представлениям, могут в сновидении обращаться в противоположность и аффекты в мыслях, скрывающихся за ним; по всей вероятности, это превращение аффектов производится большей частью цензурой. Подавление аффектов и превращение их и в социальной жизни, в которой мы нашли ту же цензуру, что и в сновидении, служит прежде всего целям маскировки, сокрытия. Когда я разговариваю с кем-нибудь, с кем я должен так или иначе считаться, но кому мне хотелось бы высказать свои враждебные чувства, то для меня гораздо важнее скрыть от него выражение своего аффекта, чем смягчить лишь словесное выражение своих мыслей. Если я говорю этому человеку не враждебные слова, но сопровождаю их все же взглядом или жестом презрения или ненависти, то впечатление у этого человека получается почти то же, как если бы я беззастенчиво кинул ему в лицо все свое презрение. Цензура заставляет меня, таким образом, прежде всего подавлять свои аффекты, и если я хороший актер, то я проявлю противоположный аффект; буду смеяться там, где мне хотелось бы возмущаться, и буду вежлив тогда, когда мне хотелось бы презирать.

Мы знаем уже один превосходный пример такого превращения аффектов в целях цензуры сновидения. В сновидении о «дяде с бородой» я испытываю нежное чувство к своему другу Р., в то время как мысли, скрывающиеся за сновидением, ругают его дураком. Из этого примера превращения аффектов мы вывели первое указание на наличие цензуры в сновидении. И здесь у нас нет основания предполагать, что сновидение создает заново этот контр-аффект; оно находит его обычно в готовом виде в материале мыслей и возвышает его лишь психической силой контр-мотивов до тех пор, пока он не становится пригоден для образования сновидения. В упомянутом сновидении о дяде нежный контр-аффект проистекает, по-видимому, из источника детства (как разъясняет и продолжение сновидения), так как отношения дяди и племянника благодаря своеобразному характеру переживаний моего раннего детства стали для меня источником всех дружеских и враждебных чувств.

Есть группа сновидений, особенно претендующих на наименование «лицемерных» и подвергающих тяжелому испытанию теорию осуществления желаний. Я обратил на них внимание, когда *г-жа* д-р *М. Гильфердинг* сообщила в «Венском психоаналитическом обществе» следующее интересное место из произведения *Розеггера*.

Розеггер в «Лесной родине» (II т.) в рассказе «Чужой» говорит: «На сон я в общем пожаловаться не могу, но в бесчисленное количество ночей я, наряду со своей скромной жизнью студента и литератора, влачил жизнь портновского подмастерья — то была тень, призрак, от которого я не мог избавиться.

Днем я вовсе не часто погружался в размышления о своем прошлом. Мечтателю, выросшему из кожи филистера, есть подумать кое о чем и другом. Но он не думал и о своих ночных сновидениях. Лишь впоследствии, когда я научился размышлять обо всем и когда во мне вновь зашевелилась душа филистера, я задумался над тем, почему, в сущности, я всегда играю в сновидениях роль портновского подмастерья и почему в качестве такового я всю жизнь работаю без вознаграждения на своего мастера. Когда я сидел подле него, строчил или гладил, я всегда сознавал превосходно, что у меня много других забот и интересов. Мне было тяжело, неприятно, я сожалел о потере времени, которое я мог бы использовать лучше и целесообразнее. Когда я чем-нибудь

не угождал мастеру, я терпеливо сносил его брань; о вознаграждении не было, однако, никогда и речи. Часто, сидя согнувшись в темной мастерской, я решал отказаться от работы. Однажды я заявил даже об этом мастеру, но тот не обратил ни малейшего внимания, и я снова продолжал строчить для него.

Как отрадно было для меня пробуждение после этих томительных и скучных часов. Я твердо решался при повторении этого тягостного сна энергично сбросить его с себя и громко закричать: все это глупости, я лежу в постели и сплю... Но в следующую ночь я сидел опять в мастерской.

Так в жутком однообразии проходил год за годом. В один прекрасный день, когда мы с мастером работали у Альпельгофера, у того крестьянина, к которому я поступил в учение, мастер остался особенно недоволен моей работой. «Мне хотелось бы только знать, о чем ты все думаешь!» — сказал он и сердито взглянул на меня. Я подумал, что самое разумное — было бы встать, сказать мастеру, что я работаю на него только из любезности, и уйти. Но я этого не сделал. Я спокойно отнесся к тому, что мастер нанял еще одного подмастерье и велел мне дать ему место на нарах. Я подвинулся в угол и продолжал шить. В тот же день был нанят еще один подмастерье, тот самый, который работал у нас девятнадцать лет назад и тогда по дороге из трактира упал в реку. Он хотел сесть за работу, но для него не было места. Я посмотрел вопросительно на мастера, и тот ответил мне: «У тебя нет способности к портновскому делу. *Можешь идти*». Мной овладело такое чувство страха, что я проснулся.

В окна брезжило серое утро. Меня окружали произведения искусства; в стильном книжном шкафу ждал меня вечный Гомер, исполинский Данте, несравненный Шекспир, славный Гете — все гиганты мысли, бессмертные. Из соседней комнаты доносились звонкие голоса проснувшихся детей, ласкавшихся к матери. У меня было чувство, будто я вновь обрел эту идиллически сладостную, мирную, поэтичную и озаренную светом духа жизнь, в которой я так часто испытывал глубокое счастие человека. Но все же меня мучило, почему я не предупредил мастера, не отказался сам, а получил отказ от него.

И как странно все это! С той ночи, как мастер «уволил» меня, я наслаждаюсь покоем; мне не снится больше столь давно прошедшее время, когда я действительно был портновским подмастерьем, время, которое в своей непритязательности имело своеобразную прелесть, но которое отбросило все же столь длинную тень на мою последующую жизнь».

В этих сновидениях писателя, бывшего в молодые годы портновским подмастерьем, трудно подметить наличие осуществления желания. Все желанное, радостное относится к дневной жизни, между тем как сновидение влачит лишь призрачную тень преодоленного, к счастью, безрадостного существования. Аналогичные собственные сновидения дали мне возможность найти объяснение этой загадке. Будучи молодым врачом, я долгое время работал в химическом институте, не достигнув, однако, почти никакого успеха; теперь я стараюсь не вспоминать никогда об этом неблагодарном и, в сущности, постыдном периоде моей деятельности. Между тем мне неоднократно снилось, что я работаю в лаборатории, произвожу анализы, переживаю различные эпизоды и пр. Сновидения эти большей частью неприятны, подобно сновидениям об экзаменах, и всегда очень туманны. При толковании одного из них я обратил внимание на слово *«анализ»*, которое и дало мне ключ к пониманию. Я стал ведь теперь «аналитиком», произвожу вполне успешные «анализы», правда, не химические, а *психоанализы*. Я понял следующее: если я в действительной жизни горжусь этими анализами и хочу даже похвастаться перед самим собой, каких я достиг успехов, то ночью сновидение рисует передо мною другие неудачные анализы, гордиться которыми у меня нет решительно никакого основания. Это карающие сновидения удачника, все равно как сновидения портновского подмастерья, превратившегося в известного писателя. Каким образом становится, однако, сновидение в конфликте между гордостью и самокритикой на сторону

последней и включает в свое содержание вполне разумное увещевание вместо недозволенного осуществления желания? Я говорил уже о том, что ответ на этот вопрос представляет немалые трудности. Мы догадываемся, что основой сновидения послужила честолюбивая фантазия, в содержание же его вошла вместо нее ее противоположность. Можно упомянуть здесь о том, что в душевной жизни имеются мазохистские тенденции, которым мы могли бы приписать такое превращение. Ближайшее исследование отдельных таких сновидений показывает, однако, еще нечто другое. В туманном вступлении к одному из моих сновидений о работе в лаборатории я увидел себя как раз в том возрасте, к которому относится тот безрадостный и неудачный период моей медицинской карьеры; у меня не было еще должности и я не знал еще, как устроить свою жизнь; неожиданно, однако, я понял, что должен выбрать одну из нескольких невест, которых мне сватают. Таким образом, я был снова молод, и, главное, была молода снова она, женщина, разделившая со иною долгие годы тяжелой жизненной борьбы. Тем самым раскрывается одно из неизбежных и естественных желаний стареющего человека, послужившее бессознательным возбудителем сновидения. Борьба между самодовольством и самокритикой, разыгравшаяся в других психических слоях, хотя и обусловила содержание сновидения, однако, лишь более глубоко коренившееся желание молодости дало возможность этому содержанию проявиться в форме сновидения. Ведь действительно человек очень часто думает: сейчас мне хорошо, тяжелое время позади; но все-таки и тогда было недурно, тогда я был еще молод.

При рассмотрении сновидений, сообщаемых писателем, можно почти всегда предполагать, что он опускает кажущиеся ему излишними и несущественными детали содержания сновидения. Его сновидения дают нам поэтому ряд загадок, легко разрешимых при точной передаче содержания сновидения.

О. Ранк обратил мое внимание на то, что в сказке братьев Гримм о храбром портном сообщается аналогичное сновидение. Портному, ставшему зятем короля,

снится однажды ночью его прежняя профессия; он говорит вслух во сне, и принцесса, его жена, в которой пробуждается подозрение, ставит в следующую ночь подле него людей, которые должны записать его слова. Но портной предупрежден, и все кончается к общему благополучию.

Сложный комплекс процессов подавления, сгущения и превращения, после которых аффекты в мыслях, лежащих в основе сновидения, включаются наконец в его содержание, проявляется наглядно при умелом синтезе вполне анализированных сновидений. Я приведу здесь еще несколько примеров роли аффектов в сновидениях.

V. В сновидении о странном поручении, данном мне старым *Брюкке*, препарировать свое собственное тело, я не *испытываю* даже в самом сновидении *ужаса* (*Grauen*). Это несомненное осуществление желания и не в одном только смысле. Препарирование означает самоанализ, производимый мною путем опубликования моей книги о сновидениях: опубликование это было действительно мне так неприятно, что я отложил печатание уже совершенно готовой рукописи больше чем на год. У меня появляется, однако, желание устранить это неприятное чувство, поэтому-то я и не испытываю в сновидении *ужаса* (*Grauen*). *«Grauen»* (седины) в другом смысле мне бы тоже хотелось избегнуть: мои волосы сильно поседели, и это *«Grauen»* (седины) побуждают меня перестать колебаться. Мы же знаем, что в конце сновидения находит выражение та мысль, что мне придется предоставить уже своим детям достичь цели тяжелого странствования.

В двух сновидениях, переносящих чувство удовлетворения на первые мгновения бодрствования после пробуждения, это удовлетворение мотивируется в одном случае моим ожиданием, что я сейчас узнаю, что значит: «мне уже это снилось», в другом же — уверенностью, что сейчас произойдет нечто, что «предсказано предзнаменованием»; это чувство удовлетворения то же самое, с которым я в свое время приветствовал появление на свет второго сына. Здесь в сновидении остались те же аффекты, которые были в мыслях, скрывавшихся за

ними, однако далеко не во всех сновидениях дело обстоит так просто. Углубившись немного в анализ их обоих, мы увидим, что это удовлетворение, не подлежащее воздействию цензуры, получает подкрепление из источника, который имеет основание бояться цензуры и аффект которого, наверное, вызвал бы конфликт, если бы он не скрылся за однородным, вполне допустимым аффектом удовлетворения из другого, вполне дозволенного источника. К сожалению, я не могу подтвердить этого на примере сновидения, но пример из другой области сумеет наглядно иллюстрировать мою мысль. Предположим следующий случай: подле меня находится человек, которого я ненавижу, так что во мне возникает вполне естественное желание обрадоваться, если с ним произойдет какое-нибудь несчастье. Но это чувство противоречит моей моральности, я не решаюсь высказать это желание. Если затем с этим человеком действительно произойдет что-нибудь, то я подавлю свое удовлетворение по этому поводу и насильственно вызову у себя слова и мысли сожаления. Все, наверное, бывали в аналогичном положении. Но если ненавистный мне человек почему-либо действительно заслуженно вызовет всеобщее неудовольствие, то я буду иметь уже право свободно высказать свое удовлетворение по поводу того, что его постигла справедливая кара. В этом я буду уже единодушен с другими, относящимися к нему совершенно беспристрастно. Я могу, однако, подметить, что мое удовлетворение будет интенсивнее, чем у других; оно получит подкрепление из источника моей ненависти, который до сих пор благодаря воздействию внутренней цензуры не мог выделить из себя аффект, теперь же при изменившихся условиях получил в этом отношении полную свободу. Такой случай имеет место в обществе всюду, где антипатичные лица или члены нелюбимого меньшинства в чем-либо оказываются виноваты. Их наказание соответствует тогда обычно не их вине, а вине плюс та, до сих пор безрезультатная антипатия, которая направлялась на них. Наказывающие совершают при этом несомненную несправедливость, но не сознают ее благодаря сопротивлению того чувства удовлетворения, ко-

торое доставляет им устранение столь продолжительного гнета, тяготившего их душу. В таких случаях аффект, хотя и имеет основание, но лишь в отношении качества, но отнюдь не масштаба; успокоенная в одном пункте самокритика пренебрегает слишком легкомысленно вторым пунктом. Если раскрыть двери, то в них войдет обычно больше народу, чем это имелось в виду.

Та бросающаяся в глаза черта невротического характера, что поводы, возбуждающие аффекты, достигают результатов, качественно хотя и обоснованных, но количественно не соразмерных, объясняется только таким образом, поскольку это вообще допускает психологическое объяснение. Излишек проистекает в этих случаях из остающихся неосознанными, до сих пор подавленных источников аффектов, которые могут войти в ассоциативную связь с реальным поводом, и для проявления аффектов которых безупречный и дозволенный источник последних открывает желанный путь. Это указывает нам на то, что мы должны учитывать не только взаимное подавление между подавленной и подавляющей душевной инстанцией. Столь же большого внимания заслуживают и те случаи, в которых обе инстанции благодаря совместному действию и обоюдному подкреплению вызывают патологический эффект. Эти лишь намеченные нами в общих чертах принципы психической механики могут быть использованы нами для разъяснения роли аффектов в сновидении. Чувство удовлетворения, проявляющееся в сновидении и имеющееся, конечно, и в мыслях, не вполне, однако, разъясняется этим. Обычно приходится отыскивать второй ее источник в мыслях, скрывающихся за сновидением. На этом источнике лежит гнет цензуры; под влиянием этого гнета он дал бы не удовлетворение, а другой противоположный аффект, но наличие первого источника дает ему возможность уклониться от оттеснения своего аффекта удовлетворения и найти ему подкрепление в этом другом источнике. Благодаря этому аффекты в сновидении сложны по своему происхождению и столь же сложно детерминируются в материале мыслей; источники аффектов, могущие дать один и тот же аффект, вступают в

сновидении во взаимодействие для образования такового.

Некоторое освещение этого запутанного вопроса дает анализ прекрасного по своей конструкции сновидения, в котором центральное место занимает выражение *«non vixit»*. В этом сновидении проявления аффектов различного характера сталкиваются в двух местах явного содержания. Враждебные и неприятные ощущения скрещиваются там, где я уничтожаю двумя словами своего друга. В конце сновидения я радуюсь и с удовлетворением констатирую возможность (признаваемую в бодрствующем состоянии абсурдной) уничтожать противников одним лишь сильным желанием.

Я не сообщал еще мотивов этого сновидения. Они чрезвычайно существенны и приводят нас непосредственно к пониманию сновидения. От своего друга в Берлине (которого я назвал Фл.) я получил известие, что ему предстоит операция и что о состоянии его здоровья мне будут сообщать его родственники, живущие в Вене. Я бы, наверное, сам поехал к нему, но как раз в то время страдал мучительными болями, мешавшими мне двигаться. Из мыслей, скрывающихся за сновидением, я узнаю, что я опасался за жизнь близкого мне друга. Его единственная сестра, которой я не знал, умерла в молодости после непродолжительной болезни. (В сновидении: *Фл. рассказывает о своей сестре и говорит, что в три четверти часа ее не стало.*) *Я*, очевидно, подумал, что и его натура, наверное, не более сильная и что после грозных известий я все равно поеду к нему — и *опоздаю*, что станет для меня источником вечных упреков*. Этот упрек в опоздании стал центральным пунктом сновидения, но нашел свое выражение в той сцене, в которой почтенный учитель моих студенческих лет *Брюкке* упрекает меня страшным взглядом своих голубых глаз. Что именно вызвало оттеснение этой сцены, мы скоро увидим; само ее сновидение не может воспроизвести в точности так, как я ее пережил. Оно хотя и предоставляет другому голубые глаза, но возлагает на меня уничтожающую роль; превращение это, несомненно, есть средство осуществления желания. Забота о здоровье друга, упрек, что я не еду к нему, мой стыд (он *случайно* приехал ко мне в Вену), моя потребность привести в свое оправдание болезнь — все это вызывает целую бурю чувств, ясно ощущаемую во сне и бушующую в этой области мыслей, скрывающихся за сновидением.

В мотивах сновидения было, однако, еще нечто другое, оказавшее на меня совершенно противоположное действие. Вместе с неблагоприятными известиями об операции я получил настойчивую просьбу никому о ней не рассказывать; просьба эта оскорбила меня, так как была равносильна недоверию к моей скромности. Хотя я и знал, что эта просьба не исходит от моего друга, а объясняется бестактностью или, быть может, волнением посредников, но скрытый в ней упрек все же обидел меня, потому что он был не совсем безоснователен. Это не относится, правда, к данному случаю, но в молодости, будучи близок с двумя неразлучными друзьями, я проговорился одному из них о том, что сказал про него другой. Я не забыл упреков, которые мне пришлось тогда услыхать. Одним из друзей, между которыми я посеял тогда семя раздора, был профессор *Флейшль*, другого звали *Иосиф*, так зовут и появляющегося в сновидении моего друга П.

Об упреке в том, что я не умею хранить чужих тайн, свидетельствует в сновидении вопрос Ф., *что я собственно, рассказал о нем* П. Включение этого воспоминания переносит упрек в опоздании из настоящего в то время, когда я работал в лаборатории *Брюкке*; замещая второе лицо в сцене «уничтожения» *Иосифом*, я заставляю эту сцену изобразить не только упрек в опоздании, но и другой, более подвергшийся смещению, в том, что я не умею хранить чужие тайны. Процессы сгущения и смещения в сновидении, а также и мотивы их бросаются здесь сразу в глаза.

Незначительная в настоящее время досада по поводу просьбы хранить операцию моего друга в тайне, черпает

* Эта фантазия из бессознательных мыслей, скрывающихся за сновидением, требует властно *non visit* вместо *non vixit*: «Ты опоздал, его нет уже в живых». Что и явное содержание сновидения указывает на «non visit», мы говорили уже выше.

себе, однако, подкрепление из источников, протекающих в глубине, и превращается в целый поток враждебных чувств к лицам, которых в действительности я очень люблю. Источник, дающий это подкрепление, берет свое начало из детства. Я уже говорил, что все дружеские и враждебные чувства допускают сведение к моим отношениям с племянником, бывшим на год старше меня; он угнетал меня, я научился бороться с ним; в общем, мы жили мирно и любили друг друга, хотя, как свидетельствуют показания наших родителей, нередко дрались и *жаловались* один на другого. Все мои позднейшие друзья воплощали для меня в известном смысле этого первого друга-врага. Близкий друг и ненавистный враг были всегда необходимыми объектами моего чувства; я бессознательно старался постоянно вновь находить себе их, и детский идеал нередко осуществлялся в такой даже мере, что друг и враг сливались в одном лице, понятно, не одновременно, как то было в период моего раннего детства.

Каким образом, однако, при таких условиях «свежий» повод к аффектам может сводиться к детским переживаниям, чтобы уступить им свое место для объяснения аффекта, я здесь рассматривать не стану. Это относится к психологии бессознательного мышления и к психологическому объяснению неврозов. В целях толкования сновидений достаточно предположить, что перед нами всплывает или фантастически образуется воспоминание детства следующего содержания: двое детей спорят из-за какой-нибудь вещи, из-за какой для нас сейчас безразлично, хотя воспоминание или иллюзия такового имеет в виду вещь вполне определенную; каждый утверждает, что он *пришел первым*, что вещь принадлежит ему; дело доходит до драки, сила торжествует над правом; по данным сновидения я сознавал, вероятно, что был неправ (я сам замечаю свою ошибку), но на сей раз победа остается на моей стороне, поле сражения за мной, побежденный спешит к деду, жалуется на меня, и я защищаюсь словами, сообщенными мне впоследствии отцом: я бил его потому, что он меня бил. Таким образом, это воспоминание, или, вернее, фанта-

зия, возникающая у меня во время анализа сновидения, является элементом мыслей, скрывающихся за ним, элементом, который собирает аффекты, имеющиеся в наличии в этих мыслях, все равно как бассейн — стекающие со всех сторон воды. Отсюда же мысли направляются следующими путями: тебе пришлось уступить мне — и поделом; почему ты не хотел уступить мне добровольно? Мне тебя не нужно, я найду другого товарища, с которым я буду играть и т. д. Затем открываются и пути, по которым эти мысли поступают в сновидение. В таком «ôte — toi que je my mette»[112] я, по всей вероятности, упрекал в свое время своего друга Иосифа*. Он поступил после меня в лабораторию Брюкке, но подвигаться вперед по службе там было очень трудно. Ассистенты сидели на местах крепко, и молодежь пришла в нетерпение, мой друг не постеснялся и вслух выразил свое нетерпение. Так как ассистент, на место которого он рассчитывал, был человек больной, то желание, чтобы он уступил свое место, было довольно двусмысленно. Вполне понятно, что и я несколько лет до того испытывал такое же желание; всюду, где имеется иерархия, открыт путь для желаний, нуждающихся в подавлении. У Шекспира принц у постели больного отца не может побороть искушения попробовать, к лицу ли ему корона. Но сновидение карает это безнравственное желание, конечно, не меня, а его.

«Он был властолюбив, и я уничтожил его». Он не мог подождать, пока другой освободит ему место, и за это сам был устранен. Эти мысли появились у меня непосредственно после присутствия на открытии памятника в университете. Часть испытанного мною в сновидении удовлетворения означает, следовательно: справедливое возмездие, ты его заслужил.

При погребении этого друга один молодой человек

* Читателю может броситься в глаза, что имя *Иосиф* играет столь видную роль в моих сновидениях (ср. сновидение о дяде). За лицами, носящими это имя, я особенно легко могу скрывать свое «я», так как библейский *Иосиф* был, как известно, толкователем сновидений.

позволил себе некорректное замечание: оратор говорил так, как будто свет не сможет существовать без этого одного человека. В нем говорило, в сущности, неудовольствие искреннего человека, в котором искренняя скорбь была нарушена излишним преувеличением. Но с этим замечанием связываются следующие мысли: нет незаменимой утраты; скольких похоронил я уже, а сам я все еще жив, я пережил их всех, место осталось за мной. Подобная мысль как раз в тот момент, когда я боюсь не застать своего друга в живых, допускает и дальнейшее развитие: я радуюсь, что переживу еще одного человека, что умер не я, а он, что победа осталась за мной, как в вышеупомянутом эпизоде детства. Это проистекающее из детских источников удовлетворение покрывает почти весь аффект, воспринятый сновидением. Я радуюсь, что я пережил другого, я выражаю это с наивным эгоизмом одного из супругов в анекдоте: «Когда один из нас умрет, я перееду в Париж». Для меня нет никакого сомнения в том, что этим «одним» буду не я.

Нельзя не признать того, что толкование и сообщение собственных сновидений представляет собою большое самопожертвование. Приходится обрисовывать себя каким-то злым духом посреди всех тех благородных, с которыми разделяешь жизнь. Я нахожу поэтому вполне естественным, что *противники* существуют лишь до тех пор, пока их терпишь, и что их можно устранить желанием. Таким образом, за это и наказан мой друг Иосиф. Противники являются, однако, последовательными воплощениями друга моего детства; я, следовательно, испытываю удовлетворение и по поводу того, что постоянно замещал его кем-нибудь и что теперь снова найду заместителя тому, кого боюсь потерять. Нет незаменимой утраты.

Где тут, однако, цензура сновидения? Почему не предъявляет она настойчивого протеста против этих грубо эгоистических мыслей и не превращает связанного с ними удовлетворения в тягостное чувство досады. Я полагаю, лишь потому, что другие безупречные мысли по поводу этого же человека вызывают то же чувство удовлетворения и своим аффектом покрывают чувство, проистекающее из запретного источника детства. В другой сфере мыс-

лей при вышеупомянутом открытии памятника я сказал себе самому: я потерял уже стольких близких друзей, одни умерли, с другими мы разошлись; как хорошо все-таки, что я нашел им замену, что я приобрел друга, который дороже мне всех других и которого я теперь в возрасте, когда дружеские отношения завязываются с большим трудом, сумею сохранить навсегда. Удовлетворение по поводу того, что я нашел замену умершему другу, я могу беспрепятственно перенести в сновидение, но за этой заменой прокрадывается и удовлетворение враждебного характера из детского источника. Детское нежное чувство несомненно способствует укреплению нынешнего, вполне обоснованного; однако и детская неприязнь проложила себе путь в содержание сновидения.

В сновидении имеется, однако, отчетливое указание еще на одну нить мыслей, которая может быть связана с чувством удовлетворения. У моего друга недавно после долгого ожидания родилась дочка. Я знал, как горевал он по своей преждевременно умершей сестре, и написал ему, что на этого ребенка он перенесет ту любовь, которую он питал к сестре; эта маленькая девочка поможет ему забыть, наконец, незаменимую утрату.

Таким образом, и этот ряд связывается, в свою очередь, с промежуточными мыслями скрытого содержания сновидения, из которого пути расходятся по самым различным направлениям: нет незаменимой утраты. Все, что утрачиваешь, вновь возвращается. Ассоциативная связь между противоречащими элементами мыслей, лежащих в основе сновидения, становится теснее благодаря тому случайному обстоятельству, что маленькую дочку моего друга зовут так же, как подругу моего детства, сестру моего друга и противника и мою ровесницу. Я услыхал имя «Полина» с *удовлетворением*, для указания на это совпадение я заменил в сновидении одного Иосифа другим и счел невозможным устранить созвучие в фамилиях: Флейшль и др. Отсюда нить мыслей отходит к наименованию моих собственных детей. Я же стоял на том, чтобы их назвали не модными именами, а именами в *память* близких лиц. Это опять-таки относится непосредственно к сновидению. И, наконец, разве

дети, потомство, — не единственная для нас возможность бессмертия?

Относительно аффектов в сновидении я ограничусь еще несколькими замечаниями с другой точки зрения. В душе спящего может быть в наличии в качестве доминирующего элемента склонность к аффекту, которую мы называем настроением и которая может оказать определяющее воздействие на сновидение. Это настроение может вызываться переживаниями и мыслями предыдущего дня, но может иметь и соматический источник; в обоих случаях, однако, оно сопровождается соответствующими ему мыслями. То, что эти представления, содержащиеся в мыслях, лежащих в основе сновидения, в одном случае непосредственно обусловливают аффект, в другом же лишь впоследствии вызываются общим настроением, по-видимому, соматического характера, для образования сновидения совершенно безразлично. Последнее раз и навсегда подлежит тому ограничению, что может изображать лишь то, что входит в осуществление желания и что свою психическую движущую силу оно может заимствовать исключительно у желания. Настроение претерпевает то же, что и ощущение, появляющееся во время сна: оно либо совершенно не принимается во внимание, либо же истолковывается в смысле осуществления желания. Тягостные настроения во время сна становятся поводами к сновидению: они пробуждают настойчивые желания, которые сновидение должно осуществить. Материал, с которым они связаны, до тех пор перерабатывается, пока он не становится пригоден для изображения осуществления желания.

Чем интенсивнее и существеннее элемент тягостного настроения в мыслях, скрывающихся за сновидением, тем увереннее наиболее подавленные желания воспользуются возможностью найти себе выражение: наличие тягостного чувства, которое в противном случае им пришлось бы вызывать самим, облегчает им наиболее трудную часть работы, предпринятой ими в целях своего изображения. Тем самым мы подходим снова к проблеме сновидений страха, которая представляет собой, как мы увидим, предел для деятельности сновидения.

з) *Вторичная обработка.* Переходим, наконец, к рассмотрению последнего из четырех моментов, принимающих участие в образовании сновидений.

Если продолжить анализ содержания сновидения вышеуказанным образом, исследуя происхождение резко выраженных элементов его в мыслях, скрывающихся за сновидением, то в конце концов найдутся элементы, истолкование которых требует установления новых предпосылок. Я напомню о тех случаях, когда грезящий удивляется, сердится, сопротивляется против какого-нибудь элемента содержания сновидения. Большинство этих проявлений критики в сновидении направлено, однако, не на содержание последнего: все они оказываются перенесенными и соответственно использованными частями материала сновидения, что я и старался показать на примерах. Кое-что, однако, не допускает такого рода сведение; коррелята ему в материале сновидения не имеется. Что означает, например, нередкая в сновидении критика: ведь это мне только снится? Это уж настоящая критика сновидения, которая могла быть высказана в бодрствующем состоянии. Очень часто она предшествует пробуждению; еще чаще ей самой предшествует неприятное чувство, успокаивающееся после констатации наличия сновидения. Мысль: «ведь это мне только снится», возникающая в самом сновидении, преследует, однако, ту же цель, что и в устах Прекрасной Елены в оффенбаховской оперетке: она старается умалить значение только что пережитого и облегчить ожидание последующего. Она служит для успокоения цензирующей инстанции, которая в данный момент имеет все основания заявить о своем существовании и запретить продолжение сновидения. Гораздо приятнее, однако, продолжать спать и спокойно претерпеть сновидение: «ведь это мне только снится». Я полагаю, что презрительная критика — «ведь это мне только снится» — лишь в том случае проявляется в сновидении, когда ни на минуту не засыпающая цензура чувствует себя обманутой допущенным ею сновидением. Подавлять его поздно, и она реагирует этой критикой на страх или на неприятное ощущение. Это проявление духа противоречия со стороны психической цензуры.

Этот пример дает, однако, бесспорное доказательство того, что не все, что содержит сновидение, проистекает из мыслей, скрывающихся за ним, а что добавление к его содержанию может давать и психическая функция, не отличимая от нашего бодрствующего мышления. Спрашивается только, происходит ли это лишь в исключительных случаях или же психическая инстанция, исполняющая обычно лишь роль цензуры, принимает постоянное участие в образовании сновидений?

Без всяких колебаний мы высказываемся в пользу второго предположения. Не подлежит никакому сомнению, что цензурующая инстанция, воздействие которой сказывалось до сих пор лишь в ограничении содержания сновидения и в вычеркивании из него, способствует помимо этого его дополнению и осложнению. Эти дополнения зачастую заметить нетрудно; они сообщаются неуверенно, сопровождаются словами «как будто», «точно», не отличаются сами по себе особой живостью и располагаются всегда в тех местах, где могут служить для соединения двух частей содержания сновидения или для установления связи между ними. Они слабее запечатлеваются в памяти, чем истинные отпрыски материала сновидения: когда сновидение забывается, они исчезают в первую очередь, и я сильно подозреваю, что наша частая жалоба: «нам снилось очень много, большинство мы забыли, припоминаются отдельные отрывки», покоится на мгновенном исчезновении именно этих соединительных мыслей. При исчерпывающем анализе эти дополнения обнаруживаются зачастую тем, что в мыслях, скрывающихся за сновидением, не находится соответствующего им материала. Однако при более тщательном рассмотрении я должен назвать этот случай чрезвычайно редким; в большинстве случаев дополняющие мысли допускают все же сведение их к материалу в мысли, лежащих в основе сновидения; материал этот, однако, ни благодаря своей ценности, ни вследствие детерминирования отнюдь не мог бы претендовать на включение в сновидение. Психическая функция при образовании сновидения, рассматриваемая нами в настоящий момент, прибегает, по-видимому, лишь в самых край-

них случаях к новообразованиям; поскольку, возможно, она использует то, что может найти подходящего в материале сновидения.

Эту часть деятельности сновидения отличает и обнаруживает, главным образом, ее тенденция. Эта функция преследует ту же задачу, какую поэт злостно приписывает философу: своими заплатами и лоскутами она штопает пробелы в конструкции сновидения. В результате ее работы сновидение утрачивает характер абсурдности и бессвязности и приближается к образу доступного пониманию реального переживания. Но старания ее не всегда венчаются успехом. Так мы находим сновидения, на первый взгляд безупречно логичные и осмысленные, они исходят из какой-нибудь вполне допустимой ситуации, подвергают ее различного рода естественным изменениям и приводят к концу, который отнюдь нас не удивляет; последнее встречается, правда, значительно реже. Эти сновидения претерпевают коренную переработку со стороны психической функции, аналогичной бодрствующему мышлению; они, по-видимому, вполне осмысленны, но на самом деле смысл этот чрезвычайно далек от значения сновидения. При анализе убеждаешься, что вторичная обработка сновидения произвела произвольный переворот всего материала, особенно его внутренних взаимоотношений. Эти сновидения уже были, так сказать, истолкованы до нашего толкования их в бодрствующем состоянии. В некоторых сновидениях эта тенденциозная обработка простирается лишь на известную часть их; в этой части все связно и понятно, между тем как дальше сновидение становится абсурдным или запутанным; нередко, однако, абсурдность в дальнейшем ходе сновидения может снова смениться связностью. В других же сновидениях следов обработки вообще нет; мы беспомощно стоим перед бессмысленным хаосом отдельных отрывков содержания.

За этой известной, снообразующей силой, которая окажется сейчас нам превосходно знакомой, — из четырех факторов сновидения она в действительности наиболее доступна и близка нам — мне не хотелось бы

категорически отрицать способности самостоятельно вносить в сновидение новые элементы. Ее воздействие, аналогично другим трем факторам, проявляется, правда, преимущественно в подборе и сортировке готового психического материала в мыслях, скрывающихся за сновидением. Есть один только случай, когда она в значительной степени избавляется от труда воздвигать как бы фасад для сновидения, избавляется благодаря тому, что в материале мыслей, скрывающихся за сновидением, имеется уже в готовом виде такой элемент, ожидающий только своего применения. Этот элемент я обычно именую «фантазией»; я избегну, вероятно, многочисленных недоразумений, если тотчас же сошлюсь на аналогию в состоянии бодрствования, на сновидения наяву. Роль этого элемента в нашей душевной жизни далеко не исчерпывающе выяснена и исследована психиатрией: почти единственное исключение в этом отношении составляет М. Бенедикт. От ничем не омрачаемого, проницательного взгляда поэта не ускользает значение дневных сновидений; общеизвестно то место в «Набобе» Доде, в котором описывается аналогичное состояние одного из героев романа. Изучение психоневрозов приводит нас к тому неожиданному выводу, что эти фантазии или дневные сновидения являются ближайшими провозвестниками истерических симптомов, по крайней мере, целого ряда таковых; истерические симптомы связываются не с самими воспоминаниями, а с фантазиями, создаваемыми на почве последних. Частое проявление сознательных дневных фантазий дает нам возможность ближе познакомиться с такого рода явлениями; но, подобно таким сознательным фантазиям, имеется еще и множество бессознательных, которые остаются таковыми благодаря их содержанию, а также и происхождению от отодвинутого материала. Более глубокое проникновение в характер этих дневных фантазий показывает, что им присуща значительная часть особенностей сновидения, их исследование открыло бы нам ближайший и легкий путь к пониманию последних.

Подобно сновидениям, и они представляют собою осуществления желаний; подобно сновидениям, и они в значительной мере базируются на впечатлениях, оставленных детскими переживаниями; подобно сновидениям, и они для своих созданий пользуются некоторой снисходительностью со стороны цензуры. Исследуя их структуру, мы замечаем, что мотив желания, обусловливающий их деятельность, смешивает, преобразует и вновь сплачивает в одно целое материал, из которого они состоят. Они находятся почти в том же отношении к воспоминаниям детства, к которым могут быть с легкостью сведены, в каком многие римские дворцы в стиле барокко находятся к античным развалинам, плитняки и колонны которых дали материал для современной архитектуры.

Во «вторичной обработке», которую мы приписали нашему четвертому моменту образования сновидений, мы находим тот же процесс, который имеет возможность вне зависимости от внешних влияний проявляться при создании дневных сновидений, фантазий. Мы могли бы сказать даже прямо, что наш четвертый момент стремится из представленного ему материала создать нечто вроде дневного сновидения. Там, где такое дневное сновидение составлено уже в общей связи мыслей, там этот фактор тотчас же обратится к нему и будет способствовать включению его в содержание сновидения. Есть сновидения, которые состоят исключительно в повторении дневной фантазии, оставшейся, быть может, неосознанной, так, например, сновидение мальчика о том, что он едет в колеснице вместе с героем Троянской войны. В моем сновидении «автодидаскер» вторая часть представляет собой полное и точное повторение самой по себе вполне невинной дневной фантазии о моем знакомстве с профессором Н. Комплекс условий, которым должно соответствовать сновидение при своем возникновении, способствует тому, что предшествующая фантазия образует лишь часть сновидения или что лишь одна ее часть проникла в содержание последнего. В остальном же фантазия претерпевает то же самое, что и другие части скрытого материала. Однако она зачастую сохраняет и в сновидении форму законченного целого. В моих сновидениях часто содержатся места, сразу вы-

деляющиеся совершенно отличным от других впечатлением. Они представляются мне более связными, но в то же время и более беглыми, чем другие части того же сновидения; я знаю, что это бессознательные фантазии, включенные в сновидение, но мне никогда еще не удавалось зафиксировать ни одной такой фантазии. Вообще же, эти фантазии, как и все другие составные части мыслей, скрывающихся за сновидением, подвергаются смещению, сгущению и проч.; есть, однако, и переходы между одной крайностью, когда они в неизмененном виде образуют содержание сновидения или, по крайней мере, его фасад, и другой, когда они представляются в содержании сновидения лишь одним из своих элементов или же отдаленным намеком на таковой. Для участия фантазий в мыслях, скрывающихся за сновидением, чрезвычайно важно, какие выгоды представляют они по отношению к требованиям цензуры и необходимости сгущения.

При выборе примеров толкования сновидений я по возможности избегал сновидений, в которых бессознательные фантазии играют выдающуюся роль, так как включение этого психического элемента потребовало бы пространного изложения психологии бессознательного мышления. Совершенно обойти эти «фантазии» я все же не могу, так как они довольно часто полностью входят в сновидение и еще чаще весьма отчетливо обнаруживаются в нем. Я приведу еще одно сновидение, состоящее из двух различных, противоположных, но в некоторых местах совпадающих друг с другом фантазий, из которых одна носит поверхностный характер, другая же служит как бы для толкования первой*.

* Хороший пример такого сновидения, возникшего из нагромождения нескольких фантазий, я подверг анализу в «Отрывке анализа истерии», 1905. Я должен сознаться, однако, что я преуменьшал значение этих фантазий для образования сновидений до тех пор, пока анализировал, преимущественно, свои собственные сновидения, в основе которых редко лежат дневные фантазии, а главным образом — споры и конфликты мыслей. У других лиц часто гораздо легче показать полную аналогию ночного сновидения с дневным.

Единственное сновидение, которое не было тщательно записано мною, сообщает приблизительно следующее:

«Грезящий, молодой холостой господин, сидит в ресторане. Вдруг появляются несколько лиц, они пришли за ним, среди них один хочет его арестовать. Он говорит своим соседям по столику: «Я заплачу потом, я вернусь». — Но те замечают с иронической улыбкой: «Старая песня, все так говорят». Один из посетителей кричит ему вслед: «Еще один уходит!» Его приводят в какое-то тесное помещение, где он видит женщину с ребенком на руках. Один из его спутников говорит: «Это господин Мюллер». Комиссар или еще какой-то чин перебирает пачку бумаг и повторяет при этом: «Мюллер, Мюллер, Мюллер!» Наконец он задает ему вопрос, на который тот отвечает утвердительно. Вслед за этим он оглядывается на женщину и замечает, что у нее появилась длинная борода».

Обе составные части разделить тут нетрудно. Поверхностный характер носит фантазия об аресте; она создана, по-видимому, заново деятельностью сновидения. За ней, однако, в качестве материала, претерпевшего небольшое изменение, обнаруживается фантазия о женщине; черты, общие им обоим, проступают, как в смешанной фотографии Гальтона, особенно ярко. Обещание холостяка вернуться в ресторан, недоверие его наученных опытом собутыльников и восклицание «еще один уходит» (женится) — все это чрезвычайно характерные и вполне понятные симптомы. В равной мере и утвердительный ответ, даваемый полицейскому чину. Перебирание пачки бумаг, при котором повторяется одно и то же имя, соответствует второстепенной, но тоже характерной черте свадебной церемонии — прочтению целой кипы поздравительных телеграмм, повторяющих одно и тоже имя. В конкретном появлении невесты в этом сновидении фантазия о женщине одержала победу даже над покрывающей ее фантазией об аресте. То, что у этой невесты в конце появляется борода, я мог разъяснить лишь при помощи одной справки (анализа я вообще не производил). Грезящий провел вечер накануне сновидения со своим другом, таким же противником бра-

ка, как и он сам. Проходя по улице, они встретили какую-то красивую брюнетку. Грезивший обратил на нее внимание своего друга. Но тот только ответил: «Да, если бы только у этих женщин не вырастали с годами бороды, как у их отцов!»

Разумеется, и в этом сновидении нет недостатка в элементах, которые подверглись более сильному изменению со стороны искажающей деятельности сновидения. Так, например, фраза «я заплачу потом» намекает, очевидно, на возможный образ действий тестя в отношении приданого. По всей вероятности, различного рода соображения препятствуют грезящему всецело отдаться фантазии о женитьбе. Одно из этих соображений — опасение, что человек после женитьбы теряет свободу — воплотилось в сцене ареста.

Указывая еще раз на то, что деятельность сновидения охотнее пользуется найденной ею в готовом виде фантазией, чем составляет само таковую из материала мыслей, скрывающихся за сновидением, мы тем самым разрешаем, быть может, одну из наиболее интересных загадок сновидения. В начале книги я сообщил одно сновидение *Мори* [48]:

«Во время сна валик дивана, на котором он спал, откинулся назад; он ударился затылком о край дивана, и ему приснился целый роман из эпохи великой революции». Так как сновидение это передается в чрезвычайно связной форме и объяснение его сводится к воздействию внешнего раздражения, о наступлении которого спящий не мог ничего знать, то остается только предположить, что все это сложное сновидение сложилось в короткий промежуток времени между падением головы спящего и его пробуждением от этого. Мы никогда не решились бы приписать бодрствующему мышлению такой быстроты и приходим поэтому к тому заключению, что деятельность сновидения отличается изумительной быстротой своих процессов.

Против этого чрезвычайно распространенного вывода решительно восстали новые авторы (*Ле Лоррен* [45], Эгге [20] и др.). Они отчасти сомневаются в точности передачи самим Мори его сновидения, отчасти же стараются показать, что скорость нашего бодрствующего мышления отнюдь не меньше скорости работы сновидения. Спор этот поднимает целый ряд принципиальных вопросов, разрешение которых, на мой взгляд, не так еще близко. Я должен, однако, признаться, что аргументация, например, *Эггера*, против сновидения *Мори* о гильотине не производит на меня убедительного впечатления. Я предложил бы следующее толкование этого сновидения. Есть ли что-либо невероятное в том, что сновидение Мори представляет собой фантазию, которая в готовом виде сохранилась в его памяти и пробудилась в тот момент, когда он испытал раздражение? При этом отпадает прежде всего трудность составления столь длинной истории со столькими деталями в короткий промежуток времени, имеющийся в распоряжении грезящего; вся она составлена уже заранее. Если бы *Мори* коснулся затылком деревяшки в бодрствующем состоянии, то тут было бы место для мысли: это все равно как когда человека гильотинируют. Так как, однако, он ударился во сне, то деятельность сновидения поспешно использует раздражение для создания осуществления желания, словно думая при этом: «Сейчас как раз удобный случай воплотить фантазию, образованную тогда-то и тогда-то при чтении». То, что пригрезившийся роман как раз соответствует фантазиям, обычно возникающим у юношей под влиянием сильных впечатлений, не подлежит, на мой взгляд, ни малейшему сомнению. Кто не увлекался эпохой террора, когда аристократия, мужчины и женщины, цвет наций показывал, как можно радостно умирать и до самого зловещего конца сохранять свежесть остроумия и красоту души! Как соблазнительно представлять себя молодым человеком, галантно целующим руку у своей дамы перед тем, как взойти на эшафот. Или, если главным мотивом фантазии служит честолюбие, воплощаться в одну из тех могучих личностей, которые одной лишь силой своих мыслей и своего пламенного красноречия властвовали над городом, где в то время билось сердце человечества, убежденно посылали на смерть тысячи людей, прокладывали новые пути истории Европы и сами в конце концов подставляли

головы под нож гильотины — разве не соблазнительно представить себя каким-нибудь жирондистом или Дантоном! То, что фантазия Мори носила именно такой честолюбивый характер, доказывает один элемент, сохранившийся в памяти: «окруженный огромной толпой».

Вся эта готовая фантазия не должна вовсе проявиться во сне во всей своей полноте; совершенно достаточно, если ее только «касаются». Я разумею здесь следующее. Если на музыкальном инструменте раздаются несколько тактов и кто-нибудь, как в «Дон-Жуане», говорит: «Это из «Свадьбы Фигаро» Моцарта», то в душе сразу всплывает хаос воспоминаний, из которого не доходят до сознания отдельные детали. Эти несколько тактов служат раздражением. Раздражение возбуждает психическую инстанцию, открывающую доступ к фантазии о гильотине. Но последняя проявляется уже не во сне, а в воспоминании проснувшегося. Проснувшись, человек припоминает фантазию во всех ее деталях; в сновидении же был лишь намек на всю ее в целом. При этом у него нет никаких доказательств того, что он вспоминает нечто, действительно виденное им в сновидении. То же объяснение — что тут идет речь о готовых фантазиях, пробуждаемых при помощи раздражения, — можно приложить и к другим сновидениям, связанным с каким-либо определенным раздражением при пробуждении. Таково, например, сновидение Наполеона при взрыве адской машины. Я отнюдь не утверждаю, однако, что все такие сновидения допускают это объяснение или что проблема ускоренной деятельности сновидения этим всецело исчерпывается.

Нам приходится остановиться здесь на отношении этой вторичной обработки содержания сновидения к остальным факторам деятельности последнего. Не происходит ли дело таким образом, что снообразующие факторы, сгущение, старание избегнуть цензуры и отношение к изобразительности предварительно создают из материала временное содержание сновидения и что последнее подвергается затем изменению до тех пор, пока не удовлетворяет по возможности требованиям второй ин-

станции? Это маловероятно. Следует скорее предположить, что эта инстанция выставляет с самого начала одно из условий, которым должно соответствовать сновидение, и что это условие наравне с условиями сгущения, сопротивления, цензуры и изобразительности оказывает решающее воздействие на обильный материал мыслей, скрывающихся за сновидением. Из четырех условий образования сновидений последнее во всяком случае наименее стесняет сновидение. Идентификация этой психической функции, которая совершает так называемую вторичную обработку содержания сновидения, с деятельностью нашего бодрствующего мышления с большой вероятностью явствует из следующего: наше бодрствующее (предсознательное) мышление относится к любому материалу восприятия совершенно так же, как указанная функция к содержанию сновидения. Для него вполне естественно приводить такой материал в порядок, создавать в нем логическую связь. Мы заходим в этом даже чересчур далеко; кунштюки карточных игроков подражают нам, основываясь на этой нашей интеллектуальной способности. В стремлении логически связать имеющиеся в наличии чувственные восприятия мы совершаем зачастую самые странные ошибки или же искажаем даже правдивость имеющегося в нашем распоряжении материала. Относящиеся сюда примеры слишком общеизвестны и не требуют подробного перечисления. Мы не замечаем искажающих смысл опечаток, создавая себе иллюзию правильности. Редактор одного распространенного французского журнала держал пари, что он в каждую фразу длинной статьи вставит слова «спереди» или «сзади», и ни один читатель этого не заметит. Он выиграл пари. Курьезный случай неправильного сопоставления я вычитал несколько лет назад в газете. После того заседания французской палаты, когда *Дюпюи* своим хладнокровным возгласом «Заседание продолжается» предотвратил панику[113], которая едва не возникла, когда разорвалась брошенная анархистами в зал бомба, публика, сидевшая на галерее, подверглась допросу по поводу покушения. Среди этой публики было двое провинциалов; один из них показал, что после

речи депутата он хотя и услышал взрыв, но подумал, что таков уж парламентский обычай — выстрелом оповещать об окончании речи оратора. Другой же, слышавший, по-видимому, нескольких ораторов, впал в ту же ошибку с той лишь разницей, что выстрелами салютуют всем особенно отличившимся ораторам.

Таким образом, не какая-либо другая психическая инстанция, а исключительно наше нормальное мышление требует от содержания сновидения, чтобы оно было понятно, подвергает его первому толкованию и тем самым способствует только его затемнению. Мы при толковании должны придерживаться следующего правила: на мнимую связность сновидения, ввиду ее неизвестного происхождения, обращать внимание не нужно; как в отчетливом, так и в запутанном сновидении необходимо идти обратным путем, ко вскрытию его материала.

При этом мы замечаем, однако, от чего зависит вышеупомянутая *шкала* ясности и отчетливости сновидений. Отчетливыми нам представляются те части их, которые носят на себе следы вторичной обработки; спутанными те, где сила такой обработки ослабляется. Так как спутанные части сновидения зачастую и наименее отчетливые, то отсюда мы можем вывести заключение, что вторичная деятельность сновидения ответственна и за пластическую интенсивность отдельных его элементов.

Желая сравнить с чем-нибудь окончательный вид сновидения, получающийся при содействии нормального мышления, я не могу подобрать ничего более подходящего, чем те загадочные надписи, которыми в разделе «Смесь» забавляют многие журналы своих читателей. Какая-нибудь фраза, выраженная ради контраста на диалекте и имеющая, возможно, более шуточное значение, должна вызывать предположение, что она содержит латинскую надпись. С этой целью отдельные буквы располагаются в другом порядке. Местами действительно образуется настоящее латинское слово, местами нам представляются обрывки таких слов и местами, наконец, стершиеся буквы и пробелы надписи вводят нас в заблуждение относительно бессмысленности всего цело-

го. Не желая обманываться, мы должны, не обращая внимания на все реквизиты надписи, считаться только с буквами и вопреки их данному расположению соединять их в слова нашего родного языка.

Я должен резюмировать теперь все наше пространное рассмотрение деятельности сновидения. Мы старались ответить на вопрос, применяет ли душа все свои способности во всей их полноте к образованию сновидений или же только часть их, стесненную в полном своем проявлении. Наше исследование заставляет нас вообще отказаться от такой постановки вопроса как от несоответствующей истинному положению дела. Если же, тем не менее, мы должны будем дать ответ в той же плоскости, в какой находится и вопрос, то нам придется ответить утвердительно на оба, по-видимому, исключающие друг друга предположения. Душевная деятельность при образовании сновидения разлагается на две функции: на составление мыслей, скрывающихся за сновидением, и на превращение таковых в содержание последнего. Мысли, скрывающиеся за сновидением, составляются вполне корректно с затратой всех психических способностей, которыми мы обладаем. Эти мысли относятся к нашему не доходящему до сознания мышлению, из которого проистекают путем некоторого превращения и сознательные мысли. Как ни любопытны и ни таинственны сами по себе эти загадки, они все же не имеют ничего общего со сновидением и не заслуживают включения их в число проблем сновидения. Напротив того, часть деятельности, превращающая бессознательные мысли в содержание сновидения, характерна для общей сущности последнего. Эта истинная деятельность сновидения гораздо дальше, однако, от бодрствующего мышления, чем предполагают даже те, кто наиболее решительно преуменьшает роль психической деятельности при образовании сновидения. Она вовсе не небрежнее, не слабее и не менее исчерпывающа, чем бодрствующее мышление: она представляет собой нечто совершенно отличное в качественном отношении и потому не может быть даже сравнена с нею. Она не мыслит, не считает, не судит, она ограничивается одним только преобразова-

нием. Ее можно описать, приняв во внимание все те условия, которым должен удовлетворять ее продукт — сновидение. Этот продукт должен прежде всего быть устранен от влияния *цензуры*; с этой целью деятельность сновидения пользуется *смещением психической интенсивности* вплоть до полной переоценки всех психических ценностей. Воспроизведению подлежат мысли исключительно или преимущественно из материала зрительных и акустических следов воспоминаний; из этого требования вытекает для деятельности сновидения необходимость обращать внимание на *изобразительность*, что она и исполняет путем новых смещений. Если приходится создавать более интенсивные элементы, чем имеющиеся в наличии в мыслях, скрывающихся за сновидением, то этой цели служит обширное *сгущение*, совершаемое над составными частями мыслей. На логическую связь мыслей обращается внимания немного; она находит свое скрытое выражение в *формальных* особенностях сновидения. Аффекты мыслей, скрывающихся за сновидением, подвергаются меньшим изменениям, нежели круг представления в них. Обычно они подавляются. Только одна часть деятельности сновидения — непостоянная в своем масштабе переработка отчасти пробудившимся бодрствующим мышлением — соответствует взглядам большинства авторов на общую картину образования сновидений.

VII. ПСИХОЛОГИЯ ПРОЦЕССОВ СНОВИДЕНИЯ

Среди сновидений, сообщенных мне различными лицами, имеется одно, претендующее на особое наше внимание. Оно рассказано мне одной пациенткой, которая сама слыхала его на одной лекции о сновидении; его истинный источник остался мне не известен. На эту даму оно произвело впечатление своим содержанием, она не преминула повторить его в своем сновидении.

Обстановка сновидения-образца была следующая. Один отец день и ночь сидел у постели своего больного ребенка. Ребенок умер, отец лег спать в соседней комнате, но оставил дверь открытой, чтобы из спальни видеть тело покойника, окруженное большими зажженными свечами. Около тела сидел старик и бормотал молитвы. После нескольких часов сна отцу приснилось, что *ребенок подходит к его постели, берет его за руку и с упреком ему говорит: отец, разве ты не видишь, что я горю?* Он просыпается, замечает яркий свет в соседней комнате, спешит туда и видит, что старик уснул, а одежда и одна рука тела покойника успели уже обгореть от упавшей на него зажженной свечи.

Толкование этого трогательного сновидения не представляет никаких трудностей и, как сообщает моя пациентка, было произведено совершенно правильно лектором. Яркий свет падал через открытую дверь на лицо спящего и вызвал у него ту же мысль, какая возникла бы у него и в бодрствующем состоянии: в той комнате упала свеча и вспыхнул пожар. Быть может, отец и заснул озабоченный мыслью, что старик не может добросовестно выполнить свою миссию.

Мы тоже ничего не можем изменить в этом толковании, разве только добавим, что содержание сновидения

должно было быть сложно детерминировано и что слова ребенка составлены из слов, действительно сказанных им при жизни и связанных с важными для отца переживаниями. Его жалоба «я горю» связана с лихорадкой, от которой он умер, а слова: «отец, разве ты не видишь?» — с каким-то нам неизвестным, но богатым эффектами эпизодом.

Убедившись, однако, из всего предыдущего исследования в том, что сновидение представляет собою вполне осмысленное явление, могущее быть включенным в общую цепь психологических процессов, мы имеем полное основание удивиться тому, как могло возникнуть сновидение при условиях, требующих, казалось бы, быстрого пробуждения. Мы замечаем, однако, что и это сновидение содержит в себе осуществление желания. В сновидении мертвый ребенок ведет себя как живой, он говорит с отцом, подходит к его постели и берет его за руку, как делает, вероятно, в воспоминании, из которого сновидение извлекло первую часть речи ребенка. Ради этого осуществления желания отец и продолжил на мгновение свой сон. Сновидению было отдано предпочтение перед бодрствующим мышлением, потому что могло показать ребенка живым. Если бы отец сразу проснулся и у него появилась мысль, которая привела его в соседнюю комнату, то он как бы укоротил жизнь ребенка на это мгновение.

Причина, по которой особенности этого небольшого сновидения приковывают наш интерес, ясна и очевидна. До сих пор мы интересовались, главным образом, тем, в чем состоит тайный смысл сновидения, каким путем обнаружить его и какими средствами пользовалась деятельность сновидения для его сокрытия. В центре нашего внимания находились до сих пор задачи толкования сновидений. Сейчас между тем мы наталкиваемся на сновидение, не представляющее никаких трудностей для толкования и в очевидной форме обнаруживающее свой смысл, и замечаем, что это сновидение все-таки сохраняет существенные черты, которыми сновидение вообще отличается от нашего бодрствующего мышления и пробуждает в нас потребность в объяснении. Лишь после устранения всего того, что относится к толкова-

ся к толкованию, мы замечаем, насколько неполной осталась наша психология сновидения.

Прежде чем, однако, пойти по этому новому пути, мы должны остановиться и оглянуться назад, не упустили ли мы что-нибудь важное и существенное. Мы должны убедиться в том, что удобная и приятная часть нашего пути осталась позади. До сих пор все пути, по которым мы шли, приводили нас, если я не ошибаюсь, к свету, к знанию и к полному пониманию; с того момента, однако, когда мы захотим проникнуть глубже в душевные явления при сновидениях, пути наши устремятся все в полную тьму. Мы отнюдь не можем *разъяснить* сновидение как психический процесс, так как «разъяснить» значит свести к чему-либо известному, чему мы могли бы подчинить то, что в качестве основы объяснения вытекает из психологического исследования сновидений. Наоборот, мы будем вынуждены выставить целый ряд новых гипотез, которые коснутся конструкции душевного аппарата и деятельности присущих ему сил и которые мы должны будем остерегаться распространять слишком далеко за пределы первой логической связи, так как в противном случае их ценность окажется слишком расплывчатой и неопределенной. Если даже мы не совершим ни малейшей ошибки в умозаключениях и примем в расчет все логически очевидные возможности, то нам все же грозит вполне вероятная неполнота в установлении элементов, равно как и полное крушение всех расчетов. Самое тщательное рассмотрение сновидения или какого-нибудь другого единичного явления не даст нам полного представления о конструкции и функциях душевного аппарата, а лишь предоставит с этой целью в наше распоряжение все то, что оказывается наиболее постоянным при сравнительном изучении целого ряда психических явлений. Таким образом, психологические положения, выведенные нами из анализа процессов сновидения, должны будут как бы ожидать своего присоединения к выводам из других исследований, которые с другой стороны стремятся проникнуть к центру той же проблемы.

а) *Забывание сновидений.* Мы обращаемся сейчас к

теме, из которой проистекает возражение, на которое мы до сих пор не обращали внимания, но которое способно разрушить наши попытки поставить толкование сновидений на твердую почву. Мы не раз уже слыхали, что мы, в сущности, вовсе не знаем сновидения, которое хотим истолковать, что у нас нет никакой гарантии того, что мы знаем его действительно в том виде, в каком оно имело место. То, что мы вспоминаем о сновидении и к чему прилагаем наше искусство толкования, во-первых, искажено нашей ненадежной памятью, которая в высшей степени непригодна для сохранения сновидения и, быть может, совершенно опускает как раз самые важные и существенные части его содержания. Обращая внимание на наши сновидения, мы так часто имеем основания жаловаться на то, что нам снилось гораздо больше и что мы, к сожалению, помним лишь отдельные отрывки, причем даже воспоминания о них кажутся нам зачастую недостаточно надежными. Во-вторых, все говорит за то, что наше воспоминание воспроизводит сновидение не только неполно, но и неверно, в искаженном виде. Таким образом, подобно тому, как мы можем сомневаться, действительно ли сновидение было таким бессвязным и расплывчатым, как сохранилось в памяти, так, с другой стороны, мы по праву можем сомневаться и в том, было ли сновидение таким связным, как мы его сообщаем, не заполнили ли мы при попытке репродукции все вовсе не существовавшие или созданные лишь забыванием пробелы произвольно избранным, новым материалом, не прикрасили ли мы сновидение, не «округлили» ли его. Таким образом, становится невозможным суждение о том, каково было в действительности содержание сновидения. У одного автора, — *Спитта* [64], мы нашли даже утверждение, будто весь порядок и вся связность сновидения вносятся в него лишь при попытке произвести его содержание. Мы подвергаемся, следовательно, опасности, что у нас вырвут из рук тот объект, ценность которого мы собираемся определить.

При толковании сновидений мы до сих пор проходили мимо этого обстоятельства. Наоборот, толкование мельчайших, смутных и неотчетливых частей сновидения казалось нам все время отнюдь не менее настоятельно необходимым, чем толкование отчетливых и очевидных его элементов. В сновидении об инъекции Ирме есть место: *я поспешно* подзываю доктора М.; мы предполагали, что эта деталь безусловно не была бы включена в сновидение, если бы не допускала особого сведения к особому источнику. Мы свели ее действительно к истории той несчастной пациентки, к которой я поспешно вызвал своего старшего коллегу. В мнимо абсурдном сновидении, считающем различие 51 и 56 quantité négligeable, число 51 повторялось несколько раз. Вместо того чтобы счесть это вполне естественным и потому безразличным, мы заключили на основании этого о второй цепи мыслей в скрытом содержании сновидения, которая ведет к числу 51; путь этот привел нас к опасениям, которые вызывает возраст 51 год, в резком противоречии с теми доминирующими мыслями, которые самоуверенно «кидаются» годами. В сновидении *«Non vixit»* фраза: *«так как П. его не понимает, то Ф. спрашивает меня»* и т. д. показалась мне вначале ничего не значащей вставкой. Когда затем толкование оказалось затруднительным, я вернулся к этой фразе и нашел от нее путь к детской фантазии, которая проявляется в мыслях, скрывающихся за сновидением, в качестве среднего узлового пункта. Это произошло при помощи слов поэта:

> «Редко вы понимали меня,
> редко понимал вас и я;
> только когда мы попадали в грязь,
> мы тотчас же начинали понимать друг друга».

Каждый анализ дает примеры того, насколько необходимы для толкования как раз самые мелкие черты сновидения и как разрешение задачи замедляется, если внимание обращается на них лишь впоследствии. Такое же значение при толковании сновидений придавали мы и всякому малейшему оттенку словесного выражения, текста сновидения, даже в тех случаях, когда перед нами был бессмысленный или недостаточный текст, мы счита-

лись и с этими недостатками словесного выражения. Короче говоря, то, что, по мнению большинства авторов, является произвольной и поспешно скомпонованной импровизацией, мы считали всегда святым и неприкосновенным. Это противоречие нуждается в объяснении.

Последнее склоняется в нашу пользу, не уличая, однако, в неправоте и большинство авторов. С точки зрения наших новых взглядов на возникновение сновидения все противоречия без остатка примиряются между собой. Нельзя отрицать того, что при попытке репродукции мы искажаем сновидение; здесь мы видим опять-таки то, что мы называли вторичной и столь часто неверно понимаемой обработкой сновидения со стороны инстанции нормального мышления. Но само это искажение не что иное, как часть обработки, которой, благодаря цензуре, закономерно подвергаются мысли, скрывающиеся за сновидением. Авторы замечали здесь явно действующую часть искажения; нас же удивляет она мало, так как мы знаем, что значительно более обширное искажение, менее, однако, уловимое, избрало уже своим объектом сновидение из скрытых мыслей. Авторы заблуждаются только в том, что считают произвольной модификацию сновидения при его припоминании и словесном выражении, т.е. полагают, что она не поддается толкованию и способна только ввести нас в заблуждение относительно познания сущности сновидения. Они умаляют значение детерминирования в сфере психического. Там нет ничего произвольного. На любом примере можно показать, что вторая нить мыслей тотчас же берет на себя определение элемента, не обусловленного первой. Я хочу, например, совершенно произвольно задумать какое-нибудь число; это, однако, невозможно. Число, которое приходит мне на ум, односторонне и неизбежно обусловлено моими мыслями, которые, быть может, и чрезвычайно далеки от моего данного намерения*. Столь же мало произвольны и изменения, претерпеваемые сновидением при редакции его в бодрствующем состоянии. Они

* Ср. «Психопатология обыденной жизни». Рус. пер. в издании «Современные проблемы».

остаются в ассоциативной связи с содержанием, место которого занимают, и служат для указания нам пути к этому содержанию, которое может быть опять-таки замещением другого.

При анализе сновидений моих пациентов я обычно очень успешно произвожу следующего рода испытание. Когда сообщенное сновидение представляется мне вначале малопонятным, я прошу рассказчика повторять его мне. Повторение в очень редких случаях воспроизводит его в тех же словах. Те части, которые приобрели измененное выражение, представляются мне тотчас же слабыми местами маскировки сновидения, они служат мне тем, чем служили Гогену вышитые знаки на одежде Зигфрида. С них-то и может быть начато толкование сновидения. Моя просьба повторить еще раз сновидение предупреждает рассказчика, что я собираюсь приложить особое усилие к его толкованию, поэтому под влиянием чувства сопротивления он тотчас же предохраняет слабые места, заменяя предательское выражение их каким-либо другим, более или менее отдаленным. Он обращает тем самым мое внимание на измененное им выражение. По усилиям, с которыми защищается разрешение сновидения, я могу судить о тщательности, с которой оно замаскировано.

Значительно менее правы авторы, настаивая на том сомнении, которым наше суждение встречает сообщение сновидения. Сомнение это лишено всякой интеллектуальной гарантии: наша память вообще не знает никаких гарантий, а все же мы часто, гораздо чаще, чем это нужно с объективной точки зрения, считаем нужным доверять ее показаниям. Сомнение в правильной передаче сновидения или отдельных частей его представляет собою опять-таки результат цензуры сопротивления проникновению мыслей, скрывающихся за сновидением, в наше сознание. Сопротивление это не всегда исчерпывается вызываемыми им передвижениями и замещениями, оно в форме сомнения устремляется затем на пропуски и на пробелы. Мы тем легче не замечаем этого сомнения, что оно ради предосторожности никогда не обращается на интенсивные элементы сновидения, а всегда лишь на слабые и неясные. Мы знаем, однако, уже,

что между мыслями, скрывающимися за сновидением, и самим сновидением совершается полная переоценка всех психических ценностей; искажение было возможно лишь благодаря лишению ценности их, оно проявляется обычно в этом и иногда этим удовлетворяется. Если к какому-либо неясному элементу содержания сновидения присоединяется еще и сомнение, то мы, следуя указанию, можем подметить в нем непосредственный продукт одной из отвергнутых мыслей. Здесь дело обстоит так же, как после крупного переворота в одной из республик древности или эпохи Возрождения. Ранее господствовавшие аристократические и могущественные роды подвергаются изгнанию, все высшие должности замещаются авантюристами и выскочками; в республике терпятся лишь совсем обедневшие и бессильные члены или отдаленные родственники свергнутых властелинов. Но и они не пользуются полными правами гражданства, и за ними установлен недоверчивый неусыпный контроль. Место недоверия в этом примера занимает в нашем случае сомнение. При анализе сновидения я требую поэтому, чтобы сообщающий его отрешился от всех градаций уверенности в точности передачи и малейшее предположение, что то-то и то-то имело место в сновидении, считал бы за неоспоримую истину. Пока субъект при прослеживании какого-либо элемента сновидения не исполнит это мое требование, до тех пор анализ не сдвинется с места. Пренебрежительное отношение к данному элементу оказывает на субъекта психическое воздействие, выражающееся в том, что ему никогда на придет на ум ни одно из нежелательных представлений, скрывающихся за ним. Такое воздействие, в сущности, довольно неестественно; нас бы не удивило, если бы кто-нибудь возразил: было ли то-то и то-то в сновидении, я верно не знаю, но в связи с ним мне приходит в голову следующее. Но так не говорит никто, и именно это нарушающее анализ воздействие сомнения заставляет считать его продуктом и орудием психического сопротивления. Психоанализ вполне справедливо крайне недоверчив. Одно из его правил гласит: то, что мешает продолжению работы, есть всегда сопротивление.

Забывание сновидений тоже остается до тех пор непонятным, пока к объяснению его не привлекается сила психической цензуры. Чувство, будто ночью снилось очень многое, а запомнилась лишь ничтожная доля всего этого, имеет в целом ряде случаев свой особый смысл: например, то, что хотя деятельность сновидения и длилась всю ночь, но оставила лишь одно короткое сновидение. Иначе невозможно сомнение в том, что сновидение по пробуждении мало-помалу забывается. Очень часто его забываешь, несмотря на напряженные усилия запомнить. Я полагаю, однако, что, подобно тому как степень этого забывания обычно преувеличивается, так преувеличивается и связанная с пробелами в сновидении неполнота его знания. Все, что утрачено в содержании сновидения благодаря забыванию, может быть восстановлено путем анализа; по крайней мере, в целом ряде случаев на основании одного какого-либо сохранившегося обломка можно отыскать, если не само сновидение, да и не о нем идет сейчас речь, а мысли, скрывающиеся за ним. Это требует большой затраты внимания и большого самообладания при анализе; это хотя и все, но тем не менее указывает на то, что забывание сновидения достигает своей враждебной ему цели.

Чрезвычайно убедительное доказательство* тенденциозного, служащего целям сопротивления характера забывания сновидений получается при анализе из рассмотрения предварительной стадия забывания. Нередко случается, что при толковании всплывает неожиданно какая-либо опущенная часть сновидения, которая до того считалась забытой. Эта часть сновидения, вырванная из забвения, почти всегда наиболее важна и существенна. Она стоит на ближайшем пути к разрешению сновидения и потому наиболее подвергалась сопротивлению. Среди примеров сновидений, приведенных мной в предыдущих главах, имеется одно, к которому я лишь

* Ср. о намерении при забывании мою небольшую статью «О психическом механизме забывчивости» в «Monatsschrift fur Psychiatrie und Neurologie», 1898. Впоследствии она была включена в «Психопатологию обыденной жизни».

впоследствии добавил еще одну часть содержания. Это сновидение о мести моей нелюбезной спутнице; вследствие его отчасти циничного содержания я почти не подверг его толкованию. Пропущенное место гласит: *« Я указываю англичанам на одну из книг и говорю: «It is from...» Но поправляюсь тотчас же: «It is by...» Брат замечает сестре: «Он сказал правильно»*.

Автокорректура в сновидении, которая удивляет многих, не заслуживает нашего особого интереса. Относительно ошибок в сновидении я приведу лучше образчик из собственных воспоминаний. Девятнадцати лет я в первый раз попал в Англию и провел целый день на берегу Irish Sea. Я был увлечен, конечно, ловлей оставшихся после отлива морских животных и заинтересовался как раз морской звездой, как ко мне подошла прелестная маленькая девочка и спросила: «Is it a starfish? Is it alive?» Я ответил: «Yes, he is alive»[114]. Но мне стало стыдно своей ошибки, и я повторил фразу правильно. На место ошибки, совершенной мной тогда, сновидение ставит другую, в которую тоже легко впасть немцу. «Das Buch ist *von Schiller*» («Это книга Шиллера») следует перевести при помощи не *from, a by*[115]. То, что деятельность сновидения производит эту замену потому, что *from* благодаря созвучию с немецким прилагательным *fromm* (благочестивый) допускает самое широкое сгущение, нас после всего того, что мы слыхали о намерениях этой деятельности и о ее неразборчивости в выборе средств, удивить не может. Что же означает, однако, это невинное воспоминание о морском береге? Оно показывает на возможно более невинном примере, что я неверно употребляю член в определении рода (he вместо it). Это один из ключей к разрешению сновидения.

Я могу, впрочем, подкрепить доказательство того, что забывание сновидений является результатом сопротивления при помощи demonstratio ad oculos. Один пациент сообщает, что ему что-то снилось, но что он бесследно забыл сновидение. Я приступаю к анализу, наталкиваюсь на сопротивление, разъясняю кое-что пациенту, помогаю ему советами и увещаниями примириться с какой-то неприятной ему мыслью. Едва это

ему удалось, как он восклицает: «А я теперь вспомнил, что мне приснилось!» То же сопротивление, которое мешало ему в эти дни работать, заставило его и забыть сновидение. Я помог ему преодолеть это сопротивление и в то же время вспомнить сновидение.

Точно так же и пациент, достигнув известного пункта работы, может вспомнить сновидение, виденное им три, четыре и более дней назад и сразу же позабытое.

Психоаналитический опыт дает нам и другое доказательство того, что забывание сновидений зависит гораздо больше от сопротивления, чем от той большой пропасти, которая разделяет состояние сна и бодрствования, как полагает большинство авторов. Со мной, как и с другими аналитиками, а также и с пациентами, пользующимися лечением психоанализом, случается нередко, что мы, проснувшись благодаря сновидению, тотчас же вслед за этим в полном обладании своей мыслительной деятельностью приступаем к толкованию сновидения. Я лично в таких случаях не успокаивался до тех пор, пока не разъяснял вполне своего сновидения; тем не менее бывало нередко, что по пробуждении я так же забывал толкование сновидения, как и его содержание, хотя и сознавал превосходно, что мне что-то снилось и что я истолковал свое сновидение. Значительно чаще сновидение уносило в забвение и результат толкования, прежде чем духовной деятельности удавалось зафиксировать сновидение в памяти. Между этим толкованием и бодрствующим мышлением нет, однако, той психической пропасти, которой исключительно исследователи пытаются объяснить толкование сновидений. Если *Мортон Прэнс* [105] возражает против моего толкования забывания сновидений, что это лишь специальный случай амнезии диссоциированных душевных состояний и что невозможность применить мое толкование этой специальной амнезии к другим типам последней доказывает его непригодность и для разрешения его ближайших задач, то этим он напоминает лишь читателю, что он во всем своем исследований таких диссоциированных состояний никогда даже не пытался дать динамическое объяснение этих явлений. Иначе он заметил бы, что

оттеснение, а также и вызываемое им сопротивление представляет собой причину как этих диссоциаций, так и амнезии их психического содержания.

То, что сновидения столь же мало забываются, как и другие душевные акты, и что в отношении их фиксации в памяти они должны быть поставлены наравне с другими психическими функциями, показывает мне наблюдение, которое я сделал при написании этого сочинения. У меня было записано очень много собственных сновидений, которые я в свое время по разным причинам почти или совсем не подвергал толкованию. Некоторые из них год или два спустя я попытался истолковать с целью раздобыть материал для иллюстрации своих утверждений. Эта попытка во всех без исключения случаях мне удавалась; я готов утверждать, что это толкование было легко в течение долгого времени спустя, в течение которого сновидения были свежими переживаниями; я могу объяснить это тем, что я с тех пор преодолел различного рода сопротивление, оказывавшее в то время тормозящее действие. При таких последующих толкованиях я сравнивал тогдашние результаты мыслей, скрывающихся за сновидениями, с нынешними, значительно более богатыми содержанием, и не находил никакой перемены. Вскоре, однако, я перестал удивляться этому: я подумал, что у своих пациентов я уже давно научился точно так же и с таким же успехом толковать сновидения, которые они мне случайно рассказывали, как будто это были сновидения прошедшей ночи. При обсуждении сновидений о страхе я сообщу два примера такого позднего толкования. Когда я первый раз произвел такой опыт, я руководствовался вполне обоснованным предположением, что со сновидением и тут дело обстоит так же, как с невротическим симптомом. Подвергая психоанализу невротика или истерика, я стараюсь найти объяснение симптомам, не только имеющимся в наличии в настоящее время и приведшим его ко мне, но и прежним, давно уже им преодоленным; последняя задача в большинстве случаев, как это ни кажется на первый взгляд странным, значительно легче. Уже в «Исследовании истерии», появившемся в печати в 1895 г., я сообщил разъяснение первого припадка истерического страха, испытанного 45-летней женщиной в возрасте 18 лет.

Вне связи с изложением я приведу здесь еще несколько указаний относительно толкования сновидений, которые, быть может, помогут ориентироваться читателю, желающему проконтролировать меня анализом своих сновидений.

Едва ли кто-нибудь думает, что толкование сновидений — дело очень простое. Уже для фиксирования эндоптических и других явлений, обычно ускользающих от внимания ощущений, необходима известная опытность, несмотря на то что ни один психический мотив не сопротивляется этой группе восприятий. Овладеть «нежелательными представлениями» неизмеримо труднее. Кто захочет сделать это, тот проникнется ожиданиями, о которых идет речь на этих страницах; следуя даваемым мной указаниям, он будет стараться подавлять в себе во время работы всякую критику, всякую предвзятость, всякое аффективное или интеллектуальное пристрастие. Он будет помнить правило, выставленное Клодом Бернаром для работающих в физиологической лаборатории: работай как зверь! — т.е. не только так же прилежно, но и так же не заботясь о результатах. Кто последует этому правилу, тому задача эта не покажется уже такой трудной. Кроме того, толкование сновидения не совершается сразу; нередко чувствуешь, что твоя аналитическая способность истощена, что сновидение в этот день не скажет тебе ничего уже больше; в этом случае самое лучшее — бросить и продолжить работу на следующий день. Тогда другая часть содержания сновидения сможет привлечь к себе внимание, и будет найден доступ к новому слою мыслей, скрывающихся за сновидением.

Труднее всего внушить новичку в толковании сновидений то, что его работа отнюдь не завершается, когда он находит исчерпывающее толкование сновидения, остроумное, связное и разъясняющее ему все элементы его содержания. То же сновидение может допустить еще и другое толкование, ему сразу не удавшееся. Я вполне

согласен с тем, что очень трудно составить себе представление об обилии в нашем мышлении бессознательных мыслей, упорно старающихся найти себе выражение, и что не менее трудно поверить в способность деятельности сновидения многосмысленной формой выражения всякий раз как бы убивать зараз семь мух, все равно как портновский подмастерье в сказке. Читатель будет склонен всегда упрекнуть автора в том, что он попусту расточает свое остроумие, но впоследствии он сам убедится в своей ошибке.

На вопрос о том, может ли быть истолковано каждое сновидение, следует ответить отрицательно. Не нужно забывать того, что при толковании приходится бороться с психическими силами, повинными в искажении сновидения. Ввиду этого — просто вопрос соотношения сил, может ли субъект преодолеть внутреннее сопротивление своим интеллектуальным интересом, своей способностью к самообладанию, своими психическими познаниями и своей опытностью в толковании сновидений. До некоторой степени это возможно всегда: почти всегда субъекту удается убедиться в том, что сновидение — осмысленный феномен, а также в большинстве случаев и догадаться о сущности этого смысла. Очень часто последующее сновидение дает возможность констатировать правильность и продолжить толкование предыдущего. Целый ряд сновидений, продолжающихся несколько недель или месяцев, покоится часто на одинаковом базисе; все они должны быть подвергнуты толкованию сообща. В двух следующих друг за другом сновидениях можно нередко подметить, как центральным пунктом одного служит то, на что в другом имеется лишь неясное указание и, наоборот, так что оба таких сновидения дополняют друг друга и в толковании. То, что различные сновидения одной и той же ночи должны рассматриваться при толковании как одно целое, я доказал уже на примерах.

В сновидениях, допускающих самое наглядное толкование, приходится очень часто оставлять какую-либо часть неразъясненной, так как при толковании мы замечаем, что там имеется клубок мыслей, который не внес никаких новых элементов в содержание сновидения. Это пуповина сновидения, то место, в котором оно соприкасается с неопознанным. Мысли, которые скрываются за сновидением и которые всплывают при его толковании, должны оставаться незавершенными и расходиться во все стороны сетевидного сплетения нашего мышления. Над самой густой частью этой сети и возвышается желание сновидения.

Возвращаемся к забыванию сновидений. Мы не сделали еще из него одного важного вывода. Если бодрствующее состояние обнаруживает несомненное намерение забыть сновидение, образованное во время сна, либо целиком по пробуждении, либо же частями в течение дня, и если главным виновником этого забывания мы считаем психическое сопротивление сновидению, которое уже ночью сделало свое дело по отношению к последнему, то возникает вопрос, что же, в сущности, вопреки этому сопротивлению дало возможность образоваться сновидению. Возьмем наиболее крайний случай, когда бодрствование устраняет сновидение, как будто его вообще не было. Если при этом мы примем во внимание деятельность психических сил, то должны будем сказать, что сновидение вообще бы не образовалось, если бы сопротивление ночью было бы столь же упорно, как днем. Отсюда следует, что сопротивление ночью утрачивает часть своей силы. Мы знаем, что оно не было устранено целиком: мы нашли следы его участия в искажении сновидения при образовании последнего. Но мы видим ясно, что ночью оно было не так упорно, что именно благодаря этому ослаблению сопротивления и образовалось сновидение; и мы легко понимаем, что оно, будучи восстановлено по пробуждении во всей полноте своей силы, тотчас же устраняет то, что приходилось ему допускать, пока оно было чересчур слабо. Описательная психология учит нас, что главнейшим условием образования сновидений является сонное состояние души; мы могли бы пояснить это следующим: состояние сна дает возможность образования сновидений, понижает и ослабляет эндопсихическую цензуру.

Мы испытываем, конечно, искушение считать это положение единственно возможным выводом из факта за-

бывания сновидений и вывести из него дальнейшие заключения относительно распределения энергии в состояниях сна и бодрствования. Но пока мы этого делать не будем. Углубившись немного в психологию сновидения, мы узнаем, что допущение образования сновидений может быть охарактеризовано еще и иначе. Сопротивления осознаванию мыслей, скрывающихся за сновидением, можно избегнуть и без понижения его интенсивности. Очевидно, что оба момента, благоприятствующие образованию сновидений, ослабление и обход сопротивления возможны благодаря состоянию сна. Пока мы прервем обсуждение этого вопроса, чтобы скоро вновь вернуться к нему.

Есть еще другой ряд возражений против нашего метода толкования сновидений, которыми мы должны заняться сейчас. Мы поступаем ведь следующим образом: мы опускаем все целевые представления, господствующие обычно над нашим мышлением, обращаем свое внимание на какой-либо элемент сновидения и замечаем, какая из наших нежелательных мыслей соответствует ему. Затем мы берем следующую составную часть содержания сновидения, повторяем над ней ту же работу и, не обращая внимания на тот путь, на который увлекают нас мысли, устремляемся вслед за ними. При этом мы все время твердо уверены в том, что в конце концов без всякого содействия с нашей стороны мы придем к мыслям, из которых возникло сновидение. Против этого критика возражает приблизительно следующее. В том, что каждый элемент сновидения приводит к чему-либо определенному, нет ничего удивительного. С каждым представлением можно что-либо связать по ассоциации; странно только, что при этом бесцельном и произвольном мышлении доходят как раз до мыслей, скрывающихся за сновидением. По всей вероятности, это просто самообман; от одного элемента следуют по ассоциативной цепи до тех пор, пока она без всякой видимой причины неожиданно не обрывается; когда затем включается второй элемент, то вполне естественно, что первоначальная неограниченность ассоциации претерпевает сужение. Прежняя нить мыслей свежа еще в памяти и

потому при анализе второго представления легче можно найти отдельные мысли, которые имеют нечто общее и со звеньями первой цепи. При этом аналитик уговаривает себя, что ему удалось найти мысль, которая служит узловым пунктом между двумя элементами сновидения. Так как обычно при соединении мыслей позволяют себе всякие вольности и, в сущности, исключают лишь переходы от одного представления к другому, вступающие в силу при нормальном мышлении, то, в конце концов, не трудно уже из ряда «промежуточных мыслей» состряпать что-нибудь, что именуется затем мыслями, скрывающимися за сновидением, и выдается бездоказательно за психический базис сновидения. Во всем тут, однако, царит произвол и остроумное использование случайности, и каждый, кто решится на такого рода бесцельный труд, сумеет дать любое толкование любому сновидению.

В ответ на такие возражения мы можем сослаться на впечатления от вашего толкования сновидений, на неожиданную и примечательную связь с другими элементами сновидения, которая обнаруживается при прослеживании отдельных представлений, и на невероятность того, что нечто, что так исчерпывающе полно раскрывает сновидение, как наше толкование может быть достигнуто иначе, чем раскрытием ранее составленных психических соединений. В свою защиту мы могли бы сказать еще, что наш метод толкования сновидений идентичен с методом «разрешения» истерических симптомов, где правильность метода подтверждается появлением и исчезновением симптомов, где, таким образом, разъяснение текста опирается на сопутствующие иллюстрации. Мы не имеем, однако, основания избегать проблемы, каким образом благодаря прослеживанию произвольно и бесцельно развивающейся цепи мыслей достигается вполне определенная цель, — эту проблему мы можем, хотя и не разрешить, но зато всецело устранить.

Дело в том, что, безусловно, неправильно утверждение, будто мы прослеживаем бесцельный ход представлений, если, как при толковании сновидений, застав-

ляем появляться наружу нежелательные представления. Можно доказать, что мы всегда можем отказываться лишь от известных нам целевых представлений и что вместе с исчезновением последних появляются неизвестные, или, как мы их неправильно называем, бессознательные целевые представления, которые и обусловливают затем течение нежелательных представлений. Мышления без целевых представлений, благодаря воздействию нашей собственной душевной жизни, вообще не существует: я не знаю даже и того, при каких состояниях психической неуравновешенности оно вообще мыслимо. Психиатры слишком рано отказались здесь от прочности психической сети. Я знаю, что беспорядочный ход мыслей, лишенный целевых представлений, столь же редко проявляется при образовании истерии и паранойи, как и при образовании или толковании сновидений. При эндогенных психических заболеваниях [116] он вообще, может быть, не имеет места; даже бред умалишенных, по остроумному предположению *Лере*, вполне осмыслен и непонятен для нас лишь благодаря его отрывочности. При своих наблюдениях я приходил к аналогичным заключениям. Бред — результат деятельности цензуры; она не дает себе больше труда скрывать эту деятельность и вместо того, чтобы способствовать переработке, беспощадно отбрасывает все, что идет против нее; остающееся и кажется нам непонятным и бессвязным [117].

Свободное передвижение представлений по любой ассоциативной цепи проявляется, быть может, при деструктивных органических мозговых процессах; что разумеется под этим, при психоневрозах может быть раз и навсегда объяснено воздействием цензуры на ряд мыслей, который выдвигается на передний план продолжающими быть скрытыми целевыми представлениями*. Несомненным признаком ассоциации, лишенной целевых представлений, считалось то, когда появляющиеся представления (или образы) связывались, по-видимому,

* См. блестящее доказательство этого положения у К. Юнга. «К психологии dementia praecox» (раннего слабоумия).

между собой узами так называемых поверхностных ассоциаций, т.е. при помощи созвучия, словесной двусмысленности, совпадения по времени вне отношения к смыслу, словом, при помощи всех тех ассоциаций, которыми мы пользуемся в анекдотах и в игре слов. Этот признак относится к тем соединениям мыслей, которые от отдельных элементов содержания сновидений приводят нас к «коллатералям», а отсюда уже к истинным мыслям, скрывающимся за сновидениями; во многих анализах мы встречались с примерами этого, и они, вполне естественно, должны были вызывать наше удивление. Ни одна ассоциация не считалась при этом ничтожной, ни одна острота не казалась настолько незначительной, чтобы не послужить мостом от одной мысли к другой. Однако правильное понимание такой снисходительности не представляет труда. Всякий раз, как какой-нибудь психический элемент связывается с другим при помощи странной и поверхностной ассоциации, имеется еще и другая более естественная и глубокая связь между тем и другим, претерпевающая сопротивление цензуры.

Гнет цензуры, а не устранение целевых представлений служит причиной преимущественного господства поверхностных ассоциаций [118]. Поверхностные ассоциации замещают в изображении более глубокие, когда цензура делает недоступными эти нормальные пути соединения. Это похоже на то, как если какая-нибудь катастрофа, например, наводнение, преграждает в горах все большие широкие дороги; сообщение поддерживается тогда по неудобным и крутым пешеходным тропинкам, по которым бродит обычно только охотник.

Тут можно различить два случая, которые, в сущности, сливаются воедино. Или цензура направляется лишь против соединения двух мыслей, из которых каждая в отдельности не возбуждает ее протеста. Тогда обе мысли входят в сознание по очереди; их связь остается скрытой, но зато мы замечаем поверхностную связь между ними, которая иначе не пришла бы нам в голову и которая обычно исходит из другого пункта комплекса представлений, чем тот, из которого исходит подавленное,

но существенное предеставление. Или же обе мысли сами по себе ввиду своего содержания подлежат цензуре; в этом случае обе они предстают не в правильной, а в модифицированной форме: мысли, заменяющие их, избираются таким образом, что при помощи поверхностной ассоциации выражают ту существенную связь, в которой находятся заменяемые ими мысли. Под гнетом цензуры в обоих случаях происходит смещение с нормальной естественной ассоциации к поверхностной и представляющейся абсурдной.

Учитывая это смещение, мы спокойно доверяемся при толковании сновидения и поверхностной ассоциации *.

Психоанализ неврозов широко пользуется обоими этими положениями: как тем, что с устранением сознательных целевых представлений господство над ходом представлений переходит на таковые же скрытые, так и тем, что поверхностные ассоциации лишь заменяют собой подавленные и более глубокие; оба эти положения служат даже основой всей техники этого психоанализа. Когда я заставляю пациента отбросить все размышления и рассказать мне, что приходит ему в голову, то я предполагаю при этом, что он не может отогнать от себя представлений о цели лечения, и считаю себя вправе заключить отсюда, что все то мнимо невинное и произвольное, о чем он мне сообщает, стоит в связи с его болезненным состоянием. Второе целевое представление, о котором пациент не догадывается, это представление обо мне. Полная оценка и подробное рассмотрение этого вопроса относится ввиду этого к изложению психоаналитической техники как терапевтического метода. И тут

* Те же соображения относятся, разумеется, и к тому случаю, когда поверхностные ассоциации проявляются в самом содержании сновидения, как, например, в обоих сновидениях, сообщенных *Мори* (см. выше pelerinage — Pelletier — pelle, километр — килограмм — Гилоло — лобелия — Лопец — лото). Из анализов невротиков я знаю, какое воспоминание находит себе обычно выражение при этом: воспоминание о чтении энциклопедического словаря (и словаря вообще), из которого большинство в период зрелости удовлетворяет свое любопытство относительно раскрытия половых тайн.

мы подошли к одному из пунктов, выходящих за пределы проблемы толкования сновидений.

Лишь одно возражение из всех вышеуказанных действительно справедливо: то, что мы вовсе не должны переносить в деятельность сновидения всех элементов толкования последнего. При толковании в бодрствующем состоянии мы идем по пути, который от элементов сновидения ведет обратно к мыслям, скрывающимся за ним. Деятельность сновидения шла обратным путем, и вовсе не так уже вероятно, что эти пути доступны и в обратном направлении. При ближайшем рассмотрении оказывается, что в бодрствующем состоянии мы прокладываем пути через новые соединения мыслей, и пути эти то тут, то там соприкасаются с промежуточными мыслями, скрывающимися за сновидениями. Мы видим, как свежий материал дневных мыслей включается в ряды толкования; по всей вероятности, и повышенное сопротивление заставляет нас искать новых, более отдаленных обходных путей. Число и характер промежуточных мыслей, появляющихся днем, не имеет, однако, ровно никакого значения в психологическом отношении, если только они ведут нас по направлению к искомым мыслям, лежащим в основе сновидения.

б) *Регрессия.* Теперь, оградив себя от возможных возражений или, по крайней мере, указав, откуда брать орудия для защиты от них, мы можем перейти непосредственно к психологическому исследованию, к которому мы уже достаточно долго подготавливались. Резюмируем же, прежде всего, выводы нашего предшествующего изложения. Сновидение — полноценный психический акт; его движущей силой служит стремящееся к удовлетворению желание; скрытая форма последнего, а также и многочисленные странности и абсурдности сновидения проистекают от воздействия психической цензуры, которое испытывает оно при своем образовании; помимо необходимости избегнуть цензуры, его образованию способствует необходимость сгущения психического материала, степень изобразительности, а иногда и стремление принять рациональную форму. От ка-

ждого из этих условий путь ведет далее к психологическим требованиям; необходимо подвергнуть рассмотрению взаимозависимость мотива желания и четырех этих условий, а также и последних между собой и, наконец, включить сновидение в общее целое душевной жизни.

В начале этой главы мы сообщили сновидение, чтобы напомнить о загадке, разрешение которой нам еще предстоит. Толкование этого сновидения о горящем ребенке не доставило нам никаких трудностей, хотя и было произведено не совсем согласно нашему методу. Мы задались вопросом, почему субъекту вообще что-то приснилось, вместо того чтобы он проснулся, и увидели, что мотивом сновидения послужило желание представить себе еще раз ребенка живым. Что тут играет роль еще одно желание, мы увидим ниже. Таким образом, мыслительный процесс сна превратился в сновидение, прежде всего, ради осуществления желания.

Помимо последнего остается только одна особенность, отличающая оба вида психической жизни. Мысль, скрывающаяся за сновидением, гласит: я вижу свет в комнате, в которой лежит тело. Быть может, упала свеча и ребенок загорелся. Сновидение передает в неизмененном виде результат этой мысли, но изображает его в форме ситуации, которая должна быть воспринята в настоящем времени и в качестве переживания в состоянии бодрствования. Это является, однако, общей и характернейшей особенностью сновидения; мысль, обычно желаемая, объективируется в сновидении, изображается в виде ситуации или, как нам кажется, нами переживается. Чем же объясняется эта характерная особенность сновидения, или, выражаясь скромнее, каким образом включить сновидение в общую цепь психических явлений?

При ближайшем рассмотрении мы замечаем, что в изобразительной форме сновидения обнаруживаются две почти независимые друг от друга черты. Первая — это изображение в форме настоящей ситуации с опущением «быть может», «вероятно». Вторая — превращение мысли в зрительные образы и речь.

Преобразование, испытываемое мыслями, скрывающимися за сновидением, благодаря тому что выражаемое ими ожидание переносится в настоящее время, в этом сновидении как раз не особенно бросается в глаза. Это обусловливается особой, в сущности лишь второстепенной, ролью осуществления желания в этом сновидении. Возьмем другое сновидение, в котором желание не отличается от продолжения бодрствующей мысли во сне, например, об инъекции Ирме. Здесь в мысли, получающей изображение в сновидении, мы находим желательное наклонение: ах, если бы Отто был виноват в болезни Ирмы! Сновидение устраняет желательное наклонение и заменяет его настоящим временем: да, Отто виноват в болезни Ирмы. Это, таким образом, первое из превращений, которое и свободное от искажений сновидение производит с мыслями, скрывающимися за ним. На этой первой особенности сновидения мы, однако, долго останавливаться не будем. Мы покончим с ней, указав на сознательную фантазию, на дневное сновидение, которое точно так же поступает с кругом своих представлений. Если г. *Жуайезу* Доде праздно разгуливает по улицам Парижа в то время, как его дочери думают, что он на службе, то он тоже в *настоящем* времени фантазирует о всевозможных событиях и случайностях, которые помогут ему найти должность. Таким образом, сновидение пользуется настоящим временем точно так же и с тем же правом, как и сознательная фантазия. Настоящее время — категория, в которой желание изображается в осуществленной форме.

Для сновидения, в отличие от сознательной фантазии, характерна вторая особенность, та, что представления не продумываются, а превращаются в чувственно воспринимаемые образы, в которые грезящий верит и которые, как ему кажется, он переживает. Добавим, однако, что не во всех сновидениях имеется превращение представлений в образы; есть сновидения, которые состоят только из мыслей, но за которыми все же нельзя отрицать характера сновидений. Мое сновидение «автодидаскер» — как раз такое: в нем имеется едва ли больше чувственных элементов, чем если бы я продумал его содержание днем, наяву. Кроме того, в каждом более или менее продолжительном сновидении есть эле-

менты, которые не претерпевают превращения и которые попросту продумываются или осознаются, как мы привыкли к тому в бодрствующем состоянии. Далее, мы тут же обратим наше внимание на то, что такое превращение представлений в чувственные образы производится не только сновидением, но в равной мере и галлюцинациями и видениями, которые наблюдаются либо в здоровом состоянии, либо же являются симптомами психоневрозов [119]. Короче говоря, взаимоотношение, рассматриваемое нами, отнюдь не носит исключительного характера; несомненно, однако, что эта особенность сновидения кажется нам примечательной, так что мы не можем представить себе сновидение без нее. Понимание этой особенности требует, однако, особенного разъяснения.

Из всех замечаний относительно теории сновидения у различных ученых я приведу здесь одно, которое представляется мне безусловно справедливым. Великий *Фехнер* [25] в своей «Психофизике» высказывает по поводу сновидения следующее предположение: поле действий у сновидения иное, нежели у бодрствующего мышления. Ни одна другая гипотеза не дает возможности уяснить себе специфические особенности сновидения.

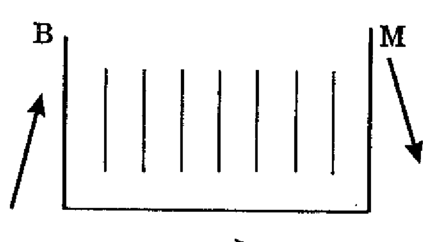
Тем самым мы подходим к идее *психической локальности*. Мы оставим совершенно в стороне то, что душевный аппарат, о котором здесь идет речь, известен нам в качестве анатомического препарата, и постараемся избегнуть искушения определить психическую локальность в каком-либо анатомическом смысле [120]. Мы останемся на психологической почве и представим себе только, что инструмент, служащий целям душевной деятельности, является чем-то вроде сложного микроскопа, фотографического аппарата и т.п. Психическая локальность соответствует той части этого аппарата, в которой осуществляется одна из предварительных стадий образа. В микроскопе и подзорной трубе это, как известно, лишь идеальные точки и плоскости, в которых не расположено никаких конкретных составных частей аппарата. Просить извинения за несовершенство этих и всех аналогичных сравнений я считаю излишним. Они

должны лишь помочь нашей попытке разъяснить всю сложность психической деятельности: мы разложим ее на отдельные части и поставим их в соответствие отдельным частям аппарата. Попытка определить структуру душевного инструмента при помощи такого разложения, насколько мне известно, никогда не производилась. Она кажется мне безусловно невинной. Я полагаю, что мы можем дать полную свободу нашим предположениям, если только сохраним при этом наш трезвый рассудок и не сочтем остов за здание. Так как нам для приближения к неизвестному нужны лишь вспомогательные представления, то, прежде всего, мы выставим наиболее конкретные и грубые предположения.

Мы представляем себе, таким образом, психический аппарат в виде сложного инструмента, составные части которого мы назовем *инстанциями*, или, наглядности ради, *системами*. Далее, предположим, что эти системы находятся в постоянном пространственном соотношении друг с другом, все равно как расположены, например, различные системы оптических стекол в подзорной трубе. Строго говоря, нам вовсе не нужно предлагать какое-либо реальное пространственное расположение психических систем. Достаточно, если какой-либо определенный порядок создается тем, что при известных психических процессах возбуждение с определенной последовательностью во времени проходит по всем этим системам. Эта последовательность при других процессах может претерпевать изменения, эту возможность необходимо допустить. Составные части аппарата мы краткости ради будем называть «Ψ-системами».

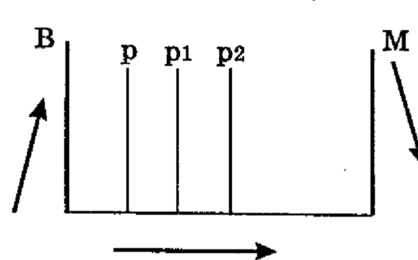
Первое, что нам бросается в глаза, это то, что этот аппарат, состоящий из Ψ-систем, имеет определеннее направление. Вся наша психическая деятельность исходит из (внутренних или внешних) раздражений и заканчивается иннервациями. Тем самым мы утверждаем, что у аппарата имеются два конца, чувствующий и моторный. На чувствующем находится система, получающая восприятия, на моторном — другая, раскрывающая шлюзы движения. Психический процесс протекает всегда от воспринимающего конца к моторному. Общая

схема психического аппарата представляется, таким образом, в следующем виде:



Это является, однако, лишь осуществлением давно уже знакомого нам требования, чтобы психический аппарат по конструкции напоминал рефлекторный аппарат. Рефлекторный процесс служит образцом всякой психической деятельности.

Предположим, что на воспринимающем конце совершается какая-либо дифференциация. Восприятия, получаемые нами, оставляют в нашем психическом аппарате след, который мы назовем «воспоминанием». Функция, относящаяся к воспоминанию, именуется памятью. Если мы серьезно отнесемся к намерению связать психические процессы с системами, то воспоминания предстанут перед нами в виде продолжительных изменений отдельных элементов систем. В дальнейшем возникает, однако, затруднение: система должна сохранять в точности изменения своих элементов и в то же время должна быть готова к восприятию новых поводов к изменениям. Согласно принципу, руководящему нашим опытом, мы распределим обе эти функции на различные системы. Мы предположим, что первая система аппарата получает восприятия, но не сохраняет их и не обладает, следовательно, памятью, и что за ней расположена вторая система, превращающая мгновенные раздражения первой в прочные следы воспоминания. Тогда картина нашего психического аппарата представится в следующем виде:



Мы знаем, что восприятия, действующие на систему В, оставляют в нас не только свое содержание, но и еще

нечто. Восприятия представляются нам связанными друг с другом в памяти, связью их служит, главным образом, их совпадение во времени. Это мы называем фактом ассоциации. Ясно, что если система В не обладает памятью, то она не может сохранять и следов для ассоциации; отдельные элементы В были бы парализованы в своих функциях, если бы новому восприятию помешал остаток прежней связи. Основой ассоциации нам приходится считать скорее систему воспоминаний. Факт ассоциации состоит тогда в том, что вследствие воздействия сопротивления раздражение от одного из элементов Р передается второму, а не третьему [121].

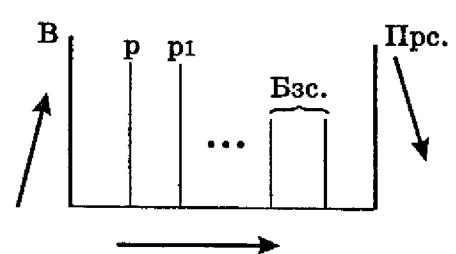
При ближайшем рассмотрении мы считаем нужным предположить наличие не одной, а нескольких систем Р, в которых одно и то же раздражение, переданное элементами В, претерпевает различное фиксирование. Первая из этих систем Р будет содержать в себе фиксацию ассоциации по одновременности, в следующих же тот же самый материал будет расположен по другим видам совпадения, так что эти последующие системы изобразят соотношения подобия и пр. Излишне, конечно, выяснять психическое значение этой системы. Характеристика ее заключается в тесной связи ее с элементами сырого материала воспоминаний, иначе говоря, согласно более исчерпывающей теории, в модификациях сопротивления по отношению к этим элементам.

Включим сюда одно замечание общего характера, указывающее, быть может, на нечто важное. Система В, не способная сохранять изменения, т.е. не обладающая памятью, дает нашему сознанию все многообразие чувственных восприятий. Напротив того, наши воспоминания, не исключая и самых глубоких, сами по себе бессознательны. Их можно довести до сознания; но не подлежит сомнению, что именно в бессознательном состоянии они проявляют все свое действие. То, что мы называем нашим характером, основывается на воспоминаниях о впечатлениях, как раз о тех, которые оказали на нас наиболее сильное действие, на впечатлениях нашей ранней молодости, обычно никогда не доходящих до сознания. Когда эти воспоминания дохо-

дят до сознания, они не обнаруживают никакого чувственного характера или во всяком случае очень ничтожный по сравнению с восприятиями. Если бы можно было доказать, что память и качество взаимно исключают друг друга для сознания в Ψ-системах, то мы могли бы установить условия раздражения неврозов.

То, что мы говорили до сих пор о конструкции чувствующего конца психического аппарата, не имело отношения к сновидению и к выводимым из него психологическим данным. Для уяснения же характера другой части психического аппарата сновидение может послужить нам источником доказательств. Мы видели, что не можем объяснить образование сновидения без допущения наличия двух психических инстанций, из которых одна подвергает деятельность другой строгой критике, результатом чего и служит недопущение в сознание.

Критикующая инстанция, говорили мы, ближе соприкасается с сознанием, чем критикуемая. Она, точно ширма, стоит между последней и сознанием. Мы нашли, далее, основание отождествить критикующую инстанцию с тем, что направляет нашу бодрствующую жизнь и обусловливает нашу свободную, сознательную деятельность. Если мы эти инстанции заменим в духе нашей гипотезы системами, то благодаря только что упомянутому заключению критикующая система отодвинется к моторному концу. Занесем обе эти системы в нашу схему и выразим их наименованиями их отношение к сознанию.



Последнюю из систем на моторном конце мы называем предсознательной, чтобы указать на то, что процессы раздражения в ней без всякой дальнейшей задержки могут доходить до сознания, если удовлетворены помимо этого еще некоторые условия, например, достижение известной степени интенсивности, некоторое распределение той функции, которая именуется вниманием и т.п. Это одновременно и та система, в руках которой имеется ключ к произвольной моторности. Систему позади нее мы называем бессознательной, так как она не имеет другого доступа к сознанию, кроме как через посредство предсознательной; при этом прохождении ее процессу раздражения приходится претерпевать различного рода изменения.

К какой же из этих систем отнесем мы образование сновидений? Простоты ради отнесем ее к системе Бзс. В дальнейшем изложении мы увидим, правда, что это не совсем правильно, что образование сновидений вынуждено соприкасаться с мыслями, относящимися к системе предсознательного. Говоря о желании сновидения, мы увидим, однако, что движущая сила сновидения исходит из системы Бзс. Ввиду именно этого мы и берем исходным пунктом сновидения бессознательную систему. Это возбуждение сновидения, подобно всем другим раздражениям, обнаруживает стремление проникнуть в систему Прс., а оттуда проложить путь и в сознание.

Наблюдения показывают, что днем путь, ведущий из предсознательного в сознание, закрыт для мыслей, скрывающихся за сновидением, благодаря цензуре сопротивления. Ночью же они прокладывают себе путь к сознанию. Возникает, однако, вопрос, каким образом и вследствие какого их изменения? Если это происходило бы вследствие того, что ночью ослабевает сопротивление, которое находится на границе бессознательного и предсознательного, то мы получали бы сновидения в материале наших представлений, которые не носили бы интересующего нас галлюцинаторного характера.

Ослабление цензуры между системами Бзс. и Прс. могло бы объяснить, следовательно, образование лишь таких сновидений, как «автодидаскер», но отнюдь, например, не сновидение о горящем ребенке, которое мы поставили в начале этой главы, как отражающее основную проблему.

То, что происходит в галлюцинаторном сновидении, мы можем выразить только следующим образом. Раз-

дражение протекает обратным путем. Вместо моторного конца аппарата оно устремляется к чувствующему и достигает наконец системы восприятий. Если направление, по которому протекает в бодрствующем состоянии психический процесс из бессознательного, мы назовем прогредиентным, то характер сновидения мы должны будем назвать регредиентным.

Эта регрессия является, безусловно, одной из важнейших психологических особенностей процесса сновидения; но мы не должны все же забывать, что она свойственна не только сновидению. Намеренное воспоминание и другие частичные процессы нашего нормального мышления соответствуют обратному отодвиганию какого-либо сложного акта представлений к сырому материалу воспоминаний, лежащих в его основе. В бодрствующем состоянии, однако, это образное отодвигание никогда не идет дальше воспоминаний, оно не может вызвать галлюцинаторного оживления воспринятых образов. Почему же в сновидении дело обстоит иначе? Когда мы говорили о процессе сгущения в сновидении, мы не могли избегнуть предположения, что интенсивность отдельных представлений благодаря деятельности сновидения переносится с одного на другое. По всей вероятности, это изменение психического процесса и дает возможность занять систему В вплоть до полной чувственной живости в обратном направлении.

Я надеюсь, что мы далеки от того, чтобы заблуждаться относительно значения этих положений. Мы ограничились только тем, что дали наименование необъяснимому явлению. Мы говорили о регрессии, когда в сновидении представление превращается обратно в чувственный образ, из которого оно когда-то составилось. Но к чему наименование, когда оно ничего не разъясняет? Я полагаю, однако, что название «регрессия» оказывает нам пользу постольку, поскольку оно связывает известный нам факт со схемой душевного аппарата, имеющего определенное направление.

Эта схема разъясняет нам еще одну особенность образования сновидений. Если процесс сновидения рассматривать как регрессию внутри предположенного на-

ми душевного аппарата, то становится понятным тот эмпирически установленный факт, что все соотношения мыслей исчезают при деятельности сновидения или же находят себе лишь неотчетливое, смутное выражение. Эти соотношения содержатся не в первых системах Р нашей схемы, а в последующих; при регрессии вплоть до воспринятых образов они утрачивают свое выражение. Связь мыслей, скрывающихся за сновидением, утрачивается при регрессии к сырому материалу.

Вследствие каких же изменений становится возможной регрессия, невозможная днем? Здесь идет речь, вероятно, об изменении распределения энергии в отдельных системах, благодаря которому они становятся более или менее доступными для прохождения возбуждения; но в любом таком аппарате тот же самый эффект мог бы быть достигнут не только одним рядом таких изменений. Тут тотчас же возникает, конечно, мысль о состоянии сна и тех изменениях, которые вызывает он на чувствующем конце аппарата. Днем совершается постоянное устремление из системы Ψ-восприятий к моторности; ночью оно прекращается и не может ставить преград обратному течению раздражений. Это то самое «изолирование от внешнего мира», которое, по теории некоторых авторов, должно разъяснять психологический характер сновидения. Однако при объяснении регрессии сновидения приходится считаться с другими регрессиями, совершающимися при болезненных состояниях бодрствования. Эти формы разрушают выставленное нами положение. Несмотря на непрерывное чувствующее течение в прогредиентном направлении, регрессия имеет все-таки место.

Галлюцинации при истерии и паранойе, а также видения психически нормальных лиц соответствуют действительно регрессиям и представляют собой мысли, превратившиеся в образы; это превращение претерпевают лишь те мысли, которые находятся в тесной связи с подавленными и оставшимися бессознательными воспоминаниями. Например, один мой пациент, двенадцатилетний истерик, не может заснуть по вечерам: его пугают «зеленые лица с красными глазами». Источником

этого явления служит подавленное, но в свое время сознательное воспоминание об одном мальчике, которого он четыре года назад часто встречал и который воплощал для него устрашающую картину недостатков, в том числе и онанизма, составляющего для него самого теперь причину постоянных угрызений совести. Мать говорила тогда, что у нехороших детей бывает зеленый цвет лица и красные глаза. Отсюда и кошмарное видение, имевшее, однако, лишь цель напомнить ему другое предсказание его матери, о том, что такие мальчики сходят с ума, не учатся в школе и рано умирают. Мой юный пациент осуществил часть этого пророчества: он остался на второй год в классе и боится, как показал анализ его нежелательных мыслей, осуществления и второй. Лечение, однако, спустя короткое время оказало свое действие: он перестал страдать бессонницей, перестал бояться и благополучно перешел в следующий класс.

Я могу отнести сюда же «разрешение» галлюцинации, о которой сообщила мне одна 40-летняя истеричка и которую она испытала, еще будучи здоровой. Однажды утром она раскрывает глаза и видит в комнате своего брата, который, как ей известно, находится в доме умалишенных. Рядом с ней в постели спит ее маленький сын. Чтобы ребенок не испугался и чтобы с ним не сделались судороги, если он увидит дядю, она прикрывает его одеялом, и в это мгновение видение исчезает. Эта галлюцинация является переработкой одного детского воспоминания пациентки, хотя и сознательного, но стоявшего в теснейшей связи со всем бессознательным материалом в ее душе. Ее нянька рассказывала ей, что ее рано умершая мать (она умерла, когда ей было всего полтора года) страдала эпилептическими или истерическими судорогами; последние появились у нее с тех пор, как ее брат (дядя моей пациентки) напугал ее, явившись в комнату в виде привидения с одеялом на голове. Галлюцинация содержит те же моменты, что и воспоминание: появление брата, одеяло, испуг и его последствия. Эти элементы соединены, однако, в иной форме и приписываются другим лицам. Очевидным мотивом галлюцинации, мыслью, которую она заменяет, была

боязнь, что ее маленький сын, столь похожий на дядю, может разделить его участь.

Оба эти примера все же связаны до некоторой степени с состоянием сна и непригодны, быть может, для доказательства, для которого они мне нужны. Я сошлюсь поэтому на свой анализ паранойных галлюцинаций* и на выводы в неопубликованном еще мною исследовании психологии психоневрозов [122], чтобы подчеркнуть то, что в этих случаях регредиентного превращения мыслей нельзя не учитывать влияния подавленного или оставшегося бессознательным воспоминания, по большей части относящегося к детству. Это воспоминание толкает стоящую с ним в связи мысль, не нашедшую, однако, своего выражения благодаря цензуре, к регрессии, как к той форме изображения, в котором психически оно само присутствует. В качестве вывода из своего изучения истерии я могу привести то, что детские эпизоды (будь то воспоминания или фантазии) в том случае, если удается довести их до сознания, предстают в форме галлюцинаций и лишь после сообщения утрачивают этот свой характер. Известно также, что даже у лиц с плохой памятью воспоминания раннего детства до поздних лет сохраняют характер чувственной живости и отчетливости.

Если принять во внимание, какую роль в мыслях, скрывающихся за сновидением, играют переживания детства или основывающиеся на них фантазии, как часто всплывают отрывки их в содержании сновидения и как часто даже желания выводятся из них, то нельзя и относительно сновидения отрицать возможности того, что превращение мыслей в зрительные образы является результатом «притяжения», которое изображенное в зрительной форме и стремящееся к повторному оживлению воспоминание оказывает на домогающиеся изображения и изолированные от сознания мысли. Согласно этому воззрению сновидение можно определить как измененное, благодаря перенесению на новый материал, возме-

---

* «Дальнейшие замечания о невропсихозах» «Neurologisches Zentralblatt», 1896, № 10.

щение эпизода детства. Последний не может быть возобновлен, ему приходится довольствоваться лишь воспроизведением его в форме сновидения.

Указание на значение эпизодов детства (или их повторений в фантазиях) в качестве своего рода образцов для содержания сновидения делает излишним одно из допущений *Шернера* и его сторонников относительно внутренних источников раздражения. *Шернер* предполагает наличие «зрительного раздражения», внутреннего раздражения органа зрения, когда сновидения обнаруживают особую живость их зрительных элементов или же особое обилие таковых. Нам не нужно вовсе восставать против такого рода допущения, и мы можем удовольствоваться утверждением того, что такое состояние возбуждения относится лишь к психической системе восприятий органа зрения; однако мы скажем все же, что это состояние возбуждения вызывается воспоминанием и представляет собою воскрешение зрительного раздражения, в свое время в достаточной мере ярко выраженного. У меня нет сейчас под рукой ни одного своего примера такого воздействия детского воспоминания; мои сновидения вообще менее богаты чувственными элементами, чем то кажется мне относительно сновидений других лиц; но на примере наиболее красивого и отчетливого из сновидений последних лет я все же сумею с легкостью свести галлюцинаторную отчетливость содержания сновидения к чувственному характеру свежих и недавних впечатлений. Выше я сообщил одно сновидение, отдельные элементы которого — темно-голубой цвет воды, синеватый дым из труб пароходов и яркие краски окрестных строений — произвели на меня глубокое впечатление. Это сновидение скорее всякого другого должно было быть сведено к зрительным раздражениям. Что же повергло, однако, мой орган зрения в такое состояние раздражения? Одно недавнее впечатление, соединившееся с целым рядом прежних. Яркие краски, которые я видел в сновидении, относились к кирпичикам, из которых мои дети накануне сновидения построили большое здание и позвали меня полюбоваться. Сюда же присоединяются и красочные впечатления от последнего путешествия по Италии. Красочность сновидения лишь воспроизводит красоты, сохранившиеся в воспоминании.

Резюмируем то, что мы узнали относительно способности сновидения превращать представления в чувственные образы. Мы не разъяснили, правда, этой особенности деятельности сновидения и не подвели ее под какой-либо общеизвестный закон психологии, а лишь нашли в ней указание на какие-то неизвестные нам факты и дали ей наименование «регредиентного» характера. Мы полагали, что эта регрессия всюду, где она только ни проявляется, представляет собою результат сопротивления, противодействующего как проникновению мысли нормальным путем в сознание, так и одновременному «притяжению», которое оказывают на него резко выраженные воспоминания. В сновидении на помощь регрессии пришло бы, быть может, устранение прогредиентного течения из органов чувств; это вспомогательное средство при других формах регрессий благодаря усилению других регрессивных мотивов должно быть уравновешено. Не забудем упомянуть и о том, что в таких патологических случаях регрессии, как в сновидении, процесс перенесения энергии должен быть иной, чем при регрессии нормальной душевной жизни, так как благодаря ему становится возможной полное галлюцинаторное замещение систем восприятий. То, что при анализе деятельности сновидений мы охарактеризовали как «отношение к изобразительности», следует отнести к подбору зрительно припоминаемых эпизодов, затронутых мыслями, скрывающимися за сновидением.

Эта первая часть нашего психологического исследования сновидения нас мало удовлетворяет. Мы можем утешиться тем, что нам волей-неволей приходится бродить ощупью в потемках. Если мы не совсем впали в заблуждение, то теперь мы с другой точки зрения коснемся того же вопроса в надежде, что на сей раз мы сумеем лучше в нем разобраться.

в) *Осуществление желаний.* Вышеупомянутое сновидение о горящем ребенке дает нам повод разобраться в трудностях, на которые наталкивается учение об осуществлении желаний. Вначале нас, наверное, всех не-

мало удивило, что сновидение есть не что иное, как осуществление желания, и не только ввиду того противоречия, которое воплощают собой в данном случае сновидения о страхе. Убедившись из первого же анализа, что позади сновидения скрывается известный смысл и некоторая психическая ценность, мы отнюдь не ожидали такого одностороннего определения этого смысла. По вполне правильному, но слишком лаконичному определению *Аристотеля*, сновидение — это мышление, продолженное в состоянии сна. Но если наше мышление создает и днем столь разнообразные психические акты, суждения, умозаключения, опровержения, предположения, намерения и т.п., то что же вынуждает его ночью ограничиваться созданием этих только желаний. Разве нет целого ряда сновидений, которые используют совершенно другой психический акт, например, озабоченность, и разве вышеописанное, чрезвычайно прозрачное сновидение о ребенке не носит именно такого характера? Свет, падающий к нему на лицо в состоянии сна, заставляет его сделать вывод, что упала свеча и что тело покойника могло загореться; этот вывод он превращает в сновидение, облекает его в форму данной ситуации и настоящего времени. Какую же роль играет тут осуществление желания и как можно тут не заметить преобладающего влияния мысли, продолженной здесь из бодрствующего состояния или вызванной новым чувственным впечатлением?

Все это совершенно правильно, и мы должны сейчас коснуться более подробно роли осуществления желания в сновидении и значения бодрствующей мысли, продолженной в сновидении.

Как раз осуществление желания и побудило нас разделить сновидения на две группы. Мы видели, что одни сновидения оказывались вполне очевидным осуществлением желания, и что другие всеми средствами старались скрыть наличие этого элемента. В последних мы заметили следы деятельности цензуры. Сновидения, содержащие явные неискаженные желания, встречаются преимущественно у детей; короткие аналогичные сновидения наблюдаются, *по-видимому*, и у взрослых.

Мы можем задаться вопросом, откуда всякий раз проистекает желание, осуществляющееся в сновидении? Однако к какому противоречию или к какому разнообразию относим мы это «откуда»? Я полагаю, что только к противоречию между ставшей сознательной дневной жизнью и между оставшейся бессознательной психической деятельностью, могущей обнаружиться лишь ночью. Тем самым я усматриваю три возможности происхождения желания. Оно может: 1) пробудиться днем и вследствие внешних обстоятельств не найти себе удовлетворения; в этом случае ночью проявляется признанное и неосуществленное желание; 2) оно может возникнуть днем, но претерпеть устранение; перед нами тогда неосуществленное, но подавленное желание; или же 3) оно может не иметь отношения к бодрствующей жизни и относиться к тем же желаниям, которые лишь ночью пробуждаются в нас из подавленного состояния. Возвращаясь к нашей схеме психического аппарата, мы можем отнести желание первого рода к системе Прс. Относительно желания второго рода мы предполагаем, что оно из системы Прс. отодвинуто в систему Бзс. и там зафиксировано. Что касается, наконец, желания третьего рода, то мы полагаем, что оно вообще не способно выйти за пределы системы Бзс. Спросим же себя, обладают ли желания, проистекающие из этих различных источников, одинаковой ценностью для сновидения и одинаковой способностью вызвать таковое?

Обзор сновидений, имеющихся в нашем распоряжении для ответа на наш вопрос, побуждает нас, прежде всего, добавить в качестве четвертого источника еще и интенсивные желания, проявляющиеся ночью (например, жажду, половую потребность). Тем самым мы убеждаемся в том, что происхождение желания отнюдь не меняет его способности вызывать сновидение. Я напомню хотя бы сновидение девочки, содержащее в себе продолжение прерванной днем морской поездки, и другие детские сновидения; они разъясняются неосуществленным, но неподавленным дневным желанием. Примеров того, что подавленное днем желание находит себе выражение в сновидении, можно привести великое множество; наипростейшее сновидение такого рода я приведу

сейчас здесь. Одной довольно остроумной даме, близкая подруга которой обручилась, приходится то и дело отвечать на вопросы знакомых, знает ли она жениха и как он ей нравится; она всем его очень хвалит, и ей приходится думать, потому что на самом деле у нее все время вертится фраза: «*Таких, как он, десять на дюжину*». Ночью ей снится, что ей задают тот же вопрос и она отвечает на него стереотипной коммерческой фразой: «*При повторных заказах достаточно указать номер*». То, наконец, что во всех сновидениях, претерпевающих искажение, желание проистекает из бессознательного и не доводится до бодрствующего сознания, — это мы неоднократно замечали при анализах. Таким образом, все желания имеют, по-видимому, одинаковую ценность и одинаковую силу для образования сновидений.

Я лишен здесь возможности доказать, что в действительности дело обстоит иначе; однако, я склонен предполагать более строгую обусловленность желания в сновидении. Детские сновидения не оставляют ни малейшего сомнения в том, что желание, не осуществленное днем, может стать возбудителем сновидения. Но не следует забывать, что это желание ребенка, желание, которому свойственна специфическая сила детства. Но я сомневаюсь, достаточно ли у взрослого наличия неосуществленного желания для создания сновидения. Мне кажется, наоборот, что благодаря прогрессирующему доминированию мышления над нашей инстинктивной жизнью, мы все больше и больше отказываемся от образования или фиксации таких интенсивных желаний, какие знакомы ребенку, считая это делом совершенно бесцельным. При этом могут обнаружиться, конечно, индивидуальные различия: один будет сохранять детский тип душевных процессов дольше, чем другой; аналогичные различия существуют и относительно ослабления первоначально отчетливых зрительных представлений. Но в общем я полагаю, что у взрослого не осуществленного днем желания недостаточно для образования сновидения. Я охотно допускаю, что проистекающее из сознательной сферы желание может дать толчок к образованию сновидения. Но и только: сновидение не образовалось

бы вовсе, если бы предсознательное желание не получило подкрепление из другой сферы.

Эта сфера — сфера бессознательного. *Я предполагаю, что сознательное желание лишь в том случае становится «возбудителем сновидения, когда ему удается пробудить равнозначащее бессознательное и найти себе в нем поддержку и подкрепление.* Эти бессознательные желания представляются мне, согласно данным из психоанализа неврозов, всегда интенсивными, всегда готовыми найти себе выражение, когда им только представляется случай объединиться с сознательным желанием и на его незначительную интенсивность перенести свою повышенную*. Нам кажется тогда, будто лишь сознательное желание реализовалось в сновидении, и, однако, мелкая деталь формы этого сновидения послужит нам указанием, как найти следы могущественного помощника из сферы бессознательного. Эти всегда активные, так сказать, бессмертные желания нашей бессознательной сферы, напоминающие мифических титанов, на которых с незапамятных времен тяготеют тяжелые горные массивы, нагроможденные на них когда-то богами и потрясаемые до сих пор еще движениями их мускулов, эти пребывающие в оттеснении желания проистекают сами, однако, из детства, как то показывает психологическое изучение неврозов. Ввиду этого мне хотелось бы устранить вышесказанное утверждение, будто происхождение желания не играет никакой роли, и заменить его следующим: желание, изображаемое в сно-

* Они разделяют этот характер неразрушимости со всеми другими, действительно бессознательно, т.е. относящимися исключительно к системе Бзс. душевными актами. Последние представляют собою раз и навсегда проложенные пути, никогда не преграждаемые и всякий раз способствующие передаче процесса раздражения, как только бессознательное раздражение их занимает. Приведем небольшое сравнение: они подлежат только такому же уничтожению, как тени в подземном мире Одиссея, которые пробуждаются к новой жизни всякий раз, как напьются крови. Явления и процессы, зависящие от предсознательной системы, подвергаются разрушению совсем в другом смысле. На этом различии и покоится психотерапия неврозов.

видении, должно относиться к детству. У взрослого оно проистекает из системы Бзс.; у ребенка же, где нет еще разделения и цензуры между Прс. и Бзс., или там, где оно еще лишь образуется, это — неосуществленное и неоттесненное желание бодрствующей жизни. И знаю прекрасно, что это воззрение доказать вообще очень трудно; я утверждаю, однако, что оно очень часто поддается доказательству и, наоборот, именно о него разбиваются все возражения.

Желания, проистекающие из сознательной бодрствующей жизни, я отодвигаю, таким образом, на задний план в их значении для образования сновидений. Я приписываю им лишь ту же роль, что, например, и материалу ощущений во время сна. Я не сойду с пути, предписанного мне этим утверждением, если подвергну сейчас рассмотрению другие психические моменты, остающиеся от бодрствующей жизни и не носящие характера желаний. Нам может удаться временно устранить интенсивность нашего бодрствующего мышления, если мы решим заснуть. Кто способен на это, у того хороший сон; Наполеон был, говорят, в этом отношении образцом. Но далеко не всегда нам это вполне удается. Невыясненные вопросы, мучительные заботы и власть впечатлений заставляют мышление продолжать его работу и во время сна и поддерживать душевные процессы в той системе, которую мы назвали предсознательной. Если мы захотим классифицировать эти продолжающие оказывать свое действие и во сне моменты мышления, то мы можем различить тут следующие группы: 1. то, что днем, благодаря случайной задержке, не было доведено до конца; 2. все незаконченное и неразрешенное благодаря утомлению нашей мыслительной способности; 3. все оттесненное и подавленное днем. К этому присоединяется еще четвертая группа — то, что благодаря работе предсознательного, находит себе отклик в нашем Бзс.; и, наконец, пятая группа — индифферентные и потому оставшиеся незаконченными дневные впечатления.

Значение психических интенсивностей, переносимых в состояние сна этими остатками дневной жизни, особенно же из группы «неразрешенного», не следует пре-

уменьшать. Эти раздражения стараются найти себе выражение несомненно и ночью: с тем же основанием имеем мы право предположить, что состояние сна делает невозможным обычное продолжение процесса раздражения в предсознательном и его завершение в сознании. Поскольку мы нормальным путем сознаем наши мыслительные процессы, постольку мы и не спим. Какое изменение производит состояние сна в системе Прс., я указать не могу; не подлежит, однако, сомнению, что психологическую характеристику сна следует искать именно в изменениях содержания этой системы, которая властвует также и над доступом к парализуемой во сне моторности. В противовес этому я не знаю ни одного фактора из психологии сновидения, который навел бы нас на мысль, что сон не только вторично производит изменение системы Бзс. Ночному раздражению системы Прс. не остается другого пути кроме того, по которому направляются желания из Бзс.; ему приходится искать поддержки в Бзс., и устремиться по обходным путям бессознательных раздражений. В каком отношении стоят, однако, предсознательные дневные остатки к сновидению? Нет сомнения, что они в изобилии проникают в сновидение и пользуются содержанием последнего для того, чтобы и ночью дойти до сознания; они доминируют иногда даже в содержании сновидения и вынуждают его продолжить дневную деятельность. Несомненно также, что дневные остатки могут носить любой характер, не только характер желаний; в высшей степени интересно, однако, и чрезвычайно важно для теории осуществления желаний установить, какому условию должны они соответствовать, чтобы найти доступ в сновидение.

Возьмем один из вышеразобранных нами примеров, например, сновидение, в котором я видел коллегу Отто с признаками базедовой болезни. Накануне днем меня не оставляло все время опасение, связанное со здоровьем Отто; это опасение меня сильно удручало, как все, касающееся этого близкого мне человека. Я полагаю, что оно последовало за мною и в состояние сна. По всей вероятности, мне хотелось узнать, что с ним. Ночью эта забота нашла себе выражение в сновидении, содер-

жание которого, во-первых, бессмысленно, во-вторых же, не содержит никакого осуществления желания. Я начал, однако, допытываться, откуда проистекает столь странное выражение дневной заботы; анализ указал мне на искомую связь: я попросту отождествил его с бароном Л., а себя самого с профессором Р. Почему я избрал именно эту замену дневным мыслям, этому есть лишь одно объяснение. К идентификации с профессором Р. я, должно быть, был всегда готов в системе Бзс., так как благодаря этой идентификации осуществлялось одно из неумирающих детских желаний — мания величия. Нехорошие мысли по отношению к коллеге, которые, несомненно, были бы отвергнуты днем, воспользовались случаем, чтобы найти себе выражение [123]; дневная забота выразилась, однако, тоже в сновидении. Дневная мысль, бывшая сама по себе вовсе не желанием, а, наоборот, опасением, должна была каким-либо путем соединиться с детским, теперь, однако, бессознательным и подавленным желанием, которое и дало ей возможность «возникнуть» для сознания, хотя, правда, и в значительно искаженной форме. Чем более доминировала эта забота, тем искусственнее могло быть соединение; между содержанием желания и содержанием опасения не должна была вовсе быть связь; мы видим, что в нашем примере ее действительно нет.

Я могу теперь точнее определить то, что означает для сновидения бессознательное желание. Я допускаю, что есть целый ряд сновидений, повод к образованию которых преимущественно или даже исключительно дается остатками дневной жизни, и полагаю, что мое желание сделаться когда-нибудь, наконец, экстраординарным профессором, наверное, дало бы мне проспать эту ночь спокойно, если бы не было в наличии остатка моей дневной заботы о здоровье друга. Но забота эта сновидения не образовала; двигательную силу, в которой нуждалось сновидение, должно было дать желание, и уж делом самой заботы было раздобыть такое желание. Приведем небольшое сравнение: вполне вероятно, что дневная мысль играет для сновидения роль предпринимателя; но предприниматель, у которого имеются, как говорят обычно, идеи

и желание осуществить их, не может все же ничего поделать без капитала; ему нужен капиталист, который покрыл бы расходы. Этим капиталистом, доставляющим сновидению психический капитал, и служит вместе и несомненно, каковы бы ни были дневные мысли — желание из сферы бессознательного.

В других случаях капиталист сам и предприниматель; это для сновидения даже более обыкновенный случай. Дневная деятельность возбуждает бессознательное желание и оно-то создает сновидения. Относительно всех других возможностей, приведенных здесь нами в качестве сравнения экономического отношения, процессы сновидения остаются также параллельными; предприниматель может сам внести часть капитала; к одному капиталисту может обратиться несколько предпринимателей, и, наконец, несколько капиталистов могут сообща дать необходимые средства предпринимателю. Так, есть сновидения, заключающие в себе не одно желание, а несколько, есть и другие выражения, но они особого интереса для нас не представляют. Пробелы, имеющиеся в нашем исследовании, роль и значение желания в сновидении будут нами заполнены ниже.

Tertium comparationis [124] приведенных нами сравнений — некоторое количество, предоставленное в свободное распоряжение, допускает еще и другое использование в целях освещения структуры сновидения. В большинстве сновидений имеется определенный центр, обладающий особой чувственной интенсивностью. Это обычно непосредственное изображение осуществления желаний, ибо если мы произведем действия, обратные процессам деятельности сновидения, то найдем, что психическая интенсивность элементов мыслей, скрывающихся за сновидением, заменена чувственной интенсивностью элементов содержания сновидения. Элементы вблизи осуществления желания зачастую не имеют ничего общего с его смыслом, а оказываются отпрысками неприятных мыслей, противоречащих желанию. Благодаря зачастую искусственной связи с центральным элементом, они приобретают, однако, такую интенсивность, что становятся способными к изображению. Таким образом, изобра-

зительная сила осуществления желания диффундирует через некоторую сферу взаимозависимости; даже самые слабые повышаются до интенсивности, необходимой для изображения. В сновидениях с несколькими желаниями удается без труда разграничить сферы отдельных осуществлений желаний; соответственно этому пробелы в сновидении окажутся пограничными зонами.

Если предшествующими замечаниями мы и ограничили значение дневных остатков, то стоит все же труда уделить им еще некоторое внимание. Они все же служат необходимым ингредиентом образования сновидений, раз наблюдение указывает нам на то, что каждое сновидение своим содержанием обнаруживает связь со свежим дневным впечатлением часто самого безразличного характера. Необходимости этого элемента в сновидениях мы еще не учитывали. Она обнаруживается вообще только тогда, когда принимается во внимание роль бессознательного желания и к разъяснению вопроса привлекается психология неврозов. Последняя показывает, что бессознательное представление, как таковое, вообще не способно войти в сферу предсознательного и что там оно может вызвать лишь один эффект: оно соединяется с невинным представлением, принадлежащим уже к сфере предсознательного, переносит на него свою интенсивность и прикрывается им. Это и есть тот факт *перенесения* [125], который разъясняет столько различных явлений в психической жизни. Перенесение может оставить без изменения представление из сферы бессознательного, которое тем самым достигает незаслуженно высокой интенсивности, или же навязать ему модификацию благодаря содержанию переносимого представления. Да простится мне моя страсть к сравнениям из обыденной жизни, но мне очень хочется указать на то, что здесь дело с оттесненным представлением обстоит аналогично тому, как в нашем отечестве с американским зубным врачом, который не имеет права практиковать, если не сходится с каким-нибудь доктором медицины для выставления его имени на дверной дощечке и для прикрытия перед законом. И подобно тому как далеко не самые выдающиеся и имеющие большую практику доктора заключают такие союзы с зубными техниками, так и в психической области для прикрытия отодвинутого представления избираются не предсознательные или сознательные представления, которые сами привлекли к себе достаточное внимание, проявляющее свою деятельность в предсознательной сфере. Бессознательное охватывает своими соединениями главным образом те впечатления и представления предсознательного, которые либо в качестве индифферентных были оставлены без внимания, либо же впоследствии были лишены его. Учение об ассоциациях утверждает, опираясь на опыт, что представления, завязавшие весьма тесные связи в одном направлении, относятся отрицательно к целым группам новых соединений, на этом положении я попытался однажды обосновать теорию истерических параличей.

Если мы предположим, что та же потребность в перенесении, которую мы наблюдаем при анализе неврозов, проявляется и в сновидении, то тем самым мы раскроем сразу две загадки сновидения: во-первых, то, что всякий анализ сновидения обнаруживает использование свежего впечатления и, во-вторых, то, что этот свежий элемент носит зачастую самый безразличный характер. Мы добавим сюда то, с чем мы познакомились уже в другом месте: то, что эти свежие и индифферентные элементы в качестве замещения более ранних из мыслей, скрывающихся за сновидением, потому так часто поступают в содержание последнего, что им меньше всего приходится опасаться сопротивления цензуры. В то время, однако, как свобода от цензуры разъясняет нам лишь предпочтение тривиальных элементов, постоянство свежих элементов позволяет нам понять необходимость для них перенесения. Потребности отодвинутого представления в еще свободном от ассоциации материале соответствуют обе группы впечатлений: индифферентные — потому, что они не дают повода к чрезмерным соединениям, и свежие — потому, что у них не было достаточно для этого времени.

Мы видим, таким образом, что дневные остатки, к которым мы можем теперь отнести индифферентные впечатления, не только не заимствуют ничего у системы

Бзс., когда принимают участие в образовании сновидения, не только не заимствуют у нее движущую силу, которой располагает отодвинутое [126] желание, но что и сами дают бессознательному нечто необходимое. Если бы мы захотели проникнуть глубже в психические процессы, то нам пришлось бы отчетливее осветить игру воспоминаний между предсознательным и бессознательным; к этому побуждает нас изучение неврозов, но со сновидением это не имеет ничего общего.

Еще одно замечание относительно дневных остатков. Не подлежит никакому сомнению, что они-то и являются истинными нарушителями сна, а вовсе не сновидение, которое старается, наоборот, сохранять сон. К этому вопросу мы еще вернемся.

Мы рассматривали до сих пор желание, заложенное в сновидении, выводили его из системы Бзс. и исследовали его отношение к дневным остаткам, которые в свою очередь могут быть также либо желаниями, либо психическими движениями какого-либо иного рода, либо же просто свежими впечатлениями. Тем самым мы старались пойти навстречу всем требованиям, которые можно выставить в пользу снообразующего значения бодрствующего мышления во всем его разнообразии. Не было бы ничего невозможного в том даже, если бы мы на основании ряда наших мыслей объяснили те крайние случаи, в которых сновидение в качестве продолжателя дневной работы приводит к удачному концу неразрешенную задачу бодрствующего состояния. Нам недостает только примера такого рода, чтобы при помощи анализа его вскрыть детский или оттесненный источник желаний, привлечение которого столь значительно укрепило предсознательную деятельность. Мы ни на шаг не приблизились, однако, к разрешению вопроса, почему бессознательное во сне не дает ничего, кроме движущей силы для осуществления желаний. Ответ на этот вопрос должен пролить свет на психическую природу желания. Мы постараемся дать его в связи с нашей схемой психического аппарата.

Мы не сомневаемся в том, что и этот аппарат достиг своего нынешнего совершенства лишь путем продолжительного развития. Попробуем же рассмотреть более раннюю ступень его эволюции. Иначе обосновываемые предположения говорят нам, что этот аппарат следовал вначале стремлению оберегать себя от раздражений и потому при своей первоначальной конструкции принял схему рефлекторного аппарата, которая давала ему возможность тотчас же отводить по моторному пути все поступавшие к нему извне чувственные раздражения. Но жизненная необходимость нарушает эту простейшую функцию; ей обязан психический аппарат и толчком к своему дальнейшему развитию. Жизненная необходимость предстает для него вначале в форме существенной физической потребности. Вызванное внутренней потребностью раздражение будет искать себе выход в моторность, которую можно назвать «внутренним изменением» или «выражением душевного движения». Голодный ребенок беспомощно кричит и барахтается. Ситуация остается, однако, без изменения, так как раздражение, проистекающее из внутренней потребности, соответствует не мгновенно толкающей, а непрерывно действующей силе. Перемена может наступить лишь в том случае, если каким-либо путем ребенком, благодаря посторонней помощи, будет испытано чувство удовлетворения, устраняющее внутреннее раздражение. Существенной составной частью этого переживания является наличие определенного восприятия (например, еды), воспоминание о котором с этого момента ассоциируется навсегда с воспоминанием об удовлетворении. Как только в следующий раз проявляется эта потребность, так сейчас же благодаря имеющейся ассоциации вызывается психическое движение, которое стремится вызвать воспоминание о первом восприятии, иными словами, воспроизвести ситуацию прежнего удовлетворения. Вот это психическое движение мы и называем желанием; повторное проявление восприятия есть осуществление желания, а полное восстановление восприятия об ощущении удовлетворения — кратчайший путь к такому осуществлению[127]. Нам ничто не препятствует допустить примитивное состояние психического аппарата, в котором процесс протекает действительно по этому пути, т.е. в котором желание превращается в галлюцинирование. Эта

первая психическая деятельность направлена, следовательно, на идентичность восприятия, иными словами, на повторение восприятия, связанного с удовлетворением потребности.

Горький жизненный опыт модифицирует эту примитивную мыслительную деятельность в более целесообразную. Образование идентичности восприятия коротким регредиентным путем внутри аппарата не имеет уже в другом месте последствий, связанных с укреплением того же восприятия извне. Удовлетворения не наступает, и потребность продолжает быть в наличии. Для придания внутреннему укреплению одинаковой равноценности с внешним оно должно было бы непрерывно поддерживаться на одном уровне, все равно как это имеет место в галлюцинаторных психозах и фантазиях, вызванных голодом, которые исчерпывают свою психическую деятельность фиксированием желаемого объекта. Для того чтобы достичь более целесообразного использования психической силы, необходимо остановить ход регрессии, чтобы она не выходила за пределы воспоминания и искала бы себе другие пути, которые в конце концов ведут к образованию извне желаемой идентичности. Это блокирование, а также и следующее за ним отклонение раздражения становятся задачей второй системы, которая господствует над произвольной моторикой, иначе говоря, с функцией которой связывается применение моторики к вышеназванным целям. Вся эта сложная мыслительная деятельность, протекающая от воспоминания вплоть до образования внешним миром идентичности восприятия, представляет собой, однако, лишь обходный путь по направлению к осуществлению желания, ставший необходимым благодаря опыту. Мышление есть ведь не что иное, как замена галлюцинаторного желания, и если сновидение представляет собою осуществление желания, то это может быть сочтено только естественным и само собой разумеющимся, так как только желание способно побуждать к деятельности наш психический аппарат [128]. Сновидение, осуществляющее свои желания коротким регредиентным путем, сохранило нам тем самым образчик примитивной и отвергнутой

ввиду ее нецелесообразности работы психического аппарата. В ночную жизнь как бы изгнано то, что некогда господствовало в бодрствующем состоянии, когда психическая жизнь была еще молода и неопытна; это напоминает нам то, что в детской мы находим давно заброшенные, примитивные орудия взрослого человечества — лук и стрелы. Сновидение есть часть преодоленной душевной жизни ребенка. При психозах эти обычно подавляемые в бодрствующем состоянии формы деятельности психического аппарата вновь проявляются и обнаруживают свою неспособность к удовлетворению наших потребностей по отношению к внешнему миру.

Бессознательные желания стремятся проявиться, по-видимому, и днем; факт перенесения, а также и психозы говорят нам, что они через систему предсознательного стараются проникнуть в сознание и овладеть системой моторности. В цензуре между Бзс. и Прс., наличие которой буквально вынуждает нас признать сновидение, мы видим, таким образом, стража нашего душевного здоровья. Но разве не неосторожно со стороны этого стража, что ночью он ослабляет свою бдительность, дает возможность подавленным движениям из системы Бзс. найти себе выражение и вновь допускает галлюцинаторную регрессию? Я полагаю, что нет, ибо когда критический страж отдыхает, а у нас имеются доказательства того, что спит он не крепко, он закрывает и доступ к моторной сфере. Какие бы элементы из обычно подавленной системы Бзс. ни появлялись на сцену, к ним можно отнестись с полным спокойствием, они совершенно невинны, они не способны привести в движение моторный аппарат, который один только может оказывать модифицирующее влияние на внешний мир. Состояние сна гарантирует неприступность охраняемой крепости. Менее невинно обстоит дело в том случае, когда смещение силы совершается не ночным ослаблением бдительности критической цензуры, а патологическим упадком ее или же патологическим усилением бессознательных раздражений в то время, когда система Прс. занята нежелательными элементами, а доступ к моторности открыт. Страж терпит тогда поражение, бессознательные

раздражения подчиняют себе систему Прс., овладевают потому нашей речью и нашими действиями или же вызывают насильственно галлюцинаторную регрессию и направляют предназначенный вовсе не для них аппарат благодаря притяжению, которое оказывают восприятия на распределение нашей психической энергии; такое состояние мы называем психозом.

Нам представляется чрезвычайно удобный случай продолжить возведение психологического здания, которое мы оставили после включения систем Бзс. и Прс. У нас имеется, однако, еще достаточно мотивов остановиться на рассмотрении желания, этой единственной психической движущей силы сновидения. Мы приняли объяснение, согласно которому сновидение служит всякий раз осуществлением желания, потому что оно является продуктом системы Бзс., которая не знает иной цели деятельности, кроме как осуществление желания, и не располагает иными силами, кроме силы желания. Если мы хотя бы на мгновение будем настаивать на нашем праве путем толкования сновидений составлять столь глубокие психологические спекуляции [129], то на нас тотчас же будет возложена обязанность доказать, что благодаря им мы включаем сновидение в общую цепь, могущую охватить и другие психические образования. Если существует система Бзс. или нечто ей аналогичное, то сновидение не может быть ее единственным выражением; каждое сновидение может быть осуществлением желания, но помимо сновидений должны быть налицо и другие формы анормальных осуществлений желаний. И действительно, теория всех психоневротических симптомов сводится к тому положению, что и они должны быть признаны осуществлениями желания из сферы бессознательного. Сновидение, согласно нашему воззрению, образует лишь первое звено чрезвычайно важной для психиатра цепи, понимание которой равнозначно разрешению чисто психологической стороны психиатрической задачи. У других звеньев этого ряда осуществлений желаний, например, у истерических симптомов, имеется, однако, существенная особенность, отсутствующая у сновидения. Из неоднократно упомянутых в этой книге исследований я знаю, что для образования истерического симптома необходимо наличие и совпадение обоих течений нашей душевной жизни. Симптом является не только выражением осуществленного бессознательного желания; сюда должно еще присоединиться желание из сферы предсознательного, которое осуществляется при помощи того же симптома, так что последний детерминируется, *по крайней мере*, двояко, двумя желаниями, по одному из состоящих в конфликте систем. Дальнейшему же детерминированию, аналогично тому, как в сновидении, не поставлено никаких пределов. Детерминирование, проистекающее не из системы Бзс., является, на мой взгляд, реакцией на бессознательное желание, например, самоукором. Я могу, следовательно, сказать вообще: истерический симптом образуется лишь там, где в одном выражении могут совпасть два противоположных осуществления желаний, по одному из различных психических систем. (Ср. мое последнее исследование возникновения истерических симптомов в журнале *Гиршфельда* «Zeitschrift für Sexualwissenschaft», 1908). Примеры не дадут тут ничего, так как лишь полное раскрытие всего этого сложного комплекта может выяснить его сущность. Я довольствуюсь поэтому лишь одним утверждением и привожу здесь пример не ради его доказательной силы, а только вследствие его наглядности. Истерическая рвота одной моей пациентки оказалась, с одной стороны, осуществлением бессознательной фантазии, относящейся к ее молодым годам — желания быть возможно более часто беременной и иметь множество детей; сюда присоединилась впоследствии дополнительная мысль: от возможно большего числа мужчин. Это странное желание встретило сильнейшее сопротивление и отпор. Так как, однако, пациентка от рвоты могла бы утратить свою полноту и красоту и тогда не нравилась бы ни одному мужчине, то симптом отдал дань и карающим мыслям и, таким образом, будучи опущен с обеих сторон, мог достичь осуществления. Это тот же способ осуществления желания, которым воспользовалась парфянская царица по отношению к триумвиру Крассу. По ее мнению, он пред-

принял поход из корыстолюбия, поэтому она заставила залить глотку его трупа золотом. «Вот тебе то, что ты так хотел» [130]. Относительно сновидения мы до сих пор знаем лишь, что оно изображает осуществление желания из сферы бессознательного: господствующая предсознательная система допускает, по-видимому, это осуществление, подвергнув его предварительно некоторому искажению. И действительно, невозможно проследить ход мыслей, противоположный желанию, который, как и его антагонист, осуществился бы в сновидении. Лишь кое-где в анализах сновидений мы встречали указания на продукты реакции, например, нежное чувство к коллеге Р. в сновидении о дяде. Мы можем, однако, отыскать в другом месте отсутствующее дополнение из сферы предсознательного. Сновидение может дать выражение желанию из системы Бзс. после различных его искажений, между тем как господствующая система концентрируется вокруг желания спать, реализует его и поддерживает в продолжение всего сна. Эти мысли я заимствую из теории сна *Льебо*, способствовавшего пробуждению интереса к гипнотизму в последнее время своим сочинением «Du sommeil provoqué», Париж, 1889.

Это желание спать, проистекающее из сферы предсознательного, значительно облегчает образование сновидения. Припомним сновидение отца, которого свет в соседней комнате заставляет предположить, что тело могло загореться. В качестве одной из психических сил, доказывающих, что отец делает этот вывод в сновидении вместо того, чтобы проснуться от зрительного раздражения, мы указали на желание, чтобы жизнь приснившегося ему ребенка была хоть на мгновение продлена. Другие желания, проистекающие из оттесненной сферы, по всей вероятности, ускользают от нас, так как мы лишены возможности произвести анализ этого сновидения. Однако в качестве второй движущей силы этого сновидения мы можем предположить потребность отца во сне; все равно как жизнь ребенка, сновидение способно продлить на мгновение и сон отца. «Я должен допустить это сновидение, — гласит этот мотив, — иначе мне придется проснуться». Как в этом, так и во всяком другом сновидении желание сна оказывает поддержку бессознательному желанию. Выше мы говорили о сновидениях, связанных с мотивами удобства. В сущности, все сновидения носят такой характер. В сновидениях, которые таким образом перерабатывают внешнее чувственное раздражение, что оно допускает возможность продолжения сна, и которое вплетают его в свое содержание, чтобы лишить его требований, которые оно могло предъявить к внешнему миру, — в этих сновидениях желание продолжать спать обнаруживается особенно ярко. Это желание должно, однако, принимать участие в образовании и всех других сновидений, которые лишь изнутри могут нарушить состояние сна. То, что система Прс. говорит сознанию, когда сновидение заходит чересчур далеко: «Не беспокойся, продолжай спать, ведь это же только сновидение», — это соответствует в общей форме отношению нашей господствующей душевной деятельности к сновидениям. Я должен заключить отсюда, что мы в продолжение всего состояния сна столь же твердо знаем, что нам что-то снится, как и то, что мы спим. Мы не должны придавать никакого значения тому возражению, будто в наше сознание никогда не поступает одна мысль, другая же — только в том исключительном случае, когда цензура чувствует себя обманутой. Напротив того, есть лица, которые несомненно сознают, что они спят и что им снится, и что им, следовательно, присуща сознательная способность направлять свои сновидения. Такой субъект недоволен, положим, оборотом, который принимает сновидение, он прерывает его, сам не пробуждаясь при этом, и начинает его сызнова, все равно как популярный писатель по желанию дает своей пьесе более благополучную развязку. Или же субъект может подумать во сне, когда сновидение повергает его в ситуацию, возбуждающую его сексуальную сферу: «я не хочу, чтобы мне это снилось, я не хочу истощаться поллюциями».

г) *Пробуждение благодаря сновидению. Функция сновидения. Сновидения страха.* Убедившись в том, что предсознательная сфера занята ночью желанием спать, мы можем продолжить наше рассмотрение сновидения.

Постараемся, однако, резюмировать предварительно все те выводы, к которым мы пришли на основании предыдущего изложения. Либо после бодрствующего мышления сохраняются «дневные остатки», либо бодрствующее мышление пробуждает одно из бессознательных желаний, либо же, наконец, имеет место и то и другое; всех этих возможностей мы уже касались подробнее выше. В течение дня или же лишь с возникновением состояния сна бессознательное желание прокладывает себе путь к дневным остаткам. Благодаря этому образуется желание, перенесенное на свежий материал, или же подавленное свежее желание вновь оживляется, благодаря поддержке из сферы бессознательного. Оно старается нормальным путем мыслительных процессов через систему Прс., с которой оно связано одной своей составной частью, проникнуть в сознание. Но тут оно наталкивается на цензуру и, претерпевая ее воздействие, подвергается искажению, произведенному уже раз его перенесением на свежий материал. До сих пор желание готово было сделаться чем-то вроде навязчивого представления, бредовой идеи и т.п., иными словами, мыслью, укрепленной перенесением и искаженной цензурой. Состояние сна предсознательной сферы не допускает, однако, дальнейшего проникновения; по всей вероятности, эта сфера преграждает доступ путем ослабления своих раздражений. Сновидение устремляется поэтому по пути регрессии, открытому именно благодаря своеобразию состояния сна, и повинуется при этом притяжению, оказываемому на него со стороны групп воспоминаний. На пути регрессии оно приобретает изобразительность. О сгущении мы поговорим ниже. Таким образом проходит сновидение вторую часть своего извилистого и зигзагообразного пути. Первая часть простирается в поступательном направлении от бессознательных сцен или фантазий до системы Прс.; вторая же часть — от предела цензуры обратно к восприятиям. Когда же сновидение приобретает содержание, оно тем самым как бы обходит преграду, выставленную ему цензурой и состоянием сна в системе Прс.; ему удается обратить на себя внимание и быть замеченным сознанием.

Сознание же, означающее для нас чувственный орган для восприятия психических качеств, в бодрствующем состоянии доступно раздражению в двух пунктах. Во-первых, из периферии всего аппарата, из системы восприятий; во-вторых, из раздражения приятного и неприятного чувства, являющихся единственными психическими качествами при изменениях энергии внутри аппарата. Все другие процессы в системах Ψ лишены психической ценности и не представляют собой поэтому объектов для сознания, поскольку не дают ему для восприятия приятное или неприятное чувство. Мы вынуждены были предположить, что эти приятные и неприятные ощущения автоматически регулируют ход процессов заполнения сознания. Впоследствии обнаружилась, однако, необходимость ради облегчения более трудной деятельности сделать ход представлений более независимым от ощущений неудовольствия. Для этой цели системе Прс. нужны были собственные качества, которые могли бы привлечь сознание; она их приобрела, по всей вероятности, благодаря объединению предсознательных процессов с не лишенною качеств системой воспоминаний о словах. Благодаря качествам этой системы, сознание, бывшее до сих пор лишь чувственным органом для восприятий, становится таковым и для части наших мыслительных процессов. Образуются, таким образом, как бы две чувственные плоскости, обращенные одна к восприятиям, другая — к предсознательным мыслительным процессам.

Я должен предположить, что чувственная поверхность сознания, обращенная к системе Прс., благодаря состоянию сна становится значительно менее раздражимой, чем система В. Утрата интереса к ночным мыслительным процессам вполне целесообразна. В мышлении не должно происходить ничего; система Прс. хочет спать. Когда сновидение становится, однако, восприятием, оно благодаря приобретенным теперь качествам может возбудить сновидение. Это чувственное возбуждение совершает то, в чем вообще заключается его функция: оно направляет часть имеющейся в системе Прс. энергии на возбуждающий фактор. Таким образом, следует допус-

тить, что сновидение всякий раз побуждает к деятельности отдыхающую силу системы Прс. Со стороны последней оно претерпевает, однако, воздействие, которое мы ради цельности и наглядности назвали вторичной обработкой. Этим мы хотим сказать, что она обращается со сновидением как со всяким другим содержанием восприятия; оно подвергается воздействию таких представлений ожидания, поскольку, конечно, это позволяет его содержание. Поскольку и эта четвертая часть деятельности сновидения протекает по какому-либо пути, последний носит опять-таки поступательный характер.

Во избежание недоразумений нелишне остановиться вкратце на временных особенностях этих процессов сновидения. Чрезвычайно любопытная теория *Гобло* [29], навеянная, по всей вероятности, проблемой сновидения *Мори* о гильотине, стремится показать, что сновидение заполняет собою лишь краткий переходный период между сном и пробуждением. Последнему нужно известное время; в это время и происходит сновидение. Предполагается, что заключительная сцена сновидения настолько ярка и сильна, что заставляет проснуться. В действительности же она была именно потому так сильна, что мы были так близки к пробуждению. «Мечта — это начало пробуждения».

Уже *Дюга* [18] указывает на то, что *Гобло* не считался зачастую с фактическим материалом, лишь бы доказать правильность своей теории. Есть сновидения, от которых не просыпаешься, например, такие, в которых снится, что нам что-нибудь снится. Согласно нашему пониманию деятельности сновидения мы отнюдь не можем согласиться с тем, что оно простирается лишь на период пробуждения. Мы должны, наоборот, предположить, что первая часть деятельности сновидения начинается уже днем, еще при господстве предсознательной сферы. Вторая ее часть — изменение под воздействием цензуры, благодаря привлечению бессознательных фантазий и проникновению к восприятию, продолжается, несомненно, в течение всей ночи, и, следовательно, мы вполне правильно выражаемся, говоря, что нам всю ночь что-то снилось, хотя и не знаем, что именно. Я не

думаю, однако, что необходимо признать, будто процессы сновидения до сознавания их выдерживают ту временную последовательность, которую мы только что охарактеризовали: сперва появляется перенесенное желание, затем происходит искажение под влиянием цензуры, далее поворот к регрессии и т. д. В изложении нам приходилось придерживаться такой последовательности; в действительности же дело идет скорее об одновременном испробовании тех или иных путей; раздражения устремляются то в одну, то в другую сторону, пока, наконец, благодаря их наиболее целесообразному распределению, какая-либо группировка не фиксируется. Некоторые мои личные наблюдения указывают даже на то, что деятельности сновидения нужен иногда не один день и не одна ночь для получения своего продукта, причем чрезвычайная сила конструкции сновидения утрачивает тогда весь свой чудесный облик. По-моему, даже отношение к понятливости в качестве восприятия может проявиться до тех пор, пока сновидение дошло до сознания. С этого момента процесс, правда, значительно ускоряется, так как сновидение встречает теперь то же отношение к себе, как и всякое другое восприятие. Он теперь словно фейерверк, который долго изготовляли и который теперь в одно мгновение сгорает.

Благодаря деятельности сновидения процесс последнего либо приобретает достаточную интенсивность для привлечения к себе сознания и для пробуждения предсознательной сферы совершенно независимо от времени и глубины сна, либо же его интенсивность недостаточна, и оно должно выжидать, пока непосредственно перед пробуждением оно не встретит ставшее более подвижным внимание. Большинство сновидений оперирует, по-видимому, со сравнительно незначительными психическими интенсивностями, так как выжидают пробуждения. Этим объясняется, однако, и то, что мы обычно воспринимаем сновидения, когда нас будят из глубокого сна. Первый взгляд при этом, как при неожиданном пробуждении, устремляется на содержание восприятия, созданное деятельностью сновидения, и лишь последующий на восприятие, получаемое извне.

Наибольший теоретический интерес вызывают, однако, сновидения, которые способны пробуждать посреди сна. Учитывая господствующую повсюду целесообразность, можно задаться вопросом, почему сновидению, иначе говоря, бессознательному желанию дана власть нарушать сон, т.е. осуществление предсознательного желания. Ответом на это может быть только то, что мы обладаем слишком недостаточными знаниями относительно соотношения энергии. Если бы мы обладали этими знаниями, то, вероятно, нашли бы, что предоставление свободы сновидению и затрата известного специального внимания к нему является экономией энергии по сравнению с тем, что бессознательное ночью должно держаться в тех же рамках, что и днем [131]. Как показывает наблюдение, сновидение вполне совместимо со сном, даже если оно несколько раз в течение ночи прерывает его. Субъект на мгновение просыпается и тотчас же вновь засыпает. Это все равно как если во сне отгоняешь от себя муху; просыпаешься только ad hoc [132]. Засыпая вновь, мы устраним нарушение. Осуществление желания спать, как показывают известные примеры о сне кормилиц и т.п., вполне совместимо с поддержанием известной затраты внимания в определенном направлении.

Здесь необходимо, однако, остановиться на одном возражении, основывающемся на тщательном знакомстве с бессознательными процессами. Мы сами говорили, что бессознательные желания всегда чрезвычайно активны и живы. Тем не менее днем они недостаточно сильны, чтобы быть услышанными. Если, однако, налицо состояние сна и бессознательное желание обнаруживает способность образовать сновидение и при его помощи пробудить предсознательную сферу, то почему исчезает эта способность после того, как сновидение осуществляется? Разве не должно было бы сновидение постоянно возобновляться, словно назойливая муха, которая тотчас же возвращается, как только ее отгонишь? По какому праву утверждали мы, что сновидение устраняет нарушение сна?

Совершенно правильно то, что бессознательные желания постоянно сохраняют свою живость. Они представляют собою пути, которые постоянно доступны для

прохождения, как только по ним устремляется известное число раздражений. Замечательной особенностью бессознательных процессов именно и является то, что они неразрушимы. В бессознательном ничего нельзя довести до конца, в нем ничто не проходит и ничто не забывается. Нагляднее всего убеждаешься в этом при изучении неврозов, особенно же истерии. Бессознательный ход мыслей, направляющийся к своему разряжению в припадке, тотчас же вновь доступен для прохождения, как только накопится достаточное раздражение. Заболевание, имевшее место тридцать лет назад, проникнув к источникам бессознательных аффектов, сохраняет свою свежесть в течение всех тридцати лет. Как только затрагивается воспоминание о нем, как оно тотчас же воскресает и обнаруживает свою связь с раздражением, которое в припадке находит себе моторный исход. Как раз тут-то и может вмешаться психотерапия. Ее задача: способствовать прекращению и забвению бессознательных процессов. То, что мы склонны считать само собой разумеющимся, и то, что нам кажется первичным влиянием времени на душевные рудименты воспоминаний, — потускнение воспоминаний и аффективная слабость старых впечатлений — является на самом деле последующим, вторичным изменением, осуществляемым с большим трудом. Последний совершается предсознательной сферой, и психотерапия не может пойти по иному пути, как только подчинив систему Бзс. господству системы Прс.

Для отдельного бессознательного процесса раздражения имеется, таким образом, два исхода. Либо он остается предоставленным себе самому, тогда он, в конце концов, где-нибудь прорывается и предоставляет своему раздражению однократно выход к методике, или же он подвергается воздействию предсознательной сферы, и раздражение тогда благодаря этому не *отводится, а связывается*. Последнее и происходит при процессе сновидения. Заполнение, идущее со стороны системы Прс. навстречу сновидению, ставшему восприятием, его поправляет раздражение сознания, связывает бессознательное раздражение сновидения и обезвреживает его нарушающее действие. Если грезящий просыпается на

мгновение, то он действительно отогнал от себя муху, грозившую нарушить его сон. Мы понимаем теперь, что действительно гораздо целесообразнее и выгоднее предоставить свободу бессознательному желанию, открыть ему путь к регрессии, чтобы оно образовало сновидение, и затем связать и покончить с этим сновидением при помощи небольшой затраты предсознательной деятельности, чем во время сна обуздывать сферу бессознательного. Можно было ведь ожидать, что сновидение, даже если первоначально оно и не было целесообразным процессом, овладеет в борьбе сил душевной жизни какой-либо определенной функцией. Мы видим, какова эта функция. Сновидение поставило перед собой задачу подчинять освобожденное раздражение бессознательной системы господству предсознательной; оно отводит при этом раздражение системы Бзс., служит ему вентилем и предохраняет в то же время от незначительной затраты бодрствующей деятельности сон предсознательной сферы. Таким образом, оно в качестве компромисса, аналогично другим психическим образованиям того же рода, становится на службу к обеим системам, осуществляя желания той и другой, поскольку, конечно, эти желания совместимы. Отсылаем читателя к рассмотренной нами в первой главе теории *Роберта*; мы увидим, что мы должны согласиться с этим ученым в его основной предпосылке, в установлении функции сновидения, между тем как в других отношениях, особенно в оценке процесса сновидения, мы с ним расходимся.

Ограничение «поскольку оба желания совместимы» содержит в себе указание на те вероятные случаи, когда функция сновидения терпит крушение. Процесс сновидения допускается, прежде всего, как осуществление желаний в системе Бзс., если, однако, эта попытка осуществления желания столь резко колеблет предсознательную систему, что та не может уже сохранить свое спокойствие, то сновидение нарушило тем самым компромисс и не осуществило второй части своей задачи. Оно тотчас же тогда прерывается и заменяется полным пробуждением. В сущности, и здесь нельзя поставить в вину сновидению, если оно, постоянный страж сна, вы-

нуждается нарушить его; это отнюдь не колеблет нашего мнения о его целесообразности. Это не единственный случай в организме, когда обычно целесообразный фактор становится нецелесообразным, как только в условиях его возникновения наступает какая-либо перемена; нарушение в этих случаях служит тоже определенной цели: оно изобличает перемену и пробуждает средства организма к урегулированию последней. Я разумею здесь, конечно, сновидения страха; чтобы читателю не показалось, будто я тщательно избегаю этого мнимого нарушителя теории осуществления желаний, я постараюсь хотя бы в общих чертах разъяснить сновидения этого рода.

Что психический процесс, способствующий проявлению страха, может быть, тем не менее осуществлением желания, давно уже отнюдь не может нас удивить. Мы можем объяснить себе это явление тем, что желание относится к система Бзс., между тем как система Прс. отвергла это желание и подавила его. Подчинение системы Бзс. со стороны системы Прс. не полное и при полном психическом здоровье; степень этого подчинения образует степень нашей психической нормальности. Невротические симптомы показывают нам, что обе системы состоят в конфликте друг с другом; они суть компромиссные результаты этого конфликта, уготовляющие ему преждевременный конец. С одной стороны, они служат выходом для раздражений в системе Бзс., с другой же — дают возможность системе Прс. до некоторой степени властвовать над системой Бзс. Любопытно, например, исследовать значение какой-нибудь истерической фобии. Невротик не в состоянии, например, идти один по улице; это мы вполне справедливо называем симптомом. Попробуем же устранить этот симптом, заставив пациента сделать то, на что он, по-видимому, неспособен. С ним сделается тогда припадок страха; такой припадок на улице нередко бывал для него уже поводом к развитию агорафобии. Мы видим, следовательно, что симптом имеется налицо для того, чтобы предотвратить появление страха; фобия представляет собою как бы пограничную крепость для страха.

Мы не можем продолжить изложения, не коснувшись

роли аффектов в этих процессах; это, однако, мы можем сделать далеко не в полном масштабе. Выставим, прежде всего, положение, что подавление системы Бзс. необходимо, прежде всего, потому, чтобы предоставленный себе самому ход представлений в системе Бзс. развил аффект, который первоначально носил характер приятного, после же процесса отодвигания принял характер неудовольствия. Подавление преследует цель предупреждения развития этого неприятного аффекта. Оно простирается на представления системы Бзс. потому, что аффект может возникнуть именно оттуда. Мы кладем здесь в основу вполне определенное предположение относительно сущности и характера развития аффектов. Последнее представляет собою моторный или секреторный акт, иннервационный ключ к которому имеется в представлениях системы Бзс. Благодаря господству предсознательной системы, эти представления как бы заглушаются и посылка импульсов, развивающих аффекты, парализуется. Опасность при отсутствии воздействия со стороны системы Прс. состоит, следовательно, в том, что бессознательные раздражения могут развить аффект, который вследствие ранее испытанного вытеснения может быть ощущаем лишь в форме неудовольствия, страха.

Эта опасность создается предоставлением свободы процессам сновидения. Условиями для наличия этой опасности служат произведенное оттеснение и достаточная сила желаний. Они находятся, таким образом, всецело вне психологических рамок образования сновидений. Если бы наша тема этим одним моментом, освобождением системы Бзс. во время сна, не связывалась с темой развития аффекта страха, то я мог бы вообще отказаться от исследований сновидений страха и избавить себя от всех связанных с ним неясностей.

Учение о сновидениях страха относится, как я уже не раз говорил, к психологии неврозов. Я сказал бы даже: страх в сновидении — проблема страха, и не проблема сновидения. Мы указали на точку соприкосновения ее с темой процессов сновидения и можем этим всецело удовлетвориться. Однако я могу сделать еще одно. Так как я говорил, что невротический страх проистекает из сексуальных источников, то я могу подвергнуть анализу сновидения страха, чтобы в мыслях, скрывающихся за ними, обнаружить наличие сексуального материала.

По многим соображениям я отказываюсь от обсуждения всех тех примеров, которые в изобилии были сообщены мне невротическими пациентами, и отдаю предпочтение сновидениям страха детей или юношей.

У меня самого уже очень много лет не было ни одного настоящего сновидения страха. В возрасте семи, восьми лет я помню одно такое сновидение; лет тридцать спустя я подверг его толкованию. Оно было чрезвычайно живо и отчетливо и представило мне *любимую мать* со *странно спокойным, как бы застывшим выражением лица*; *ее внесли в комнату и положили на постель два* (*или три*) *существа с птичьими клювами*. Я проснулся со слезами и криком и разбудил родителей. Странно задрапированные, длинные существа с птичьими клювами я заимствовал из иллюстраций к Библии в издании *Филиппсона*, мне думается, это были боги с ястребиными головами с египетского надгробного барельефа [133]. В остальном, однако, анализ дает мне воспоминания об одном мальчике, который с нами, детьми, играл всегда на лужайке перед домом; я почти уверен, что его звали *Филипп*. Далее, мне кажется, что я впервые от этого мальчика услыхал вульгарное слово, обозначающее половой акт и достаточно ясно характеризующееся аналогией с ястребиными головами (тут по-немецки игра слов). О сексуальном значении этого слова я догадался, по всей вероятности, по выражению лица моего опытного учителя. Выражение лица матери в сновидении было скопировано мною с лица деда, которого я видел за несколько дней до его смерти. Толкование вторичной обработки сновидения гласило, таким образом, что мать умирает; *надгробный* барельеф тоже относится сюда. В этом страхе я и проснулся и не успокоился до тех пор, пока не разбудил родителей. Я припоминаю, что увидел лицо матери и тотчас же затих — словно мне именно нужно было утешение: она не умерла. Это вторичное толкование сновидения совершилось, однако, уже под влиянием развившегося страха. Я боялся не потому,

что мне приснилось, что мать умерла; я истолковал сновидение в его предсознательной обработке так потому, что уже в то время находился под влиянием страха. Страх же при помощи оттеснения сводится к смутному, несомненно, сексуальному чувству, которое нашло себе выражение в зрительном содержании сновидения.

Одному 27-летнему господину, страдающему уже больше года тяжелым недугом, в возрасте между 11 и 13 годами несколько раз снилось, что за *ним гонится какой-то человек с вилами*; *он хочет бежать, но точно прикован к месту и не может двигаться*. При этом он испытывает всякий раз сильный страх. Это очень хороший образчик чрезвычайно типичного и в половом отношении совершенно невинного сновидения страха. При анализе грезящий наталкивается на один, более поздний рассказ своего дяди, на которого напал ночью на улице какой-то подозрительный субъект, и сам заключает отсюда, что он в период сновидения слышал, вероятно, о таком же происшествии. Относительно вил он вспоминает, что как раз в тот же период однажды поранил себе вилами руку. Отсюда он непосредственно переходит к своему отношению к младшему брату, которого он часто колотил и третировал; особенно запечатлелось в его памяти, как он однажды запустил в брата сапогом и поранил ему голову; мать тогда сказала: «Я боюсь, что он когда-нибудь еще убьет его». Остановившись, по-видимому, на теме *проявления насилия*, он вдруг вспоминает один эпизод, относящийся к девятилетнему возрасту. Родители вернулись однажды вечером поздно домой; он притворился спящим, они легли спать, он услыхал вскоре тяжелое дыхание и другие звуки и мог даже догадаться об их положении в постели. Его дальнейшие мысли показывают, что между этими отношениями родителей и своим отношением к младшему брату он проводит аналогию. То, что происходило между родителями, он счел также проявлением насилия и достиг таким образом, как и многие другие дети, садистического понимания коитуса. Доказательством этого понимания служило ему то, что он замечал нередко кровь в постели матери. Что половые отношения взрослых

вызывают в детях, замечающих их, страх, мы можем наблюдать сплошь и рядом. Страх этот я объясняю тем, что тут идет речь о половом раздражении, которое недоступно их пониманию, которое потому еще встречает сопротивление, что оно связано с родителями, и которое благодаря этому превращается в страх. В более ранний период жизни сексуальное влечение к противоположному по полу родителю не подвергается вытеснению и проявляется, как мы видели, вполне свободно [134].

Я применил бы то же самое объяснение и к столь частым у детей ночным припадкам страха с галлюцинациями (pavor nocturnus). И тут мы имеем перед собой лишь непонятые и отвергнутые сексуальные ощущения, при констатировании которых обнаружилась бы, вероятно, правильная периодичность, так как повышение сексуального влечения вызывается как случайными возбуждающими впечатлениями, так и постоянными, периодически наступающими явлениями развития.

Мне недостает нужного материала для доказательства этого утверждения. Педиатрам же, напротив того, недостает точки зрения, которая единственно дает возможность понимания целого ряда явлений как с соматической, так и с психической их стороны. В качестве курьезного примера того, как легко в ослеплении медицинской мифологией пройти мимо понимания таких случаев, я приведу один случай, найденный мною в исследовании pavor nocturnus *Дебаке* [17] (с. 66) [135].

Один тринадцатилетний мальчик чрезвычайно слабого здоровья стал боязливым и робким; сон его отличался беспокойным характером и почти регулярно раз в неделю прерывался тяжелым припадком страха и галлюцинациями. Воспоминания об этих сновидениях были всегда очень отчетливы. Он рассказывал, что черт кричал ему: «А, наконец-то ты нам попался!» Кругом пахло смолой и серой, и его кожу обжигало пламя. Просыпаясь в страхе после таких сновидений, он в первую минуту не был в силах крикнуть, но потом голос возвращался к нему, и слышно было ясно, как он говорил: «Нет, нет, не меня, я ничего ведь не сделал» или «Нет, нет, я никогда больше не буду!» Однажды он

сказал даже: «Альберт не делал этого!» Он перестал раздеваться, так как, по его словам, «пламя обжигало его только тогда, когда он был раздет». Сновидения эти грозили подорвать его здоровье, и его увезли в деревню. После полуторагодового пребывания там он оправился и потом некоторое время спустя сознался: «Я не осмеливался признаться в том, что постоянно испытывал покалывание и повышенное возбуждение в области мошонки; в конце концов, это настолько выводило меня из себя, что я думал выброситься из окна спальни». Нетрудно догадаться, что:

1. Мальчик раньше онанировал, отрицал, по всей вероятности, свою вину и слышал постоянные угрозы. (Его восклицания: «Я никогда больше не буду», «Альберт никогда не делал этого»).

2. В периоде возмужалости в нем снова пробудилось желание мастурбировать, но:

3. В нем возникло сопротивление, подавившее либидо и превратившее его в страх, который впоследствии включил в себя и страх перед тяжелою карой.

Послушаем, однако, выводы автора. «Из нашего исследования явствует, что:

1. Влияние половой зрелости у юношей со слабым здоровьем может вызвать состояние общей слабости и даже сильную анемию мозга.

2. Такая анемия мозга вызывает перемену характера, демономанические галлюцинации и чрезвычайно сильные ночные, а быть может, и дневные проявления страха.

3. Демономания и самообвинения мальчика можно свести к воздействию полученного им в детстве религиозного воспитания.

4. Все эти явления, благодаря продолжительному пребыванию на воздухе, физическим упражнениям и восстановлению сил, после периода возмужалости исчезли.

5. Наследственности и застарелому сифилису отца можно приписать причину образования мозговых явлений у ребенка. И заключительные слова:

Это наблюдение мы рассматриваем в рамках навязчивого, апиритического бреда; это особое состояние мы

относим к церебральной ишемии (недостаточности кровообращения)».

д) *Первичный и вторичный процессы. Вытеснение.* Сделав попытку проникнуть глубже в психологию процессов сновидения, я поставил перед собой чрезвычайно трудную задачу, которая вообще едва ли по силам моим способностям. Изображать одновременность столь сложного явления при помощи последовательности в изложении и при том все время казаться бездоказательным — слишком тяжело для меня. Это своего рода последствие того, что я при исследовании психологии сновидений не могу следовать за историческим развитием своих взглядов. Основная точка зрения на понимание сновидений была мне дана предшествующими работами в области психологии неврозов, на которые я здесь не могу и в то же время должен постоянно ссылаться, между тем как мне лично хотелось бы идти обратным путем и лишь от сновидения перейти к психологии неврозов. Я знаю все трудности, возникающие отсюда для читателя, но не знаю средств, как их избегнуть.

Будучи неудовлетворен таким положением дела, я охотно останавливаюсь на другой точке зрения, которая повышает, по-видимому, ценность моих стараний. Передо мной был вопрос, относительно которого в воззрениях ученых царила полнейшая разноголосица, как мы это видели в первой главе. Наше рассмотрение проблемы сновидения уделяло внимание всякого рода возражениям. Лишь два таких возражения — что сновидение бессмысленно и что оно представляет собою соматическое явление, — мы категорически опровергли; все остальные противоречивые воззрения, однако, мы удовлетворяли в той мере, что в каждом из них усматривали крупицу истины. То, что сновидение содержит в себе продолжение восприятий и интересов бодрствующей жизни, это вполне подтвердилось раскрытием мыслей, скрывающихся за сновидением. Последние занимаются лишь тем, что кажется нам существенно важным и привлекает наш интерес. Сновидение никогда не посвящает себя мелочам. Однако мы убедились и в обратном: сновидение собирает безразличные остатки предыдущего дня и

до тех пор не может овладеть крупным интересом, пока последний до некоторой степени не уклонится от бодрствующей деятельности. Мы нашли, что это относится к содержанию сновидения, которое дает мыслям, скрывающимся за ним, выражение, совершенно измененное благодаря искажению. Процесс сновидения, говорили мы, на основании законов механики ассоциаций значительно легче овладевает свежим или же индифферентным материалом, еще не заклейменным бодрствующим мышлением; благодаря цензуре, он переносит психическую интенсивность со значительного и важного на индифферентное. Гипермнезия сновидения и использование материала детства стали основой нашего учения; в нашей теории сновидения мы приписали желанию, возникшему из этого материала, роль необходимейшего двигателя при образовании сновидений. Сомневаться в экспериментально доказанном значении внешних чувственных раздражений во время сна нам, конечно, не приходило и в голову, но мы поставили этот материал в такую же зависимость от желания в сновидении, в какой находятся от него остатки дневных мыслей. То, что сновидение истолковывает объективное чувственное раздражение в форме иллюзии, нам оспаривать не приходилось; однако, мы установили оставшийся неясным для большинства исследователей мотив этого толкования. Последнее совершается таким образом, что воспринятый объект становится безвредным для продолжения сна и в то же время способствует осуществлению желания. Субъективное раздражение органов чувств во время сна, наличие которого безусловно установил, по-видимому, Лэдд [40], мы не считаем самостоятельным источником сновидений. Мы можем объяснить его регредиентным пробуждением воспоминаний, действующих «за фасадом» сновидений. Роль ощущений со стороны внутренних органов, которые так охотно признаются основным источником сновидений, на наш взгляд, довольно скромна. Они — в лице ощущений падения, летания и связанности — представляют собой всегда готовый и наличный материал, которым в случае необходимости пользуется деятельность сновидения для

изображения мыслей, скрывающихся за ним.

То, что процесс сновидения носит быстрый, мгновенный характер, представляется нам вполне правильным относительно восприятия содержания сновидения со стороны сознания; относительно же предшествующих стадий процесса мы предположили, наоборот, более медленный, спокойный темп. Касательно обильного содержания сновидения, существенного в промежутке мгновения, мы говорим, что тут речь идет о включении готовых образований психической жизни. То, что сновидение искажается воспоминанием, мы сочли правильным, но, по нашему мнению, это не служит отрицательным показателем, так как является лишь последней явной стадией процесса искажения, действующего с самого начала образования сновидения. В ожесточенном и непримиримом споре по поводу того, спит ли ночью душевная жизнь или же располагает, как и днем, всеми своими способностями, мы нашли долю правды в утверждениях как одной, так и другой стороны, хотя всецело не могли встать ни на одну из обеих точек зрения. В мыслях, скрывающихся за сновидением, мы нашли следы чрезвычайно сложной деятельности, осуществленной при участии почти всех средств душевного аппарата; нельзя, однако, отрицать того, что эти мысли образовались днем, и нужно допустить все же, что душевная жизнь может находиться в состоянии сна. Таким образом, получилась теория частичного сна, но характеристику состояния сна мы нашли не в распаде душевной жизни, а в приспособлении психической системы, властвующей над бодрствующей жизнью, к желанию спать. Изолированность от внешнего мира сохранила свое значение и для нашей теории; она помогает, хотя и не в качестве единственного момента, конструированию регрессии изобразительной деятельности сновидения. Отсутствие возможности произвольного направления хода представлений не подлежит сомнению, но психическая жизнь не становится еще поэтому бесцельной, так как мы слышали, что после устранения желаемых целевых представлений доминирующего положения достигают нежелательные. Слабую ассоциативную связь в сновидении мы не толь-

ко признали, но и приписали ее происхождению значительно большее значение, чем можно было предполагать; мы убедились, однако, что эта слабая связь служит лишь вынужденной заменой другой, законной и осмысленной. Разумеется, и мы называли сновидение абсурдным, но примеры показали нам, насколько осмысленно сновидение, когда хочет представляться абсурдным. В вопросе о функциях, приписываемых сновидению, мы соглашаемся с большинством исследователей. То, что сновидение «разгружает» душу, точно вентиль, и что, по выражению *Роберта*, многое вредное путем изображения в сновидении становится безвредным, не только в точности совпадает с нашей теорией двоякого рода осуществления желаний, но и в нашем понимании становится более понятным, чем у *Роберта*, свободное проявление душой ее способностей соответствует у нас предоставлению сновидению свободы со стороны предсознательной деятельности. Возвращение к эмбриональной точке зрения на душевную жизнь в сновидении и замечание Гавеллока Эллиса [22]: «Архаический мир неограниченных эмоций и незавершенных мыслей» — представляются нам чрезвычайно удачным предвосхищением нашего утверждения, что примитивный, подавляемый днем характер деятельности участвует в образовании сновидения; как у *Дележа* [15], так и у нас *«подавленное»* становится движущей силой сновидения.

Роль, приписываемая *Шернером* фантазии в сновидении, и вообще теории *Шернера*, мы приняли в полном масштабе, но должны были указать ей как бы другое место в проблеме. Не сновидение создает фантазию, а бессознательная деятельность фантазии принимает видное участие в образовании мыслей, скрывающихся за сновидением. Мы обязаны *Шернеру* указанием на источник мыслей, скрывающихся за сновидением; однако, почти все, что он приписывает деятельности сновидения, необходимо отнести на счет деятельности активной и днем бессознательной сферы, которая дает сновидению не менее поводов, чем невротическим симптомам. Деятельность сновидения нам пришлось отделить от этой деятельности как нечто совершенно отличное и значительно менее самостоятельное. Наконец, мы отнюдь не отрицаем связи сновидения с душевными расстройствами, наоборот, мы только прочнее укрепили ее, правда, с другой точки зрения.

Будучи объединены в одно новое целое нашим учением о сновидении, различные и зачастую противоречивые воззрения исследований были приняты нами за исключением очень немногих. Но наша постройка еще не закончена. Не говоря уже о многих неясностях, на которые мы натолкнулись при попытке проникнуть в глубь психологии, мы стоим сейчас перед новым противоречием. С одной стороны, мы говорили, что мысли, скрывающиеся за сновидением, возникают путем совершенно нормальной умственной деятельности, с другой же стороны, мы усмотрели, однако, и целый ряд анормальных мыслительных процессов среди этих мыслей, а от них и в содержании сновидения, которые мы повторяем затем при толковании последнего. Все, что мы называли «деятельностью сновидения», так далеко, по-видимому, от известных нам нормальных психических процессов, что самые резкие суждения авторов относительно ничтожества психической функции сновидения представляются нам вполне обоснованными.

Здесь мы сумеем разобраться, лишь углубившись еще больше в интересующую нас проблему.

Мы убедились, что сновидение замещает ряд мыслей, проистекающих из нашей дневной жизни и вполне логично связанных друг с другом. Мы не можем поэтому сомневаться, что эти мысли проистекают из нашей нормальной духовной жизни. В мыслях, скрывающихся за сновидением, мы находим все свойства, которые столь высоко ценим в своих бодрствующих мыслях и которые характеризуют их, как сложные продукты деятельности высшего ранга. Нет, однако, никакой надобности предполагать, будто это мышление совершается во время сна; но это разрушило бы наше представление о психическом состоянии сна. Однако эти мысли могут скорее проистекать из дневной работы; незаметно для сознания они могут продолжиться и в период засыпа-

ния предстать в готовом виде. Из всего этого мы можем заключить разве лишь то, что наисложнейшая мыслительная деятельность возможна без участия сознания; это, впрочем, нам известно из психоанализа любого истерика или лица, страдающего навязчивыми представлениями. Эти мысли, скрывающиеся за сновидением, сами по себе, несомненно, способны доходить до сознания; если мы не сознаем их в течение дня, то на это есть целый ряд различных причин. Осознавание связано с обращением к определенной психической функции — вниманию, которая используется, по-видимому, лишь в определенном масштабе. Другой способ, которым эти мысли изымаются из ведения сознания, состоит в следующем. Наше сознательное мышление показывает, что при использования внимания мы идем по определенному пути. Если на этом пути мы наталкиваемся на представление, не способное выдержать влияния критики, то мы поворачиваем обратно. Начатый и оставленный ход мыслей может быть продолжен затем без участия внимания, если только он в каком-либо пункте не достигает особенно высокой интенсивности, приковывающей внимание. Начальное, совершенное при помощи сознания отвержение мысли посредством суждения о ее неправильности или непригодности для насущных целей мыслительного акта может быть, следовательно, причиной того, что мыслительный процесс незаметно для сознания продолжается вплоть до засыпания.

Такой ход мыслей мы называем *предсознательным*, считаем его вполне законным и полагаем, что он может быть в равной мере как неважным и ничтожным, так и отрывочным и подавленным. Заметим далее вкратце, в каком виде рисуется нам ход представлений. Мы полагаем, что от целевого представления вдоль по избранным им ассоциативным путям движется некоторая единица раздражения. «Ничтожный» ход мыслей такого раздражения вообще не имеет; от «подавленного» же оно может отводиться обратно, и оба предоставляются их собственным раздражениям. Целесообразный ход мыслей способен при известных условиях привлекать к себе внимание сознания, через посредство его он получает

тогда «перевод». Наше понимание природы и функций сознания мы разовьем детальнее ниже.

Такой укрепленный предсознательной сферой ход мыслей может неожиданно исчезнуть или же удержаться. Первый случай представляется нам таким образом, что его энергия диффундирует по всем переходящим от него ассоциативным направлениям и повергает всю цепь мыслей в состояние возбуждения, которое поддерживается на мгновение, а потом разом исчезает. В этом случае весь процесс не имеет никакого значения для образования сновидений. В нашей предсознательной сфере имеются, однако, другие целевые представления, проистекающие из источников наших бессознательных и постоянно активных желаний. Последние могут овладеть раздражением в предоставленном себе самому круге мыслей; они образуют связь между ним и бессознательным желанием, переносят на него свойственную бессознательному желанию энергию, и с этого момента ничтожный или подавленный ход мыслей способен удержаться, хотя благодаря этому укреплению он не может все же претендовать на доступ к сознанию. Мы можем сказать, что до сих пор предсознательный ход мыслей переводится в сферу бессознательного.

Другие случаи образования сновидений могут быть следующие: предсознательный ход мыслей с самого начала соединяется с бессознательным желанием и потому наталкивается на отпор со стороны господствующего целевого устремления; или же бессознательное желание пробуждается по другим, например соматическим, мотивам и самостоятельно добивается перенесения на психические остатки, не обусловленные системой Прс. Все эти три случая сходятся в конце концов в одном и том же выводе: в предсознательной сфере образуется ход мыслей, который, будучи лишен подкрепления со стороны этой сферы, находит другое со стороны бессознательного желания.

Вслед за этим мысли претерпевают целый ряд преобразований, которые мы не считаем уже нормальными психическими процессами и которые дают в результате психопатологическое явление. Постараемся же в дальнейшем охарактеризовать и сопоставить эти преобразования.

1. Интенсивности отдельных представлений переходят на одно представление так, что в результате образуются представления, обладающие чрезвычайно высокой интенсивностью. После многократного повторения этого процесса интенсивность целого хода мыслей может скопиться в конце концов на одном представлении. Это-то и есть процесс компрессии, или *сгущения*, с которым мы познакомились при рассмотрении деятельности сновидения. Он, главным образом, и повинен в том странном впечатлении, которое оказывает сновидение, так как ничего аналогичного ему мы в нормальной и доступной для сознания душевной жизни не знаем. Мы имеем и здесь представления, которые в качестве узловых пунктов или конечного вывода целых цепей мыслей обладают крупным психическим значением; однако эта ценность не обнаруживается в каком-либо очевидном для внутреннего восприятия характере; представление, связанное с нею, отнюдь не становится интенсивным. В процессе сгущения вся психическая связь превращается в *интенсивность* содержания представлений. Это аналогично тому, как если какое-либо слово в книге, которому я придаю особое значение для понимания остального текста, я даю набрать жирным шрифтом. В разговоре я произнес бы это слово громко, медленно и с ударением. Первое сравнение ведет непосредственно к примеру, заимствованному из деятельности сновидения (*триметиламин* в сновидении об инъекции Ирме). Историки искусства обращают наше внимание на то, что древнейшие исторические скульпторы следуют тому же принципу, выражая степень общественного положения изображаемых лиц соответственной величиной статуи. Царь изображается вдвое или втрое выше, чем его свита или побежденный противник. Произведения скульптуры римской эпохи прибегают для достижения тех же целей к более утонченным средствам. Ваятель поместит фигуру императора посредине, придаст ему величественную осанку, приложит особое старание к отделке его фигуры, расположит врагов у его ног, но уже отнюдь не станет изображать его великаном среди карликов. Однако преклонение подчиненных перед главенствующим представляет собою еще и в настоящее время пережиток этого древнейшего принципа изображения.

Направление, по которому протекает процесс сгущения сновидения, указывается, с одной стороны, логичной предсознательной связью мыслей, скрывающихся за сновидением, с другой же, привлечением со стороны зрительных воспоминаний в сфере бессознательного. Результат процесса сгущения направлен на достижение тех интенсивностей, которые необходимы для сопротивления системам восприятия.

2. Благодаря свободному перенесению интенсивности и в целях сгущения образуются посредствующие представления — своего рода компромиссы (ср. многочисленные примеры). Это опять-таки нечто небывалое в нормальном ходе представлений, в котором дело идет прежде всего о подборе и фиксации «правильных» элементов представлений. Напротив того, сложные и компромиссные образования встречаются очень часто, когда мы подыскиваем словесные выражения предсознательным мыслям. Такие образования приводятся в качестве некоторых видов «оговорок».

3. Представления, переносящие одно на другое свои интенсивности, и находятся друг с другом в чрезвычайно слабой связи и объединяются такими ассоциациями, которые пренебрегаются нашим мышлением и используются только остроумием. Равноценными другим являются особенно ассоциации по созвучию.

4. Противоречивые мысли вовсе не стремятся уничтожить одна другую, они существуют одна подле другой и очень часто, как будто между ними не существовало противоречия, объединяются в продукты сгущения или же образуют компромиссы, которые мы никогда не простили бы вашему мышлению, но с которыми мы охотно соглашаемся в нашей деятельности.

Таковы некоторые из наиболее частых нормальных процессов, которым в течение деятельности сновидения подвергаются предварительно вполне рационально образованные мысли. Преобладающим характером последних служит то, что все старания устремляются на при-

дание подвижности элементу интенсивности; содержание и значение психических элементов, с которыми связаны эти интенсивности, отходят на второй план. Можно было бы предположить, что сгущение и образование компромиссов совершается лишь в помощь регрессии, если речь идет о превращении мысли в образы. Однако анализ и, в еще более резко выраженной форме, синтез таких сновидений, в которых отсутствует регрессия, как, например, в сновидении «автодидаскер — разговор с гофратом Н.», обнаруживают те же самые процессы сгущения и оттеснения, как и другие.

Таким образом, мы не можем оспаривать мысль, что в образовании сновидений принимают участие двоякого рода совершенно различные по существу психические процессы. Один из них создает вполне корректные, равноценные с нормальным мышлением, мысли, полагаемые в основу сновидения; другой же относится к ним в высшей степени странно и некорректно. Последний процесс мы уже в главе VI выделили в качестве самой деятельности сновидения. Что же можем мы, однако, сказать относительно происхождения этого психического процесса?

Мы не могли бы ответить на этот вопрос, если бы не углубились несколько в психологию невроза, особенно же истерии. Тут мы узнали, что те же самые некорректные психические процессы, и еще другие, неупомянутые, обусловливают образование истерических симптомов. В истерии мы находим также целый ряд вполне корректных мыслей, равноценных нашему сознательному мышлению, о наличии которых в этой форме мы узнать ничего не можем и которые мы восстанавливаем лишь впоследствии. Если они когда-нибудь проникают к нашему восприятию, то из анализа образованного симптома мы усматриваем, что эти нормальные мысли претерпели анормальное воздействие и были перенесены в симптом при посредстве сгущения, образования компромисса, через поверхностные ассоциации, под прикрытием противоречий, а также и путем регрессии. При полной идентичности своеобразных особенностей деятельности сновидения и психической деятельности, которая продуцирует психоневротические симптомы, мы будем вправе перенести на

сновидение те выводы, которые дает нам истерия.

Из учения об истерии мы заимствуем то положение, что такая анормальная психическая обработка нормального хода мыслей проявляется лишь тогда, когда он становится перенесением бессознательного желания, которое проистекает из детского материала и подверглось вытеснению. Ради этого принципа мы обосновали теорию сновидения тем предположением, что активное желание сновидения проистекает всегда из сферы бессознательного, что, как мы сами признавались, не всегда может быть доказано, но и не может быть опровергнуто. Чтобы иметь возможность, однако, точнее определить, что представляет собою «вытеснение», с которым мы не раз уже встречались, нам придется продолжить несколько возведение нашего психологического здания.

Мы углубились в рассмотрение функции примитивного психического аппарата, деятельность которого направляется стремлением избегнуть накопления раздражения. Он был конструирован поэтому по схеме рефлекторного аппарата; моторика, как путь к внутреннему изменению тела, была находившимся в его распоряжении отводным путем. Мы коснулись далее психических последствий ощущения удовлетворения и могли бы допустить и второе предположение: что накопление раздражения различными, нас не интересующими способами испытывается в форме неприятного ощущения и приводит аппарат в движение, чтобы вновь вызвать чувство удовлетворения, при котором ослабление раздражения испытывается в форме приятного ощущения. Такое, исходящее из неприятного ощущения и направленное к приятному течение в аппарате мы называем желанием; мы говорили, что ничто, кроме желания, не может привести в движение аппарат, и что ход раздражения в нем автоматически регулируется приятными и неприятными ощущениями. Первым желанием является, по-видимому, галлюцинаторное воспроизведение воспоминания об удовлетворении. В случае, однако, когда эта галлюцинация не удерживается до конца, она не способна вызвать утоления потребности, т.е. приятного чувства, связанного с удовлетворением.

Таким образом, оказалась необходимой вторая деятельность, на нашем языке — деятельность второй системы, которая не позволяла бы, чтобы воспоминание проникало к восприятию и оттуда связывало психические силы; оно должно направлять раздражение, исходящее из потребности, на обходный путь, который через посредство произвольной моторики настолько изменяет внешний мир, что может наступить реальное восприятие объекта удовлетворения. До сих пор мы прослеживали схему психического аппарата; обе системы представляют собою то, что во вполне законченном аппарате мы назвали системами Бзс. и Прс.

Чтобы иметь возможность посредством моторики целесообразно изменить внешний мир, необходимо накопление некоторой суммы наблюдений в системах воспоминаний и различного рода фиксирование взаимоотношений, вызываемых в этом материале воспоминаний различными целевыми представлениями. Продолжаем наши предположения. Проявляющаяся ощупью, посылающая энергию и вновь ее возвращающая деятельность второй системы нуждается, с одной стороны, в свободном распоряжении всем материалом воспоминаний; с другой стороны, было бы излишней расточительностью, если бы она посылала чрезмерные количества энергии на отдельные пути мышления, которые протекали бы в этом случае весьма нецелесообразно и ограничили бы количество, необходимое для изменения внешнего мира. Ввиду этой целесообразности я и предполагаю, следовательно, что второй системе удастся сохранить большую часть энергии и использовать для отодвигания лишь небольшое количество ее. Механизм этих процессов мне совершенно неизвестен; кто захотел бы серьезно заняться этим, тот должен был бы подобрать аналогию из физики и проложить себе путь к пониманию процесса движения при раздражении нейронов. Я настаиваю лишь на том, что деятельность первой Ψ-системы направлена на свободное прохождение раздражений и что вторая система благодаря исходящим от нее воздействиям парализует это прохождение. Я предполагаю, следовательно, что прохождение раздражения при господстве второй системы связуется с совершенно другими механическими моментами, чем при господстве первой. Когда вторая система заканчивает свою критическую мыслительную деятельность, парализование раздражений отпадает, что дает возможность их прохождению к системе моторности.

Мы приходим к чрезвычайно любопытному заключению, если примем во внимание отношение этого парализования со стороны другой системы к регулированию принципом неприятного ощущения. Возьмем противоположность непосредственного ощущения удовлетворения — *ощущение страха*. На примитивный аппарат действует здесь раздражение восприятия, которое является источником ощущения страха. В результате беспорядочные моторные проявления будут продолжаться до тех пор, пока одно из них не устранит аппарат от воздействия восприятия; при повторении восприятия будут повторяться и эти проявления (например, готовность к бегству) до тех пор, пока восприятие вновь не исчезнет. Здесь не будет уже, однако, налицо склонности галлюцинаторно или еще каким-либо образом вновь укрепить источник неприятного ощущения. Напротив того, в примитивном аппарате будет заложена склонность тотчас же по пробуждении неприятного воспоминания уклониться от него, ибо переход его раздражения на восприятие вызвал бы (вернее, начинает вызывать) неприятное ощущение. Уклонение от воспоминания, являющееся лишь повторением прежнего бегства от восприятия, облегчается еще и тем, что воспоминание в противоположность восприятию не обладает достаточной способностью возбудить сознание и тем самым привлечь к себе новое подкрепление. Это легко и регулярно совершающееся отклонение психического процесса от воспоминания о чем-либо, в свое время неприятном, дает нам образчик и первый пример *психического вытеснения*. Общеизвестно, сколько такого отворачивания от неприятных ощущений, сколько такой тактики стража заложено в нормальной душевной жизни взрослого человека.

Вследствие принципа неприятного ощущения первая Ψ-система не может, следовательно, включить в общую

цепь мышления что-либо неприятное. Эта система может только желать. Но если бы дело только этим и ограничивалось, то была бы парализована мыслительная деятельность второй системы, которой необходимо распоряжение всеми имеющимися в наличии воспоминаниями. Тут открываются два пути: либо деятельность второй системы освобождается от зависимости от принципа неприятного ощущения и продолжает свой путь, не обращая внимания на неприятные воспоминания, либо же находит возможность так связать неприятное воспоминание, что оно не вызовет неприятного ощущения. Первую возможность мы должны отвергнуть, так как принцип неприятного ощущения оказывается и регулятором хода раздражений второй системы; тем самым остается лишь вторая система, которая так связывает воспоминание, что парализует все его влияния, между прочим, следовательно, и аналогичный моторной иннервации процесс вызывания неприятного ощущения. К той гипотезе, что укрепление со стороны второй системы означает в то же время и парализование отвода раздражения, нас приводят два исходных пункта: принцип неприятного ощущения и процесс ничтожной иннервационной затраты. Итак, скажем — это и есть ключ ко всему учению о вытеснении, — что вторая система может лишь в том случае укрепить представление, если она способна парализовать исходящее от него развитие неприятного ощущения.

То, что уклоняется от парализующего действия, остается недоступным для второй системы и должно быть покинуто в силу принципа неприятного ощущения: парализование последнего, однако, не должно быть вовсе полным; наоборот, начало его должно быть допущено, оно должно обнаружить перед второй системой природу воспоминания и степень его пригодности для цели, поставленной перед собою мышлением.

Психический процесс, который самостоятельно допускает первая система, я буду называть теперь *первичным процессом*; другой же, совершающийся над воздействием второй системы, *вторичным*. Еще в одном пункте я могу показать, с какой целью приходится второй

системе исправлять первичный процесс. Первичный процесс способствует прохождению раздражения, чтобы с помощью накопленной таким образом величины последнего образовать идентичность восприятия; вторичный процесс оставляет это намерение и вместо него задается другим — образовать идентичность мышления. Все мышление есть лишь обходный путь от принимаемого в качестве целевого представления воспоминания об удовлетворении до идентичного овладения тем же воспоминанием, что достигается вновь через посредство моторной системы. Мышление должно интересоваться соединительными путями между представлениями, не давая вводить себя в заблуждение их интенсивностью. Ясно, однако, что сгущение представлений, посредствующие и компромиссные образования препятствуют достижению этой цели идентичности; заменяя одно представление другим, они уклоняются с пути, который вел от первого. Таких процессов вторичное мышление тщательно избегает. Нетрудно понять также, что принцип неприятного ощущения ставит препятствия на пути к достижению идентичности мышления мыслительному процессу, которому обычно предоставляет важнейшие исходные пункты. Тенденция мышления должна, таким образом, клониться в сторону освобождения от исключительного господства принципа неприятного ощущения; оно должно ограничивать до минимума развитие аффектов. Это улучшение результата деятельности должно совершаться при помощи нового воздействия со стороны сновидения. Мы знаем, однако, что это удается вполне чрезвычайно редко даже в наинормальнейшей психической жизни: наше мышление постоянно доступно извращению, благодаря включению принципа неприятного ощущения.

Но не это является дефектом функциональной способности нашего душевного аппарата, благодаря которому мысли, являющиеся результатом вторичной мыслительной деятельности, подвергаются воздействию первичного психического процесса. Этой формулой мы и воспользуемся теперь для изображения процесса, приводящего в результате к сновидению и к истерическим

симптомам. Отрицательный случай наблюдается при совпадении двух моментов из истории нашего развития, из которых один всецело относится к душевному аппарату и оказывает могущественное влияние на соотношение обеих систем, другой же включает в душевную жизнь движущие силы органического происхождения. Оба проистекают из периода детства и являются осадком того изменения, которое претерпел с детства наш психический и соматический организм.

Если один психический процесс в душевном аппарате я назвал первичным, то я сделал это не только из соображений иерархии, а руководствовался и соотношением обоих процессов во времени. Хотя психического аппарата, который обладал бы всего одним первичным процессом, насколько нам известно, не существует и он является поэтому лишь психической функцией, однако, несомненно то, что первичные процессы в нем даны с самого начала, между тем как вторичные развиваются лишь постепенно, парализуют первые, но полного господства над нами достигают лишь в зените жизни. Вследствие этого запоздалого проявления вторичных процессов ядро нашей натуры, состоящее из бессознательных желаний, остается в неприкосновенности и не подвергается парализованию со стороны предсознательной сферы, роль которой раз и навсегда ограничена указанием наиболее целесообразных путей желаниям, проистекающим из сферы бессознательного. Эти бессознательные желания налагают на все последующие стремления гнет, которому они должны подчиниться; они могут, однако, стараться отклонить его и направить на более высокие цели. Обширная область материала воспоминаний остается, благодаря запоздалому воздействию предсознательной сферы, совершенно недоступной.

Среди этих неразрушимых и недоступных парализованию желаний находятся и такие, осуществление которых становится в противоречие с целевыми представлениями вторичного мышления. Осуществление этих желаний вызвало бы уже не приятное, а неприятное ощущение и как раз это-то *превращение аффектов и составляет сущность того, что мы называем «вытеснением»* и в чем усматриваем детскую стадию осуждения (отклонения при посредстве суждения). Каким путем, при помощи каких движущих сил совершается это превращение, — это и образует проблему вытеснения, которой нам достаточно коснуться здесь только вскользь. Нам достаточно указать на то, что такое превращение аффектов совершается в течение развития (вспомним хотя бы о появлении первоначально отсутствующего отвращения в детстве) и что оно связано с деятельностью второй системы. Воспоминания, из которых бессознательное желание вызывает проявление аффектов, никогда не бывают доступны системе Прс.; поэтому-то это проявление аффектов и не подвергается парализованию. Именно благодаря этому проявлению аффектов, эти представления недоступны теперь и со стороны предсознательных мыслей, на которые они перенесли свою силу желания. На сцену выступает принцип неприятного ощущения и заставляет систему Прс. отвратиться от этих мыслей. Последние предоставляются самим себе, и, таким образом, наличие детского комплекса воспоминаний становится основным условием вытеснения.

В лучшем случае проявление неприятного ощущения прекращается, как только система Прс. отвращается от мыслей; этот случай характеризует целесообразность вмешательства принципа неприятного ощущения. Иначе обстоит дело, однако, в том случае, когда вытесненное бессознательное желание получает органическое подкрепление, которое оно может ссудить своим мыслям; тем самым оно дает им возможность вместе с раздражением произвести попытку проникнуть далее и тогда даже, когда система Прс. от них уже отвернулась. Дело доходит тогда до борьбы — система Прс. укрепляет противодействующую оттесненным мыслям — и далее, до победы мыслей, носителей бессознательного; победа эта выражается в образовании симптома. С того момента, однако, когда вытесненные мысли получают сильное подкрепление со стороны бессознательного желания и покидаются предсознательной сферой, они подвергаются воздействию первичного психического процесса, устремляются исключительно к моторному выходу или же,

если путь открыт, к галлюцинаторному оживлению желательной идентичности восприятия. Ранее мы нашли эмпирически, что описанные неправильные процессы совершаются лишь с мыслями, подвергнутыми вытеснению. Сейчас мы пойдем дальше. Эти неправильные процессы суть первичные процессы в психическом аппарате; они совершаются повсюду там, где представления покидаются сферой предсознательного, предоставляются самим себе и могут найти себе осуществление благодаря свободной, стремящейся к выходу энергии из сферы бессознательного. Некоторые другие наблюдения поддерживают тот взгляд, что эти, так называемые неправильные, процессы не представляют собой фальсификации нормальных ошибок мышления, а лишь недоступные парализованию формы деятельности психического аппарата. Так, мы видим, что сведение предсознательного раздражения к моторике совершается тем же путем и что соединение бессознательных представлений со словами легко обнаруживает такие же, приписываемые невниманию передвигания и смещения. Наконец, и доказательство прироста деятельности, необходимого при парализовании этих первичных процессов, вытекает из того факта, что мы достигаем комического эффекта, некоторого избытка, выливающегося в форму смеха, когда даем возможность этим процессам мышления проникнуть к сознанию.

Теория психоневрозов утверждает с полной категоричностью, что лишь сексуальные желания из периода детства могут претерпевать в ходе развития процесс вытеснения (превращения аффектов); в дальнейшие фазы развития они способны вновь воскреснуть — будь то вследствие сексуальной конституции, которая возникает из первоначальной бисексуальности, будь то вследствие неблагоприятных влияний половой жизни, — и дать движущие силы для образования любого психоневротического симптома. Лишь включением этих сексуальных сил можно заполнить пробелы, все еще обнаруживаемые теорией вытеснения. Я оставляю без рассмотрения вопрос, может ли требование сексуального и детского элемента относиться и к теории сновидения; я оставляю эту теорию незаконченной, потому что и так уже предположением, будто сновидение всякий раз проистекает из бессознательного, я переступил рамки доказуемого *. Я не намерен также продолжать исследование того, в чем состоит различие в проявлении психических сил при образовании сновидений и при образовании истерических симптомов; для этого нам недостает точного знакомства с одним из подлежащих здесь сравнению звеньев. Но другому пункту зато я придаю большое значение и должен откровенно признаться, что я лишь ра-

---

* Эти и другие пробелы моей разработки вопроса я оставляю вполне сознательно, так как заполнение их потребовало бы, с одной стороны, чрезвычайно большого труда, с другой же — обоснования материалом, совершенно чуждым сновидению. Так, например, я избегал указывать на то, разумею ли я под словом «подавленный» нечто иное, чем под словом «вытесненный». На самом деле ясно, конечно, что последнее сильнее подчеркивает связь с бессознательным, нежели первое. Я не входил в рассмотрение и того вопроса, почему мысли, скрывающиеся за сновидением, претерпевают искажение со стороны цензуры и в том случае, когда они отказываются от поступательного движения к сознанию и избирают путь регрессии. Моей задачей было прежде всего очертить рамки вопросов, к которым ведет дальнейшее расчленение деятельности сновидения, и указать на другие темы, с которыми скрещивается данная проблема. Решение, в каком месте в каждом отдельном случае прерывать изложение, было для меня всегда очень трудно. То, что я недостаточно исчерпывающе выяснил роль сексуальных представлений в сновидении и избегал толкования сновидений с явно сексуальным содержанием, покоится на особых мотивах, вероятно, не соответствующих ожиданиям читателя. Мои взгляды и воззрения, защищаемые мною в невропатологии, чрезвычайно далеки от того, чтобы видеть в половой жизни какую-то запретную область, которая не может интересовать ни врача, ни научного исследователя. Мне казалось смешным нравственное негодование, которым руководился, по-видимому, переводчик «символики сновидений» *Артемидора* из Дальдиса, когда выпустил главу о сексуальных сновидениях. Впоследствии он лично сообщил мне, что действовал так по настоянию издателя. Для меня единственно решающим моментом было лишь то, что при рассмотрении сексуальных сновидений мне пришлось бы углубиться в далеко не решенные еще проблемы половых извращений и бисексуальности; весь этот материал я счел лучшим приберечь для другого, специального исследования.

ди этого пункта предпринял все рассмотрение двух психических систем, их деятельности и процесса оттеснения. Речь идет теперь не о том, правильно ли я понял все эти психологические процессы или же неправильно и недостаточно; последнее очень возможно в столь сложном вопросе. Какое бы направление ни приняло толкование психической цензуры, нормальной или анормальной обработки содержания сновидения, не подлежит никакому сомнению, что эти процессы действительно имеют место при образовании сновидения и что они обнаруживают величайшую аналогию по существу с процессами, установленными нами при образовании истерических симптомов. Сновидение — не патологическое явление; оно не предполагает нарушения психического равновесия, оно не ослабляет психической работоспособности. Возражения, будто мои сновидения и сновидения моих невротических пациентов не дают еще права судить о сновидениях здоровых людей, следует отвергнуть без рассмотрения. Если мы, таким образом, по явлениям судим об их движущих силах, то мы приходим к тому заключению, что психический механизм, которым пользуется невроз, вовсе не создается болезненным расстройством, овладевающим нашей душевной жизнью, а имеется в наличии в нормальной структуре психического аппарата. Обе психические системы, переходная цензура между ними, парализование одной со стороны другой, отношение обеих к сознанию или то, наличие чего мы могли бы вывести из более правильного понимания фактического положения вещей, — все это относятся к нормальной структуре нашего душевного аппарата, и сновидение указывает нам один из путей, ведущих к познанию этой структуры. Если мы захотим удовольствоваться минимумом безусловно достоверных познаний, то сумеем сказать: сновидение показывает нам, что подавленное продолжает быть налицо и у здорового человека и сохраняет способность к психическим функциям. Сновидение — само одно из проявлений этого бессознательного; в теории оно является им всегда, на основании же конкретных наблюдений в большинстве случаев, которые обнаруживают наиболее ярко отличительные особенности сновидения, психически подавленное, которое в бодрствующем состоянии не могло найти себе выражения и было изолировано от внутреннего восприятия, в ночной жизни при господстве компромиссных образований находит себе пути и средства для проникновения в сознание. *«Не преклоню я Всевышних, но силы подземного царства в движение приведу!»*

Толкование же сновидений есть Царская дорога к познанию бессознательного в душевной жизни.

Следуя за анализом сновидения, мы проникаем в глубь этого наичудеснейшего и наитаинственнейшего механизма, правда, не далеко вглубь. Но и это кладет уже начало, а другие, патологические явления помогут проникнуть нам в него глубже. Болезнь, по крайней мере функциональная, как она справедливо именуется, предполагает собою не разрушение этого аппарата и не новое раскалывание его механизма; ее следует разъяснять динамически путем усиления и усиления отдельных движущих сил, которые при нормальном функционировании скрывают очень многое. В другом месте мы могли бы показать, что образование этого аппарата из двух инстанций допускает уточнение и нормальной деятельности, совершенно непосильное для одной инстанции *.

е) *Бессознательное и сознание. Реальность.* Присмотревшись ближе, мы увидим, что психологическое исследование предшествующего изложения привело нас к предположению наличия не двух систем вблизи моторного конца аппарата, а *двоякого рода процессов или способов прохождения раздражения.* Это, однако, безразлично: мы всегда должны быть готовы отказаться от

* Сновидение — не единственное явление, дающее возможность обосновать психопатологию на психологической почве. В небольшом, еще не законченном мною цикле статей в «Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie» (о психическом механизме забывания, 1898; и о кроющихся воспоминаниях, 1899) я старался объяснить целый ряд повседневных психических явлений для доказательства того же положения. Эти и дальнейшие статьи о забывании, обмолвках, ошибках и пр. собраны мною впоследствии в книге «Психопатология обыденной жизни» (рус. пер. в изд. «Современные проблемы»).

наших вспомогательных представлений, если имеем возможность заменить их чем-либо другим, более близким к незнакомой нам действительности. Попытаемся же теперь исправить некоторые недоразумения, которые легко могли возникнуть, пока мы под двумя системами в ближайшем и грубом их смысле понимали два пространственных пункта внутри психического аппарата, — недоразумения, отзвук которых мы видим хотя бы в выражениях «вытеснить» и «проникнуть». Если, таким образом, мы говорим, что бессознательная мысль стремится к переходу в сферу предсознательного, чтобы затем проникнуть к сознанию, то этим мы не хотим сказать, что должна быть образована вторая мысль на новом месте, — как бы копия, наряду с которой продолжает быть налицо и оригинал; представление о пространственном передвижении мы должны отделить и от проникновения к сознанию. Если мы говорим, что предсознательная мысль вытесняется и принимается затем бессознательной сферой, то эти образные выражения, заимствованные нами из круга представлений о борьбе за определенную территорию, могут действительно побудить нас к предположению, что из одного психического пункта нечто устраняется и заменяется в другом пункте другим. Вместо этого сравнения возьмем другое, более соответствующее действительному положению вещей: данное психическое образование претерпевает изменение или же изымается из-под действия определенной энергии, так что психическое образование подпадает под власть инстанции или же освобождается от нее. Здесь мы заменяем топический круг представлений динамическим; не психическое образование кажется нам подвижным, а его иннервация.

Тем не менее я считаю целесообразным и нужным сохранить наглядное представление об обеих системах. Мы избегнем опасности каких-либо недоразумений, если вспомним, что представления, мысли и вообще все психические образования должны быть локализованы не в органических элементах нервной системы, а так сказать, *между ними*, там, где сопротивления и пути образуют соответствующий им коррелят. Все, что может стать объектом нашего внутреннего восприятия, является *мнимым*, все равно как изображение в телескопе, получающееся от скрещения лучей. Системы же, сами по себе не представляющие психических образований и никогда не могущие стать доступными нашему психическому восприятию, мы вправе сопоставить с чечевицами телескопа, способствующими получению изображения. Продолжая это сравнение, мы могли бы сказать, что цензура между двумя системами соответствует преломлению лучей при переходе их в новую среду.

До сих пор мы занимались самостоятельным психологическим исследованием; пора, однако, коснуться воззрений, господствующих в современной психологии, и выяснить их отношение к нашим выводам. Вопрос бессознательного в психологии, по меткому выражению *Липпса* *, не столько психологический вопрос, сколько вопрос психологии. До тех пор пока психология разрешала этот вопрос путем разъяснения слов, например, что «психическое» есть то же самое, что «сознательное», а «бессознательный психический процесс» — явный абсурд, — до тех пор психологическое использование наблюдений врача над анормальными душевными состояниями было вообще невозможно. Врач и философ вступают в сотрудничество лишь тогда, когда оба признают, что бессознательные психические процессы служат «целесообразным и вполне законным выражением существующих фактов». Врач может только пожатием плеч ответить на утверждение, будто и сознание — необходимый отличительный признак психического, или же в крайнем случае, если его уважение к воззрениям философов все еще достаточно сильно, сказать, что они говорят о разных вещах и интересуются разными отраслями науки. Ибо достаточно одного внимательного наблюдения над душевной жизнью невротика или одного анализа сновидения, чтобы с неопровержимостью убедиться в том, что наисложнейшие мыслительные процессы, которым отнюдь

* «Понятие бессознательного в психологии». — Доклад на третьем международном психологическом конгрессе в Мюнхене в 1897 г.

нельзя отказать в наименовании психических, могут совершаться без участия сознания. Не подлежит сомнению, конечно, что врач лишь тогда узнает об этих бессознательных процессах, когда они оказывают воздействие на сознание, — воздействие, допускающее сообщение или наблюдение. Но этот сознательный эффект может носить психический характер, совершенно отличный от бессознательного процесса, так что внутреннее восприятие отнюдь не сумеет увидеть в одном замену другого. Врач должен сохранить за собой право путем умозаключения от эффекта сознания дойти до бессознательного психического процесса; этим путем он узнает, что эффект сознания является лишь отдаленным психическим результатом бессознательного процесса и что последний осознается не в качестве такового: он протекал, ничем не обнаруживая сознанию своего наличия.

Отказ от чрезмерной оценки сознания становится необходимой предпосылкой всякого правильного понимания происхождения психического. Бессознательное, по выражению *Липпса*, должно стать общим базисом психической жизни. Бессознательное — это большой круг, включающий в себя меньший сознательного; все сознательное имеет предварительную бессознательную стадию, между тем как бессознательное может остаться на этой стадии и все же претендовать на полную ценность психического действия. Бессознательное — есть истинно реальное психическое, *столь же неизвестное нам в своей внутренней сущности, как реальность внешнего мире, и раскрываемое данными сновидения в столь же незначительной степени, как и внешний мир показаниями наших органов чувств*.

Если прежняя противоположность сознания и сновидения обесценивается предоставлением бессознательному подобающего ему положения, то тем самым отпадает целый ряд проблем сновидения, которые подробно рассматривались большинством прежних авторов. Так, многие явления, наличие которых в сновидении прежде так удивляло, должны относиться теперь не на счет сновидения, а на счет действующего так же и днем бессознательного мышления. Если сновидение, по словам

Шернера, как бы играет символическим изображением тела, то мы знаем, что это результат деятельности некоторых бессознательных фантазий, связанных с сексуальной жизнью и находящих свое выражение не только в сновидении, но и в истерических фобиях и других симптомах. Когда сновидение продолжает и заканчивает дневную деятельность и отражает даже ценные и важные ее моменты, то нам достаточно устранить лишь своеобразную маску — результат деятельности сновидения и загадочных сил глубины психики. Интеллектуальная деятельность находится также под властью этих душевных сил. Мы склонны, по всей вероятности, к чрезмерной переоценке сознательного характера интеллектуального и художественного творчества. Из признаний некоторых высокоодаренных натур, как *Гете* и *Гельмгольц*, мы знаем, что все существенные черты их творений внушались им в форме вдохновения и в почти готовом виде доходили до их восприятия. Нас не удивляет, однако, участие сознательной деятельности во всех тех случаях, где налицо было напряжение всех духовных сил. Однако привилегия сознательной деятельности, которою она так часто злоупотребляет, и состоит именно в том, что она скрывает от нас все остальные.

Едва ли стоит и труда выделять в особую тему историческое значение сновидений. В том, что какая-либо историческая личность благодаря своему сновидению решилась на смелый подвиг, оказавший решающее влияние на ход мировой истории, — в этом можно усматривать особую проблему лишь до тех пор, пока сновидение в качестве какой-то непостижимой темы противопоставляется другим, более доступным душевным силам, а отнюдь не тогда, когда сновидение представляется в форме выражения чувств и мыслей, на которых днем тяготело сопротивление и которые ночью получили подкрепление из глубоких источников раздражения*. Почтительное же отношение к сновидению со стороны всех древних народов является основанным на вполне правильной пси-

* Ср. вышеприведенное сновидение Александра Македонского перед взятием Тира.

хологической гипотезе преклонением перед неукротимой и неразрушимой стороной человеческой души, перед *демоническим* элементом, из которого проистекает желание сновидения и которое мы находим в нашем бессознательном.

Я умышленно говорю *«в нашем бессознательном»*, ибо то, что мы так называем, не совпадает с бессознательным у философов и с бессознательным у *Липпса*. Там оно означает лишь противоположность сознательному; что помимо сознательных есть еще и бессознательные психические процессы, — об этом все они спорят. У *Липпса* мы находим еще, что все психическое существует в форме бессознательного и лишь немногое, кроме того, и в форме сознательного. Но не для доказательства *этого* положения рассматривали мы процессы образования сновидений и истерических симптомов; для неопровержимого установления его достаточно наблюдения над нормальной дневной *жизнью*. То новое, что показал нам анализ психопатологических образований, и особенно первого из их звеньев — сновидения, состоит в том, что бессознательное, иначе говоря, психическое, обнаруживается в качестве функции двух раздельных систем; следы его мы находим и в нормальной душевной жизни. Есть, следовательно, двоякого рода бессознательное; этого разделения психологи не производят. И то и другое — бессознательное в психологическом смысле; но в нашем — то, что мы называем системой Бзс., неспособно дойти до сознания, между тем как другое потому называется нами системой Прс., что его раздражения, правда, по известным законам, быть может, лишь после преодоления новой цензуры, но во всяком случае без всякого отношения к системе Бзс., — могут проникнуть к сознанию. Тот факт, что раздражения, для того чтобы проникнуть к сознанию, должны претерпеть последовательный ряд процессов, обнаруживающихся нами благодаря их цензурному изменению, послужил нам для сравнения с пространственными представлениями. Мы изобразили взаимоотношение обеих систем и их отношение к сознанию, сказав, что система Прс. стоит как бы ширмой между системой Бзс. и сознанием. Система Прс. преграждает не только доступ к сознанию, но главенствует и над доступом к произвольной моторности и распоряжается посылкой энергии, часть которой знакома нам в форме внимания.

Мы должны стоять в стороне и от подразделения — *верхнее и нижнее сознание*, — столь излюбленного в новейшей литературе психоневрозов, так как оно подчеркивает, по-видимому, именно тождество психического и сознательного.

Какая же роль выпадает на долю некогда столь всемогущего, оставляющего в стороне все остальное *сознания*? Роль органа чувств для восприятия психических качеств. Согласно основной мысли нашего схематического опыта, мы можем представить себе сознательное восприятие исключительно в форме самостоятельной функции особой системы, которую для краткости обозначим Сз. По своим механическим свойствам система эта аналогична воспринимающей системе В; она неспособна запечатлевать следы изменений, т.е. лишена памяти. Психический аппарат, чувствующими органами системы В обращенный к внешнему миру, сам служит внешним миром для органа системы Сз., телеологическое оправдание которой и покоится на этом взаимоотношении. Принцип прохождения инстанций, господствующий, по-видимому, в общей структуре аппарата, еще раз обнаруживается здесь перед нами. Материал раздражений притекает к чувствующим органам системы Сз. с двух сторон: из системы В, раздражение которой, обусловленное качествами, претерпевает, вероятно, новую переработку до тех пор, пока не становится сознательным ощущением, — и изнутри аппарата, количественные процессы которого ощущаются качественно в форме приятного или неприятного чувства, когда подвергаются определенным изменениям.

Философы, которые понимали, что вполне законные и в высшей степени сложные продукты мышления могут образовываться и без участия сознания, отступили, однако, перед трудной задачей: приписать сознанию такого рода функцию; это казалось им излишним отражением законченного психического процесса. Аналогия на-

шей системы Сз. с воспринимающими системами выводит нас из этого затруднения. Мы видим, что восприятие при помощи органов чувств имеет в результате то, что внимание устремляется на те пути, по которым распространяется чувственное раздражение; качественное раздражение системы В служит регулятором количественного распределения подкреплений в психическом аппарате. Такую же функцию можем приписать мы и органам системы Сз. Воспринимая новые качества, они способствуют направлению и целесообразному распределению подкреплений. При помощи восприятия приятного и неприятного ощущения они обусловливают прохождение подкрепления внутри в целом своем бессознательного психического аппарата, деятельность которого протекает путем перемещения определенных количеств подкреплений. Весьма вероятно, что принцип неприятного ощущения вначале автоматически регулирует передвижение подкреплений; но возможно также, что сознание совершает второе, более точное регулирование, могущее противостоять даже первому и совершенствующее работоспособность аппарата: вопреки его первоначальной способности оно дает ему возможность укреплять и перерабатывать даже и то, что связано с проявлением неприятного чувства. Из психологии неврозов мы знаем, что этим регулированиям при помощи качественных раздражений органов чувств приписывается немаловажная роль в общей функциональной деятельности аппарата. Автоматическое главенство первичного принципа неприятного ощущения и связанное с этим ограничение работоспособности нарушается чувствующими регулированиями, которые сами, в свою очередь, являются автоматизмами. Мы видим, что вытеснение, которое, будучи вначале хотя и целесообразным, превращается в конце концов в пагубный отказ от парализования и психического господства, значительно легче совершается над воспоминаниями, чем над восприятиями, так как у первых отсутствует приток подкреплений, получаемый благодаря раздражению психических органов чувств. Если мысль, испытывающая сопротивление, не сознается потому, что подвергается вытеснению, то в другой раз

она может быть вытеснена лишь на том основании, что она по другим причинам была удалена от сознательного восприятия. Таковы данные, которыми пользуется терапия с целью восстановления уже раз произведенного вытеснения.

Ценность сверхподкрепления, образуемого регулирующим воздействием системы Сз. на количественную подвижность, телеологически не может быть показана лучше, чем путем создания нового качественного ряда, а тем самым и нового регулирования, образующего преимущество человека перед животными. Мыслительные процессы сами по себе бескачественны вплоть до сопровождающих их приятных и неприятных раздражений, которые в качестве расстройства мышления должны держаться в строгих рамках. Для придания качественности, они ассоциируются у человека со словесными воспоминаниями, качественных остатков которых достаточно для привлечения к ним внимания сознания и для того, чтобы последнее послало мышлению новое подкрепление.

Все разнообразие проблем сознания охватывается взглядом лишь при расчленении истерических процессов мышления. В этих случаях испытываешь впечатление, будто и переход от предсознательного к сознанию связан с цензурой аналогичной цензуре между системами Бзс. и Прс. И эта цензура устраняется лишь при известном количественном пределе, так что ее избегают лишь немногие мысли. Все возможные случаи отклонения от сознания, а также и неполного проникновения к последнему объединяются в рамках психоневротических явлений; все они указывают на наличие тесной и двусторонней связи между цензурой и сознанием. Сообщением двух таких случаев я и хочу закончить это психологическое исследование.

В прошлом году я был приглашен на консилиум к одной интеллигентной девушке. У нее был странный вид; в то время как женщины обычно отличаются аккуратностью, она была одета очень небрежно: один чулок спустился чуть ли не до пятки, на блузе на хватало двух пуговиц. Она жаловалась на боль в ноге и тотчас же без всякого приглашения с нашей стороны подняла юбку.

Главная же ее жалоба гласила буквально следующее: «*У нее такое чувство в животе, будто там что-то есть. Там что-то движется взад и вперед. Иногда при этом все ее тело как бы цепенеет*». Мой коллега посмотрел на меня, ему ее жалоба отнюдь не показалась двусмысленной. Обоим нам показалось, однако, странным, что мать больной ни о чем не догадывается, ведь она, по-видимому, не раз бывала в ситуации, о которой говорит сейчас ее дочь. Сама девушка не имеет и понятия о значении своих слов, иначе она не сказала бы этого. Здесь удалось так ослепить цензуру, что фантазия, обычно остающаяся в сфере бессознательного, здесь как бы невинно под маской жалобы была допущена к сознанию.

Другой пример. Я приступаю к психоаналитическому лечению четырнадцатилетнего мальчика, страдающего конвульсивным тиком, истерической рвотой, головными болями и т.п. Я уверяю его, что, закрыв глаза, он увидит картины или вспомнит мысли, о которых он и должен мне рассказать. В его воспоминаниях образно всплывает последнее впечатление до его прихода ко мне. Он играл с дядей в шашки и видит теперь перед собою шашечную доску. Он думает о различных положениях, о ходах, которые не следует делать. Потом видит вдруг на доске кинжал; он принадлежит его отцу. Затем на доске появляется сначала серп, а за ним и коса; он видит старого крестьянина, который косит траву на лужайке перед их отдаленной усадьбой. Через несколько дней мне удалось разъяснить последовательность этих образов. Возбужденное состояние мальчика объясняется неблагоприятными семейными условиями: жестокостью и вспыльчивостью отца, жившего в неладах с матерью и не знавшего никаких педагогических средств, кроме угроз; развод отца с доброй и ласковой матерью; вторая женитьба отца, который в один прекрасный день привел в дом молодую жену, «новую маму». Через несколько дней после этого и проявилась болезнь мальчика. В прозрачные намеки превратила эти образы подавленная злоба по отношению к отцу. Материалом послужили воспоминания из мифологии. Серпом Зевс кастрировал отца, коса и старик изображают

Хроноса, могучего титана, который пожрал своих детей и которому так не по-сыновнему отомстил Зевс. Женитьба отца послужила для мальчика поводом обратить на него те упреки и угрозы, которые он слышал от него за то, что *играл* половыми органами (игра в шашки; неверные ходы, которых делать не следует; кинжал, которым можно убить). Здесь в сознание проникают давно оттесненные воспоминания и их оставшиеся бессознательными слезы: они проскальзывают по обходным путям под маскою мнимо бессмысленных образов.

Таким образом, теоретическую ценность исследования сновидений я нахожу нужным искать в освещении психологических проблем и в подготовке к пониманию психоневрозов. Кто может сказать, какое значение способно приобрести основательное знакомство со структурой и функциями психического аппарата, если уже нынешнее состояние нашего знания допускает весьма удачное терапевтическое воздействие на исцелимые формы психоневрозов? Но в чем же, спросят меня, в чем заключается практическая ценность этого исследования для познания психики и для раскрытия скрытых особенностей и свойств характера индивидуума? Разве бессознательные мысли и чувства, раскрываемые сновидением, не обладают ценностью реальных сил в душевной жизни? Следует ли придавать маловажное этическое значение подавленным желаниям, которые, создавая сновидения, способны и на создание других психических форм?

Я не считаю себя вправе отвечать на этот вопрос. Я лично не подвергал исследованию эти стороны проблемы сновидения. Я полагаю лишь, что римский император поступил несправедливо, приказав казнить своего подданного за то, что тому приснилось, будто он убил императора. Ему следовало бы поинтересоваться сперва, что означает это сновидение; по всей вероятности, его смысл предстал бы перед ним совершенно в другом свете. И даже если бы другое какое-либо сновидение имело такой преступный смысл, то все же было бы уместно запомнить слова *Платона*, что добродетельный человек ограничивается тем, что ему лишь снится то, что дурной делает. Признавать ли за бессознательными желаниями

значение реальности и в каком смысле, я пока сказать затрудняюсь. Во всякого рода переходных и посредствующих мыслях она, разумеется, отсутствует. Поставив перед собой бессознательные желания в их конечной и истинной форме, мы вспомним, что и психически реальное может обнаружиться не только в одной форме. Для практической потребности — суждения о характере человека — достаточно в большинстве случаев поступков и сознательно проявляемого мировоззрения. На первый план следует выделить, конечно, поступки, так как многие протекавшие в сознание импульсы устраняются реальными силами душевной жизни перед самым их переходом к осуществлению; зачастую даже они именно потому-то и не встречают на своем пути психических преград, что сфера бессознательного слишком убеждена в том, что они встретят непреодолимую преграду в другом месте. Во всяком случае чрезвычайно поучительно ознакомиться ближе с той разрыхленной почвой, на которой горделиво вздымаются наши добродетели. Динамически подвижный во всех направлениях комплекс человеческого характера чрезвычайно редко может подлежать простой альтернативе, как того бы хотела наша мораль.

А значение сновидения для предсказания будущего?

Об этом не приходится, конечно, и говорить *. Вместо этого можно было бы сказать: для ознакомления с прошлым. Ибо сновидение всегда и в любом смысле проистекает из прошлого. Однако и вера в то, что сновидение раскрывает перед нами будущее, не лишена доли истины. Сновидение, рисуя перед нами осуществление желания, переносит нас в будущее, но это будущее, представляющееся грезящему настоящим, благодаря неразрушимому желанию представляет собою копию и воспроизведение прошлого.

* Проф. Эрнст *Оппенгеймер* (Вена) на основании этнологического материала показал мне, что есть категория сновидений, которым и народ не придает значения для предсказания и которые сводятся попросту к желаниям и потребностям, появляющимся во время сна. Он обещает в скором времени коснуться этих сновидений, сообщаемых обычно в виде «острот и анекдотов».

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

I. *Аристотель*. О сновидении и толковании сновидений.

2. *Артемидор*. Символика сновидений.

3. *Benini V*. La memoria e la durata deisogni. Revista italiana di filosofia.

4. *Binz C*. Über den Traum. 1878.

5. *Börner J*. Das Alpdrücken, seine Begründung und Verhütung. 1855.

6. *Bradley J. H*. On the failure of movement in dream. Mind, July 1894.

7. *Brander R*. Der Schlaf und das Traumleben. 1884.

8. *Burdach*. Die Phylosophie als Erfahrungswissenschaft, 3. T. 1830.

9. *Büchsenschutz B*. Traum und Traumdeutung im Altertum. 1868.

10. *Chaslin Ph*. Du rôle du rêve dans l'évolution du délire. Thése de Paris, 1887.

11. *Chabeneix*. Le subconscient chez les artistes, les savants et les écrivains. Paris 1897.

12. *Calkins Mary Whiton*. Statistics of dreams. Amer. J. of Psychologye. 1898.

13. *Clavière*. La rapididé de la pensée dans le rêve. Revue philosophique. XLIII. 1897.

14. *Dandolo G*. La conscienza nel sonno. Padova. 1889.

15. *Delage Yves*. Une théorie du rêve. Revue scientifique. 1895.

16. *Delboeuf J*. Le sommeil et les rêves. Paris 1885.

17. *Debacker*. Terreurs nocturnes des infants. Thèse de Paris. 1881.

18. *Dugas*. Le souvenir du rêve. Revue philosophique. XLIV. 1897.

19. *Dugas*. Le sommeil et la rérêbration inconsciente

durant le sommeil. Revue philosophique. XLIII. 1897.
20. *Egger V.* La durée apparente des rêves. Revue philosophique, 1895.
21. *Egger.* Le souvenir dans le rêves. Revue philosophique. XLVI.
22. *Ellis Havelock.* On dreaming of the dead. The psychological review, II, Nr. 5, 1895.
23. *Ellis Havelock.* The stuff that dreams are made of. Appleton's popular science monthly.
24. *Ellis Havelock.* An note on hypnagogic paramnesia. Mind, April 1897.
25. *Fechner G. Th.* Elements der Psychophysik. 2-е изд. 1889.
26. *Fichte I. H.* Psychologie. Die Lehre von bewussten Geiste des Menschen. Часть I. Лейпциг, 1864.
27. *Geissler M.* Aus den Tiefen des Traumlebens. Галле. 1890.
28. *Geissler M.* Die physiologischen Beziehungen der Traumvorgänge. Галле. 1896.
29. *Goblot.* Sur le souvenir des rêves. Revue philosophique. XLII. 1896.
30. *Graffunder.* Traum und Traumdeutung. 1894.
31. *Griesinger.* Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten, 1871
32. *Haffner P.* Schlafen und Träumen. 1884. «Frankfurter zeitgemässe Broschüren».
33. *Hallam Fl.* und *Sarah Weed A.* Study of the dream consciousness Amer. J. et Psychology. VII, Nr. 3, April 1896.
34. *d'llervey.* Les rêves et lés moyens de les diriger. Paris 1867.
35. *Hildebrandt F. W.* Der Traum und seine Verwetrung fürs Leben. 1875.
36. *Jessen.* Versuch einer wissehtschaftlichen Begründung der Psychologie. 1856.
37. *Jodl.* Lehdbuck der Psychologie. Штутгарт. 1896.
38. *Kant J.* Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. Лейпциг, 1880.
39. *Krauss A.* Der Sinn in Wahnsinn. «Allgemeine Zeitschrift für Psychologie», XV, XVI. 1858 — 1859.
40. *Ladd.* Contribution to the psyohology of visual dreams. Mind, April, 1892.
41. *Leidesdorf M.* Das Traumleben. Вена, 1880.
42. *Lemoine.* Du sommeil an point de vue physiologique et psychologique. Paris. 1885.
43. *Lièbeault A.* Le sommeil provoqué et les états analogues. Paris. 1889.
44. *Lipps Th.* Grundtatsachen des Seelenlebens. Бонн, 1883.
45. *Le Lorrain.* Le rève. Revue philosophique. 1895.
46. *Mandsley.* The Pathology of Mind. 1879.
47. *Maury A.* Analogies des phénomènes du réve et de l'aliénation mentale. Annales méd. psych. 1854, 404.
48. *Maury A.* Le sommeil et les réves. Paris, 1878.
49. *Moreau J.* De l'identite de l'état de rêre et de folie. Annales méd. psych. 1855, с. 361.
50. *Nelson J.* A study of dreams. Amer. J. of Psychology. I, 1888.
51. *Pilcz.* über eine gewisse Gesetzmässigkeit in den Träumen. «Monatsschrift für Psychologie und Neurologie». Март, 1899.
52. *Pfaff E. R.* Das Traumleben und seine Dentung nach den Prinzipien der Araber, Perser, Griechen, Indier und Ägypter. Лейпциг, 1868.
53. *Purkinje.* Статья: «Wachen, Schlaf, Traum und verwandte Zustände» в «Handwörterbuch der Physiologie». 1846.
54. *Radestoch P.* Schlaf und Traum. Лейпциг, 1878.
55. *Robert W.* Der Traum als Naturnotwendigkeit erklärt. 1886.
56. *Sante de Sanctis.* Les maladies mentales et les rêves 1897. — Extrait des Annales de la Société de médecine de Gand.
57. *Sante de Sanctis.* Sui rapporti d'identita, di somiglianza, di analogia e di equivakenza fra sogno e pazzia. Rivista quindicinale di Psichologia, Psichiatria, Neuropatologia. 1897.
58. *Scherner R. A.* Das Leben des Traumes. Берлин, 1861.
59. *Scholz Fr.* Schlaf und Traum. Лейпциг, 1887.

60. *Schopenhauer*. Versuch über das Geistersehen und was damit zusammenhängt. — Parerga und Paralipomena, I. T. 1857.
61. *Shleiermacher Fr.* Psychologie. Berlin, 1862.
62. *Siebek A.* Das Traumleben der Seele. 1877. — Серия Virchow-Holtzendorf. Nr. 279.
63. *Simon M.* Le monde des rêves. Paris, 1888. — Bibliotheque scientifique contemporaine.
64. *Spitta W.* Die Schlaf — und Traumzustände der menschlichen. 2-е изд., 1892.
65. *Stumpf E.J. G.* Der Traum und seine Deutung. Лейпциг, 1899.
66. *Strümpell L.* Die Natur und Entstehung der Träume. Лейпциг, 1877.
67. *Tannery*. Sur la mémoire dans le rêve. Revue philosophique. XLV. 1898.
68. *Tissié Ph.* Les rêves, physiologie et pathologie. 1898 — Bibliothéque de philosophie contemporaine.
69. *Titchener*. Taste dreams. Amer. J. of Psychology. VI. 1893.
70. *Thomayer*. Sur la signification de quelques rêves. Revue neurologique. Nr 4, 1897.
71. *Vignoli*. Von den Träumen. Illusionen und Halluzinationen. «Internationale wissenschaftliche Bibliothek». 47.
72. *Volkelt J.* Die Traumphantasie. Штутгарт, 1875.
73. *Vold J. Mourly*. Expériences sur les rêves et en particulier sur ceux d'origine musculaire et optique. 1896. — Реферат в Revue philosophique. XLII. 1899.
74. *Vold J. Mourly*. Einige Experimente über Gesichtsbilder im Traume. Третий междунар. психологический конгресс в Мюнхене. 1897.
74a. *Vold J. Mourly*. Über den Traum. Experimentell-psychologische Unterschungen. T. I. Лейпциг, 1910.
75. *Weygandt W.* Entstehung der Träume. 1893.
76. *Wundt*. Grundzüge der physiologischen Psychologie. T. II. 1880.
77. *Stricker*. Studien über das Bewusstsein. Вена, 1879.
78. *Siricker*. Studien über die Assoziation der Vorstellungen. Вена, 1883.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПРОБЛЕМЫ СНОВИДЕНИЯ

79. *Abraham Karl*. Über hysterische Traumzustände (Jahrbuch f. psychoanalyt. und psychopatholog. Forschungen, T. II, 1910).
80. *Абрагам Карл*. Сон и миф. К-во «Современные проблемы».
81. *Adler Alfred*. Zwei Träume einer Prostituierten. Zeitschrift f. Sexualwissenschaft. 1908, N 2.
82. *Adler Alfred*. Ein erlogener Traum (Zentralbl. f. Psychoanalyse. 1910, N 3).
83. *Bleuler E.* Die Psychoanalyse Freuds (Jahrb. f. psychoanalyt. u. psychopatholog. Forschungen. T. II, 1910).
84. *Brill A. A.* Dreams and their Relation to the Neurosis. New York Medical Journal, April 23, 1910.
85. *Ellis Havelock*. The Symbolism of Dreams (The Popular Science Monthly, July 1910).
86. *Ellis Havelock*. The World of Dreams, London 1911.
87. *Ferenczi S.* «Die psychologische Analyse der Träume. Psychiatrischneurologische Wochenschrift, Nr. 11 — 13, 1911.
88. *Freuds S.* Über der Traum. — (Grenzfragen les Nerven — und Seelenlebens. Вып. 8). 2 изд. 1911.
89. *Freuds S.* Bruchstück einer Hysterieanalyse. (Monatschr. f. Psychiatric und Neurologie. Вып. 4, und 5, 1905). Отдельно в: Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, Лейпциг и Вена, 1909.
80. *Freuds S.* Der Wahn und die Träume in W. Jensens «Gradiva». Schriften zur angewandten Seelenkunde. Вып. 1. Вена и Лейпциг, 1907.
91. *Freuds S.* Über den Gegensinn der Urworte (Jahrbuch für psychoanalyt. und Pspchopatholog. Forschungen. T. II, 1910).

92. *Freuds S.* Typisches Beispiel eines verkappten Ödipusträumes. (Zentralbl. für Psychoanalyse, 1910, N 1).
93. *Freuds S.* Nachträge zur Traumdeutung. (Там же, № 5.)
94. *Hitschmann Ed.* Freuds Neurosenlehre. Nach ihrem gegenwärtigen Stande zusammenfassend dargestellt. Вена и Лейпциг, 1911. Гл. V: Сновидение.
95. *Jones Ernest.* Freuds Theory of Dreams, American Journal of Psychology, 1910.
96. *Janes Ernest.* Some Instances of the Influence of Dreams on Waking Life (The Journal of abnormal Psychology, 1911).
97. *Jung C. G.* L'analyse des rêves (L'annee Psychologique, Tome VV).
98. *Jung C. G.* Assoziation, Traum und hysterische Symptom (Diagnostische Assoziationsstudien. Beiträge zur experimentellen Psychopathologie. 1910. N VIII. S. 31 — 66).
99. *Ein Beitrag* zur Psychologie des Gerüchtes (Zentralblatt für Psychoanalyse. 1910, N 3).
100. *Maeder Alphonse.* Essai d'interprétation de quelques rêves (Archives de Psychologie, 24, 1907)
101. *Maeder Alphonse.* Die Symbolik in den Legenden, Märchen, Gebräuchen und Träumen (Psychiatrisch-Neurolog. Wochenschr. Год X).
102. *Meisl Alfred.* Der Traum. Analytische Studien über die Elemente der psychischen Funktion. 1907.
103. *Onuf B.* Dreams and their Interpretations as Diagnostic and Therapeutic Aids in Psychology (The Journal of abnormal Psychology, 1910).
104. *Pfister Oskar.* Wahnvorstellung und Schüllerselbstmord. (Schweiz. Blatt f. Schulges. 1909, 1).
105. *Prince Morton.* The Mechanism and Interpretation of Dreams (The Journal of abnorm. Psych. 1910).
106. *Rank Otto.* Ein Traum, der sich selbst deutet (Jahrbuch für psychoanalyt. und psychopatholog. Forschungen, 1910).
107. *Rank Otto.* Ein Beitrag zum Narzissismus (Там же).
108. *Rank Otto.* Beispiel eines verkappten Ödipustraumes (Zentralblatt für Psychoanalyse. 1910).
109. *Rank Otto.* Zum Thema der Zahnreizträume (Там же).

110. *Rank Otto.* Das Verlieren als Symptomhandlung (Там же).
111. *Robitsek Alfred.* Die Analyse von Egmonts Traum (Jahrb. f. psychoanalyt. u. psychopathol. Forschungen, 1910).
112. *Silberer Herbert.* Bericht über eine Methode, gewisse symbolische Halluzinationserscheinungen hervorzurufen und zu beobachten (Jahrb. Bleuler — Freud, 1909).
113. *Silberer Herbert.* Phantasie und Mythos (Там же, 1910).
114. *Stekel Wilhelm.* Beiträge zur Traumdeutung (Jahrbuch für psychoanalytische und psychopatholog. Forschungen, 1909).
115. *Stekel Wilhelm.* Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung (Вена и Берлин, 1908).
116. *Stekel Wilhelm.* Die Sprache des Traumes. Eine Darstellung der Symbolik und Deutung des Traumes in ihren Beziehungen zur kranken und gesunden Seele für Ärzte und Psychologen (Висбаден, 1911).
117. *Swoboda Hermann.* Die Perioden des menschlichen Organismus (Вена и Лейпциг, 1904).
118. *Waterman George A.* Dreams as a Cause of Symptoms (The Journal of abnormal Psychol. 1910).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Парадигма — здесь — «объясняющий пример», то есть пример, разбирая который, можно уяснить более общую закономерность.

[2] О. Ранк (1884 — 1934) — один из ближайших учеников и последователей Фрейда. Занимался теорией сновидений, соотнося материал сновидений с мифологией и художественным творчеством. Наиболее известна монография О. Ранка «Травма рождения», в которой он указывает, что изгнание плода из материнского чрева является «основной травмой», определяющей развитие неврозов. Каждому человеку присуще подсознательное стремление возвратиться в материнское лоно. Фрейд не разделял этой концепции О. Ранка. В настоящее время идеи О. Ранка получили развитие в трудах известного ученого из США Станислава Грофа, проводившего эксперименты с применением галлюциногенов (ЛСД) и обнаружившего следы воспоминаний о пребывании плода во чреве матери и о родах (так называемые перинатальные матрицы).

[3] А. А. Брилл (1874 — 1948) — последователь Фрейда в США, неутомимый проповедник идей психоанализа, с которыми впервые познакомился в Цюрихе в клинике Э. Блейлера и К. Г. Юнга (подробно о А. А. Брилле см. в кн. Г. Уэллса «Крах психоанализа». — М.: Прогресс. 1968).

[4] Ш. Ференци (1873 — 1933) — один из ближайших последователей Фрейда, сторонник так называемого активного анализа.

[5] Э. Б. Тайлор, касаясь толкования сновидений, пишет, что «тайноведение зиждется на ассоциации идей». Он приводит три типа толкования сновидений, характерных для народов, находящихся на низкой ступени развития: грубосимволическое толкование, прямое толкование и толкование по принципу противоположности. Пример символического толкования: у народов Севера увиденная во сне вошь либо собака предвещает приход путника-чужеземца. Эта символика выдает эмоциональное отношение к такого рода визитам. Любопытная параллель — в видении апостола Петра (Деян. 10; 9 — 16) «нечистые» животные также символически представляют чужеземцев, язычников. Л. Леви-Брюль считает, что первобытное мышление не видит разницы между сном и бодрствованием, а к информации, полученной в сновидении, относится с большим доверием, чем к реальности, ибо во время сна душа, покидая тело, общается с духами. Указанные поверья еще в прошлом веке сохранялись у европейских народов. Считалось, что в Иванову ночь души людей, которым предстоит в этом году умереть, приходят вместе с душой священника к дверям Храма и стучат в них. Это видят те, кто не спит и постится в эту ночь. Священник спит неспокойно: ведь его душа находится вне тела!

[6] Аристотель Стагирит (384 — 322 гг. до н. э.) — величайший философ античности, основоположник логики («Аналитики», «Категории») и психологии («О душе»). Артемидор (вторая половина II в. н. э.) — греческий толкователь снов и писатель из Лидии (Далтис). «Онейрокритика» (толкование сновидений) в 5 книгах — единственное сохранившееся его произведение, в котором он приводит в систему воззрения своей эпохи на природу сновидений. По философским убеждениям — стоик. Раздел о сексуальных сновидениях в книге Артемидора весьма откровенен, а потому почти во всех изданиях книги XIX в. опускался из соображений «пристойности».

[7] К. Ф. Бурдах (1776 — 1847) — немецкий философ, физиолог, анатом. Работал в Дерпте и Кенигсберге. Именем Бурдаха назван один из чувствительных проводящих путей спинного мозга.

[8] И. Г. Фихте (1762 — 1814) — философ, представитель немецкой классической школы, продолжил и развил учение Канта.

[9] Внутреннее органическое раздражение — раздражение со стороны внутренних органов. Фрейд употребляет оба эти выражения как эквивалентные. Однако термин «органический» в русском языке понимается скорее как «морфологический», «структурный», в противоположность термину «функциональный». В связи с этим в дальнейшем мы будем использовать

выражение «раздражение со стороны внутренних органов».

[10] Современные эксперименты по блокированию внешних раздражителей (сенсорная депривация) привели к иным результатам: испытуемые не засыпали, но у них наступали психотические нарушения: дезориентировка в окружающем, зрительные и слуховые галлюцинации. При белой горячке интенсивность галлюцинаций уменьшалась при интенсивных внешних раздражениях и резко усиливалась при их отсутствии.

[11] Именно эти сновидения священник Павел Флоренский использует для обоснования своей теории в статье «Иконостас». Действительно, время в приводимых сновидениях течет как бы в обратном направлении по отношению к реальному: то, что в реальности является побудителем сновидения, в самом сновидении является «конечным пунктом», «целью» сновидения.

[12] В. М. Вундт (1832 — 1920) — немецкий психолог и философ, один из основоположников современной экспериментальной психологии. Автор многотомной «Психологии народов». В его лаборатории впервые был предложен «ассоциативный эксперимент»: испытуемый должен был назвать первое пришедшее ему в голову слово в ответ на слово-раздражитель. Этот эксперимент был теоретически переосмыслен К. Г. Юнгом в духе психоанализа. Излюбленный метод Фрейда — свободные ассоциации — имеет несомненную генетическую связь с ассоциативным экспериментом.

[13] Сегодня термин «гипнагогические галлюцинации» имеет несколько иной смысл. Описываемые И. Мюллером феномены присущи психически здоровым людям и в действительности являются фрагментами сновидений. Сегодня под гипнагогическими галлюцинациями понимается «рудиментарная форма» истинных зрительных галлюцинаций, возникающих при засыпании. Гипнагогические галлюцинации часты в клинике алкогольного абстинентного синдрома и обычно предвещают развитие белой горячки.

[14] А. Шопенгауэр (1788 — 1860) — немецкий философ, считавший, что разуму человека противостоит слепая «воля к жизни». Наряду с «Эросом» Платона, «воля к жизни» Шопенгауэра оказала влияние на теорию «инстинкта жизни» (либидо) у Фрейда.

[15] Г. Т. Фехнер (1801 — 1887) — основатель «психофизики», изучал связь между силой раздражения и силой ощущения. Фехнеру принадлежит идея об особой психической энергии, которая стремится к равновесию. Разрядка психической энергии вызывает чувство удовольствия. Психологическим эквивалентом теории Фехнера, оказавшей большое влияние на З. Фрейда, является принцип «снятия напряжения».

[16] Утверждения о Божественной природе сновидений встречаются и в научных трудах последних десятилетий. Кроме того, сновидению приписываются телепатические, «трансперсональные» свойства: одно и то же сновидение может одновременно сниться нескольким людям, дневные впечатления одного человека возникают в сновидении другого, близкого ему.

[17] Этот жестокий поступок вполне согласуется с законами «первобытного мышления» (Л. Леви-Брюль), не ведающего разницы между сном и бодрствованием, человеком и изображением, телом и тенью. У многих африканских племен в прошлом столетии существовал обычай карать смертью за «насилие над тенью». Человек, пронзивший тень другого копьем, карался как за настоящее убийство.

[18] Дословно: «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца: а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей» (Первое послание Иоанна, 3; 15).

[19] Дословно: «А исходящее из уст — из сердца исходит; сие оскверняет человека. Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления». (Евангелие от Матфея, 15; 18 — 19). Эти слова становятся понятными, если вспомнить, что «сердце» в Библии — отнюдь не просто анатомический термин, а сложный, как поэтический, так и философский символ (см. Б. П. Вышеславцев «Сердце в христианской и индийской мистике» в журн. Вопр. философии. 1990, № 4. С. 62 — 87). Комментарий к Новому Завету католического издательства «Жизнь с Богом» указывает, что в данном отрывке сердце является символом «воли и подсознания».

[20] В богословии существует особый термин «пролог», обозначающий «зачаток греха».

[21] И. Кант (1724 — 1804) — великий немецкий философ, автор гипотезы о происхождении солнечной системы. Под-

черкивал субъективность познания, сущность вещей считал недоступной для познающего («вещь в себе» и «вещь для нас»). В восприятии человека мир предстает как совокупность символов, иероглифов. Некоторые отечественные марксистские критики Фрейда обвиняли его в кантианстве, отождествляя символику сновидений с кантовскими «иероглифами». Единственным аргументом здесь было лишь огромное желание «философов» приписать Фрейду «субъективный идеализм».

[22] Здесь речь идет, по сути, о гипотезе «гипнотоксина», вещества, вызывающего сон. Эта гипотеза была подтверждена в экспериментах на животных, в том числе на так называемой двухголовой собаке. Экспериментальная модель: голова щенка (северной лайки) включалась в кровоток взрослой собаки (овчарки). Электрошок, пережитый овчаркой, вызывал соответствующие изменения в электроэнцефалограмме головы щенка. Значительную долю сна обеих голов составлял «совместный сон». Сходные изменения регистрировались и при исследовании сиамских близнецов, хотя полной синхронности сна не наблюдалось и в этих исследованиях. Выявлено, что регуляторы сна имеют пептидную природу: например, пептид, индуцирующий дельта-сон, фактор сна «S», снотворная субстанция СС (подробно о гуморальных факторах сна см. в монографии А. М. Вейна и К. Хехта «Сон человека». — М.: Медицина, 1989. С. 21 — 60).

[23] Этот отрывок чрезвычайно наглядно демонстрирует нам, что «сексуальная символика» сновидений отнюдь не была открытием Зигмунда Фрейда.

[24] Существуют два психопатологических синдрома, которые сходные в своих проявлениях со сновидениями: онейроид (онейрос-сон) и делирий. Онейроидные переживания чрезвычайно масштабны, обнаруживают особое сходство с сюжетами мифов, сопровождаются восторженно-экстатическим эмоциональным состоянием. Внешне они скорее напоминают «сны наяву», фантазии. Большее структурное сходство со сновидениями обнаруживают делириозные переживания. Как делирию, так и онейроиду предшествуют нарушения сна, вплоть до полной бессонницы в течение нескольких дней. Это в особенности касается белой горячки — алкогольного делирия. Иногда перед развитием психоза у больных отмечаются устрашающие сновидения, по содержанию близкие к психотическим переживаниям.

[25] Это замечание Фрейда оказалось пророческим: сегодня существует обширная литература, посвященная изменениям сновидений и сна у психически больных. Преобладающей тенденцией здесь является попытка увидеть в сновидении «симптомы» психической болезни. Обзор этих исследований содержится в монографии В. Н. Касаткина «Теория сновидений». М.: Медицина, 1983. С. 13 — 15.

[26] Этот библейский эпизод иронически переосмысливается в строках Г. Гейне: «За тучными коровами следуют тощие, за тощими — отсутствие мяса». Далеко не все сновидения в Библии имеют столь «прозрачный» смысл и кажутся «искусственными». В частности, Иосиф впервые проявил свой дар толкователя в тюремной камере, где изъяснил смысл сновидений двум слугам фараона, впавшим в немилость — хлебодару и виночерпию. Хлебодару снилось, что у него на голове три решетчатых корзины, в верхней из которых «всякая пища фараонова, изделие пекаря, и птицы (небесные) клевали ее из корзины на голове моей» (Быт. 40, 17). Иосиф объясняет, что три корзины соответствуют трем дням, после чего хлебодар будет повешен и «птицы (небесные) будут клевать плоть твою с тебя». В этом толковании наиболее интересно отождествление плоти и хлеба — «изделие пекаря». Что касается отождествления числа предметов и числа дней, то народное толкование сохранило этот принцип до настоящего времени. Нам известен случай, когда приговоренный к смертной казни человек увидел во сне покойного отца, который плакал и держал в руках три спички. Видевший сон сам истолковал его так, что жить ему осталось всего три дня.

[27] Ассоциации по созвучию в мышлении играют существенную роль. Еще Аристотель указывал на них как на один из видов логических ошибок — паралогизмов. Несомненно влияние этих ассоциаций в художественном творчестве, а также в конструировании острот (каламбуров), о чем З. Фрейд подробно пишет в монографии «Остроумие и его отношение к бессознательному». Использование созвучия типично для болезненных расстройств мышления, в частности, Е. А. Шевалев считает ассоциирование по созвучанию одним из механизмов «паралогического» мышления. Данный феномен выявляется и при экспериментально-психологическом исследовании.

[28] Жозеф (Иозеф) Брейер (1841 — 1925) — венский невро

патолог и психиатр, сотрудник З. Фрейда на ранних этапах его работы. Совместно с Фрейдом разработал «катарктический» метод лечения истерии: пациент, погруженный в состояние гипнотического сна, вспоминал вытесненные из сознания психотравмирующие переживания и эмоционально «отреагировал» их, после чего грубые истерические симптомы исчезали. Впоследствии, сохраняя принцип «катарсиса» (очищения), З. Фрейд отказался от применения гипноза. В своих работах он указывает, что открытие «катарктического метода» принадлежит Брейеру.

[29] Это высказывание З. Фрейда дает основание для распространенного, но совершенно ошибочного взгляда, будто сновидение рассматривается Фрейдом как «болезненный, невротический симптом». Фрейд лишь применяет для толкования сновидения тот же метод, что и для выяснения смысла невротических симптомов, но само сновидение рассматривает как «полноценный психический акт», присущий каждому здоровому человеку. Сходство же сновидения и психопатологических расстройств лишь подчеркивает, что болезненные расстройства не «создают ничего нового, а лишь искажают нормальные взаимоотношения психических прогрессов».

[30] Внимательному читателю здесь становится ясно, что упрек в том, что З. Фрейд создатель очередного (в основном сексуального) «сонника», явно несправедлив. Один и тот же образ может символизировать совершенно различные мысли. Единственный путь к «дешифровке» символа — толкование его вместе со свободными ассоциациями пациента. Но даже при тождественном значении символа он приобретает совершенно иной, субъективно окрашенный «личностный смысл» в переживаниях каждого конкретного человека.

[31] Инъекции лекарств, столь обычные в наши дни, во времена З. Фрейда были достаточно редкой и ответственной врачебной манипуляцией. О благоговейном отношении к этой процедуре говорит то, что металлические части шприца изготовлялись из серебра, серебряными были и небольшие стерилизаторы. Необходимость произвести инъекцию являлась поводом для отдельного врачебного визита и, как видно из анализа сновидения, З. Фрейд сам производил инъекции своим пациентам на дому.

[32] Впоследствии Фрейд резко критикует прямое сообщение пациенту смысла его симптомов и даже называет такую методику «диким психоанализом».

[33] Исследование кокаина, произведенное З. Фрейдом, вызывало у него двойственные чувства. Прежде всего он сожалел, что не довел это исследование до конца и не ему досталась слава открытия анестезирующего действия кокаина. Впервые кокаин применил его коллега — венский врач Коллер в офтальмологической практике. В отечественной науке первооткрытие анестезирующего действия кокаина приписывается русскому фармакологу В. К. Анрепу (1879 г., за 8 лет до исследований Фрейда). Фрейд испытывает угрызения совести, поскольку против воли стал сооткрывателем свойств вещества, оказавшегося сильным наркотиком. Далеко не каждый ученый задумывался о негативных социальных последствиях своего труда. Открытие анестезирующего свойства кокаина привело к значительно более тяжким последствиям, чем мог предположить З. Фрейд. Сегодня кокаинизм — одна из наиболее тяжелых и распространенных на Западе форм наркоманий, а борьба с наркомафией, в которую оказались втянутыми даже политические лидеры, принимает подчас характер кровопролитной войны.

[34] Среди врачей, особенно неврологов, существовала традиция осматривать пациентов полностью обнаженными. Эта традиция сохранилась и поныне. Вместе с тем, подобный осмотр (в частности, если врач-мужчина осматривает молодую и красивую женщину) порождает ряд понятных проблем. Со стороны истеричных пациенток часты были обвинения сексуального характера в адрес врачей, поэтому врачи «страховали» себя, производя осмотр в присутствии близких родственников больной. Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина» дал блестящее описание врачебного осмотра больной Китти.

[35] Дифтерия — тяжелое инфекционное заболевание, известное с глубокой древности под названием «сирийская болезнь», «удушающая болезнь». Местный воспалительный процесс (фибринозное воспаление), развертывающийся чаще всего в области миндалин и прилежащей части зева, носит название дифтерита или крупа.

[36] Триметиламин — вещество из группы аминов, содержащееся в различных тканях (мозг, печень, мышцы, почки), из организма выделяется с мочой. Представляет собой газ,

хорошо растворимый в воде. Биологическое значение триметиламина не вполне изучено. Формула триметиламина, которую так отчетливо видел во сне З. Фрейд, — $(CH3)_{3N}$.

[37] Сновидение — осуществление желания. Это, несомненно, главное в теории З. Фрейда. Изучение электроэнцефалографической картины сна у животных (Т. Н. Ониани и соавторы) позволило выделить в фазе «быстрого», «парадоксального» сна две подфазы. Электроэнцефалографическая картина первой подфазы свидетельствует о значительном эмоциональном напряжении и соответствует таковой в период поиска, напряженного бодрствования. Вторая подфаза соответствует расслаблению, «снятию напряжения» В состоянии бодрствования подобная картина электроэнцефалограммы соответствует состоянию удовлетворенной потребности (пищевой, питьевой и сексуальной). По мнению Т. Н. Ониани, первая подфаза соответствует развитию потребности, а вторая — ее удовлетворению или имитации удовлетворения. Сходные данные получены и зарубежными исследователями, которые, по выражению А. М. Вейна, «использовали эти данные для развития и подкрепления теории З. Фрейда».

[38] Своего рода «экспериментальной моделью», подтверждающей положения теории З. Фрейда, являются сновидения больных алкоголизмом, воздерживающихся от употребления спиртного. Сновидения, в которых пациенты распивают водку, часто являются первым симптомом возобновления патологического влечения к алкоголю.

[39] Дополним это собрание детских сновидений двумя примерами из собственной практики. Двухлетняя Юля просыпается и ищет большое красное яблоко, которое «только что лежало на подушке». Пятилетнему Вите был обещан поход в оперный театр на балет Чайковского «Лебединое озеро». Накануне спектакля ребенок получил ожог, и родители не повели его в театр, сказав, что «спектакль отменен». Ночью ребенку снится, что он сидит в яме и слышит громкий голос, спрашивающий, чего он хочет. Ответ: «Я хочу увидеть лебединое озеро». Тотчас невидимая сила выбрасывает его на берег озера, по которому «плавают лебеди, как в зоопарке».

[40] Сегодня мы уже можем кое-что сказать по этому поводу. Во-первых, у млекопитающих регистрируется фаза «быстрых движений глаз», соответствующая сновидениям, а также характерная для переживания сновидения электроэнцефалограмма. О содержании сновидений животных помогают судить эксперименты с разрушением стволовых структур, ответственных за расслабление мышечного тонуса во время сна. Подопытные животные ведут себя в соответствии с содержанием их сновидений. Выяснилось, что они либо охотятся, либо предаются «любви».

[41] В. Гризингер (1817 — 1868) — немецкий врач, один из основоположников современной психиатрии, автор концепции «единого психоза». Конкретные формы психических расстройств Гризингер считал лишь стадиями единого патологического процесса, имеющего органическую природу.

[42] Э. Гартманн (1842 — 1906) — немецкий философ. Основой сущего считал абсолютное бессознательное начало, мировую волю. Бессознательное у Гартманна — вневременно и внеличностно, в чем и состоит главное отличие понимания бессознательного у Гартманна и Фрейда.

[43] Это сновидение о «любовной службе» З. Фрейд полностью приводит в девятой лекций по введению в психоанализ, сопроводив его кратким комментарием. Фрейд отмечает, что сновидение в целом напоминает дневную фантазию, оно очень связно и последовательно. Выпадения слов в тех местах, которые таят в себе наибольшую непристойность, и замена их нечленораздельным бормотанием очень напоминают действие цензуры. Возьмите-ка какую-нибудь политическую газету и вы найдете, что в нескольких местах текст изъят. На этих местах было нечто, что не понравилось высоким цензурным властям, и оно было удалено. Вы думаете: «Как жаль, это было, может быть, самое интересное, самое лучшее место».

[44] В дальнейшем из этих наблюдений родится знаменитая тройственная структурная формула психики: «Оно», «Я», «Сверх-Я». Фактически здесь, несмотря на то что речь идет о двух структурах, подразумевается три: третья, неназванная, — сознание.

[45] Русский аналог этой грубоватой шутки — знаменитое пушкинское:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь.
Почему ж он заседает?
Потому, что ж...а есть.

[46] Прерванный половой акт (лат.).

[47] Ленау Николаус (псевдоним Нибша фон Штреленау; 1802 — 1850) — австрийский поэт, автор поэм «Альбигойцы», «Фауст», «Иоган Жижка» и др.

[48] Депривация быстрого сна влияет на уровень запоминания избирательно: не снижая способности к запоминанию эмоционально нейтрального, незначимого материала, она ухудшает способность к запоминанию значимого, аффективно насыщенного материала. Экспериментальные исследования Р. Гринберга (1970) показали, что гипотеза о том, что в быстром сне «отбрасывается» бесполезная информация, неверна, иначе у лиц, лишенных быстрого сна, аккумулировалась бы бесполезная «лишняя» информация, что должно было сказаться на познавательной деятельности испытуемых.

[49] «Закрой мясную лавку» — «застегни ширинку» (немецкое идиоматическое выражение). В русском языке: «Спрячь свое хозяйство».

[50] Эти переживания ребенка в дальнейших работах Фрейда получили название «кастрационного комплекса».

[51] Символ «пальто» в сновидениях женщин, по мнению Фрейда, обозначает мужчину. В подтверждение этой символики Фрейд ссылается на брачный церемониал у бедуинов, когда жених накрывает невесту особым плащом и произносит ритуальные слова: «Отныне никто не должен покрывать тебя, кроме меня».

[52] Речь идет о «праве первой ночи»: в средние века феодал имел право проводить первую ночь с любой девушкой, выходившей замуж за его подданного.

[53] «Пятьдесят лет назад» и «пятнадцать лет назад» (англ.). По-английски эти выражения звучат почти тождественно.

[54] Выражение «пас свиней» здесь не следует трактовать буквально. Речь идет о знаменитой библейской притче о блудном сыне, покинувшем дом отца, промотавшем свое состояние и дожившем до того, что пас свиней (для евреев — нечистых животных), спал и ел с ними (Евангелие от Луки, 15; 11 — 24).

[55] От дуновения были рассеяны (лат.).

[56] Недержание кала (лат.).

[57] Горшок, придворный советник (лат.) На русском языке игра слов утрачивается.

[58] Ф. Грильпарцер (1791 — 1872) — выдающийся австрийский драматург.

[59] Сколько стоит Грац? (нем. идиома). Аналог — фраза из кинофильма «Искатели счастья»: «Сколько стоит этот пароход?», вошедшая в поговорку.

[60] Следует напомнить, что не только дефект одежды может быть символическим выражением наготы, но и сама по себе нагота может быть символом чего-либо иного. В европейской культуре нагота чаще всего символически выражает бедность, свободу, непорочность. Наиболее проста ассоциация между наготой и бедностью («С миру по нитке — голому рубашка»; «Нагим я вышел из чрева матери моей, нагим возвращусь», — говорит впавший в нищету Иов). Связь между наготой и свободой более сложна и идет от противоположности: одежда часто причиняет неудобства, стесняет нас (необходимость соблюдать традиции в известных случаях и надевать при этом строгий костюм, невзирая на летнюю жару). Строгие традиции в отношении одежды были совершенно обязательны во времена З. Фрейда, и явное нарушение их могло выражать стремление к освобождению. В конечном счете эксгибиционистский акт ребенка (и еще в большей степени взрослого) — своеобразная форма протеста против запретов, налагаемых родителями и обществом. В этом отношении эксгибиционизм — «самое социальное» половое извращение. Нагота была одной из форм молодежного протеста в 60-е годы на Западе. Сегодняшнее увлечение эротикой в нашей стране имеет четкий компонент социальности, «преодоления запрета», «освобождения». И наконец, символическое значение наготы — непорочность — выглядит отнюдь не парадоксом, если вспомнить Библию: стремление скрыть наготу пришло вместе с грехом. Святая Мария Египетская, подвизавшаяся в пустыне, как Ева в раю, была совершенно обнаженной, ибо полностью освободилась от греха (здесь совпадают символы «освобождения» и «непорочности»).

[61] Дефект туалета может также символически выражать дефект тела. В отличие от дефекта тела, небрежность в одежде — вещь легко поправимая, и поэтому подобное замещение всегда желательно для видящего сон. Иллюстрацией может послужить весьма почтенный по возрасту анекдот: женщина делает замечание мужчине, что его смокинг «безобразно измят и грязен». Мужчина отвечает женщине, что она сама «без-

образна», и напоминает, что смокинг он завтра сменит (чего не сможет сделать женщина со своим лицом). Подобный мотив нами часто регистрировался в сновидениях лиц с грубыми физическими дефектами. Принцип осуществления желания в этих сновидениях можно сформулировать так: «Мой дефект легко устраним, к тому же окружающие его не замечают». Подобные наблюдения соответствуют теоретической концепции А. Адлера.

[62] То, что здесь (и далее) З. Фрейд пишет о паранойе, не имеет отношения к современному диагностическому определению этого заболевания в нашей стране. Сегодня выделяют так называемую «паранойяльную психопатию», со стеничностью, ригидностью, склонностью к образованию «сверхценных идей», а также «паранойяльную шизофрению», более соответствующую старому понятию «паранойи»: постепенно формирующийся, систематизированный, тесно связанный с реальными фактами бред. Черты собственно шизофренического дефекта выражены слабо, что заставляет, рассматривать «паранойяльную шизофрению» вне общей классификации, как «особую форму». Переживания, описываемые З. Фрейдом, более соответствуют не паранойяльному, а параноидному синдрому, типичному для бредовой формы шизофрении.

[63] Г. Келлер (1819 — 1890) — швейцарский писатель (писал на немецком языке). Роман «Зеленый Генрих» (1855) — одно из самых популярных произведений Келлера.

[64] Навсикая — прекрасная юная дочь царя феаков Алкиноя и Ареты. По божественному вдохновению пришла с подругами на берег моря, где и обнаружила потерпевшего кораблекрушение Одиссея.

[65] Сновидения, содержащие мотив «наготы» и одновременного «смущения», достаточно часто встречаются и в наших наблюдениях, отличительной чертой которых является более демонстративный и грубый характер «неглиже», его большая определенность. Очевидно, «цензура» сновидений обнаруживает зависимость от социальных и культурных факторов. Приведем пример, сообщенный доцентом Р.: «Я читаю лекцию, стоя за трибуной. С ужасом вижу, что нижняя половина моего тела совершенно обнажена, но этого никто не замечает. Студентка К. выходит к доске и что-то на ней пишет, затем просит «посмотреть, что у нее получилось». Я поворачиваюсь к ней лицом, досадую, что она заставила меня сделать это. То, что написано на доске, — совершенно бессмысленно. Тем не менее я хвалю К.»

[66] В настоящее время установка «соперничества» среди родных братьев и сестер, иногда доходящая до крайней враждебности, является бесспорным фактом. Во времена З. Фрейда его позиция казалась необычной и ложной, хотя история двух «первых братьев» — Каина и Авеля (а также других, не менее известных братьев — Ромула и Рема) должна была бы заставить задуматься тех, кто представляет внутрисемейные отношения сугубо идиллическими.

[67] Далеко не всегда подобное отношение к смерти действительно характерно для детей, по крайней мере, отношение к перспективе собственной смерти. Это особенно заметно в семьях атеистического воспитания, когда родители объясняют детям, что через тысячу лет их уже «просто не будет». Вот так отразилось подобное сообщение в сновидении пятилетнего Вити: «Я еду в вагончике и смотрю по сторонам. Мы едем по городу, где вместо домиков часы, как у нас на стенке (речь идет о детских ходиках), Туда забегают и оттуда выбегают мышки. Кто-то говорит, что это мышки-минутки, которые будут есть меня до тех пор, пока меня не будет совсем».

[68] Власть отца семейства (лат.). Юридический термин, обозначающий власть отца, ограничиваемую лишь религией и общественным мнением.

[69] Приведем весьма демонстративный пример реализации «эдиповых» фантазий ребенка в игре. Четырехлетний Миша предлагает родителям сыграть в «Муху-цокотуху»: отцу отводится роль Паука, матери — Мухи, а сын собирается исполнить роль Комара. Для тех, кто забыл сказку К. Чуковского, напомним, что Комар убивает Паука и женится на Мухе. Остается лишь предполагать, ребенок открыл «эдипову» подоплеку сказки или она бессознательно присутствовала у автора

[70] Э. Джонс (1879 — 1958) — английский психоаналитик, один из членов кружка возникшего вокруг Фрейда в первые годы его психоаналитической работы. Джонс «открыл» психоанализ англоязычному миру, был одним из основателей Американской психоаналитической ассоциации и Британского психоаналитического общества.

[71] Солон (ок. 640 — 560 до н. э.) — афинский политиче-

ский деятель и поэт. В античное время был причислен к «Семи мудрецам». В 594 г. до н. э. стал архонтом и был наделен чрезвычайными полномочиями. Реформировал законодательство, в частности упразднил институт «рабства за долги».

[72] «День гнева, день этот» (дат.) — первая строка секвенции, входящей в католическую заупокойную мессу, реквием. Текст песнопения рисует картину Страшного Суда: «День гнева, день этот испепелит мир». На русский язык текст этой секвенции переводил А. Фет.

[73] Иной, чрезвычайно интересный взгляд на сновидения об экзаменах высказывал А. Адлер, считавший основным источником сновидений — пережитые конфликты и проблемы, которые не всегда носят сексуальный характер. Сновидения об экзаменах часто возникают у людей, чья жизнь подвергается опасности, например, у солдат перед атакой. Эти данные тем не менее не нарушают концепцию З. Фрейда об осуществлении желаний в сновидении.

[74] Здесь завершается перевод М. К., исправленный и дополненный доктором Я. М. Коганом по седьмому немецкому изданию «Толкования сновидений» в 1930 г. В этой части текста сохранены авторские примечания с пометками Я. К.

[75] При анализе сновидений о зубной боли Фрейд, к сожалению, отступает от основного принципа трактовки символов «метафорического отождествления»: зуб становится символом мужского полового члена именно потому, что они не имеют никакого сходства. Итак, часть предметов может быть символом гениталий, поскольку эти предметы имеют с ними некое сходство, другая часть может быть символом гениталий, потому что не имеет с ними сходства. Вывод отсюда один: любой предмет может быть символом гениталий. Отметим также, что в сновидениях, наблюдаемых нами у нескольких невротиков, имевших явные, навязчивые тенденции к мастурбации в зрелом возрасте, мотив зубной боли и удаления зубов практически не звучал. Существует иная, на наш взгляд более реалистичная, трактовка сновидений о зубной боли. Она базируется на инфантильной фантазии о «зубастой вагине». В этой фантазии женские гениталии приобретают зубы и становятся угрозой для стремящегося к половой близости (страх кастрации). Удаление зубов в сновидении может символизировать устранение такой угрозы. Реальность страха «зубастой

вагины» была подтверждена в экспериментально-психологических исследованиях с применением теста Роршаха.

[76] Фаллос (греч.) — мужской половой член. Изображения крылатых фаллосов носили в Древней Греции во время празднеств в честь бога Диониса. В «Лекциях по введению в психоанализ» З. Фрейд вполне определенно подтверждает свою трактовку сновидений о полетах. Летательные аппараты (воздушные шары, самолеты, цеппелины) также могут быть симаволическим изображением эрекции полового члена или клитора у женщин. Эрекция часто регистрируется во время фазы «быстрого сна» (Каракан, 1970, 1975).

[77] В. Штекель (1868 — 1940) — немецкий сексолог и психоаналитик. Был сторонником «активного психоанализа», считавшим активность наилучшим средством для сокращения сроков лечения. Психоаналитик, по мнению Штекеля, должен был с помощью «интуитивного инсайта», «вчувствования» проникнуть в бессознательное пациента и активно помочь ему избавиться от комплексов.

[78] А. Адлер (1870 — 1937) — австрийский психиатр и психоаналитик, его имя многократно упоминалось нами в «Примечаниях». Будучи одним из ближайших учеников З. Фрейда, А. Адлер разошелся с ним во взглядах и основал новое направление «Индивидуальную психологию». С именем Адлера связаны такие понятия, как «стремление к власти», в качестве основной движущей силы человеческой психики, «комплекс неполноценности», «компенсация», «сверхкомпенсация», получившие значительное распространение. Бисексуальность и переход от женского начала к мужскому для Адлера были тесно связаны с его основной проблематикой: соотношением власти и зависимости. Адлеру принадлежит термин «вверху и внизу». Имеется в виду, что в каждой душе, мужской или женской, имеется бессознательное представление о мужественности как «идеале», а о женственности как об «ущербности», «деградации» мужского начала. Иными словами, мужчина «наверху», он повелевает, а женщина «внизу», ее удел — униженность и зависимость. Для Адлера переход от женского начала к мужскому — это реализация стремление к власти, преодоления зависимости. Основной принцип З. Фрейда «сновидение — осуществление желания» при этом сохраняется.

[79] Дословно «половой акт сзади» (лат.), одна из распростра-

ненных поз партнеров во время сексуального акта. В современной сексологической литературе применяется французский термин «положение а ла важ» («как корова») либо коленно-локтевое положение. Приводимый Фрейдом пример — яркое свидетельство сексуальной закрепощенности его пациентов.

[80] Тарквинии — аристократический род из этрусского города Тарквинии, к этому роду принадлежали римские цари Тарквиний Приск и Тарквиний Гордый.

[81] Этот отрывок — единственное место в монографии Фрейда, которое могло дать Н. Набокову материал для уничтожительного замечания об «угрюмых эмбриончиках, из природных укрытий подглядывающих угрюмое родительское соитие». Ясно, что В. Набоков был не только непримиримым критиком Фрейда, но и очень внимательным его читателем.

[82] Страх быть погребенным заживо мучил, в частности, Н. В. Гоголя в последние годы его жизни. В своем «Завещании» он просил не хоронить его до тех пор, пока на теле не появятся явные признаки разложения. Народное предание утверждает, что опасения Гоголя осуществились, при переносе его останков якобы было обнаружено, что тело лежит на боку и ногти значительно выросли. Этот эпизод послужил «материалом» для одного из стихотворений А. А. Вознесенского.

[83] К. Абрагам (Абрахам) (1877 — 1925) — первый психоаналитик в Германии. Применял психоаналитический метод при изучении маниакально-депрессивного психоза, писал о ранних стадиях развития либидо, характерологических типах, символике сновидений.

[84] Символ лестницы в мировой культуре имеет не столько сексуальный, сколько мистический характер. Речь идет о лестнице, соединяющей небо и землю, как в знаменитом сновидения Иакова: «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней» (Быт. 28; 12). См. раздел «Небесная лестница» в кн. Д. Фрэзера «Фольклор в Ветхом завете».

[85] Несколько лет назад нам стал известен способ проверки качества галстуков. Галстук складывается пополам, вдоль вертикальной оси, проверяется, на какую высоту он может «стоять», удерживаемый двумя пальцами у основания. Чем больше длина, тем лучше галстук. Похоже, что этот способ «проверки» подтверждает мнение З. Фрейда.

[86] Мошонка (лат.).

[87] Ночное недержание мочи (лат.).

[88] «Восхождение к Парнасу» — сборник произведений Клементи, предназначенный для развития фортепианной техники.

[89] Далее в тексте «Фауста» следует еще более откровенный отрывок:

Мефистофель: Я видел любопытный сон.
Ствол дерева был расщеплен.
Такою складкой шла кора,
Что мне понравилась дыра.

Старуха: Любезник с конскою ногой,
Вы — волокита продувной.
Готовьте подходящий кол,
Чтоб залечить дуплистый ствол.

Перевод Б. Пастернака.

[90] А. Доде (1840 — 1897) — французский писатель, романист и драматург, автор романа «Сафо» (1884). Стихи крупнейшей поэтессы античности Сафо (родилась около 650 г. до н. э., дата смерти неизвестна), жившей на острове Лесбос, давали основания для предположений о ее пристрастии к юным девушкам, воспитательницей которых она была. Отсюда — распространенный термин «лесбийская любовь», что и имеет в виду З. Фрейд. И все же безоговорочно приписывать Сафо (Сапфо) сексуальную инверсию на основании ее стихов неправильно. Вспомним строки Катулла:

«Сердце чистым должно быть у поэта, но стихи его могут быть иными».

[91] Джордж Элиот (настоящее имя Мэри Анн Эванс) (1818 — 1880) — английская писательница, автор романов и стихотворных драм.

[92] Группа средств, возбуждающих половое желание и повышающих потенцию.

[93] Ф. Гальтон (1822 — 1911) — английский ученый-антрополог, основоположник так называемой евгеники, науки об «улучшении человеческой породы». Отношение к идеям Гальтона в СССР было крайне отрицательным, вместе с тем, некоторые из разработанных Гальтоном принципов вошли в практику современного генетического консультирования.

[94] В. М. Бехтерев (1857 — 1927) — крупный отечествен-

ный ученый и клиницист, психиатр и невропатолог. Считал, что главный принцип в психологии — принцип рефлекса, и в противоположность академической школе назвал психологию рефлексологией и всячески избегал употребления классических психологических терминов. Естественно, статья В. М. Бехтерева не могла понравиться З. Фрейду.

[95] Ф. Лассаль (1825 — 1864) — немецкий социалист, деятель рабочего движения.

[96] Старое прочтение русской транскрипции имени Эмиля Золя «Зола» сохраняется, так как иначе пропадает «игра слов», ключевая в данном примере анализа сновидений. Роман «Творчество», о котором упоминает З. Фрейд, написан в 1886 г.

[97] «Делает тот, кому выгодно» (лат.).

[98] Термин «коллатеральный» чаще всего применяется по отношению к кровеносным сосудам. Помимо главной артерии, снабжающей кровью тот или иной орган, к нему подходят и боковые ветви других артерий. При поражении основной артерии кровоснабжение осуществляется за счет коллатеральных, что частично компенсирует дефект. Термин «коллатеральные мысли», употребляемый Фрейдом, является образным сравнением (collateralis (лат.) — боковой).

[99] «Улица», «вилла» (итал.), в русском переводе созвучие и сходство в написании этих слов отсутствует.

[100] В русском языке — аналогичное выражение «Закрыть глаза на...» либо «Смотреть сквозь пальцы на...».

[101] Именно таково содержание сновидения итальянского поэта эпохи Возрождения Данте да Майяно, сонет которого служит эпиграфом к вступительной статье.

[102] «Не живет» и «Не жил» (лат.).

[103] Жил для спасения Родины — недолго, но до конца (лат.).

[104] Умрем за нашего короля! (лат.). Мария-Терезия (1717 — 1780) — императрица «Священной Римской Империи».

[105] «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» — первые строки 136 псалма, в котором выражена тоска изгнанного и плененного народа об утраченном Отечестве. Псалом многократно переводился, известен, в частности, перевод Г. Гейне. В литургической практике Православной церкви 136 псалом поется перед Великом Постом.

[106] Фрейд шутит, намекая на избиение младенцев по приказу царя Ирода.

[107] Эту мысль прекрасно выражает поговорка: «Не мы, так наши дети». Одной из частых причин семейных, конфликтов и кризисов является навязывание родителями детям той программы поведения, которую хотели, но не смогли реализовать сами.

[108] «Богатство наций» и «Материя и движение», затем — «Это из...», «Это принадлежит...» (подразумевается — принадлежит перу).

[109] Амбулаторный автоматизм — один из эквивалентов эпилептического припадка, во время которого больной совершает сложные, внешне целенаправленные действия. По выходе из приступа ничего не помнит о происшедшем.

[110] Эта очень тонкая мысль З. Фрейда верна не только по отношению к сновидениям, но и к сознательному поведению человека, который старается что-то скрыть. Известно, что утаить причину плохого настроения значительно легче, чем скрыть само плохое настроение. Мы распознаем ложь не только по содержанию слов, но и по эмоциональным реакциям того, кто говорит. Все методики «полиграфии» (так называемого «детектора лжи») основаны на этом принципе.

[111] Здесь следует указать на параллели между мышлением в сновидении и так называемым первобытным мышлением, для которого также характерна «нечувствительность к противоречию», одновременное сосуществование противоположных представлений. Леви-Стресс считает основным качеством мышления первобытных народов оперирование противоположностями и выделяет целый ряд основных противоречий первобытного мышления.

[112] «Уйди, и я займу твое место» (франц.). В русском языке та же мысль выражается поговоркой «Извини — подвинься».

[113] Читатели романа И. Ильфа и Е. Петрова найдут здесь в монографии З. Фрейда источник, из которого О. Бендер заимствовал свое любимое выражение.

[114] Дословно: «Это — морская звезда? Это — живое?» — «Да, он живой» — (англ.). В английском языке «он» и «она» в отношении животных не употребляются, в этом и заключается ошибка З. Фрейда в диалоге с маленькой девочкой.

[115] В русском языке возможны оба варианта — как «it is from» — «это из сочинений» Н., так и «it is by» — «это принадлежит перу» Н.

[116] В современной психиатрии термин «эндогенный» используется в общей классификации психических расстройств. При этом имеется в виду, что эндогенные психозы имеют причину в первичной дисфункции нервной системы и не обусловлены каким-либо внешним по отношению к мозгу фактором. К данной группе относятся шизофрения (во времена З. Фрейда известная под названием «раннего слабоумия» и понимаемая скорее как группа различных болезней) и маниакально-депрессивный психоз. По некоторым классификациям к той же группе относится и шизоаффективный психоз либо атипичные психозы Клейста — Леонгарда. В данном конкретном случае речь идет о бредовой форме шизофрении. В противоположность «эндогенным» психозам психические расстройства, вызванные травмами, интоксикациями, инфекциями и пр., носят название «экзогенных».

[117] Трактовка бреда в психоаналитической литературе многократно пересматривалась и усложнялась. Э. Блейлер считал многие бредовые идеи своих пациентов символическим выражением их внутренних желаний и представлений (феномен «аутизма»). Так, если пациентка заявляет, что она — Швейцария и Ивиков журавль, то это означает, что она должна быть свободна от чувства вины и независима.

Сэлливен рассматривает бред как болезненное «восстановление единства личности», в результате чего «отчужденные психические переживания», неприемлемые для личности больного, проецируются вовне и воспринимаются им как внешняя враждебная сила. Этот механизм особенно наглядно выявляется в психозах старческого возраста.

[118] По современным представлениям, утрата целенаправленности мышления при шизофрении обусловлена в основном дефицитом мотивации («амотивационный синдром»). Взгляды З. Фрейда на природу расстройств мышления при эндогенных психозах разделяются в настоящее время немногими исследователями.

[119] Галлюцинации и «видения» сегодня рассматриваются как безусловно психопатологические симптомы, их наличие несовместимо с понятием «психического здоровья». З. Фрейд, очевидно, имеет в виду фрагментарные образы сновидений, о которых психически здоровый человек отчитывается как о «галлюцинациях». Наличие галлюцинаций в современном понимании этого термина обычно несовместимо и с диагнозом невроза. Однако З. Фрейд относил к «психоневрозам» и откровенно психотические состояния (реактивные психозы).

[120] З. Фрейд все же не избежал искушения сопоставить «анатомическую» и «психическую» локализацию. В неопубликованной ранней статье «Проект» он, в частности, высказывает мысль о том, что бессознательное локализуется в области спинного мозга. Более современной, хотя и несколько завуалированной попыткой сопоставить «психическую локальность» в понимании Фрейда и анатомические структуры центральной нервной системы является концепция А. Р. Лурия о трех «блоках» головного мозга: «энергетическом», «информационном» и «блоке планирования и прогнозирования». Последний (по А. Р. Лурия) ответственен также за нравственно-этический контроль над поведением. Отказ З. Фрейда от прямых «анатомических параллелей» послужил неиссякаемым источником для обвинений в «дуализме» или «идеализме».

[121] Можно поразиться тому, как близки здесь рассуждения З. Фрейда к традиционным рефлексологическим концепциям, а также бихевиористскому подходу к анализу психической деятельности, хотя бихевиористы явно не захотели бы увидеть Фрейда в числе своих предшественников.

[122] Здесь, как и во многих других случаях, З. Фрейд использует диагностические критерии и принципы классификации болезней, которые не соответствуют современным представлениям. Страшные «зеленые лица с красными глазами» явно не являются галлюцинаторными переживаниями, а скорее — навязчивыми образными представлениями. Эпизод с «видением» брата, находящегося в сумасшедшем доме, скорее всего фрагмент сновидения. Галлюцинации, как мы уже отмечали выше, по современным представлениям, не присущи паранойе («паранойяльному синдрому»), З. Фрейд описывает переживания больных параноидной шизофренией.

[123] Необходимо остановиться на особенностях литературного стиля З. Фрейда, с которыми читатель сталкивается с самого начала книги и будет наблюдать их до ее конца. Говоря о психических структурах (сознание, бессознательное, либидо) либо феноменах (сновидение, мысли), Фрейд пишет о них так, будто речь идет о людях, имеющих свои намерения, цели и характерные способности поведения. Нехорошие мысли

«пользуются случаем, чтобы найти себе выражение», «сновидение выбирает себе... находит пути... деформируется под гнетом, цензуры». Эти особенности стиля дают критикам Фрейда основание для упрека в антропоморфизме, то есть приписывании психическим феноменам свойств целостной личности, подобно тому как природа очеловечивается в мифах.

Было бы весьма наивно полагать, что З. Фрейд действительно видел в каждом желании, каждой мысли, каждой психической структуре разумное живое существо. Речь идет о метафоре. Метафорический характер носит и приведенная выше схема «регрессивного течения мысли» от моторных структур — к воспринимающим. В дидактических целях Фрейд упрощает изложение материала, который даже при упрощении не воспринимается легко. Аналогичные проблемы возникают при чтении научных работ, посвященных, к примеру, биохимии либо нейрофизиологии. Фраза «нейромедиаторы, образующиеся в синаптической щели» при буквальном прочтении тоже может быть понята в том смысле, что нейромедиаторы образуются по собственной воле. Было бы желание обвинить автора в уклонении от «единственно верного Учения».

[124] Троекратное сопоставление (лат.), употребляется в смысле «тщательная проверка».

[125] Термин «перенесение» (трансфер) получил широкое распространение в психоанализе, однако не в том смысле, в каком его употребляет З. Фрейд в «Толковании сновидений». Обычно речь идет о «перенесении» на психоаналитика тех чувств пациента, которые он испытывает к другим лицам, чаще всего — к родителям. Привязанности и конфликты периода детства как бы воспроизводятся в процессе психоаналитической терапии.

[126] Более распространенный и более адекватный перевод этого термина — «вытесненное» либо — «подавленное».

[127] Наиболее полное развитие эти мысли З. Фрейда получают в работе «По ту сторону принципа удовольствия».

[128] Эта же мысль выражена в афоризме «Наши мысли — слуги наших страстей», а также в строках И. Крылова: «Тогда лишь стали люди жить, как начал ум страстям служить».

[129] Термин «спекуляция» обозначает умозрительное, не подкрепленное опытом, рассуждение и не имеет у Фрейда того предосудительного значения, как в современном языке.

[130] Имеется в виду Марк Лициний Красс, прозванный «богатым» (115 — 53 гг. до н. э.), составивший себе огромное состояние в период сулланских проскрипций. Убит в сражении с парфянами при Каррах. Биография Красса изложена Плутархом. Сегодня Красс известен в основном как победитель войск Спартака (71 г. до н.э.).

[131] Психическая энергия — одно из ключевых понятий психоаналитической теории. В период написания «Толкования сновидений» это понятие лишь обретало свое содержание. Необходимо иметь в виду то, что З. Фрейд вводил понятие «психической энергии» как гипотетическое, но способное объяснить наблюдаемые психические процессы и поведение. В известной мере аналогом этому понятию могут быть «демоны Максвэлла». Ничего общего с так называемой биоэнергетикой понятие психической энергии не имеет.

[132] Для этого (лат.).

[133] Имеется в виду бог Гор (Хор), который также изображался в виде сокола или крылатого Солнца. На погребальных барельефах часто изображается рядом с богом Анубисом (человек с головой собаки), ведущим душу умершего.

[134] Проведенные позднейшие исследования подтвердили, что маленькие дети, случайно ставшие свидетелями половых сношений, воспринимают действия партнеров как агрессивные, сравнивая происходящее с «борьбой», «дракой». Образные сравнения полового акта с «борьбой», «схваткой» достаточно распространены в античной литературе. См., например. «Золотой осел» Апулея.

[135] З. Фрейд приводит комментарий Дебаке к клиническому описанию, явно иронизируя. Действительно, для специалиста как во времена Фрейда, так и в настоящее время очевидна нелепость попытки объяснить ночной страх у мальчика недостатком кровоснабжения головного мозга. Термины «апиретическнй» (бестемпературный) и «навязчивый» бред давно вышли из употребления. Само по себе сочетание прилагательного «навязчивый» с термином «бред» в известной мере парадоксально, ибо навязчивые мысли воспринимаются как «чуждые» и их неправильность осознается пациентом, а бредовые идеи пациент воспринимает как «свои» и совершенно некри-

тичен к иим. Недоступность бредовых переживаний для логической коррекции является одним из кардинальных признаков бреда. Однако и теперь жива тенденция приписывать невротические, функциональные расстройства воздействию каких-либо «органических» факторов.

СОДЕРЖАНИЕ